

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

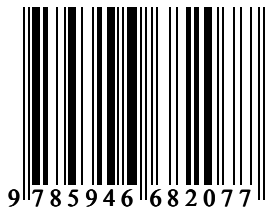
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии», тридцать второй по счету, в целом сохраняет традиционную структуру данного издания. Его авторы разрабатывают отдельные проблемы современной пушкинистики, особое внимание уделяя вопросам, актуальным для подготовки нового Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Раздел «Материалы и сообщения» открывается заметкой Е. О. Ларионовой, публикующей письмо А. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г., которое ранее печаталось с искажениями и неточностями. В статье А. Л. Осповата публикуются и анализируются новые материалы, связанные с легендой об оживающей статуе Петра I. А. А. Костин вводит в научный оборот ранее неизвестное стихотворение Б. М. Федорова на смерть Пушкина. Олег Проскурин представляет пушкиноведческие материалы из наследия Григория Осиповича Винокура.

В разделе «Обзоры» помещены две статьи, рассказывающие о рецепции творчества Пушкина в Венгрии и Испании, а также роспись содержания сборников «Болдинские чтения» с 1990 по 2015 год. В этом выпуске отсутствует традиционный обзор пушкиноведческой литературы — за 1999-й, юбилейный год; он слишком велик по объему и будет опубликован отдельной книгой.

Раздел «Статьи и заметки» состоит в основном из работ, уточняющих реальный и текстологический комментарий к различным пушкинским произведениям. Здесь также помещены статьи биографического и генеалогического характера.

В «Хронике» помещены обзор деятельности Всероссийского музея А. С. Пушкина за 2008–2012 годы и информация о Пушкинском летнем институте для старшеклассников Висконсинского университета (США).

Заканчивает выпуск раздел «In memoriam», где помещены материалы, посвященные недавно ушедшим пушкинистам — В. С. Бавскому, Л. А. Степанову и В. П. Старку.

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не указано особо, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16). Ссылки на это издание приводятся в скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской); дополнительный, «справочный» том, вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. О. ЛАРИОНОВА

ПИСЬМО Л. С. ПУШКИНА К С. А. СОБОЛЕВСКОМУ ОТ 26 ОКТЯБРЯ 1825 г.

Письма Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому за 1823—1826 гг. сохранились в составе рукописного сборника из архива Соболевского, озаглавленного владельцем «*Avant les voyages*» («До путешествий». — *фр.*), — томе переплетенных в хронологическом и тематическом порядке бумаг Соболевского (письма разных лиц, мемориальные документы, списки стихотворений и пр.), относящихся ко времени до отъезда Соболевского в первое европейское путешествие в 1828 г.¹ В сборнике имеется семь писем и записок Л. С. Пушкина. Пять из них были опубликованы в разное время П. И. Бартевым с некоторыми сокращениями и неточностями. Четыре (письма из Петербурга от 26 октября 1825 г., 10 ноября 1825 г., 17 января 1826 г. и осени 1826 г.) — в 1878 г.,² еще одно письмо из Петербурга от февраля 1823 г. — в 1906 г.³ Две записки, относящиеся к пребыванию Л. С. Пушкина в Москве, — от 30 июля 1823 г. и без даты — в печати не появлялись.

В наименьшей степени повезло в печати письму от 26 октября 1825 г. Оно оказалось разделено Бартевым на два самостоятельных недатированных письма.⁴ Бартев также опустил имеющуюся в письме приписку Ф. А. Туманского.⁵ Отрывок из этого письма

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 331—344 об.

² Русский архив. 1878. № 11. С. 395—398.

³ Там же. 1906. № 5. С. 126—127.

⁴ Первое — до слов: «Аминь, аминь, тем кончу я рассказы!» (см. приводимый ниже текст); второе — со слов: «Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой...».

⁵ Федор Антонович Туманский (1799—1853) — выпускник Московского университета, поэт. С мая 1821 г. на службе в Департаменте духовных дел в Петербурге. Уволился по прошению 8 мая 1825 г. и в сентябре того же года был

вместе с письмами от 10 ноября 1825 г. и от 17 января 1826 г. вошел в подборку «Пушкин в переписке С. А. Соболевского», подготовленную М. Светловой для пушкинского тома «Литературного наследства» 1934 г.⁶ Здесь напечатана вторая часть письма от 26 октября 1825 г., с заголовком: «Из письма Л. С. Пушкина», с отточием перед первыми словами («Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой...»), с невнятным указанием на ошибку первой публикации⁷ и опять без приписки Туманского. Текст проверен по рукописи и вполне исправен, за исключением одной досадной ошибки, указываемой нами ниже. Наконец, все письма не так давно были помещены в 4-м томе издания «Мир Пушкина».⁸ Текст писем перепечатан из «Русского архива».⁹ Письмо от 26 октября 1825 г., таким образом, вновь оказалось разделено на два самостоятельных письма, причем довольно сильно разнесенных по времени.¹⁰

Поскольку письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому в Москву от 26 октября 1825 г. представляет, на наш взгляд, не-

определен в Департамент разных податей и сборов. Впоследствии секретарь консульства в Молдавии (с 1841 г.) и русский консул в Белграде. В Департаменте духовных дел Туманский был сослуживцем Л. С. Пушкина, поступившего туда 13 ноября 1824 г. и служившего до октября 1826 г. Летом — осенью 1825 г. Ф. А. Туманский вместе с П. А. Плетневым и Л. С. Пушкиным, судя по всему, принимал непосредственное участие в подготовке первого сборника «Стихотворений Александра Пушкина» (СПб., 1826). В так называемой Тетради Всеволожского, служившей одним из источников пушкинского текста при составлении цензурной рукописи сборника, имеются многочисленные пометы его рукой (пробы пера). По окончании переписки стихотворений Пушкина Тетрадь Всеволожского осталась у Ф. А. Туманского. См.: *Цявловский М. А.* Судьба тетради Всеволожского с 1825 г. // *Летописи Гос. лит. музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 76—77.* Приписка на письме Л. С. Пушкина к Соболевскому служит подтверждением тесного общения Л. С. Пушкина с Ф. А. Туманским осенью 1825 г.

⁶ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 728—730.

⁷ «Впервые напечатано П. И. Бартеневым <...> с подразделением письма на две части и с некоторыми сокращениями в тексте» (Там же. С. 728). Из этого указания остается совершенно неясным ни то, как именно поделил письмо на две части Бартенев, ни то, что первой части этого письма соответствует первое письмо в его подборке.

⁸ Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. А. Муравьевой. СПб., 2005. С. 82, 87—90. (Мир Пушкина; Т. 4).

⁹ Указание в примечаниях, что три письма, опубликованные в «Литературном наследстве», печатаются по тексту этого издания, не соответствует действительности: по «Литературному наследству» внесены только отдельные дополнения и исправления.

¹⁰ Первое из них И. А. Муравьевой предположительно датировано здесь первой половиной 1825 г.

сомненный литературный интерес и, трижды появившись в печати, никогда не было напечатано целиком без ошибок и неточностей, приводим еще раз его текст.

Л. С. ПУШКИН – С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

Во-первых, благодарю тебя за письмо твое. Во-вторых, имею честь тебя уверить, что если бы твои уши были довольно длинны для того, чтобы я их отсюда достал, то я бы их выдрал чрезвычайно усердно за дурную твою шутку в отношении к О. С.¹ — Тебе, впрочем, может быть неизвестно, что я сделался человеком весьма моральным, и по сей-то причине предоставляю тебе на съеденье одного С. Л.² Только, кушая его, не подавись сморщенным его мясом, мне же оно так приелось, что после каждого нашего свидания у меня от одного его запаха бывает тошнота и индигестия.³ — Теперь утро, и на тощах <sic!> об этих вещах говорить не должно.

Что тебе вздумалось мне давать препоручения к Цицианову; знаешь ли, что он и где он? Вот тебе вся его история. Приехавши в Петербург, его светлость князь Цицианов, наследник имеретинского престола, остановился в Большой Мецанской, в трактире «Париже», под № 27. Мы же, темные дворяне, каждый день у него обедали <sic!>, ужинали, завтракали, и каждый день ему обходился около 200 и 300 рубл <ей>. Между тем Цицианов играл в карты и проиграл 50 тысяч; не в состоянии будучи уплатить их и не намереваясь давать вексели, он начал укладывать в узелки белье свое и тихомолком надеялся ускользнуть восвояси; но Луи, содержатель и заимодавец Цицианова, остановил его силою полиции; какой-то из грузинских князей поручился за него, но Цици<анов>, находящийся уже не в состоянии продолжать роскошную жизнь свою, удалился в Ямскую, где и живет уже около двух месяцев, и никто его не выдает.⁴ Аминь, аминь, тем кончу я рассказы!⁵

Я чрезвычайно рад, что мы возобновили с тобой никогда, впрочем, не заводимую переписку; пиши же мне об Москве, об ее глупостях и об В. Л.⁶ Уверь эту скотину, что «Ах тетуш<ка>, ах Ан<на> Льв<овна>» не брата и никого из семейства,⁷ разве, может быть, С. Л.⁸ хотел подшутить, да и подделался под брата. — Поклонись от меня Вяземскому и скажи ему следующее: Вы спрашивали у Льва Пушкина, чрез сестру его Ольгу, какие именно пьесы его брата надобно

поместить, помнится, в «Телеграфе». Лев же Пушкин сего не знает, и знать об этом больше вас самих никто не может. Может быть, Ольга Сер<геевна> с непривычки дурно объяснила ваше препоручение, а вы спрашивали только, что нет ли у него, вышеупомянутого Льва, какой-либо пьесы, то на сие последнее он говорит следующее: помнится, я князю Вяземскому вручил все новые пьесы моего брата,⁹ но, однако, впоследствии оказалось, что одна из них ускользнула, почему я и препровождаю ее на его благорасположение:

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимы навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей.

Но, может быть, мечты пустые!
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной! — —
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я.¹⁰

Перепиши эту пьесу для кн<язя> Вязем<ского> или, если лень, то оторви ее для него от другой половины письма;

во всяком случае уничтожь первую страницу¹¹, писанную какой-то свиньей, а не вашим покорным

Лев Пушкин.

1825. 26 окт<ября> С. Пет<ер>б<ург>

<Приписка Ф. А. Туманского на полях последней страницы:>

Кланяюсь тебе, любезный Соболевский, и прошу тебя, если можешь, отклонить Розе от намерения подавать век<сель> ко взысканию — уверь его, что он, сделавши это, рассердит меня и не получит ни гроша, а лучше, ежели подождет. — Цицианов напраказил и опохабил свою высокую персону. Затеял играть на бильярде с одним офицером конной гвардии и продул ему 50 000 р. Каков малый! — Зимой, может быть, увидимся. — До свидания. Туманский.

Печатается по рукописи: ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 338—339 об.

¹ К сестре А. С. и Л. С. Пушкиных Ольге Сергеевне Павлицевой. В чем состояла «дурная шутка» Соболевского, неизвестно.

² Сергея Львовича Пушкина.

³ несварение желудка (устар., мед.).

⁴ П. И. Бартенев оставил имя князя Цицианова без пояснений. Всякой вероятности лишено утверждение И. А. Муравьевой (см.: Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. С. 297), что речь идет об известном князе Дмитрие Евсеевиче Цицианове (1747—1835), к этому времени почти восьмидесятилетнем старике, принадлежавшем к высшему обществу и в 1825 г. жившем в Петербурге в своем доме (см.: Русское богатство. 1904. № 3. С. 87). Имеется в виду кто-то из молодых представителей достаточно большого рода князей Цициановых. С некоторой долей вероятности можно предполагать, что это Федор Иванович Цицианов (1801—1832), воспитанник Пажеского корпуса, в 1820 г. выпущенный прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, сослуживец и приятель И. Е. Великопольского, знакомый Пушкина. В конце 1820 г. после расформирования Семеновского полка Ф. И. Цицианов был переведен вместе с Великопольским в Псковский пехотный полк, где служил до отставки в декабре 1827 г. (см. о нем: Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 152; примеч. Б. А. Модзалевского). «Наследником имперетинского престола» Цицианов назван с известной долей иронии, вероятно, из-за его похвальбы своей генеалогией: в XVII в. дочь одного из Цициановых, князя Надара Цици-Швили, вышла замуж за царя Имеретии Арчила (см.: Ermerin R. I. Annuaire de la Noblesse de la Russie... SPb., 1892. P. 313; Родословие князей Цициановых // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. № 213. 27 янв. С. 83).

⁵ Несколько измененная цитата из «Гавриилиады». У Пушкина: «Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?» (X, 136).

⁶ Василии Львовиче Пушкине.

⁷ Шуточная элегия на смерть Анны Львовны Пушкиной, скончавшейся в Москве 14 октября 1824 г., была написана Пушкиным и Дельвигом во время

пробытия Дельвига в Михайловском в апреле 1825 г. и сразу же послана Вяземскому. «Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! попадетс на глаза Василью Львов<ичу>, то заготовь другую песню, потому что он, верно, не перенесет удара», — замечал Вяземский в письме к Пушкину от 7 июня 1825 г. (XIII, 165—166, 181). Начав распространяться в списках, стихотворение действительно дошло до В. Л. Пушкина и вызвало его негодование. «Ради Бога докажи Вас<илию> Льв<овичу>, что Элегия на смерть Ан<ны> Льв<овны> не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника, — просил Пушкин Вяземского в письме от второй половины сентября (не позднее 24-го) 1825 г. — Он восклицает “а она его сестре 15 000 оставила!”... <...> Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я» (XIII, 231).

⁸ Сергей Львович. Во всех предшествующих публикациях это место передано ошибочно. В «Русском архиве» инициалы прочитаны: С. А.; в «Литературном наследстве»: Л. С. (получается, что Лев Сергеевич имеет здесь в виду самого себя). И. А. Муравьева приняла чтение «Литературного наследства», но в комментариях предположила, что чтение Бартенева более верно и инициалы С. А. означают, что «Лев просит Соболевского приписать авторство себе» (Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. С. 298).

⁹ Еще 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату: «Об Вяз<емском> получил известие. Перешли ему, душа моя, все, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений» (XIII, 157). См. также в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.: «Брат писал мне, что ты в Ц<арском> С<еле>, что он переписал для тебя мои стихи...» (XIII, 187).

¹⁰ Стихотворение было написано в 1822 г. В Михайловском, видимо, было окончательно доработано и не вошло в сборник 1826 г. только по недосмотру Л. С. Пушкина. Соболевский своей волей отдал полученное стихотворение в «Московский телеграф», чем возмутил Л. С. Пушкина. «Что за своевольное распоряжение пьесой, мною присланной не к тебе, а к Вяземскому, — писал он к Соболевскому 10 ноября 1825 г., — почему ты знаешь, что Вяземский, единственный и полный ее хозяин, отдал бы ее в “Телеграф”? <...> ...я от тебя требую как от приятеля и от честного человека, чтобы пьеса, присланная мною к Вяземскому, никоим образом не была бы напечатана без ведома Вяземского» (Литературное наследство. Т. 16—18. С. 729). Однако, видимо, передача стихотворения в «Телеграф» вполне согласовывалась с намерениями Вяземского. Стихотворение было напечатано в № 1 за 1826 г. (выход в свет 21—22 января 1826 г.) под редакторским заглавием: «Элегия». Вошло без заглавия и с незначительными пунктуационными изменениями в первую часть «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. Копия в письме Л. С. Пушкина к Соболевскому, служившая источником первой публикации, позволяет исправить ошибку в стихе 9, допущенную в журнальной публикации и перешедшую в издание 1829 г. и во все последующие: «И невидимо навещают» вместо правильного: «И невидимы навещают».

¹¹ То есть л. 338—338 об., последние слова на которых: «Вы спрашивали у Льва Пушкина, чрез сестру его Ольгу, какие именно пьесы его брата надобно поместить, помнится, в».

А. Л. ОСПОВАТ

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ОЖИВШЕЙ СТАТУИ

Из комментария к «Медному всаднику», 3¹

Петербургская легенда о провидческом сновидении капитана *Булгакова / майора Батурина / князя Голицына* продолжает будоражить пишущих о «Медном всаднике».² Со своей стороны, имея теперь возможность существенно пополнить данные, некогда приводившиеся в нашей заметке,³ мы намерены заново реконструировать историю этого предания и контексты, окружавшие каждую из его версий.

¹ Предыдущие заметки из этой серии см.: *Varietas et concordia: Essays in Honour of Professor Pekka Pesonen: On the Occasion of His 60th Birthday*. Helsinki, 2007. P. 427—433; На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.; СПб., 2009. С. 496—505.

² См., например: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 69; *Топоров В. Н.* О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): Фальконетовский памятник Петру I // *Лотмановский сборник*. М., 1995. [Вып.] 1. С. 460, примеч. 35 (иначе расставлены акценты в другой его работе: *Петербург и «Петербургский текст русской литературы»*: (Введение в тему) // *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 334, примеч. 34); *Kahn A.* Pushkin's «The Bronze Horseman». London, 1998. P. 113; *Schenker A.* The Bronze Horseman: Falconet's Monument to Peter the Great. New Haven; London, 2003. P. 296, 367 (Note 8); *Бемеа Д.* «Медный всадник»: Петербургский текст и мифопоэтическое мышление Пушкина // *Существует ли петербургский текст?* СПб., 2005. С. 189 и след.; *Немировский И.* Зачем был написан «Медный всадник» // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 126. С. 211 (ср. нашу реплику — Там же. 2014. № 129. С. 443).

³ См.: *Осповат А. Л.* Вокруг «Медного всадника». 1. Легенда о «сне майора Батурина»: Источниковедческая заметка // *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1984. Т. 43, № 3. С. 238—242.

Самое раннее из интересующих нас свидетельств сохранилось в дневнике чиновника петербургского губернского правления П. А. Васильчикова, который — в силу происхождения и разветвленных семейных связей⁴ — располагал обширным кругом знакомств и, в частности, был домашним в салоне графа М. Ю. Виельгорского. 17 декабря 1853 г., возвращаясь с «большого именного обеда» у командира Преображенского полка генерал-майора Э. Ф. Баранова, Васильчиков «под вечер, по обыкновению, завернул к Виельгорским» на Михайловскую площадь. На следующий день он записал в дневник: «Разговор был о сверхъестественных снах и видениях; вообще все семейство Виельгорских склонно к этому предмету...»⁵

Сначала речь зашла о видении, явившемся императрице Елизавете Петровне, а затем о вещем сне 1812 г. Нижеследующий рассказ Виельгорского условимся называть первой версией предания — **В-1**.

Когда Французы были в Москве, устроена была тайная комиссия для переноса и сохранения бумаг и драгоценностей и т. п.: боялись, чтобы французы не вошли в Петербург (Витгенштейн искусным движением спас Петербург от Удино и С<ен> Сира). Так как Наполеон овладел лошадьми Св. Марка (в Венеции) и прочими драгоценностями, то боялись тоже и за памятник П<етру> В<еликому> и думали о средствах его скрыть и перенести. В то время именно доложили один раз А. Н. Голицыну, что отставной капитан Булгаков желает его видеть. Входит старик на деревянной ноге и на костылях и говорит, что видел странный сон и что он просит передать его Государю. Ему снилось, что он шел по Дворцовой площади. Когда он подошел к углу Мильонной, он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню. Он обернулся и увидел за собою памятник П<етра> В<еликого>, идущий за ним; в испуге он снял картуз и посторонился, памятник поглядел на него пристально и проехал мимо. Булгаков, влекомый какой-то неведомой силой, пошел за ним. П<етр> В<еликий>

⁴ Его прадед по отцовской линии — граф Кирилла Разумовский, дядя — князь Илларион Васильчиков, председатель Государственного совета в 1838—1847 гг., отец — Алексей Васильчиков, сенатор (с 1820 г.), действительный тайный советник (с 1834 г.). Дед П. А. Васильчикова по материнской линии — генерал Иван Архаров, московский военный губернатор в 1797 г.

⁵ РГБ, ф. 45, карт. 1, № 2, л. 19 об.

переехал через Троицкий мост и поехал к Каменному острову, где жил тогда И<мператор> перед отъездом в армию. П<етр> В<еликий> подъехал к крыльцу; в это время И<мператор> выходит из дворца в полном мундире и, скрестя руки, подходит к П<етру> В<еликому>, который сказал ему: «Молодой человек, отчего подверг ты Россию таким опасностям. За Петербург бояться нечего; он будет безопасен, пока я буду стоять на том месте, где я теперь нахожусь». Сказав это, П<етр> В<еликий> повернул лошадь и поскакал назад. И<мператор> закричал: «коляску, коляску!», и Булгаков проснулся. Замечательно, что Булгаков не знал и не мог знать про тайную комиссию и особенно про намерение насчет памятника П<етру> В<еликому>. А. Н. Голицын рассказал это Государю, и памятник П<етру> В<еликому> был оставлен в покое как по тяжести переноски, так и потому, что на этот сон смотрели как на предзнаменование, памятника не трогали. А. Н. Голицын рассказал это Мих. Ю. В<иельгорскому>. В<иельгорский> рассказал это Пушкину, на которого этот рассказ сделал большое впечатление и который вследствие оного написал «Медного всадника».⁶

Реальный эпизод, вокруг которого развернут этот сюжет, относится к лету — осени 1812 г. 2 июля, спустя две недели по получении известия о переправе Великой армии через Неман, М. Я. фон Фок, возглавлявший Особенную канцелярию Министерства полиции, сообщал своему патрону А. Д. Балашову: «Говорят, что Наполеон уже прокрикивал, что к 30-му августа будет в Петербурге, что увезет отсюда памятник Великого Петра в Париж, дабы поставить его там же, где находятся шляпа и шпага Фридриха Великого, колесница с Бранденбургских ворот и Львы Венецианские».⁷

Эти слухи получили широкое распространение. 4 июля 1812 г., находясь на пути из Вильно, Александр I послал в столицу реестр «всего того, что надобно будет увезти из Петербурга», в случае «прибытия неприятеля». Наряду с высшими правительственными учреждениями, объектами, представляющими государственную

⁶ Этот фрагмент, впервые опубликованный Л. М. Долотовой (Тургенев о революционном Париже 1848 г.: Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853—1854 гг. // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 349—350), мы приводим с дополнениями и исправлениями по автографу: РГБ, ф. 45, карт. 1, № 2, л. 19 об.—20.

⁷ Война 1812 года и русское общество: («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С. Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования. М., 2001. С. 305.

ценность, и религиозными святынями, император в него включил также «обе статуи Петра I, большую и малую, которая перед Михайловским замком», — в том рассуждении, что памятник работы Фальконе «Наполеон <...> намеревается увезти, подобно как он учинил в Венеции <...> и из Берлина». ⁸ Хотя адресатом данного распоряжения был председатель Комитета министров граф Н. И. Салтыков, но ввиду его дряхлости и непривычки высказывать «решительное, собственное мнение» ⁹ значительную часть организационных хлопот взял на себя управляющий делами Комитета министров статс-секретарь П. С. Молчанов, чьи должностные полномочия император существенно расширил еще в марте 1812 г. ¹⁰

В рамках подготовки к столь масштабному предпринятию (тоже немедленно обросшему слухами ¹¹) обсуждался среди прочего про-

⁸ Славянская зоря в 1812 г.: (Из бумаг А. Н. Попова) / Сообщение П. Н. Дурикова // Русская старина. 1893. № 1. С. 98—99. Надо заметить, что какие-либо данные о видах французского императора на памятник Петру I отсутствуют в капитальных изданиях, вышедших к юбилею русской кампании (см.: Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie: 1812. Paris, 2012; *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon*. Paris, 2012. Т. 12: La Campagne de Russie, 1812). Упоминания же об этом намерении в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной (см., например: «...there was even a plan to transport “the bronze horseman”, rather than risk its being carried off as a prize by the invader». — Palmer A. Napoleon in Russia. London, 1976. P. 96), несомненно восходят к цитированному фрагменту из письма Александра I, который стал известен в печати по пересказу А. И. Михайловского-Данилевского: «Государь велел Графу Салтыкову принять заблаговременно меры, чтобы вывезть из Петербурга святыню Александро-Невской Лавры, Совет, Синод, Сенат <...> монументы Петра Великого. Оба последние, по достоверным имевшимся у нас известиям, Наполеон хотел отправить в Париж» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года*... СПб., 1839. Ч. 1. С. 211). Здесь уместно напомнить об аналогичной ситуации, возникшей на четверть века ранее. 15 июля 1788 г., при начале войны со Швецией, Екатерина II писала фельдмаршалу графу В. П. Мусину-Пушкину: «...сколько теперь известно, то Король <...> хотел сделать десант на Красной горке, выжечь Кронштадт, идти в Петербург и опрокинуть статую Петра I» (*Отечественные записки*. 1822. Ч. 10, № 25. С. 174—175; Дневник А. В. Храповицкого с 18 декабря 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 62).

⁹ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 119. Напомним, что в 1810—1814 гг. Дмитриев был министром юстиции.

¹⁰ См.: Ермолов А. Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891. С. 11—12. О возвышении Молчанова, которое повлекло за собой ущемление прав министров, входивших тогда в Комитет, см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 120—121.

¹¹ См. в воспоминаниях племянницы Державина, приехавшей в Петербург в середине июля 1812 г. (*Кукушкина Е. Д. «Записки» Прасковии Николаевны Львовой* // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 19. С. 267—268). Ср. письмо москов-

ект спустить на воду и вывезти на судах два монумента Петру I. Судя по недавно обнаруженной официальной переписке, с техническими сложностями предстояло столкнуться лишь при спуске памятника, стоящего вблизи Михайловского замка; что же касается памятника, стоящего на Петровской площади, то аналогичная операция не представлялась затруднительной. В ход был пущен и *argumentum ad hominem*: «Знавши хорошо русский народ, смело сказать можно, что с беспримерным сим народом почти невозможные вещи делаются возможными, а потому и нет никакого сомнения, что в случае крайности драгоценнейшие памятники, как говорят русские, *на руках вынесут*».¹²

Дело, как известно, ограничилось выборочной эвакуацией казенного имущества и бумаг,¹³ которая происходила до начала октября, когда ввиду благоприятного развития событий на военном театре опасность захвата Петербурга исчезла. Разумеется, городские толки на этот счет не могли обойти стороной царскосельских воспитанников, «всякое воскресенье» получавших от родных «реляции»,¹⁴ а с середины сентября готовившихся к перемещению из столицы «куда-то дальше на север»,¹⁵ — и еще П. И. Бартенев, один из популяризаторов интересующей нас легенды, высказал напрашивающееся предположение: «Самое то, что статую хотели увозить из Петербурга, могло быть ему [Пушкину] известно и, может быть, даже еще в Лицее, где он чутким отроком следил за событиями 1812 года...»¹⁶

Вполне вероятно, что позднее Пушкин имел случай получить достоверную и более подробную информацию, причем из первых рук. Во второй половине 1820-х гг. он и его ближайшие друзья (Дельвиг, Вяземский) сблизилась с Молчановым, к тому времени отстраненным от службы и ослепшим, но сохранившим прекрасную

ского военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина министру Балашову от 6 августа: «Третьего дня здесь нашло уныние, когда узнали, что в Кабинете, в крепости, в банках и в Эрмитаже укладывают по секрету вещи для отправления в Ярославль...» (Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). [2-е изд.] М., 2006. С. 82).

¹² Цит. по: Искюль С. Н. Год 1812: Документальная хроника. СПб., 2008. С. 123; см. также: Искюль С. Н. Петербург, двор и общество в 1812 году // Звезда. 2011. № 1. С. 166—167. Даты архивных документов, освещающих планы вывоза обоих памятников Петру I, в этих публикациях опущены.

¹³ См.: Искюль С. Н. Год 1812. С. 121—122; Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях, 1801—1881. СПб., 2007. С. 85.

¹⁴ Пушкин И. И. Соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 48.

¹⁵ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813—1824). С. 16—18.

¹⁶ П. Б. [Бартенев П. И.] «Медный всадник» А. С. Пушкина: Вновь найденные стихи // Русский архив. 1881. № 9. С. 239.

память и живость разговора. Один из его рассказов отреферирован в дневниковой записи Вяземского от 23 июня 1830 г.:

Когда дела военные приняли худое направление и боялись в Петербурге пришествия французов, начали укладывать и вывозить казенные сокровища: и памятник Петра Великого был назначен к отправлению в случае неминуемой опасности. Молчанову поручено было государем это отправление и отдана в распоряжение его на тот предмет сумма денег, кажется, 20 000 руб<лей>. Когда Москву освободили и война приняла другой оборот, Молчанов, между другими докладами государю, спросил у него, куда прикажет он обратить вверенную ему сумму, уже ныне не нужную вследствие успехов Кутузова. — «Нет, — прервал государь, — это ничего не значит, оставь их еще у себя: ты не знаешь Кутузова, он такой человек, что думает только о себе: будь ему хорошо, а прочее всё пропадай».¹⁷

Вернемся теперь к **В-1**, где доверенным лицом сновидца (*капитана Булгакова*) оказывается князь А. Н. Голицын, скончавшийся за девять лет до появления дневниковой записи Васильчикова. Наперсник великого князя Александра Павловича, сохранивший и упрочивший свое положение в ближнем кругу императора, он в 1812 г. занимал должность обер-прокурора Св. Синода и временно управлял Министерством народного просвещения. Именно в это время бывой эпикуреец и поклонник «неверственной школы XVIII века» стал благочестивым христианином, который, как считалось, не только споспешествовал оживлению религиозного духа императора, но и заражал его своим мистическим настроением.¹⁸

¹⁷ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 175–176. (Литературные памятники). Много позднее, оформляя этот рассказ для печати, Вяземский внес некоторые изменения, среди которых нашла себе место акцентированная отсылка к «Медному всаднику»: «Не был забыт и памятник Петра Великого: и он предназначался к упаковке и отправлению в безопасное место водою. И подлинно, слишком было бы грустно старику видеть, как чрез *про-рубленное им окно* влезли в дом его недобрые люди» (Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 1026–1027; Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 120; курсив автора).

¹⁸ См.: Шереметевский В. Голицын, князь Александр Николаевич // Русский биографический словарь: [Из неопубликованных материалов к Русскому биографическому словарю]. М., 1997. [Т.] Гоголь — Гюне. С. 83 и след. Если верить рассказу самого Голицына, уже осенью 1808 г. в Эрфурте Наполеон обратился к нему с вопросом: «N'est ce pas, mon prince, que vous êtes en partie directeur de conscience de Sa Majesté?» <«Не правда ли, князь, что вы некоторым образом духовник его величества?» — фр.> (Норов А. С. Воспоминания // Русский архив. 1881. № 9. С. 179).

В публике, например, толковали о таком эпизоде:

...Когда по занятии Москвы все бывшие при дворе впали в уныние, он один сохранял равнодушие и спокойствие. Это не укрылось от взора императора. Не зная, чему приписать такое расположение духа при общем унынии, он спросил у князя, где он берет такую твердость. Князь вынул из кармана Библию и сказал, что в этой книге почерпнул он уверенность в неперменном спасении России. Александр призадумался.¹⁹

Эту историю Голицын поведал известному квакеру Стивену Греллету,²⁰ который в 1818—1819 гг. побывал в России; вдвоем с князем они молча предавались богомыслию,²¹ а также проводили время в поучительных беседах. Вот краткое резюме интересующего нас фрагмента дневниковой записи Греллета, сделанной 15 марта 1819 г.:

Когда стало известно о том, что Наполеон вошел в Москву, в Петербурге поднялась паника, и многие жители, чувствуя угрозу столице, стали укладывать свои ценности, готовясь перевезти их в безопасное место. В это время Голицын занимался перестройкой своего дворца, и некоторые завистники говорили императору, что он не иначе как изменник. Император приехал к князю: «Голицын, что ты делаешь, что всё это значит? Все готовятся бежать, а ты строишься?» — «О, — сказал князь, — это столь же безопасное место, как и любое другое, куда бы я мог бежать. Господь мой защитник, на него уповаю». — «Откуда у тебя такая уверенность, кто тебе внушил ее?» — «Я чувствую это сердцем, и о том же говорит боговдохновенная книга [Divine inspired volume]». С этими словами он подал императору Библию, но по неосторожности она упала на пол в раскрытом виде. «Разрешите мне прочесть, — сказал князь, — то место, которое открыто перед нами». Это был псалом 91 (псалом 90 по православному счету: «Живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на него...». — А. О.). Слушая псалом, император пришел в изумление.²²

¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 362—363.

²⁰ Это имя взял Этьен де Грелле дю Мобийе (Étienne de Grellet du Mabilier), в 1792 г. бежавший в Америку из Франции.

²¹ «...We were brought, in a simultaneous manner, into a state of silent prostration before the Lord» (Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / Ed. by B. Seeborn. Philadelphia, 1860. Vol. 1. P. 389; запись от 19 ноября 1818 г.).

²² Ibid. P. 419—420. Ср.: Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. № 1. С. 22.

Описанный здесь модус поведения Голицына находит подтверждение в письме архимандрита Филарета, на ту пору ректора Санкт-Петербургской духовной академии, от 2 декабря 1812 г.: «Среди общего беспокойства один человек удивил меня своим великодушием. Тогда как многие оставляли свои дома, князь Александр Николаевич устроил в своем доме церковь. Она освящена мною *в первый день октября* в присутствии Св. Синода и блистательного собрания дворянства». ²³

По всей вероятности, о своей особой роли в событиях лета — осени 1812 г. Голицын вспоминал часто и со вкусом, особенно имея таких благодарных слушателей, как отсутствовавший в то время в Петербурге граф Виельгорский, ²⁴ которого отличал едва ли не профессиональный интерес к сфере потустороннего. ²⁵ Их беседа, записанная в дневнике Васильчикова, могла состояться и во второй половине 1810-х гг., в период расцвета русского масонства, ²⁶ и позднее — уже в николаевское царствование.

Но между тем достоверность **В-1** вызывает самое серьезное сомнение. Во-первых, в обширном и довольно хорошо обследованном фонде первоисточников по истории 1812 г., как и в собрании документальных материалов, связанных с именем князя Голицына, ²⁷ не обнаружено никаких следов истории о провидческом сне, где бы фигурировал оживший памятник Петру I; ни одного ее отголоска мы не находим и в россыпи петербургской анекдотики 1810—1830-х гг. Во-вторых, **В-1** отчетливо отзывается литературными

²³ Письма Митрополита Московского Филарета родным: от 1800-го до 1866-го года. М., 1882. С. 165; курсив наш. — А. О.

²⁴ См.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 20—22.

²⁵ Приведенное выше свидетельство Васильчикова — лишь одно из многих. См. среди прочего письмо С. Н. Карамзиной брату Андрею от 18 июня 1837 г. (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 217, 321), а также характеристику Виельгорского в посвященном его памяти стихотворении Вяземского «Поминки» («Когда, в час сумерек, перечислять мы станем...»): «Был мистик, теозоф, пожалуй, чернокнижник...» (Русский архив. 1877. № 4. С. 543; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 12. С. 537).

²⁶ Именно тогда Александр I начал оказывать протекцию русскому масонству, одним из руководителей которого был Виельгорский, и Голицын, в 1817 г. занявший должность министра духовных дел и народного просвещения, стал проводником новой политики (см.: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 132—133).

²⁷ Новейший их перечень см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802—1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002. С. 187.

впечатлениями: визит отставного капитана на «деревянной ноге» к вельможе отсылает к «Повести о капитане Копейкине»,²⁸ а описание его встречи с Фальконетовым монументом покрыто отблесками «Медного всадника» («...он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню»), включая буквальное цитирование:

...в испуге он снял картуз и посторонился...

Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой... (V, 148–149)

В-третьих же, как мы убедимся далее, другая запись рассказа Виельгорского имеет существенные отличия (в том числе и в части, касающейся Пушкина).

В то же время мы не склонны полагать, что хозяин салона на Михайловской площади, обладавший исключительной эрудицией и замечательной памятью (оттенявшейся, впрочем, «рассеянностью баснословной»²⁹), полностью измыслил эту историю. Скорее всего, сознание Виельгорского, чутко настроенного на мистическую волну, вольно или невольно трансформировало некий рассказ князя Голицына — под очевидным влиянием и того культа Петра I, который превратил воздвигнутый ему памятник в «субститут чудотворной иконы»,³⁰ и собственно «петербургской повести», прочтенной как рефлекс популярного мифа об ожившей статуе,³¹ и новеллы цесаревича Павла Петровича о встрече с призраком Петра I, незадолго до того увидевшей свет в корпусе мемуаров баронессы Г.-Л. Оберкирх.

²⁸ Один из первых слушателей «Мертвых душ», Виельгорский в начале 1842 г. содействовал прохождению рукописи первого тома через цензуру (см.: Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М., 1984. С. 118–120).

²⁹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 437; ср. воспоминания С. М. Соллогуб, дочери Виельгорского (Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф». С. 58).

³⁰ Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVIII–XIX вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 228–230.

³¹ Неполный список англоязычных работ на эту тему см.: Meyer P. How The Bronze Horseman Was Made // Two Hundred Years of Pushkin. Amsterdam; New York, 2003. Vol. 2: Alexander Pushkin: Myth and Monument. P. 175, note 40. Ее русский контекст очерчен в статье: Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 4–5. М.; Л., 1939. С. 109–112.

Однажды ночью к его прогулке по Петербургу присоединился странный незнакомец, печатавший шаг так громко, как будто камень ударялся о камень. Заговорив с Павлом, тот предрек ему недолгую жизнь и посоветовал праведно провести остаток своих дней. Дойдя до площади между мостом через Неву и Сенатом, они расстались, но напоследок незнакомец обещал, что Павел снова увидит его «здесь и в других местах тоже». Тут произошло узнавание: «передо мной был мой предок Петр Великий с его орлиным взором, обветренным лицом и суровой улыбкой. Прежде чем я успел прийти в себя от удивления и ужаса, он исчез». «Именно на этой площади, — прибавил Павел, — императрица воздвигает тот знаменитый памятник, которым вскоре будет восхищаться вся Европа; царь Петр представлен здесь верхом на коне. <...> Не я указывал матери на это место, выбранное или скорее предугаданное призраком; и признаюсь, я не умею описать свое чувство при виде этой статуи. *Я страшусь испытать страх [J'ai peur d'avoir peur]...*»³²

Через полгода после визита Васильчикова к Виельгорским, 25 июня 1854 г., В. А. Муханов с обычным усердием занес в свой дневник рассказ, который обозначим как вторую версию предания — **В-2**.

Было время, что Государь Александр Павлович очень опасался за Петербург, и, конечно, опасения его были не без основания; если бы не Витгенштейн, то северная столица не миновала бы рук неприятеля. По Высочайшему повелению составлен был комитет, председательствуемый кн. Александром Николаевичем Голицыным. Членам вменялось в обязанность означить, именно какие драгоценности следовало сокрыть от неприятеля в надежном месте в самом Петербурге или вывести оттуда. Знали, что Наполеон из многих столиц увозил картины, статуи и даже памятники, воздвигнутые на площадях, и потому положили, что надлежало предпринять что-нибудь на счет монумента Петра Великого: велели приготовить судно, на котором Всадник со скалою решили увезти из столицы. Однажды после заседания, в котором было при<н>ято решение

³² Mémoires de la baronne d'Oberkirch / Publiés par le comte de Montbrison, son petit-fils. Paris, 1853. Т. 1. Р. 357—361 (записано в Брюсселе 10 июля 1782 г.). Этому изданию предшествовал английский перевод (Memoires of the Baroness d'Oberkirch, Countess de Montbrison / Written by Herself and Edited by Her Grandson, the Count de Montbrison. London, 1852. Vol. 1—3), по которому, в свою очередь, был осуществлен первый русский перевод данного фрагмента (Русский архив. 1869. № 3. Стб. 517—526). См. также: Шильдер Н. К. Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 166—171.

о перевозе памятника, пришли сказать председателю Комитета, что к нему явился человек пожилых лет и желает непременно его видеть. Всем известно, как был доступен князь. Вот что объявил гость: «Я осмелился утрудить В<аше> С<иятельство>, полагая необходимым довести до Вашего сведения виденный мною сон. Мне снилось, что я иду по Миллионной с одного края улицы, когда вдруг с другой в ту же улицу въехало что-то особенно громадное: то был памятник Петра; на встречу к нему шел император Александр, который, поравнявшись с великим предком, остановился, сложил крестообразно руки и преклонил голову. Петр приостановил коня и обратясь к Александру, сказал: молодой человек! неопытность твоя привела народ твой на край пропасти, но не страшись: пока я стою в граде сем, не вступит в него нога врага!» — Потом Петр пустил коня в галоп, скрылся в темном вечере, и скоро затих шум от копыт лошади по мостовой.³³

Итак, очередной извод предания, циркулировавшего в начале 1850-х гг., вообще освобожден от пушкинского «довеска». Впрочем, в тот момент, когда записывается **В-2**, именно основной сюжет выдвинулся на первый план. 14 июня 1854 г., в ходе Крымской войны, английская эскадра появилась у Красной горки в виду Кронштадта,³⁴ и тем самым был сообщен новый мощный импульс уже упомянутой традиции религиозного почитания Петра I и Фалькнетова монумента.³⁵

2

В печатный обиход это предание было введено критиком и педагогом А. П. Милюковым на рубеже 1860—1870-х гг. (спустя более десяти лет по смерти графа Виельгорского). Версию, оформившуюся под пером Милюкова (**В-3**), мы изложим по его книге «Доброе старое время: очерки былого» (СПб., 1872. С. 224—231), отмечая некоторые расхождения с текстом очерка «Откуда Пушкин взял

³³ ОПИ ГИМ, ф. 117, оп. 1, ед. хр. 160, л. 3—4 об. Указанием на этот источник мы обязаны М. Б. Велижеву.

³⁴ См.: Зайончковский А. М. Восточная война, 1853—1856. [2-е изд.] СПб., 2002. Т. 2, ч. 2. С. 507; ср.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. — Дневник / Пер. Е. В. Герье; Вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. [М.], 1928. С. 143.

³⁵ Продитированная запись в дневнике Муханова сделана в Москве, но имя своего информатора он не называет. По-видимому, его знакомство с этой легендой произошло в тех аристократических кругах, чьи представители жили на обе столицы. В порядке предположения укажем на один из самых влиятельных московских салонов, который держала А. И. Васильчикова, мать П. А. Васильчикова.

сюжет “Медного всадника”», который он ранее опубликовал в газете «Сын отечества» (1869. № 29 [отдельная нумерация воскресных выпусков]. 20 июля. С. 408—409).

По словам автора, дело происходило «лет через пятнадцать после того», как он обучался в 1-й московской гимназии, т. е. в конце 1840-х гг.

...в Петербурге мне случилось услышать <...> рассказ о том, что подало Пушкину мысль написать «Медного всадника». Я был на экзамене в одном женском заведении, которым в то время завещал граф Михаил Юрьевич Вьельгорский.³⁶ <...> Граф передал мне рассказ, который я приведу как можно точнее. <...> В 1812 году, когда Наполеон шел к Москве, французский корпус маршала Удино движением на Полоцк породил опасение за Петербург. В столице поднялась тревога <...>. Зная между прочим, что Наполеон любил вывозить из столиц памятники, снял квадригу с собора св. Марка <...>, у нас стали опасаться, как бы он не увез в Париж монумент Петра Великого.

Кто-то предложил, в случае серьезной опасности, снять фальконетовскую статую с пьедестала, поставить на судно и отправить по Неве и Ладожскому каналу в одну из отдаленных губерний. Государь одобрил эту мысль. Барка для перевозки памятника была приготовлена и стояла у набережной, подле старого Исакиевского моста. Ждали только приказа погрузить статую.

Император Александр жил тогда в Елагинском <sic!> дворце <...>. Туда же ездил, а в хорошую погоду ходил пешком бывший в то время министром духовных дел князь Александр Николаевич Голицын. После одной из таких прогулок во дворец он видел сон, который имел влияние на тогдашнее положение дел в столице, а впоследствии и на нашу поэзию. Вот как, по словам графа Вьельгорского, рассказывал об этом князь.

«В разгар отечественной войны, во время тревоги, которая поднялась в Петербурге при движении французов на север, мне приснилось однажды, будто я иду с докладом к государю на Елагин остров по Большой Миллионной, в направлении от Зимнего дворца. <...> Вдруг позади меня, как будто на Адмиралтейской площади, раздался гул, точно отдаленный топот лошади. <...> Гул между тем с каждой минутой приближался, становился громче и от-

³⁶ С 1844 г. Милюков преподавал в женском Сиротском институте для обер-офицерских детей, находившемся под эгидой Санкт-Петербургского воспитательного дома, почетным опекуном которого долгие годы состоял Вьельгорский.

четливее и отзывался как удары о камень нескольких огромных молотов. <...> Тут я обернулся и оцепенел в удивлении. В нескольких саженьях от меня, при сумрачном свете раннего утра, скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясаящем всю окрестность топотом своих тяжелых копыт. <...> То был наш бронзовый Петр на своем бронзовом коне. <...> И вот он проскакал по аллеям Каменного острова и спустился на Елагин, прямо к дворцу, в котором жил император Александр Павлович. <...> Едва только бронзовый конь остановился, как двери во дворце распахнулись, и император Александр <...> начал спускаться по ступеням к своему чудесному гостю. <...> Петр Великий бросил на него быстрый и строгий взгляд.

— Ты соболезуешь о России!³⁷ <...> Не опасайся! <...> пока я стою на гранитной скале перед Невой, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня — ни один враг ко мне не прикоснется.

<...> Медный всадник повернул своего исполинского коня и поскакал назад с величественно поднятым челом и рукой, простертой в воздухе...³⁸ <...>. Я проснулся».

Граф Вьельгорский прибавил, что князь Голицын на ближайшем докладе у государя рассказал ему свой чудесный сон. Рассказ этот так подействовал на императора, что он приказал отменить все распоряжения к отправке из Петербурга монумента Петра Великого <...>. Когда впоследствии пересказали этот сон Пушкину, он пришел в восторг и долго повторял: какая поэзия! какая поэзия! Он признавался графу Вьельгорскому, что тогда же начал обдумывать содержание своего «Медного всадника», и хотя потом дал поэме другую идею и обставил иными подробностями, но при всем том видно, что интересный сон князя Голицына послужил главным основанием повести.³⁹

Если довериться воспоминаниям Милюкова и принять сообщенную им условную дату,⁴⁰ то следует признать, что **В-3** хроноло-

³⁷ В газетном тексте: «Ты страдаешь за Россию».

³⁸ В газетном тексте: «Всадник повернул бронзового коня и поскакал назад с тем же гулом тяжелого топота».

³⁹ В газетном тексте: «...но при всем том нельзя не видеть, что поэтический сон князя Александра Николаевича Голицына имел на нее значительное влияние».

⁴⁰ Хотя, вообще говоря, Милюкова нельзя считать надежным мемуаристом (в связи с нашей темой см.: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 54–55).

гически предшествует **В-1**, столь же явственно окликает «Медный всадник» в описании ночного видения,⁴¹ но дает разночтения в двух пунктах сюжетной конструкции. В первой части **В-3** отсутствует фигура «капитана Булгакова», что, по-видимому, диктуется установкой на более компактное изложение: известный визионер князь Голицын не нуждается в безвестном дублере. В последней же части иначе выглядит роль Виельгорского — не сам он информирует Пушкина о сновидении 1812 г., но лишь передает слова поэта о том впечатлении, которое произвела на него эта история.

Таким образом, сравнение двух записей, передающих рассказ Виельгорского, может свидетельствовать о том, что он испытывал колебания, определяя свой вклад в формирование замысла «петербургской повести»; зона его ответственности расширена только в более поздней **В-1**.

В 1874 г. М. И. Семевский (подписавшись, как он часто делал, инициалом «М.») предал тиснению новую версию легенды (**В-4**):

В 1812 году, во время нашествия французов, из Петербурга вывозились многие драгоценные предметы, архивы, библиотеки, собрания редкостей и проч. <...> Заботиться об этом поручено было кн. А. Н. Голицыну, который предполагал вывезти из столицы даже конную статую Петра I — знаменитое произведение Фальконета. Между приготовлениями к этому раз является к кн. Голицыну почт-директор Булгаков и рассказывает сон, пригрезившийся ему прошлой ночью. Булгакову снилось, что он, пройдя мимо памятника, вдруг услышал за собою страшный топот коня; обернувшись, увидел он бронзового Петра, скачущего на коне своем; <...> на Каменном острове Петр, встретив императора Александра, оставил его и сказал:

— Бедствие великое грозит тебе; но не бойся за Петербург: я храню его, и доколе я здесь — мой город безопасен.

По выслушании Булгакова кн. Голицын не мог освободиться от веры в это сновидение, и хотя несколько раз возобновлял заботы о вывозе памятника из Петербурга, но никак не мог приступить к этому, боясь лишить столицу ее хранителя. <...>. Случай этот подал Пушкину мысль написать поэму «Медный всадник».⁴²

Реанимируя трехчленную схему (сновидец — Голицын — император), публикатор **В-4** не упоминает ни имени Виельгорского,

⁴¹ Ср.: «...скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясающем всю окрестность топотом своих тяжелых копыт».

⁴² Русская старина. 1874. № 8. С. 786.

ни **В-3**. Здесь любопытно только то, что замена капитана «на деревянной ноге» реальным лицом, носившим ту же фамилию, преследует цель усилить вероподобие сцены визита к министру: Константин Булгаков, с 1820 г. и до смерти (в 1835 г.) бывший петербургским почт-директором, служил под началом князя Голицына (с 1819 г. главноначальствующим над Почтовым департаментом) и находился в центре столичных коммуникаций — «по связям своим со всеми, он и сам был связью всех». ⁴³ Другое дело, что в 1812 г. Константин Булгаков не в столице обретался, а управлял дипломатической канцелярией Молдавской армии, но спустя шестьдесят лет об этом почти никто не помнил.

Разве что Вяземский помнил. В его бумагах сохранились замечания на **В-4**, продиктованные им в августе 1874 г. в Гомбурге: «Это не имеет никакого ни основания, ни правдоподобия. Довольно доказать это тем, что Конст<антин> Яков<левиц> Булгаков не был в 1812 г. почт-директором в Петербурге. <...> К тому же известно, из рассказов Молчанова (“Русск<ий> арх<ив>” < >⁴⁴), что ему, а не князю Голицыну было поручено в случае надобности вывезти памятник Петра Великого из Петербурга». ⁴⁵

Свидетельство престарелого князя, которое одновременно дезавуирует фактическую основу всех изводов предания о сновидении 1812 г., по всей вероятности, не дошло до П. И. Бартечева, корреспондента и публикатора Вяземского. Об этом следует упомянуть хотя бы потому, что в 1877 г. Бартечев поместил в своем журнале еще одну версию (**В-5**), где, в свою очередь, обошел молчанием **В-3** и **В-4**:

Мысль о *Медном всаднике* пришла Пушкину вследствие следующего рассказа, который был ему передан известным графом М. Ю. Вельгорским. В 1812 году, когда опасность вторжения грозила и Петербургу, государь Александр Павлович предположил увезти статую Петра Великого, и на этот предмет статс-секретарю Молчанову было отпущено несколько тысяч р<ублей>. В приемную к кн. А. Н. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то майор Батулин. Он добился свидания с князем (другом царевым) и передал ему, что его, Батурина, преследует один и тот

⁴³ Из письма Вяземского Александру Тургеневу от 25 октября 1835 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 274).

⁴⁴ Оставлено место для ссылки на публикацию из Записной книжки Вяземского (см. выше и примеч. 17).

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1047, л. 8—8 об.; Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43, № 3. С. 241.

же сон. Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется к Каменному острову, где жил тогда Александр Павлович. Батури, влекомый какою-то чудною силою, несется за ним и слышит топот меди по мостовой. Всадник въезжает на двор Каменноостровского дворца, из которого выходит к нему на встречу задумчивый и озабоченный государь. «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию? <...> Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!» Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье. Пораженный рассказом Батурина, князь Голицын, сам сновидец, передает сновидение государю, и в то время, как многие государственные сокровища и учреждения переносятся во внутрь России, статуя Петра Великого оставлена в покое. — Судя по этому рассказу (который случилось нам слышать от современников, и в их числе от С. А. Соболевского), надо думать, что первоначальными звуками чудесной поэмы, родившимися в голове Пушкина, были стихи:

Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...⁴⁶

Прежде всего бросается в глаза, что **В-5** заимствует целые риторические конструкции из **В-1** — фрагмента из неопубликованного дневника Васильчикова:

...влекомый какой-то неведомой силой...	...влекомый какою-то чудною си- лою...
«Молодой человек, отчего ты под- верг Россию таким опасностям»	«Молодой человек, до чего ты до- вел мою Россию?»

Такого рода совпадения могут быть объяснены только тем, что Васильчиков, приятель Бартенева со времен совместной учебы на словесном отделении Московского университета,⁴⁷ показал ему дневниковую запись от 18 декабря 1853 г. Не раскрывая источник полученных сведений, Бартенев вносит в эту запись ряд уточнений: в **В-5** отставному капитану возвращена нога, присвоены очередной

⁴⁶ Русский архив. 1877. № 8. С. 424–425.

⁴⁷ См., среди прочего: Московские ведомости. 1855. № 115. 20 сент. (некролог А. И. Васильчиковой, написанный Бартевым); Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1909. № 6. С. 298.

чин и заодно фамилия *Батурин* (во избежание ассоциаций с петербургским почт-директором; см. выше); князь Голицын живо реагирует на сон Батурина оттого, что сам «масон», «духовидец» и «сновидец»; «комиссией» по вывозу ценностей управляет «статс-секретарь» Молчанов, и, наконец, первобытный вид возвращен одной из парафраз «Медного всадника» в тексте **В-1**:

...странный шум, как мерные удары ...и снова раздается *тяжело-звон-*
большого молота по камню... *кое скаканье.*

Укажем и на весьма показательную деталь: из **В-5** с очевидностью следует, что этот рассказ сам Бартенев не слышал от того, кто объявлен (без каких-либо пояснений) его автором — от графа Вильгорского, контакт с которым будущий издатель «Русского архива» установил еще в начале 1850-х гг.⁴⁸ Упомянутый же им С. А. Соболевский лишь пополняет ряд трансляторов легенды о сне майора Батурина.

Здесь можно подвести черту. В дальнейшем новые версии уже не встречаются, зато множатся пересказы уже известных — не всегда снабженные указанием на источник,⁴⁹ порой их контаминирующие,⁵⁰ а в иных случаях даже намеренно фольклоризованные:

Это было давно... в 1812 году... Над Россией собирались грозные тучи... <...> ...не было сомнения, что, если войска Наполеона возьмут Петербург, Наполеон прикажет увезти медного Пет-

⁴⁸ В нашем контексте весьма показательно письмо Бартенева П. В. Нащокину от 23 ноября 1851 г.: «Вельгорский просит доставить *исторические сведения* о Евг. Онегине. Сколько могу догадываться, он хочет узнать, не слыхали ли Вы чего от Пушкина о Евг. Онегине, не помните ли каких обстоятельств, сопровождавших сочинение или печатанье этого великолепного произведения?» (Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публ. и коммент. М. А. Цявловского // Летописи Гос. литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 491; курсив автора письма).

⁴⁹ Скажем, Н. О. Лернер как новость излагает **В-3**, причем на страницах того же издания, где была обнародована **В-4** (см.: Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. IV. Из истории «Медного всадника» // Русская старина. 1908. № 1. С. 117). Примечательно, что через несколько лет, комментируя «петербургскую повесть» для издания в серии «Библиотека великих писателей», Лернер дает точную ссылку на **В-3** и **В-5**, не упоминая о собственной заметке (как и о **В-4**). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1915. Т. 6. С. 450.

⁵⁰ Так, в монографии Вацлава Ледницкого ссылка на рассказ Соболевского, появившаяся в **В-5**, отнесена к **В-3** (см.: Lednicki W. Pushkin's Bronze Horseman: The Story of a Masterpiece. Berkeley; Los Angeles, 1955. P. 23).

ра в свой дорогой, в свой любимый Париж, как он поступил с конями св. Марка в Венеции. <...> Но как вывезти такую громаду, такую тяжесть? <...> А в это время русский полководец граф Витгенштейн разбил маршала Удино под Полоцком. <...>. Гроза нашествия французов на Петербург отпала <...>. И создалась легенда... Где-то на окраине Петербурга, в далекой Коломне, на Бугорке, в Козьем болоте, жил отставной майор Бахметев... И снится ему несколько дней подряд один и тот же сон.⁵¹

Итак, все данные, которыми мы на сегодняшний день располагаем, еще раз убеждают в том, что легенда о сновидении 1812 г., привидевшемся как неизвестным, так и известным лицам, возникает около середины XIX в. — в тот период, когда «Медный всадник», аккумулировавший в себе обширный пласт городского фольклора, уже вошел в резонантное поле петербургской мифологии.

⁵¹ Столянский П. Н. Старый Петербург: У медного Петра. Л., 1924. С. 3—5. Впрочем, в другой работе этого известного историка города легенда приводится в точном соответствии с **В-4** (см.: Столянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг., 1918. С. 221—222).

А. А. КОСТИН

СТИХИ Б. М. ФЕДОРОВА НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Из написанного в Симбирске письма А. М. Языкова к В. Д. Ковмовскому от 2 марта 1837 г., где сказано: «Мы имеем на смерть Пушкина только стихи Лермонтова и Бориса Федорова»,¹ известно, что одним из первых поэтов, откликнувшихся на смерть Пушкина, был Борис Михайлович Федоров (1798—1875), заметный в пушкинской биографии нападками на «союз поэтов» в начале 1820-х гг., изданием юношеских стихотворений Пушкина в своем альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год», критикой на «Бахчисарайский фонтан» и «Евгения Онегина» и рядом других эпизодов.²

Текст этого стихотворного некролога между тем остается неизвестным.³ Активный литератор 1820-х гг., в конце 1830-х гг. Федоров оказывается, по сути, на периферии литературного процесса: публикуя преимущественно собственные коммерческие издания, он в это время сотрудничает (лишь изредка) преимущественно с журналистами, сблизившимися с ним еще в 1810-х гг.,⁴ в 1840—1841 гг.

¹ Цит. по: Баранов В. С. Отклик А. И. Полежаева на стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 486.

² См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 463—464.

³ В. Э. Вацуро, публикуя стихотворение Федорова из альбома З. И. Юсуповой, справедливо замечает, что «оно, конечно, написано несколько позже и является откликом не столько на самую гибель Пушкина, сколько на связанные с нею разговоры в петербургском обществе» (Вацуро В. Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 48).

⁴ На присутствие в Императорской Российской академии Его светлости принца Петра Ольденбургского. 18 января 1836 года // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. № 8. С. 62; Феодорит. (Отрывок из исто-

помещает свои сочинения в «Трудах Императорской Российской академии»,⁵ членом которой он стал в 1833 г., а в 1842 г. становится сотрудником маргинального журнала С. А. Бурачка «Маяк». Ни в этих, ни в других журналах или альманахах, ни в рукописях стихи Федорова на смерть Пушкина обнаружены не были. Архив Федорова не сохранился; единственный известный сборник его сочинений в разных жанрах вышел в свет в 1818 г.;⁶ в другие сборники, опубликованные Федоровым после 1837 г.,⁷ стихи на смерть Пушкина не могли войти по своей тематике.

Вместе с тем по справке Я. К. Грота известно, что в 1840 г. Федоровым был подготовлен к печати и остался лишь в корректуре сборник «Стихотворения Б. Федорова»,⁸ до сих пор не обнаружен-

рического романа «Князь Курбский») // Сборник на 1838 год. СПб., [б. д.]. С. 11–19; Отрывки из исторического романа «Князь Курбский» (Часть III) // Там же. С. 169–198; Русский кубок на новый год // Сын отечества. 1839. Т. 7. С. 5–7; Питер-Бас // Там же. С. 91–95. Оба стихотворения в «Сыне отечества» опубликованы анонимно. Федоров был знаком с А. Ф. Воейковым и Н. И. Гречем еще с середины 1810-х гг. Многочисленные рецензии Федорова печатались в конце 1830-х гг. в «Журнале Министерства народного просвещения», главный редактор которого К. С. Сербинович был связан с Федоровым еще общей службой под началом А. И. Тургенева с 1818 г.; дружеские отношения сохранились у них до последних лет (см. их обширную переписку: РГИА, ф. 1661, оп. 1, № 1599; ИРЛИ, р. 1, оп. 25, № 38). Выделяется из этих публикаций в изданиях старых знакомых стихотворение Федорова «Утро пред памятником Петра Великого» («Стою, опершись на гранит...»), напечатанное в альманахе относительно нового в литературном мире В. А. Владиславлева «Утренняя заря ... на 1839 год» (с. 322–324).

⁵ «Юрьевский отшельник» (1840. Ч. 1. С. 241–247), «Молитва и жизнь» (1840. Ч. 2. С. 224–226), «На открытие Санктпетербургского университета в доме Двенадцати коллегий 24-го марта 1838 года» (Там же. С. 227–230), «Авраамий Палицын» (1840. Ч. 3. С. 77–79), «Земной шар» (Там же. С. 83–85), «Жизнеописание Ломоносова» (1841. Ч. 4. С. 53–76), «Круг зрения» (Там же. С. 131–132), «Христианину старцу» (Там же. С. 133–136).

⁶ Федоров Б. М. Опыты в поэзии. СПб., 1818.

⁷ Федоров Б. М.: 1) В память императора Николая I. Собрание стихотворений Бориса Федорова. СПб., 1857; 2) Гостинец для детской елки. Книжка в стихах для малюток. СПб., 1846; 3) Стихотворения для детей, от младшего до старшего возраста, расположенные в двадцати двух отделах. 2-е изд. СПб., 1858. Ч. 1–2; 4) Приветствия детской любви, или Собрание стихов, говоренных детьми для поздравления родителей и родных. СПб., 1858; 5) Легенды о Петре Великом и стихи на двухвековой юбилей с его рождения. СПб., 1872.

⁸ См.: Грот Я. К. Библиографии литературы, относящейся к Державину // Державин Г. Р. Соч. СПб., 1883. Т. 9. С. 509. Здесь в разделе «Указатель относящихся к Державину стихотворений по именам авторов их» упомянуто несколько стихов Федорова, в том числе «Стихи после свидания с Державиным в 1815 году» с указанием: «Стихотворения Б. Федорова. СПб., 1840 (неизданные: корректурный экземпляр)».

ный. Следует полагать, что этим сведениям соответствует печатный сборник сочинений Федорова, не имеющий аналогов в фондах крупных библиотек, сохранившийся без титульного листа в библиотеке Пушкинского Дома, в книжном собрании А. И. и Н. И. Тургеневых (шифр 111^{2/78}).⁹ О том, что это и есть издание 1840 г., говорит не только включение в него двух указанных Гротом стихотворений, но и то, что наиболее позднее сочинение здесь можно датировать 1840 г.¹⁰ Отождествить указанный сборник с другим собранием сочинений Федорова, готовившимся в 1844 г. и также не увидевшим свет, не позволяет отсутствие в нем созданных после 1840 г. стихотворений, посвященных Н. С. Мордвинову.¹¹

Наряду с прочими не публиковавшимися в других изданиях сочинениями Федорова¹² в сборнике Пушкинского Дома обнаруживается и датированное 1837 г. стихотворение «На смерть поэта» (с. 98–99). Это, по-видимому, то самое сочинение, о котором говорит в своем письме А. М. Языков:

⁹ На первой странице — запись карандашом: «Poésies attribuées à Khvostoff» (Стихи, приписываемые <Д. И.> Хвостову). За помощь в разборе надписи сердечно благодарю П. Р. Заборова.

¹⁰ Стихотворение «Сочинителю книги: Оборона летописи русской» («Дух отвержения пытливый...») (с. 186–188) является откликом на книгу П. Г. Буткова «Оборона летописи русской, Нестеровой, от навета скептиков» (СПб., 1840).

¹¹ В письме от 21 июля 1844 г. Федоров писал Н. С. Мордвинову: «Не оставляя русскую словесность, я издаю теперь собрание моих стихотворений, в которых между прочим поместил несколько пиес, посвященных Вашему сиятельству» (РГИА, ф. 994, оп. 2, № 980, л. 9). Помимо связанных с Мордвиновым стихов 1830-х гг., вошедших в сборник Пушкинского Дома (два стихотворения: 1): «Вековой липе нашего сада» (с. 138–139); написано в июле 1833 г., опубл. в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1834. № 90, 91 и 92) и отдельным листом (РГИА, ф. 994, оп. 2, № 980, л. 1–1 об., 14–15 об.); 2): «Графу А. Н. Мордвинову» («Какою силою волшебной...»; с. 140–144); написано 19 июля 1835 г. (РГИА, ф. 994, оп. 2, № 980, л. 3–5); опубл.: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. № 68), Федоров в 1840-х гг. пересылал Мордвинову другие свои стихотворения: «При получении известия о новом приношении... Императорскому экономическому обществу» (РГИА, ф. 994, оп. 2, № 980, л. 6–7; июнь 1842 г.), «Графу Николаю Семеновичу Мордвинову» («Когда величия пора...») (Там же, л. 10–11 об.; 21 июля 1844 г.) и «К портрету адмирала графа Н. С. Мордвинова» (Там же, л. 8; б/д); ни одно из этих трех поздних сочинений не вошло в сборник Пушкинского Дома.

¹² См., например, стихотворение «На внесение бюста А. С. Шишкова в императорскую Российскую академию» (с. 171–173), сохранившееся в бумагах Российской академии и опубликованное лишь в наши дни (см.: Кочнева Е. В. К истории создания скульптурного портрета А. С. Шишкова из собрания Российской Академии // Русская литература. 2012. № 2. С. 109–110).

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Жизнь кончена! — угас
Светильник мыслей вдохновенных!
Сокрылася звезда Поэтов современных.
Нет больше Пушкина средь нас,
И сетует о нем Россия.

О! тленны все цветы земныя!
Жизнь кончена?.. Светла для Веры даль!

Но слезы скорби льются;
*Нам жаль его! Поэта жаль!*¹³
Он розы счастья едва успел коснуться,
И нет уже его! — Любя ему внимать,
Как тяжело нам себе сказать:
Его мы не увидим боле!
И голос Пушкина в наш слух не долетит!
И прах его далеко скрыт...

Смерть встретила его в цветущем жизни поле;
Но песнь души твоей, Поэт, осталась нам —
Твой лучший памятник родным, друзьям, векам.

Душе, не скованной телесными цепями,
Открыты небеса с их светлыми путями.
Умолкни, сердца скорбь!.. Надеждой окрылясь,
Мысль утешения при гробе нам являлась:
Что жизнь твоя, Поэт, для Неба началась,
С тех пор, как для земли скончалась.

Из круга друзей Пушкина, бывших рядом с ним в последние дни, Федоров был близок с А. И. Тургеневым, который покровительствовал ему с 1818 г. и к которому Федоров сохранил доверительное отношение и после того, как в 1824 г. тот оставил пост директора Департамента духовных дел. Известная помощь, оказанная Тургеневым Федорову в 1826 г. при подготовке первой книги «Памятника отечественных муз»;¹⁴ в 1836—1837 гг. именно Федоров за-

¹³ Здесь Федоров, как и многие современники, оценивает дуэль и смерть Пушкина в контексте строф о дуэли в «Евгении Онегине» («Друзья мои, вам жаль поэта...» — VI, 132).

¹⁴ См.: А. И. Тургенев в его письмах // Русская старина. 1881. № 6. С. 188; Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 396—397 (письмо А. А. Дельвигу от 15 сент. 1826 г. и комм. В. Э. Вацуро).

нимался хлопотами по неосуществленному изданию карамзинских материалов, которыми располагал Тургенев.¹⁵ Впервые после смерти Пушкина Федоров упоминается в дневнике Тургенева 2 февраля: патрон поручает ему «собрать сведения о Пскове» в связи со сборами к перевозке гроба с телом Пушкина. Вечером того же дня (после того как у К. С. Сербиновича Тургенев познакомился с запиской И. Т. Спасского «о последних минутах Пушкина» и лермонтовскими стихами «На смерть поэта») Федоров и Тургенев встречаются в доме Е. А. Карамзиной.¹⁶

Именно через А. И. Тургенева стихи Федорова на смерть Пушкина стали известны в Симбирске. В своем дневнике 20 февраля 1837 г. он записывает: «Писал к <А. Я.> Булг<акову> и послал письмо к Ив<ану> Сем<еновичу> <Аржевитинову> в ответ на его, и обо мне, и другое о просьбе к к<нязю> Меншикову за 3х <нрзб.>. Послал копии с прош<ения> К<нязя> Гол<ицына> со стихами Федор<ова> на Пуш<кина> и 2 № Прибавлен<ий> к Инвалиду».¹⁷ Упоминаемый здесь симбирский помещик И. С. Аржевитинов, двоюродный брат Тургенева, был его постоянным корреспондентом; в частности, через А. Я. Булгакова Тургенев сообщал ему в январе — феврале 1837 г. о событиях, связанных со смертью Пушкина.¹⁸ По предыдущему письму Тургенева к А. Я. Булгакову, написанному 17 февраля, где стихотворение Федорова еще не упоминается, последнее можно предположительно датировать 17—20 февраля 1837 г.

Оставшийся неизданным сборник поэзии Федорова из библиотеки Пушкинского Дома отражает его знакомства и с другими друзьями Пушкина: помимо А. И. Тургенева, которому посвящено напечатанное здесь стихотворение «Портрет» («Есть в мире чудный человек...»; с. 176—185),¹⁹ это и В. А. Жуковский, и семья Карамзиных. Стихотворение «В. А. Жуковскому» («Под небо родины своей...»; с. 145—146) представляет собой подносные стихи на его именины 1838 г.; стихи Федорова на именины Жуковского 1837 г.

¹⁵ См.: Саитов В. Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806—1826) // Русская старина. 1899. № 1. С. 211—213.

¹⁶ См.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 201.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 316, л. 75 об.

¹⁸ А. И. Тургенев о кончине Пушкина // Русский архив. 1903. № 1. С. 143—144; Коншина Е. Н. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову // Московский пушкинист. М., 1927. Вып. 1. С. 33—41.

¹⁹ Первая публ.: Литературная газета. 1840. № 11. 7 февр. С. 248—252 (датировано 1839 г.).

упоминаются в дневнике А. И. Тургенева.²⁰ Судя по первому стиху другого подносного стихотворения, «Александру Николаевичу Карамзину» («Благодарю за Ульяна...»; с. 174–175), к 1839 г. отношения Федорова с семейством Карамзиных вовсе не ограничивались формальными хлопотами в связи с упомянутым несостоявшимся изданием А. И. Тургенева. О том, что в этом знакомстве существенную роль сыграла смерть Пушкина и события вокруг нее, можно судить по последней строфе этого стихотворения, где стихотворная повесть А. Н. Карамзина «Борис Ульин» (СПб., 1839) сравнивается с творчеством погибшего поэта:

Не дух ли Пушкина незримый,
Слетая в круг его любимых,
В знакомых мир к друзьям своим,
Весть подает Карамзиным?
Свой дар, утраченный для света,
В молодого перелив поэта,
Как будто молвит Пушкин нам:
«Еще я с вами, я здесь сам!»

Таким образом, Федоров получал сведения о дуэли и смерти Пушкина от людей, бывших рядом с ним в последние дни. Это отразилось во фразе, с которой начинается стихотворение, — предсмертных словах Пушкина «Жизнь кончена», в разных вариантах сохраненных А. И. Тургеневым, Е. А. Карамзиной, И. Т. Спасским, В. И. Далем, Е. Н. Мещерской и В. А. Жуковским. Сама оценка этих слов как житийного рубежа, отделяющего земную жизнь благочестивого христианина от жизни вечной, в полной мере согласуется с идеей о предсмертном преображении Пушкина, представленной в известном письме Жуковского к отцу поэта и противопоставленной взгляду Николая I на Пушкина как плохого христианина. При этом следует учитывать чрезвычайную набожность самого Федорова и его не менявшееся со временем восторженное отношение к Пушкину,²¹ отчего христианская оценка смерти поэта оказы-

²⁰ В 1837 г. Федоров, по-видимому, также написал стихи на день рождения Жуковского, но не смог их поднести из-за того, что накануне состоялась дуэль Пушкина. Спустя несколько дней он пытался, по-видимому, поднести их через Тургенева (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 201).

²¹ См., например, отзыв на 2-й том анненковского издания «Сочинений» Пушкина, написанный Федоровым как помощником члена (цензором-чтецом) Бутурлинского комитета в 1855 г.: отмечая «безнравственные» места издания, он все же бесспорно признает за Пушкиным право исключительности и предлагает

вается для него совершенно органичной. Поскольку стихотворение было создано не спонтанно, а спустя три недели после смерти Пушкина, когда позиция В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и других представителей их круга по защите погибшего друга от обвинений в либерализме уже не только определилась, но и нашла выражение в широко распространявшихся в обществе текстах, можно утверждать, что это сочинение Федорова стало осознанным шагом по защите погибшего поэта в духе благонамеренности. Некоторая оппозиционность подобного высказывания объясняет, как кажется, то, почему стихотворение не было опубликовано в 1837 году.

печатать соответствующие сочинения отдельной книгой, подобно анакреонтике Г. Р. Державина (РГИА, ф. 1611, оп. 1, № 268, л. 68–69). Для Федорова, отличавшегося от всех прочих сотрудников комитета доходящей до комического ханжества борьбой за чистоту нравов, подобный отзыв беспрецедентен.

ОЛЕГ ПРОСКУРИН

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВИНОКУРА-ПУШКИНИСТА

Без работ выдающегося филолога Григория Осиповича Винокура (1896—1947) невозможно представить себе историю пушкинистики. Его наследие и сейчас живо и актуально: так, комментарий к 7-му тому новейшего Полного собрания сочинений Пушкина в значительной степени построен на «диалоге» с работами Винокура 1930-х гг.¹

В 1942 г. Винокур защитил в качестве докторской диссертации монографию «Очерки текстологии и языка Пушкина», подводящую итоги его пушкиноведческих штудий 30-х — начала 40-х гг. В этом *филологическом* (на таком определении настаивал сам автор) исследовании оказались блистательно соединены компетенции Винокура как текстолога, лингвиста, стиховеда и историка литературы. В архиве Винокура сохранилось содержание книги:

Предисловие.

1. Текст и история создания «Бахчисарайского фонтана».
2. Текст и история создания «Цыганов». (С прибавлением статьи «Монолог Алеко»).
3. Текст и история создания «Бориса Годунова». (С прибавлением статьи «Кто был цензором «Бориса Годунова»).
4. Язык «Бориса Годунова».
5. Слово и стих в «Евгении Онегине».
6. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина.

Приложения.

Транскрипции рукописей «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов», «Бориса Годунова» и их текстологические принципы.²

¹ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7, по указателю.

² РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 64.

Осуществленные Винокуром транскрипции рукописей легли в основание критических изданий двух поэм и «Бориса Годунова» в большом академическом (юбилейном) Полном собрании сочинений Пушкина, а почти все разделы диссертации были напечатаны при жизни Винокура в виде статей и комментариев. После кончины исследователя большинство из них не раз переиздавалось вплоть до конца XX века.³ На этом фоне бросается в глаза одна заметная лакуна: разделы, посвященные тексту и истории создания «Бахчисарайского фонтана» и «Цыганов», до нас не дошли. Как известно, в 1930-х гг. Винокур принял самое активное участие в подготовке собраний сочинений Пушкина — сначала для издательства «Академия», а потом для академического Полного собрания сочинений. Для последнего Винокур подготовил текст «Бориса Годунова» и двух южных поэм. Его обширный комментарий к «Борису Годунову» вошел в «пробный» седьмой том академического Полного собрания сочинений (1935). Том этот по разным причинам не удовлетворил высшие партийно-государственные инстанции, в результате чего вся концепция Полного собрания сочинений была радикально пересмотрена: издание стало выходить вовсе без комментариев, лишь с небольшими текстологическими справками. Пробный том остался в своем роде уникальным и превратился в библиографическую редкость.

Вполне завершенные комментарии Винокура к подготовленным им поэмам остались неопубликованными. В сопроводительной статье к недавнему сборнику пушкиноведческих работ Винокура Р. М. Цейтлин упоминает «шесть авторских листов комментария к «Бахчисарайскому фонтану» и три листа комментария к «Цыганам»».⁴ Где сейчас эти комментарии — неизвестно. В архиве Винокура в РГАЛИ сохранились только транскрипции черновиков обеих поэм, подготовительные выписки из разных источников (например, из поэм Боброва), разрозненные фрагменты текстологической части комментария к «Бахчисарайскому фонтану» (причем, судя по ряду признаков, относящиеся к разным стадиям работы) и букваль-

³ См., например, сборники трудов Винокура: Избранные работы по русскому языку (М., 1959); Филологические исследования (М., 1990; в этом издании самостоятельный интерес представляют содержательные комментарии М. И. Шапира); О языке художественной литературы (М., 1991); Собрание трудов: Статьи о Пушкине (М., 1999); Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина (М., 1999) и др. Некоторые из этих сборников ныне доступны в электронном формате. См.: <http://danefae.org/lib/vinokur/#3>

⁴ Цейтлин Р. М. Г. О. Винокур — пушкинист // Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 240.

но клочки комментария к «Цыганам». На одной из сохранившихся машинописных страниц с фрагментом историко-литературного комментария к «Бахчисарайскому фонтану» проставлен порядковый номер 97; это дает некоторое представление об объеме утраченного труда.

О структуре комментариев можно судить по сохранившемуся в бумагах Винокура плану доклада о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (доклад сделан на заседании Пушкинской комиссии в Ленинграде 14 марта 1936 г.).⁵ Некоторые идеи, впервые изложенные в этих комментариях, нашли отражение в переписке Винокура с другим выдающимся пушкинистом — Б. В. Томашевским (эта переписка охватывает промежуток с конца 1920-х гг. до 1946 г. и представляет значительный культурно-исторический интерес). Так, 30 декабря 1940 г. Винокур в ответ на не сохранившееся письмо Томашевского (в котором тот, судя по всему, делился с корреспондентом своими соображениями об истории текста «Бахчисарайского фонтана») писал:

Дорогой Борис Викторович,

отвечаю Вам немедленно. На этот раз Ваши указания на связь «Б<ахчисарайского> Ф<онтана>» с «Аб<идосской> невестой» в точности повторяют то, что мною уже написано было несколько лет назад в комментариях к «Б. Ф.», и я очень рад, что мои предположения так хорошо подтверждаются самостоятельными наблюдениями другого. Цитирую по своей рукописи: «К апрелю 1821 г. относится черновик стихотворения “Кто видел край...”. По сопоставлению с началом “Аб<идосской> н<евесты>” Байрона, к<ото>рым навеяны эти стихи (см. об этом ниже), можно высказать предположение, что они были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к этой новой поэме. Впоследствии тема этого стихотворения повторена в заключительных стихах Б. Ф.». Как видите, я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого и не думал об этом, а остальное почти все в точности совпадает. Несколько слов об этом было уже напечатано мной, если не ошибаюсь (не могу сейчас отыскать книжки), в Красной Нови 1936, № 3: «Крымская поэма Пушкина». Далее, я высказываю предположение, что этот замысел сменился замыслом иного лирическ<ого> вступления, тоже 5-стопн<ым> ямбом, т. е. «Там некогда, мечтаньем упоенный», к<ото>рый я датировал — июнем 1821 г. Вы совершенно правы и в том отношении,

⁵ РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21.

что октавы писаны сейчас же после «Пленника». «Ниже», т. е. в отделе лит<ературных> параллелей, я привожу байроновские тексты и т. д. Вообще, хорошо было бы, если бы Вы прочли мой комментарий. Там сделано многое наспех и без необходимых сведений по западной литературе, так что Вы многое могли бы подправить — хотя черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!⁶

Томашевскому, по-видимому, так и не довелось прочесть винокуровский комментарий к «Бахчисарайскому фонтану» целиком, но сведения, сообщенные ему в письме Винокура, он не только принял во внимание, но даже обнародовал. Указав в своей знаменитой монографии о Пушкине на то, что стихотворение «Кто видел край, где роскошью природы...» «написано октавами по образцу октав Жуковского, предпосланных “Двенадцати спящим девам” (перевод посвящения “Фауста”）」,⁷ Томашевский продолжал: «Высказывалось предположение, что оно предназначалось в качестве введения к крымской поэме (т. е. вероятно, к “Бахчисарайскому фонтану”, первая мысль о котором относится приблизительно к тому же времени)». И далее: «Догадка эта основывается на аналогии со вступительными стихами Байрона к “Абидосской невесте”, оказавшей несомненное воздействие на создание “Бахчисарайского фонтана”」.⁸ Как нетрудно заметить, упомянутое «предположение» — не что иное, как выводы Г. О. Винокура, с которыми тот эпистолярно познакомил Томашевского.⁹

В своем пессимистическом сомнении («черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!») Винокур оказался прав: его комментарии к южным поэмам света так и не увидели. Только очень небольшая часть результатов работы над «Бахчисарайским фонтаном» и «Цыганами» нашла отражение в пе-

⁶ РГБ, ф. 645, карт. 35, № 77, л. 6—6 об.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 489. Это, видимо, то именно наблюдение, которым Томашевский поделился в не дошедшем до нас письме к Винокуру и о котором Винокур говорит в своем ответе («я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого»).

⁸ Там же. С. 491 и примеч.

⁹ Сейчас трудно сказать, почему Томашевский, излагая мнение Винокура, не упомянул его имени. Во всяком случае, следует принять во внимание, что упоминание комментариев, снятых из академического издания по распоряжению властей, было практически табуировано в советской печати вплоть до появления статьи С. М. Бонди «Об академическом издании сочинений Пушкина» (Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123—131); ленинградские же издательства с 1946 г. отличались повышенной осторожностью даже по сравнению с московскими.

части, причем — парадоксальным образом — не в специальной, а в так называемой «массовой». В канун пушкинского юбилея литературно-художественные и литературно-критические журналы охотно публиковали статьи о Пушкине. Благодаря этому в популярных журналах смогли увидеть свет две исследовательские статьи Винокура: в журнале «Красная новь» — статья «Крымская поэма Пушкина» (с очень важными, хотя и конспективно изложенными, текстологическими наблюдениями);¹⁰ в «Литературном критике» — статья «Монолог Алеко» (реконструкция важного фрагмента, не вошедшего в основной текст «Цыганов»; в этой статье давалось и краткое изложение истории текста поэмы, вынужденно ужатое до минимума в текстологических примечаниях к IV тому Полного собрания сочинений Пушкина).¹¹ Но эти статьи — именно потому, что были напечатаны в массовых журналах, к которым редко кто обращается спустя годы после их выхода, — оказались на периферии внимания исследователей.¹²

Ущерб, нанесенный утратой комментариев Винокура к южным поэмам, очень значителен: даже по журнальным публикациям и по немногочисленным уцелевшим фрагментам видно, что они могли бы далеко продвинуть изучение истории текста poem и существенно стимулировать изучение их поэтики.¹³

¹⁰ Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3. С. 230—243. В новейший сборник работ Винокура о Пушкине эта статья почему-то не вошла; составители предпочли ей менее содержательную и более «популярную» статью о пушкинской поэме (Винокур Г. О. «Бахчисарайский фонтан» // Литературное обозрение. 1937. № 1. С. 54—60), при этом контаминировав ее (!) с фрагментами статьи Винокура из брошюры, выпущенной к постановке балета Ю. Асафьева «Бахчисарайский фонтан» (Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Бахчисарайский фонтан: Сб. статей. Л., 1937. С. 3—16). См.: Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 43—59 (вставка из брошюры — с. 46—48).

¹¹ Винокур Г. Монолог Алеко // Литературный критик. 1937. № 1. С. 217—231.

¹² Так, например, в статье «Крымская поэма Пушкина» Винокур указал на отражение в пушкинском послании Чаадаеву «таврической» поэмы С. Боброва (он повторит это указание — с другими целями — в одной из печатаемых ниже заметок). Наблюдение Винокура — конечно, независимо от него — через полвека повторил С. А. Фомичев (см.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 83). Новейшие исследователи будут ссылаться уже на Фомичева, а не на Винокура (см., например: Люсый А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000. С. 86—87).

¹³ Ряд извлечений из сохранившегося текста комментариев Винокура воспроизведен в примечаниях к репринтному изданию «Поэм и повестей» Пушкина 1835 г.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 255, 257, 258, 259, 262, 288, 354.

Тем больший интерес представляют три небольшие заметки под общим заголовком «Из комментариев к Пушкину», сохранившиеся в фонде Винокура в РГАЛИ (ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 52, л. 37—45). Это второй экземпляр машинописи, с небольшими рукописными исправлениями и вставками на полях. На верхнем поле первой страницы — карандашная помета рукой Винокура: «В исправленной редакции послано в Сборник в честь Белецкого». Сборник этот, вероятно приуроченный к наступившему 60-летию или к приближавшемуся 65-летию А. И. Белецкого (род. 21 октября / 2 ноября 1884 г.), однако так и не был опубликован — видимо, из-за начавшейся борьбы с космополитизмом, стремительно превратившей юбиляра в персону *non grata*.¹⁴

Две вошедшие в цикл заметки непосредственно выросли из комментаторской работы Винокура над «Бахчисарайским фонтаном» (и его, так сказать, «литературным конвоем»). В первой из них — «Храм Дианы» — запечатлено несколько важных литературоведческих открытий. По иронии истории, все эти открытия на протяжении многих десятилетий связывались не с именем Г. О. Винокура, а с фигурами других пушкинистов.

Содержание заметки — обоснование датировки третьего послания Пушкина Чаадаеву («К чему холодные сомненья?...»), включавшегося в «Отрывок из письма к Д.», которым сопровождалась прижизненные издания «Бахчисарайского фонтана». Объясняя «противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина», смущавшее исследователей и заставлявшее их прибегать к малоубедительным домыслам, Винокур впервые вышел за пределы созданного самим Пушкиным «биографического мифа» и показал, что авторская датировка послания 1820-м годом (как и авторская помета «С морского берега Тавриды») являет собою сознательную мистификацию. Исследователь установил бесспорную внутреннюю связь пушкинского произведения с «Путешествием по Тавриде» (1823) И. М. Муравьева-Апостола, что позволило ему датировать послание Чаадаеву концом 1824 г.¹⁵

¹⁴ В 1947 г. А. И. Белецкий подвергся разгромной критике за преклонение перед Западом и приверженность порочным идеям А. Н. Веселовского. См.: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 568, 582, 583.

¹⁵ Нами было высказано предположение, что действительным стимулом для начала работы над посланием к Чаадаеву послужило знакомство Пушкина не с книгой Муравьева-Апостола, а с рецензией на нее в «Северном архиве» (1824. № 9, май). См.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 359—362. Следует, однако, заметить, что наши соображения не опровергают выводов Винокура, а отправляются от них.

Эта датировка была принята в академическом Полном собрании сочинений; с тех пор стихотворение датируется 1824 г. во всех без исключения изданиях Пушкина. Но поскольку комментарий с обоснованием этой даты так и не был опубликован, пионерская роль Винокура оказалась забыта, а место первооткрывателя занял другой крупный пушкинист: девять лет спустя после смерти Винокура аргументацию в пользу датировки послания 1824 г. изложил в своей монографии Б. В. Томашевский. Как и Винокур, он положил в основу аргументации связь пушкинского послания с книгой Муравьева-Апостола и обобщил свои соображения выводом: «Эпизод на развалинах храма Дианы подсказан чтением “Путешествия по Тавриде”».¹⁶

Именно книга Томашевского стала в глазах последующих поколений пушкинистов отправным пунктом для датировки третьего послания к Чаадаеву (и даже для активизировавшихся в последнее время попыток оспорить эту датировку¹⁷). Разумеется, Б. В. Томашевский пришел к заключениям, сходным с выводами Винокура, вполне самостоятельно (в противном случае он, конечно, не стал бы выстраивать разветвленную систему аргументов почти на трех страницах, а ограничился бы упоминанием высказанного другими «предположения»). Горький драматизм ситуации от этого становится только острее: выдающийся пушкинист повторил открытие другого выдающегося пушкиниста (и *поневоле* присвоил принадлежащий другому приоритет) только потому, что по прихотливой воле властей результаты научной работы не могли быть своевременно опубликованы!..

В той же заметке Винокур показал, что так называемый «Отрывок из письма к Д.» — это не частное письмо в собственном смысле слова, а литературное произведение, особого рода художественный «травелог», облеченный в эпистолярную форму. Этот вывод (сейчас кажущийся само собой разумеющимся) был для своего времени нов и неожидан. И сделать его должен был именно Г. О. Ви-

¹⁶ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 499–501; см. также: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 48–49.

¹⁷ См., например: «Вслед за Б. В. Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под “холодными сомненьями” подразумевается “мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у Георгиевского монастыря”, изложенное в его книге “Путешествие по Тавриде”...» (Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. «К чему холодные сомненья?..»: К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Георгиевском монастыре на мысе Фиолент // Крымский архив. 1999. № 5. С. 31).

нокур. Еще в 1920-х гг. он отметил связь между пушкинской прозой и некоторыми пушкинскими письмами. Он указал, в частности, что уже «первое письмо Пушкина с юга, адресованное брату Льву <...> объективно обращено не к одному только брату и читается нами как описательная повесть, как образчик особого литературного жанра — *путешествие*». И далее продолжил: «Известное письмо к Дельвигу, напечатанное в приложении к третьему изданию “Бахчисарайского фонтана” (1830), примыкая к тому же жанру путешествия, отличается вместе с тем уже некоторыми чисто-новеллистическими чертами...».¹⁸ Изучение рукописи «Отрывка из письма к Д.» только укрепило Винокура в сложившемся мнении и позволило ввести «письмо» в состав пушкинских литературных произведений не только на теоретическом, но и на практическом уровне — в томе пушкинской прозы.¹⁹

Однако честь открытия специфически *литературного* характера «Отрывка из письма к Д.» обычно не связывается с именем Винокура. Чаще всего приоритет в установлении особой жанровой природы «Отрывка...» приписывается Д. Д. Благому, редактировавшему текст для 8-го, а затем и для 13-го (эпистолярного) тома Полного собрания сочинений Пушкина и ни словом не упомянувшему о том, чьими наблюдениями он, собственно, воспользовался.²⁰ Г. О. Винокуру пришлось специально отметить: «Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста “Бахчисарайского фонтана”, были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания...». Компетентный читатель может вполне оценить ироническую язвительность этого пояснения, облеченную в безукоризненно корректную, внешне почти комплиментарную форму: силою вещей

¹⁸ Винокур Г. Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1929. С. 300, 301.

¹⁹ Есть, впрочем, основания усомниться в том, что адресатом «Письма к Д.» был именно Дельвиг. Но эти сомнения не отрицают, а скорее подкрепляют центральный тезис Винокура о «литературности» пушкинского текста.

²⁰ См., например: «Д. Д. Благой в комментариях к этому письму справедливо отметил, что оно является “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 255); «...оно является, как отметил Д. Д. Благой в комментарии к тому же пушкинскому XIII тому, “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев. СПб., 2002. С. 220).

Д. Д. Благой то и дело оказывался бенефициаром начальственных акций, от которых страдали другие исследователи.²¹

В известном смысле нынешняя публикация старой заметки призвана служить не только восполнению историографических лакун, но и восстановлению исторической справедливости.

* * *

Вторая заметка («Берега Салгира»), также восходящая к работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану»,²² являет собой блестящий образец *филологической* критики, ее продуктивности для решения специальных комментаторских задач.²³ Предшественники Винокура (А. Л. Бертье-Делагард, Б. Л. Недзельский), разъясняя смысл образа «брега Салгира» в поэтических текстах Пушкина (в «Бахчисарайском фонтане» и в «Евгении Онегине»), действовали как историки-краеведы: они предполагали, что, поскольку Салгир протекает не через Бахчисарай, а через Симферополь, Пушкин либо ошибся, либо использовал ошибочное название, прилагавшееся населением Крыма чуть ли не ко всем крымским рекам.²⁴ Сходные объяснения продолжали появляться и во второй половине XX в.: В. В. Набоков, в общем присоединяясь к объяснению Недзельского («словом “Салгир” татары называли любую реку в Крыму»), при этом замечал, щеголяя причастностью к пушкинским маршрутам и лучшим, чем у Пушкина, знанием крымской географии: «Возможно, однако, что Пушкин перепутал Чурюк с настоящим Салгиrom — рекой в другой, восточной части Крыма, которая начинается

²¹ Ср. письмо Ю. Г. Оксмана к М. К. Азадовскому от 11 февраля 1952 г.: «Самое пикантное, что Благой, кот<ором>у редакция любезно предоставила рукописи всех моих статей, успел включить в свое предисловие к публикации “Пушкин в неиздан<ной> переписке современников” все то, что из моих статей было затем изъято» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998. С. 250).

²² Подпункт «Салгир» особо выделен (подчеркнут) в плане выступления Винокура на Пушкинской комиссии в Ленинграде (14 марта 1936 г.) с отчетом о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (см.: РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21).

²³ Извлечение из этой заметки воспроизведено в нашем комментарии к «Бахчисарайскому фонтану» в изд.: *Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 348–349.*

²⁴ Следует заметить, что эта практика оказалась чрезвычайно устойчивой: пишущий эти строки помнит, что еще в 1970-х гг. жители Гурзуфа упорно называли протекающую через поселок реку Авунду «Салгиrom».

вблизи Аяна и течет на север, к Симферополю».²⁵ Совсем недавно М. В. Строганов предложил еще одно объяснение формулировки «берега Салгира». В словарной заметке «Бахчисарай», помещенной в «Материалах к Пушкинской энциклопедии» под его редакцией, по этому поводу говорится: «Бахчисарай стоит на реке Чюрюк-су (буквально 'гнилая вода'), а Салгир протекает через Симферополь <...>. Сурук-су названа она и у Муравьева-Апостола <...>. Но ни Сурук-су, ни Чюрюк-су, ни тем более перевод этого названия на русский язык не ложился в стих, и П<ушкин> написал Салгир».²⁶ Там же (в статье «Берег, брег») повторено: «берега Салгира» — «это (хотя и ошибочно, см. *Бахчисарай*) метонимия Бахчисарая».²⁷

Подобные объяснения нельзя, однако, признать удовлетворительными: с Бахчисараем можно связать разве что «пленниц берегов Салгира»; в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821) и в LVII строфе Первой главы «Евгения Онегина» определенно говорится не о Бахчисарае, а о Крыме вообще, прежде всего о его южном («полуденном») берегу. О рискованности же объяснять выбор Пушкиным «неожиданного» слова просодическими соображениями нам уже доводилось писать.²⁸

Подкупающее ясностью и простотой объяснение Винокура оказывается вместе с тем куда убедительнее, чем все краеведческие экзерсисы: исследователь взглянул на проблему не как краевед и не как географ, а как *филолог* — то есть рассмотрел пушкинскую формулировку не в контексте крымской гидронимии, а в контексте поэтической фразеологии эпохи. Это и позволило ему увидеть в соответствующих пушкинских текстах не фактическую неточность и не отражение особенностей местного словоупотребления, а поэтический прием, метонимическое обозначение (опирающееся на европейскую традицию и вполне обычное для эпохи) не Бахчисарая,

²⁵ Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. Н. М. Жутовской. СПб., 1998. С. 213. Ср.: Eugene Onegin, A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: In 4 vol. / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 212.

²⁶ Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 33.

²⁷ Там же. С. 35. Следует, однако, заметить, что в статье «Салгир» Строганов роняет замечание, которое ставит под сомнение его предыдущие соображения и неожиданно сближает его с Винокуром: «Впрочем, современники П<ушкина> постоянно вспоминают Салгир при всяком обращении к Крыму» (Там же. Ч. 2. С. 146).

²⁸ Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 276–277 (в связи с прилагательным «Александрейский» в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

а Крыма.²⁹ Выводы Винокура имеют как конкретно-прикладное, так и общеметодологическое значение; они важны не только для понимания трех пушкинских текстов, но и для понимания истории русской поэтической фразеологии.

* * *

Наконец, третья заметка, уже не связанная непосредственно с южными поэмами, представляет собой блестящий пример находки, стимулированной довольно нелепым академическим заблуждением. Источник пушкинской шутки, казалось бы лежащий на поверхности, тем не менее не был выявлен в течение почти семидесяти лет, прошедших со времени создания заметки Винокура. Аллюзии на героиню крыловской комедии не распознаны и не отмечены ни в одном из комментированных изданий писем Пушкина, появившихся с той поры, — ни в малом академическом Собрании сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского, ни в десяти томном Собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством «Художественная литература», ни в англоязычном трехтомном издании писем Пушкина в переводе и под редакцией Дж. Т. Шоу (1963), ни в двухтомнике «Переписка А. С. Пушкина» (1982).³⁰ Таким образом, заметка Винокура по сей день сохраняет всю свежесть, новизну и значимость научного открытия.

Но и она, при всем своем частном и конкретном характере, выводит читателя к целому спектру проблем, актуальных для современного исследователя: это и культура остроумия в пушкинскую эпоху, и круг чтения Пушкина и его современников, и роль жанра комедии как генератора цитатного фонда в культурном обиходе первой трети XIX в. (перефразируя «Урок дочкам» в письме к Вязем-

²⁹ Ср. в этой связи формулировку исследовательницы: «В <...> ряду ходовых поэтизмов пушкинского времени стоит и сочетание *на брег (берег), брега (берега) чего, на брегах (берегах) чего*, употребляемое метонимически для обозначения страны, города, пространства, расположенного на этих берегах» (Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В. Д. Левин. М., 1969. С. 50; на с. 50–51 — ряд примеров, в том числе и с «брегами Салгира»). А. Д. Григорьева — ученица и сотрудница Г. О. Винокура (как и В. Д. Левин). Можно поэтому смело утверждать, что составленный Григорьевой каталог перифраз базируется на идеях Винокура.

³⁰ На то, что в письме Пушкина Вяземскому цитируется «Урок дочкам», указал Б. В. Томашевский в примечании к своей книге (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 249, примеч. 169), но без раскрытия контекста цитаты и без каких-либо специальных пояснений. Именно поэтому, надо думать, его наблюдение не вошло в научный обиход.

скому, который относился к Крылову с острой неприязнью, Пушкин тем не менее не сомневался, что его адресат без труда распознает аллюзию на крыловскую комедию), и, наконец, живой интерес к лингвистическим спорам начала XIX века в 1820-х гг.

Текст заметок Г. О. Винокура печатается с сохранением авторских особенностей правописания и оформления материала (в том числе библиографических ссылок). Исправления и рукописные (чернильные) вставки в машинописный текст специально не оговариваются. Исключение сделано для одного неотделанного примечания, набросанного карандашом на полях первой заметки.

Г. О. ВИНОКУР ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПУШКИНУ

1. ХРАМ ДИАНЫ

Предание о храме Дианы в Тавриде и связанный с ним миф об Ифигении, Оресте и ПилADE послужили Пушкину мотивом для известного послания к Чаадаеву:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм

и т. д. Известны затруднения, связанные с датировкой этого стихотворения. Сам Пушкин печатно указывал, что оно написано в 1820 г. в Крыму. Это указание находим как при первой публикации стихотворения в 1825 г. в «Северной пчеле», № 12, так и при последующих его перепечатках в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 и 1829 г. Помимо того, в «Отрывке из письма к Д.», т. е. к Дельвигу, напечатанном в «Северных цветах на 1826 г.» и воспроизведенном в качестве приложения к третьему (1830) и четвертому (1835) изданиям «Бахчисарайского фонтана», Пушкин писал: «Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они». Далее следует полностью текст интересующего нас стихотворения (в четвертом издании «Бахчисарайского фонтана» он опущен). Таким образом, Пушкин шесть раз печатно заявил, что написал свое стихотворение в 1820 г. в Крыму.

Однако это заявление Пушкина невозможно согласовать с тем, что сохранившийся черновик этого стихотворения, как впервые установил Л. Н. Майков (см. его «Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина», 1902, стр. 196—7), несомненно писан в 1824 г. в Михайловском. Черновик этот находится в записной тетради № 2396 (по нумерации Ленинской библиотеки в Москве <в действительности № 2369; ныне ПД 834>) между произведениями 1824 г., при чем исключена всякая мысль, будто Пушкин мог записывать что-либо в этой тетради уже в 1820 г. Противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина неустранимо. Вопрос лишь в том, чему в данном случае верить — черновику или заявлениям Пушкина. Большинство изданий сочинений Пушкина шло в этом отношении за Пушкиным.* Но можно с несомненностью доказать, что Пушкин в данном случае сообщал датировку заведомо неправильную.

Осенью 1823 г., в период подготовки «Бахчисарайского фонтана» к изданию (издание это осуществлял Вяземский в Москве), Пушкин заинтересовался дошедшими до него слухами о новой книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823). 4 ноября 1823 г. Пушкин писал Вяземскому с просьбой выписать что-либо «посноснее» из этой книги в качестве приложения к изданию «Бахчисарайского фонтана», что, как мы знаем, и было сделано Вяземским. Но сам Пушкин познакомился с книгой Муравьева только год спустя. В начале ноября 1824 г. Пушкин писал брату Льву из Михайловского, прося прислать ему эту книгу. То, что Пушкин не знал этой книги, пока был в Одессе, и, следовательно, узнал ее только в Михайловском, косвенно доказывается следующим местом из «Отрывка из письма к Д.»: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М. (т. е. Муравьев-Апостол), я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался».

Содержательная, интересно написанная книга Муравьева-Апостола не могла не оживить в памяти Пушкина его крымские впечатления. В частности, должны были обратить на себя внимание Пушкина те страницы книги, которые содержат пространное опровержение мнения, согласно которому развалины какого-то строения по соседству с Георгиевским монастырем представляют собой остатки храма Дианы, упоминаемого античными писателями. По этому

* Ак. II. 330 пр. «Мы можем сказать только, что послание к Ч., созданное в 1820 г., было отделано окончательно в 1824 г.». Но рукопись — черновая, первоначальная. (Примечание вписано карандашом на полях. — О. П.)

поводу Муравьев-Апостол особенно настойчиво полемизирует с державшимся этого мнения знаменитым ученым путешественником Палласом, доказывая, что местоположение развалин, вопреки Палласу, вовсе не сходится с тем, что говорят об этом древние. Особенно подробно оспаривает Муравьев-Апостол право Палласа ссылаться в этом вопросе на Страбона. На стр. 92 книги Муравьева читаем: «Всей этой запутанности причиною, кажется мне, название мыса *Девиным* и *Капище* на оном *некоего божества*. Всякой человек с пылким воображением, с начитанностию, невольно нападает на мысль о Ифигении, когда речь зайдет о *Капище некоего божества Девы в Тавриде*; так точно и Паллас завлечен был; и что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помышлении не было говорить о дочери Агамемноновой».

Легко можно представить себе, что эти трезвые рассуждения Муравьева, противопоставляемые им пылкому воображению увлеченного Палласа, могли послужить для Пушкина толчком к своеобразной поэтической отповеди скептическим выкладкам ученого автора. Именно этот смысл и имеют начальные слова послания к Чаадаеву:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,

которые, вне соотнесения с каким-либо фактическим выражением сомнения в истинности легенды, оставались бы совершенно непонятными. Зная, что в конце 1824 г. Пушкин читал книгу Муравьева, и что примерно в это же время писался черновик послания Чаадаеву, с несомненностью приходим к выводу, что внешним поводом для послания была именно эта книга, и что собственная пушкинская датировка послания 1820 годом, с нарочитой пометой: «С морского берега Тавриды», есть не что иное, как литературная мистификация, продиктованная Пушкину самым замыслом его стихотворения.

Необходимо исправить также традиционное понимание «Отрывка из письма к Д.» как *частного* письма Пушкина к Дельвигу, понимание, мешавшее признать в пушкинской датировке литературный прием. Дело в том, что это не «простое», а именно *литературное* письмо, литературное произведение, написанное в ответ на прямой заказ Дельвига прислать что-нибудь для «Северных цветов». Именно, 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: «Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть». Интересно, что за исполнение просьбы Пушкин принялся только в декабре, т. е. уже после получения книги Мура-

вьева от брата. Ясно, что эта книга, как раз и упоминаемая в «Отрывке», была толчком для создания не только послания к Чаадаеву, но и «Отрывка».

Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста «Бахчисарайского фонтана», были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания, где «Отрывок из письма к Д.» помещен в качестве самостоятельного литературного произведения Пушкина. Новое толкование послания к Чаадаеву нашло себе отражение также в т. I сочинений Пушкина, изданных издательством Academia в 1936 г. (см. стр. 735). В предшествовавшем издании 1935 г. это стихотворение помещено еще под 1820 г. (т. I, стр. 306).

Добавлю еще, что строчки послания:

На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество

близко напоминают соответствующее место об Оресте и Пиладе в поэме Боброва «Таврида», которую, как известно, Пушкин внимательно читал во время работы над «Бахчисарайским фонтаном», т. е. позднее 1820 года. Именно, у Боброва читаем:

Я здесь хочу поведать вам,
Какое дружбы торжество
Единожды в сем страшном храме
Открылось от ведомых к жертве.

2. БЕРЕГА САЛГИРА

Это выражение встречается у Пушкина несколько раз, именно в черновой редакции стихотворения «Кто видел край» (1821):

Приду ли вновь, поклонник Муз и мира,
Забыв Молву и света суеты,
На берегах веселого Салгира
Воспомянуть души моей мечты;

далее в эпилоге «Бахчисарайского фонтана» (прообразом этого эпилога несомненно и является упомянутое стихотворение):

О скоро вас увижу вновь
Берега веселого Салгира;

в строфе LVII первой главы «Евгения Онегина» героини «Бахчисарайского фонтана» названы «пленницами берегов Салгира». В литературе о Пушкине выражение «берега Салгира» порождало недоумения. А. Бертье-Делагард в обстоятельной статье «Память о Пушкине в Гурзуфе» (Пушкин и его современники, в. XVII—XVIII, стр. 114—115), основываясь на том, что Пушкин, судя по всем данным, не останавливался в Симферополе, писал, что в указанном выражении нельзя понимать Салгир как название реки, протекающей в этом городе. Сам Бертье-Делагард склонялся толковать это слово у Пушкина как нарицательное, означающее вообще горную речку или сухоречье, а потому считал, что пушкинский Салгир означает горный поток, протекающий через Гурзуф. Мнение это было поддержано Б. Л. Недзельским (Пушкин в Крыму 1929, стр. 53—54), по словам которого «именем Салгира среди русского населения в Крыму называется не только река, протекающая через Симферополь, но и вообще крымские реки и сухоречья».

На деле же выражение «берега Салгира» означает просто Крым и представляет собой традиционную литературную привычку, связанную с общим для европейских литератур известного времени обычаем описательно называть страну или город по имени соответствующей реки, т. е. точно так, например, как «брега Невы» для Пушкина означали Петербург. В этом убеждает множество параллелей, которые можно привести к выражению «брега Салгира» из различных русских литературных памятников конца XVIII и начала XIX века. Приведу некоторые.

В книге Павла Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (СПб. 1803, ч. I, стр. 14) читаем: «Итак, прощай прелестный град, я в мирную Тавриду еду, прощай горделивая Нева, я на брега Салгира быстрого переселяюсь». В поэме Боброва «Таврида» (1798) и ее более поздней переделке «Херсониды» (1804) это выражение встречается постоянно, например:

Благотворящая природа,
Котора на хребтах высоких,
На мшистых берегах Салгира...

или:

Но что оратай ощущает
Живущий на берегах Салгира...

Ср. «Салгирски берега тенисты», «дубы при берегах Салгира» и пр., при чем во всех этих местах речь идет не о каком-нибудь отдельном населенном пункте Крыма, а о Крыме вообще.

Особенно любопытно в данном отношении сочинение Владимира Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» (1800, второе изд. 1802), в котором речь идет действительно о Салгире, протекающем через Сиферополь, но которое особенно наглядно показывает, каким образом эта речка могла, в соответствующей литературной традиции, превратиться в обобщенный поэтический символ Крыма вообще. В этом путешествии рассказывается чувствительная история Нового Вертера, симферопольского юноши, покончившего с собой из-за любви, причем постоянным фоном для отдельных деталей этого события служит Салгир, который именуется «томным», «тихим», «журчащим», и сравнивается с водопадом Воклюз на юге Франции, воспетым Петраркой и приобретшим во французской литературе значение символического ключа поэтов и влюбленных. Цитируя одного из французских поэтов, упоминающего именно в этом качестве Воклюз, Измайлов пишет: «И у нас есть сие сладкое убежище, и у нас есть свой Воклюз, и у нас виды Салгира пита-ли страсть двух нежных любовников.

Ключи Воклюза и Сальгира!
Вы милы для сердец чувствительных равно».

Вопреки мнению В. Я. Брюсова (Пушкин под ред. Венгерова. II, 99), Гераков в своих «Путевых записках» (1828, стр. 131), иронизируя над «плаксивыми путешественниками», прославившими Салгир, имеет в виду не Пушкина, а именно Измайлова.

К означенной традиции несомненно восходит и упоминание Салгира в «Элегии» Василия Туманского (1823):

Как звонкое журчание Салгира,
Как шопот миртов на горах,
Как шум ладьи, бегущей на волнах,
Приятен мне твой голос, лира!

Традиция эта отразилась и у Мицкевича. В его сонете «Piełg-
gzym» между прочим читаем:

Litwo! piały mi wdzięczniej tve szumiące lasy
Niż słowiki Bajdaru, Salhiry dziewice,

т. е.: «Литва! <твои> шумящие леса мне пели красивее, чем соловьи Байдара, девы Салгира».

Таким образом, в языке Пушкина выражение «берега Салгира» представляет собой не что иное, как своего рода поэтическое клише, в котором напрасно было бы искать каких-нибудь реальных топографических указаний.

3. НЯНЯ ВАСИЛИСА

В письме к Вяземскому 14—15 августа 1825 г. Пушкин писал: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах».

Не трудно догадаться, что речь здесь идет об эпохе крайней галломании, охватившей русское общество после Тильзитского мира и вызывавшей против себя протесты со стороны патриотического лагеря. Так это письмо и объясняется, например, в комментариях Б. Л. Модзалевского (см. Письма I, 498). Но как у Модзалевского, так и у других комментаторов Пушкина, до сих пор остается не разъясненным то, что больше всего нуждается в разъяснении в приведенном письме, именно — что означает здесь «няня Василиса»?

Станным образом никто не обратил внимания, что речь здесь идет о действующем лице известной комедии Крылова «Урок дочкам», впервые представленной как раз в 1807 г., 18 июня (П. Арапов, Летопись русского театра 1861, стр. 181). В том же году комедия появилась и в печати. В комедии Крылова няня Василиса преимущественно занимается тем, что неотступно присутствует при беседах двух дочерей ненавистника французской речи Велькарова, Феклы и Лукерьи, и по приказу его решительно препятствует попыткам двух модных барышень говорить между собой по-французски. Например, в явлении третьем читаем:

Лукерья. Eh bien, ma sœur... *Н. Василиса.* Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гневаться будет! *Лукерья.* Чтоб тебе оглохнуть, няня Василиса!

В следующей реплике Лукерья снова сбивается на французскую речь: «Ах! я так зла, что задыхаюсь от бешенства, так зла, так зла, что... ah si jamais je suis...» Но няня Василиса тут как тут: «Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гневаться по-русски!» Та же игра продолжается и дальше. Репликой Василисы: «Матушки барышни, извольте кручиниться по-русски» заканчивается и вся комедия.

Пушкин с исключительным остроумием пародирует в своем письме к Вяземскому этот вечный припев крыловской няни Василисы, призывая своего друга «браниться в рифмах», «жаловаться в стихах». То же блестящее остроумие Пушкина сказалось и в приравнивании к няне Василисе Шишкова и Глинки. Вообще это письмо Пушкина лишний раз свидетельствует о том, как остро воспринимал Пушкин литературную современность, даже и в таких ее фактах, которые он мог познавать только ретроспективно — ведь в 1807 г. Пушкину было всего восемь лет.

Отмечу совершенно курьезный комментарий к приведенному письму Пушкина, попавшийся мне на глаза в книге А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения», Одесса 1887—1888, стр. 26 (сноска) и своей курьезностью, собственно, побудивший меня вникнуть в истинный смысл слов Пушкина. Именно, Кочубинский писал: «По словам Пушкина, и дамы лагеря Шишкова говорили на славяно-русском языке». Вот образчик поистине изумительного искусства читать текст: правда, по Пушкину, шишковские дамы говорили на славяно-русском языке «редко», но значит, всё же говорили на нем!

1. V. 45.
Москва.

Г. Винокур

II. ОБЗОРЫ

А. Г. ВОЛХОВСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В 1840–1880-е ГОДЫ В ИСПАНИИ

Историю испаноязычного Пушкина принято отсчитывать с 1847 г., когда в Валенсии в журнале «El Fenix» вышел перевод повести «Метель» («El turbión de nieve»). В последующие 30 лет именно эта повесть оказалась самым издаваемым в Испании произведением Пушкина.¹ Перевод был сделан с французского языка и опубликован анонимно.² По этому переводу очень сложно судить об образно-стилистических достоинствах текста русского писателя. Но, по всей видимости, привлекательным для испаноязычного читателя оказались сами романтико-сентименталистские составляющие сюжета, «оголенный» фабульный костяк повести — мотивы любви, судьбы, стихии, долга, смерти. Важную роль, пожалуй, мог сыграть и ореол нордического экзотизма, сопутствующий «Метели».

Следует иметь в виду, что 1840-е гг. для Испании — это время интенсивного развития романтизма, продолжающегося впитывания

¹ Повесть выходила в различных периодических изданиях, а именно: La Revista Hispanoamericana. Madrid, 1848; El Museo Universal. Madrid, 1863; La Revista de Santiago. Chile, 1850 (см.: Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en América // Actas del Tercer congreso de hispanistas. México, 1970. URL: http://cvc.cervantes.es/literatura/aih/pdf/03/aih_03_1_089.pdf, P. 816–817; Monforte R. Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // Traducción y cultura. Berlin; Bern; Bruxelles, 2010. P. 309).

² Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en América. P. 816.

опыта романтической литературы Англии, Франции и Германии. Испанские романтики зачастую оказывались под влиянием самых различных иноязычных тенденций, при этом они чаще всего открыто указывали на источник заимствования. Однако опора на инокультурный опыт особым образом соотносится с яркой национальной окрашенностью испанского романтизма, напряженным новым открытием и переживанием традиции, постоянным переосмыслением народных сюжетов. Еще одна характерная черта — специфический историзм, ориентированный на заимствования из средневековых хроник, но подразумевавший достаточно свободную интерпретацию исторических событий. При этом испанских романтиков вдохновляют и идеалы Просвещения, в особенности ценными остаются идеи необходимости разумной организации общества и личной жертвы в пользу всеобщего блага.³

Именно в этом контексте А. С. Пушкин становится самым переводимым русским автором и остается таковым вплоть до 1870-х гг. В 1854 г. в журнале «*La Ilustración. Periódico Universal*» публикуется перевод «Выстрела», в 1855 г. в журнале «*El correo de Ultramar*» вышел перевод «Капитанской дочки»,⁴ в 1865 г. в журнале «*El Diario de Barcelona*» были опубликованы драматические произведения Пушкина — «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка».⁵ Заметим сразу, что все эти переводы существуют вне документально зафиксированного рецептивного контекста: несмотря на повторные появления в печати, не обнаружено ни одного свидетельства о читаемости текстов Пушкина, ни одного читатель-

³ Подробнее см.: Тертерян И. А. Испанский романтизм: Общая характеристика // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 229–233. Примечательно, что в процессах становления русского романтизма современные испанские исследователи видят схожую картину. Акцентируется внимание на интенсивных внешних влияниях, в особенности французских, концентрации на национальной исторической и народной традициях. «Русский романтизм, — отмечала А. Кардона Суансес, директор Национального музея эпохи романтизма в Мадриде, — результат различных влияний: отчетливо выделяющегося французского, не менее важного итальянского и немецкого. Несмотря на очевидное чужеземное влияние, примеры которого представлены на выставке, русский народ и культура представляют собой могущественную силу, которая становится главной. Это новое видение мира, основанное на свободе и максимальном пробуждении личности, героя, несомненно, уходит своими корнями и в прошлое народа с присущим ему патриотизмом» (Кардона Суансес А. Плененные светом: Русская живопись первой половины XIX века // *El romanticismo ruso de la época de Pushkin*. Madrid, 2011. P. 169).

⁴ См.: Monforte R. Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX. P. 309.

⁵ См.: Ibid. P. 309–310.

ского или критического отклика на «Метель» и другие тексты, публикуемые в испаноязычных периодических изданиях.

Но с другой стороны, известно, что среди первых испанских читателей Пушкина, оставивших отзыв, был Хуан Валера,⁶ автор известных и ставших весьма популярными в Испании «Писем из России». Об этих письмах, изначально предназначенных для печати, сохранились свидетельства матери и сестры автора, отмечавших, что их «перепечатывают все газеты, вплоть до рекламной».⁷ В одном из писем (от 5 февраля 1857 г.) Валера поделился своим мнением о русской литературе и о Пушкине: «Об остальных русских писателях, древних и современных, и о песнях и народных балладах, которые созданы здесь и соответствуют нашим романсам, я буду говорить, когда выучу язык, со знанием дела. А сейчас я могу с уверенностью говорить только о Пушкине и о Лермонтове. Боденштедт так хорошо перевел их стихами на немецкий, что читаешь их как по-русски».⁸ Примечательно, что Валера читает русские тексты отнюдь не на испанском языке: на начальном этапе распространение известности Пушкина в Испании в принципе не зависит напрямую от переводов его произведений на испанский язык.

Что же касается основного источника сведений о Пушкине в Испании, то сначала это были периодические издания. Причем журналы и газеты стали каналом трансляции как текстов Пушкина, так и критических мнений о нем. Переводные обзоры русской литературы появлялись в испанской прессе с 1840-х гг., однако оригинальные критические отзывы, написанные испанскими авторами, возникают только в 1870-е гг. Среди текстов, посвященных русской литературе, где основное внимание уделяется фигуре Пушки-

⁶ Хуан Валера-и-Алькала-Гальяно (Valera y Alcalá-Galiano; 1824–1905) — испанский дипломат и писатель, автор романов «Пепита Хименес» (1874), «Иллюзии доктора Фаустино» (1875) и др. После возобновления дипломатических отношений между Россией и Испанией в 1856 г. служил секретарем Чрезвычайного посольства в Санкт-Петербурге.

⁷ См.: Багно В. Е. Россия и Испания: Общая граница / РАН. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). СПб., 2006. С. 320.

⁸ Валера Х. Письма из России. СПб., 2001. С. 154. Фридрих Боденштедт (Bodenstedt; 1819–1892) — немецкий писатель, переводчик и поэт. С 1840 по 1846 г. жил в России, изучал русский язык и славянскую литературу. На момент написания указанного письма вышло три тома произведений Пушкина в переводе Боденштедта: *Puschkin A. S. Dramatische Werke / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1855*; *Puschkin A. S. Eugen Onägin: Roman in Versen [1854] / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854*; *Puschkin A. S. Gedichte / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854*. Можно предположить, что в письме речь идет о каком-то из этих изданий.

на, особый интерес представляет статья Эмилио Кастелара⁹ «Русский романтизм» («El romanticismo ruso»), опубликованная в газете «La ilustración española y americana». Здесь Кастелар дает подробное описание жизни и творчества Пушкина. Отчетливо выделяя его роль в развитии русской литературы, Кастелар окружает биографию и тексты Пушкина сугубо романтическим ореолом. Благодаря авторитету и влиянию Кастелара именно этот образ Пушкина впоследствии дополнялся новыми интерпретациями, а имя Пушкина становится в один ряд с именами крупнейших европейских авторов-романтиков. «Человек, олицетворяющий собой истинную литературную революцию в России, это Пушкин, — писал Кастелар. — Романтизм, который во Франции и Испании представлял собой освобождение, в Германии из-за национального контраста, на основе которого формируется интрига истории, стал отступлением. <...> В России романтизм носил характер, сходный с испанским и французским; в России существовал протест против “германизированного” двора и красноречивейшее обращение к духу времени и призыв к наступлению народной свободы. Пушкин был романтиком. На заре своего романтизма он не воспевал природу, как это делали поэты-классицисты, Делиль во Франции или Мелендес в Испании; он не пел, как хотели бы того тираны, о лиственных лесах и березах; о степях, необъятных как океаны; о девственных снегах, посеребренных светом полной луны; о волнах Балтийского моря, беспокоящих его гладь в долгие летние дни и закованных в ледяные цепи в бесконечные зимние ночи; о полярных горизонтах, залитых розовыми красками рассвета, заполнившего своим сиянием бесконечность пустынь и кристальных гор; он не пел о природе, которая, в своих жестах, своем сиянии и красоте, будучи бесстрастной свидетельницей стольких преступлений, в безжалостном равнодушии утоляла жажду кровью мучеников и наполняла живительным воздухом легкие тиранов; он воспел новые идеи, передав весь их восторг и смятение, он воспел дух, который в смущении и волнении перед бурями, рвущими его изнутри, вдруг восстает, чтобы достучаться до Небес во имя справедливости и свободы, и, даже пав в плаче отчаяния и боли, не признает воли Бога лишить его собственных прав. Воспеть дух в самом лоне России! Поэт должен был дорого запла-

⁹ Эмилио Кастелар-и-Риполь (Castelar y Ripoll; 1832–1899) — испанский историк, писатель, журналист и политик. С 1873 по 1874 г. — президент Первой республики. Был острым критиком государственного устройства России, постоянно обращаясь к русской теме в парламентских выступлениях, эссе, в книге «Современная Россия» (1881).

тить за это. Некоторые историки утверждают, что Пушкина перед ссылкой избивали розгами. Другие говорят, что его лишь выслали и заключили в удаленный монастырь. Там он был предоставлен сам себе. Страдание одинокого Титана, прикованного к скале Кавказа, стало его страданием». ¹⁰ Во взаимоотношениях Пушкина с Николаем I Кастелар видит исключительно театрализованно-трагедийную сторону, встраивая образы «поэта» и «властителя» в галерею подобных исторических персонажей: «Тиран больше не приказывает солдатам высечь его, он приказывает придворным развратить его. Известно, что во все времена тираны любили иметь при дворе гения: у Филиппа был Аристотель; у Августа — Вергилий; у Карла V — Гарсиласо; у Людовика XIV — Мольер; и Николай тоже хотел, чтобы у него был свой поэт, и выбрал Пушкина, который придал русскому языку невероятную пластичность и который, получив сокровище — идеи своего времени, принес их в жертву деспотизму». ¹¹ В образе русской словесности, особенно же в образе Пушкина, демократический пафос сочетался у Кастелара с отчетливым мелодраматизмом и духом сенсационности. Именно такова статья «Европейские сплетни» («Murmuraciones europeas»), опубликованная Кастеларом в одной из газет: «Жуткая драма с трагической развязкой пронеслась по всему миру и привлекла огромное внимание. Некий великий князь московский, военный высокого чина царских войск, кузен царя, только что был специальным указом отстранен от военных действий и отлучен от семьи Романовых. Какое преступление он совершил, чтобы заслужить такое наказание?» ¹² Речь в статье шла о великом князе Михаиле Михайловиче, внуке Николая I, влюбившемся в Софию Николаевну Меренберг, внучку А. С. Пушкина, и сочетавшемся с ней морганатическим браком в 1891 г. «Самое интересное здесь для людей, увлекающихся литературой, это то, что совершенно случайно невеста оказалась дочкой великого русского поэта Пушкина. Поэтому весь мир теперь говорит о “московской” литературе и о ее первом выдающемся поэте. И, говоря о подобного рода материи, весь мир вспоминает, что роковой враг, как рок Антигоны, давит тяжелой тоской плечи дочери поэта, когда мать ее супруга кончает с собой из преклонения

¹⁰ Castelar E. El romanticismo ruso // La ilustración española y Americana (Madrid). Aco 18. 1874. № 13. 8 de abril. P. 199—200. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

¹¹ Ibid. P. 199.

¹² Castelar E. Murmuraciones europeas // La ilustración artística: periódico semanal de literatura, artes y ciencias. 1891. Tomo 10. Aco 10. № 489. 11 de mayo. P. 290.

перед своей императорской семьей, а ее собственный отец убит на дуэли из-за ревности к ее матери. Трагедии жизни и реальности!»¹³ Кастелар допускает фактическую ошибку: ни одна из дочерей Пушкина не могла выйти замуж в 1891 г. в силу возраста. Вопрос только в том, намеренна ли эта ошибка или нет. Так или иначе, но Кастелар явно пользуется «сенсацией» для того, чтобы в этой же статье подробно рассказать о хорошо знакомом ему русском поэте Пушкине, частично повторяя тезисы своей предыдущей статьи от 1874 г. Более того, Кастелар переводит Пушкина из разряда героев, принесенных в жертву в угоду тиранам, в разряд живых людей, у которых есть семья, дети, внуки и обычная жизнь, тем самым делая поэта вполне реальным человеком.

Мнение Кастелара о Пушкине оказалось более чем авторитетным не только для Испании, но и для Италии,¹⁴ а позднее и для Латинской Америки.¹⁵ Безусловно, статьи Кастелара обсуждались и в Испании — как в политической, так и в литературной среде. В ближайший круг общения Кастелара входила, в частности, Эмилия Пардо Басан (Pardo Bazán; 1851—1921). В 1885 г. она читала курс лекций, материалы которого в 1887 г. были опубликованы в книге «Революция и роман в России» («La revolución y la novela en Rusia»),¹⁶ в которой Пушкину посвящен небольшой, но весьма показательный фрагмент. Интерес к русской литературе у Пардо Басан формировался под отчетливым воздействием опубликованной в 1886 г. книги Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» («Le Roman russe»), а произведения Пушкина она читала во французских переводах. Заметим, что и Кастелар некоторое время (1866—1868 гг.) жил во Франции, так что, скорее всего, также был знаком с французскими текстами произведений Пушкина и с книгой Вогюэ. «Первостепенное значение “Русского романа”, — отмечает С. Л. Фокин, — остающегося ценнейшим памятником истории литературы XIX века, складывается из двух движущих сил, побуждавших французского литератора представить своим собратьям по перу и просвещенным французским читателям живописную

¹³ Castelar E. Murmuraciones europeas. P. 290.

¹⁴ См.: Голубцова А. В. Пушкинский миф и национальная идентичность в Италии XIX века // Русская литература в зеркалах мировой культуры: Рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; Отв. ред. А. Б. Куделин. М., 2015. С. 413—414.

¹⁵ Надъярных М. Ф. Культ русской литературы в Латинской Америке // Там же. С. 904—906.

¹⁶ Подробнее см.: Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.

картину русской жизни и русской литературы. Во-первых, пути чужестранной литературы призваны были стать знаком, указывающим французской словесности на иные возможности развития <...> Во-вторых, «Русский роман» имеет исключительную историческую ценность в качестве единственного в своем роде свидетельства, в котором запечатлелся цельный взгляд на русскую литературу со стороны французского литературного сознания».¹⁷

Э. Пардо Басан, как и Кастелар, признает исключительную значимость творчества Пушкина для развития русской литературы. При этом Пушкин для Пардо Басан, как и для Вогюэ, в большой мере является «экзотическим» автором: явно вслед за Вогюэ испанская писательница обращает внимание на африканское происхождение русского поэта, дополняя, впрочем, этот мотив примечательной мифологизирующей аллюзией к классическому тексту Шекспира, со своей стороны формирующей образ нереального, но одновременно возвышенного трагического героя: «Александр Пушкин — полубог русской поэзии; в его жилах, смешанная со славянской, текла африканская кровь, ведь он был внуком абиссинца Абрама Ганнибала, из рода храброго Отелло, которому Петр Великий пожаловал чин генерала, женив его на придворной даме».¹⁸ Однако экзотизм в суждениях Пардо Басан размывается совершенно иными мотивами, опосредованно сближающими творчество Пушкина с теми идеалами восприятия народной традиции, которые были близки испанскому романтизму. Заметим, что в этом случае трагизм уступает место мелодраматизму: «Когда поэт был еще ребенком, старая няня, баюкая дитя, рассказывала ему легенды, народные сказки и небылицы, и это семя упало на благодатную почву. Не так важно то, что к 14 годам, покидая отчий дом и споря со своей семьей, он уже был настоящим вольтерьянцем, что его лицейский преподаватель, идейный брат Марата, внушил ему модный тогда поверхностный атеизм, что его ранняя искушенность заставила его педагогов поверить, что этот необыкновенный пылкий юноша утомлен и телом, и душой; все это не слишком важно, ведь если в том возникала нужда, Пушкин вспоминал о том, что ему рассказывала старая няня, и его безупречное эстетическое чутье помогало ему воспринять силу народной традиции».¹⁹ При том, что Пардо Басан несомненно счи-

¹⁷ Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013. С. 35.

¹⁸ Pardo Bazán E. La revolución y la novella en Rusia: (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid, 1887. P. 243.

¹⁹ Ibid. P. 243–244.

тает Пушкина поэтом-романтиком, в то же время она признает и потенциальную полистилистику пушкинских произведений: «Было бы несправедливо считать его исключительно подражателем зарубежных романтиков; кроме того, некоторые полагают, что из-за оживленности и страстности его натуры автор “Евгения Онегина” одной ногой всегда стоит на почве классицизма, в эллинском понимании этого слова, и что если бы он остался жив, его талант подвергся бы изменениям, проявив себя в романе и создании национального театра».²⁰

Период с конца 1840-х до 1880-х гг. является временем, когда начинает складываться первичный образ Пушкина в Испании. Для испаноязычного читателя Пушкин — это поэт-романтик, певец свободы и духа времени, мученик, пострадавший за свои идеи. Характерно, что романтизации и мелодраматизации (эти черты проявляются в том числе в стиле работ Кастелара и Пардо Басан) подвергается биография поэта, чему естественным образом соответствуют избираемые для переводов тексты. Взаимодействие биографического и собственно текстуального способствует формированию и закреплению романтической линии восприятия Пушкина, которая впоследствии превращается в некий стереотип и остается главенствующей на протяжении следующих периодов, вплоть до сегодняшнего дня.

²⁰ *Pardo Bazán E. La revolución y la novella en Rusia. P. 252—253.*

О. А. ЯКИМЕНКО

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ПУШКИНА В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI вв.

История переводов художественной литературы и рецепции иноязычных авторов неизменно порождает целый ряд вопросов: почему тот или иной автор «приживается» на чужой почве; что привлекает в произведениях (а зачастую и личности) зарубежного автора — экзотика, или универсальность, или же созвучность принимающей культуре.

В случае с венгерской литературой, логика развития которой существенно отличается как от западноевропейского, так и от русского пути, проблема восприятия ею русских авторов представляет особый интерес.

Рамки статьи не позволяют нам перечислить все существующие переводы пушкинских произведений на венгерский язык или представить все упоминания имени А. С. Пушкина или его героев и цитаты из его стихотворений, поэм и повестей в текстах венгерских авторов, однако, не претендуя на абсолютную полноту картины, мы все же попытаемся обрисовать основные закономерности восприятия творчества Пушкина и привести свидетельства важности его наследия для венгерской литературы.

В венгерском культурном пространстве Пушкин появляется в начале двадцатых годов XIX в. В этот период венгерская пресса писала о России главным образом в историческом аспекте: читателей больше интересовало государственное устройство страны, наука, география, образование.¹

¹ Подробный анализ рецепции русской литературы — и главным образом творчества А. С. Пушкина — в Венгрии XIX — начала XX в. с точки зрения доминировавших в этот период в венгерском обществе политических и идеологических течений и настроений см. в статье: *Стыкалин А. С.* Отношение к панславизму в Венгрии XIX — первой половины XX в. и восприятие творчества Пушкина // *А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта)*. М., 2000. С. 264–275.

К XIX в., в первой трети которого русская литература уже успела испытать резкий подъем и приближалась к своим вершинам, венгерская еще только начинала осознавать себя как самостоятельное явление. Постоянная борьба за политическую и культурную независимость, отсутствие государственности превращали литературы Центральной и Восточной Европы в первую очередь в национальный проект, а одним из главных условий их становления было формирование нового литературного языка.² Концепции, ставшие фундаментом нового литературного языка, сформировались в Венгрии в первые два десятилетия XIX в.³ Как следствие, на первый план в произведениях венгерской литературы первой и второй трети столетия выходит борьба за независимость, поиск корней, обращение к национальному фольклору и «славному прошлому», отодвигая на второй план личные проблемы и общественные противоречия. Если в западноевропейской (и русской) литературе актуальные социальные и индивидуально-психологические аспекты становятся в этот период территорией романа, в Венгрии прозаические жанры формируются под влиянием исторической романтики Вальтера Скотта и Эжена Сю, а современностью «занимается» в большей степени поэзия. Особенно можно выделить основоположника венгерской стихотворной эпики Яноша Араня (1817–1882), чье имя венгерские исследователи часто упоминают в контексте поиска аналогов пушкинскому языку.⁴

Первые обзоры русской литературы выходят в двух выпусках вестника «Русская литература» из серии «Полезные развлечения» («*Hasznos Mulatságok*») в 1822 и 1825 гг. В этих публикациях теоретик венгерского романтизма и основоположник венгерской литературной критики Ференц Толди (1805–1875) призывает к изучению культур соседних народов, обращая внимание и на русскую литературу (сам он знакомился с ней через немцев и французов).

² У венгров это произошло несколько раньше, чем, например, у чехов или у сербов: несмотря на доминирование латыни и немецкого (частично — турецкого, в зависимости от того, под чьей властью находились территории страны, Габсбургов или Османской империи), со времен Ренессанса венгерская литература продолжала свое существование, пусть и в ограниченном пространстве Трансильванского княжества.

³ См.: Никольский С. В. Введение: [Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 474.

⁴ Правомочность проведения подобных параллелей ставит под сомнение Михай Петер в сопоставительном анализе переводов «Евгения Онегина» на венгерский язык; см.: Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Válogatott tanulmányok. Tinta kiadó, 2005. P. 174.

Толди коротко упоминает Ломоносова, Тредьяковского и Сумарокова, также в его обзоре фигурируют Херасков, Богданович, Капнист и др. О Пушкине он пишет как об авторе «смелых романтических произведений».⁵ Как отмечает венгерский историк литературы, составитель трехтомника «Русские писатели глазами венгров»⁶ Жужа Зёльдхейн, «для этой — да и для последующих эпох — характерно то, что упоминаний о русских писателях до Пушкина практически нет, таким образом, нет никаких указаний на национальные литературные традиции, которые Пушкин и его современники в своем творчестве продолжали».⁷

В 1828 г. в «Научном сборнике» («Tudományos Gyűjtemény») выходит статья Толди «Русская поэзия», основанная на тексте русского критика Плетнева. Именно опираясь на Плетнева, он впервые выделяет как самых важных русских авторов Жуковского, Державина и Пушкина: «За последние четыре года (1821—1825) Пушкин написал три произведения, которые могли бы обрести популярность и за рубежом, — “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник” и “Бахчисарайский фонтан”».⁸

Искренний интерес Толди, его открытость и попытка критически осмыслить новое для него литературное пространство (он, в частности, сравнивает положение писателя и поэта в России с ситуацией в Венгрии и находит последнюю куда более тяжелой) заложили определенные традиции восприятия русской литературы в венгерской культуре. В 1834 г. в работе «Нынешнее положение московитской литературы» Толди вступает в полемику с некой русской дамой, опубликовавшей письмо в журнале «Bibliothèque Universelle» (дама, в частности, отрицает необходимость переводов, ссылаясь на то, что приличные люди и так знают несколько европейских языков), и пишет о Пушкине:

Александр Пушкин, русский Тиртей, отмечен пламенем созидания. <...> Пушкин с чудесной силой умеет выразить страсти и ловко использует свойственные одному ему языковые обороты. По сути, он никому не подражает и часто поднимается до высот Байрона. Многие произведения поэта своей силой и смелостью обогащают нашу литературу. «Кавказский пленник» обрисовывает

⁵ Hasznos Multságok. 1825. № 10. 2 félév. P. 75—77.

⁶ Orosz írók magyar szemmel. Budapest, 1983—1986. Köt. 1—3.

⁷ Zöldhelyi Z. Előszó // Ibid. Köt. 1. P. 17.

⁸ Tudományos Gyűjtemény. 1828. Köt. 10. P. 105—114.

воинственные нравы диких племен, «Онегин» — обычаи высшего света.⁹

Еще более пылким сторонником прогрессивной русской литературы выступил Габор Казинци (1818—1864) в основанной на немецких источниках¹⁰ статье «Взгляд на русскую литературу в 1837 году», где он пишет о произведениях Пушкина позднего периода, отмечая возрастающий объективизм автора. На взгляды Казинци, возможно, повлиял и Белинский, но, в отличие от него, венгерский автор очень высоко оценивает «Пиковую даму»:

Талант Пушкина не пропал, но принял новое направление. С каждым днем он все активнее отказывается от лирически-субъективной нервозности и обретает все большую объективность, пластическую силу и богатство форм. В этом поэте, вне всякого сомнения, развивается первый талант — как поэт Пушкин превыше всех своих современников приблизился к уровню Гёте: к характерному для него объективному способу повествования, в котором гармоничные характеристики отдельных частей обрисовываются совершенно. <...> Из завершенного и вышедшего уже после его смерти, наряду с несколькими небольшими лирическими шедеврами, мы бы хотели выделить одну поэму — «Медный всадник», драматический эпизод о петербургском наводнении 1824 года, и повесть в прозе «Капитанская дочка». <...> Я бы выделил также отрывок под названием «Египетские ночи». Его начало — проекция поэмы, набросанная рукой мастера. Теперь уже только по этим наброскам можно измерить, какую потерю понесла русская литература со смертью Пушкина, и увидеть, насколько необоснованными были опасения тех, кто вообразил, будто поэт «пережил себя», ведь он только-только перешел на новый уровень.¹¹

Доброжелательное отношение Толди и Казинци к Пушкину и русской литературе тем более примечательно, что венгерское общественное мнение в середине XIX в. начинает, в целом, восприни-

⁹ Toldi F. A moszka literatúra jelen állapota // Tudománytár. 1834. Köt. 4. P. 65—72.

¹⁰ Знакомство с русской литературой через немецкие источники было характерно для венгерской культуры не только в XIX в., но и в первой половине XX в. — большинство первых переводов текстов русских авторов на венгерский также были вторичными переводами с немецкого.

¹¹ Kazinczy G. Pillantás az orosz literatúrára 1837-ben // Tudománytár. 1838. Köt. 2. P. 301—305.

мать Россию довольно враждебно. Участие русской армии в подавлении венгерского восстания 1848—1849 гг. также не способствовало увеличению популярности всего русского на венгерской почве. Крупнейшие представители венгерской литературы — Янош Арань и Янош Вайда (1827—1897) — призывали не отождествлять выдающихся русских писателей с царской властью, и даже яростный критик российской политики, выдающийся прозаик Мор Йокаи (1825—1904) признавал наличие у русских «огромной литературы». ¹² Пафос борьбы за национальную идентичность в литературе объяснял и стремление ведущих венгерских авторов рассматривать произведения русских писателей в первую очередь с точки зрения их национальной специфики и критики политического устройства. Тот же Арань, внимательно следивший за деятельностью Пушкина, подчеркивал именно фольклорную составляющую его творчества, а роман «Евгений Онегин» выделял скорее как «модернизированный эпос с примесью романтики». ¹³

Помимо критических замечок о русской литературе в конце 1830-х гг. начинают выходить и ее переводы (в основном с немецкого языка). В 1839 г. была опубликована повесть Пушкина «Выстрел» — в венгерском переводе она называлась «Сильвио». ¹⁴ Фамилия автора указана не была, да и сам перевод был выполнен с большими искажениями. Несколько лет спустя, в 1844 г., эта же повесть, уже под названием «Выстрел» и с именем автора, выходит в журнале «Regélő Pesti Divatlap».

В 1850-е гг. интерес к русской литературе в венгерском обществе несколько возрастает — во многом этому способствовала публикация в газете «Budapesti Hírlap» по материалам изданной в 1851 г. на немецком языке книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» ¹⁵ и активная деятельность И. С. Тургенева по популяризации русской культуры (можно предположить, что информация, исходившая от русских писателей, вынужденных, подобно

¹² Йокаи был хорошо знаком с творчеством Пушкина: опубликованная в 1864 г. в журнале «Фэвароши лапок» «Капитанская дочка», по мнению исследователей Ласло Форгача и Яноша Варади-Штернберга, во многом подтолкнула Йокай к написанию повести о Пугачеве «Дерзновенный» («A vakmerő»; 1864). Подробнее см.: Váradi-Sternberg János: Jókai és Pugacsov // Irodalomtörténeti Közlemények. 1975. LXXIX. évf. № 3. P. 334—340. Йокаи также посвятил Пушкину и декабристам свой роман «Свобода под снегом» (1881).

¹³ Arany J. Szerkesztői üzenet. Koszorú, 1863 (цит. по: Zöldhelyi Z. Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században // Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I. Szerk Kroó Katalin. Budapest, 2006. P. 833.

¹⁴ Nemzeti Társalkodó, 1839. Köt. 2, № 4. P. 28—32.

¹⁵ Orosz irodalom // Budapesti Hírlap. 1855. Április. 13—14.

многим участникам венгерской освободительной борьбы, покинуть родину по политическим причинам, казалась венгерскому читателю более убедительной и достоверной, нежели новости непосредственно из России).

В 1855 г. выходит перевод «Пиковой дамы»,¹⁶ а в 1857 г. — повесть «Метель».¹⁷ Примечательно, что оба произведения были напечатаны в женских журналах («Divatcsarnok» — «Модная зала» и «Nővilág» — «Женский мир»). Однако, несмотря на восхищенные отзывы и постоянные отсылки к стихотворным текстам Пушкина (главным образом поэмам и роману «Евгений Онегин» — то есть стихотворным произведениям крупной формы, а не к отдельным стихотворениям), переводами его поэзии в Венгрии начинают по-настоящему заниматься лишь с 1860-х гг. По мнению Жужи Зёльдхеи, важную роль в этом процессе сыграли поэтические переводы Пушкина на немецкий, выполненные членом Мюнхенского кружка поэтов Фридрихом Боденштедтом (1819—1892), — именно они вдохновили бывшего секретаря Иштвана Сечени и члена литературного кружка Петёфи Кароя Берци (1821—1867) на перевод «Евгения Онегина»: Берци начал переводить роман с немецкого, но затем выучил русский и дальше работал уже с оригиналом, хотя и продолжал сверять свой перевод с немецким. Первый венгерский перевод романа был издан Обществом Кишфалуди в 1866 г., всего лишь несколько лет спустя после окончания действия «системы Баха»,¹⁸ когда в памяти старшего поколения еще живы были воспоминания о крахе освободительной борьбы.

Перевод Берци имел огромный успех, выдержав с 1866 по 1952 г. 21 издание. Современник Берци критик и автор цикла стихотворных романов о графе Ромхани (1869—1872) Пал Дюлаи (1826—1909) видел главное доказательство верности этого перевода в его поразительной простоте. Справедливо упрекая первого переводчика «Онегина» в некотором злоупотреблении романтическими и сентиментальными элементами, современные венгерские исследователи достаточно высоко оценивают работу Берци, даже с учетом того, что переводной текст всегда устаревает быстрее ори-

¹⁶ *Puskin A. A pikk dáma // Divatcsarnok. 1855. № 24—27* (перевод Дёрдя Урхази).

¹⁷ *Puskin A. A hófürgeteg // Nővilág. 1857. № 42. P. 657—666* (перевод Ласло Латора).

¹⁸ Гражданская администрация, учрежденная австрийским министром внутренних дел Александром фон Бахом и действовавшая на территории Венгрии с 1849 по 1859 г., — период жесткой цензуры и ограничения любых национальных проявлений.

гинала, и отмечают «свежесть» восприятия текста переводчиком, ведь первый перевод «Онегина» отделяло от оригинала всего 30 лет.¹⁹ Многие строки из перевода вошли в венгерский литературный язык, а сам роман, наряду с байроновским «Чайльд Гарольдом», стал основой для появления в венгерской литературе нового жанра — романа в стихах.²⁰ В созданных под влиянием венгерского «Онегина» произведениях Ласло Араня, Дюлы Ревидки, Пала Дюлаи авторы прямо указывают на связь своих героев с Онегиным²¹ и, вслед за Пушкиным, соединяют эпическое повествование с самыми разными видами лирики.

Одновременно с переводом Берци, в 1866 г., благодаря усилиям братьев Зилахи²² выходит антология русской поэзии «Северный свет» («Eszaki fény»), в которую вошли не только стихи Пушкина, но и трагедия «Борис Годунов». Несмотря на то что с конца 1860-х гг. русскую литературу все чаще начинают переводить с оригиналов, а не с немецких переводов,²³ в выборе произведений переводчики и составители продолжают ориентироваться на немецкие сборники. Одним из первых, кто стал отбирать авторов и произведения самостоятельно, стал Ласло Чопей (1856–1934) — в его сборник «Русские повести»²⁴ вошла в том числе и повесть Пушкина «Метель».

¹⁹ Исследователь творчества Пушкина и его переводов на венгерский язык Михай Петер называет перевод Берци «шедевром», несмотря на все его объективные недостатки (см.: Péter M. «Pár tarka fejezet csupán...»: Puskin [Jevgenyij Anyegin]-je a magyar fordítások tükrében. Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999).

²⁰ Подробно о влиянии «Евгения Онегина» на развитие жанра см.: László I. A magyar verses regény. Budapest, 1990.

²¹ Следует заметить, что в венгерском восприятии Онегин стал скорее отрицательным персонажем — отчасти причиной этого послужил и перевод Берци, в котором были опущены или проигнорированы некоторые важные характеристики главного героя романа. Венгерская литературная критика долгое время рассматривала Онегина исключительно как тип «лишнего человека» — на это указывают в своих работах М. Петер, Ж. Зёльдхейн и др.

²² Карой (1838–1864) и Имре (1845–1867) Зилахи — журналисты, писатели, переводчики.

²³ Традиция вторичного перевода с немецкого или знакомства с русской литературой в немецких переводах сохраняется и в первой трети XX в. — особенно в отношении драматургии: пьесы А. П. Чехова и М. Горького чаще переводились именно с немецкого; традиция эта оказалась настолько сильной, что даже с появлением новых переводов, выполненных уже с оригинала в конце XX — начале XXI в., названия отдельных произведений сохраняют отсылку к переводам с немецкого (так, «На дне» Горького даже в новом переводе 2014 г. по-прежнему называется «Ночное убежище»).

²⁴ Csopely L. Orosz beszédek. Írták Puskin S., Gogoly M., Krylov I. és Dosztojevskij F. Budapest, 1882.

Новым этапом в восприятии творчества Пушкина в Венгрии стали переводы и статьи о «первом русском национальном поэте» члена кружка Петёфи, поэта и переводчика, одного из представителей первого поколения журнала «Nyugat»²⁵ Эндре Сабо (1849—1924). Русин по национальности, Сабо хорошо владел русским языком и активно популяризировал русскую литературу. В отличие от своих предшественников, не столь активно связанных с Россией, Сабо бывал в Петербурге и Киеве, общался со Львом Толстым (в связи с переводом на венгерский «Войны и мира») и регулярно консультировался с О. Н. Чюминой и Н. Н. Бахтиным. Два подготовленных им сборника — «Русские поэты» (1892)²⁶ и «Четыре русских поэта» (1900)²⁷ — представили венгерской публике ранее не известные ей имена (Рылеев, Крылов, А. К. Толстой) и новые переводы из Пушкина и Лермонтова. В год столетия со дня рождения Пушкина в переводе Сабо вышел «Разговор книгопродавца с поэтом».²⁸ Цикл статей Сабо «Картины русской литературы», опубликованный в журнале «Nyugat» (1922. № 15—16), демонстрирует новый уровень восприятия русской литературы, ключевой фигурой которой у Сабо становится именно Пушкин: «Никто не может отрицать, что именно пушкинские “Капитанская дочка”, “Граф Нулин”, “Цыганы”, “Арап Петра Великого” и, в особенности, “Евгений Онегин” — самые что ни на есть натуралистические концепции; его безусловная заслуга состоит в том, что он освободил русскую литературу от бремени ложного классицизма, а Гоголь пошел дальше по уже открытой Пушкиным тропе. Таким образом, Пушкин сформировал эпоху».²⁹

К концу XIX — началу XX в. для Венгрии Пушкин становится частью европейского литературного канона. Свидетельства этому можно обнаружить в творчестве многих поэтов и писателей того времени, в первую очередь авторов журнала «Nyugat». На столетие со дня рождения «главного русского поэта», которое в 1899 г. широко отмечалось не только в России, но и в Европе, откликнулася

²⁵ «Nyugat» («Запад») — венгерский литературный и критический журнал (1908—1941) — объединил вокруг себя несколько поколений крупнейших венгерских прозаиков, поэтов и критиков; авторы журнала активно знакомили венгерскую публику не только с новой венгерской литературой, но и с достижениями европейской и мировой культуры.

²⁶ Orosz költők. (Műfordítások.) Budapest, 1892.

²⁷ Négy orosz költő. Budapest, 1900.

²⁸ Puskin. A könyvtáros és a költő // A Hét. Budapest, 1899. (Любопытно, что Эндре Сабо опубликовал этот перевод под псевдонимом «Граф Нулин».)

²⁹ Szabó E. Képek az orosz irodalomból. II // Nyugat. 1922. № 15—16.

один из самых выдающихся поэтов Венгрии этого периода Эндре Ади (1877—1919). И если стихотворение «Пушкин», опубликованное в газете «Debrecen» 17 июля 1899 г. с эпиграфом: «В России один путейский чиновник запретил подчиненным праздновать день рождения Пушкина, сославшись на то, что Пушкин — не русский», — скорее, рассуждение о судьбе поэта и вечном противостоянии гения и толпы:

Dicső poéta, büszke lélek,
Tudsz-e mirőlunk valamit?...
Óhajtod-e megtudni vajjon,
E hitvány földön mi van itt?...
Megsajnál-s-e néha bennünket,
Kik küzdünk, bízunk s álmodunk
S a dicsőségről álmodozva
Életet, lelket áldozunk.

Питомец бурь, поэт мятежный,
Ответь, ты не забыл про нас?
Быть может, ты желаешь видеть
Все наши беды без прикрас?
Жалеешь ли ты нас порою,
Как мы растрчиваем пыл
И души гневные возносим
К высотам сфер, где ты почил.

Tudod-e, hogy a költő sorsa
— Mi régen volt — még mindig az —
Hiába gyújt fel égi lángot,
Leroskad, elvész az igaz.
Gúny, megvetés az osztaléka,
Lenézi minden kis parány,
Vegetáló, tucat-emberhad
Írlyli rongyát is talán!³⁰

Ты знаешь, что судьба поэта
— Так прежде было — и теперь
Игрушка жалкая для света,
Тернистый путь, юдоль потерь.
Нас унижают, презирая,
Те, кто не в силах нас понять,
И гаснет вновь огонь небесный,
Чтобы вовек не воссиять!³¹ —

то напечатанное там же месяц спустя стихотворение «Татьяна писала...» — это уже личное признание, лирическая переключка с Пушкиным:

Tündező alkonyvilágnál
Olvasgatom a levelet...
Tatjana sír, sirat egy titkot,
Egy vágyat, amely elveszett.
Úgy fáj nekem az, amit ő ír,
Könnye az én szívemre hull...
...És mégis, mégis levelének
Ujjongok mondhatatlanul...

Под сенью сумерек вечерних
Ее письмо читаю вновь...
Татьяна плачет, отпуская
Свою несчастную любовь.
Скорблю я над ее судьбою,
Ее слеза ладонь мне жжет...
...И все ж израненное сердце
Мое ликует и поет.

Kis levelét kibontom százszor...
Tatjana sír, gúnytól remeg...

Я сотни раз письмо вскрываю...
Татьяна плачет, душу рвет...

³⁰ *Ady E. Puskin // Debrecen. 1899. 17. júl.*

³¹ Перевод Дарьи Анисимовой.

Óh, kinyílott szűz leányálom,
Mennyivel tartozom neked!...
Tatjana sír... Van még Tatjana,
Rajongó lelkű, hóféhér,
Aki szeret félőn, titokban,
Ki szeret — a szerelemért.³²

К тебе, невинный чистый ангел,
Я устремляю свой полет!..
Татьяна плачет... О Татьяна,
Возможно ли отважней быть,
Отчаянно и потаенно,
Татьяна любит — чтоб любить.³³

Литературоведы начала XX в. все чаще называют Пушкина одним из зарубежных авторов, в наибольшей степени повлиявших на формирование венгерской литературы. Характерную для того времени точку зрения высказывает в статье «Русские в Венгрии» ведущий литературный критик, организатор венгерского ПЕН-клуба Аладар Шёпфлин (1872–1950).³⁴

Действительно, всех, кто читал рассказы Гоголя и Тургенева, романы Гончарова, пушкинского «Онегина», периодически потрясало поразительное сходство, которое демонстрируют встречающиеся в них картины, характеры, настроение, с венгерскими картинами, настроениями и характерами?.. Никогда ни в одной другой национальной литературе не находим мы столько совпадающих с венгерскими элементов, как в русской. <...> Вряд ли можно назвать случайностью то, что русскую литературу открыл у нас самый укорененный в венгерской культуре поэт — Янош Арань: он первым указал на Гоголя и Тургенева, из его круга вышел самый прекрасный и самый читаемый венгерский перевод: «Онегин» Кароя Берци. <...> Если у нас когда-нибудь будет — а пока ее нет — филологическая наука, способная видеть собственными глазами, думать своей головой и задавать новые вопросы, выходя за рамки немецких диссертаций, то в качестве самого сильного влияния на венгерских писателей за последние сорок лет она выделит русских, и в особенности Тургенева и Пушкина.³⁵

Еще одним горячим поклонником пушкинского творчества был писатель Дюла Круди (1878–1933). В одном из самых известных его романов — «Красный почтовый дилижанс» (1913), эпиграфом к которому послужила строфа из «Евгения Онегина», — это произведение Пушкина играет ключевую роль в «воспитании чувств» главного героя — alter ego писателя, Казмера Резеды:

³² *Ady E. Tatjana írt // Debrecen. 1899. 30 aug.*

³³ Перевод Дарьи Анисимовой.

³⁴ Статья была напечатана в газете «Pesti Napló» без указания имени автора.

³⁵ *Oroszok Magyarországon // Pesti Napló. 1912. № 60. 10 márc. P. 36.*

Как-то раз вечный скиталец господин Резеда познакомился с Бертой — молодой женой ветеринарного врача <...>. Вечером Берта передала через окно господину Резеде небольшую книжечку в сафьяновом переплете (во рту у нее в эту минуту дымилась тонкая сигарета с золотистым кончиком). Называлась книга «Евгений Онегин». Прошло несколько дней, но студент даже не заглянул в нее — все его время было посвящено написанию собственного заветования <...>. На третий день, валяясь в постели, Резеда наконец раскрыл книгу и, прочтя в биографии автора (на первой странице), что Пушкина застрелил на дуэли красавец-офицер, с интересом обратился к поэме, которая обещала оказаться довольно длинной.

Онегин! Наверное, только ради того, чтобы вновь впервые прочесть «Евгения Онегина», сидя в заброшенном парке на скамье, изрезанной сердечками и женскими инициалами, стоило бы снова стать юным школьником! Мчаться в Москву, рукоплескать балеринам, получить письмо от Татьяны и гулять по набережным Невы! Все мы в юности бываем Евгениями Онегинами. А кто из нас не плакал над печальным надгробием Ленского?

Берта сделала прекрасный выбор. Чтение «Онегина» немедленно открыло перед господином Резедой чудеса нового мира: он решил, что выберет себе цель в жизни, станет поэтом, журналистом, Александром Пушкиным — и все это за одну ночь, пока с горящим челом и сердцем, выскакивающим из груди, вбирал в себя звучные строки русского поэта. На другой день, прогуливаясь в сторону старого кладбища, господин Резеда смело схватил руку Берты в желтой перчатке. Глаза его наполнились слезами.

— Татьяна! — произнес он.

Женщина провела рукой по увлажнившимся глазам Резеды.

— Я рада, что пробудила вас, сын мой, но не стоит «и жить торопиться, и чувствовать спешить...» Погодите. Вечером вы найдете на подоконнике новую книгу и познакомитесь с новым чудесным миром.

— Я люблю вас.

— Так, значит, любить, завоевывать, блистать храбростью вы тоже научились у Онегина? — с улыбкой спросила женщина. — О, вы прекрасный ученик...³⁶

В своих более поздних текстах, в частности в предисловии к изданию «Евгения Онегина» 1920 г. «Столетний Онегин», Круди

³⁶ Цитата приводится по изданию Венгерской электронной библиотеки: Krúdy G. A Vörös postakocsi. Budapest, 2005 [1913] — <http://mek.oszk.hu/04800/04828/html/> (дата обращения 02.03.2016).

практически дословно повторяет восторженные строки из «Красного почтового дилижанса»; роман Пушкина, по признанию писателя, «заставляет забыть печаль и пустоту будней».³⁷

На фоне общего охлаждения к русской культуре в связи с событиями Первой мировой войны, в которой Венгрия воевала на стороне Германии, а затем и откровенно антироссийской риторики после разгрома Венгерской Советской республики 1919 г.³⁸ Пушкин оставался одним из немногих представителей русской литературы, чье творчество по-прежнему привлекало к себе внимание венгерских писателей и поэтов. Чествование столетия со дня смерти Пушкина в 1937 г. сопровождалось многочисленными публикациями. Представители самых разных литературных школ и направлений признавались в любви к русскому поэту, подчеркивая те стороны его творчества, которые были им наиболее близки. Так, один из лидеров «народных писателей» Дюла Ийеш (1902—1983) подчеркивает свободолюбивый характер творчества Пушкина, который, по его мнению, воплощает собой дух борьбы за волю и прогресс против азиатского боярского государства и выступающей в роли жандарма православной церкви:

Пушкин принадлежит к тем немногим иноязычным поэтам, которых можно называть по-венгерски без указания имени, только по фамилии <...>. «Онегин» одним махом вошел в венгерскую литературу, стал ее частью, повлиял на нее, породил в ней новое настроение и даже вызвал к жизни новые произведения <...>. «Онегин» и вся поэзия Пушкина (насколько я могу судить) — удачное сочетание истинно западной и истинно национальной атмосферы.³⁹

Главный редактор журнала «Nyugat», непререкаемый авторитет в области современной ему венгерской и мировой литературы, poeta doctus (ученый поэт) и, в отличие от «народных писателей», последовательный «западник» Михай Бабич (1883—1941) в своей «Истории европейской литературы» (1936) уделяет Пушкину особое место. В главе «Поколение Байрона» он подробно останавливается на обстоятельствах жизни поэта и отмечает глубину, богатство и поэтичность пушкинской лирики, отдавая ей предпочтение перед «декларативной и позерской» поэзией Байрона. Разбирая «Цы-

³⁷ *Puskin A. Anyegin. Budapest: Genius Könyvkiadó Rt., 1920. P. 1.*

³⁸ Советская Россия поддержала провозглашение Советской республики в Венгрии, а затем приняла к себе большое количество политических эмигрантов.

³⁹ *Illyés G. Puskin // Nyugat. 1937. № 3.*

ган», Бабич пишет: «Пушкин не анализирует, он цитирует судьбу и высекает из камня. Из одного куска скалы, как Софокл». ⁴⁰ Отмечая особую способность русской души «замечать мельчайшие факты и препарировать самое себя», ⁴¹ Михай Бабич, как и большинство его современников, считал, что для венгерской литературы главным «пушкинским впечатлением» стал роман «Евгений Онегин», однако был хорошо знаком и с другими произведениями русского гения. В речи, прочитанной для литературного общества Лафонтена в 1937 г., Бабич признается:

Его поэзия стала частью нашей души, словно поэзия великого венгерского поэта. Он поэт нашей молодости: вспоминая его, мы будто вспоминаем юность и весну. <...> Мы видим в нем не устаревшего романтика со страниц учебника литературы <...> Он нам родной. <...> «Онегин» для меня — первый русский роман, сохраняющий при этом истинную лиричность, сладкую и печальную волшебную поэтичность. Я хорошо знаю, что «Онегин» — это еще не весь Пушкин. Более того, этот роман, возможно, не самая высокая вершина в горной цепи его шедевров. <...> Повести, драмы и огромное лирическое наследие, о котором те, кто может читать его в оригинале, говорят, что музыкальнее его нет во всей мировой литературе. Допускаю, что воспринимать Пушкина только через призму «Онегина» несправедливо. ⁴²

Любопытно, что представители столь разных литературных направлений — почвенник Ййеш и западник Бабич — оба подчеркивают африканские корни русского поэта, видя в них причину его горячей и страстной поэтической натуры.

В конце 1930-х гг. (на очень короткий период) в официальной культурной политике Венгрии, в основе которой лежало стремление «не замечать» Советский Союз, наметился некоторый сдвиг, и выдающийся венгерский филолог Геден Месёй (1880–1960) начал работу над новым переводом «Евгения Онегина» ⁴³ и получил до-

⁴⁰ Babits M. Az európai irodalom története. Budapest, 1936. P. 190.

⁴¹ Ibid. P. 206.

⁴² Babits M. Puskin: [Beszéd] // Kortárs. 1973. 11 nov. P. 1820–1822.

⁴³ По мнению Михая Петера, проблемой этого перевода стала ориентация на стилистические принципы «национального классицизма», разработанные Яношем Аранем (см. выше), и игнорирование факторов формирования современного русского литературного языка, синтеза традиционных и западноевропейских элементов (Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Tinta Kiadó, 2005. P. 173–182).

ступ к нескольким работам, вышедшим в связи с празднованием столетия со дня смерти Пушкина в 1937 г. на русском языке. Перевод Месёя вышел в 1945 г., когда русско-венгерские литературные связи вступили в новую фазу, однако широкого распространения не получил.

Возвращаясь к началу сороковых годов, стоит отметить, что в очередной фундаментальной «Истории мировой литературы» (1941) ее автор, один из талантливейших прозаиков межвоенного периода, впоследствии трагически погибший Антал Серб (1901—1945), отмечая роль Пушкина как «моста между тремя эпохами русской литературы: рококо, романтикой и реализмом»,⁴⁴ выделяет в качестве достижения мирового уровня лишь «Евгения Онегина», упоминая остальные произведения (из них — лишь ранние стихи, «Кавказского пленника» и «Цыган») как тексты «местного значения».⁴⁵ Столь большую популярность «Онегина» среди венгров Серб объясняет близостью миров больших аристократических поместий и необычной для большинства европейских литератур центральной женской фигурой: Татьяна первой признается в любви мужчине, и это, по мнению Серба, демонстрирует «изначально реалистический взгляд русских, не связанных традицией рыцарства и Петрарки, согласно которой мужчина добывается любви, а женщина сопротивляется».⁴⁶

После окончания Второй мировой войны и радикального изменения политической ситуации в Венгрии поменялась и государственная литературная политика. Ориентация на Москву означала резкое увеличение переводов с русского языка. Помимо идеологически «правильных» авторов и огромного количества второсортных текстов на венгерский язык начинают активно переводить и русскую классику, заполняя пробелы, возникшие за предыдущие десятилетия. Потребовались и новые переводы уже существовавших на венгерском произведений.

В 1949 г., в год 150-летия со дня рождения поэта, на официальном мероприятии в честь этого события первый перевод Берци был заклеен как «искажение» Пушкина, попытка «сделать маникюр льву». Вскоре «Новое венгерское издательство» объявило конкурс на новый перевод «Онегина». Победителем этого конкурса стал Лайош Априли (1887—1967), чей труд был опубликован в 1953 г. Как отмечает Михай Петер, Априли сумел вывести пере-

⁴⁴ Szerb A. A világirodalom története. III. Révai. Budapest, 1941. P. 55.

⁴⁵ Ibid. P. 56.

⁴⁶ Ibid.

вод Пушкина на новый для венгерского языка уровень, но при этом уважительно отзывался и о Берци как о своем предшественнике.⁴⁷

Войдя в школьную программу и идеологически одобренный канон зарубежной литературы, произведения Пушкина стали предметом множества исследований. Работы конца 1940-х — начала 1950-х гг. при всей их обстоятельности нередко носили крайне политизированный характер и вместо серьезного анализа превращали Пушкина чуть ли не в главный источник реализма в венгерской литературе.⁴⁸ Однако в дальнейшем, начиная с середины 1950-х гг., венгерская пушкиниана становится менее идеологизированной и более разносторонней.

Постепенно были переведены на венгерский язык и практически все произведения Пушкина. К нему обращались крупнейшие поэты эпохи — Лёринц Сабо (1900—1957), Шандор Вэреш (1913—1989) и др. Количество переводов, выполненных за последние полвека, столь велико, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц, поэтому нам представляется важным остановиться лишь на нескольких, точнее, на личности одного переводчика, чьи тексты получили самую высокую оценку большинства современных венгерских литературоведов, — Арпада Галгоци (р. 1928). Именно ему, среди прочего, принадлежит последний из существующих перевод «Евгения Онегина» (1992). Галгоци не был профессиональным филологом и русский язык выучил в сибирском лагере, куда попал еще подростком. Перевод Пушкина стал для него своеобразным способом выживания. Его вариант «Евгения Онегина» вышел в серии книг для старших школьников издательства «*Matúra klasszikusok*» в 1992 г. — в момент, когда преподавание русского языка и литературы в венгерских школах стало сходить на нет, однако именно этот роман Пушкина остался в программе и по сей день. О качестве переводов Галгоци можно убедиться на примере его работы с текстом поэмы «Медный всадник» (1998). Если двое его предшественников — Дёрдь Радо и Иштван Кормош — в своих переводах (1949 и 1964 соответственно) использовали слово *bronz* — словарный эквивалент прилагательного «медный», то Арпад Галгоци выбирает вариант *réz*, поскольку в венгерском языке именно это слово фигурирует как составляющая слов, используемых в сказках; кроме того, пушкинский «медный лоб» как калька с французского *front*

⁴⁷ Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása. P. 176.

⁴⁸ См., например, статью: Máthé-Haupt G. Puskin hatása a magyar társadalmi gondolkodás és irodalom fejlődésére a XIX. század második felében // Irodalomtörténet. 1949. № 1. P. 59—76.

d'airain хорошо переводится на венгерский как *rézhomlok*. Таким образом, ирреальная коннотация очень подходит для описания инферального памятника.⁴⁹

Если на протяжении последних десятилетий XX в. «главными русскими» писателями для венгерской культуры являлись скорее Чехов и Достоевский, а Пушкин несколько отошел на второй план, то появление новых переводов Арпада Галгоци, Иштвана Баки и др. в 1990-х гг. стимулировало возрождение интереса к творчеству «первого национального поэта русских». Самыми интересными, на наш взгляд, явлениями стали стихотворные переложения пушкинской прозы на венгерский язык онегинской строфой Иштвана Гати (р. 1979) и возрождение венгерского романа в стихах в творчестве поэта и драматурга Яноша Терей (р. 1970).

В первом случае речь идет о жанровом переосмыслении прозаических текстов — «Станционный смотритель», «Гробовщик», «Пиковая дама». Проанализировав существующие переводы «Онегина», Иштван Гати создал новые стихотворные произведения на основе уже переведенной на венгерский прозы. Тот факт, что у читателя «возникает ощущение, будто перед ним повествовательный поэтический текст венгерского автора XIX в.»,⁵⁰ лишний раз подчеркивает силу традиции стихотворного нарратива, воспринятой венграми в XIX в., во многом через творчество Пушкина. Ироничное обыгрывание пушкинских текстов с использованием уже знакомых венгерскому читателю переводческих решений Априли и Галгоци сообщает «переводам» Гати особое очарование: так, например, в лирическом вступлении к «Станционному смотрителю» «дядя самых честных правил» превращается в «славную тетушку», любительницу сладостей и обладательницу поразительного для своих восьмидесяти лет здоровья.

Романы и повести в стихах Яноша Терей — «Павел» (2001), «Протокол» (2010), «Пешком через Будапешт» (2014), «Самый малый ледниковый период» (2015), а также стихотворные драмы — цикл «Жилой квартал “Нибелунги”» (2004) и «Ресторанная музыка» (2008) открывают новые возможности стихотворного нарратива в начале XXI в. По признанию самого автора, он стремится вдохнуть новую жизнь в жанр романа в стихах, поднять при-

⁴⁹ Подробнее сравнительный разбор трех переводов см. в статье М. Петера: Péter M. A Puskin Rézlovasnak új magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stilus, költői beszéd. P. 196–201.

⁵⁰ Szőke K. Puskin: A postamester — Anyegin-strófákban elbeszélve // Kortárs. 2011. № 6. P. 24.

вычную современному человеку повседневность до уровня высокой поэзии. Онегинская строфа является для него самой естественной формой выражения и одновременно позволяет заставить читателя острее реагировать на самые болезненные вопросы современной жизни. Критик Гергей Андялоши в статье о романе «Павел» подчеркивает генетическую связь текста Тереи с пушкинским романом: «...основой связи с “Онегиным” становится романтическое мировоззрение, которое уже и у Пушкина местами обретает ироническую интонацию».⁵¹ Другой критик, Иштван Маргочи, назвавший «Павел» «выдающимся Gesamtkunstwerk-ом венгерской постмодернистской литературы»,⁵² прямо указывает на то, что Тереи «проводит эксперимент — совершенно особым образом, опираясь на разнообразие нескольких отличных переводов, переписывает пушкинского “Онегина” сегодня, с сегодняшним взглядом, приспособив его к современным отношениям <...>, и даже сохраняя стихотворную форму».⁵³

Пушкинское наследие присутствует в произведениях Яноша Тереи не только как форма и подход, но и непосредственно в виде пушкинского текста: в 2002 г. в его переводе в Будапеште был поставлен «Борис Годунов» (перевод выполнен совместно с Аннамарией Раднаи), а эпиграфом к последнему роману «Самый малый ледниковый период» послужила песня Вальсингама из «Пира во время чумы».

Примеры Иштвана Гати и Яноша Тереи, на наш взгляд, свидетельствуют о сохранении в венгерской литературе живой и продуктивной традиции осмысления творчества Пушкина.

⁵¹ *Angyalosi G. Kaszálni Páli réteken. Terey János: Paulus // Holmi. 2002. № 9. P. 1125–1129.*

⁵² *Margocsy I. Terey János: Paulus // 2000 (Budapest). 2002. № 1. P. 1225.*

⁵³ *Ibid.*

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ «БОЛДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ» (1990–2015)¹

Составил С. А. Лунц

1990

[1988] Отв. ред. В. А. Грехнев; Ред. коллегия: Н. А. Борисова, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фоми-
чев, Н. М. Фортунатов. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во,
1990. — 197 с.

Поэтика Пушкина

Краснов Г. В. Исповедь героя «Маленьких трагедий». — С. 4–11.

Слинина Э. В. О языке лирики Пушкина: (Поэтизмы как форма вырази-
тельности). — С. 12–21.

Смирнов А. А. Тенденции романтического универсализма в лирике
А. С. Пушкина второй половины 20-х гг. — С. 22–32.

Грехнев В. А. Прозаическое в лирике Пушкина. — С. 33–49.

Сурков Е. А. Синтез жанрово-стилевых традиций в «Станционном смот-
рителе» А. С. Пушкина. — С. 50–61.

Москвичева Г. В. К проблеме художественной целостности поэмы
А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». — С. 62–80.

Тимофеев Л. М. К анализу семантики лексемы «народ» в творчестве
А. Н. Радищева и А. С. Пушкина. — С. 81–90.

Фортунатов Н. М. Одна из загадок поэзии Пушкина и прозы Чехова:
(Эффект репризы в композиции литературных произведений). —
С. 91–100.

Панфилов А. [Ю.] Анализ эпитафии А. С. Пушкина на Ник. Волкон-
ского. — С. 101–111.

¹ Содержание предыдущих выпусков см.: *Рогачевский А. Б.* Содержание выпусков сборника «Болдинские чтения» в 1976–1988 гг. // Болдинские чтения. Горький, 1990. С. 184–196 (также URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/rog90/rog90.htm>).

Драгомирецкая Н. В. О вступлении к «Евгению Онегину»: (К проблеме классического стиля). — С. 112—115.

Листов В. С. Легенда о черном предке в творческом сознании Пушкина. — С. 116—128.

Букалов А. М. Пушкинский набросок «Часто думал я...». — С. 129—132.

Нравственно-философская проблематика в творчестве Пушкина

Чернов А. В. Нравственно-философский смысл категории «опыта» в «Станционном смотрителе». — С. 134—142.

Эпштейн С. Н. Искусство и действительность в «Пире во время чумы». — С. 143—151.

Белкин Д. И. Подвиг нижегородца Минина в оценках Пушкина. — С. 152—163.

Евсенева Ж. Е. К характеристике главного героя в поэме «Анджело». — С. 164—171.

Пушкинское музееведение

Попова Н. И. К истории пушкинских музейных экспозиций. — С. 174—183.

Рогачевский А. Б. Содержание выпусков сборника «Болдинские чтения» в 1976—1988 гг. — С. 184—196.

1991

[1989] К 70-летию проф. Г. В. Краснова / Отв. ред. В. А. Грехнев; Ред. коллегия: Н. А. Борисова, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев, Н. М. Фортунатов. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. — 187 с.

Поэтика Пушкина

Лужановский А. В. От анекдота к новелле: («Повести Белкина» А. С. Пушкина). — С. 4—14.

Сурков Е. А. Жанровая рефлексия в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. — С. 15—28.

Чернов А. В. К проблеме повествователя в «Повестях Белкина». — С. 29—36.

Гуменная Г. Л. Герои «Домика в Коломне». — С. 37—46.

Москвичева Г. В. К проблеме жанра «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. — С. 47—61.

Белкин Д. И. Своеобразие диалога в ориентальных стихотворениях А. С. Пушкина. — С. 62—74.

Фортунатов Н. М. Черты пушкинской формы в искусствovedческом аспекте. — С. 75–82.

Лахно С. Н., Фризман Л. Г. О своеобразии рецензий Пушкина. — С. 83–88.

Пушкин и литературная традиция

Михайлова Н. И. Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник»: (Тема Петра I и ораторская традиция). — С. 90–103.

Рогачевский А. Б. «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» А. Е. Измайлова и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. — С. 104–115.

Кузнецов И. С. А. С. Пушкин и А. Шенье: (Опыт характеристики поэтического своеобразия стихотворения «Покров, упитанный язвительно кровью...»). — С. 116–124.

Поэтический текст и творческий процесс

Строганов М. В. Из комментариев к «Евгению Онегину». — С. 126–140.

Степанов Л. А. Три послания к Великопольскому: (К характеристике творческого процесса). — С. 141–169.

Кулагин А. В. Стихотворение Пушкина «Пред испанкой благородной...»: (Опыт реконструкции замысла). — С. 170–178.

Краснов Г. В. «...Сии вымыслы не чужды поэзии»: (Заметки о «Полтаве»). — С. 179–186.

1993

[1991] Отв. ред. В. А. Грехнев; Ред. коллегия: Д. И. Белкин, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, Н. М. Фортунатов, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. — 139 с.

Поэтика и мироощущение пушкинской прозы

Хализев В. Е. «Домик в Коломне»: хандра и смех. — С. 4–22.

Краснов Г. В. Реальность романтического: (Случай и случайность в «Капитанской дочке»). — С. 22–38.

Грехнев В. А. Пушкин и философия Случая. — С. 39–48.

Фортунатов Н. М. Особенности построения пушкинской новеллы: «Выстрел». — С. 48–57.

Кулагин А. В. Об одном эпиграфе в пушкинском романе о царском арапе. — С. 57–64.

Белкин Д. И. Отклик «Современника» на торговые связи России с Китаем. — С. 64–72.

Поэзия Пушкина: поэтика и проблемы интерпретации

- Смирнов А. А.* Принципы романтического психологизма в лирике Пушкина. — С. 74–86.
- Альми И. Л.* О приеме песенной вставки в романтических поэмах Пушкина и в романе «Евгений Онегин». — С. 86–97.
- Довгий О. Л.* Из комментариев к болдинской лирике 1830 г. — С. 98–107.
- Сидяков Л. С.* К интерпретации стихотворения Пушкина «Герой». — С. 107–114.
- Москвичева Г. В.* Особенности конфликта в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». — С. 114–127.
- Савченко Т. Т.* Поэтика сатирической эпиграммы А. С. Пушкина. — С. 127–138.

1994

- [1993] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: В. А. Грехнев, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. — 143 с.

Пушкин: проблемы творчества

- Краснов Г. В.* Пушкин: Миф и реальность. — С. 5–14.
- Бялокозович Б.* «Анчар» Пушкина в оценке этнографа Н. А. Янчука. — С. 15–36.
- Москвичева Г. В.* Трагическая коллизия в «Каменном госте» А. С. Пушкина. — С. 36–48.
- Вершинина Н. Л.* Сентиментально-бытовой стереотип и его отражение в стиле пушкинской прозы. — С. 48–59.
- Листов В. С.* Мотив саморазоблачения героя в творчестве А. С. Пушкина. — С. 59–67.
- Кулагин А. В.* Об одной мифологеме в пушкинском «Полководце». — С. 67–76.

«Евгений Онегин»: вопросы поэтики жанра, характерологии, комментарии к тексту

- Фортунатов Н. М.* Рассказ и новелла в пушкинской романной системе. — С. 79–87.
- Невский А. Я.* Жанр эпитафии в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 87–95.
- Грехнев В. А.* Эволюция Онегина как филологический миф. — С. 95–103.

Михайлова Н. И. Из комментария к «Евгению Онегину» («Стразбургский пирог»). — С. 103–108.

Вопросы музееведения

Перфильева Л. А. Загадочная болдинская соседка, или «Зубриловские» Голицыны в кругу знакомых А. С. Пушкина 1830-х годов. — С. 111–124.

Попадюк С. С. К проблеме мемориализации Болдина. — С. 124–142.

1995

[1994] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: В. А. Грехнев, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. — 164 с.

Творческие параллели

Фомичев С. А. Два болдинских стихотворения Пушкина, написанные 17 октября 1830 года. — С. 5–12.

Краснов Г. В. Пушкин и Жан-Поль: (Комментарий к «Барышне-крестьянке»). — С. 12–16.

Листов В. С. К истолкованию образа Фауста в пушкинском плане «Сцен из рыцарских времен». — С. 16–27.

Глухов В. И. «Анджело» Пушкина и «Мера за меру» Шекспира. — С. 28–39.

Белкин Д. И. «Русская правда» П. И. Пестеля и «Памятник» А. С. Пушкина. — С. 39–47.

Вилсон Дж. Онегинские строфы англоязычного писателя Викрама Сета (Индия). — С. 47–56.

Гуменная Г. Л. Державин в контексте «Евгения Онегина». — С. 57–64.

Проблемы поэтики. Интерпретация текстов

Смирнов А. А. Принцип романтической тайны в лирике Пушкина. — С. 67–79.

Вершинина Н. Л. Проблема вариативности идиллической жанровой традиции в стихотворении Пушкина «Земля и море». — С. 79–89.

Грехнев В. А. «Самостоянье» свободы: («Из Пиндемонти» Пушкина). — С. 90–96.

Москвичева Г. В. Герой в трагической ситуации: («Пир во время чумы»). — С. 97–110.

Кулагин А. В. Из комментария к пушкинским замыслам 30-х годов. — С. 110–119.

Пяткин С. Н. Символика «метели» в творчестве А. С. Пушкина 30-х годов. — С. 120–129.

Пушкин в музыке

Соколов О. В. Пушкинский стих и русский романс. — С. 133–143.

Фортунатов Н. М. Пушкин и Чайковский: (Об эпиграфе к «Январю. У камелька» из «Времен года» П. И. Чайковского). — С. 144–156.

Вопросы музееведения

Михайлова Н. И. Экспозиция по Львовке: Очерк концепции. — С. 159–163.

1997

[1995] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: В. А. Грехнев, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. — 133 с.

Творческие параллели

Кулагин А. В. Пушкин и «Древняя российская вивлиофика» Н. И. Новикова. — С. 5–13.

Краснов Г. В. «...История ее требует другой мысли...»: (Пушкин в спорах с Н. Полевым). — С. 13–21.

Вершинина Н. Л. «Рассказовая» тенденция в беллетристике пушкинского времени и творчестве Пушкина 1830-х годов. — С. 21–35.

Москвичева Г. В. К проблеме трагического в драматургии Пушкина. — С. 35–50.

Листов В. С. К истолкованию символики «Бориса Годунова» и «Медного всадника». — С. 50–60.

Савинков С. В. «Стихийное» и «родовое» в пушкинской истории Пугачева. — С. 60–64.

Соколов О. В. Новаторские русские оперы на сюжеты Пушкина. — С. 65–76.

Из комментариев к «Евгению Онегину»

Михайлова Н. И. «...Добрый малой». — С. 79–81.

Гуменная Г. Л. Пушкин и Богданович. — С. 81–88.

Фортунатов Н. М. Пушкин о Пушкине: об одной неоправданной конъектуре: (XII строфа 8 главы «Евгения Онегина»). — С. 88–100.

Как читают Пушкина нижегородские школьники

Зотова Н. В. Пушкин в восприятии подростков: (По материалам социологического исследования, проведенного Нижегородской государственной областной детской библиотекой). — С. 103–109.

Андосова Т. С. Постижение поэта. — С. 109–118.

Вопросы музееведения

Белоногова В. Ю. Образ Пушкина в творчестве болдинских художников-примитивистов. — С. 121–132.

1998

[1996] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: [В. А. Грехнев], Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. — 178 с.

Краснов Г. В. Под знаком Пушкина: (Из истории Болдинских чтений). — С. 3–12.

Источники. Творческие параллели

Глухов В. И. К истории создания романа «Дубровский». — С. 15–24.

Белкин Д. И. Книги о Монголии и монголах в библиотеке Пушкина. — С. 24–34.

Малкина В. Я. Этический конфликт и драматические формы в произведениях А. С. Пушкина и А. А. Бестужева (Марлинского): «Выстрел» и «Вечер на бивуаке». — С. 34–42.

Перфильева Л. А. Болдинская осень 1830 года в эпистолярной князей Вяземских. — С. 42–51.

Потемина Е. И. «Евгений Онегин» в оценке М. А. Бестужева-Рюмина. — С. 51–59.

Мостовская Н. Н. О «несостоявшемся» пушкинском эпиграфе к роману Тургенева «Новь». — С. 60–63.

Кулагин А. В. Пушкинский «Памятник» и современные поэты (И. Бродский, А. Кушнер). — С. 64–73.

Проблемы интерпретации

Листов В. С. К истолкованию религиозной традиции пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери». — С. 77–86.

Егоров Б. Ф. Пушкин в оценке религиозных мыслителей и литературных критиков России 1870–1880-х годов: (Н. П. Гиляров-Платонов и Ф. М. Достоевский). — С. 86–89.

- Вершинина Н. Л.* Об особенностях «наивного» рассказчика в прозе А. С. Пушкина 1830-х годов. — С. 89—97.
- Москвичева Г. В.* Баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: (Историческое и поэтическое в ее сюжете). — С. 98—106.
- Ермакова Н. А.* Сюжетный эквивалент «болтовни» в «Пиковой даме» и «Романе в письмах». — С. 107—116.

Вопросы комментирования. Текстология

- Михайлова Н. И.* «Румян как вербный херувим»: (Из комментария к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). — С. 119—122.
- Фортунов Н. М.* История одной текстологической ошибки: (Сюжет карточной игры: Пушкин и Л. Толстой). — С. 122—128.

Музыка. Живопись

- Соколов О. В.* «Медный всадник» как аналог большой музыкальной поэмы. — С. 131—141.
- Уртминцева М. Г.* Пушкин и проблемы жанра портрета в русской литературе и искусстве первой четверти XIX века: (По материалам автобиографических «Записок»). — С. 142—151.

Как читают Пушкина нижегородские школьники

- Зотова Н. В.* Пушкин в ассоциативном восприятии подростков: (По материалам социологического исследования, проведенного Нижегородской государственной областной детской библиотекой). — С. 155—170.

Хроника

- IV Международная Пушкинская конференция «Пушкин и мировая культура». Санкт-Петербург — Нижний Новгород — Болдино (20—26.08.1997 г.). — С. 171—174.
- Всеволод Алексеевич Грехнев. 30.10.1938 — 29.01.1998. Некролог. — С. 175—176.

1999

- [1999] [Юбилейный сб. к 200-летию А. С. Пушкина] / Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. — 225 с.

Лирика

Магомедова Д. М. Идиллический мир в жанрах послания и элегии. — С. 5—12.

Бройтман С. Н. Зарождение дхвани в лирике Пушкина. — С. 13—26.

Соколянский М. Г. Фольклоризм и/или всемирная отзывчивость? (О лицевом стихотворении Пушкина «Козак»). — С. 26—34.

«Евгений Онегин»

Кошелев В. А. «Певец, неведомый, но милый...»: Пушкин и Ленский. — С. 37—48.

Викторович В. А. Тема смерти в «Евгении Онегине». — С. 49—57.

Аминева И. А. Поэтика свадебного обряда в «чудном» сне Татьяны. — С. 58—63.

Проблема традиции

Фортулатов Н. М. Пушкин и вопросы формотворчества в русской литературе конца XIX — начала XX веков: победы и поражения нового искусства. — С. 66—81.

Кулагин А. В. «Пиковая дама» в творческом восприятии В. С. Высоцкого. — С. 82—91.

Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» Пушкина и судьбы исторического романа в России. — С. 92—102.

Шмид В. Немцы в прозе Пушкина. — С. 103—115.

Вершинина Н. Л. Пушкин и Булгарин: к проблеме исторического повествования. — С. 116—125.

Сорникова М. Я. «Капитанская дочка» и литературная традиция русской комической оперы. — С. 126—132.

Живопись, музыка

Перфильева Л. А. Поэма «Домик в Коломне» в контексте петербургских и болдинских реалий биографии А. С. Пушкина: (Комментарий к происхождению замысла и автоиллюстрациям). — С. 135—145.

Соколов О. В. О музыкальности композиции «романа в стихах». — С. 146—154.

Проблемы комментирования

Михайлова Н. И. Из комментария к лирике Пушкина: (Пушкин и Карамзин). — С. 157—164.

Гуменная Г. Л. Пушкин и Катенин в контексте «Евгения Онегина». — С. 165—174.

Белоногова В. Ю. Альбом болдинской соседки Пушкина: (К вопросу об альбомной культуре пушкинского времени). — С. 175–182.

Вспоминая Всеволода Алексеевича Грехнева

Краснов Г. В. Заметки о пушкинистике В. А. Грехнева. — С. 185–188.

Грехнева Г. М. Стиль, сопродный поэзии: (Заметки о речевом стиле пушкинистики В. А. Грехнева). — С. 189–201.

Хализев В. Е. Вспоминая Всеволода Алексеевича Грехнева и перечитывая его работы. — С. 201–211.

Хроника

Улыбина О. Б. Содержание выпусков сборника «Болдинские чтения» в 1990–1998 гг. — С. 215–221.

Фортунатов Н. М., Кастосов И. В. [Уртминцева М. Г., Чуянов С. П., Долгов Г. А., Лабутин Д. Ю., Амелин М. Н.] Гуманитарный веб-сайт «Пушкин на Новгородчине»: Идея и концепция проекта, информационное наполнение. — С. 222–223.

2000

[1999] [1-й юбилейный сб. к 170-летию Болдинской осени] / Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. — 141 с.

Творческие параллели

Кулагин А. В. Пушкинский протейзм как историко-литературная проблема. — С. 5–12.

Вершинина Н. Л. Истоки художественной концепции темы Петра Великого в произведениях А. С. Пушкина второй половины 1820-х годов. — С. 12–21.

Вильк Е. А. Иноязычная сцена («Равнина близ Новгород-Северского») в трагедии «Борис Годунов»: к вопросу о конфликте России и Запада в изображении Пушкина. С. 22–32.

Соколов О. В. Два образа Дон Жуана: (Контрасты и параллели). — С. 33–39.

Поэтика. Стилистика

Фортунатов Н. М. Из пушкинской поэтики: образ-константа: (Поэзия жизни и жизнь поэзии). — С. 43–58.

- Альми И. Л. О неоцененном лирическом шедевре А. С. Пушкина. — С. 58—66.
- Малкина В. Я. Стихотворение А. С. Пушкина «Дорожные жалобы»: (Опыт анализа). — С. 66—74.
- Абрамова И. Ю. Эффект «плетения словес» в поэзии А. С. Пушкина: (Жанр посланий). — С. 74—80.
- Грехнева Л. В. Перифрастические обозначения смерти в поэзии Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина. — С. 80—87.
- Васильев Н. Л. Новые данные о лексическом богатстве языка А. С. Пушкина. — С. 87—93.

Проблемы интерпретации

- Краснов Г. В. Поэт и живописец: (К истолкованию стихотворения «Полководец»). — С. 97—102.
- Кошелев А. В. «Болдинские» письма А. С. Пушкина к П. А. Плетневу как целостный текст. — С. 103—110.
- Гуменная Г. Л. «...Переимчивый Княжнин». — С. 111—115.
- Теплова Н. Е. Revue Encyclopédique (1813—1833) и проблемы передачи пушкинских текстов во Франции. — С. 115—120.
- Белогова В. Ю. К вопросу о «пушкинском» происхождении комедии Гоголя «Ревизор». — С. 120—128.

Пушкин в школе

- Грехнева Г. М., Корепова К. Е. Проблемы изучения творчества А. С. Пушкина в школе и приобщение школьников к традиционной культуре. — С. 131—139.

2001

- [2000] [2-й юбилейный сб. к 170-летию Болдинской осени] / Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. — 146 с.

Пути исканий поэта

- Краснов Г. В. «Истинный романтизм» в лирике Пушкина на рубеже 1820-х — 1830-х гг. — С. 5—10.
- Москвичева Г. В. «Русалка» в драматургической системе Пушкина. — С. 10—22.

Творческие параллели

- Фортулатова В. А.* Пограничные и периферийные ситуации как экзистенциальная тенденция пушкинской прозы. — С. 25–37.
- Рогинская О. О., Тамарченко Н. Д.* «Евгений Онегин» и традиция эпистолярного романа: (К постановке проблемы). — С. 37–49.
- Бессонова А. С.* «Гений и злодейство» в художественном мире В. Набокова. — С. 49–58.
- Малкина В. Я.* «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «готическая» традиция: (Образ Швабрина). — С. 59–66.
- Гневковская Е. В.* Художественное пространство пограничной крепости в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и повести А. Крюкова «Рассказ моей бабушки». — С. 67–76.

Многозначность художественного слова

- Гей Н. К.* Об аксиологии простого слова. — С. 79–90.
- Васильев Н. Л.* Фразеология как художественно-изобразительное средство в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 91–100.
- Абрамова И. Ю.* Приемы «плетения словес» в послании А. С. Пушкина «К***». — С. 101–104.

Вопросы атрибуции, датировки и комментирования

- Кошелев А. В.* Об одном письме Пушкина. — С. 107–113.
- Фортулатов Н. М.* Поэзия реальности. Опыт комментирования «Моей родословной»: шестая строфа. — С. 114–121.
- Белкин Д. И.* Размышления о «Записках бригадира Моро-де-Бразе». — С. 122–128.

Краеведение

- Куприянова Н. И.* Прощание с Болдином. — С. 131–134.
- Борисова Н. А.* Пушкин в Лукоянове. Были и легенды. — С. 135–144, 4 л. ил.

2002

- [2001] Отв. ред. Н. М. Фортулатов; Ред. коллегия: Ю. А. Жулин, Г. И. Золотухин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. — 143 с.

Творческие параллели

- Фортулатов Н. М.* История и перспективы. — С. 4–7.
- Кулагин А. В.* «Медный всадник» и поэзия А. Галича. — С. 8–16.

- Бессонова А. С. «Пророк» Пушкина, прочитанный Набоковым. — С. 17–24.
- Бурнашева Н. И. «Диалог» с Пушкиным: (Из творческой истории рассказа Льва Толстого «Альберт»). — С. 25–32.
- Гуменная Г. Л. «Читал охотно Елисея...»: (Ирой-комика в «Евгении Онегине»). — С. 33–38.
- Александрова М. А. Об одной грибоедовской ассоциации в «Евгении Онегине». — С. 39–42.
- Белоголова В. Ю. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя...»: Гоголь о Пушкине. — С. 43–48.

Интерпретация текстов. Проблемы поэтики

- Фортулатова В. А. Упорядоченная иррациональность в пушкинской прозе. — С. 50–60.
- Теплова Н. Е. К вопросу о непереводаемости Пушкина. — С. 61–66.
- Вершинина Н. Л. «Формула» пейзажа в творческом сознании Пушкина (1810–1830-е годы). — С. 67–75.
- Викторович В. А. «Ужели слово найдено?»: Лексикография Онегина. — С. 76–85.
- Листов В. С. К истолкованию лицейской поэмы А. С. Пушкина «Монах». — С. 86–92.
- Михайлова Н. И. «Стансы» («В надежде славы и добра...»): Из наблюдений над текстом. — С. 93–95.

Краеведение. Музейное дело

- Борисова Н. А. Пушкин в Лукоянове: Были. Предположения. Легенды. — С. 97–103.
- Куприянова Н. И. Пушкин и его поклонники: (Стихи, подписанные «А. Пушкин», ему не принадлежащие). — С. 104–107.

Из прошлого Болдинских чтений

- Макогоненко Г. П. «Сказка о рыбаке и рыбке» и вопросы ее интерпретации. — С. 109–117.
- Турбин В. Н. Роман прогнозов: (К проблеме строения сюжета «Евгения Онегина»). — С. 118–123.
- Маймин Е. А. Полифонизм художественного мышления в поэме «Медный всадник». — С. 124–130.
- Грехнев В. А. Пушкин: «лирическое движение». — С. 131–142.

[2001] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2003. — 279 с.

Пушкин и мир

Фризман Л. Г. Пушкин 1880 года. — С. 5—16.

Бялокозович Б. Пушкин в восприятии И. А. Бодуэна де Куртенэ. — С. 17—27.

Димитров Л. «Маленькие трагедии» Пушкина как русская драматизация европейской культурной истории. — С. 28—37.

Лепилова Кв. А. С. Пушкин как символ русской культуры: (Традиция чешской рецепции и межкультурный диалог перелома века). — С. 38—46.

Творческие параллели

Кулагин А. В. Пушкин и князь Курбский. — С. 49—59.

Жиликова Э. М. Пушкин и Вальтер Скотт: «Осень» («Октябрь уж наступил <...>»). — С. 60—76.

Алоэ С. Trias poetarum: Пушкин — «покровитель» и Пушкин — под «покровительством» в поэтическом Пантеоне В. К. Кюхельбекера. — С. 77—90.

Киселева Л. Ф. Открытые и скрытые авторские «лики» Пушкина в разных жанрах. — С. 91—100.

Казакова Л. А. К вопросу о «Графе Нулине» в свете иронии-комической традиции. — С. 101—114.

Юхнова И. С. Человек и мир в стихотворениях Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...». — С. 115—121.

Александрова М. А. Онегинские аллюзии в повести И. С. Тургенева «Бретер». — С. 122—130.

Культурология. Процессы творчества

Фортунатова В. А. Пластическая особенность пушкинской мыслеформы. — С. 133—143.

Теплова Н. [Е.] В. Набоков о переводе «Евгения Онегина» в письмах к Edmund Wilson. — С. 144—152.

Пушкин и музыка

Соколов О. В. Мотивы пушкинского Востока в русской музыке. — С. 155—162.

Сазонова З. Н. Музыкально-литературная традиция в «Каменном госте» Пушкина и «Дон Жуане» А. К. Толстого. — С. 163–170.

Поэтика. Интерпретация текстов

Манолакев Х. Рецепционная проблемность «чужого» текста в «Повестях Белкина». — С. 173–182.

Попова И. Л. «Станционный смотритель»: притчевый подтекст болдинской повести А. С. Пушкина. — С. 183–190.

Уртминцева М. Г. Портрет в художественном ансамбле эпохи: (Повесть Пушкина «Капитанская дочка»). — С. 191–199.

Васильев Н. Л. Языковое со-творчество Пушкина. — С. 200–210.

Процин Е. Е. Жанровый генезис «Капитанской дочки»: Образ Швабрина в контексте авантюрной поэтики. — С. 211–216.

Цоффка В. В. Сани в романе Пушкина «Евгений Онегин»: (Из наблюдений над текстом). — С. 217–225.

Прохорова И. Е. «Бахчисарайский фонтан» (1824): Тип издания. — С. 226–232.

Музейное дело. Вопросы краеведения

Левина Ю. И. Первые шаги «Болдинских чтений». — С. 235–237.

Хорев М. М. Куда и к какой княжне Голицыной ездил Пушкин: (Уточненный эпизод, связанный с поездкой поэта 30 сентября 1830 года). — С. 238–244.

Пушкиниана

Рудзевич И. Информация о библиографии «Пушкин в Польше 1976–2000». — С. 247–253.

Стахурка М. Олыштынская Пушкиниана. — С. 254–269.

Фортуноватов Н. М., Стронгин П. Р., Власов А. М. Пушкин и Интернет-образование. 270–276.

2005

[2004] [Юбилейный сб. к 170-летию пребывания А. С. Пушкина в Большом Болдине и 55-летию гос. музея-заповедника «Болдино»] / Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Н. Д. Тamarченко, С. А. Фомичев. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2005. — 263 с.

К 170-летию болдинской «Сказки о золотом петушке»

Фортуноватова В. А. Онтологическая игра как источник смыслопорождения в «Сказке о золотом петушке». — С. 5–16.

**Новаторские приемы гения:
о пушкинской «недосказанности»**

Вершинина Н. Л. «Фигура умолчания» в поэме «Бахчисарайский фонтан». — С. 19–31.

Глушко О. Романтическая идея «невыразимого» в контексте «Повестей Белкина». — С. 32–46.

Проза Пушкина в переводах

Теплова Н. «Выстрел» А. С. Пушкина в переводе П. Мериме. — С. 49–56.

**Проблема поэтики. Жанр.
Персонажный план. Стилиевые черты**

Тамарченко Н. Д. Пушкин и готическая традиция: Жанровый контекст «Пиковой дамы». — С. 59–75.

Сазонова Э. Н. Мотив детоубийства в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и трагедии А. К. Толстого «Царь Борис». — С. 76–82.

Мильдон В. И. Идея романа-цикла в «Повестях Белкина». — С. 83–90.

Кулагин А. В. О жанре стихотворения «Полководец». — С. 91–100.

Гуревич Н. Б. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: система портретов персонажей. — С. 101–107.

Юхнова И. С. О некоторых принципах речевого портретирования в прозе А. С. Пушкина. — С. 108–113.

Васильев Н. А. Инерция романтической поэтики в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 114–122.

Парадоксальность гения

Никишов Ю. М. О поэтике противоречий в «Евгении Онегине». — С. 125–134.

Загидуллина М. В. Болдинская легенда в творчестве Гоголя. — С. 135–149.

Белоногова В. Ю. Еще несколько слов о продаже «вдохновенья» и «рукописи»: К вопросу о борьбе Пушкина с массовой культурой. — С. 150–160.

Классики читают классика

Альми И. А. Рядом с пушкинским «Демоном»: О двух стихотворениях Е. А. Баратынского. — С. 163–176.

Уртминцева М. Г. «Пушкинский текст» в «Литературных и житейских воспоминаниях» И. С. Тургенева. — С. 177–185.

- Фортунов Н. М. Об одной пушкинской аллюзии в повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»: Текст и претекст. — С. 186—194.
- Гуменная Г. Л. Чехов цитирует «Евгения Онегина». — С. 195—200.

Тайны ассоциативных связей

- Димитров Л. «Борис Годунов»: «Эксгумация» смысла. — С. 203—213.
- Сугино Ю. Отзвуки декабристской поэзии в поэме «Медный всадник». — С. 214—224.

Судьбы Пушкина в дальнем и ближнем Зарубежье

- Поспишил И. Пушкин глазами чехов: три концепции. — С. 227—235.
- Труханенко А. В. Пушкин в Галиции, современной ему и современной нам. — С. 236—246.

Музееведение

- Левина Ю. И. Поиски княгини Голицыной продолжаются... — С. 248—252.
- Чуянов С. П. К истории Болдинского хора. — С. 253—260.

2006

- [2006] Отв. ред. Н. М. Фортунов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Н. Д. Тамарченко. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2006. — 345 с.

Повести Белкина

- Гей Н. К. Мини-повествование в болдинской прозе А. С. Пушкина. — С. 5—11.
- Михайлов Д. «Выстрел»: (Не) убить пересмешника. — С. 12—18.
- Пехал З. Повесть «Выстрел» А. С. Пушкина. Основа конфликтной ситуации: Сильвио или граф? Маски рассказчиков. — С. 20—27.
- Глушко О. Пределы «возможного» в «Повестях Белкина» («Барышня-крестьянка»). — С. 28—40.

Евгений Онегин

- Теплова Н. Роль статуса переводчика в рецепции переводной литературы. — С. 43—49.
- Васильев Н. Л. (Не)преднамеренные каламбуры Пушкина: Из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина». — С. 50—60.

Творческие параллели

- Ваглер Х.* «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: (Христианские мотивы). — С. 63–72.
- Фаустов А. А.* Домовой, дом, душа: Об одном образно-смысловом комплексе пушкинского творчества. — С. 73–91.
- Кадзухико Х.* Ориентальные параллели к «Моцарту и Сальери». — С. 92–106.
- Забабурова Н. В.* Пушкин и С. Ричардсон: еще один сюжет пушкинской игры. — С. 107–116.
- Труханенко А. В.* О статье St. Jaszowski «Пушкин» (1824). — С. 117–126.
- Граф А.* Пушкинское наследие в творчестве Аполлона Майкова. — С. 127–136.
- Уртминцева М. Г.* «Египетские ночи» А. С. Пушкина и «Гора» Н. Лескова: Версия интерпретации сквозного мотива. — С. 137–143.
- Виноградов А. А. К. Н. Леонтьев:* ретроспективная мечта: (А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой). — С. 144–153.
- Кулагин А. В.* К традиции «Песен западных славян»: «Черногорские мотивы» В. Высоцкого. — С. 154–169.
- Фортунатов Н. М.* Роман дочери Пушкина? К проблеме характерологии и стиля отца. — С. 170–180.

Художественные поиски Пушкина

- Поспишил И.* О некоторых романых фрагментах Александра Пушкина. — С. 183–197.
- Димитров Л.* Пушкин и «пустота» драматургического канона. — С. 198–208.
- Мильдон В. И.* «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина как явление литературного модернизма. — С. 209–218.
- Вершинина Н. Л.* Нравописание в контексте пушкинской прозы. — С. 219–232.
- Саськова Т. В.* Поэма Пушкина «Руслан и Людмила»: искушение пасторалью. — С. 233–242.
- Никишов Ю. М.* Осень в творческой жизни Пушкина. — С. 243–252.

Культурфилософия пушкинского текста

- Фортунатова В. А.* Пушкинское время как состояние истории и человека. — С. 255–274.

Пушкин и музыка

- Соколов О. В.* Созвездие трех гениев: (Об опере Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери»). — С. 277–284.

Долгушина М. Г. О двойной ошибке: издателей и истолкователей романа на стихи В. Л. Пушкина. — С. 285–296.

Из прошлого. Архивные материалы.

Краеведческий мотив

Фризман Л. Г. Неизвестная статья С. А. Рейсера о Пушкине [публикация частей I и II]. — С. 299–317.

Левина Ю. И. Из болдинских заметок к биографии А. С. Пушкина и его потомков: (По материалам личного архива). — С. 318–330.

Белоногова В. Ю. А. С. Пушкин и А. Д. Улыбышев. — С. 331–341.

2007

[2007] [Юбилейный сб. к 5-летию первой международной конференции «Болдинские чтения» (2002)] / Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Н. Д. Тамарченко, М. Г. Уртминцева. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2007. — 348 с.

Текст и контекст

Листов В. С. Из комментариев к текстам А. С. Пушкина: (К истолкованию образа Клеопатры). — С. 5–23.

Лебедева О. Б. Неаполитанский миф А. С. Пушкина: («Отрывок из письма к Д.»). — С. 24–36.

Меднис Н. Е. Карта звездного неба в творчестве Пушкина. — С. 37–46.

Фаустов А. А. Пушкин против Филарета? — С. 47–56.

Уртминцева М. Г. «Слово о Ломоносове» в историко-литературном контексте «Путешествия из Москвы в Петербург». — С. 57–64.

Гуменная Г. Л. Финальная реплика Сальери в контексте «маленькой трагедии» Пушкина. — С. 65–72.

Цоффка В. В. Финский след в главе первой романа «Евгений Онегин». — С. 73–80.

Творческие параллели

Лилли И. «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?»: Стиховедческая заметка. — С. 82–93.

Янушкевич А. С. Стихотворный венок Жуковского на могилу А. С. Пушкина. — С. 94–106.

Печерская Т. И. Сны о пиковой даме: (О «странных сближениях» и структуре семантического сюжета у Достоевского). — С. 107–114.

- Савинков С. В. Метафора «природа-храм» в романе «Отцы и дети»: Тургеневская вариация на одну пушкинскую тему. — С. 115–123.
- Жирунов П. Г. Функции пушкинского микросюжета в рассказе И. С. Тургенева «Свидание». — С. 124–133.
- Лебедеко Н. П. А. С. Пушкин в эстетической оценке Д. С. Мережковского. — С. 134–141.
- Пяткин С. Н. «Пушкинский текст» Александра Блока. — С. 142–152.
- Стахурка М. О «Пиковой даме» А. С. Пушкина и ее наследии в современной литературе: («Пиковый валет» Бориса Акунина). — С. 153–162.

Проблемы поэтики

- Фортунатов Н. М. «Демон» Пушкина и «Портрет» Гоголя; «Пиковая дама», «Гробовщик»: (Экспозиция и финал: приемы структурирования текста). — С. 164–179.
- Гей Н. К. Приемы минимизации повествования в «Повестях Белкина». — С. 180–185.
- Пехал Э. «Медный всадник» как дихотомия контекстов. — С. 186–197.
- Балашова И. А. Особенности личных имен в болдинских пьесах А. С. Пушкина. — С. 198–207.
- Савоськина Т. А. Взаимодействие эпического и драматического в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 208–215.
- Шустов М. П. Болдинские сказки Пушкина как первый образец русской литературной сказки. — С. 216–224.

Антропология художественного текста

- Фортунатова В. А. Пушкинское время как состояние истории и человека. — С. 226–244.

Пушкин и европейская культура

- Улофссон Ч.-М. Пушкин и Швеция. — С. 246–258.
- Лепилова Кв. Пушкиниана — очарование Пушкиным в чешской русистике. — С. 259–263.
- Поспишил И. А. С. Пушкин в антологии Франтишека Вымазала «Славянская поэзия». — С. 264–269.
- Теплова Н. Е. Новый французский перевод «Евгения Онегина». — С. 270–278.

Нетрадиционное пушкиноведение

- Синцов Е. В. Творящие способности смерти в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери»: (Искание принципов «музыкальной драматургии»). — С. 280–290.

Конев А. А. О таинстве сюжета игры в карты в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». — С. 291–299.

Заславский О. Б. Заметка А. С. Пушкина «О Сальери» как художественный текст. — С. 300–308.

Из личных архивов

Фризман Л. Г. Неизвестная статья С. А. Рейсера о Пушкине [публикация части III и Приложений]. — С. 310–320.

Левина Ю. И. К биографии потомков поэта: По личным встречам и переписке: (Г. Г. Пушкин, И. Е. Гибшман, Г. М. Воронцов-Вельяминов). — С. 321–344.

2008

[2008] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Н. Д. Тамарченко, М. Г. Уртминцева. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2008. — 511 с., ил.

Творческие параллели

Селиверстова М. Б. «Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина и «Душенька» И. Ф. Богдановича: (Проблема предметного мира). — С. 5–16.

Лебедева О. Б. Неаполитанский миф А. С. Пушкина: (Меридиональная панорамная лирика 1820-х годов). — С. 17–37.

Сазонова Э. Н. Поле боя как один из сквозных пушкинских образов: («Руслан и Людмила», «Сказка о Золотом петушке»). — С. 38–46.

Гайворонская Л. В. «Поэтическая весна» Пушкина в «Евгении Онегине». — С. 47–59.

Ермакова Н. А. «Капитанская дочка» в сфере творческих рефлексий М. Ю. Лермонтова. — С. 60–72.

Теплова Н. Этот «слишком русский» и «слишком французский» Пушкин. — С. 73–80.

Гуменная Г. Л. Пушкинская традиция в поэзии А. К. Толстого: (Поэма «Сон Попова»). — С. 81–90.

Альми И. Л. Из истории миниатюры первых десятилетий XIX века: Пушкин. — С. 91–103.

Вершинина Н. Л. Пушкин и «натуральная школа»: К постановке проблемы. — С. 104–115.

Сафронова Н. В., Фризман Л. Г. Пушкин в духовном мире Огарева. — С. 116–129.

Николаева Е. Г. Пушкинская деталь в повести Тургенева «Первая любовь». — С. 130–139.

- Уртминцева М. Г.* Лесков в полемике с Пушкиным: (Роман «Островияне»). — С. 140—147.
- Жирунов П. Г.* Пушкинский текст в малой прозе Лескова. — С. 148—158.
- Почекутова Ю. А.* Пушкин в творческом сознании Чехонте. — С. 159—165.
- Дзуцева Н. В.* Поэтика фрагментарности: (К проблеме «тайнописи» А. Ахматовой: Пушкинский след). — С. 166—183.
- Пяткин С. Н.* Пушкинская идея «поэта-пророка» в житетворчестве Есенина. — С. 184—194.
- Добренко Е.* Пушкин в советской культуре. — С. 195—223.

Проблемы поэтики

- Краснов Г. В.* Роль подзаголовка в пушкинских стихотворениях. — С. 227—234.
- Фортунатов Н. М.* Матричная компонента в структуре пушкинского текста. — С. 235—249.
- Кулыгина А. Г.* Смысловая насыщенность портретной детали в «Станционном смотрителе». — С. 250—264.
- Пехал Э.* Тон иронического парафраза в «Пиковой даме» А. С. Пушкина. — С. 265—274.
- Мильдон В. И.* О символическом значении одежды в «Капитанской дочке». — С. 275—282.

Текст и контекст

- Фаустов А. А.* «Евгений Онегин» в отрывках: Логика авторского поведения. — С. 285—301.
- Васильев Н. Л.* Функции курсивных выделений в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 302—313.
- Синцов Е. В.* Динамика потенциальных смыслов в маленькой трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь». — С. 314—327.
- Юхнова И. С.* Провинциальный мир в контексте проблемы общения. — С. 328—341.
- Цоффка В. В.* «Мокрая печать» в поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне». — С. 342—346.

Персонажная система

- Лилли И.* Образ лекаря в «Станционном смотрителе». — С. 349—357.
- Меднис Н. Е.* Еще раз о Томмазо Сгринчи и образе импровизатора в повести «Египетские ночи». — С. 358—368.
- Никишиев Ю. М.* Автор и герой в «Евгении Онегине»: От замысла к завершению. — С. 369—382.

Иваницкий А. [И.] «Не мог он ямба от хорея...»: (Еще раз об источниках и смысле «непоэтичности» Онегина). — С. 383—395.

Культурологический концепт

Фортулатова В. А. «Авось» и «кабы» в концептосфере пушкинских сказок. — С. 399—409.

Художественные миры Пушкина: скульптура, музыка

Холуева Т. Г. Мой Пушкин. — С. 413—426.

Соколов О. [В.] К истории одного лирического сюжета Пушкина в русском романе. — С. 427—436.

Долгушина М. Г. К проблеме авторства романа «Я вас любил» из сборника «Собрание русских песен, слова А. Пушкина, музыка разных сочинителей». — С. 437—451.

Карнаухова В. Пушкиниана в творчестве Эдисона Денисова и Валентина Сильвестрова. — С. 452—461.

Музееведение

Чеснова Л. А., Кряжевских М. Ю. Пушкин в социокультурном пространстве Екатеринбурга: Музейный аспект. — С. 465—483.

Брамфилд У.-К. (перевод Талановой А. Н.) Заметки об архитектурном наследии Большеболдинского района. — С. 484—506.

2009

[2009] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, Н. Е. Меднис, Г. В. Краснов, Н. Д. Тамарченко, М. Г. Уртминцева. — Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2009. — 558 с., ил.

Памяти Георгия Васильевича Краснова. — С. 6—8.

Творческие параллели

Шустов М. П. Сказочная основа пушкинской поэмы и баллады («Бова», «Руслан и Людмила», «Жених»). — С. 11—17.

Фаустов А. А., Колмыков В. А. Зачем старухе корыто? — С. 18—32.

Листов В. С. Разговор с книгопродавцем о поэте. — С. 33—43.

Викторович В. А. «Голос истинной критики». — С. 44—53.

Шрага Е. А. «Пиковая дама» и новеллистические циклы 1820—30-х годов. — С. 54—62.

- Кошелев А. В. А. Ф. Онегин (Отто) и «Записки А. О. Смирновой». — С. 63–70.
- Васильев Н. Л. К истории пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой...»: (Пушкин и Трилунный). — С. 71–86.
- Перфильева Л. А. Князь — С. Г. Голицын (Фирс) — Томский: Штрихи к портрету пушкинского современника. — С. 87–97.
- Савинков С. В. Речь «прямая» и речь «лукавая»: Стратегии поведения в творчестве Пушкина. — С. 98–109.
- Никишов Ю. М. Два пушкинских портрета в изображении Гоголя. — С. 110–121.
- Перепелкин М. А. А. Пушкин в художественном сознании Андрея Тарковского: («Птичка» в смысловой структуре «Ностальгии»). — С. 122–139.
- Бессонова А. С. «Чужой для всех»: Онегин и его «потомки». — С. 140–151.
- Почекутова Ю. А. Пушкин в жизни и творчестве Чехова. — С. 152–160.
- Юхнова И. С. О восприятии одного пушкинского лирического сюжета. — С. 161–167.
- Гуменная Г. Л. «Ветхий Пушкин» у Тимура Кибирова: (Поэма «Сортиры»). — С. 168–175.

Проблемы поэтики

- Фрайзе М. Мнимый ориентализм «Бахчисарайского фонтана». — С. 179–194.
- Гей Н. К. «Общая территория» исторической заданности и писательского воображения: (В сцене «Ночь. Сад. Фонтан»). — С. 195–199.
- Фортунов Н. М. «Повести Белкина» как художественная структура: (К вопросу о матричном принципе анализа). — С. 200–209.
- Балашова И. А. Особенности болдинских пьес А. С. Пушкина. — С. 210–221.
- Синцов Е. В. Жанровые особенности «Пиковой дамы» в художественно-образных рефлексиях А. С. Пушкина. — С. 222–230.
- Михайлова Н. И. «Пиковая дама» и «Анна Каренина»: (Поэтика движения). — С. 231–236.

Текст и контекст

- Меднис Н. Е. Семиотика границы в творчестве Пушкина. — С. 239–250.
- Иваницкий А. И. «Блаженство» и «дерзновение» в лирике Пушкина 1810-х годов. — С. 251–262.
- Димитров Л. Последний император: (Павел I в одном неосуществленном пушкинском замысле). — С. 263–291.

Перевалова Е. В. Творчество А. С. Пушкина в оценке критики второй половины 1850-х гг.: (На материале журнала «Русский вестник»). — С. 292—304.

Уртминцева М. Г. Пушкинская цитата в структуре публицистического высказывания: (Ф. М. Достоевский, «Ряженный»). — С. 305—313.

Цоффка В. В. С. С. Аверинцев об А. С. Пушкине. — С. 314—324.

Кулыгина А. Г. Проблема восприятия пушкинского текста современными школьниками. — С. 325—335.

Культурологические модели пушкинской формы

Фортулатова В. А. Актер и нарратор в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — С. 339—352.

Сазонова Э. Н. Движение в смерть как сквозной мотив «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. — С. 353—360.

Пушкин и мировая культура. Переводы

Бялокозович Б. «Анчар» А. С. Пушкина в глазах «власть имущих». — С. 363—373.

Улофссон Ч. Пушкин на шведской сцене. — С. 374—385.

Лепилова Кв. Опера не как драматический жанр, а как «лирические сцены»: (Заметки к премьере «Евгения Онегина» в Брно в январе 2009 года). — С. 386—395.

Теплова Н. Е. «Пиковая дама» А. С. Пушкина в переводе Проспера Мериме. — С. 396—407.

Божич-Шейич Р., Радченко М. Поэзия А. С. Пушкина в переводах Миховила Комбола на хорватский язык: (На примере стихотворения «Зимний вечер»). — С. 408—419.

Тюркан О. Переводческая редепция творчества А. С. Пушкина в Турции. — С. 420—429.

Богатырева Е. Д. Французские варианты «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы». — С. 430—441.

Музееведение. Архивы

Левина Ю. И. По воспоминаниям и письмам известных пушкинистов с конца 1940-х годов по 1976 год. — С. 445—457.

Фризман Л. Г. Г. В. Краснов: из запаса моей памяти. — С. 458—463.

Долгова С. Р. Документы по истории села Болдина по материалам Российского государственного архива древних актов (РГАДА). — С. 464—486.

Мозохина Н. А. Издания общины Св. Евгении, приуроченные к 100-летию юбилею А. С. Пушкина в 1899 году. — С. 487—497.

Художественные миры Пушкина: музыка, архитектура, живопись

- Худошина Э. И.* Финальное рондо пушкинского романа в стихах. — С. 501–513.
- Соколов О. В.* Истоки мистических мотивов оперы Чайковского «Пиковая дама» в повести Пушкина. — С. 514–522.
- Долгушина М. Г., Петрова Г. В.* Пушкинские «Lied» Людвига Вильгельма Маурера. — С. 523–531.
- Брамфилд У.-К.* Торжок: провинциальное сокровище / Пер. А. Н. Талановой. — С. 532–540.
- Насибулин Э.* Холера!.. Нет худа без добра. — С. 543–552, ил. на с. 1, 2, 5, 9, 21, 73, 177, 237, 321, 337, 443, 499, 542, 545, 547, 549, 553, переплет.

2010

- [2010] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: О. Глывко, Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, Н. Д. Тамарченко, М. Г. Уртминцева. — Саранск, 2010. — 311 с., ил.

Творческие параллели

- Алоэ С.* Критерии авторской циклизации в поэтических сборниках эпохи Пушкина. — С. 5–20.
- Васильев Н. Л.* Творческое взаимодействие А. С. Пушкина и А. А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов. — С. 21–27.
- Михайлова Н. И.* Первое издание «Опасного соседа»: Жанр эпиграммы в поэме В. Л. Пушкина. — С. 28–32.
- Чечик Л. А.* Испания Пушкина: (Особенности «места действия»). — С. 33–40.
- Савоськина Т. А.* «Янтарь на трубках Цареграда»: (Из комментария к «Евгению Онегину»). — С. 41–47.
- Мильдон В. И.* Автор в «Повестях Белкина». — С. 48–54.
- Сазонова Э. Н.* Многообразие военных типов в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. — С. 55–61.
- Сугино Ю.* Реминисценции ветхозаветных псалмов в поэме «Медный всадник». — С. 62–69.
- Почекутова Ю. А.* Скрытые цитаты: (Пушкин и Чехов). — С. 70–74.

Проблемы поэтики

- Вершинина Н. Л.* «Завершенность» как онтологический принцип пушкинского стиля. — С. 75–83.

- Никишов Ю. М. «Герой»: прагматика и философия стихотворения. — С. 84–91.
- Кудряшов И. В. Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа»: Опыт мифопоэтического прочтения текста. — С. 92–103.
- Фортунатов Н. М. Матричная структура «Выстрела». — С. 104–112.
- Гуменная Г. Л. Вновь о «ямбе и хорее» в первой главе «Евгения Онегина». — С. 113–118.
- Юхнова И. С. Характерологическая функция диалога в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. — С. 119–123.
- Андрианова М. Д. Тема «Пира во время чумы» в романе А. Битова «Пушкинский дом». — С. 124–129.
- Романова А. Н. «Современник» как художественное целое: Приемы редакторской работы А. С. Пушкина. — С. 130–139.
- Назарьян Р. Г. Поэтика чисел в «Пиковой даме» А. С. Пушкина. — С. 140–144.

Пушкин и его интерпретаторы

- Листов В. С. Народа своего отец чадолюбивый. — С. 145–156.
- Фризман Л. Г. Пушкин в оценках Боткина. — С. 157–163.
- Кошелев А. В. О. Н. Смирнова — интерпретатор творчества и биографии Пушкина. — С. 164–170.
- Кошелев В. А. Пушкин и становление «кутузовского» мифа. — С. 171–180.
- Шустов М. П. «Антисказка» А. С. Пушкина «Сказка о золотом петушке». — С. 181–188.
- Цоффка В. В. Пушкин как маймист. — С. 189–194.
- Рудзевич И. Пушкин в Польше (2000–2010). — С. 195–202.

Переводы

- Матенова Ю. У. К проблеме перевода лирики А. С. Пушкина на французский язык. — С. 203–209.
- Божич-Шейич Р., Дрождек И. Версификационные решения в хорватских переводах «Сказки о рыбаке и рыбке». — С. 210–217.
- Теплова Н. Е. «Пиковая дама» А. С. Пушкина в варианте Андре Жида (1923 г.): К вопросу о повторных переводах. — С. 218–224.

Антропология пушкинской повседневности

- Фортулатова В. А. Система культурных смыслов пушкинской трапезы. — С. 225–234.

Пушкин в школе

- Кулыгина А. Г. Проблема восприятия пушкинского текста современными школьниками. — С. 235–241.

Бородина Н. Я. «Родник любви к поэзии святой»: (Из опыта работы пушкинской школы города Новомосковска Тульской области). — С. 242—249.

Трифонов Н. А. Структура пушкинского урока в общеобразовательной средней школе (5—10 классы): Динамика развития. — С. 250—254.

Пушкин в кругу искусств (музыка, живопись, графика)

Соколов О. В. Элегические мотивы Пушкина в русской музыке. — С. 255—261.

Долгушина М. Г. Элегия И. И. Геништы «Погасло дневное светило»: к проблеме жанра. — С. 262—266.

Ушаков И. С. Стихотворение А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» в пяти романах русских композиторов. — С. 267—279.

Акимов С. С., Свирина Н. В. Упоминание серии гравюр «История блудного сына» в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». — С. 280—284.

Уртминцева М. Г. «Пиковая дама» в иллюстрациях А. Бенуа (издание 1911 года). — С. 285—291.

Содержание выпусков сборника «Болдинские чтения» в 1999—2009 гг. — С. 292—308.

Насибулин Э. Иллюстрации на с. 1, 2, 17, 87, 133, 149, 193, 259, 270, 309, переплет.

2011

[2011] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: О. Глывко, Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, Н. Д. Тамарченко, М. Г. Уртминцева. — Саранск, 2011. — 281 с.: ил.

Творческие параллели

Крыстева Д. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина в контексте неофициальной истории и мифов петербургского царства. — С. 5—17.

Шустов М. П. Сказочно-пушкинская традиция в русской литературе XIX века. — С. 18—24.

Федотов О. И. Две Мадонны (в сонетах Мицкевича и Пушкина). — С. 25—33.

Гуменная Г. Л. «Русские» баллады Жуковского и «Дивный сон» в «Гаврииладе» Пушкина. — С. 34—41.

Егорова Е. Н. О ранних стихотворениях Пушкина. — С. 42—46.

Цоффка В. В. К вопросу об африканском происхождении А. С. Пушкина: Антропологический аспект. — С. 47—53.

- Васильев Н. Л.* А. С. Пушкин и Л. А. Якубович: биографические и творческие контакты. — С. 55–63.
- Кудряшов И. В.* Речь о Пушкине Ф. М. Достоевского в оценке Г. И. Успенского (на материале цикла «Волей-неволей»). — С. 64–69.
- Димитров Л.* «Татьяна Репина» — «Русалка» Чехова. — С. 70–88.
- Быкова А. Л., Пяткин С. Н.* «Пушкинианство» Сергея Есенина: «осенний сюжет». — С. 89–97.
- Процин Е. Е.* Стихотворение А. С. Пушкина «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») в рецепции поэтов «лианозовской школы». — С. 98–104.

Поэтика

- Никишов Ю. М.* Белкин как писатель. — С. 105–113.
- Листов В. С.* К истолкованию образа Лизаветы Ивановны из «Пиковой дамы». — С. 114–120.
- Вершинина Н. Л.* Проблема описательной образности в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 121–129.
- Фаустов А. А.* Наследники и избранники в мире Пушкина. — С. 131–145.
- Гей Н. К.* Пушкинская диалогия («История Пугачева» и «Капитанская дочка»). — С. 146–158.
- Кошелев В. А.* Пушкин: поэтика «исходного мотива». — С. 159–169.
- Гайворонская Л. В.* К вопросу о семантике пустынь в творчестве А. С. Пушкина. — С. 170–180.
- Сазонова Э. Н.* Месть или возмездие: сплетение мотивов в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина. — С. 181–186.

Культурологические страницы

- Фортулатова В. А.* Философия простора как свойство художественного сознания Пушкина. — С. 187–195.

Пушкин и зарубежный мир

- Труханенко А. В.* Имя Пушкина во львовских ROZMAITOŚCI (1827). — С. 196–205.
- Рудзевич И.* Пушкин в Польше (2000–2010). — С. 206–214.
- Теплова Н. Е.* «Евгений Онегин» Жака Ширака, или Переводы-призраки и их роль в рецепции переводной литературы. — С. 215–219.
- Шелемова А. О.* А. С. Пушкин и М. Богданович: диалог о творчестве. — С. 220–229.
- Мусий В. Б.* А. С. Пушкин — персонаж «Уникального романа» М. Павича. — С. 230–238.

Музыка, живопись

Ушаков И. С. «Эхо поэта»: вокальный цикл Бенджамина Бриттена на слова Пушкина. — С. 239–246.

Акимов С. С. Абрам Эфрос — исследователь рисунков А. С. Пушкина. — С. 247–253.

Уртминцева М. Г. Пушкин в творчестве нижегородского художника книги Н. В. Ильина. — С. 254–259.

Архивы, музеи

Калинина Л. С. «Был и я среди донцов»: (О работе народного музея А. С. Пушкина г. Новочеркасска). — С. 261–267.

Насибулин Э. Из личных архивов: <Предисловие к переизданию статей А. М. Панченко и Б. П. Захарченя>. — С. 268–269. Иллюстрации на с. 1, 2, 24, 41, 46, 53, 54, 63, 69, 104, 130, 145, 158, 180, 214, 229, 253, 260, 267, 269, переплет.

Панченко А. М. Иван Петрович Белкин: Псковский помещик. — С. 270–272.

Захарченя Б. П. Где же это роковое место? — С. 273–279.

2012

[2012] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: О. Глывко, Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова. — Большое Болдино, 2012. — 256 с.: ил.

Насибулин Э. Болдинским чтениям из Михайловского. С. 1. Иллюстрации на с. 2, переплет.

Творческие параллели

Теплова Н. Е. Переписка Мериме с русскими друзьями как черновик статьи «Александр Пушкин». — С. 5–13.

Фризман Л. Г. Мемуарный элемент в стихах на смерть Пушкина. — С. 14–21.

Романова А. Н. «Стихи на случай» в пушкинском журнале «Современник». — С. 22–30.

Гуменная Г. Л. Эпиграф из пушкинского «Воеводы» в поэме Д. Самойлова «Юлий Клоппус». — С. 31–38.

Соснина Е. Л. А. С. Пушкин — историк, испытывавший влияние идей Яна Потоцкого: (К 250-летию российского академика графа Я. Потоцкого). — С. 39–46.

- Цоффка В. В. Мусульманский образ «Фонтана слез»: (По поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»). — С. 47—52.
- Шустов М. П. Традиции пушкинской сказки в русской литературе: («Конек-горбунок» П. П. Ершова). — С. 53—59.
- Пяткин С. Н. Образ Пушкина в прозе Бориса Садовского. — С. 60—70.

Проблемы поэтики

- Вершинина Н. Л. Характер времени в художественном мире пушкинской прозы. — С. 71—80.
- Кошелев В. А. «И песенкою нас веселой позабавить?..». — С. 81—91.
- Листов В. С. О стихотворении А. С. Пушкина «Брови царь нахмурыл...». — С. 92—98.
- Никишов Ю. М. Образ автора-повествователя в поэме «Домик в Коломне». — С. 99—106.
- Васильев Н. Л. Из наблюдений над рифмами в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 107—120.
- Юхнова И. С. Принцип отражений в системе образов в прозе А. С. Пушкина. — С. 121—126.
- Фортунов Н. М. «Метель»: особенности композиционных построений. — С. 127—132.
- Рудакова С. В. «Каменноостровский цикл» А. С. Пушкина как художественное единство. — С. 133—141.
- Есаулов И. А. О сокроенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина. — С. 142—147.
- Савоськина Т. А. Об артистической натуре Онегина. — С. 148—155.
- Кунарев А. А. Мысль о Светлане, или Чего испугался сверчок. — С. 156—164.
- Гайворонская Л. В. Поэтическое вдохновение в творчестве А. С. Пушкина. — С. 165—178.

Культурология пушкинского мира

- Фортунова В. А. Пушкинская транскрипция изящного в культурном пространстве рококо. — С. 179—192.
- Мурадян И. В. Культурологическое значение антропонимических номинаций в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — С. 193—201.
- Сазонова З. Н. «Повести Белкина» А. С. Пушкина: свобода и случай в судьбах героинь. — С. 202—208.
- Таланова А. Н. Персонификация смерти в «Пире во время чумы». — С. 209—214.

Пушкин и круг искусств

- Синцов Е. В.* Музыкальные основы драматического развития в маленькой трагедии «Каменный гость». — С. 215–224.
- Уртминцева М. Г.* Пушкинское Болдино в иллюстрированных научно-популярных краевых изданиях из фондов НГОУНБ: (К проблеме формирования культуры восприятия текста). — С. 225–233, с ил.
- Акимов С. С.* Рисунки А. С. Пушкина в контексте развития русской графики в XVIII — первой половине XIX в.: К постановке проблемы. — С. 234–242.

Переводы

- Улофссон Ч.-М.* «Пиковая дама» А. С. Пушкина в шведских переводах. — С. 243–250.
- Бехрамоглу А. А.* С. Пушкин в турецком переводе. — С. 251–255.

2013

- [2013] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: О. Глывко, Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, М. Г. Уртминцева. — Большое Болдино, 2013. — 303 с., ил.

- Шустов М. П.* Болдинские чтения как центр современного пушкиноведения. — С. 5–13.

Творческие параллели

- Мильдон В. И.* Пушкин и Петр I. — С. 15–21.
- Синцова С. В.* Использование Гоголем в комедии «Ревизор» конструктивного принципа «Евгения Онегина». — С. 22–27.
- Белоногова В. Ю.* Пушкин и Николай Кривцов: «Гетевские» сближения. — С. 28–35.
- Раковская Н. М.* А. С. Пушкин как знаковый культурный код в критической системе В. В. Розанова. — С. 36–41.
- Пяткин С. Н.* «Жена Пушкина» как тема в творчестве Б. А. Садовского. — С. 42–52.
- Фокина С. А.* Переосмысление пушкинской традиции в цикле М. Цветаевой «Андрей Шенье». — С. 53–59.
- Уртминцева М. Г.* «Пушкинский текст» в нижегородской периодической печати 1937 года. — С. 60–80.
- Гуменная Г. Л.* Пушкинская традиция в поэме А. А. Тарковского «Чудо со щеглом». — С. 69–36.
- Кононова Н. В.* «Рижский Онегин» Фунтика (по материалам газеты «Слово»). — С. 81–90.

Процин Е. Е. Образ Пушкина в творчестве Д. А. Пригова. — С. 92—100.

Проблемы перевода

Теплова Н. Е. «Евгений Онегин» в переводе Шарля Венштейна. — С. 103—108.

Бехрамоглу А. Образ турка у Пушкина. — С. 109—114.

Поэтика

Листов В. С. О стихотворении А. С. Пушкина «Мне изюм нейдет на ум...». — С. 117—128.

Вершинина Н. Л. «...Забалтываясь донельзя»: функция «забалтывания» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и подражаниях «роману в стихах» (М. Воскресенский, Трилунный, А. Яхонтов и др.). — С. 129—141.

Синцов Е. В. «Евгений Онегин»: соотношение композиционной и архитектурной форм романа в стихах. — С. 142—147.

Попович Т. Внутренняя и внешняя хронология текста «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. — С. 148—160.

Васильев Н. Л. «Противоречий очень много...»: (Из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина»). — С. 161—172.

Мусий В. Б. Оппозиция «свое/чужое» в «Гробовщике» А. С. Пушкина. — С. 173—181.

Фортунатов Н. М. Особенности строфической композиции в «Повестях Белкина». — С. 182—189.

Терешкина Д. Б. Пушкинская Параша: пространство житийного имени. — С. 190—197.

Рудакова С. В. Своеобразие трактовки мотива жизни и смерти в «Пире во время чумы» А. С. Пушкина. — С. 198—207.

Федотов О. И. А. Б. Перзекке. Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» в русской литературе XIX и XX века: функции национального мифа в постреволюционную эпоху (1917—1930-е годы). — С. 208—218.

Абдуллаева А. С. Смысловые грани поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»). — С. 219—223.

Стебенева (Гайворонская) Л. В. Аспекты «поэтической» характерологии в контексте пушкинской прозы 1835 г. — С. 224—234.

Культурология пушкинского мира

Фортунатова В. А. Барокко в творчестве Пушкина: опыт культурологического прочтения. — С. 237—246.

- Кошелев В. А.* Приключения Белкина. — С. 247–258.
- Кунарев А. А.* По следу «Мельника»: (Из комментариев к V главе «Евгения Онегина»). — С. 259–267.
- Романова А. Н.* «Вращается весь мир вокруг человека...»: Несколько штрихов к пушкинской картине мира. — С. 268–278.

Пушкин и круг искусств

- Фризман Л. Г.* Антипушкин: за что я не люблю оперу «Евгений Онегин». — С. 281–287.
- Акимов С. С.* Интерпретация графической манеры А. С. Пушкина в произведениях Н. В. Кузьмина. — С. 288–298.

2014

- [2013] Отв. ред. Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, О. Глывко, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, М. Г. Уртминцева, М. Фрайзе, И. С. Юхнова. — Большое Болдино, 2014. — 311 с., ил.

Творческие параллели / Parallels of creation

- Рудакова С. В.* «И божество, и вдохновенье...»: (Образ А. С. Пушкина в контексте стихотворения «Новинское» Е. А. Боратынского). — С. 9–17.
- Балакин А. Ю.* Пушкинское письмо к Н. М. Языкову (1831): (Историко-литературный контекст: Уточнение комментария и датировки). — С. 18–23.
- Кононова Н. В.* «Евгений Онегин» в творчестве Вл. Клопотовского-Лери: (По материалам рижских газет 1920-х гг.). — С. 24–37.
- Какинуца Н.* Понимание А. Белым пушкинской поэмы «Медный всадник». — С. 38–45.
- Уртминцева М. Г.* Аксиология пушкинского текста в проекте «Новый русский роман»: И. Сергеев, «Отцы и дети». — С. 46–54.
- Плешкова О. И.* Мифопоэтическая основа романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин». — С. 55–61.
- Попович Т. А. С.* Пушкин — сокровенный герой прозы М. Павича. — С. 62–71.
- Кудряшов И. В.* Пушкиниана Николая Клюева. — С. 72–83.
- Пяткин С. Н.* Образ Пушкина в поздней прозе Б. А. Садовского. — С. 84–93.
- Гуменная Г. Л.* Пушкинская традиция шутилой поэмы у Б. А. Садовского (поэма «Она»). — С. 94–101.

Проблемы интерпретации / The problems of interpretation

- Фрайзе М.* Изложение символики и общения героев в «Кавказском пленнике» Пушкина на фоне постколониальной критики. — С. 102–111.
- Шафранская Э. Ф.* «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина в контексте современных постколониальных штудий. — С. 112–120.
- Листов В. С.* Интерференция голоса автора и голоса героя в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке». — С. 120–135.
- Сугино Ю.* Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и «Медный всадник»: Наложения и пересечения. — С. 136–145.
- Кондратьев Б. С.* Русский православный космос в пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». — С. 146–150.
- Белогова В. Ю.* К истолкованию отрывка «Когда порой воспомина-
нье...». — С. 151–158.
- Цоффка В. В.* Из Энеиды два стиха. — С. 159–166.

Проблемы поэтики / The problems of poetics

- Вершинина Н. Л.* Поэтика временных соответствий в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 167–177.
- Савоськина Т. А.* Образ тетюшек в художественной структуре «Евгения Онегина». — С. 178–184.
- Глуко О.* Персонаж второго плана как орудие Провидения: («Капитанская дочка» А. С. Пушкина). — С. 185–194.
- Синцов Е. В., Синцова С. В.* «Повести Белкина» и «Вечера на хуторе близ Диканьки»: близость принципов циклообразования. — С. 195–199.
- Фортунов Н. М.* Композиционное движение как вид художественного мышления А. С. Пушкина. — С. 200–204.
- Сазонова Э. Н.* Мотивы «Каменного гостя» А. С. Пушкина в «Повестях Белкина». — С. 205–211.
- Васильев Н. Л.* Сколько слов в языке Пушкина? (К истории пушкинской лексикографии). — С. 212–221.

Пушкин в переводах / The translations of Pushkin

- Улофссон Ч.* «Метель» А. С. Пушкина в шведских переводах. — С. 222–231.
- Труханенко А. В.* Газета «Rozmaitości» о Пушкине: Год 1827-й. — С. 232–242.

Художественный менталитет Пушкина / Pushkin's artistic mentality

- Фортунова В. А.* Символика романтического контекста в произведениях А. С. Пушкина. — С. 243–253.

Пушкин в круге искусств / Pushkin: the field of arts

- Теплова Н. Е. «Таинственные баррикады»: адаптация «Евгения Онегина» Мишеля Понта для французского драматического театра. — С. 254–262.
- Денисенко С. В. «Тройка, семерка, туз»: три карты, которые не потерялись: (Об инсценировке пушкинской «Пиковой дамы»). — С. 263–299.
- Квач Н. В. Пушкиниана нижегородского художника Дмитрия Арсенина. — С. 270–277.
- Ростова Н. В. Пушкинские мотивы в творчестве кинорежиссера Марлена Хуциева. — С. 278–289.
- Букреева Е. М. «Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии» Николай Зарецкий. — С. 290–301.
- Акимов С. С. Об особенностях экфрасиса у А. С. Пушкина. Понимание А. Белым пушкинской поэмы «Медный всадник». — С. 302–311.

2015

- [2015] Отв. ред.: Н. М. Фортунатов; Ред. коллегия: Н. Л. Вершинина, О. Глупко, Г. Л. Гуменная, Ю. А. Жулин, А. В. Коровашко, В. А. Кошелев, Е. Е. Процин, Е. В. Суслова, М. Г. Уртминцева, М. Фрайзе, И. С. Юхнова. — Саранск, 2015. — 296 с.

Поэтика

- Кошелев В. А. Поэтика «приличного эпитафия» у Пушкина. — С. 3–19.
- Фортунатова В. А. Удвоение как принцип создания пушкинского характера. — С. 20–29.
- Фортунатов А. Н. Пространство коммуникативной семантики пушкинского текста. — С. 30–39.
- Фортунатов Н. М. Принцип соразмерности в «Повестях Белкина». — С. 40–49.
- Догнал Й. Антиномии в «Медном всаднике» А. С. Пушкина. — С. 50–61.
- Маноларев Х. После Онегина: проект «Дубровский». — С. 62–79.
- Стебенева (Гайворонская) Л. В. Семантика календаря и хронология событий в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. — С. 80–89.
- Попович Т. Интертекст в драматургии Пушкина: «Сцены из рыцарских времен». — С. 90–104.

Проблемы интерпретации

- Фрайзе М. Кто у нас национальные гении — Гете и Пушкин или Фауст и Германн? — С. 105–117.

- Сарычев Я. В.* Гений национального самосознания (несколько важных слов о Пушкине и его эпохе). — С. 118—131.
- Сазонова Э. Н.* Видение и видимость видений в «Маленьких трагедиях» и «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. — С. 132—139.
- Никишов Ю. М.* Об одном источнике «Сказки о золотом петушке». — С. 140—149.
- Борисова К. В.* Анекдот о пушкинском соловье: история «музейной легенды». — С. 150—157.
- Уртминцева М. Г.* Жанр художественной биографии А. С. Пушкина: Повесть А. Еремина «После восстания». — С. 158—167.
- Процин Е. Е.* Функции пушкинских цитат в поэзии Дмитрия Александровича Пригова. — С. 168—176.
- Ван Лие.* Особенности переводов произведений А. С. Пушкина и основные направления изучения его наследия в Китае. — С. 177—192.

Творческие параллели

- Димитров Л.* Еще раз о Пушкине и Шекспире, или Как «укрощается» сюжет. — С. 193—207.
- Листов В. С.* К источникам диалога царя и юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». — С. 208—217.
- Васильев Н. Л.* «Так он писал темно и вяло...» (Пушкин и Языков). — С. 218—230.
- Белогова В. Ю.* Пушкин и А. Д. Улыбышев: к вопросу о «литературных отношениях». — С. 231—239.
- Вершинина Н. Л.* «Ответ» А. Н. Яхонтова Пушкину (к проблеме литературных «отголосков» стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...»). — С. 240—249.
- Пяткин С. Н.* Два «памятника»: Пушкин и Садовской. — С. 250—259.
- Кудряшов И. В.* «Светлая радость спасенья...»: Ключев и Пушкин. — С. 260—272.

Пушкин в круге искусств

- Ростова Н. В.* О творческом наследии А. С. Пушкина в истории отечественного кино. — С. 273—281.
- Капица В. Ф.* Интерпретация текстов А. С. Пушкина художником (иллюстрации В. И. Шухаева к произведениям А. С. Пушкина). — С. 283—291.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «К Н. Я. П<ЛЮСКОВОЙ>»

К проблеме читательского восприятия

Ю. М. Лотман отмечал, что многие пушкинские тексты как бы делили аудиторию на две неравные части. Одна из них понимала полностью все шифры и намеки, содержащиеся в тексте, другая же понимала только сам факт наличия намека, однако не могла его дешифровать, но самим приобщением к тексту оказывалась как будто допущенной в интимный пушкинский круг.¹

Стихотворение «К Н. Я. П<люсковой>» (1819) — один из немногих, как кажется, пушкинских лирических текстов, практически не связанных с данной проблемой. Даже заглавие белого автографа, подходящее для интимного дружеского послания и состоящее лишь из инициалов «К Н. Я. П.» при публикации было заменено. Заглавие публикации чем-то напоминает названия торжественных од XVIII в. и отмежевывает текст от интимной лирики, придавая ему официальность и даже помпезность, — «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Стихотворение Н. М. Карамзина, с которым иногда соотносят пушкинское,² называлось «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине». Тут видна некая интимная ситуация, неизвестная читателю: какой-то приятель о чем-то просил автора. В стихотворении Пушкина этого нет: «вызов» безличен, а именование императрицы — с официальным титулом. Отсутствие в названии адресанта вызова редуцирует интимную составляющую.

¹ См.: Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 169–173.

² См.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 39.

Пушкинское стихотворение было опубликовано в 10-м номере восьмой части издававшегося Вольным обществом любителей российской словесности журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» за 1819 г.

Содержание этого текста должно было быть понятно каждому образованному подданному Российской империи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, вызывала у современников уважение и сочувствие. Нелюбимая, брошенная супруга, кроткая и смиренная женщина, добродетельная государыня, она вдохновляла поэтов и художников, всячески оказывала им покровительство, живо интересовалась изящными искусствами. Ее конституционалистские взгляды были основаны на множестве прочитанных книг.

Сразу оговорюсь, что не могу согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Ф. Н. Глинка — в то время председатель Вольного общества и редактор «Соревнователя», а по совместительству член Союза благоденствия, доставивший стихотворение в Общество для публикации, — использовал его в целях агитации в пользу Елизаветы.³ Скорее наоборот, общие настроения образованного русского общества натолкнули Глинку на мысль о том, что Елизавета может занять престол в случае государственного переворота. Совецание Союза благоденствия, на котором Глинка предложил подобный вариант, было несколькими месяцами позже публикации стихотворения Пушкина.⁴

* * *

Исследователями давно отмечена текстологическая проблема, относящаяся к стиху 5. «И в черновом автографе, и в беловой редакции, и в первопечатном тексте читаем: “Природу лишь учася славить”, что, учитывая смысл всего стихотворения, и верно. Пушкин в данном случае дает сентиментальную разработку темы, и потому слово “природа” здесь более уместно», — замечает С. А. Фомичев.⁵ Резкая оценка «казуса» дана В. Д. Раком: «Нужно очень глубоко “влипнуть” в боготворимого поэта или вознестись в горнии сферы, чтобы, печатая в послании “К Н. Я. Плюсковой” стих “Сво-

³ См.: *Шебунин А. Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 66; *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. С. 38—39.

⁴ См. подробнее о контексте написания и публикации «Ответа на вызов...»: *Готовцева А. Г.* Как «природа» обернулась «свободой»: К истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» // Вестник РГТУ. 2011. № 6 (68)/11. С. 166—179.

⁵ *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. С. 41.

боду лишь учася славить” и помещая на параллельном развороте уменьшенный снимок автографа,⁶ не заметить, что там он читается “Природу лишь умея славить”, и не объяснить, что Пушкин слегка “порозовел” по воле М. А. Цявловского, “улучшившего” текст вариантом из неавторитетной копии.⁷

Следует отметить, что «порозовел» Пушкин гораздо раньше — еще в дореволюционных собраниях его сочинений, начиная с редактируемого П. А. Ефремовым.⁸

Составители первой книги второго тома нового академического полного собрания сочинений Пушкина, вышедшей в 2004 г., решили исправить данный текстологический казус и напечатали текст полностью по «Соревнователю», вернув на законное место «природу».

Откуда же взялась «свобода»? Еще в 1986 г. С. А. Фомичев резюмировал, что «это несомненно искажение пушкинского текста (с целью увеличить его оппозиционность)».⁹ Согласились с Фомичевым и комментаторы нового академического собрания сочинений, отметив, что «слово “свобода” <...> вероятнее всего, является читательской интерполяцией с целью усилить оппозиционность текста».¹⁰

Однако ни Фомичев, ни составители собрания сочинений никак не объяснили, почему именно желание усилить оппозиционность стихотворения стало причиной замены «природы» на «свободу».

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к семантике слов «природа» и «свобода» у самого Пушкина. Вот строки из стихотворения 1817 г. «К ней»:

Все снова расцвело. Я жизнью трепетал,
Природы вновь восторженный свидетель,

⁶ Здесь имеется в виду изд.: *Пушкин А. С. Художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке: [В 3 т.] / Под общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова и В. С. Непомнящего; Отв. ред. И. Э. Сурат. М., 2000. Т. 1: 1809–1819. С. 322–323.*

⁷ *Рак В. Д. О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 15.*

⁸ См., например: *Пушкин А. С. Соч. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 226; Пушкин А. С. Сочинения с объяснениями их, сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Т. 1. С. 75; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 507.*

⁹ *Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. С. 61.*

¹⁰ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 554; примеч. И. С. Чистовой.*

Живее чувствовал, *свободнее* дышал,
Сильней пленяла *добродетель*...
Хвала *любви*, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам.¹¹

«Природа» здесь понимается идиллически, как и «свобода», тесно с ней связанная. Тут же их спутниками оказываются столь значимые для послания к Плюсковой слова «любовь» и «добродетель».

Обретение свободы в единении с природой также можно найти в других пушкинских стихах этого периода:

Дубравы, где в тиши *свободы*
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень. —
И для [меня] воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерян<ная> млад<ость>,
Тоски мучительная сладость
[И] ты, о [первая] *любовь*.
(«Дубравы, где в тиши *свободы*...», 1818)¹²

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая *свобода*
Прияла праздничный венок.
(«Торжество Вакха», 1818)¹³

Заметим, что слово «свобода» нередко появляется в тех стихотворных фрагментах, где звучит «вакхическая тема»:

Он жаждет видиться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 11. Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. — А. Г.

¹² Там же. С. 93.

¹³ Там же. С. 19.

Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
<...>

Меня зовут поля, луга,
Тенисты липы огорода,
Озер пустынных берега
И деревенская свобода.
(«К Энгельгардту», 1819)¹⁴

Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вах <и> музы угощают.
(«Послание к кн. Горчакову», 1819)¹⁵

В пушкинском послании 1819 г. «Орлову» появляется «тайная свобода», то есть, как отмечает С. А. Фомичев, «“свобода сердца” — обычный сентиментальный штамп»:¹⁶

Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов...¹⁷

Составители нового академического собрания сочинений отметили, что «стихотворение “К Н. Я. П<люсковой>” естественно вписывается в лирику 1816—1819 гг. с ее особым типом элегического героя, избравшего своим определяющим жизненным принципом внутреннюю (“тайную”) свободу, слагающего вдали от житейской суеты гимны природе, любви, красоте».¹⁸ Подобных мотивов много у В. А. Жуковского, встречаются они у Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского.¹⁹

В связи с этим понятно, почему в стихе 5 у Пушкина именно «природа»: иначе в стихах 5-м и 17-м для выражения двух практи-

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. С. 61.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 559; примеч. И. С. Чистовой.

¹⁹ См., например: В. А. Жуковский, «Вечер» (1806), «Батюшкову» (1812), «Невыразимое» (1819), «Княгине А. Ю. Оболенской» (1820) и др.; Е. А. Баратынский, «Пиры» (1821); К. Н. Батюшков, «Переход через Рейн» (1816; интересно, что в этом тексте появляется образ Елизаветы Алексеевны); П. А. Вяземский, «К подруге» (1815), «Вечер на Волге» (1816).

чески равнозначных понятий пришлось бы употребить одно и то же слово, что оказалось бы стилистически неудачно.

Однако читатели, не обладавшие столь тонким поэтическим чутьем, свободно меняли «природу» на «свободу» и обратно.²⁰ Характерно, что в одном из ранних списков — списке, хранящемся в Остафьевском архиве князей Вяземских (1823), — значившаяся там изначально «свобода» исправлена на «природу».²¹

* * *

При анализе пушкинской лирики первых послелицейских лет выявляется и другой несомненный смысл слова «свобода» — свобода политическая. По меткому замечанию В. Н. Топорова, «речь идет о пристрастии к введению *“терминологического”* — как на уровне отдельных понятий, так и целых выражений, концептов, заимствованных из злободневной социально-экономической литературы (или соответствующего устного обихода), — и в этом смысле противостоящего сфере собственно *“поэтического”*. <...> Для Пушкина пристрастие к *“терминологичности”* <...> помимо ряда других причин было своего рода игрой, предполагающей сталкивание *“не-поэтического”* с поэтическим, обращение к метаязыковому уровню <...> знаком связи с другими текстами и внетекстовыми реалиями, своего рода *“шиболетом”*».²²

Понимаемая как политическая, «свобода» соотносима с понятием «закон». Это понимание, безусловно, имеет рационалистическую основу, а в сознании самого Пушкина восходит прежде всего к лекциям профессора А. П. Куницына по естественному праву, составленным под влиянием западноевропейской философии — в первую очередь трудов Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. В 1818 г. вышла первая часть труда Куницына «Право естественное», по которой можно судить о содержании его лекций.

«Поколикү человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным. По силе сей способности он желает состоять только под законами собственного разума и всякое другое законодательство только тогда

²⁰ См. произвольную замену М. А. Максимовичем «свободы» на «природу» при публикации «Подражания псалму XIV» Н. М. Языкова: Русская старина. 1903. № 3. С. 529–530; Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 271.

²¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5573, л. 3.

²² Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: К постановке вопроса. Wien, 1992. С. 48–49. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 29). Курсив автора.

допускает, когда оно проистекает из общих начал разума», — писал Куницын.²³ «Общая цель всех людей — сохранение свободы, которой они могут достигнуть только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей».²⁴ «К чему человек имеет право, то свободно произвести может. Следовательно, свобода человека ограничивается его правами. Чем больше человек имеет прав, тем большую имеет свободу...»²⁵

Таким образом, только руководствуясь разумом и определяемым им законом, человек может быть свободным. Именно так понимается «свобода» в оде «Вольность» (1817) и стихотворении «Деревня» (1819). Интересно, что в «Деревне» идиллический контекст не дает удовлетворения лирическому герою, не дает возможности «свободною душой Закон боготворить», поскольку «свобода» здесь — политическая, юридическая, которой лишен герой. Природа в подобных текстах — тоже не идиллическая, а правовая, природа человека. Это понятие природы также есть в лекциях Куницына.²⁶

Такие «свобода» и «природа» оказываются антитезами:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа...
(«Вольность»)²⁷

Естественно, что в данной дискурсивной модели замена «природы» на «свободу» и наоборот невозможна. В этом отношении интересно послание княгине Голицыной (1818):²⁸

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.²⁹

Как кажется, «природа» здесь идиллическая, а «свобода» — политическая, что подтверждается подзаголовком, раскрывающим контекст написания послания: «посылая ей оду “Вольность”».

²³ Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. Ч. 1. С. 4.

²⁴ Там же. С. 14–15.

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ См., например: Там же. С. 1–5.

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 13.

²⁸ В новом академическом собрании стихотворение датируется 1817 г. (см.: Там же. С. 555–556).

²⁹ Там же. С. 17.

Смысл читается следующим образом: лирической герой, воспитанный идиллическим восприятием свободы и природы, вдруг решает воспеть юридическую свободу.

Какую именно «свободу» имели в виду читатели — создатели списков, которые вписали ее в стих 5 послания к Плюсковой? Нет никаких доказательств того, что эти читатели были «оппозиционно настроены» и «свободу» понимали исключительно политически, по крайней мере, если говорить о начале 1820-х гг., то есть о самых ранних списках. Эти читатели жили с Пушкиным, Жуковским и Вяземским в одном информационном поле. Те или иные слова в списках заменяются их синонимами или семантически близкими словами довольно часто. Представляется, что «свобода» могла появиться в этом стихе в качестве понятия, синонимичного «природе».

* * *

В сентябре 1825 г. Пушкин встречается с лицейским товарищем Александром Горчаковым и правит принадлежащий последнему список интересующего нас стихотворения. В этом списке стих 5 искажен — он начинается со слова «свобода». И Пушкин, придирчиво и внимательно исправляющий каждую строчку, эту «свободу» в 5-й строке оставляет как есть, вычеркивая в то же время целое четверостишие (стихи 13–16). Составители полного собрания сочинений предположили: «...с переработкой стихотворения в 1825 г. связан тот факт, что уже вошедшее в оглавление послание на последнем этапе было из него исключено. Прежний текст Пушкина не удовлетворял» (речь шла о готовящемся сборнике стихотворений 1826 г.).³⁰

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 556; примеч. И. С. Чистовой. Что касается исключения текста «К Н. Я. П<люсковой>» из первого сборника пушкинских стихотворений, то установление причины, по которой это произошло, требует специальных разысканий. Отметим лишь следующее. В утраченной так называемой Капнистовской тетради, послужившей основой для этого сборника, в тот момент, когда она находилась в руках Л. Н. Майкова, готовившего собрание сочинений поэта, этого текста уже не было. Видимо, он находился среди утраченных 15 посланий (см.: *Томашевский Б. В.* Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина // *Литературное наследство*. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 825–868). В «Материалах для академического издания сочинений Пушкина», изданных В. Саитовым после смерти Л. Н. Майкова (это тексты предполагаемого 2-го тома, который Майков готовил к печати и не успел издать), послание к Н. Я. П. фигурирует под заглавием «Ответ на вызов написать стихи в честь государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» со словом «свобода» в стихе 5, при этом из комментария следует, что Майкову были

Пушкин в 1825 г. — это автор «южных поэм», герои которых ищут недостижимую абсолютную свободу то во внутреннем, то во внешнем мире, это драматург, заканчивающий «Бориса Годунова», где он пытается определить границы свободы государственного деятеля, и, наконец, это ссыльный, для которого свобода особенно актуальна. Причины, по которым поэт в поздней редакции послания к Плюсковой оставляет слово «свобода», и что это была за «свобода» — тема отдельного исследования. Позволю себе лишь несколько замечаний, касающихся моей темы.

Здесь наблюдается случай обратного влияния — влияния читательской аудитории на автора. Видимо, Пушкин действительно работал над новой редакцией послания. И стих 5 в том виде, в каком он был в списке Горчакова, по тем или иным основаниям его устроил. Мировоззрение Пушкина и его мироощущение претерпели существенную эволюцию. Он явно искал варианты изменения текста, о чем свидетельствует, между прочим, и то, что он вычеркнул стихи 13–16, где говорилось о добродетели императрицы, и то, что предпочел в первой строке «дикую лиру» чернового автографа «скромной лире» беловика и первой публикации. Но совершенно неизвестно, как сложилась бы судьба стиха 5 в авторизованной копии, если бы она не была подсказана Пушкину читателем.

В этом контексте интересна трактовка «свободы» в стихотворении «Андрей Шенье», написанном в мае — июне того же 1825 г. Там присутствуют обе «свободы». Сначала появляется свобода-закон:

Оковы падали. Закон,
На вольность оперишись, провозгласил равенство...
<...>

известны оба автографа, черновой и белой, со словом «природа» (см.: Майков Л. Н. Материалы для академического издания сочинений Пушкина. СПб., 1902. С. 17–19). На какой список ориентировался исследователь и почему в строке 5 указанного издания напечатано «Свобода» вместо «Природа», установить трудно — возможно, на него повлияла некая традиция, уже вполне сложившаяся к тому времени. Немного раньше Капнистовская тетрадь находилась также в распоряжении П. А. Ефремова, однако, скорее всего, стихотворения «К Н. Я. П.» на этот момент в ней уже не было. В руках П. В. Анненкова была рукопись, подготовленная П. А. Плетневым и Л. С. Пушкиным по Капнистовской тетради для передачи в цензуру (см. письмо Плетнева Пушкину от 26 сентября 1825 г. — XIII, 232–236), но послания к Плюсковой в ней не было (см.: Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 842). В издании Анненкова стих 5 читается: «Природу лишь учась славить» (Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7. С. 25).

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
(II, 398)

Затем герой начинает сомневаться, правильное ли он принял решение, отдавшись борьбе за свободу. И тут появляется другая свобода, идиллическая, которая, согласно композиции стихотворения, противопоставлена первой:

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах, друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами
Сень, охраненную домашними богами...
(II, 400)

Но в конце концов герой приходит к выводу, что его решение вступить на поприще борьбы за политическую свободу, оставив свободу идиллическую, было правильным:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет...
(II, 401)

* * *

Контаминация двух «свобод» происходит, видимо, после восстания декабристов, когда строки Пушкина уже прочно воспринимаются как вольнолюбивые стихи с политическими коннотациями. Как отмечает М. А. Цявловский, «стихотворение Пушкина <...> не заключая в себе ничего революционного, пользовалось большой популярностью у оппозиционно настроенных любителей литерату-

ры».³¹ Видимо, вывод о популярности «Ответа на вызов...» был сделан на основании большого количества его списков.

Всю первую половину 1827 г. в Харькове велось следствие: у офицера одного из полков, квартирующих в окрестностях этого города, была обнаружена тетрадь с крамольным содержанием. На 12-м, самом последнем листе этой тетради, собственно, и был переписан «Ответ на вызов...». В этом деле оказались замешаны студенты Харьковского университета, один из которых убеждал следствие: «Что касается до сочинений вольных Пушкина или выданных под его именем, то они у редкого студента не находятся».³²

Среди материалов другого, гораздо более длинного и запутанного, дела (следствие по нему длилось два года — с июля 1826 по июнь 1828 г.), известного в пушкинистике как «шенъевская история»³³ (в центре истории было распространение неподцензурных стихов из исторической элегии «Андрей Шенъе»), также оказался список «Ответа на вызов...».³⁴ Хотя прямого отношения к делу этот текст в данном случае не имел, он вкупе со списками некоторых других стихотворений был найден в бумагах секретного агента В. Г. Коноплева,³⁵ с доноса которого правительству и началась «шенъевская история». Сам же Коноплев показывал на следствии по поводу найденных у него списков разных стихов, что их «имел он у себя, как Чиновник, употребленный Правительством для открытия подобных оным сочинений, секретного обследования и наблюдения над теми лицами, у кого таковые окажутся...»³⁶

³¹ Цявловский М. А. Эпигоны декабристов // Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 93.

³² Цит. по: Там же. С. 97.

³³ Подробно о «шенъевской истории» см.: Щеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826–1828 гг.: (Из архивных разысканий) // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 1–51; Березкина С. В. Дело об «Андрее Шенъе» Пушкина и его судебно-правовые аспекты // Русская литература. 2010. № 1. С. 26–41. Публикацию документов см.: Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906. С. 263–300; Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии, 1799–1829. СПб., 2007.

³⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 171, л. 14 об.—15. Опубликовано С. С. Сухониным — см.: Дела III Отделения... С. 281–282 (в деле проходил под названием «Послание к Елизавете»).

³⁵ 30 сентября 1827 г. Санкт-Петербургский обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин доносил А. Х. Бенкендорфу о Коноплеве: «В квартире сего [чиновника] здешнею полициею делан был обыск, при произведении коего найдены бумаги, которые, хотя к оному делу оказались не принадлежащими, но заслуживают внимания правительства» (Дела III Отделения... С. 267).

³⁶ Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии, 1799–1829. С. 756.

Таким образом, во второй половине 1820-х гг. «Ответ на вызов...» превращается в текст с политическим содержанием.

* * *

Необходимо сделать также еще одно маленькое замечание текстологического свойства.

Вернемся к уже приведенной выше цитате из книги С. А. Фомичева: «И в черновом автографе, и в беловой редакции (ПД 26), и в первопечатном тексте читаем: “Природу лишь учася славить”...». Но дело в том, что и в черновом, и в беловом автографе строка читается иначе: «Природу лишь умея славить». Откуда же взялось в первопечатном тексте слово «учася»?

О том, на каких страницах 10-го номера 8-й части «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1819 г. был опубликован пушкинский «Ответ на вызов...», хорошо известно. Однако если обратиться к 12-му, последнему, номеру за этот же год, то на последней его странице находим список опечаток, относящийся ко всей 8-й части «Соревнователя» (№№ 10—12) и читаем там, что на 70-й странице 10-го номера в строке 10 (счет строк начинается с названия раздела «Стихотворения») слово «учася» было ошибочно напечатано вместо слова «умея».

Таким образом, появление этого слова в первой публикации — ошибка типографика, еще один текстологический казус, который затем отразился во многих списках и не был исправлен и в новейшем полном собрании сочинений поэта, где, несмотря на избавление от плохо мотивированной «свободы», при публикации стиха 5 не была соблюдена текстологическая корректность.

К 1819 г. Пушкин имел уже достаточный творческий опыт в прославлении «природы», чтобы «уметь», а не «учиться» ее «славить». Собственно, Пушкин никогда и не писал «учася».

* * *

Подведу некоторые итоги. Читательское искажение пушкинского посвящения императрице Елизавете Алексеевне произошло практически сразу после написания, но оно поначалу в восприятии аудитории не меняло смысла и, как кажется, общего пушкинского замысла. Лишь во второй половине 1820-х гг. этот искаженный текст под влиянием известных событий стал восприниматься читателями как проявление свободомыслия.

В результате текст с читательской интерполяцией стал каноническим и долгое время воспроизводился в печатных изданиях дореволюционных, советских и — по инерции — постсоветских.

В советскую эпоху, когда Пушкина представляли яростным борцом с самодержавием, подобное прочтение стало очень удобным. Навязанное искаженным стихом восприятие текста заставляло авторитетных исследователей, «наступая на горло» собственной филологической квалификации, рассуждать о том, что в журнальной публикации «свободу» на «природу» заменила реакционная царская цензура, которая неотвратимо искажала пушкинские тексты «с самого их возникновения» и делала Пушкина «из певца свободы поэтом-созерцателем».³⁷

А. Г. Готовцева

³⁷ Розанов И. Н. Пушкин — певец свободы // А. С. Пушкин, 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 103—104; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 181—182.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «ВАКХИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

Давно отмечено, что «Пушкин входил в российскую литературу под неумолчный перезвон “вакхических песен”». Их писали, переписывали. Их осмеивали в метких пародиях. Их отвергали. И их снова и снова принимались писать».¹ Тем не менее поэтический контекст, с которым тесно связана пушкинская «Вакхическая песня», до сих пор, как кажется, не описан с достаточной степенью подробности. Задача данной заметки — восполнить эту лакуну.

«Вакхический» жанр получил широкое распространение в русской поэзии 1810—1820-х гг. В 1815 г. в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» было включено сразу несколько «образцов» этого жанра: «Веселый час» Карамзина (впервые — 1791, под заглавием: «Песня веселых»), «Песня в веселый час» Жуковского (впервые — 1813) и «Веселый час» Батюшкова (впервые — 1810). Песенная природа произведений была несомнен-

¹ Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни» // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 108.

на: в двух последних стихотворениях повторялся припев; у Батюшкова рефрен варьирован, у Жуковского он неизменен и отдан хору:

Полней стаканы! Пейте в лад!
Так пили наши деды!
Тебе погибель, супостат!
А нам венец победы!²

Восприятие этих текстов как образцовых подтверждается хотя бы тем, что одну из своих дерптских «Песен» 1823 г. Языков начал с первой строчки рефрена Жуковского:

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!³

Обращение к жанру вакхической песни вообще предполагало использование типовых мотивов и выражений «формульного характера, широко употребительных в дружеском застолье. С помощью таких словесных оборотов в стихотворный текст часто транспортируются ритуальные застольные движения, застольная жестикуляция».⁴ Примеры тому встречаются в изобилии. Ср., в частности: «Выпьем разом, и до дна, / Море светлого вина» (К. Н. Батюшков, «Веселый час»);⁵ «Братья, рюмки наливайте! / Лейся через край вино! / Все до капли выпивайте; / Осушайте в рюмках дно!» (Н. М. Карамзин, «Веселый час»);⁶ «Туда вели отраду нашу / Принести — фалернское вино! / Наполним круговую чашу / И осушим с весельем дно» (А. С. Норов, «К Делию (из Горация)»);⁷ «К устам покал!» (Д. П. Самсонов, «Бакхическая песнь»);⁸ «Друзья!

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1815. Ч. 2. С. 177.

³ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер, Б. М. Толочинской. Л., 1988. С. 78. (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...»: О коммуникативно-игровой природе студенческих вакхических песен XIX века // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 11. С. 43.

⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 253.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Дух журналов. 1816. Ч. 13. С. 231.

⁸ Благонамеренный. 1818. Ч. 3, № 7. С. 24 (подпись: Д. Са—онов).

покалы к небесам...», «Налей и мне, товарищ мой...» (Н. М. Языков, «Песня»);⁹ «Стучите чашами громчей; / Дружной гетер и Вакха пойте!» (А. А. Дельвиг, «Романс»);¹⁰ Подобные формулы звучат и у Пушкина: «Полнее стакан наливайте!»; «На звонкое дно / В густое вино / Заветные кольца бросайте!»; «Подыдем стаканы, содвинем их разом!» (II, 420).

В вакхических песнях нередко призывы «не только <...> к винным возлияниям, но и к участию в хоровом пении <...> дружеская пирушка <...> оказывается запечатленной как действие, совершающееся одновременно с пением. <...> ...сама ситуация исполнения песни входит в текст как важная часть его художественно-смыслового целого».¹¹ Таким же призывом, возгласом «певца, как бы ведущего в предполагаемом хоре»,¹² звучит пушкинское «Что смолкнул веселия глас? / Раздайтесь, вакхальны припевы!» (II, 420).

Поэты охотно включали в свои песни не только императивные, но и афористичные формулы:¹³ «Прощай, Киприда, бог с тобою! / С фиалом счастлив я: / Двоих дружишь ты меж собою, / А Вакхом все друзья» (А. А. Дельвиг, «Вакх»);¹⁴ «С одним непьяный слажу я! / С десятком уберуся пьяный! / <...> если Бог не сотворил / Стихией влагу драгоценну, / Он осторожно поступил — / Мы осушили бы вселенну!» (В. А. Жуковский, «Песня в веселый час»);¹⁵ «Старец в нем <вине> находит младость, / Бедный — горестям конец» (Н. М. Карамзин, «Веселый час»);¹⁶ «Други! Нам вожди прямые / К храму славы и наук — / Леля стрелы золотые, / Рюмок звон и стук!» («Вакхическая песня», без подписи);¹⁷ «В сухотку стихотворства бог / Парнасских лебедей приводит; / Спасибо, гений мой восторг / На дне ковша всегда находит!» (С. Д. Нечаев, «Вакхическая песня»);¹⁸ «Кто заботы и печали / Топит в пенистом фиале, / Тот один прямой мудрец» (В. К. Кюхельбекер, «Бакхическая песнь»);¹⁹ «Пусть мудрецы минувших лет / Винят забавы наши; / Мы выслушаем их совет — / И опорожним чаши. /

⁹ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 82, 83.

¹⁰ Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 44 (стихотворение 1823 г.).

¹¹ Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...». С. 43.

¹² Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 107.

¹³ См.: Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...». С. 46.

¹⁴ Дельвиг А. А. Соч. С. 64 (стихотворение 1815 г.).

¹⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 184–185.

¹⁶ Там же. С. 177.

¹⁷ Там же. С. 169.

¹⁸ Вестник Европы. 1816. Ч. 86, № 8. С. 272.

¹⁹ Благонамеренный. 1819. Ч. 6, № 7. С. 12 (подпись: Вильгельм К.).

Друзья, скажите, кто из нас / В сужденьях справедливей? / Они умнее во сто раз — / Мы во сто раз счастливей!» (П. А. Межаков, «К друзьям во время бури»);²⁰ «Мало ль подвигов свершилось / С Ноевых времен, вином? / Мало ль им чудес творилось? / Чрез него... и я с умом!» (О. М. Сомов, «Бахическая песня»);²¹ По большей части эти формулы имеют шутливо-ироничный характер, что определяется театрално-игровой жанровой природой вакхической поэзии. В отличие от них пушкинский императив (ст. 10–16) придает стихотворению характер возвышенного гимна солнцу, любви и разуму.

Практически во всех вакхических песнях тема вина сопрягается с темой любви. Иногда они противопоставляются друг другу, как, например, в «Вакхической песне» Вл. Измайлова:

Любовь! Тебе прости навеки я сказал,
Желаю Вакху в плен отдаться;
Полвека я любил и от любви страдал,
Полвека буду напиваться.
<...>
В слезах моих погас светильник твой злосчастный,
Светильник дней моих я погашу в вине.²²

Тот же мотив — в уже цитированном «Вакхе» Дельвига («Прощай, Киприда, бог с тобою! / С фиалом счастлив я...») и в «Бахической песни» Кюхельбекера:

Что мне до стишков любовных?
Что до вздохов и до слез?
Мне, венчанному цветами,
С беззаботными друзьями
Пить под тению берез!²³

Чаще, однако, эти две темы, как и в «Вакхической песне» Пушкина, составляют неразрывное целое: друзья проводят время «с золотыми чашами в руках, / С любовью, с дружбой на устах» (К. Н. Батюшков, «Веселый час»). Этот образ — общее место вакхической поэзии: автор элегии «К друзьям», подписавшийся буквой Z, в тех же выражениях вспоминает о прошедших радостях:

²⁰ Благонамеренный. 1821. Ч. 13, № 4. С. 193.

²¹ Там же. № 6. С. 316.

²² Российский музей. 1815. Ч. 4, № 12. С. 233 (с подзаголовком: «Перевод»).

²³ Благонамеренный. 1819. Ч. 6, № 7. С. 12.

Давно ли, о други! мы вместе сидели
 С любовью в сердце и с чашей в руках?
 Давно ли, о други! песнь Вакху мы пели
 На лирах нестройных, на звонких струнах?²⁴

В. Туманский в стихотворении «Веселый час» соединяет две темы в одной строфе: «Други! веселие! Кубки налиты: / Зреют любовию Граций ланиты...»;²⁵ Бахус и Эрот венчают пирующих в «Застольной песне» Дельвига (1814–1817), союз Либеры и Амура воспет в его стихотворении «Дифирамб. (1816. 15 апреля)», тот же мотив — в другом его «Дифирамбе» («Други, пусть года несутся...», 1814–1817).²⁶

За годы, отделяющие первую в русской поэзии «Вакхическую песню» от пушкинской, жанр успел накопить массу штампов, которые становились предметом пародирования и осмеивания. Так, автор, обозначивший свое имя пятью точками, опубликовал в 1821 г. в «Благонамеренном» «Правила нынешних молодых поэтов»:

Всегда тверди сто раз одно:
 «Звон чаши золотой, пенистое вино,
 Восторг любви, конец желаний
 Есть — сладострастие!» — Прибавь тут восклицаний;
 Скажи: «Здесь счастья нет для сердца и души!» —
 Примолвить не забудь, что ты всегда мечтаешь,
 Что ты здесь — пьешь вино; там — счастья ожидаешь...
 И вот все правила — бери перо — пиши.²⁷

В том же 1821 г. вышло стихотворение «Вакхические поэты» А. А. Крылова — пародия на вакхическую поэзию как моду, написанная в форме письма к издателю «Благонамеренного» А. Е. Измайлову.²⁸ В ней подчеркивается «явно бутафорский характер» эпиграфизма. «Поэты “стучат бокалами пустыми”, вокруг “звучат <...> рифмы и стаканы”, поэзия сосредоточивается у “чаши круговой”. Круговая чаша, бокалы, стаканы — что-то вроде театрального рек-

²⁴ Там же. 1818. Ч. 3, № 7. С. 13.

²⁵ Там же. Ч. 2, № 6. С. 279.

²⁶ См.: Дельвиг А. А. Соч. С. 33, 103–104, 117; см. также: Нечаев С. Д. Вакхическая песня // Вестник Европы. 1816. Ч. 86, № 8. С. 271–272; Рыбников П. Песнь пирующих // Благонамеренный. 1818. Ч. 1, № 2. С. 196–197; Сафонов Д. Вакхическая песнь // Благонамеренный. 1818. Ч. 3, № 7. С. 24–25.

²⁷ Благонамеренный. 1821. Ч. 13, № 3. С. 146–147.

²⁸ Там же. Ч. 14, № 10. С. 140–141.

визита, подлинность которого для пародиста сомнительна. Пародист, проецируя антураж вакхических песен в реальность, рисует гротесковую картину повального пьянства на отечественном Парнасе». ²⁹ Кюхельбекер, сам отдавший дань вакхической поэзии, в стихотворении «Кофе» противопоставляет вину этот напиток. ³⁰ Отказ от ценностей дружеского пира и восхвалений «вина и Вакха» становятся предметом поэтической рефлексии в элегии Баратынского «Уныние»; здесь видим и «веселый шум пиров», и «чашу круговую», и «дружеский фиал», и «веселье буйное»:

Но что же? вне себя я тцетно жить хотел,
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.³¹

«Пушкин откровенно и щедро берет у своих собратьев по перу все атрибуты условного античного пира, стилевую риторику, лексику». ³² Однако тема эпикуреизма выведена в «Вакхической песне» за пределы общих мест гедонистической лирики и наполнена новым интеллектуальным содержанием. ³³

В большой мере обновлению сложившейся к середине 1820-х гг. традиции служило сближение пушкинского текста с восходящим непосредственно к античности жанром дифирамба, также весьма популярным в русской поэзии 1810—1820-х гг. По определению А. Ф. Мерзлякова, дифирамбам в античной поэзии принадлежала «средина между гимнами и героическими одами <...>. Они сочинялись первоначально для праздников Бахуса. <...> Обыкновенным содержанием дифирамбов были торжественные, веселые чувствования, которые возбуждало в душе стихотворца вино, и признательное удивление к первому его насадителю. Лирический беспорядок в целом, отважность и смелость в картинах, новые слова и обороты

²⁹ Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 109. Ср. также: Гудок и кубок // Сын отечества. 1819. Ч. 56, № 38. С. 229—231 (подпись: — о —).

³⁰ Невский зритель. 1820. Ч. 1. Февраль. С. 91—92.

³¹ Сын отечества. 1821. Ч. 67, № 3. С. 128—129.

³² Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 111.

³³ Нетрадиционный характер решения Пушкиным темы «дружеской сходимости» отмечен В. К. Кюхельбекером в дневниковой записи от 19 мая 1835 г.: он причислил «Вакхическую песню» к произведениям, которые «слишком остроумны, слишком обдуманны, обделанны и рассчитанны для эффекту» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 363. («Литературные памятники»)).

в языке часто преступали должные пределы в сем роде сочинения». ³⁴ «Сей род поэзии требует изображений новых, неожиданных, высоких, чудесных, чувствований сильных <...>. Никакой определенной формы дифирамбы не имеют...» ³⁵ В популярном в конце XVIII—XIX в. сочинении Ж.-Ж. Бартеlemi (Barthélemy; 1716—1795) «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» («Voyage du jeune Anacharsis en Grèce», 1788) один из героев называет ряд жанровых признаков дифирамба: «Метафоры, не имеющие, по-видимому, никакого между собою отношения, следуют в нем одна за другою без всякого порядка. Стихотворец не идет, но скачет с порывами; видит связь мыслей, но оставляет ее в небрежении. Иногда переступает правила, предписываемые искусством, иногда употребляет разные меры стихов и разные роды изменений». ³⁶ Помимо сочинения Бартеlemi, которое было известно как в оригинале, так и в русском переводе, ³⁷ сведения о жанре дифирамба Пушкин мог почерпнуть из 16-томного труда Ж.-Ф. де Лагарпа (Laharpe, La Harpe; 1739—1803) «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805; в русском переводе в пяти частях вышел в 1810—1814 гг. в Петербурге), представлявшего собой лекции, читанные автором в парижском лицее Сент-Оноре в 1786—1798 гг., и служившего пособием для изучения французской словесности в Царскосельском лицее. Здесь о дифирамбе сказано: «...он составлял род смелого стихотворения <...> которое не было подвержено никакой определенной мере стихов, но употребляли в них все роды стопосложения без разбора <...> стихотворцу позволялось выдумывать и употреблять новые слова и выражения...» ³⁸ Разностопный амфибрахий «Вакхической песни», единственный раз встречающийся в поэтической практике Пушкина, имитирует форму античного дифирамба, ³⁹

³⁴ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 187—188.

³⁵ Из словаря древней и новой поэзии, составленного Н. Остолоповым // Вестник Европы. 1815. Ч. 84, № 21. С. 52.

³⁶ Бартеlemi Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертого века до Рождества Христова. СПб., 1809. Т. 6. С. 519.

³⁷ Почти одновременно вышли два перевода: указанный выше шеститомный в Петербурге (1804—1809) и с тем же названием — в девяти частях — в Москве (1804—1818).

³⁸ Лагарп И. Ф. Лицей, или Круг словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 2. С. 325.

³⁹ См.: Томашевский Б. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 85.

для которого был характерен «беспорядок» в «мере стопосложения». ⁴⁰

Упомянутые во 2-м стихе «вакхальны припевы» отсылают именно к дифирамбам — «гимнам, воспеваемым в честь Вакха», в которых «часто во всей силе оказывается восторг», ⁴¹ исполнявшимся во время дионисий (вакханалий). Хор, прославлявший бога виноделия песнопениями, двигался вокруг алтаря. Гимн-дифирамб «исполнялся круговым или киклическим хором <...> и, поскольку приближался к типу действия, состоял в диалоге между хором и запевалою». ⁴² О круговом движении при исполнении дифирамбов упоминает в своем «Путешествии...» Бартелеми. ⁴³ По наблюдениям Мурьянова, «пушкинский дифирамб незаметно выстроил исполнителей тоже в круг — императив о “сдвигании разом” стаканов осуществим только при круговом расположении участников хора, друзей поэта». ⁴⁴

Историю происхождения термина «дифирамб» Пушкин должен был узнать еще в Лицее, на уроках профессора Н. Ф. Кошанского. В «Ручной книге древней классической словесности <...> собранной Эшенбургом, умноженной Крамером и дополненной Н. Кошанским» рассказано, что, согласно мифу, Юпитер, явившись во всем величии к своей возлюбленной Семеле, послужил невольной причиной ее смерти прежде рождения их сына Вакха и вынашивал дитя до положенного срока в своем бедре. «Вот почему Вакх часто называется у поэтов богом *двукратно рожденным* (dithyrambos). Так впоследствии названы гимны, петые на празднествах в честь сему богу». ⁴⁵

Гимническое звучание пушкинского стихотворения создается архаизированными формами слов («смокнул», «вакхальны», «ве-

⁴⁰ Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. 1. С. 188.

⁴¹ Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции... Т. 6. С. 518.

⁴² Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 225.

⁴³ Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции... С. 518.

⁴⁴ Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне» // Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 147. Мотив «чаши крутовой» воплощается у Пушкина в мотив круга, кольца (см. ст. 8), а они, в свою очередь, становятся символами солнца. Поэт «поднимает быт до уровня культовых символов» (Калло Е. М., Турбин В. Н. Эхо «Вакхической песни». С. 111–112).

⁴⁵ Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Т. 2. С. 54.

селия», «девы», «жены»). «Вакхическая песня» — ликующая, энергичная песнь. Это впечатление достигается побудительными предложениями, обилием повелительных форм глаголов («раздайтесь», «наливайте», «бросайте», «подыдем», «содвинем», «Ты, солнце святое, гори!»); в стихотворении лишь одно повествовательное предложение — развернутая метафора (ст. 12–15). «Вакхический пир — это мир вина, любви и веселья, символизирующих свободу чувств и наслаждение ими. Он и начинается с прославления земных, чувственных радостей. <...> Затем настает очередь разума, мудрости, творчества. Пушкин движется от полноты чувств и удовольствий к познанию и интеллектуальному постижению их, в конечном итоге — к истине. При этом “музы” и “разум” поняты как синонимы, потому что поэзия рождается солнцем ума и наполнена божественным светом».⁴⁶ Четырежды повторенные восклицания «да здравствует!...» / «да здравствуют!...» композиционно членят стихотворение в соответствии с этим движением к финалу-кульминации с конечной антитезой: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Тем не менее пушкинское стихотворение не становится стилизацией античного дифирамба, сохраняя связь с «вакхической» традицией XIX в. Античность отражена у Пушкина «ассоциативно», она осталась вне образной системы стихотворения <...>. Оно передает светлую радость свободного веселья, неизбежно вызывая представление об античном характере этого веселья. И дело здесь не в названии, не в упоминании Вакха и муз, а в умении передать тот тип веселья, ту психологическую атмосферу, которую читатель соотносит с античным миром».⁴⁷

Показательно, что в издании «Стихотворений» 1826 г. Пушкин включил «Вакхическую песню» не в отдел «Подражания древним», а в отдел «Разные стихотворения». В собрании стихотворений, готовившемся в 1836 г.,⁴⁸ «Вакхическая песня» должна была войти в отдел «Стихотворения лирические», открывавшийся «Торжеством Вакха» (1818), в котором исследователи также обнару-

⁴⁶ Скибин С. М., Прокофьева Н. Н., Коровин В. И. История русской литературы XIX века. М., 2005. Ч. 1. С. 66.

⁴⁷ Рассовская Л. П. Особенности создания черт национального характера в лирике А. С. Пушкина // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1978. Вып. 3. С. 59.

⁴⁸ О замысле этого издания см.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 271–288.

живают определенную близость к жанру дифирамба.⁴⁹ Реалии «Вакхической песни» представляют собой анахронизм, если оценивать их с точки зрения античной традиции: герои «пьют не принятое у древних неразведенное *густое* вино из стаканов, самым своим названием показывающих непричастность к античности, и при этом чокаются — такой способ пить вино впервые засвидетельствован французскими текстами конца XVII века».⁵⁰ Разумеется, Пушкин прекрасно представлял себе реалии античной жизни — в соответствующих стихотворениях он называет «чаши» («Блаженство», 1814; «Торжество Вакха», 1818; «Клеопатра», 1828; «Мальчику. (Из Катулла)», 1832; «Бог веселый винограда», 1832), «кубки» («Торжество Вакха», 1818), «фиал» («Блаженство», 1814; «Фиал Анакреона», 1816; «Фавн и пастушка», 1813–1817). Между тем в стихах, где Пушкин следует традиции гедонистических посланий 1810-х гг., он позволяет себе смешение реалий разных эпох: так, в послании «К Б<атиюшк>ову» (1814) упоминаются и фиал, и стакан, и бокалы. Подобное смешение характерно для русской «вакхической поэзии». Так, в анонимной «Вакхической песне», опубликованной в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», соединяются и Лель, и Бахус, и шампанское, и «рюмок звон и стук».⁵¹

К числу современных Пушкину реалий, по всей видимости, относятся и «заветные кольца». Обычай обзаведения в тесных дружеских кружках одинаковыми кольцами (чаще всего с символическими изображениями и девизами) был весьма популярен в пушкинское время. Такие чугунные кольца, с изображением дружеского пожатия двух рук, раздал лицеистам при выпуске из Лицея Е. А. Энгельгардт. «Заветными кольцами» обладали и участники общества «Зеленая лампа»: по определению Н. О. Лернера, на щитке их ко-

⁴⁹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 506; примеч. В. Э. Вацууро.

⁵⁰ Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне». С. 147. Ср. в статье А. С. Грибоедова «Письмо из Бреста Литовского к издателю <“Вестника Европы”>» (1814): «Заискрилось шампанское в стаканах, / Венгерское густое полилось...» (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 246), а также в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1824–1825), где выражение «струя, как жир, густая» отнесено, как и у Грибоедова, к венгерскому вину (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 52); в одном из вариантов «Послания к Л. П<ушкину>» (1824) поэт назвал «густым» бургундское вино (II, 906). Слово «густое» в отношении вина характеризовало или его темно-красный, насыщенный (густой) цвет, или концентрацию (неразбавленное вино).

⁵¹ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. С. 169–171.

лец изображался «сосуд, вроде античного светильника, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой».⁵² В. Ф. Раевский, принадлежавший, как и Пушкин, к масонской ложе «Овидий», носил «в знак политического союза» и «дружеской связи» с близкими ему по духу офицерами железное кольцо.⁵³

Таким образом, в пушкинской «Вакхической песне» «вакхическая» традиция XIX в. сближается со своим античным истоком, но при этом поэт не прибегает к прямой стилизации античных образов. В рамках стихотворного текста органично соединились черты современной и архаичной поэтической культуры.

А. С. Лобанова

⁵² Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. II. Кольцо Зеленой Лампы // Русская старина. 1909. № 4. С. 197.

⁵³ См.: Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. М.; Л., 1949. С. 141.

О ХРОНОЛОГИИ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Вся событийная канва романа Пушкина полностью сохранена в либретто оперы Чайковского. Но это составляет едва ли половину пушкинского текста. Что же остается за пределами действия оперы? Рассуждения по поводу? Действительно, Пушкин сообщал Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» (XIII, 75).

На самом деле фабульные события в романе «Евгений Онегин» погружены в лирическую стихию. «Специфика лирики в том, — отмечает Л. Я. Гинзбург, — что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного ее элемента. При этом разговор от имени лирического “я” нисколько не обязателен. Авторский монолог — это лишь предельная лирическая форма. Лирика знает разные степени удаления от монологического мира, разные способы предметной и повествовательной зашифровки авторского сознания — от масок лирического героя до всевозможных “объективных” сюжетов, персонажей, вещей, зашифровывающих лирическую личность именно с тем, чтобы

она через них просвечивала <...>. Лирическая поэзия — далеко не всегда разговор поэта о своих чувствах, но это раскрытая точка зрения, отношение лирического субъекта к вещам, оценка. Поэтическое слово непрерывно оценивает все, к чему прикасается, — это слово с проявленной ценностью».¹

Прежде всего, на лирическом уровне предполагался контакт между автором и читателем: «И чье-нибудь он <звук> сердце тронет, / И, сохраненная судьбой, / Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной...» (VI, 49). В «Евгении Онегине» все изображенное тотчас обсуждается с читателем: «За что ж виновнее Татьяна?..» (VI, 62); «Вы согласитесь, мой читатель, / Что очень мило поступил / С печальной Таней наш приятель...» (VI, 80); «Друзья мои, вам жаль поэта?» (VI, 132) и т. п.

Контакт с дружественным читателем у Пушкина закончился в конце 1820-х гг. Именно поэтому на рубеже 1830-х гг. роман должен был оборваться.

Решение кончить роман на девятой главе фиксируется автором 26 сентября 1830 г., когда Пушкин записывает общий план (оглавление) (см.: ПД 167). Роман делился на три части, в каждой из которых содержалось по три «Песни».

Но онегинский замысел продолжал волновать Пушкина. В черновиках «Метели» 19 октября появится помета «сожж.<ена> X песнь» (ПД 997, л. 28). Начало ее до нас дошло в основном в зашифрованной пушкинской записи (ПД 170), так как она была посвящена истории заговора, приведшего к восстанию 14 декабря 1825 года. Трудно предположить, что за три недели (с 26 сентября по 19 октября) была создана целая глава романа, если учесть, что в эти дни написано около двух десятков стихотворений, поэма «Домик в Коломне», основная часть полемических заметок, озаглавленных позже «<Опровержение на критики>», а также повести «Выстрел» и «Метель». Скорее всего, накануне он восстановил по памяти ранее (до поездки в Болдино) созданные строфы о «Владыке слабым и лукавом», а заново дописал лишь три строфы исторической хроники, известные в болдинских черновиках.

28 ноября 1830 г. датируется предисловие к последним главам:

Вот еще две гл<авы> Евгения Онегина — последние, по крайней <мере>, для печати <...> Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу

¹ Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 7–8.

я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны... (VI, 541)

Годом позже глава «Странствие» будет все же исключена из окончательного текста романа, и девятая глава (став теперь восьмой, последней) еще раз переработана.

С самого начала Пушкин предполагал в романе двигаться в жизни синхронно с героями, сравнивая постоянно судьбы их со своей судьбой.

В Болдине произошла существенная переакцентировка в лирической стихии романа. Теперь поэт следит за героями из иной исторической эпохи, подчас вводя в повествование некоторые бытовые реалии конца 1820-х гг., но не исправляя невольно допущенные анохронизмы.

Внутренняя хронология романа была вычислена в комментарии Н. Л. Бродского. Вслед за Р. В. Ивановым-Разумником² он отталкивался от замечания автора в предисловии к первой главе романа: «Она в себе заключает сатирическое описание пет^{ер}бургской жизни молодого русского, в конце 1819 года» (VI, 527).

В романе, — писал Н. Л. Бродский, — разбросаны хронологические указания, которые дают возможность точно определить главные моменты в жизни Евгения. Онегин родился около 1796 г., лет шестнадцати «окончил курс своих наук» — это было в 1812 г., через 8 лет он бросил свет и летом 1820 г. поселился в деревне. С 1820 г. по весну 1825 г. тянется действие романа.³

Эта хронология, с некоторыми оговорками, была принята в комментариях и В. В. Набоковым, и Ю. М. Лотманом. Однако ряд современных авторов, заметив некоторые противоречивые на этот счет детали текста, действие последних глав романа перенесли в конец 1820-х гг.,⁴ забыв предупреждение Пушкина, высказанное еще в конце первой главы:

² См.: *Иванов-Разумник Р. В.* Соч. Пг., 1916. Т. 5. С. 57.

³ *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. 5-е изд. М., 1964. С. 38.

⁴ См.: *Баевский В. С.* Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 115–430; *Кожевников В. А.* «Вся жизнь, вся душа, вся любовь...». М., 1993. С. 89–103; *Кошелев В. А.* «“Онегина” воздушная громада...». 2-е изд. Большое Болдино; Арзамас, 2009. С. 160–183. *Старк В.* Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб., 2013. С. 343–344.

Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу...
(VI, 30)

В главе «Странствие» изначально намеченная автором хронология романых событий была недвусмысленно подтверждена: «Я жил тогда в Одессе пыльной...» — в то время когда Онегин начал свое путешествие,⁵ — а следовательно, «он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал» (VI, 171) в 1824 г., и «зимовал он как сурок» (VI, 185) до весны 1825 г.

«Письмо Онегина», написанное в 1831 г., подчеркнуло зеркальную композицию романа, что до некоторой степени скрадывало неравномерность двух его частей, а главное — позволяло оценить пристрастную несправедливость заключительных обвинений героини и несвойственные прежнему Онегину безрассудство, отчаянность его поведения: он способен теперь довериться живому чувству, преступить прежде незыблемые для него нормы света. Переосмысление онегинского типа (его трагедийная интерпретация) было связано с историческим опытом автора романа. Духовно Онегин, как это стало понятно лишь теперь, принадлежал к лучшим людям поколения 1820-х годов.

Перспектива иного завершения романа брезжила еще в конце 1820-х гг.: в походной палатке во время Арзрумской кампании поэт, по свидетельству очень точного в своих воспоминаниях М. И. Юзефовича, объяснил «довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».⁶ Ю. М. Лотман полагал, что Пушкин «рассказывал на Кавказе в 1829 г. о своих *уже оставленных замыслах* (видимо, речь шла об оставленном варианте седьмой главы), переносить эти рассказы на десятую главу, о которой Пушкин в 1829 г. не мог думать, у нас нет достаточных оснований <...> предположение, что Пушкин в 1829 г. почти посторонним людям рассказал некоторый сюжет, а через полтора года стал его же “перелгать” в стихи, подразумевает полное непонимание психологии творчества Пушкина, который редко импровизировал в устной форме и из незаконченного делился лишь замыслами, уже оставленными бесповоротно. Как

⁵ Строфы из «Странствия» (а в их составе и отмеченная строка) были напечатаны в авторских «Примечаниях» в изданиях 1833 и 1837 гг. полного текста романа (VI, 201).

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 107.

источник реконструкции не дошедшей до нас части сюжета десятой главы воспоминания следует решительно отвести».⁷ Суждение, на наш взгляд, слишком категоричное. Заметим, что в походной палатке присутствовал и Н. Н. Раевский, с которым поэт раньше делился замыслами своих драматических произведений. Да и о будущей судьбе Татьяны, после разлуки с Онегиным, Пушкин рассказывал заинтересованным читательницам.

Именно на лирическом уровне объяснен последний поступок героини, о котором много споров: «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» (VI, 188). Только ли о супружеской верности здесь идет речь? Если так, то, подобно Толстому, здесь можно было только удивляться.⁸ Или же издеваться, подобно Писареву.

В конце романа замечено: «А та, с которой образован / Татьяны милый Идеал... / О много, много Рок отъял» (VI, 190). Пушкин точно обозначил, что он имел в виду. В 1827 г. в журнале «Московский телеграф» было напечатано следующее рассуждение:

В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые веселили нас в былое время. <...> Смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый, и часто <...> с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади): *Одних уж нет, другие странствуют далеко!*⁹

Автор этого пассажа, П. А. Вяземский, немедленно получил выговор. Д. Н. Блудов, товарищ министра народного просвещения, патетически восклицал: «Я не могу поверить, что вы, приводя эту цитату, и говоря о друзьях умерших или отсутствующих, думали о людях, справедливо пораженных законом; но другие сочли именно так, и я представляю вам самому догадываться, какое действие способна произвести эта мысль».¹⁰

⁷ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 725.

⁸ Со слов дочери Карамзина Л. Н. Толстой передавал, что развязка романа была для самого поэта неожиданностью: «Моя Татьяна поразила меня, она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал» (У Толстого. 1904—1910: «Яснополяские записки» Д. П. Маковского // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 1. С. 143). Есть и иная версия, также записанная собеседником Льва Николаевича; она напоминает первую, но речь в ней идет о другом моменте онегинского сюжета — о замужестве Татьяны: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она — замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. [М.], 1960. Т. 1. С. 296).

⁹ Московский телеграф. 1827. Ч. 13, № 1. С. 9; об авторстве см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 159.

¹⁰ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. С. 158.

Пушкин не мог не знать этой истории. Не мог он и не понимать, как упоминание об «иных» будет воспринято читателями. Автор «Евгения Онегина» именно на такое «действие» и рассчитывал. Потому что тема женской верности после декабрьской эпохи — это было нечто великое. Действие романа обрывалось на пороге событий 14 декабря.

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал...
О много, много Рок отъял!
Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

(VI, 190)

Лирическая аура романа осталась там, в прежней эпохе, где был дружественный читатель, подобно недопитому бокалу вина, упомянутому в одной из предыдущих глав:

Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует *Бордо*, наш друг!

(VI, 92)

Дружественным ощущением пронизаны первые главы романа. Ныне же:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.

(VI, 189)

С. А. Фомичев

ЛИБЕРТИНСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ И ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

В XVII—XVIII вв. во Франции возникла обильная и очень разнообразная в жанрово-стилистическом отношении либертинская литература, в которой можно найти (порою у одного автора, а иногда и в одном произведении) как откровенную порнографию, так и утонченный психологизм. С середины XVIII в. она мало-помалу становится известной и в России, но влияние ее остается маргинальным. Пересадить французскую традицию на местную почву было затруднительно по причинам не только социальным, но и историко-культурным: к тому времени, когда русские литераторы смогли бы оценить Кребийона-сына (Crébillon; 1707—1777), в самой Франции он уже вышел из моды. Русская литература тем не менее продолжала подпитываться ушедшими в прошлое формами литературы французской, в том числе и либертинской. Самым ярким проявлением этого запоздалого либертинского влияния в России можно считать «Гавриилиаду», однако некоторые его следы заметны и в «Онегине».

Они обнаруживаются преимущественно в начале романа. Хорошо известно, что времяпровождение Онегина, описанное в первой главе романа, скалькировано с картины, представленной в знаменитой в свое время поэме Вольтера «Светский человек» («Le Mondain»), своего рода «Защищении петиметра».¹ Вольтеровский *le mondain* и петиметр оказываются, таким образом, предшественниками и отчасти образцами светского человека и денди в русской литературе XIX в., в частности Евгения Онегина. И хотя историко-социологически между денди и петиметром пропасть (если первый — царь моды, то второй — ее раб), в литературно-историческом отношении один наследует другому. «Светский человек» может быть щеголем-петиметром, может быть и либертином, но ни то ни другое не обязательно. Все же некоторые детали в описании онегинского поведения до отъезда его в деревню выдают следование именно либертинской модели.

В дальнейшем речь пойдет не только и не столько о прямых источниках пушкинского текста, сколько о ходячих сравнениях, мета-

¹ См.: Резанов В. И. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1923. Вып. 36. С. 71—77. Ср. скептическое замечание в книге: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 179, примеч. 51.

форах, образах, мотивах, то есть об элементах поэтического языка, в которые был погружен тогдашний читатель французской литературы, особенно эротической и либертинской, и которые в изобилии рассыпаны в пушкинском романе.

1. Мы видим такие общие места уже в самом начале романа, в X—XV строфах первой главы. Обратимся сначала к строкам XV строфы, которые, на первый взгляд, никаких либертинских коннотаций не содержат:

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.

(VI, 10—11)

Существенно, что в предшествующих строфах (X—XII) описывается самая разнообразная тактика соблазнения. Поэтому мы можем, конечно, полагать, что приглашения, полученные Онегиным, преследовали вполне пристойные цели, однако допустимо трактовать *записочки*, посланные *проказнику*, и в менее невинном духе. На такую возможность указывают и некоторые сходные места из французской либертинской литературы.

Ближайшей параллелью к пассажи о записочках представляет стихотворение «Сердцеед» (или «Удачливый волокита») («L'Homme à bonnes Fortunes»), которое печаталось в собраниях стихотворений Грекура (Grécourt; 1684—1743), но принадлежит, возможно, Александру Ленэ (Lainez; 165?—1710).² Судя по частоте перепечаток, оно было довольно известным в свое время. Вот его начало:

² В так называемом «Сборнике космополита» (считается, что его составителем и автором большинства текстов был Грекур) стихотворение носило название «Le Sérail» (Recueil de pièces choisies, rassemblées par les soins du Cosmopolite. Ancône [Véretz], 1735. P. 63—64) и в оглавлении его автором назван Ленэ (Ibid. P. 2. 2me pag.). Утверждение об авторстве Ленэ повторено в альманахе La Nouvelle Bigarure, contenant ce qu'il y a de plus intéressant dans le Mercure de France, Et de plus curieux dans les autres journaux et feuilles Périodiques &c. La Haye, 1753. T. 4. P. 85—86; при этом в сборнике стихотворений Ленэ данное произведение отсутствует (см.: Lainez A. Poésies. La Haye, 1753).

Pousser le soupir juste, animer la fleurette,
 Fixer adroitement l'esprit d'une coquette,
 Recevoir le matin, huit ou six billets doux,
 Se tirer en un jour de quatre rendez-vous.
 En conter à la prude, à la fine, à la sottie,
 Jusqu'au pied des Autels tenter une bigotte,
 Paroît <re> fort fidel en vingt lieu différens,
 Duper d'un seul clin d'œil amis, rivaux, parens;
 Egayer la chagrine, arrêter la volage,
 Ne fut jamais pour moi que simple badinage.³

<Вовремя вздохнуть, произнести жеманную галантность,
 Ловко завладеть вниманием кокетки,
 Получить утром шесть-восемь любовных записочек,
 Управиться за день с четырьмя свиданиями.
 Морочить голову недотроге, утонченной, дуре,
 У подножия алтаря соблазнять ханжу,
 Казаться самым верным <любовником> в двадцати разных местах,
 Провести в одно мгновенье друзей, соперников, родных,
 Развеселить печальную, удержать ветреную —
 Все это было для меня пустяком. — фр.>

Даже если здесь нельзя уверенно говорить о генезисе пушкинских строк, важно, что перед нами релевантный для «Онегина» элемент поэтического языка эпохи. Действительно, описание либертина, выбирающего между приглашениями, встречается и в других произведениях. Весьма близкое место есть в «Кукле» («La Poupée») Галли де Бибьена:

Lis, dit l'Abbé en lui donnant le billet; tu le vois, c'est un rendez-vous; mon esprit se confond, lorsque je pense à tous les endroits où l'on m'appelle; on m'accable, on m'excède, on me vexe de bonnes fortunes.⁴

<Читай, — сказал аббат, протягивая ему записку, — видишь, <приглашают на> свидание; я путаюсь, как подумаю о всех местах, куда меня зовут; я измучен, утомлен, раздражен <таким количеством> любовных побед. — фр.>

«Сердцеед» представляет собой в некотором роде программу либертинажа, и эта программа частично реализована Онегиным, о чем свидетельствуют X—XII строфы первой главы романа, отве-

³ Grécourt J.-B. Willart de. [Œuvres]. Amsterdam, 1746. Т. 1. Р. 149—150.

⁴ Bibiena J. Galli de. La Poupée. Amsterdam, 1748. Part 1. Р. 58.

чающие первой половине стихотворения Грекура/Ленэ⁵ (и даже написанные в такой же инфинитивной форме):

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубеждения
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!

⁵ Заметим также, что грекуровская программа соблазнения благочестивой дамы прямо у самого сакрального для нее места (по Ленэ, у алтаря) реализуется пушкинским Дон Гуаном (который, в соответствии с легендой об эфесской матроне, соблазняет вдову на могиле ее покойного мужа).

Когда ж хотелось уничтожить
 Ему соперников своих,
 Как он язвительно злословил!
 Какие сети им готовил!
 Но вы, блаженные мужья,
 С ним оставались вы друзья:
 Его ласкал супруг лукавый,
 Фобласа давний ученик,
 И недоверчивый старик,
 И рогоносец величавый,
 Всегда довольный сам собой,
 Своим обедом и женой.

(VI, 9–10)

Похожая картина соблазнения невинности имеется в мольеровском «Дон Жуане» (Molière, «Dom Juan», Acte I, sc. II), где есть к тому же точная параллель к строкам «Невинных лет предубеждения / Умом и страстью побеждать» (ниже выделена курсивом):

On goûte une douceur extrême à réduire, par cent hommages, le cœur d'une jeune beauté, à voir de jour en jour les petits progrès qu'on y fait, à *combattre par des transports, par des larmes, et des soupirs, l'innocente pudeur* d'une âme qui a peine à rendre les armes, à forcer pied à pied toutes les petites résistances qu'elle nous oppose, à *vaincre les scrupules* dont elle se fait un honneur, et la mener doucement où nous avons envie de la faire venir.

<Это так <невыразимо сладко> — всевозможными знаками внимания покорять сердце молодой красавицы, видеть, как с каждым днем ты все ближе к цели, *побеждать порывами своего чувства, вздохами и слезами невинную стыдливость души*, которая не хочет слагать оружие, шаг за шагом преодолевать <слабые попытки сопротивления>, которые она оказывает нам, побеждать щепетильность <угрызения, колебания>,⁶ в которой <-ых> она видит свою заслугу, и незаметно вести ее туда, куда ты стремишься ее привести! — фр.; пер. А. В. Федорова, с изменениями.>⁷

⁶ Характерно, что В. И. Родиславский переводит здесь «scrupules» как «предрассудки» (см.: Беседы в Обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1871. Вып. 3. С. 183).

⁷ Добавим, что пассаж, сходный с X строфой прежде всего по риторико-синтаксической форме, но отчасти и по содержанию, можно найти у Кребийона-сына, образцово либертинского писателя: «Que de transports! et qu'il connoissoit bien l'art de faire jouir des siens, ce qu'il aimoit, et de les lui faire partager! Que d'élo-

Заметим, кстати, что вторая часть этого пассажа также актуализируется в романе: она довольно близка по смыслу той проповеди, которую Онегин произнес в саду перед Татьяной («Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас»):

Mais lorsqu'on en est maître une fois, il n'y a plus rien à dire, ni rien à souhaiter, tout le beau de la passion est fini, et nous nous endormons dans la tranquillité d'un tel amour, si quelque objet nouveau ne vient réveiller nos désirs, et présenter à notre cœur les charmes attrayants d'une conquête à faire.

<Но когда ты своего достиг, когда уже нечего ни сказать, ни пожелать, то вся прелесть страсти исчерпана, и ты засыпаешь в мирном спокойствии этой любви, если только что-нибудь новое не разбудит вновь наши желания и не соблазнит твое сердце <притягательным очарованием будущей победы>. — фр.; пер. А. В. Федорова, с изменениями.>

В более радикальной форме подобные соображения представлены в «Сцене из Фауста» («Любви невольной, бескорыстной / Невинно предалась она... / Что ж грудь моя теперь полна / Тоской и скукой ненавистой?... / На жертву прихоти моей / Гляжу, упившись наслаждением, / С неодолимым отвращением...»⁸).

Идея, что «супружество — могила любви» — общее место, вошедшее в пословицу (*Le mariage est le tombeau de l'amour*) и чрезвычайно распространенное в самой разной литературе, от почтенного «Словаря» Бейля (статья «*Héloïse*») до анекдотов и фривольных

ges! et combien l'égarément où je paroissois le plonger, ne leur donnoit-il pas de prix! Avec quelle finesse il sçavoit attaquer ma pudeur, et me la faire oublier! Combien il paroit le désir, et comment il le faisoit naître! <...> qu'il étoit tendre, où tant d'autres ne sçavent qu'être ardents! <Сколько восторгов! и как хорошо владел он искусством заставить наслаждаться своими <восторгами>, что он так любил, и разделять их с ним! Сколько комплиментов! И насколько восхищение, в которое я, казалось, погружала его, повышало их цену! С какой утонченностью он умел атаковать мою стыдливость и заставить меня забыть ее! Как он украшал желание, и как он возбуждал его! <...> Как он был нежен в моменты, когда другие могут быть только пылками!>» (*Crébillon P. Jolyot de. Ah quel conte! Conte politique, et astronomique // Collection complete des Œuvres de M. de Crébillon le fils. Londres, 1772. Т. 4. Р. 428—429*). Разница между Пушкиным и Кребийоном очевидна: у Кребийона это слова дамы, с восторгом вспоминающей о конкретном любовном приключении, у Пушкина — ироническое описание определенного типического поведения, данное сторонним рассказчиком. Здесь никоим образом не утверждается, что сказка Кребийона была непосредственным источником пушкинского текста, но лишь демонстрируется некоторая общность манеры письма.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 101.

куплетов. Эта идея совершенно естественна для либертинажа: либертин независим не только мировоззренчески (относительно религии и морали), но и в своих отношениях к конкретным людям; прежде всего, он полностью свободен в своих любовных связях, поэтому, в частности, избегает брака. Любовный либертинаж оказывается связанным не только с антиморальным вольнодумством, но и с рационализмом Просвещения. В частности, «философ» стремится подчинить себе и полностью контролировать любовное чувство.⁹

2. Сам мотив «победа над предрассудками невинной девушки» в XVIII в. был уже более или менее общим местом, почти формульным. Вот пример из известного в свое время либертинского автора:

Selon lui, elle ne lui résistait depuis deux grands mois que parce qu'elle ne pouvait vaincre les préjugés de l'enfance; mais il se flattait qu'elle s'empresserait enfin de combler les vœux d'un homme de son mérite.

<Он полагал, что она сопротивлялась ему уже два месяца только потому, что не могла победить свои детские предрассудки;

⁹ «Человек Просвещения хочет расширить то, что Жан Старобинский обозначил как “опыт своей свободы”: он хочет понять и овладеть тем, что с ним происходит, подчиняться лишь тем законам, которые он признает, а лучше тем, которые он сам себе установил» (*Loubère S. L'Art d'aimer au siècle des Lumières. Oxford, 2007. P. 1. 2me pag.*). В этом либертин сходен с так называемым «философом». В словоупотреблении XVIII в. «философ» часто означает человека, ведущего спокойную жизнь наедине с книгами и избранными друзьями, не имеющего честолюбивых устремлений, не желающего связывать себя семейными узами и даже любовной страстью вне таковых; максимум, на что он согласен, — на «сладкую привычку» (*la douce habitude*; ср. сентенцию Пушкина о привычке — замене счастья). Литературные примеры многочисленны — от популярных произведений вроде «Женатого философа» («Le philosophe marié», 1727) Нерико-Детуша (где само название пьесы является комическим оксюмороном) до малоизвестных посредственных сочинений. У Кребийона Танзай говорит: «...à vous parler franchement, le cœur n'est souvent qu'une chimère; <...> je suis devenu Philosophe là-dessus <...откровенно говоря, сердце [чувство] часто всего лишь химера <...> в этом я стал философом. — фр.>» ([*Crébillon P. Jolyot de*]. Tanzaï et Néadarné, Histoire Japonaise. Pékin [Paris], 1734. T. 2. P. 203) — и здесь «философ», отрицающий роль «сердца», то есть искреннего чувства, смыкается с либертином. Определение *philosophique* могло служить синонимом или эвфемизмом слишком негативно окрашенного *libertin*: «C'étoit un Seigneur de beaucoup d'esprit, mais dont les mœurs ont passé quelquefois à la Cour pour trop philosophiques <Это был вельможа большого ума, но чьи нравы считались порою при дворе слишком философическими>» (*Mémoires secrets pour servir à l'Histoire de la République des Lettres en France depuis M.DCC.LXII jusqu'à nos jours <...>. Londres, 1777. T. 4. P. 120 [запись от 15 сентября 1768 г.]*).

но он льстил себе, что она наконец поспешит угодить желаниям столь знатного человека. — *фр.*>¹⁰

Параллельное место имеется также в «Искусстве любви» Гужа де Сессьера (*Gouge de Cessières*; 1724–1782?) (в форме совета):¹¹

*Etouffez les clameurs d'un préjugé frivole,
Jurez-lui mille fois que plus vif & plus beau,
Votre feu toujours pur vivra jusqu'au tombeau <...>
Pleurez, le tendre Amour se complait dans les larmes...*¹²

<Заглушите роптание легковесного предрассудка, клянитесь ей, что всегда чистое пламя вашей <любви> будет гореть до могилы все ярче и прекрасней <...> Плачьте, нежному Амуру угодны ваши слезы... — *фр.*> (ср. у Пушкина: «...взор его <...> порой / Блистал послушною слезой» — VI, 9).

3. С «искусством любви» непосредственно связана еще одна строка, вполне вписывающаяся в либертинскую традицию: *Давать уроки в тишине*.¹³

Как Овидиево «Искусство любви», так и его французские переводы и подражания — учебники любовного искусства, а учебник подразумевает уроки. В латинском оригинале (*Ars Am.* II, 161–163) поэт говорит: «Non ego divitibus venio praesorptor amandi» («Не к богатым прихожу я как учитель любви <чтобы учить любви>»), поясняя, что богатым не нужно обучать искусству соблазнения, у них и так есть самый убедительный аргумент — деньги. Слова

¹⁰ *Nougaret P. J. B. Les Dangers De La Seduction, Et Les Faux-Pas De La Beauté, Ou Les Aventures D'Une Villageoise Et De Son Amant: Où se voit une peinture fidelle et animée des ridicules et des travers du Monde. Paris, An VII [1798]. T. 1. P. 65.*

¹¹ Помимо переводов Овидиева «Искусства любви» во Франции было создано и несколько подражаний, адаптировавших античный текст к новой эпохе и новой культуре (им посвящена кн.: *Loubure S. L'Art d'aimer au siècle des Lumières. Oxford, 2007*). Поэма Жантиль-Бернара пользовалась наибольшей популярностью (ее упоминает и Набоков в комментарии к строфе XI), но здесь нам интереснее версия Гужа де Сессьера.

¹² [*Gouge de Cessières F. E.*] *L'Art d'Aimer: Nouveau Poème: En Six Chants. Ed. fidèle et complete, enrichie de Figures. Londres, 1750. P. 37, 38.*

¹³ Ср. посвященную этому стиху главу в книге: *Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования. М., 2012. С. 172–192.*

«уроки» у Овидия нет, оно появляется в переводах. Так, в неоднократно издававшемся переводе Массона де Сент-Амана (Masson de Saint-Amand; 1756—?) говорится: «Ce n'est point aux riches que je prétends *donner ici des leçons d'amour* <Не богатым собираюсь я давать здесь уроки любви. — *фр.*>». ¹⁴ Почти так же передан этот стих в издании Понслена: «Ce n'est point aux riches que je viens *donner des leçons d'amour*». ¹⁵

Выражение «давать любовные уроки» было формулой, распространенной и в оригинальной французской поэзии. У Ла Мотта (La Motte; 1672—1731) на эту тему есть целая ода «Удовольствие обучать» («Le Plaisir d'instruire»):

Autrefois la charmante Hortense
Dont mille amans formoient la cour,
Par une heureuse préférence
Me donna des leçons d'amour.

Par elle j'appris l'art de plaire,
Ces transports, ces empressements,
Ces petits soins, la grande affaire
Et le grand sçavoir des amants.

Elle m'avoit instruit a peine
De *ces doux mysteres d'amour*,
Qu'aussi-tôt à la jeune Ismene
J'en fis des leçons à mon tour.

Mais en l'instruisant comme on aime,
Que j'aimois a voir ses progrès !
Le plaisir d'apprendre <d'être instruit> moi-même
Avoit eu pour moi moins d'attraits.

Ismene eût toute ma tendresse,
Et mon élève à mes regards

¹⁴ Traduction nouvelle de l'Art d'aimer d'Ovide [par A.-N. Masson de Saint-Amand]. Paris, 1784. P. 56.

¹⁵ Œuvres complètes d'Ovide; Traduites en français; Auxquelles on a ajouté la vie de ce poëte; les Hymnes de Callimagne; le *Pervigilium Veneris*; L'Épître de Lingendes sur l'exil d'Ovide; et la traduction en vers de la belle Élégie d'Ovide sur son départ, par Le-Franc de Pompignan, Edition imprimée sous les yeux, et par les soins de J. Ch. Poncelet. Paris, 1799. T. 4. P. 231.

Fut plus chere que la <ma> Maitresse
C'en est ainsi dans tous les arts.¹⁶

<Когда-то очаровательная Гортензия, за которой ухаживала тысяча поклонников, счастливым образом предпочтя меня, дала мне уроки любви.

У нее я научился искусству нравиться, восторгам, настойчивым ухаживаниям, заботливости, великому любовному делу и знанию.

Едва она обучила меня этим *сладким таинствам любви*,¹⁷ как я, в свою очередь, дал урок юной Исмене.

Но, уча ее любви, как я любил смотреть на ее успехи! Удовольствие от моего собственного обучения было меньше.

Исмена получила всю мою нежность, и теперь моя ученица стала мне дороже Учительницы (Любовницы); так бывает во всех науках. — *фр.*>

Приведем и другие примеры:

Cependant la Marquise étoit innocente, & en attendant avec impatience l'heure de nôtre rendés-vous, elle se preparoit à me *donner une leçon d'amour*, car elle ne savoit rien de ce qui étoit arrivé.¹⁸

<Между тем Маркиза была ни в чем не замешана и, ожидая с нетерпением нашего свидания, готовилась преподавать мне любовный урок, ибо ничего не знала о случившемся. — *фр.*>

В «Ужинах Мома» («Les soupers de Momus») предлагается давать уроки не скрываясь, распевая любовные куплеты (и делая вид, что они никому из присутствующих не адресованы):

Avec eux on peut chaque jour,
A jeune beauté qui sait plaire,
Donner une leçon d'amour,
Même en présence de sa mère.¹⁹

¹⁶ La Motte, A. Houdar de. Odes de M. de La Motte de l'Academie Française: Avec un Discours sur la Poësie en général, et sur l'Ode en particulier. 4me éd., augmentée de plusieurs Ouvrages. Paris, [1714]. Т. 2. Р. 239—240. В угловых скобках даны варианты, встречающиеся в других изданиях.

¹⁷ Многократно встречающуюся у французских литераторов формулу *doux mystères de l'amour* Пушкин употребил в стихотворении «19 октября 1827»: «И в сладких таинствах любви» (III, 80).

¹⁸ Minutes perduës ou histoire amoureuse et galante du Marquis de ***. Vene-pole, 1766. Р. 34.

¹⁹ Les soupers de Momus. Recueil de Chansons inédites, pour 1818. 5e Année de la Collection. Paris, 1818. Р. 188.

<С ними можно каждый день для юной красавицы, умеющей нравиться, давать уроки любви, даже в присутствии ее матери. — фр.>

Та же формула есть во французском переводе Байрона («Дон Жуан», песнь V, строфа СХХII), сделанном А. Пишо (Pichot; 1795—1877) (точнее, в его поздней редакции):

...et, comme d'ailleurs elle risquait la mort en voulant donner en agréable tête-à-tête des leçons d'amour...²⁰

<...и так как она еще и рисковала жизнью, желая дать во время приятного свидания уроки любви... — фр.>

При этом в английском тексте никаких «уроков» нет, а есть, как в Овидиевом оригинале, *tutor in love's ways* = *praeceptor amandi* (Am. II, 161) или *praeceptor Amoris* (Ibid. II, 497):

...And as she also risk'd her life to get
He whom she meant to tutor in love's ways
Into a comfortable tête-à-tête...²¹

<...и так как она еще и рисковала жизнью, чтобы устроить уютное свидание с тем, кого собиралась обучать любви... — англ.>

Сходное выражение встречалось уже и в переводе I песни (строфа LXXXI), опубликованном в 1820 г.:

...quelles douces leçons recevra don Juan de l'amour et de son amie!²²

<...сколь сладкие уроки получит дон Жуан от любви и от своей подруги! — фр.>

Наконец, еще пример (немного более поздний), где выражение «donner une leçon d'amour» прямо означает соращение невинности:

²⁰ Byron G. G. Œuvres / Traduction de M. Amédée Pichot... Paris, 1830. Т. 5. Р. 249. В первой версии перевода: «en voulant donner une leçon de tête-à-tête = желая дать урок свидания» (Byron G. G. Œuvres complètes / Traduites de l'anglais par M. A.-P. 3me éd., entièrement rev. et corrigée. Paris, 1822. Т. 9. Р. 155).

²¹ Byron G. G. Don Juan. Cantos III, IV, and V. London, 1821. [Vol.] 2. Р. 196.

²² Byron G. G. Œuvres complètes / Traduites de l'Anglais par A. E. de Chastopalli [i. e. A. Pichot et E. de Salle]. 2me éd., rev., corrigée et augmentée de plusieurs poèmes. Paris, 1820. Т. 2. Р. 116. Слова «de l'amour» сохранялись до третьего издания (Paris, 1821. Т. 6. Р. 37), а в следующих изданиях были убраны.

...Et cette femme, à laquelle il prétend nous intéresser, pourquoi la peindre complice des affreux calculs de son mari, se livrant à trois ou quatre amans sous les yeux de sa propre fille, et finissant par *donner une leçon d'amour* au fils de son amie et de sa bienfaitrice, à un jeune homme de dix-sept ans!²³

<А эта женщина, к которой у нас пытаются вызвать сочувствие, зачем изображать ее сообщницей отвратительных интриг ее мужа, отдающейся трем или четверем любовникам на глазах собственной дочери, и в довершение дающей любовный урок сыну своей подруги и благодетельницы, молодому человеку семнадцати лет! — фр.>

4. Следующая строка не имеет, казалось бы, отношения к либертинажу: «В сердечных письмах как небрежен!»

Но тут уместно напомнить, что преднамеренная небрежность стиля была стилистическим приемом, который в XVII и XVIII вв. являлся предметом рефлексии и обсуждался многократно. Статья «Небрежность» в «Универсальном словаре» А. Фюретьера (Furetière; 1619—1688) обсуждает как раз эпистолярный жанр:

Les lettres de Voiture sont admirables avec les négligences qu'on y remarque; mais quand ces négligences n'y seroient pas, on ne les admireroit peut-être pas moins.²⁴

<Письма Вуатюра восхитительны, с небрежностями, которые в них замечаешь, но, может быть, ими не меньше восхищались бы и без этих небрежностей. — фр.>

Фюретьер почти в точности воспроизводит здесь слова Доминика Буура (Bouhours; 1628—1702), неодобрительно перечислявшего «небрежности» Вуатюра в своем трактате «Сомнения по поводу французского языка».²⁵

Приведем еще пример определенно одобрительной оценки «небрежного стиля»:

Je sçai que la methode scrupuleuse, l'art trop marqué, l'exacritude contrainte, sont des défauts dans la composition. Je suis persuadé, plus

²³ Revue d'Alsace. Strasbourg, 1834. Т. 1. Р. 123 (рецензия на кн.: Lavater L. Henri Farel, roman alsacien. Paris, 1834; подпись: Ludwig C.).

²⁴ Furetière A. Dictionnaire universel: contenant generalement tous les mots françois tant vieux que modernes, & les termes des sciences et des arts... La Haye; Rotterdam, 1701. Vol. 2. [s. p.] (Article «Négligence»).

²⁵ Bouhours D. Doutes sur la langue françoise, proposez à Messieurs de l'Académie françoise. Avignon, 1674. Р. 239—240.

que vous ne paroissés l'être, qu'il y a pour le stile <sic!> une *heureuse négligence*, qui a des graces.²⁶

<Я знаю, что скрупулезность метода, слишком подчеркнутое владение мастерством, принужденная точность суть недостатки сочинения. Я убежден, кажется, более, чем вы, что бывает стилистическая счастливая небрежность, со своей грацией. — *фр.*>

В пушкинском романе «небрежность» представлена как прием не столько стилистический, сколько риторический, прагматический, как часть онегинской либертинской тактики соблазнения (небрежность стиля должна восприниматься адресатом «сердечного письма» как проявление искренности чувства).

5. В строфе XII есть и прямая отсылка к либертинской литературе: стихи 9–10 («Его ласкал супруг лукавый, / Фобласа давний ученик») не только описывают поведение, соответствующее французской либертинской модели, но прямо отсылают к роману о «последнем либертине» (определение Мишеля Крузе²⁷).

Здесь уместно напомнить, что под либертинажем зачастую понимают определенную стратегию покорения женщин, стратегию, заранее продуманную и хладнокровно осуществляемую, в которой нет места не только страсти, но и любовной склонности или привязанности, никакому чувству, даже состраданию (напоминаю, что речь здесь идет о литературных персонажах).

Основной моделью либертина, по мнению многих исследователей, должен служить Версак, персонаж романа Кребийона «Заблуждения ума и сердца» («*Les Égaréments du cœur et de l'esprit*»). Кребийоновский либертинаж описывают как искусство систематической рационализации любовного опыта, сопровождающееся двуличностью и стремлением подчинить себе жертву.²⁸ Именно так определяется либертинаж XVIII в. в «Словаре старого режима»:

...либертин использует любовь, чтобы за счет соблазненной женщины обеспечить триумф своих фантазий, возводит непостоянство и лицемерие в принцип ради своих чувственных удовольствий и ради своего тщеславия, ничего не оставляя чувству. Это искусство

²⁶ Hongnant C. R. *Lettres à Monsieur l'Abbé Houtteville, au sujet du livre De la Religion chrétienne prouvée par les faits*. Paris, 1722. P. 100.

²⁷ Louvet de Couvray J. B. *Les Amours de Chevalier de Faublas, précédé de: Le dernier des libertins par Michel Crouzé*. Paris, 1966.

²⁸ Dornier C. *Le discours de maîtrise du libertin: Etude sur l'œuvre de Crébillon fils*. Paris, 1994. P. 7, 12.

во высокой стратегии, основанной на светском опыте, владении языком, не оставляющим места для неопределенности, <это> строгий анализ механизмов любви и желания <...> если либертин, за счет некоего аскетизма, дающего ему полный самоконтроль, наслаждается своим превосходством, его триумф питается унижением его жертвы.²⁹

Подобная стратегия требовала, естественно, виртуозного умения носить выбранную маску, определять и играть наиболее выигрышную в данный момент роль. Важность такого умения подчеркивается как у Кребийона (в монологе Версака), так и у Шодерло де Лакло (Choderlos de Laclos; 1741–1803) (когда мадам де Мертей в LXXXI письме уподобляет политике свое искусство либертинской интриги). Сходным образом, согласно пушкинскому описанию, ведет себя и Онегин.

Представляется, однако, что есть разница между поздней либертинской литературой типа Лакло (а в пределе — маркиза де Сада) и романами первой половины — середины XVIII в., в частности некоторыми романами Кребийона. Либертины, созданные Лакло, целенаправленно лицемерят, потому что им так удобнее ловить жертву. Классический же соблазнитель кребийоновской эпохи превращает свой «предмет» не в жертву, но, к обоюдному удовольствию, в нового адепта либертинажа.³⁰ Цитированное определение обобщает некоторые манифесты литературных либертинов (например, Версака), но не соответствует другим, не менее популярным изображениям либертинажа, приводящего героев (и даже более женщин, чем мужчин) к счастливой жизни (укажем хотя бы «Терезу-философа» («Thérèse philosophe») маркиза д'Аржанса (d'Argens; 1704–1771) или роман Андреа де Нерсиа (Nericiat; 1739–1809) «Фелиция, или Мои любовные шалости» («Félicia, ou Mes fredaines»)). Французская литература создала образы как жестоких, так и взаимно счастливых либертинов, так что наряду с либертинажем бесстра-

²⁹ *Hours B. Libertinage // Dictionnaire de l'Ancien Régime: Royaume de France, XVIe – XVIIIe siècle, sous la direction de Lucien Bély. Paris, 1996. P. 735–736.*

³⁰ Один из кребийоновских либертинов говорит: «...la chose du monde que j'ai toujours le plus detesté, & qui est en effet la plus indigne d'un honnête homme, est de remporter sur les femmes, de ces triomphes qui les humilient <...что у меня вызывало больше всего отвращения и что в самом деле более всего недостойно честного человека — это одержать над женщиной победу, которая ее унижит. — *фр.*>» (*Crébillon P. J. de. Collection complète des Œuvres. Londres, 1777. T. 9. P. 94*). О «беззаботном поколении» 1730-х гг. и отсутствии жестокости у раннего Кребийона см.: *Sturm E. Crébillon fils et le libertinage au dix-huitième siècle. Paris, 1970. P. 83.*

стного расчета существует и либертинаж «счастливого момента», лишенный какой-либо продуманной стратегии. Он обычно сочетается с принципиальной эфемерностью коллекционируемых любовных связей:

Особенность нового вида любовной связи, то, что отличает ее от брака (религиозно-правового договора, в принципе ненарушимого) и от страсти, объявленной отныне древней, старомодной, исчезнувшей (несокрушимого сентиментального пакта, изобретенного литературой и начинающего распространяться вне ее), — это, несомненно, недолговечность. Главное в определении связи то, что она склоняется во множественном числе. Любая связь влечет за собой другую, они взаимозаменяемы и даже совместимы.³¹

Поведение Евгения Онегина прекрасно иллюстрирует переход именно к такому виду либертинажа (строфа X главы IV):

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На вист вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.
(VI, 76–77)

Здесь можно наблюдать некоторую эволюцию если не характера, то типа поведения: от активного и заинтересованного соблазнения, от либертинской охоты к рутинному волокитству, которое порождает скуку. Речь идет не об «английском сплине», а о сугубо французском недуге, следствии либертинажа, как свидетельствует д'Аламбер (d'Alembert; 1717–1783) в «Похвальном слове Кребийону» («Éloge de Crébillon»):

³¹ Goldzink J. A la recherche du libertinage. Paris, 2005. P. 69.

<Crébillon> fils, dans des Romans pleins d'esprit, & dictés par une connoissance profonde de tous les replis honteux du cœur humain, a tracé du pinceau le plus délicat & le plus vrai les raffinemens, les nuances, et jusqu'aux graces de nos vices; cette légèreté séduisante qui rend les François ce qu'on appelle *aimables*, et ce qui ne signifie pas *dignes d'être aimés*; *cette activité inquiète qui leur fait éprouver l'ennui jusqu'au sein du plaisir même*; cette perversité de principes, déguisée et comme adoucie par le masque des bienséances; enfin nos mœurs, tout-à-la-fois corrompues et frivoles, où l'excès de la dépravation se joint à l'excès du ridicule.³²

<<Кребийон>-сын, в романах, полных ума и продиктованных глубоким знанием всех постыдных извилих человеческого сердца, написал самой нежной и правдивой кистью тонкости, оттенки и самые прелести наших пороков; эту соблазнительную легкость, которая делает французов, что называется, *любезными*, это не значит *достойными любви*; *эту беспокойную деятельность, которая заставляет их испытывать скуку на самом лоне наслаждения*; эту извращенность принципов, переодетую и как бы смягченную маской приличия; наконец, наши нравы, одновременно испорченные и легкомысленные, в которых избыток развращенности соединяется с избытком нелепости. — фр.>

Это наблюдение д'Аламбера заставляет вспомнить еще и «Сцену из Фауста». Пушкинский Фауст «испытывает скуку на самом лоне наслаждения», в точном соответствии с диагнозом французского энциклопедиста:

Когда красавица твоя
 Была в восторге, в упоенье,
 Ты беспокойною душой
 Уж погружался в размышленье
 (А доказали мы с тобой,
 Что размышленье — скуки семя).
 <...>
 Что ж грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой?..
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьем,
 С неодолимым отвращеньем...³³

³² D'Alembert J. *le Rond*. Éloges lus dans les séances publiques de l'Académie française. Paris, 1779. P. 476.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 101.

6. Еще одна формула (из той же строфы X главы IV), которую нередко использовали для характеристики упадка нравов:

Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья...

«*S'aimer sans plaisir, se quitter sans regrets* <любить друг друга без удовольствия, покидать друг друга без сожалений. — фр.>» — выражение, ставшее в XVIII в. почти фразеологизмом:

*S'aimer sans plaisir, se livrer sans combat, se quitter sans regrets, traiter le devoir de faiblesse, l'honneur de préjugé, la délicatesse de fadeur, telles étaient les mœurs du temps: la séduction avait son code, et l'immoralité était réduite en principes.*³⁴

<Любить друг друга без наслаждения, отдаваться без боя, оставлять друг друга без сожаления, считать долг слабостью, честь — предрассудком, деликатность — пошлостью, — таковы были нравы того времени; у соблазнения был свой кодекс, аморальность сводилась к принципам. — фр.>

*J'ai beaucoup de connoissances, beaucoup de très-humbles serveurs & de très-humbles servantes, que je vois sans plaisir, & que je quitte sans regret.*³⁵

<Я знаю многих «покорнейших слуг» и «покорнейших служанок», которых я вижу без удовольствия и покидаю без сожаления. — фр.>

On hait aussi légèrement qu'on aime. On se prend sans se connaître, on vit ensemble sans s'aimer, et on se quitte sans regret.³⁶

<Мы ненавидим с такой же легкостью, как и любим. Мы сходимся, не зная друг друга, живем вместе без любви и расстаемся без сожаления. — фр.>

Выражение это использовалось первоначально при иронических описаниях монастырского существования. Жан-Огюст Жюльен, писавший под псевдонимом Desboulmiers, называет его провербиальным («*dictum proverbiale*») и прилагает к жизни актрис:

³⁴ Campan J. L. H. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette, reine de France et de Navarre. Paris, 1822. P. XIX. 1re pag.

³⁵ Lettres de Madame la Marquise de Pompadour depuis 1753 jusqu'à 1762 inclusivement. Londres, 1773. Part 1. P. 15.

³⁶ Les Quatre saisons du Parnasse, ou Choix de poésies légères depuis le commencement du XIXe siècle. 3me année. Été. Paris, 1807. P. 199.

Ils s'assemblent sans se connoître
Vivent ensemble sans s'aimer,
Et se quittent sans se regretter.³⁷

<Они объединяются, не зная друг друга, живут вместе, не любя друг друга, и покидают друг друга без сожаления. — *фр.*>

Наконец, в сатирической утопии Никола де Ла Димери обсуждаемая формула сопровождается поучением «*Sur-tout n'aimez point*» (ср.: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей»):

*Sur-tout n'aimez point. Une liaison parmi nous n'est guère qu'un essai. On se prend sans goût, sans regret on se quitte, et rarement l'un des deux s'aperçoit de la rupture.*³⁸

<Главное, не любите. У нас <любовная> связь — всего лишь проба. Мы сходимся без желания, без сожаления расстаемся, и редко когда один из двоих замечает разрыв. — *фр.*>

7. Овидиево «Искусство любви» и его французские подражания содержат подробные рассуждения о том, где лучше всего начинать и вести любовную интригу. Обмениваться любовными посланиями — письменными и устными — легче там, где открыто собирается общество. Поэтому мотив посещения разнообразных публичных мест (театра, балов, мест отдыха) получает эротические (в широком смысле) коннотации.

В пушкинском романе картина театра не имеет обычного либертинского контекста: Онегин не ведет в нем никакой интриги, выступая в этом случае как скучающий холодный денди. Однако следы эротической французской поэзии можно усмотреть и здесь. Так, *Онегин полетел к театру*, как будто в точности последовав совету из уже цитировавшегося «Искусства любви» Гужа де Сессьера: «*Amans, volez en foule à ces rompreux spectacles* <Любовники, летите толпой на эти пышные зрелища. — *фр.*>». ³⁹

Более либертински окрашенной оказывается бальная тема. Некоторые элементы тактики либертинажа раскрываются в ирониче-

³⁷ [Jullien J. A.] Honny soit qui mal y pense: ou histoire des filles célèbres du XVIIIe siècle. Part 1—2. Londres, 1761. P. 64.

³⁸ *La Dixmerie N. Bricaire, de. L'Isle taciturne et l'isle enjouée, ou Voyage du génie Alaciel dans ces deux isles.* Amsterdam, 1759. P. 107.

³⁹ [Gouge de Cessiure F. E.] *L'Art d'Aimer: Nouveau Poëme: En Six Chants.* P. 30.

ском предостережении, адресованном тем, кому положено охранять от соблазнов предполагаемую невинность (XXIX строфа первой главы):

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги.
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маминьки, построже
За дочерьми смотрите вслед...
(VI, 17)

Параллельное место из «Аморальных сказок» («Contes immoraux») принца де Линя (Ligne; 1735—1814) (Беседа восьмая) показывает, что и здесь Пушкин мог опираться на французскую либертинскую традицию, на сей раз позднюю:

Parents faciles et confiants, mères débonnaires, benins époux qui faites les gais! c'est vous que j'avertis; sachez m'en gré: et craignez les soirées de l'automne à la campagne.⁴⁰

<Уступчивые и доверчивые родители, снисходительные матери, благодушные супруги, изображающие веселость! Вас я предупреждаю; будьте мне благодарны и опасайтесь осенних вечеров в деревне. — фр.>

8. XXXII строфа содержит эротико-либертинский намек на возможное завоевание обладательницы прекрасных ножек:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоценимую награду,

⁴⁰ *Ligne Ch. J. Lamoral, Prince de. Contes immoraux // Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires. A mon Refuge sur le Leopoldberg près de Vienne; Dresde, 1801. Т. 23. Р. 159.* Было также анонимное пиратское отдельное издание (*Contes immoraux. Londres, 1802*), с сохранением пагинации.

Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
(VI, 18)

Этот мотив имеет, как и следовало ожидать, параллели во французской либертинской литературе. Уже Б. В. Томашевский в 1930 г. обнаружил разительное сходство цитированных строк Пушкина с пассажем из новеллы Ретифа де ла Бретонна (*Restif de La Bretonne*; 1734–1806) «Красивая ножка» («*Le Joli Pied*») (новелла XXXII из «Современний, или Приключений самых красивых женщин нынешнего века»).⁴¹

Стоит добавить, что рассуждения Ретифа (сами восходящие, надо полагать, к Брантому, автору трактата о женских ножках⁴²) быстро сделались общим местом легкой поэзии. Наибольшее сходство с ними представляет, видимо, пара строф из песенки Де Гранжа (*Des Granges*):

Mes chers amis, selon ses vœux,
chacun chante ce qu'il préfère;

⁴¹ Томашевский Б. В. Маленькая ножка // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 76–78. Приведем соответствующую цитату из Ретифа, в его своеобразной орфографии: «Saintepallaie avait un goût particulier, & tous les charmes ne faisaient pas sur lui une égale impression: une jolie figure plaisait à tout le monde; & partout, hors en Espagne, une belle gorge <a> son prix: une taille suelte & légère, une belle main flattait son goût: mais le charme auquel il était le plus sensible, celui qui lui causait ce frémissement involontaire & délicieux qui remue toutes les fibres, c'était un joli piéd: rien dans la nature ne lui paraissait audessus de ce charme séduisant, qui semble en-effet annoncer la délicatesse & la perfection de tous les autres appas» (*Restif de La Bretonne N. E. Le Joli Pied // Contemporaines, ou Avantures des plus jolies Femmes de l'âge présent. Leipsick, 1780. Vol. 5. P. 204*). Перевод Томашевского, с изменениями: «Сентпалле обладал особенным вкусом, и не все прелести производили на него одинаковое впечатление. Красивое лицо нравится всем, везде — кроме Испании — красивая грудь имеет свою цену; стройная и легкая фигура, красивая ручка были ему по вкусу; но то, что действовало на него живее всего, что причиняло ему непроизвольную и восхитительную дрожь во всех жилках, была красивая ножка: в его глазах ничто на свете не превосходило этой соблазнительной прелести, как бы возвещающей нежность и совершенство всех прочих красот» (Томашевский Б. В. Маленькая ножка. С. 77).

⁴² *Branthôme P. Discours sur la beauté de la belle jambe et de la vertu qu'elle a // Œuvres complètes de Pierre de Bourdeilles, abbé et seigneur de Branthôme. Paris, 1891. T. 11. P. 337–359.* Ср. также: Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Вегн, 2008. С. 132–133. О метонимическом значении «ножки» см. в комментарии Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина к «Сказке о Царе Никите»: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2, кн. 2. С. 953–954.

vous avez célébré les yeux,
souffrez que de vous je diffère;
vantez les yeux dans vos chansons,
moi, je suis pour les pieds mignons.

<...>

Bijoux charmans, présent des Dieux,
en révélant un doux mystère,
vous êtes le présage heureux
des plaisirs qu'on goûte à Cythère!
Mortels, chérissez tous les dons
qu'Amour attache aux pieds mignons.⁴³

<Друзья, каждый, по желанию, воспеваает то, что предпочитает; вы славили глаза, потерпите, что я <буду петь> иное; хвалите глаза в своих песнях, я буду воспевать крохотные ножки.

Очаровательные сокровища, дар богов, раскрывая сладкую тайну, вы — счастливое предвестие наслаждений, которые вкушают на Кифере! Смертные, цените дары, которые Амур соединяет с крохотными ножками. — *фр.*>

В одной из строф этой французской песенки речь идет о танце; пушкинское отступление о ножках также отвечает от бальной темы (о ее либертинской составляющей только что говорилось); метонимический переход от танца к его «инструменту» происходит совершенно естественно.

Сходные пассажи есть и у других французских поэтов, например в песенке «Маленькие ножки Лизы» («Les petits pieds de Lise») автор (Monperlier) отдает ножкам предпочтение перед другими соблазнительными членами (ср. первые строки цитированной выше строфы «Онегина»):

Qu'un autre chante de Délie
Le corsage et la blanche main,
Les bras ou la jambe arrondie,
Les beaux yeux, la bouche et le sein;
Je veux chanter
Et répéter
Qu'avec ses pieds, Lise a fait ma conquête...⁴⁴

⁴³ Des Granges J. Les Pieds mignons: A. M. B.: Chanson faite à l'occasion de plusieurs autres, pour et contre les yeux noirs et les yeux bleus // Almanach des Muses. 1785. P. 185–186.

⁴⁴ Le Caveau moderne... Paris, 1813. Vol. 7. P. 98–100.

<Пусть другой поэт стан и белую ручку <main> Делии, руки <bras> или округлую ногу <jambe>, прекрасные глаза, рот и грудь; я буду петь и повторять, что Лиза покорила меня своими ножками <pieds>... — *фр.*>

9. Некоторые пассажи из «Онегина» явно свидетельствуют о влиянии французской либертинской литературы, хотя сами по себе и не носят либертинского характера. Таковы, например, XVIII и XIX строфы второй главы:

Смирненные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.
<...>
В любви считаясь инвалидом...
(VI, 39)

В черновике Пушкин записал французские стихи, которые Набоков верно идентифицировал как цитату из Парни (Parny; 1753—1814):

Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes,
Et leur parle encor du métier.⁴⁵

<И я похож на старого воина, который встречает собратьев по оружию и опять говорит с ними о <военном> ремесле. — *фр.*>

Хотя поэт привел в черновике лишь строки Парни, ему почти наверняка были знакомы и другие произведения, где любовник упо-

⁴⁵ Parny E. 1) Coup d'œil sur Cythère (1787) // Parny E. Œuvres. Paris, 1808. T. 2. P. 200—201; 2) Radotage, A mes Amis // Œuvres complètes du Chevalier de Parny. Paris, 1788. T. 2. P. 175. Nabokov V. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary. London, 1964. Vol. 2: Preliminaries and Chapters One to Five. P. 267—268; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 249—251.

доблен солдату. Некоторые пассажи текстуально даже ближе к цитированному фрагменту «Онегина», нежели стихи Парни.

В либертинской новелле Гиара де Сервинье (Guiard de Servigné; 1723–1780) «Звонки, или Мемуары маркиза де***» («Les Sonnettes, ou Mémoires de Monsieur le Marquis D'***») один из персонажей признается, что единственное оставшееся ему утешение — это слушать чужие рассказы о любовных наслаждениях, подобно ветеранам, слушающим в уголке у очага повествование о битвах, в которых они сами уже не могли участвовать. Этот пассаж довольно близок к XVIII строфе второй главы «Онегина»:

Jusqu'où va, dit-il, mon infortune! je ne cherche plus de consolation que dans le récit des plaisirs d'autrui; semblable à ces vétérans, qui, au coin de leurs foyers, entendent le détail d'un siège où ils n'ont pu se trouver, leur joie est mêlée d'amertume; la mienne est de cette nature.⁴⁶

<Как велико, — говорил он, — мое несчастье! У меня нет другого утешения, как слушать рассказы о чужих наслаждениях; подобно тем ветеранам, которые, сидя у своего очага, слушают подробности осады, в которой они не могли участвовать; их радость смешана с горечью, подобно моей. — *фр.*>

В отличие от строк Парни, выписанных Пушкиным, здесь ветеран не сам говорит другим о войне («Et leur parle encor du métier»), но, как и онегинский «инвалид», *клонит слух прилежный* к чужим рассказам.

Само же выражение «инвалид любви»⁴⁷ присутствует в явном виде как в названии, так и в тексте песни «Инвалиды Амура (Любви)» («Les Invalides de l'Amour»), сочиненной Андреа де Нерсиа, автором известных либертинских романов:

Amis, il neige sur nos têtes.
A notre âge, plus de conquêtes:
Renonçons aux tendres desirs.
Abandonnés d'un dieu volage,
Quittons Cythère avec courage,
Et cherchons ailleurs les plaisirs.

⁴⁶ Guiard de Servigné J.-B.-M. Les Sonnettes, ou Mémoires de Monsieur le Marquis D'***, *Auxquels on a joint Histoire d'une Comédienne qui a quitté le Spectacle & l'Origine des Bijoux indiscrets*, Conte. Londres, 1781. P. 118.

⁴⁷ О значении слова «инвалид» см.: Зализняк А. А. Об эффекте ближней семантической эволюции // Philologica. 2012. Т. 9, № 21–23. С. 11–13.

Choisissez un bonheur durable.
Jamais ingrat, toujours affable,
Bacchus nous invite à sa cour.
Enrôlons-nous dans sa milice;
Ce dieu reçoit à son service
Les invalides de l'Amour.⁴⁸

<Друзья, на наши головы ложится снег. / В наши лета больше не будет любовных побед: / Откажемся от нежных желаний. / Покинутые непостоянным божком, / Решительно оставим Киферу / И будем искать наслаждения в другом месте. // Изберите продолжительное счастье. / Не бывающий неблагодарным, всегда приветливый, / Бахус приглашает нас к своему двору. / Завербуемся в его ополчение; / Этот бог принимает к себе на службу / Инвалидов Амура (любви). — *фр.*>

Мотив встречается и в более ранних сочинениях, причем иногда источник интересующего нас сопоставления называется прямо:

Comme Ovide le dit, tout Amant est soldat;
Et si cette Maxime est cruë,
La belle Iris a pû, sans attentat,
Faire passer ses troupes en revûë.⁴⁹

<Как сказал Овидий, каждый любовник — солдат; / И если верить этой максиме, / Прекрасная Ирида могла бы, кроме шуток / Устроить смотр своим войскам. — *фр.*>

Действительно, в конечном итоге сравнение любви с войной, а любовника с солдатом восходит к Овидию, чем и объясняется изобилие параллельных мест во французской поэзии. Это уподоб-

⁴⁸ Chansons choisies, Avec les airs notés. Londres, 1784. Т. 6. Р. 126—127. Добавим, что цитируемое издание содержит также песню Балада (Valade) «Солдат Киферы» («Le Soldat de Cythere») (Ibid. Р. 108—109):

De l'isle de Cythère,
Je suis un bon soldat;
Ce n'est qu'à Glycere
Que je livre combat...

<На острове Киферы / Я хороший солдат; / Только с Глицерией / Я сражаюсь... — *фр.*>

⁴⁹ La Suze H. de Coligny, Pelisson P. Recueil de Pièces galantes, en prose et en vers, de Madame la Comtesse de la Suze, et de Monsieur Pelisson, Augmentée de plusieurs Pièces nouvelles de divers Auteurs. Nouv. éd. Trevoux, 1725. Т. 1. Р. 62—63.

ление содержится в «Любовных элегиях» и «Искусстве любви»: *militat omnis amans* (Ам. I. 9); *militiae species amor est* (Ars am. II, 233).⁵⁰ В дальнейшем эти сравнения развивались и варьировались в разных «тональностях»: напыщенно, наивно, бурлескно и т. д. Современный Пушкину комментатор трактовал цитированные строки Овидия вполне в духе либертинского мироощущения галантного столетия:

L'amour est une véritable guerre, non pas, comme le dit lourdement un des commentateurs d'Ovide, à cause des disputes qui s'élèvent fréquemment entre les amans, mais bien parce que *l'art de se faire aimer exige des ruses et des stratagèmes qui ont plus d'un rapport avec ceux de la stratégie*.⁵¹

<Любовь — это настоящая война, не по причине, как неуклюже говорят комментаторы Овидия, частых ссор между любящими, но потому, что искусство заставить себя полюбить требует хитростей и стратагем, имеющих много общего с <военной> стратегией. — фр.>

* * *

Разумеется, поведение Онегина далеко не во всем вписывается в модель, даваемую либертинской литературой. Можно сказать, что иногда они отличаются по содержанию, совпадая по форме. Так, когда он проповедует Татьяне, мы видим характерную экспозицию: встреча в саду, беседа опытного соблазнителя с невинной девицей... но, нарушая читательские ожидания, соблазнитель не хочет воспользоваться «счастливым моментом» и ведет себя как *galant homme* (= *honnête homme*, честный человек), а не как *homme galant* (галантный ухажер). Однако способ, который он выбирает, чтоб *Ленского взбесить и уж порядком отомстить*, явно диктуется петербургским опытом либертина (по-видимому, достаточно богатым).

⁵⁰ Богатый материал о пушкинских аллюзиях на поэзию Овидия см. в статьях М. И. Шапира: 1) Пушкин и Овидий: Дополнение к комментарию: («Евгений Онегин», 7, LII, 1–2) // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 37–39; 2) Пушкин и Овидий: Новые материалы: (Из комментариев к «Евгению Онегину») // Elementa. 2000. Vol. 4, № 4. Р. 341–349. Однако то, что пушкинское сравнение Онегина с «инвалидом Амура» через французское посредство восходит к Овидию, кажется, до сих пор не отмечалось комментаторами.

⁵¹ *Œuvres complètes d'Ovide / Traduction nouvelle par MM. Th. Burette, Carresme, Chappuyzi, J. P. Charpentier, Gros, Héguin de Guerle, Mangeart, Vernadé. Paris, 1836. T. 3. P. 243.*

Вообще либертинаж — достаточно сложное и многообразное явление, различные его компоненты по-разному эволюционировали в обществе и по-разному изображались в литературе, которая не могла поэтому представить единую модель либертинского поведения. В VII строфе четвертой главы «Онегина» об этом явлении говорится с крайним презрением:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков.

(VI, 75)

Тем не менее для характеристики Онегина Пушкин неоднократно, как мы видели, пользуется приемами, почерпнутыми из французской либертинской литературы, и сам протагонист являет порой черты либертина.

Андрей Добрицын

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

Речь пойдет об одном стихе из одесских строф «Отрывков из путешествия Онегина».

*Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.*

Что устрицы? пришли! О радость!
 Летит обжорливая младость
 Глотать из раковин морских
 Затворниц жирных и живых,
 Слегка обрызгнутых лимоном.
 Шум, споры — легкое вино
 Из погребов принесено
 На стол услужливым Отоном;
 Часы летят, а грозный счет
 Меж тем невидимо растет.

(VI, 204)

Прислушавшись внимательно к первой, столь знакомой нам строке «Но мы, ребята без печали...», вдруг начинаешь ощущать, что для русского уха она звучит несколько странно, не совсем по-русски. Казалось бы, естественнее было бы сказать «беззаботные», «озорные», «веселые», «беспечные» ребята. Как-нибудь так. В выражении «ребята без печали» присутствует какая-то неправильность. Рассмотрим его с грамматической точки зрения. «Без печали» — это несогласованное определение к слову «ребята». Какие ребята? — без печали. Данное несогласованное определение выражено именем существительным в родительном падеже с предлогом «без», который в форме несогласованных определений обычно не используется. У Лермонтова («Была без радости любовь, / Разлука будет без печали») и у Блока («Они расстались без печали...») «без радости» и «без печали» являются не определением, а дополнением и потому не вызывают ощущения неестественности. Расстались без чего? — без печали. В то время как в пушкинском примере несогласованность определения со словом «ребята» как раз и придает строке некоторую странность. Поэтому «ребята без печали» представляется мне калькой. Это словосочетание можно рассматривать как один из галлицизмов, активно начавших пополнять русскую лексику с XVIII в. Пушкинский галлицизм оформлен в грамматической форме, свойственной французскому языку: с использованием несогласованного определения. Не соглашаясь с существительным («ребята»), он состоит из существительного («печаль») в родительном падеже с предлогом «без», что вполне естественно для французского языка и неестественно для русского.

Обратившись к комментариям к роману (Н. Л. Бродский, В. В. Набоков, Ю. М. Лотман), мы обнаруживаем, что стих «Но мы, ребята без печали...» в них не комментируется. Комментируются «устрицы», ожидаемые «от цареградских берегов», комментиру-

ется «услужливый» ресторатор Отон, входящие в эту же строфу, а «ребят без печали» нет. Не комментируется этот стих и в энциклопедических изданиях, посвященных «Евгению Онегину».¹ Ничего не пишут о нем в своей книге «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”» И. Г. Добродомов и И. А. Пильщиков, которые особое внимание уделяют иноязычным, заимствованным словам и «темным местам» пушкинского романа.² Поиск в словарях и справочниках, в том числе в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина,³ не приносит результата. В национальном корпусе русского языка «ребята без печали» упоминаются единственный раз в разделе поэтического корпуса с примером из «Евгения Онегина».

Признав, что «ребята без печали» — это галлицизм, причем чрезвычайно редкий, если не единичный (его можно назвать авторским галлицизмом), возникает необходимость в поиске его французского эквивалента.

Такой источник обнаруживается без особого труда — и в первую очередь в работах, посвященных позднему французскому средневековью. Ученые, занимающиеся этим периодом французской литературы и культуры, обычно не проходят мимо выражения «les enfants sans souci», что переводится как «ребята без хлопот, без забот, без печали». И во французской речи это звучит вполне естественно: *C'est un sans-souci* — это самый беззаботный, беспечный человек. Поэтому неудивительно, что авторы русскоязычных работ, пишущих о явлении «les enfants sans souci», обычно переводят это словосочетание как «беззаботные ребята», «беспутные ребята», «беспечные ребята».⁴ В середине и во второй половине XV в. так называлась парижская группа уличных актеров, которая продолжила традицию корпораций «дураков». В нее входили разные слои парижского населения: студенты, ремесленники, купцы, а также бродяги и различного рода маргиналы. Эта группа разыгрывала на улицах сатирические комедии *sotie*, ее члены вели беспутную жизнь, пьянствовали, устраивали скандалы, которые нередко заканчива-

¹ См.: Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии / Ред. М. В. Строганов. 2-е изд., испр., доп. Тверь, 2003; Онегинская энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 2004. Т. 1—2.

² См.: Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М., 2008.

³ См.: Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010.

⁴ Кстати, одно из значений слова *беспечный* — ‘без печали’, ‘веселый’ — происходит от слав. *печа* (‘печаль’).

лись поножовщиной и даже убийствами. По причине безобразного их поведения в 1612 г. деятельность «беспутных ребят» была запрещена.⁵

В текстах Пушкина выражение «*enfants sans souci*» отсутствует. Не удалось мне обнаружить это словосочетание и у литераторов пушкинского времени. Французское средневековье не слишком их интересовало, и потому люди, события и явления жизни этого периода не были им широко известны. В течение первых десятилетий XIX в. гораздо большее внимание уделялось авторам XVII и XVIII столетий.

И все же если Пушкин использует в своем творчестве галлицизм, по смыслу соотносящийся с выражением, означающим культурное явление XV в., то есть все основания предположить, что он опирается на какие-то уже известные к этому времени источники. И потому посмотрим, когда появился этот стих и что Пушкин мог знать ко времени его появления.

Стих «Но мы, ребята без печали...» входит в одну из одесских строф «Путешествия Онегина», написанных в 1825 г. в Михайловском и напечатанных в 1827 г. в «Московском вестнике» под названием «Одесса» как отрывок из седьмой главы «Онегина». ⁶ Этот отрывок не раз переделывался, и считается, что окончательно он был завершен в 1830 г. в Болдине. Однако интересующая нас строка была уже в «Московском вестнике», а это значит, что создана она в 1825 г. в Михайловском.⁷

Рассмотрим источники, в которых Пушкин мог встретиться с выражением «*enfants sans souci*». Не исключено, что Пушкин узнал его еще в Лицее. Главным и обязательным пособием лицейстов по французской литературе был «Лицей» Ж.-Ф. де Лагарпа (*Laharpe*; 1739–1803). Как пишет Б. В. Томашевский, в Лицее «настолярными книгами в преподавании были курс истории литературы ригористического приверженца классицизма Ж.-Ф. де Лагарпа и пособия по поэтике вроде “Французской поэтики” (“*Poétique française*”, 1804) Л. Домерона (*Domergon*; 1745–1807)». ⁸ «Лицей» Лагарпа был для лицейстов не просто учебным курсом. Это был непререкае-

⁵ См.: История западноевропейского театра / Под ред. С. С. Мокульского. М., 1959. Т. 1. С. 107–110.

⁶ Московский вестник. 1827. Ч. 2, № 6. С. 114–118.

⁷ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 389.

⁸ Место французской культуры в жизни и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. С. 345 (статья составлена по работам Б. В. Томашевского, с дополнениями).

мый авторитетный источник, о чем, в частности, вспоминает Кюхельбекер: «...одним только Лагарпом одобренные образцы имели у нас достоинство».⁹ Лагарп упоминает «беспутных ребят» в общем ряду с другими театральными труппами XV в., хотя и без каких бы то ни было подробностей: «Mon dessein n'est pas de faire l'histoire de ce qu'on appelle les premiers âges du théâtre français. On ne doit pas même donner le nom aux tréteaux des *confrères de la Passion, des enfants sans souci et des clercs de la Bazoche*».¹⁰ Но само выражение «enfants sans souci» вполне могло отложиться в сознании юного Пушкина, который, кстати, писал о Лагарпе в «Городке»: «Но часто, признаюсь, / Над ним я время трачу».¹¹

В какой-то мере еще в лицейские годы Пушкин был знаком и с Клеманом Маро (Clément Marot; 1496–1544). В 1814 или 1815 г. он написал стихотворение «Старик. (Из Марота)», представляющее собой переложение эпиграммы Маро «О себе» («De soi-meme»). А Маро входил в корпорации актеров-любителей, в том числе и в группу «беззаботных ребят», о которых написал «Ballade les enfants sans souci».¹²

Несколько более подробно, чем Лагарп, пишет о «беспутных ребятах» Ж.-Ф. Реньяр (Regnard; 1665–1709), посвятивший им полуторастраничную заметку «Des enfants sans souci».¹³ В библиотеке Пушкина было собрание сочинений Реньяра 1802 г., но когда эта книга была приобретена, неизвестно.¹⁴

Все перечисленное свидетельствует о том, что информация об *enfants sans souci* не была погребена где-то в культурной толще, а лежала на поверхности, и потому можно не сомневаться, что к 1825 г., когда создавалась строфа «Но мы, ребята без печали...», с выражением «enfants sans souci» Пушкин встречался не раз.

Таким образом, словосочетание «enfants sans souci» могло быть известным Пушкину по разным каналам. Одним из возможных ис-

⁹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 434. (Литературные памятники).

¹⁰ «В мои намерения не входит представлять историю того, что именуется начальной эпохой французского театра; не стоит называть этим именем балаганы, Братства Страстей, Беззаботных ребят и Клириков Базоши» (Laharpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1799. Т. 4. Р. 184; пер. М. Неклюдовой).

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 91.

¹² См.: Sainte-Beuve Ch.-A. Tableau historique et critique de la Poésie française au seizième siècle. Paris, 1828. Т. 1. Р. 258–260; Preisig F. Clément Marot et les métamorphoses de l'auteur à l'aube de la Renaissance. Genève; Droz, 2004. Р. 30.

¹³ Regnard J.-F. Œuvres. Paris, 1823. Т. 6. Р. 325–326.

¹⁴ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 319.

точников представляются и сведения о биографии Франсуа Вийона (Виллона или Вильона, как его тогда называли) (Villon; 1431 или 1432 — после 1463). Принадлежа вначале к парижской студенческой богеме, Вийон после исключения из университета ведет разгульную и бродячую жизнь. В стихах Вийона, написанных на воровском жаргоне (язык «кокийяров»), нередко находили указания на принадлежность автора к сообществу «Enfants sans souci».¹⁵

В начале XIX в. до русского читателя доходили весьма поверхностные сведения, источником которых были тексты французских авторов XVII—XVIII вв. Но внимание Пушкина в годы учебы привлекало не столько творчество, сколько имя Вийона. В качестве поэта русские читатели его знали мало, в то время как авантюрист и запутанность его биографии, экстравагантность личности, его бурные похождения провоцировали создание анекдотов о нем и приписывание ему чужих текстов. Как писал Б. В. Томашевский, «сведения, которыми располагал Пушкин о Вийоне, не выходят за пределы того, что говорится о нем у Буало и Лагарпа, но в общем, по-видимому, не свидетельствуют о близком знакомстве с его произведениями».¹⁶ И все же кое-что о Вийоне он знал, в частности по Реньяру, Лафонтену и даже Мольеру.

Наверняка знал Пушкин Вийона по «Поэтическому искусству» Буало (Boileau-Despréaux; 1636—1711), выделившего его на

¹⁵ Прежде всего, в качестве такого указания рассматривалось упоминание у Вийона «принца дураков» (Prince de Sots — персонаж фарсов и шутейный титул главы сообщества «Беспечальных ребят»), кроме того, знаменательно его обращение к товарищам по шайке — «galants sans souci» (так иногда называли и актерское сообщество «Enfants sans souci»). Однако до середины XIX в. прямое участие Вийона в названном сообществе постулировалось чрезвычайно редко (см., например, популярный сборник театрально-критических статей Шарля Депре де Буасси: *Desprez de Boissy Ch. Lettres sur les spectacles avec une histoire des ouvrages pour et contre les théâtres*. 7me éd. Paris, 1780. Т. 2. Р. 86—87). Более широкое хождение эта гипотеза приобрела с 1850-х гг., когда стал возрождаться интерес к беспутному французскому поэту (см., в частности: *Fabre A. L. Etudes historiques sur les clercs de la Bazoche*. Paris, 1856. Р. 199—203). В современной литературе это предположение подчас трактуется как доказанный факт.

¹⁶ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 99. Показателен пассаж Тынянова в романе о Пушкине: «В одной из книжек, отнятых у Пушкина, нашлись даже отрывки, озаглавленные: “Завещание”. Отрывки принадлежали площадному висельнику, парижскому богохулу, кабацкому повесе Франсуа Вильону, история которого была вкратце рассказана как анекдот» (Тынянов Ю. Н. Соч.: В 3 т. М., Л., 1959. Т. 3. С. 289). Возможно, Тынянов имел в виду популярную хрестоматию «*Annales poétiques, ou Almanach des muses, depuis l'origine de la poésie françoise*» (Paris, 1778), где баллады и отрывки из «Большого завещания» сопровождалась краткой статьей о жизни и писаниях Вийона (Vol. 1. Р. 143—182).

фоне других поэтов XV в., несмотря на свои строгие поэтические принципы: «Неловкий, грубый стих тех варварских времен / Впервые выравниал и прояснил Вильон».¹⁷ Стих Вийона, конечно, плох, по мнению Буало, но тем не менее именно он первый «выравниал» этот стих, то есть сделал его стихом. Возможно, Пушкину было известно и упоминание Вийона у Рабле, который в 4-й части «Пан-тагрюэля» писал, что Вийон «сочинил “в стихах” одну из “Страстей”», «дабы повеселить народ...».¹⁸

Не потому ли Вийон стал «первым французским поэтом, которого Пушкин называет по имени»?¹⁹ В незаконченной поэме 1813 г. «Монах» он сравнивает с Вийоном Баркова, и отнюдь не случайно: «А ты, поэт, проклятый Аполлоном, / Испачкавший простенки кабаков, / Под Геликон упавший в грязь с Вильоном...»²⁰ и т. д. Для четырнадцатилетнего Пушкина Вийон — поэт уровня Баркова. Как и Барков, он лишен таланта: он «проклят Аполлоном». Как и Барков, он пьяница, автор непристойных стихов, постоянный посетитель кабаков. Как и Барков, он не раз был сечен розгами за пьянство и хулиганские выходки.²¹

Хотя приведенные сведения не дают достаточных оснований для утверждения, что о «ребятах без печали» Пушкин узнал через Вийона, все же, как представляется, не стоит полностью исключать и эту версию.

Следующая проблема связывает строфу «Но мы, ребята без печали...» с Одессой. Это было непростое для Пушкина время, но вместе с тем одесский период сохранился в сознании поэта как обладающий необычным очарованием и прелестью. Как пишет

¹⁷ Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 60; пер. Э. Л. Линецкой. В оригинале: «Villon sut le premier, dans ces siècles grossiers, / Débrouiller l'art confus de nos vieux romanciers» (Œuvres complètes de Boileau Despréaux. Paris, 1809. Т. 1. Р. 316).

¹⁸ Rabelais Fr. Œuvres. Paris, 1823. Vol. 6. Р. 103—114 (здесь описывается месть Вийона монастырскому ризничему, который не пожелал предоставить церковные облачения для постановки мистерии о Страстях Господних).

¹⁹ Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 17. В библиотеке Пушкина сохранилось четверехтомное издание (в двух книгах) «Курса французской литературы» профессора Сорбонны, основательного знатока Франции XV—XVII вв. Абея-Франсуа Вильмена. Это издание выходило в Париже с 1829 по 1831 г. В первом томе несколько страниц посвящены Вийону и обстоятельствам его жизни.

²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 14.

²¹ См.: Ходяков М. В., Ходяков О. А. Знаменитые универсаны: Питомцы Санкт-Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета. СПб., 2002. С. 22; Гончаренко Н. А. «В науках отметить себя может»: И. С. Барков // Знаменитые универсаны: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. 3. С. 7.

П. В. Анненков, «пестрое, разноплеменное народонаселение Одессы, ее театры, французские рестораны, море, ее омывающее и приносящее толпы иностранцев вместе с товарами и известиями из Европы, вскоре примирили его с новым местопребыванием».²² Пожалуй, нигде и никогда Пушкин не вел столь разгульного образа жизни: обеды в ресторанах с шампанским, регулярное посещение итальянской оперы, прогулки в порт, общение на кораблях с моряками, окончание дня в казино, где он иногда сидел в кишиневском архалуке и феске. И наконец, новые знакомства: «Итак, я жил тогда в Одессе / Среди новоизбранных друзей» (VI, 471). В этой связи стоит вспомнить пушкинскую компанию, с которой он пировал у Отона: «Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновник особых поручений при графе Воронцове), г. Шварца (также состоявшего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского и, кажется, графского адъютанта Варламова».²³

Разгульная и яркая жизнь в Одессе предоставила Пушкину повод сравнить ее с жизнью «enfant sans souci», хотя, конечно, компании, с которой Пушкин тогда общался, его «новоизбранным друзьям», было далеко до уровня «беспутности» парижских «беззаботных ребят».

Когда моя заметка была почти готова, я встретила с давней статьей Ю. Н. Чумакова «Состав художественного текста “Евгения Онегина”». Она была опубликована в 1970 г. в псковском «Пушкинском сборнике». В ней исследователь характеризует Одессу Пушкина как карнавальную. Время написания этой статьи — самое «бахтинское» время. Это время бесконечных докладов и работ о карнавальности, появившихся в связи с вышедшей в 1965 г. книгой Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», в которой упоминаются и «беззаботные ребята».²⁴ «Одесса возникает в чертах истинной карнавальности, — пишет Ю. Н. Чумаков. — Автор постоянно слит с экзотической толпой, наполняющей улицы, площади, рестораны, театр. Беззаботное царство веселой относительности, фамильярный контакт всего со всем, гротескные сдвиги — такова Одесса Пушкина».²⁵

²² Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855. С. 92.

²³ Бутурлин М. Д. Записки. 1824—1827 // Русский архив. 1897. № 5. С. 16.

²⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 42.

²⁵ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. Псков, 1970. С. 28.

Может быть, именно поэтому автор статьи и сделал единственное встретившееся мне примечание к «ребятам без печали»: «Эта калька с французского — *enfantssans souci* <sic!> — совершенно в карнавальном стиле. “Ребята без печали” — название средневекового шутовского общества».²⁶

«В сущности, каждое знакомство оставляет свой след, — писал Б. В. Томашевский. — Поэтому заранее на вопрос, влиял ли такой-то писатель на позднейшего, можно ответить: да, влиял, — но весь вопрос в том, как влиял». Перечислив далее ряд французских литераторов, в том числе и Вийона, Томашевский отмечает, что «обыкновенно в словах Пушкина не чувствуется своего самостоятельного подхода к ним, выработанного непосредственным знакомством с этими поэтами, — а просто отражаются ходячие взгляды на них».²⁷ Так, по-видимому, случилось и с «ребятами без печали», галлицизмом, попавшим в текст, возможно, незаметно для самого Пушкина и совсем незаметно для его читателей.

Е. В. Душечкина

²⁶ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». С. 28. Стоит отметить, что в переиздании этой статьи наряду с некоторыми другими изменениями была убрана и сноска на «ребят без печали». См.: Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 13–23.

²⁷ Томашевский. Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 13–14.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «АКВИЛОН» К вопросу об историко-литературном контексте

Стихотворение «Аквилон» традиционно рассматривается в литературоведении как свободная вариация «бродячего» басенного сюжета, известного поэту прежде всего в стихотворной обработке Жана де Лафонтена (*La Fontaine*; 1621–1695) «Дуб и тростник» («*Le chêne et le roseau*», 1668), популярной в пушкинское время и неоднократно перелавшавшейся на русский язык.¹ При этом иссле-

¹ См., например: А. П. Сумароков, «Дуб и трость» (1762); Ю. А. Нелединский-Мелецкий, «<Дуб и трость>» (опубл. 1876); Я. Б. Княжнин, «Дуб и трость» (1787); И. И. Дмитриев, «Дуб и трость» (1795); Д. И. Хвостов, «Дуб и трость» (1802); А. П. Бенитцкий, «Кедр и лоза» (1809); И. А. Крылов, «Дуб и трость» (1805) (Русская басня XVIII–XIX веков / Сост., подгот. текста

дователи справедливо указывают на целый ряд жанровых, композиционных, сюжетных и семантических характеристик пушкинского текста, принципиально отличающих его от источника. Среди них лирическая форма произведения,² отсутствие непосредственного взаимодействия противопоставленных в басне персонажей, смещение смыслового акцента с отношений тростника и дуба на образ аквилона, специфическая темпоральная организация сюжета.³ Можно упомянуть также об отсутствующем в басне Лафонтена и ее русских переложениях своеобразном удвоении ключевых образов-персонажей (надменного дуба и облегающих небо туч, тростника и облачка⁴), нетипичных для басенного сюжета анафорических вопросительных конструкциях в первой строфе⁵ и побудительных в последней.

и примеч. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова. Л., 1977. С. 91–92, 196, 201, 231–232, 256–257, 283–284, 285. (Библиотека поэта. Большая сер.)). О восприятии, переводах и переложениях в России басни «Le chêne et le roseau» см., например: Герасимова Т. П. Басня Лафонтена «Дуб и трость» в переводах русских поэтов XVIII века // Материалы XXII научной конференции. Волгоград, 1968. С. 282–285. В качестве литературного источника «Аквилона» басня впервые была упомянута Б. В. Томашевским в статье «Пушкин и Лафонтен» (Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 245).

² См., например: Томашевский Б. В. Пушкин и Лафонтен. С. 246; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина: (1826–1830). М., 1967. С. 481; Иезутова Р. В. «Зачем ты, грозный аквилон...»: (О судьбе одного болдинского автографа) // Пушкинский музей. СПб., 1999. Вып. 1. С. 141.

³ См., например: Фомичев С. А. «Так басней правду заменя...»: (О стихотворении Пушкина «Аквилон») // Театр и литература: Сб. статей к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 124–125; Есипов В. М. «Зачем ты, грозный аквилон...» // Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М., 2006. С. 173.

⁴ В басне образ темнеющего неба скорее ассоциируется не с дубом, а с аквилоном, несущим с собой бурю (см., например, в стихотворении «Дуб и трость» И. И. Дмитриева: «...вдруг завывла / От севера гроза и небо помрачила; / Ударил грозный ветр — всё рушит и валит...» — Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 186–187. (Библиотека поэта. Большая сер.)), а образ гонимого ветром облачка в басне Лафонтена и ее русских переложениях отсутствует (отмечено: Пятинина Р. Д. А. С. Пушкин и И. А. Крылов: (Анализ басни Крылова «Дуб и трость» и стихотворения Пушкина «Аквилон») // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1999. С. 260; Фомичев С. А. «Так басней правду заменя...». С. 121).

⁵ С вопроса «зачем», обращенного к ветру, начинается басня Д. И. Хвостова «Ветр и дуб» (1816) («Дуб ветру стал пенять: “Откройся мне, Борей! / Зачем ты разметал вдоль рощи, средь полей / Моих любезных деток?...”»), однако в данном случае речь идет лишь о локальной фразеологической вариации в рамках устоявшегося басенного сюжета, традиционная мораль которого эксплицирована в ответе персонажа: «Упрямых не люблю голов» (Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1830. Т. 5. С. 226–227).

Сходство «Аквилона» с басней Лафонтена фактически ограничивается общим для этих текстов набором персонажей: низверженный бурей гордый дуб, гнущийся долу тростник, противопоставленные друг другу аквилон и зефир.⁶ Существенно, однако, что к моменту создания пушкинского стихотворения эти образы уже давно входили в арсенал языка русской и европейской литературы. Контрастное соположение аквилона или борея⁷ и зефира (сильного холодного и легкого теплого ветров⁸) представляло собой распространенный поэтический мотив, встречающийся в самых разных произведениях, независимо от их жанровой принадлежности.⁹ Образ поверженного грозой могучего дерева как аллегория гордости, величия и видимого могущества, павших под натиском превосходящей силы, и образ колеблемого ветрами тростника как символ бренности, житейской уязвимости или духовной слабости¹⁰ также широко использовались в литературе и имели долгую историю, восходящую

⁶ Именно на такого рода сходство двух произведений указывается в посвященных «Аквилону» исследовательских работах, см.: *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и Лафонтен. С. 245; 2) Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 49; *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 407; *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина: (1826—1830). С. 481; *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 140; *Пятин Р. Д.* А. С. Пушкин и И. А. Крылов. С. 260; *Фомичев С. А.* «Так басней правду заменя...». С. 121; *Есипов В. М.* «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 173.

⁷ Борея и аквилон — названия одного и того же ветра в древнегреческом и древнеримском пантеонах, взаимозаменяемые в поэтическом языке XVIII—XIX вв. (их синонимия зафиксирована, в частности, в словаре: *Le gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique <...> Par L. J. M. Carpentier.* Paris, 1822. P. 168; см. также: *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1984. Вып. 1. С. 35; 1985. Вып. 2. С. 109).

⁸ «Aquilon — Vent du Nord. <...> En poésie, *Les Aquilons* signifient tous les vents froids et orageux»; «Zephyr <...> On appelle ainsi toute sorte de vents doux et agréables» (*Nouveau dictionnaire de l'Académie françoise dédié au Roi.* Paris, 1718. T. 1. P. 82; T. 2. P. 815). В словарях поэтического языка приведенные определения иллюстрировались цитатами из произведений классиков французской литературы — Буало, Расина, Лафонтена, Фенелона (см., например: *Le gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique...* P. 168, 1151; *Dictionnaire françoise de la langue oratoire et poetique.* Par J. Planché. Paris, 1819. [T. 1]. P. 181; 1822. [T. 3.] P. 2240).

⁹ См., например, песнь 15 «Освобожденного Иерусалима» («*Gerusalemme liberata*», полностью опубл. 1581) Торквато Тассо или стихотворение «Роза любви» («*Rose d'Amour*») Ш.-Ю. Мильвуа; список примеров легко поддается расширению; о противопоставлении борея и зефира в русской поэтической традиции см. ниже.

¹⁰ См., например, описание значений слова «*roseau*» (тростник — *фр.*) в издании: *Dictionnaire françoise de la langue oratoire et poetique.* [T. 3]. P. 1823.

в одних случаях к античной,¹¹ а в других — к библейской¹² традициям. Все это, разумеется, не отменяет гипотезы о генетической связи «Аквилона» с басней Лафонтена. Вместе с тем наблюдаемая в данном случае кардинальная деконструкция басенного сюжета подразумевает высвобождение смыслового и функционального потенциала его составляющих, по-разному актуализируемых в рамках той или иной литературной традиции. В этой ситуации внешняя контекстуальная и внутренняя поэтическая организация произведения тяготеют к многоплановости, открывая возможности для реализации и взаимодействия целого спектра смыслов. Описание некоторых из них и составляет задачу данной статьи.

¹¹ Очевидным примером в данном случае служит басня Эзопа «Дуб и тростник» (см.: Басни Эзопа / Пер., ст. и примеч. М. А. Гаспарова. М., 1968. С. 84, 283). Сравнение гибели воина с падением дуба, сраженного ударом молнии или топора, а битвы — с бушующей в дубраве бурей неоднократно встречается, например, в «Илиаде» Гомера (XIII, 389; XIV, 409–413; XVI, 482, 765–770) (см. об этом: *Foster E. S. Trees and Plants in Homer* // *The Classical Review*. 1936. Vol. 50, № 3. P. 98); об использовании сходного образа в древнегреческой трагедии см.: *Foster E. S. Trees and Plants in the Greek Tragic Writers* // *Greece & Rome*. 1952. Vol. 21, № 62. P. 57. В рамках анализа стихотворения «Аквилон» использование мотива поверженного бурей дерева в поэзии конца XVIII — первой половины XIX в. иллюстрируется, например, в работах: *Виноградов В. В. Стиль Пушкина*. С. 407; *Фомичев С. А.* «Так басней правду заменя...». С. 123–124.

¹² В библейской риторике буря или гроза, повергающая сильное и гордое дерево, символизирует могущество Бога, сокрушающего величие земное и человеческое. См., например: «Глас Господень в крепости: глас Господень в великолепии. Глас Господа сокрушающего кедры...» (Пс 28 (29): 4–5); «...и смирится высота человеческая, и вознесется Господь один в день оный. День бо Господа Саваофа на всякого досадителя, и горделивого, и на всякого высокого, и величавого, и смирятся: И на всяк кедр Ливанский высоких и превознесенных, и на всяко древо желудя Васанска...» (Ис 2: 11–14). Образ тростника, колеблемого ветром, как метафора духовной слабости используется, например, в ветхозаветной Третьей книге царств («И поразит Господь Бог Израиля, якоже колеблется трость на воде...» — 3 Цар 14: 15) и в новозаветном Евангелии от Матфея («...чесо изыдоште в пустыню видети; трость ли ветром колеблему...» — Мф 11: 7–8). Контрастное соположение образов сильного дерева и слабого тростника встречается и в поэтических произведениях с религиозной тематикой: см., например стихотворение М. Н. Муравьева «Ода шестая» («Как яры волны в море плещут...», 1775): «О смертный! смесь уничиженья, / Превыше ты воображенья, / И мал бываешь и велик; / Со кедром можешь ты сравниться — / Ты можешь так, как трость, клониться...» (*Муравьев М. Н. Стихотворения* / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967. С. 122. (Библиотека поэта. Большая сер.)) или «Гимн Богу» (1807) Ф. И. Ленкевича: «...И прах, по воздуху носимый, / И однолетный древа лист, / И кедр — ливанской сын вершины, / И трость — смиренна дщерь долины, — / Всё, еже бысть, Тобою бысть» (Поэты-радищевцы / Вступ. ст., биогр. справки, сост. и подгот. текста П. А. Орлова; Примеч. П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина. Л., 1979. С. 394. (Библиотека поэта. Большая сер.)).

Неоднократно и справедливо отмечалось, что картина противостояния северного ветра и дуба во второй и третьей строфах «Аквилона» («Недавно черных туч грозой ~ И дуб низвергнул величавый» — II, 365) перекликается с пушкинскими поэтическими высказываниями, посвященными Отечественной войне 1812 г. Потрясшие европейский мир события поэт именует «грозой двенадцатого года» («Была пора: наш праздник молодой...», 1836), Наполеон наделяется эпитетом «надменный» («Наполеон», 1821), а его поражение описывается как «падение» («Наполеон на Эльбе», 1815) поверженного «в бездну» исполина («Клеветникам России», 1831); указывалось также, что в этом контексте образ «низвергнувшего» дуб аквилона ассоциируется с фигурой Александра I.¹³ В основе этих образов лежит поэтическая система и идеология классицистической оды, пережившая своеобразный ренессанс в русской словесности 1810-х гг. В одической картине мира, представляющей собой прочный сплав просветительской и религиозной традиций, государственная структура служила воплощением сакрального миропорядка, описание победоносной военной кампании зачастую включало в себя восходящие к Ветхому Завету мотивы борьбы с «неверными» и низвержения «кумиров», мощь и величие полководца или монарха подразумевали великодушие по отношению к слабым, а за буйством мрачных стихий, символизирующим хаос войны, следовало восстановление вселенской гармонии.¹⁴ Сюжет «Аквилона» включает в себя сходные мотивы, а отдельные образы пушкинского стихотворения обнаруживают переклички с поэтическими высказываниями, созданными в рамках русской одической традиции. Так,

¹³ См., например: *Ходасевич В. Ф.* О Пушкине // *Ходасевич В. Ф.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Oakland, 2014. Т. 3. С. 210; *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 482, 695; *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 141; *Фомичев С. А.* «Так басней правду заменя...». С. 126–127.

¹⁴ О характере государственной идеологии, нашедшей отражение в русской панегирической традиции XVII–XVIII вв., см., например: *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // *Из истории русской культуры.* М., 1996. Т. 4: (XVIII — начало XIX века). С. 663–676; о возрождении языка и картины мира классицистической оды в поэзии 1810-х годов XIX в. см.: *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // *Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года.* М., 1987. С. 12–16; *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. С. 90–107. (*Wiener Slawistischer Almanach*; S.-Bd. 27); *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». 2-е изд. СПб., 2002. С. 154–156.

картина грозы, повергающей могучие деревья (распространенная аллегория военной мощи¹⁵), нарисованная Г. Р. Державиным в оде «На взятие Варшавы» (1794), включает в себя значимое для «Акивилона» контрастное соположение поверженного дуба и тростника, огражденного от гнева стихий собственной слабостью:

Черная туча, мрачные крыла
С цепи сорвав, весь воздух покрыва;
Вихрь полуночный, летит богатырь!
Тма от чела, с посвиста пыль!
Молнии от взоров бегут впереди,
Дубы грядую лежат позади.
<...>
Дрогнет природа, бледнея пред ним;
Слабые трости щадятся лишь им.¹⁶

Подобное противопоставление обнаруживается и в «Оде на сражение флотов российского с турецким...» (1772) В. И. Майко-

¹⁵ См., например, описание исполина, с которым сравнивается русский флот в ст. 215–220 «Оды на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» (1742) М. В. Ломоносова:

Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева лежат,
Что множество веков стояли
И бурей ярость презирали.

(Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 91–92). Подобный образ использует и Г. Р. Державин в оде «На взятие Измаила» (конец 1790 или начало 1791), живописуя наступление русских войск:

Представь: по светлости лазури,
По наклонению небес
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лес,
Как страшна ночь: надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедров вверх корнями
И затрепал Ливан кремнист.

(Державин Г. Р. Соч. СПб., 1864. Т. 1. С. 347; сходство процитированных фрагментов отмечено там же, в комментарии Я. К. Грота).

¹⁶ Там же. С. 642.

ва, прославляющей могущество «россов»; место тростника в данном случае занимает трава:

Из них подобен всяк Борею...

<...>

И там его ярче рев,
Где множество матерых древ;
Но он же тихими крылами
По тучным пажитям летит,
Траву колеблет, не вредит,
Сражаясь с гордыми дубами.¹⁷

Картина благого порядка, утраченного, но вновь обретенного благодаря деяниям монарха, включала в себя идиллические топосы радости, тишины, сияния, прогоняющего тьму солнца, резвого Зефира, являющегося на смену Борею.¹⁸ Сходные образы появляются

¹⁷ Майков В. И. Ода на сражение флотов российского с турецким, бывшее во время перемирия при устии Лепанского залива... // Майков В. И. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966. С. 227. (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁸ Подробнее см., например: Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века. С. 670–671; Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 140, 142–143, 186–187. Одной из многочисленных иллюстраций может служить здесь «Ода государыне Екатерине Алексеевне на заключение вечного мира между Российской империей и Оттоманскою портою июля дня 1774 года» (1774) В. И. Майкова:

Густые тучи удалились,
Исполнен света стал эфир,
Врата небесны растворились,
Нисходит всем желанный мир;
Чело его являет радость,
Из уст лиет небесну сладость...

Далее следует описание радости вознагражденных покоем «земных жителей», сопоставимой с «укрощенным» морем; одним из элементов этой картины являются контрастно соположенные образы борея и зефира:

Борей уж боле в них не свищет,
Зефир, резвясь, сокрыться ищет,
На мелки части их деля...
(Майков В. И. Избранные произведения. С. 240, 241)

Ср. подобное же контрастное соположение «войны» и «мира» и, соответственно, «бури» и «зефира» в образе Потемкина в «Описании торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила» (1791) Г. Р. Державина:

Сегодня бурю представляет,
Летает завтра, как зефир,

и в четвертой строфе «Аквилона»: «солнца ясный лик <...> радостью блистает», «тихо зыблется тростник», «зефир играет» (II, 365). О том, что при создании стихотворения Пушкин отчасти ориентировался на одическую картину мира, кажется, свидетельствует и первоначальный черновой вариант ст. 9—12:

Ты [тьмы] черны тучи разогнал
Ты дуб низвергнул величавый
Ты прошумел грозой и славой
Ты долам солнце даровал.¹⁹

Разумеется, в данном случае речь идет не о непосредственной генетической связи «Аквилона» с тем или иным конкретным текстом соответствующего жанра, но о предположительно наличествующей в произведении своеобразной амальгаме общих мест русской одической традиции.

2. «ГРОЗОЙ И СЛAVOЙ»

Стилистическая соотнесенность «Аквилона» с высоким поэтическим жанром, на первый взгляд, не очевидна. Так, в произведении отсутствуют явно выраженные архаизмы, выполняющие в поэзии

И лавр, и мирты собирает,
И в бой ведет, и строит мир...
(Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 415)

Противопоставление боя и зефира составляет также один из ключевых элементов оды Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779), характеризующей появление на свет будущего императора Александра Павловича:

Родился — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул — и зиму люту
Удалил зефир с полей...
(Там же. С. 83)

В эпоху Отечественной войны эта ода вновь обрела актуальность; о ней вспоминал, например, автор статьи «Предвещения о славе императора Александра», прославляя пророческий гений «северного барда», угадавшего в царственном младенце добродетельного и кроткого монарха, «благословение народов и утешение сердец» (Предвещения о славе императора Александра // Сын отечества. 1814. Ч. 15, № 32. С. 220, 222; отмечено в комментарии Я. К. Грота, см.: Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 85).

¹⁹ Слово «черны» переправлено из слова «тьмы»; стих «Ты прошумел грозой и славой» вписан (см.: ПД 126; факсимильное воспроизведение: А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 15; опубликовано в виде вариантов: II, 910—911).

XVIII — первой половины XIX в. функцию маркеров «украшенно-го» языка.²⁰ Иначе обстоит дело с принципиально значимой для русской оды библейской традицией.²¹ Интерес в этом отношении представляет, в частности, характеризующее действия аквилона словосочетание «прошумел грозой и славой». В исследовательской литературе оно неоднократно именуется «формулой», то есть фразеологической конструкцией, отличающейся семантической емкостью и устойчивостью. Между тем вопрос об ее истоках, кажется, никогда не ставился.²²

Словосочетание «грозой и славой» допускает несколько вариантов прочтения. Образ грозы, принесенной северным ветром, интерпретируется одновременно как описание природного явления и как упоминавшаяся выше устойчивая метафора войны, бедствий и общественных потрясений. «Шумящая слава» служит свидетельством признанной силы русского оружия — трактовка, находящая подтверждение в поэтических высказываниях пушкинского времени.²³

²⁰ К числу последних, например, можно было бы отнести лексемы «лик», «взыграл», «низвергнул» (славянские по происхождению, характерные для произведений высокого слога и обладающие соответствующей экспрессивной коннотацией, — см.: *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 3. С. 141; Вып. 11. С. 175; Вып. 15. С. 137), а также усеченные именные формы «[черны]», «бурны». Существенно, однако, что в художественной речи XVIII — первой половины XIX в. (и в том числе в поэтическом языке Пушкина) подобные языковые элементы могли использоваться и вне сколько-нибудь определенной стилистической мотивировки, функционируя в качестве «внежанровых примет стихотворного языка вообще» (*Винокур Г. О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 341–342).

²¹ О ключевой роли библеизмов в поэтике русской оды см., например: *Винокур Г. О. Русский литературный язык во второй половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку*. С. 144–151; *Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века*. М., 2005. С. 435–437.

²² Р. В. Иезуитова, описывая характер правки болдинского автографа «Аквилона», ограничивается замечанием о том, что Пушкин «оставил в неприкосновенности формулу “гроза и слава”, указывающую на события Отечественной войны 1812 г. и вызывающую в памяти образ Наполеона» (*Иезуитова Р. В. «Зачем ты, грозный аквилон...»*. С. 138); о «чеканности» «пушкинской формулы» также вскользь упоминается в работе: *Есипов В. М. «Зачем ты, грозный аквилон...»*. С. 177.

²³ В этом смысле выражение «шуметь славой» используется, например, в «Цыганах» (1824) Пушкина («В стране, где долго, долго брани / Ужасный гул не умолкал, / <...> / Где старый наш орел двуглавый / Еще шумит минувшей славой...» — IV, 203) или в стихотворении Н. М. Языкова «А. Н. Вульфу» («Прощай, неси на поле чести...», 1828) («Уже зарделась величаво / Высоких подвигов заря, / Шумят Суворовскою славой / Знамена русского царя...» —

Вместе с тем в литературном языке XVIII — первой трети XIX века (и, соответственно, в поэтическом языке Пушкина) «гроза» могла означать также «явление, внушающее страх, ужас»,²⁴ а «слава» — «величие, великолепие, сияние как атрибуты божества». ²⁵ Соположение этих топосов осуществляется в рамках библейской риторики. Примером служит, в частности, уже цитировавшаяся выше 2-я глава ветхозаветной Книги пророка Исаии, прославляющая могущество Бога, явившегося сокрушить земное величие — «кедры Ливанские»: «И ныне видите в камения, и скройтесь в землю от лица страха Господня, и от славы крепости его, егда восстанет сокрушити землю» (Ис. 2: 10). Выражение «от лица страха Господня, и от славы крепости его» повторяется в этой главе также в стихах 19 и 21. В имевшейся в библиотеке Пушкина французской Библии в переводе Л.-И. Леметра де Саси (*Le Maître de Sacy*; 1613—1684)²⁶ в 10-м стихе 2-й главы Книги пророка Исаии оно читается: «de la terreur du Seigneur, et de la gloire de sa majesté» (Is. 2: 10).²⁷

В литературных текстах, ориентированных на библейскую традицию, слова «la terreur» и «la gloire» могли соплагаться непосредственно, образуя яркий целостный и внутренне контрастный образ. Он встречается, например, в описании апокалипсического буйства

Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964. С. 260. (Библиотека поэта. Большая сер.).

²⁴ Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. М., 2000. Т. 1. С. 557. В этом значении слово используется в стихотворении Пушкина «Принцу Оранскому» («Довольно битвы мчался гром...», 1816), содержащем целый ряд поэтических клише, характерных для русской словесности эпохи наполеоновской кампании (см., например: *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина. С. 113—114); здесь, как и впоследствии в «Аквилоне», соплагаются в рамках единой и целостной картины образы «грозы» и «славы»:

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли вослед щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 176).

²⁵ Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 175.

²⁶ *La Sainte Bible contenant l'Ancien et le Nouveau Testament, traduite sur la Vulgate par M. Le Maître de Sacy*. SPb., 1817 (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 604). О том, что Пушкин был хорошо знаком с обоими переводами Библии, и церковнославянским и французским, см., например: *Юрьева И. Ю.* «Библию, Библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // *Московский пушкинист*. М., 1997. Вып. 4. С. 121—122.

²⁷ В ст. 19 и 21 указанного перевода вместо слова «terreur» используется слово «frayeur».

стихий в религиозно-дидактической поэме Эдуарда Юнга (Young; 1683—1765) «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night-Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742—1745), вероятно известной Пушкину по французскому прозаическому переводу Пьера Летузнёра (Le Tourneur; 1736—1788): «L'homme effrayé s'éveille; il trouve un jour éternel commencé, l'étonnement répandu sur la face de l'univers, la terreur et la gloire à leur comble et contrastés dans le tableau <Человек в страхе пробуждается, он обнаруживает, что начался немеркнувший день и изумление разлито на лике вселенной, он созерцает зрелище ужаса и славы в их апогее и контрасте. — фр.>». ²⁸ Вольное переложение Летузнёра в данном случае непосредственно воспроизводит словосочетание «terror and glory» из соответствующего фрагмента оригинала; ²⁹ выражение «ужас и слава» фигурирует и в некоторых русских переводах «Ночей» Юнга. ³⁰

В европейском литературном словоупотреблении XVIII — первой трети XIX в. описываемое словосочетание носило, по-видимому, относительно устойчивый характер и использовалось также в текстах, не связанных непосредственно с религиозной тематикой. Так, оно встречается в эпистолярной ремарке Вольтера о подвигах представителей дома Конде: «Les héros de cette maison se sont tous fait une habitude de vaincre; ils ont été successivement la terreur et la gloire de leurs souverains <Герои этого дома привыкли к победам; они один за другим становились ужасом и славой своих государей. — фр.>», ³¹ или в стихах 21—23 7-й песни дидактической поэмы

²⁸ Les Nuit d'Young, traduites de l'anglais par Le Tourneur. Nouv. éd. Paris, 1818. Т. 1. Р. 205. Это издание имело в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. А.* Библиотека А. С. Пушкина. № 1504; в описании отмечено, что в т. 1 разрезаны с. 1—108; однако при просмотре книги обнаружилось, что разрезаны также с. 201—205; о знакомстве Пушкина с творчеством Э. Юнга см.: *Рак В. Д.* Юнг // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 396. (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19).

²⁹ См.: The poetical works of Edward Young: In 4 vol. London, 1806. Vol. 2. Р. 102.

³⁰ Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение Г. Юнга. СПб., 1799. Ч. 2. С. 263; Стихотворческие красоты Эдуарда Юнга / Пер. с англ. Мих. Паренаго. М., 1806. С. 260. О переводе Летузнёра и русских переводах «Ночей» Юнга в XVIII—XIX вв. см.: *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. С. 269—279.

³¹ Œuvres complètes de Voltaire. Paris, 1831. Т. 81. Р. 450 (письмо к графу де ла Турай от 30 сентября 1762 г.); в имевшемся в библиотеке Пушкина полном собрании сочинений Вольтера (Paris, 1817—1822) все тома переписки разрезаны, см.: *Модзалевский Б. А.* Библиотека А. С. Пушкина. № 1491.

«Плавание» («La Navigation») Ж.-А. Эсменара (Esménard; 1770—1811): «Mais quand Bellone en feu, poursuivant votre exil, / De l'Ister et du Rhin jusqu'aux sources du Nil / Porta du nom français la terreur et la gloire... <Но когда пылающая Беллона, сопровождающая ваше изгнание / От Истра и Рейна к истокам Нила / Пронесла ужас и славу французского имени... — *фр.*>».³² В несколько иной форме непосредственное соположение слов «ужас» и «слава» появляется в драматической поэме Байрона «Манфред» («Manfred: A Dramatic Poem», 1817), в 4-й сцене («The Hall of Arimanes») 2-го акта, где духи требуют от непокорного героя склонить голову перед верховным демоном Ариманом, повелителем природных стихий (солнца, воды, облаков, бури и грома), которому приносят дань война и смерть:

Dost thou dare
Refuse to Arimanes on his throne
What the whole earth accords, beholding not
The terror of his glory. — Crouch! I say.

<Дерзает ты
Отказывать Ариману на престоле
В том, что весь мир ему воздает, не постигаешь
Ужас его славы. — Склонись! Я говорю. — *англ.*>.³³

³² La Navigation, poëme en huit chants, avec des notes historiques et géographiques. Par J. Esménard. Paris, 1805. Т. 2. Р. 182.

³³ The Works of Lord Byron complete in one Volume. Francfort o. M., 1826. Р. 362 (издание имелось в библиотеке Пушкина, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 697). Несмотря на отдаленную переключку образов, обусловленную связью Аримана с природными стихиями, для описания вероятных истоков поэтической риторики «Аквилона» процитированный фрагмент «Манфреда», возможно, не обладает достаточной релевантностью, поскольку в прозаическом переводе А. Пишо, по которому Пушкин первоначально знакомился с произведениями Байрона, в цитируемом фрагменте используется не слово «слава» («gloire»), а слово «величие» («majesté»): «Oses-tu refuser au grand Arimanes, quand il est sur son trône, ce que toute la terre lui accorde, sans l'avoir vu dans la terreur de sa majesté? Prosterne-toi, te dis-je <Дерзает ты отказывать великому Ариману, когда он на престоле, в том, что весь мир ему воздает, ты не постиг ужас его величия? Повергнись ниц, я говорю тебе. — *фр.*>» (Œuvres de lord Byron, traduction de M. Amédée Pichot... Paris, 1830. Т. 3. Р. 218). Впрочем, перевод Пишо («la terreur de sa majesté») также может читаться как версия редуцированного и перефразированного фрагмента стиха 10 2-й главы Книги пророка Исая, в котором упоминается о «страхе Господнем» («la terreur du Seigneur») и «славе величия Его» («la gloire de sa majesté»).

Примечательной (хотя по отношению к «Аквилону» и чисто типологической) иллюстрацией описываемого словоупотребления служит стихотворение В. Гюго «Веку было два года!..» («Ce siècle avait deux ans!..», 1830; опубл. в 1831 г. в составе сборника «Осенние листья» («Les Feuilles d'automne»)), где «ужас» и «слава» ассоциируются с судьбой Наполеона.³⁴

Представляется, что именно семантическая соотнесенность с описанной устойчивой фразеологической конструкцией сообщает пушкинской строке отмечавшуюся исследователями «формульность». Библейская риторика в данном случае составляет лишь часть сложного поэтического комплекса, открытого и для других буквальных и метафорических интерпретаций: не случайно вместо лексемы «ужас» Пушкин использует более емкое в смысловом отношении слово «гроза». Последнее, впрочем, не противоречит версии о библейском происхождении образа: в Ветхом Завете именно гроза является собой зримое, эмпирическое воплощение славы как трансцендентного атрибута Бога.³⁵ О том, что эта семантика вполне сознавалась Пушкиным и могла актуализироваться в поэтических текстах, свидетельствует, в частности, соположение «сияния», «ужаса» и «божией грозы» в стихах 184–187 поэмы «Полтава» (1828–1829), живописующих облик победоносного монарха:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

(V, 56)

³⁴ См.: Œuvres de Victor Hugo. Bruxelles, 1832. Т. 12. Р. 2. Осенняя «славой и ужасом» судьба императора изображена здесь как причина мировых потрясений и бурь, сопровождающих детство лирического героя, овеванное «всеми ветрами» и уподобленное листу прибрежного дерева, унесенному аквилонем. В посвященной «Аквилону» статье С. А. Фомичева распространенный поэтический образ унесенного ветром листа трактуется как сюжетный синоним гонимого бурей облачка; в качестве примера исследователь ссылается на популярное и неоднократно переводившееся на русский язык стихотворение А.-В. Арно «Листок» («La Feuille», 1815) (Фомичев С. А. «Так басней правду заменя...». С. 121–122). Несмотря на возможность проведения подобной типологической параллели, генетическая связь пушкинского текста со стихотворением Арно представляется маловероятной. Подробнее об образе гонимого аквилонем облачка см. ниже.

³⁵ О топосе «славы» в библейских текстах в связи с образом грозы см., например: Gourard P. La gloire et la glorification de l'univers chez saint Jean de la Croix. Paris, 1998. Р. 17 pass.

Поэтическая архитектура «Аквилона» отличается симметрией, основанной на лексических и синтаксических повторах, которые обуславливают специфику многоплановых отношений между ключевыми образами-персонажами. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, композиция стихотворения напоминает «систему размещенных в разных плоскостях зеркальных поверхностей, в которых, симметрически выстраиваясь, мелькают по разным направлениям отражения одних и тех же образов».³⁷ В рамках сюжета величавый дуб и черные тучи, противопоставляющие свою силу аквилону, предстают своего рода функциональными синонимами. То же самое можно сказать и о беззащитных жертвах стихии, тростнике и облачке. Вместе с тем внешние контекстуальные связи произведения служат основой антитетического единства уже других персонажей — дуба и тростника, туч и облачка.³⁸ Еще одно контрастное соположение образов содержится в картине взаимодействия шумящего грозой аквилона и облегающих небосвод бурных туч, которая живописует столкновение стихий, имеющих сходную природу. Учитывая сказанное выше, возможно усмотреть здесь вариант «общего места» одической поэтики — гиперболического описания земных потрясений как битвы природных небесных сил.³⁹ Не исключено, однако, что функциональный параллелизм грозовых туч и могучего дерева, с которыми сражается аквилон, восходит к тому или иному конкретному тексту. Таковым, в частности, может служить траге-

³⁶ «Одним дуновением аквилон отгоняет тучи» (*Racine J. Esther, tragédie tirée de l'écriture sainte // Œuvres de Jean Racine. Paris, 1808. Т. 5. Р. 142*).

³⁷ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 339. О синтаксическом, лексическом, композиционном и образном параллелизме как о базовом принципе поэтической организации «Аквилона» см.: Там же. С. 338–340; Эткинд Е. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С. 35–36.

³⁸ О контрастном соположении образов дуба и тростника в контексте литературной традиции упоминалось выше; возможная сюжетная связь черных туч и облачка становится заметна при сопоставлении «Аквилона» и написанного Пушкиным позднее стихотворения «Туча» («Последняя туча рассеянной бури...», 1835) — см., например: Майков Л. Н. Из заметок о Пушкине. I. О стихотворениях «Туча» и «Аквилон» // Русский вестник. 1893. № 2. С. 6–8; Пушкин А. С. [Полн. собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 523; Т. 6. С. 478; примеч. Н. О. Лернера.

³⁹ См., например, ст. 85–87 «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1746 года» М. В. Ломоносова: «Что вихри в вихри ударялись / И тучи с тучами спирались, / И устремлялся гром на гром» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 141). Уже в конце XVIII в. подобные гиперболы приобрели характер устоявшихся поэтических формул (подробнее об этом см.: Клейн И. Пути культурного импорта. С. 430–433).

дия Жана Расина «Эсфирь» («Esther», 1689), без сомнения хорошо известная Пушкину.

В XVIII–XIX вв. «Эсфирь» считалась произведением слабым в драматургическом отношении, но являющим собой совершенный образец поэтического искусства.⁴⁰ Соответственно, внимание читательской аудитории концентрировалось не на специфике конфликта и характерах трагедии, но на языке и стиле текста, насквозь пронизанного библейскими аллюзиями.⁴¹ Значительное место в трагедии отведено хору еврейских девушек, наперсниц Эсфири. Они сетуют на печальную участь Сиона, славят истинного Бога, молят Его о спасении и призывают к мудрости и справедливости царя, великого воителя и миротворца, способного низвергнуть честолюбца и защитить слабого.⁴² В их репликах могущественные антагонисты (Аман, высокомерный и амбициозный придворный, мечтающий о царском венце, и правитель персов Артаксеркс) предстают созданиями одной и той же природы: это неверные, наделенные земной властью, чьи поступки, эмоции и намерения подобны поведению стихии, чреватой грозами и бурей.⁴³ Метафоры, с помощью которых описыва-

⁴⁰ Закреплению этого представления способствовали авторитетные высказывания Вольтера и Лагарпа (см.: *Œuvres complètes de Voltaire*. Paris, 1826. Т. 26: *Siècle de Louis XIV*. Т. 2. Р. 372; *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*. Par J. F. La Harpe. Paris, 1818. Т. 6. Р. 9, 15; подробнее об этом см., например: *Campbell J. The Metamorphoses of Innocence in Racine's Esther // French Seventeenth-Century Literature: Influences and Transformations: Essays in Honour of Christopher J. Gossip*. Bern, 2009. Р. 58–59). Сходную точку зрения на творчество Расина высказывал Пушкин в письме к брату от января (после 12-го) — начала февраля 1824 г., в связи с русским переводом «Федры»: «...чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! <...> ...Расин понятия не имел об создании трагического лица» (XIII, 86–87).

⁴¹ Подробный библейский комментарий к трагедии содержится, например, в издании: *Athalie et Esther de Racine avec un commentaire biblique par le Pasteur Athanase Coquerel*. Paris, 1863. Р. 191–346.

⁴² Il renverse l'audacieux.

Une autre.

Il prend l'humble sous sa défense.

<Он ниспровергает смельчака.

Другая.

Он берет смиренного под свою защиту. — *фр.*>

(I, 5; *Racine J. Esther...* Р. 78).

⁴³ См., например, слова Эсфири, умоляющей Бога направить гнев Артаксеркса в нужное русло: «Les orages, les vents, les cieux te sont soumis; / Tourne enfin sa fureur contre nos ennemis <Грозы, ветры, небеса тебе покорны; / Обрати, наконец, его ярость против наших врагов. — *фр.*>» (I, 4) или характеристику Амана, мечущего грома на врагов: «Il sembloit à son gré gouverner le tonnerre... <Казалось, он по своему желанию повелевает громом... — *фр.*>» (III, 9; *Ibid.* Р. 74, 163).

ется их противостояние, перекликаются с образами «Аквилона». Так, в 3-й сцене 3-го акта поведение мудрого государя, разоблачающего вероломного клеветника, уподобляется дуновению аквилона, разгоняющего грозные тучи,⁴⁴ а позднее, в 9-й сцене, низвергнутое величие Амана, казалось, способного повелевать громами, сравнивается с могучим деревом, чье мнимое могущество исчезло без следа; здесь же, несколькими строками ниже, вновь упоминается о туче, развеянной спасительным вмешательством Эсфири, направляемой Господом.⁴⁵

- ⁴⁴ D'un souffle l'aquilon écarte les nuages,
Et chasse au loin la foudre et les orages:
Un roi sage, ennemi du langage menteur,
Ecarte d'un regard le perfide imposteur.

<Одним дуновением аквилон отгоняет тучи
И гонит далеко молнию и грозы:
Мудрый царь, враг лживого языка,
Взглядом прогоняет вероломного обманщика. — *фр.*>
(III, 3; Ibid. P. 142)

- ⁴⁵ J'ai vu l'impie adoré sur la terre;
Pareil au cèdre il cachoit dans les cieux
Son front audacieux;
Il sembloit à son gré gouverner le tonnerre,
Fouloit aux pieds ses ennemis vaincus:
Je n'ai fait que passer, il n'étoit déjà plus.
<...>

U n e a u t r e.
Comment s'est calmé l'orage?
U n e a u t r e.
Quelle main salubre a chassé le nuage?
T o u t l e c h œ u r.
L'aimable Esther a fait ce grand ouvrage.

<Я видела нечестивца почитаемым на земле;
Подобно кедру, он скрывал в небесах
Свою дерзкую главу;
Казалось, он по своему желанию повелевает громом,
Он попирает ногами побежденных врагов:
Не успела я пройти, и его уже не стало.
<...>

Д р у г а я.
Как успокоилась гроза?
Д р у г а я.
Какая спасительная рука отогнала тучу?
Х о р.

Любезная Эсфирь свершила это великое деяние. — *фр.*>
(III, 9; Ibid. P. 163–164).

В рамках рассматриваемой темы примечательна и поэтическая фразеология, посредством которой описывается судьба иудеев — слабой и страдающей стороны конфликта. Если Аман уподобляется кедр, вознесшему крону к небесам, то Эсфирь и ее юные подруги предстают в образе цветов,⁴⁶ обреченных на гибель, «колеблемых» волей злого рока. Одно из этих описаний включает в себя мотив изгнания — «чужого неба» («un ciel étranger»), под которым влачат

Соположение образов кедра, облаков и грома наличествует в переводе первых шести стихов процитированного фрагмента, выполненном М. М. Выше-славцевым:

Я нечестивого здесь зрел превознесен<н>a
Как кедр главу скрывал он в облаках;
Он громом управлял, он сеял смерть и страх;
Разил, тряслась вселенна;
Теснил врагов среди величья своего;
И мимо я прошел — уж не было его!

(Песни из «Есфиры» и из «Аталии» Расиновой // Муза новейших российских стихотворцев. М., 1814. С. 101; в переводе П. А. Катенина «облака» и «гром» в этом фрагменте отсутствуют — см.: Эсфирь. Трагедия из Священного писания. Сочинение Расина / Перевел с французского Павел Катенин. СПб., 1816. С. 62).

⁴⁶ В тексте трагедии вскользь упоминается и о тростнике в связи с фигурой Мардохея: Аман, недоумевая по поводу источников, питающих упорство и уверенность противника, перефразирует пословицу, также отсылающую к библейской фразеологии: «Sur quel roseau fragile a-t-il mis son appui? <Какой хрупкий тростник служит ему опорой?>» (II, 1; *Racine J. Esther*. P. 89). В литературной практике контрастное соположение дерева и цветка может использоваться и читаться в качестве синонима более традиционного противопоставления дерева и тростника как аллегорий силы и слабости: см, например, 2-ю сцену 4-го акта драмы У. Шекспира «Цимбелин» («Cymbeline», 1609–1610, опубл. 1623), в которой Беларий превозносит благородство принцев, сыновей Цимбелина:

They are as gentle
As zephyrs, blowing below the violet,
Not wagging his sweet head; and yet as rough,
Their royal blood encha'f'd, as the rud'st wind,
That by the top doth take the mountain pine,
And make him stoop to the vale.

<Они нежны,
Подобно зефирам, веющим ниже фиалки,
Не колебля ее милой головки, и в то же время резки,
Если распалится их царственная кровь, как самый сильный ветер,
Который хватает вершину горной сосны
И заставляет ее склониться долу. — *англ.*>

(IV, 2; *The Complete Works of William Shakespeare*. London; Glasgow, [S. a.] P. 955).

свои дни увезенные из родных мест дочери Сиона;⁴⁷ «чуждый небосклон» упоминается и в первоначальном варианте 3-го стиха «Аквилона» (II, 910). Немаловажно также, что сюжет и риторика трагедии Расина обретали актуальность в контексте русской государственной мифологии 1810-х гг., где успех военной кампании осмыслялся как победа над неверными, а потерянная и вновь обретенная Москва представляла новым Иерусалимом.⁴⁸

Сказанное, впрочем, не позволяет с должной степенью уверенности относить «Эсфирь» к числу непосредственных претекстов «Аквилона». Обозначенные выше образные и лексические параллели могут носить исключительно типологический характер, а их существование — обуславливаться связью обоих произведений с библейской риторикой.

В трагедии Расина картина развеянных ветром облаков или туч метафорически живописует поражение неверного, неспособного противостоять силе, направляемой высшей волей. Сходный образ обнаруживается, например, в 11-й строфе «Оды к христианским государям...» («Ode V, aux Princes chrétiens...») Ж.-Б. Рюссо (Rous-

47

...filles de Sion,
Jeunes et tenders fleurs, par le sort agitées,
Sous un ciel étranger comme moi transplantées.

<...дочери Сиона,
Юные и нежные цветы, колеблемые роком,
Подобно мне, пересаженные под чуждый небосвод. — *фр.*>
(I, 1; Racine J. Esther... P. 54; ср. в переводе П. А. Катенина:

Сионских дев в мой дом собрать я восхотела,
Сей юный, нежный цвет, расхищенный судьбой,
Под небо чуждое пресаженный со мной!

(Есфирь. Трагедия из Священного писания. Сочинение Расина. Перевел с французского Павел Катенин. С. 16)).

Hélas, si jeune encore,
Par quel crime ai-je pu mériter mon malheur?
Ma vie à peine a commencé d'éclore:
Je tomberai comme une fleur
Qui n'a vu qu'une aurore.

<Увы, еще так молода,
Каким преступлением я заслужила свое несчастье?
Моя жизнь лишь начала расцветать:
Я паду, как цветок,
Который увидел только один рассвет. — *фр.*>
(I, 5; Racine J. Esther... P. 77).

⁴⁸ О концепте Москвы как «нового Иерусалима» см., например: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина. С. 94.

seau; 1670—1741), где описан разгром египетской армии крестоносцами в сражении при Аскалоне 12 августа 1099 г.:

La Palestine enfin, après tant de ravages,
Vit fuir ses ennemis, comme on voit les nuages
Dans le vague des airs fuir devant l'Aquilon...

<Палестина наконец, после стольких разорений,
Увидела бегство своих врагов, подобное тому, как облака
В безграничном воздушном пространстве бегут перед
Аквилонном... — *фр.*>⁴⁹

Как указывал Ф.-Р. де Шатобриан в «Путевых записках от Парижа до Иерусалима» («L'Itinéraire de Paris à Jérusalem», 1811), используемая Руссо метафора восходит к Библии.⁵⁰ Речь в данном случае может идти о 2-м Послании апостола Петра или Послании Иуды, где нечестивцы уподоблены облакам, носимым ветром.⁵¹ Семантическим и функциональным аналогом этого сравнения выступает часто встречающийся в религиозных текстах образ взметенных и унесенных вихрем соломы, пыли или праха, широко востребованный поэзией XVIII — первой трети XIX в.⁵² В этом контексте

⁴⁹ Rousseau J.-B. Ode V, aux Princes chrétiens, sur l'armement des Turcs contre la république de Venise, en 1715 // Œuvres de J.-B. Rousseau. Nouv. éd. Paris, 1820. Т. 1. Р. 202 (издание имелось в библиотеке Пушкина, 1-й том разрезан полностью, см.: Модзалевский Б. А. Библиотека А. С. Пушкина. № 1331).

⁵⁰ «...l'armée du soudan d'Egypte fut battue à Ascalon. Robert, moine, pour peindre la défaite de cette armée, se sert précisément de la comparaison employée par J. B. Rousseau; comparaison d'ailleurs empruntée de la Bible <Армия египетского султана была разбита при Аскалоне. Монах Роберт, чтобы живописать поражение этой армии, использует точно такое же сравнение, что и Ж.-Б. Руссо; сравнение, впрочем, позаимствованное из Библии. — *фр.*>» (Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris, en allant par la Grèce, et revenant par l'Égypte, la Barbarie et l'Espagne, par F. A. De Chateaubriand. Paris, 1812. Т. 2. Р. 275).

⁵¹ Примечательно, что во втором случае этот образ соплагается с мотивом исторгнутого из земли дерева: «Сии суть <...> облацы и мглы от ветр преносими, имже мрак темный во веки блюдется» (2 Пет 2: 17); «Сии суть <...> облацы безводни, от ветр преносими: древесна есенна, безплодна, дважды умерша, искоренена...» (Иуд 1: 12).

⁵² «Что пользова нам гордыня; и богатство с величанием что воздаде нам; <...> Ибо упование нечестивого, яко прах от ветра подъемлемый, <...> и яко дым от ветра разливается...» (Прем 5: 8, 14); «...нечестивии <...> яко прах, егоже возмечает ветр от лица земли» (Пс 1: 4—5); «...и отвержет его, и далече поженет его, аки прах плевный веющих противу ветра, и яко прах колесный буря возносящая» (Ис 17:13). Иллюстрацией использования этого сравнения в поэтических текстах служит, например, уже цитировавшаяся ода Г. Р. Державина «На взя-

описываемый образ — метафора уязвимости и эфемерности — допускает, с одной стороны, контрастное соположение с мотивом поваленного или склоненного дерева, символизирующего низвержение мнимого или реального могущества,⁵³ а с другой — вступает в отношения параллелизма со своими функциональными и семантическими аналогами.⁵⁴ Иллюстрацией подобных отношений могут служить стихи 150—155 пушкинской «Полтавы», содержащие строки, перекликающиеся, на образном и фразеологическом уровнях, с первой строфой «Аквилона»:

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.

(V, 23)⁵⁵

тие Измаила» («...Дохнула с свистом, воем, ревом, / Помчала воздух, прах и лист...» — *Державин Г. Р.* Соч. Т. 1. С. 347) или «Гимн» (1808) В. А. Жуковского («...И в зиму, гневный Бог, на бурных облаках, / Во ужас облечен, с грозой опустошенья, / Паришь, погибельный... как дольный гонишь прах, / И व्यогу, и метель, и вихорь пред Собою...» — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 122).

⁵³ См., например, упоминавшуюся выше «Оду на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» М. В. Ломоносова («...Трясет полки их, флот и стан; / Как сильный вихрь, с полей прах гонит / И древ верьхи высоки клонит...» — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 86—87).

⁵⁴ См., например, ситуационный параллелизм образов облака и тростника как метафор земной человеческой бренности в 7-й главе поэмы Ф. Н. Глинки «Иов. Свободное подражание священной книге Иова» (между 1826—1834, опубл. 1859):

Земных отрад, земного счастья
Уж не видать мне и в мечте!
Как облак дымчатый редет
И исчезает в высоте,
Так я исчезну!..

<...>

Мое от страха сердце жмется,
И весь я — как под бурей трость...

(*Глинка Ф. Н.* Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Г. Базанова. Л., 1957. С. 294. (Библиотека поэта. Большая сер.)).

⁵⁵ О библейских истоках ст. 154 («Как вихорь гонит прах долины») упоминается, например, в издании: *Юрьева И. Ю.* Пушкин и христианство: Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писа-

Предпринимавшиеся с конца XIX в. и до настоящего времени попытки осмысления лирического сюжета «Аквилона», как правило, подразумевают разгадку его политической или биографической подоплеки. В первом случае произведение, как уже говорилось выше, читается как отклик поэта на значимые события европейской истории первых десятилетий XIX в. Наиболее последовательный сторонник этой интерпретации В. М. Есипов выдвинул версию, согласно которой образ аквилона являет собой аллеорию Российской империи как ведущего игрока на исторической арене, низвержение дуба ассоциируется с победой над Наполеоном, а гнев бури, обрушивающийся теперь на более слабых противников, намекает на подавление европейских революций начала 1820-х гг. силами возглавляемого Россией Священного союза.⁵⁷ Продолжая эту мысль, можно добавить, что призыв к покою, звучащий в последней строфе «Аквилона», перекликается с политическими взглядами поэта, который незадолго до обозначенного им самим времени создания стихотворения («1824 Мих<айловское>») проявлял интерес к идее «вечного мира», обеспечение которого в новых исторических условиях возлагалось на российского императора.⁵⁸ Приверженцы второго, биографического подхода, усматривают в первой и последней строфах стихотворения (то есть в сюжете, описывающем взаимодействие аквилона, тростника и облачка) намек на отношения, складывавшиеся между Пушкиным и Александром I осенью 1824 г., когда высланный из Одессы в Михайловское поэт полагал свою участь

ния и комментарием. М., 1998. С. 153–154. В 3-й Книге Царств встречается и намеченное в первоначальном варианте ст. 3 «Аквилона» соположение образа колеблемого тростника с мотивом изгнания (сочетающегося в библейском тексте с образом развеянного праха): «И поразит Господь Бог Израиля, якоже колеблется трость на воде: и истребит Израиля свыше земли благия сея, юже даде отцем их: и завещет их за ону страну реки, понеже сотвориша дубравы своя, прогневающие Господа» (3 Цар 14: 15).

⁵⁶ Надпись к стихотворению «Аквилон», сделанная А. К. Толстым:

Как не наскучило вам всем
Пустое спрашивать у бури?
Пристали все: зачем, зачем? —
Затем, что то — в моей натуре!

(Толстой А. К. Надписи на стихотворениях А. С. Пушкина // Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 308).

⁵⁷ Есипов В. М. «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 178–181.

⁵⁸ Подробнее о внимании Пушкина к этой идее см.: Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 160–207.

незаслуженной и надеялся на ее благоприятное решение, уповая на справедливость царя (см. письмо Пушкина к брату от первой половины ноября 1824 г. — XIII, 121). Обе трактовки неоднократно подвергались в литературоведении критическому переосмыслению. Справедливо отмечалась, во-первых, непродуктивность буквально-го отождествления феноменов поэтической реальности с социально-политическими обстоятельствами и личной жизнью поэта, а во-вторых — утрата и теми и другими фактами актуальности к моменту появления автографа ПД 126: очевидно, что художественная задача произведения, в окончательном виде оформившегося 7 сентября 1830 г., не могла полностью исчерпываться апелляцией к событиям шестилетней давности. Эти аргументы, в целом принятые пушкиноведами, парадоксальным образом не привели, однако, к отказу от упомянутых интерпретаций. В большинстве случаев последние лишь частично корректируются, утрачивая прямолинейность. Например, в рамках более осторожных трактовок образ бури предстает символом любых разрушительных сил мироздания (находящих воплощение, среди прочего, и в действиях властей), а повествование об участии столкнувшихся с ними героев читается как размышление о тщетности земного величия или о превратностях личной и творческой судьбы поэта.⁵⁹

Подобную ситуацию, разумеется, можно рассматривать как свидетельство литературоведческой инерции взаимодействия с художественными текстами, обладающими, в той или иной степени, аллегорической природой.⁶⁰ Представляется, однако, что в случае с «Аквилоном» дела обстоят несколько сложнее. Устоявшиеся тенденции его прочтения, «политическая» и «биографическая», отчасти обусловлены репрезентацией в пушкинском тексте двух картин мира, условно соотносимых, соответственно, с одой и элегией.

Отголоски одической поэтики в «Аквилоне» и частичная корреляция стихотворения с ориентированными на государственную мифологию произведениями русской и европейской поэзии уже обсуждались выше. Об элегической составляющей пушкинского текста (в силу жанровых установок воспринимаемой как манифестация внутреннего мира автора или лирического героя⁶¹) свидетельствует

⁵⁹ Обзор интерпретаций «Аквилона» и библиографию вопроса см.: Кардаш Е. В. «Аквилон» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1: А—Д. С. 11—13.

⁶⁰ Феномен, описанный, в частности, М. Л. Гаспаровым на примере анализа подходов к исследованию античной басни (Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М., 1971. С. 168—172).

⁶¹ См. об этом, например: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 37.

его темпоральная и, частично, образная организация: благополучие здесь ассоциируется со сферами прошлого и гипотетического будущего, в повествовании о настоящем прослеживается тревожная интонация, а описание новой бури включает в себя мотивы несчастья, гонения и утраты («долу клонишь», «гневно гонишь», «[чуждый] дальний небосклон» — II, 365, 910⁶²). Кроме того, нарисованная

⁶² Образ гонимого ветром облака или тучи как метафора душевного состояния лирического героя, переживающего утрату, разлуку или изгнание, неоднократно используется в лирике пушкинского времени. См., например, «Песню» (1821) Е. А. Баратынского («Страшно воеет, завывает / Ветр осенний; / По поднебесью далече / Тучи гонит. / На часах стоит печален / Юный ратник; / Он уносится за ними / Грустной думой. / О, куда, куда вас, тучи, / Ветер гонит? / О, куда ведет судьбина / Горемыку?» — *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818—1822 годов. С. 197) или указанное С. А. Фомичевым в связи с анализом «Аквилона» стихотворение «К облаку» (1829) А. Бестужева-Марлинского (см.: *Фомичев С. А.* «Так басней правду заменя...». С. 122). Среди примеров типологического характера, демонстрирующих использование этого образа в более широком жанровом и временном контексте, можно упомянуть неоднократно переводившуюся в пушкинское время на французский и русский языки оду Горация «К Гросфу» («Ad Grosphum»; II, 16), где ветер, гонящий тучи, метафорически соотносится с темой беспокойства и тоски, преследующей героя, который ищет покоя в чужих краях; в оригинале ветер именуется Эвром, но в переводах и переложениях использовались и другие названия, в том числе и «аквилон»: см., например, французский перевод этой оды в издании: *Loisirs d'un militaire, ou Traduction en vers français d'une partie des Odes d'Horace, avec le texte en regard, et la traduction en prose de MM. Campenou et Desprèz; par M. le vicomte Lenoir, maréchal de camp des armées du Roi.* Paris, 1822. P. 109; примечательно, что помимо образа аквилона, гонящего облако, в этом переводе также упоминается «чуждый небосклон» («un ciel étranger»):

Pourquoi tant s'agiter pour un moment de vie?
Sous un ciel étranger pourquoi porter ses pas?
L'homme en vain croit se fuir en fuyant sa patrie;
Il se retrouve en tous climats.

Le chagrin sur l'esquif monte avec l'équipage;
S'attache au cavalier, vole avec l'escadron,
Plus vite que le cerf, plus léger qu'un nuage
Chassé dans l'air par l'aquilon.

<Зачем столько хлопотать в мимолетной жизни?
Под чуждый небосклон зачем направлять свои шаги?
Человек напрасно думает убежать от самого себя, покидая родину;
Он в любой земле найдет лишь себя.

Печаль на челн всходит вместе с командой,
Неотступно следует за всадником, летит с эскадроном,
Быстрее оленя, легче облака,

Гонимого по воздуху аквилонем. — *фр.*>

Образ скитающихся туч или облаков как метафора житейских и душевных метаний лирического героя появляется позднее в произведениях М. Ю. Лермонтова (см., например, стихотворение «Тучи») («Тучки небесные, вечные стран-

в четвертой строфе мирная картина, содержащая востребованные одой атрибуты идиллического пейзажа, частично корреспондирует также с суггестирующим ландшафтом произведений В. А. Жуковского, включающим в себя описание легкого ветра, играющего в небе облачка и тихо колышущегося тростника.⁶³

Рассматриваемая как пространство взаимодействия двух обозначенных картин мира художественная реальность «Аквилона», однако, не нуждается в обязательной опоре на эмпирические (политические и биографические) феномены, ассоциирующиеся с соответствующими жанрами. Гораздо более значимую роль для ее организации, как представляется, сыграла другая тематика, общая для оды и элегии и соответствующая поэтическому языку пушкинского текста, во многом, как было показано выше, ориентированному на библейскую риторику. Речь идет о визионерском лирическом сюжете, смысл которого составляет осуществляемое поэтом прозрение высшего закона в эмпирической реальности.⁶⁴ Именно попытку

ники...», 1840) или 135-ю строфу 1-й главы «нравственной поэмы» «Сашка» (1835–1836): «Так облачко, оторвано грозою, / Бродя одно под твердью головою, / Куда пристать не знает; для него / Всё чуждо...» — Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 92).

⁶³ См., например, элегию «Вечер» («Ручей, виющий по светлomu песку...», 1806): «Как тихо веянье зефира по водам / И гибкой ивы трепетанье! / Чуть слышно над ручьем колышется тростник...» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 76) или послание «Государыне Императрице Марии Федоровне» («От вашего величества давно...», 1819), где при свете луны в реке отражается «тихо шепчущий тростник», а отблески луны в воде дробятся, «когда порхнет над спящею волной / Пролетный ветерок, с волною затрепещет»; в этом же стихотворении соплагаются топосы солнца, веселья, тростника и облачка, которым играет легкий ветер:

Прибрежный бархат тростника
На солнце ярко отликает,
И, приливая, опеняет
Его веселая волна,
И в лоне вод лазурь видна,
И по лазури тихо рея,
То загораясь, то бледнея,
Как дым, вечерни облака
Минуто на небе играют!
Играя с неба улетают
За дуновеньем ветерка.

(Там же. Т. 2. С. 158, 161)

⁶⁴ В качестве концептуального пространства взаимодействия одической и элегической картин мира визионерская тематика упоминается, например, в работе Эндрю Фихтера, посвященной исследованию английской поэзии первой трети XIX в., см.: Fichter A. Ode and Elegy: Idea and Form in Tennyson's Early Poetry // English Literary History. 1973. Vol. 40, № 3. P. 398, 400–402.

проникнуть за пределы видимого мира, провидеть в явленном взору хаосе невидимое связующее и организующее начало мира и репрезентирует повторяющийся в начале «Аквилона» вопрос «зачем?», обращенный к буре.⁶⁵

Ответ на этот вопрос, однако, далеко не однозначен. В сцене, разворачивающейся во 2-й и 3-й строфах пушкинского стихотворения, поведение аквилона имеет отчетливо эксплицированную и рациональную мотивировку: буря поднимается в ответ на угрозу общему благополучию, и ее усилия направлены на устранение опасности и восстановление мира («...Недавно дуб над высотой / В красе надменной величался. / Но ты поднялся, ты выиграл...» — II, 365). Подобная интерпретация корреспондирует с особенностями картины мира русской классицистической оды. Характерное для последней взаимодействие просветительского рационализма и религиозной (церковнославянской) традиции, с одной стороны, подразумевает, осмысление государственного устройства как воплощения сакрального миропорядка, а с другой — открывает возможности для прагматической рационализации библейской мистики. Скрытые интенции таинственной силы, регулирующей бытие вселенной, эксплицируются здесь в эмпирической механике причинно-следственных связей, в продиктованных земным рассудком поступках государя, действующего во благо своих подданных.⁶⁶ В этих обстоятельствах голос

⁶⁵ Синтаксическая организация первой строфы «Аквилона» (вопросительные предложения, объединенные анафорическим зачином) составляет, согласно замечанию В. В. Виноградова, один из признаков «библейского стиля» русской поэзии с XVIII века» (*Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 494*); такую же конструкцию Пушкин использовал и в ориентированном на библейские образы фрагменте «Зачем крутится ветер в овраге...» (1833–1835), входившем в состав поэмы «<Езерский>» (о библейских реминисценциях этого фрагмента см.: *Ильичев А. В. «Зачем крутится ветер в овраге...»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1991. Вып. 24. С. 148–148*; указание на его синтаксическую и образную перекличку с «Аквилонном» см.: *Бодрова А. С. Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 1. С. 94–95, сн. 18*). В свете сказанного выше предположение о синтаксической корреляции «Аквилона» с библейской поэзией представляется более вероятным, чем высказывавшаяся в исследовательской литературе версия о более широкой народно-поэтической, фольклорной природе обращения к ветру, с которого начинается пушкинское стихотворение (см.: *Иезуитова Р. В. «Зачем ты, грозный аквилон...». С. 141; Фомичев С. А. «Так басней правду заменя...». С. 124*).

⁶⁶ Указанная тенденция описана, в частности, И. Клейном в рамках исследования поэтики духовной оды В. И. Майкова (*Клейн И. Пути культурного импорта. С. 438–443*).

поэта, апеллирующего к вышнему закону, действительно служит носителем и транслятором метафизического знания. Существенно, однако, что истинность последнего подтверждается внеположным личности поэта авторитетом божественного писания, с одной стороны, и действующей политической системы — с другой.⁶⁷

Описанная ситуация не является в пушкинском тексте величиной постоянной. Если в прошлом поведение аквилона поддавалось рациональному объяснению, то развернувшееся в настоящем буйство хаоса кажется ничем не мотивированным. Интенции мистической силы, воплощенной в новой буре и грозе, теперь предстают непостижимыми, недоступными вопрошающему земному разуму. Эта идея, также восходящая к религиозной мистике, составляет один из устойчивых топосов поэзии первой трети XIX в., связанных, в частности, с романтической концепцией «невыразимого». Бессилие человеческого сознания и эксплицирующей силы слова перед тайнами мироздания отодвигает момент их осмысления в будущее, сулящее воссоединение с небесной отчизной за пределами земного бытия.⁶⁸ В этой картине мира отражением мистических сущностей служит реальность человеческой души, обретающей наиболее полное и совершенное выражение в поэтической речи, также имеющей непостижимую божественную природу. Последнее представление находит воплощение в упоминавшемся выше (и соотносимом с «Аквилонном») фрагменте «Зачем крутится ветер в овраге...», где мысль об отсутствии «закона» для ветра, орла и сердца девы завершается декларацией: «Гордись: таков и ты поэт, / И для тебя условий нет»

⁶⁷ Подробнее об этом см., например: *Основат К. «Властителям и судиям»: Державин и придворное политическое благочестие // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012. С. 281–282.*

⁶⁸ См., например, уже упоминавшийся выше «Гимн» В. А. Жуковского, где ответы на вопросы о тайнах мироздания должны открыться лирическому герою за порогом смерти:

О таинственный круг! каких законов сила
Слияла здесь красу с чудесной простотой,
С великолепием приятность согласила,
Со тьмою — дивный свет, с движением — покой,
С неизменяемым единством — измененье?

<...>

Ах! скоро ль прилетит последний, скорбный час,
Конца и тишины желанный возвеститель?
Промчись, печальная неведения тень!
Откройся, тайный брег, утраченных обитель!
Откройся, мирная, отеческая сень!

(Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 122–123, 125)

(V, 102). Голос поэта, подобно ветру, предстает здесь воплощением незримой мистической силы, основы мироздания.⁶⁹

Обозначенные выше картины мира, каждая из которых, в той или иной степени, находит отражение в сюжете «Аквилона», представляют собой два принципиально разных контекста, два ключа для интерпретации заключительной строфы стихотворения. В первоначальных вариантах она содержит непосредственное обращение к буре: «Довольно...»; «С тебя довольно...»; «Спокойся ж...» (II, 911). Опорой этой повелительной интонации и гарантией осуществления желаемого могут служить обе описанные картины мира: голос поэта, предписывающий аквилону должный тип поведения, либо служит средством трансляции предъявленного и закрепленного высшим авторитетом закона, либо сам, в силу своей божественной природы, носит законодательный характер. Очевидно, однако, что эти противоречащие друг другу концепции не допускают одновременной полноценной реализации, поскольку в этом случае они исключают и отменяют друг друга. Осуществленная поэтом правка, как представляется, ориентирована именно на решение этой семантической проблемы. Окончательная конструкция, начинающаяся словами «пускай» или «пусть», по-прежнему описывает желанное будущее, однако поэтическая речь здесь уже не выступает носителем метафизического знания или силой, способной непосредственно постулировать, творить или изменять реальность. Очерченные в предыдущих строфах способы взаимодействия художественного сознания и слова с миром в этих условиях перестают восприниматься как обязательная норма, обретая вместо этого вероятностную модальность. В качестве равно допустимых возможностей они дополняют и в то же время ограничивают друг друга, образуя в результате взаимодействия сложное, лишенное однозначности семантическое пространство. В этом контексте итоговая картина сменяющего бурю мира субъективируется, утрачивает присущий ей в рамках оды статус абсолютной реальности, результата действия законов мироздания, не зависящих от интенций отдельного человека.⁷⁰ Вместе с тем

⁶⁹ О связи образов ветра и поэтического дара в романтической поэзии, а также о библейских истоках этой корреляции см., например: *Roston M. Prophet and Poet: The Bible and the Growth of Romanticism*. London, 1965. P. 193–195.

⁷⁰ Любопытным типологическим примером, подчеркивающим специфику смысловой организации «Аквилона», может служить опубликованное в сборнике поэтических произведений М. О. и Е. О. Москвиных «Аония, или Собрание стихотворений. Соч. Г-ж ***» (М., 1802. Кн. 1. С. 10–14) нравоучительное стихотворение «Буря», сюжет которого, на первый взгляд, перекликается с сюжетом пушкинского стихотворения. Стихотворение открывается описанием тихо-

сама возможность существования подобного объективированного канона, в свою очередь, лишает поэтическое слово (трактующее в качестве репрезентации внутреннего мира личности) столь же абсолютной законодательной и пророческой силы. Оказывается, таким образом, что ни апелляция к рациональным основам миропорядка, ни вдохновенное заклинание стихии не гарантируют обретения желанного покоя: обе обозначенные в стихотворении поэтические картины мира не исчерпывают собой реальности, а вопрос «зачем?» остается без окончательного ответа. Своеобразным символом этой семантической многоплановости пушкинского сюжета, принципиально открытого для разных интерпретаций, выступает последний стих «Аквилона»: «И тихо зыблется тростник» (II, 365). Наличествующий здесь топос «тишины» отсылает одновременно и к одической, и к элегической картинам мира. В качестве слова-«сигнала» «тишина» в каждой из них наделяется специфическим смыслом: в оде маркирует состояние мира, обладающего логичностью, ясностью и упорядоченностью организации,⁷¹ а в элегии приобретает психологические и мистические коннотации.⁷²

Е. В. Кардаш

го и ясного идилического пейзажа («...Все творенье улыбалось, / Не пылал румяный луч, / И не видно было туч. / Вкруг зефиры нас порхали, / Ароматами дышали, / То играли с муравой, / То вились над головой...» (Там же. С. 10), покой которого нарушается налетевшей бурей («Меж тем буря восставала, / Всю Природу устрашала / Волновался грозной понт, / Темен стал весь горизонт. / Ветры с яром заревели, / С полдня тучи прилетели, / Эол ветры погонял, / Аквилон их догонял. / Страшны молнии сверкали...» — Там же. С. 10–11). В ужасе земля обращается к небу, вопрошая о причинах гнева («Чем же так тебя гнелю?») и умолая о возвращении мира («Усмири врагов воздушных, / Одному тебе послушных! / Гнев, жестокость укроти, / И спокойство возврати» — Там же. С. 12), и посланник небес укрощает бурю: «Бог, мне мнится, посылает / Мирна Ангела с трубой / Смертным возвестить покой. / Рек он тучам: устранились! / Рек громам: остановитесь! / <...> Рек! — и тучи устранились, / Все стихии примирились...» — Там же. С. 13). Этот сюжет, однако, имеет явную дидактическую интенцию: буря призвана продемонстрировать величие Создателя, а спасение обусловлено праведностью просителя («Праведника светел лик, / Судия его велик: / От сетей Он сокровленных / И от громов дерзновенных / Праведника защитит, / Соблюдет и сохранит. / <...> / Смертные! Громам внимайте, / Сколь велик Творец — познайте! / Страшен — как Судья сердец: / Милостив Он — как Отец» — Там же. С. 12–13, 14). То есть в данном случае авторский голос апеллирует именно к объективному, внеположному личности закону мироздания, подкрепленному авторитетом религиозного канона.

⁷¹ Подробнее см., например: Бухаркин П. Е. Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 6–9.

⁷² См.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 67.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К МИХАЙЛОВСКИМ СТИХАМ ПУШКИНА

1. «БУРЯ» («ТЫ ВИДЕЛ ДЕВУ НА СКАЛЕ...»)

Пластичность и красочность морского пейзажа пушкинской «Бури» казались многим ее комментаторам столь жизнеподобными, что они не раз пытались найти биографические источники вдохновения Пушкина, указав и конкретную «деву», и реальную «бурю», и даже скалу, которая могла быть запечатлена в стихотворении. Так, еще сто лет назад Н. И. Черняев высказывал гипотезу о том, что «Буря» связана с «крымскими воспоминаниями <...> о М. Н. Раевской»,¹ а В. П. Казарин, уже в новейшее время, всерьез предполагал, что в стихотворении могли отразиться впечатления Пушкина от страшной бури, настигнувшей Севастополь 27 августа 1820 г., а затем дошедшей и до Гурзуфа: «...во время очередной прогулки (или свидания) Пушкина и его спутницу (а может быть, и спутников) как раз и захватила приближавшаяся в течение дня буря».² Подробно опровергнув красочную идею Казарина («Можно ли представить ночную прогулку, когда тайфун <...> отнес на “довольное расстояние” будку с часовым, подхватил на воде четырнадцативесельный катер с людьми и перенес его по воздуху на середину бухты... <...> А через сутки в Азове и Таганроге тайфун еще сорвал крыши с домов, вызвал наводнение, потопил суда»), М. В. Строганов предложил свою версию, связав образность стихотворения с легендами о «скале девы», на которой находились «баснословные развалины храма Дианы» (XIII, 252), воспетые в стихотворении «Ч<аадае>ву» («К чему холодные сомненья?...», 1824).³

Ни одна из этих «биографических» гипотез не находит, однако, никаких дополнительных подтверждений. Тем более сомнительными они представляются, если учесть давнее наблюдение В. В. Виноградова об устойчивости образа «девы на скале» в романтической поэзии и прозе 1820-х гг. — см. приведенные им примеры из произведений Ф. Н. Глинки, текстуально близкие к пушкинскому тексту.⁴

¹ Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 334.

² Казарин В. П. К истории написания Пушкиным стихотворения «Буря» // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. Вып. 1. С. 75–76.

³ См.: Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Буря»: Проблема комментария // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 291–300.

⁴ «Я видел деву молодую: / Она, высоко на скале, / Под сосной древнею стояла, / Едва касаясь до земли; / И грудь под дымкой колыхалась, / И семи-

Намеченная Виноградовым идея литературного (и шире — культурного), а не конкретно-биографического генезиса «Бури» кажется продуктивной для выявления круга вероятных источников пушкинского стихотворения, которое, по всей видимости, представляет собой вариацию известного европейского топоса.

У его истоков стоит, может быть, самая известная (не считая Андромеды) «дева на скале» — древнегреческая поэтесса Сафо, которая, согласно преданию, бросилась с Левкадской скалы в море от несчастной любви к юноше Фаону. Этот трагический сюжет, еще со времен героиды Овидия занявший важнейшее место в легендарной биографии Сафо,⁵ неоднократно становился объектом описания в литературных произведениях и предметом изображения на живописных полотнах. Особенную популярность он снискал в позднеклассическую и романтическую эпоху, когда были созданы такие известные полотна, как «Сафо на Левкадской скале» П.-Н. Герена (начало XIX в., Эрмитаж) и «Сафо на Левкаде» Ж.-А. Гро (1801, Музей барона Жерара в Байо).

Ж.-А. Гро. «Сафо на Левкаде»
(1801, Музей барона Жерара
в Байо)

ствольная свирель / К устам рубиновым прильнула...» (Глинка Ф. Н. *Опыты аллегорий или иносказательных описаний в стихах и прозе*. СПб., 1826. С. 121); «Раз я видел ее, высоко от земли, на самом острие скалы <...> в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной неподвижности, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи громоздятся, как густые ополчения сражающихся людей» (Глинка Ф. Н. *Две сестры, или Которой отдать преимущество?* // *Северные цветы на 1828 год*. СПб., 1827. Отдел «Проза». С. 157–158). См.: Виноградов В. В. *Стиль Пушкина*. М., 1941. С. 58–59.

⁵ См.: Мазур Н. Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала...»: О стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» // *Пермяковский сборник*. М., 2010. Ч. 2. С. 279.

Последняя картина в связи со стихотворением Пушкина представляет особый интерес. Гро изобразил Сафо в роковой момент, когда она, в длинной белой одежде, развеваемой ветром, стоит на краю скалистого мыса, готовая броситься в бушующее море; темные нависшие тучи и мрачные скалы оттеняют белое, освещенное луной покрывало и подчеркивают драматизм изображенной сцены.

Ср. описание полотна Гро, впервые выставленного в Парижском салоне 1801 г. и сразу признанного достижением художника: «...elle précipita dans la mer, du haut du promontoire de Leucade, dans l'Arcarnanie. L'auteur a choisi ce dernier moment; la scène est de nuit et au clair de lune; mais le ton verdâtre et peu naturel des lumières et des reflets, fait beaucoup de tort à ce tableau où l'on trouve, sous d'autres rapports, l'empreinte d'un vrai talent. L'attitude de Sapho est plein d'expression, les parties supérieures sont dessinées avec infiniment de grace et de finesse».⁶

Нельзя исключить, что воспроизводившаяся на гравюрах и литографиях картина Гро⁷ могла быть известна Пушкину и послужила одним из иконографических подтекстов для его «девы на скале». Однако, учитывая устойчивость живописной традиции, говорить о конкретном источнике вряд ли возможно.⁸

⁶ Examen des ouvrages modernes de peinture, sculpture, architecture et gravure, exposés au Salon du Musée, le 15 fructidor an 9. Paris, 1801. P. 55. № 164; перевод: «...она бросилась в море с вершины Левкадской скалы в Аркарнании. Автор избрал это последнее мгновение; на полотне — ночь и сияние луны, но зеленоватый и неестественный тон в передаче света и отсветов много вредит картине, которая во всем прочем носит печать истинного таланта. Поза Сафо чрезвычайно выразительна, верхние части полотна прорисованы с исключительной красотой и изяществом».

⁷ См., например: Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts. Recueil de Gravures au trait, d'après les principaux Ouvrages de Peinture, Sculpture ou Projets d'Architecture... Rédigé par C. P. Landon... Paris, 1802. Т. 3. P. 63, pl. 28. Уже после публикации стихотворения Пушкина (Московский вестник. 1827. Ч. 1, № 2. С. 91) гравюра с картины Гро была напечатана в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 8, б. п.; гравер А. Флоров) с соответствующим «изъяснением картинки»: «Знаменитый Гро, один из современных нам французских живописцев, изобразил Сафо на Левкадском утесе: один шаг, одно мгновение, и — она в бездне! Перед нею необозримое море, и тихая луна отражается в спокойных морских волнах; вдали виден жертвенник, где догорает последний дар Сафо богам на земле; лира — одно, что не изменило ей в здешнем мире — крепко сжата руками несчастной... Мысль поэтическая дышит во всей картине, несмотря на простоту изображения...» (Там же. С. 515).

⁸ В 1800—1820-е гг. сюжет «Сафо на скале» вышел за пределы собственно мифологической живописи: иконография «лесбосской певицы» транспонировалась на «новых Саф», среди которых особое место занимала А.-Ж.-Л. де Сталь, часто изображавшаяся «в виде Коринны, героини ее самого известного романа,

2. «ПРИЯТЕЛЯМ» («ВРАГИ МОИ, ПОКАМЕСТЬ Я НИ СЛОВА...»)

Острая пушкинская эпиграмма, посланная в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. (см.: XIII, 95) и напечатанная им под заглавием «Журнальным приятелям» в 3-м номере «Московского телеграфа», послужила, как известно, поводом к оживленной полемике между «Благонамеренным» и журналом Н. А. Полевого, на стороне которого в ней принял участие Пушкин.⁹ Однако на вопрос о том, что побудило самого Пушкина выступить в печати с таким «когтистым» текстом и в кого именно он целил, до сих пор не было предложено убедительного ответа.

Высказывалось несколько гипотез об адресации эпиграммы. Б. В. Томашевский предполагал, что поводом к ее сочинению могло быть «недовольство Пушкина, причиненное какими-то поступками его друзей <...> возможно в связи с распространением какой-то клеветы, которую Пушкин приписывал <Ф. И.> Толстому».¹⁰ Печатная поправка Пушкина, касавшаяся заглавия, данного Вяземским («Журнальным приятелям» вместо просто «Приятелям»),¹¹ интерпретировалась Томашевским как указание на то, что Пушкин был сильно задет именно «приятельской» клеветой, а не журналь-

чья судьба, как и судьба ее создательницы, была созвучна с биографической легендой лесбосской певицы» (*Мазур Н. Н.* «Возможна ли женщине мертвой хвала...». С. 281). Так, на знаменитой картине Ф. Жерара «Коринна на Мизенском мысу» (1819) мадам де Сталь изображена сидящей на краю Мизенского мыса, на фоне Везувия, бурного моря и мрачного неба, что вполне соответствует пейзажу пушкинской «Бури». Ср. также описание импровизации Коринны на краю мыса: *Corinne, ou l'Italie / Par Mme de Staël Holstein.* 4-е éd., revue et corrigée. Paris, 1809. Т. 2. Р. 293–307.

⁹ Подробно о ходе полемики см.: *Прокурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 269–288.

¹⁰ *Пушкин А. С.* Соч. 2-е изд., испр. и доп. / Ред., биограф. очерк и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1937. С. 916.

¹¹ Ср. объявление, появившееся в «Северной пчеле» (1825. № 52. 30 апр. С. 3): «А. С. Пушкин просил издателей “Северной Пчелы” известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 “Моск<овского> Телеграфа” на стр. 215, под заглавием: “К журнальным приятелям”, должно читать просто: “К приятелям”». Публикация заметки Пушкина в болгаринской газете задела издателя «Телеграфа» Н. А. Полевого, поместившего в прибавлении к очередному номеру своего журнала ответ Пушкину: «На замечание, что в названии эпиграммы, напечатанной в “Телеграфе”, прилагательное: *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Изд<атель> “Моск<овского> Тел<еграфа>”» (Московский телеграф. 1825. Ч. 3. Прибавление к № 9. С. 153).

ными нападками.¹² В качестве косвенного подтверждения своей интерпретации исследователь приводил также написанные в начале 1825 г. XVIII–XIX строфы четвертой главы «Евгения Онегина» («Враги его, друзья его / (Что, может быть, одно и то же)» — VI, 352), обнаруживающие переключки с эпиграммой «Приятелям» и, очевидно, имеющие в виду клевету Толстого-Американца. Версия Томашевского была впоследствии поддержана и развита С. В. Березкиной,¹³ хотя в более ранней работе она высказывала предположение об ином адресате пушкинского текста (см. ниже).

Гипотезу Томашевского попыталась опровергнуть Т. Г. Цявловская, полагавшая, что «Приятелям» — это политическая эпиграмма, имевшая в виду Александра I и его «приспешников», в том числе А. Н. Голицына, намек на отставку которого исследовательница увидела в черновых строках «Один из вас убрался на покой».¹⁴ В качестве аргументов Цявловская приводила вероятные политические обертоны именования «приятель» («...приятелем <...> Пушкин назвал Александра I в письме к Рылееву <...> употребление слова “приятель”, “друг” в значении “политический враг” применялось не одним Пушкиным»¹⁵), а также датировку, которую она — лишь на основании цвета чернил в беловом автографе в тетради ПД 835 — отнесла к сентябрю 1824 г.,¹⁶ что представляется сомнительным. Не менее спорна и связь эпиграммы с отставкой Голицына, на что указала С. В. Березкина,¹⁷ которой принадлежит новая гипотеза об адресации текста, направленного, по ее мнению, против М. Ф. Орлова и его кишиневского окружения.¹⁸

Основание своей гипотезе исследовательница увидела в «арзамасском» контексте письма Пушкина к Вяземскому от 25 января 1825 г., где Пушкин именует себя «арзамасцем» («Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове» — XIII, 136), а свою эпиграмму называет «стишками» в духе «Василья Львовича». Это определило направление поисков адресата эпиграммы в кругу «Общества безвестных людей». Арзамасцем, с которым Пушкин общался после

¹² См.: Пушкин А. С. Стихотворения / Подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 803 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹³ См.: Березкина С. В. Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // Русская литература. 2001. № 3. С. 92–95.

¹⁴ Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 180–184.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 181.

¹⁷ Березкина С. В. «...И сторожит Индеек и Гусей»: (Об адресате эпиграммы Пушкина «Приятелям») // Русская литература. 1996. № 3. С. 236–237.

¹⁸ Там же. С. 242–249.

отъезда из Петербурга и с которым у него не сложились отношения, был, по мнению Березкиной, М. Ф. Орлов, а свидетельством о давнем конфликте исследовательница сочла позднейшие слова Пушкина в письме к жене: «Орлов умный человек <...> но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (XVI, 114). Согласно гипотезе Березкиной, Пушкина должно было задевать «насмешливо-ироническое отношение» со стороны Орлова и офицеров 2-й армии: с этим околodeкабристским кругом Пушкин мог связывать возникновение неблагоприятной для себя репутации «ненадежного», «несерьезного» человека, не достойного войти в тайное общество, — репутации, «которую сам поэт расценивал как клеветническую».¹⁹ Указание Березкиной на значимость «арзамасских» ассоциаций представляется существенным, однако предложенная адресная гипотеза («“гуси” в эпиграмме Пушкина адресовались лишь одному “благородному арзамасскому гусю” — Орлову»²⁰) неубедительна: никаких прямых свидетельств о том, что Пушкин считал Орлова причастным к распространению каких-либо клеветнических слухов о себе, у нас нет, маловероятным представляется и решение Пушкина непременно напечатать эпиграмму (в особенности через посредство Вяземского, связанного с Орловым давней дружбой), если бы в ней речь шла о столь близком адресате.

Ключ к ее прочтению может, как кажется, дать не биографический, а литературный контекст. Нельзя не отметить явную связь эпиграммы со стихотворением «О муза пламенной сатиры!..», которое, подобно «Приятелям», строится как обещание в скором будущем «мучить казнию стыда» врагов-«подлецов»: «Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда! / Но если же кого забуду, / Прошу напомнить, господи!» (II, 458). Ср.: «Но из виду не выпускаю вас / И выберу когда-нибудь любого: / Не избежит пронзительных когтей».²¹

Вероятно, презрительное именование «ребята подлецы» в «О муза пламенной сатиры!..» имело вполне конкретное «применение»: «подлецами» поэты пушкинского круга в ряде непечатных сатирических текстов начала 1820-х гг. устойчиво именовали цензоров:

Кой-что я Русского Парнасса,
Я не прозаик, не певец,

¹⁹ Там же. С. 242–246.

²⁰ Там же. С. 246.

²¹ См. комментарий Т. А. Китаниной к стихотворению «О муза пламенной сатиры...» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 3, кн. 1 (в печати)).

Я не 15 класса —
Я цензор — сиречь — я подлец.

(«Певцы 15 класса» Баратынского,
Дельвига и др.,²² 1822)

Член тюремный и Библейский,
Цензор, мистик и срамец
<...>
Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!

(«Петербургским цензором»
А. А. Дельвига,²³ 1823—1824)

Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

(«Элегия на смерть Анны Львовны»
Пушкина и Дельвига, апрель 1825;
II, 482).

Поддерживает такую интерпретацию и последовательная градация, исключаящая из числа адресатов «пламенной сатиры» «несчастливых поэтов», «переводчиков голодных» и «журнальных клеветов» («Мир вам, журнальные клеветы...»)²⁴

Сходство названных эпиграмматических текстов позволяет распространить адресацию цензорам и на стихотворение «Пряте-лям». Косвенным свидетельством в пользу такого прочтения может служить черновой вариант: «Враги мои! довольны ли вы мной / Один из вас убрался на покой», обнаруживающий фразеологическую близость к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (II, 370), где ушедший с должности цензора Тимковский также назван «покойным» («Ну право, их умней покойный был Тимковский!»).

²² Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3, ч. 1. С. 161.

²³ Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. М., 1986. С. 164.

²⁴ Отметим, впрочем, что строка о «журнальных клеветках» известна по единственному и не вполне авторитетному списку Теймураза Багратиони, источник которого неизвестен, а в тексте содержится немало неточностей и опечаток (см.: Дондуа К. Пушкин в грузинской литературе // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 203—204; ср.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3, кн. 1; примеч. Т. А. Китаниной (в печати)).

Адресация цензорам позволяет также объяснить и множественность «врагов», и отсутствие личной направленности: «выберу когда-нибудь любого». А такая прямо выраженная угроза грядущих эпиграмматических нападков (как и в стихотворении «О муза пламенной сатиры!...») роднит стихотворение Пушкина с сатирическим посланием Дельвига «Петербургским цензорам», завершающимся сходным обещанием: «Славьтесь цензорской указкой! / Таски вам не миновать!»²⁵

3. «[СЛОВЕСНОСТЬ РУССКАЯ БОЛЬНА...]»

Непечатно-неблагопристойный выпад в адрес издателя «Вестника Европы» — один из целой серии пушкинских сатирических текстов весны 1825 г., вызванных запоздалыми нападками на «Кавказского пленника» и «Черную шаль» в журнале М. Т. Каченовского. Об этом критическом демарше «Вестника Европы» Пушкину сообщил П. А. Плетнев в письме от 3 марта 1825 г.: «Не знаю, отчего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно ждут от тебя послания. Каченовский все хлопочет о “Кавказск<ом> Пл<еннике>”, а его, бедного, уж нет и в лавках» (XIII, 148). Плетнев имел в виду фрагмент из «Мыслей и замечаний»,²⁶ которые были напечатаны под псевдонимом Юст Веридиков и написаны М. А. Дмитриевым, чье авторство, однако, оставалось неизвестным ни Плетневу (как следует из его письма), ни, очевидно, Пушкину.²⁷ Сам поэт до первой половины марта не имел возможности ознакомиться с выпадами «Вестника Европы», о чем говорит письмо Пушкина брату Льву от 14 марта 1825 г.: «Каченовский восстал на меня. Напиши, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (XIII, 152).²⁸ Эпиграмму для публикации — «Жив, жив Курилка!» — Пушкин прислал в письме брату почти два месяца спустя — в первой половине мая (XIII, 174), вероятно, уже после личного знакомства с критическими суждениями

²⁵ Дельвиг А. А. Соч. С. 165.

²⁶ Вестник Европы. 1825. Ч. 139, № 3 (ценз. билет 19 февраля — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 23). С. 225–228.

²⁷ См.: Билинкис О. Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив Курилка!» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 338–339.

²⁸ Эти слова Пушкина можно интерпретировать как указание на то, что какая-то эпиграмма на Каченовского к этому моменту уже была у него в запасе (может быть, «Литературное известие»), однако очень маловероятно, чтобы речь могла идти о тексте «Словесность русская больна...», работа над которым, судя по имеющимся данным, не двинулась дальше черногового наброска и который в любом случае не мог предназначаться для печати.

«Вестника Европы»: вполне возможно, что после 14 марта Пушкин так или иначе получил какие-то его номера.

Можно предполагать, что внимательное знакомство с литературно-критической продукцией журнала Каченовского обусловило, в частности, выбор образного ряда для эпиграмматического описания текущего состояния русской словесности.²⁹

Так, в мартовском номере «Вестника Европы» был напечатан сатирический диалог С. П. Шевырева «Водевиль и Элегия»,³⁰ метивший, кроме прочего, в представителей элегической школы. Элегия уподоблялась здесь женщине, подверженной головной боли и другим «припадкам болезней женских». Ср.: «Я <элегия> правда иногда бледна, / <...> с умом я не дружна, / И болью головной бываю я больна...».³¹ Не исключено, что эти строки отозвались в начальных стихах пушкинского наброска («[Словесность русская больна,] / Лежит в истерике она / И бредит языком мечтаний» — II, 417), также отсылающих к актуальной для второй половины 1824—1825 гг. полемике о «мечтательной» «элегической школе», вызванной программной статьей В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».³²

²⁹ Сатирическое сопоставление ежемесячного выхода журнала с месячными «припадками болезни женской» встречалось и во французской эпиграмматической традиции. Как указал А. А. Добрицын (см.: *Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века.* Bern, 2008. С. 429—430), ориентиром для пушкинского выпада могла послужить анонимная французская эпиграмма (опубл. 1698; перепечатывалась в популярной антологии XVIII в. «Nouveau Recueil des Epigrammatistes François...»), направленная против журнала «Галантный Меркурий», издававшегося Ж. Донно де Визе (Donneau de Visé; 1638—1710) при участии (с 1681 г.) Тома Корнеля (Corneille; 1625—1709), брата знаменитого драматурга. Ср.: «Ce sot Livre qu'on voit dans les mains des Bourgeois / Réglement toutes les Lunes, / N'est-ce point un Egoût du Parnasse François? / Non, mais c'est qu'en suivant les loix / Au sexe féminin communes, / La Muse Française a ses Mois. / O Dieu! direz-vous, quelle ordure! / De Visé cependant en fait sa nourriture, / Et Corneille y trempe ses doigts» (Nouveau Recueil des Epigrammatistes François... Amsterdam, 1720. Т. 2. Р. 98; «Эта глупая книга, которую видишь в руках буржуа / Регулярно, каждую луну, / Не отстойник ли это французского Парнаса? / Нет, но, следуя законам, / Общим для женского пола, / Французская Муза имеет месячные. / О Боже, — воскликнете вы, — какая гадость! / Де Визе, однако, этим питается, / И Корнель макает туда пальцы»; перевод А. А. Добрицына).

³⁰ Вестник Европы. 1825. Ч. 140, № 5 (выход в свет 21 марта — см.: Московские ведомости. 1825. № 22. 18 марта. С. 794). С. 3—14.

³¹ Там же. С. 6.

³² О полемике с Кюхельбекером см.: Тынянов Ю. Н. Арханглы и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 95—121; Краснорядко Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхель-

В характеристиках Каченовского как «застудившего» литературу «хладного Зоила» («И хладный между тем Зоил / Ей Каченовский застудил / *Теченье месячных изданий*» — II, 417) можно увидеть пародийное противопоставление романтическим «горячащимся писателям», которых порицал Юст Веридиков в очередной серии своих «Мыслей и замечаний»: «Гете сказал, что писатель должен соблюдать возможное хладнокровие, дабы действовать сильнее на воображение читателей. — Наши господа *стихо-* и *прозо-*творцы поступают напротив: они как можно более горячатся, чтобы произвести в читателях хладнокровие к своим писаниям».³³

Наконец, был у Пушкина и повод обвинить Каченовского в нарушении «течения месячных изданий»: вполне исправно (раз в две недели) выходивший журнал как раз в апреле 1825 г. задержался более чем на неделю: 4-й номер вышел 7 марта,³⁴ 5-й, как и полагалось, — 21-го марта,³⁵ а следующий, 6-й номер вышел в свет только 15 апреля.³⁶ Если Пушкин имел в виду именно это обстоятельство, комментируемая эпиграмма была написана не ранее второй половины апреля 1825 г.

А. С. Бодрова

бекеру // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*. Stanford, 2008. Part 1. P. 74–102; Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 164–182.

³³ Вестник Европы. 1825. Ч. 139. Февраль. № 4 (выход в свет 7 марта — см.: Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629). С. 307.

³⁴ Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629.

³⁵ Там же. № 22. 18 марта. С. 794.

³⁶ Там же. № 29. 11 апреля. С. 1023.

О ДАТИРОВКЕ «<ЗАПИСОК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА>»

Вопрос о датировке «<Записок молодого человека>» решался по-разному. Первый их публикатор П. В. Анненков, руководствуясь, вероятно, датой, упомянутой в тексте («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры...»), сообщил, что отрывок написан «в 1825 году, или вскоре после того».¹ П. А. Ефремов вынес эту датировку в за-

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 275.

главие, но в примечании предложил другую: набросок «писан в 1830 г. одновременно с „Повестями Белкина“, в которые и вошла большая часть его с маленькими только изменениями».² Эта датировка, принятая П. О. Морозовым,³ а затем окончательно и самим П. А. Ефремовым,⁴ была пересмотрена Ю. Г. Оксманом, который, указав на декабристское содержание наброска, созвучное с десятой главой «Евгения Онегина» (задумана в 1829 г., написана в Болдине осенью 1830 г.), назвал его «неоконченной пушкинской повестью 1829 года».⁵ Впоследствии ученый скорректировал данное решение, датируя набросок «условно» 1829–1830 гг.⁶ Эта же датировка была принята Л. Б. Модзалевским (VIII, 1058) и редакторами последующих изданий сочинений Пушкина.⁷ Уже позднее Н. Я. Эйдельман обратил внимание на то, что черновик «<Записок...>» написан на бумаге, которая «наиболее часто встречается в 1826–1827 годах и ранее», и справедливо заметил, что его датировку можно «несколько отодвинуть назад».⁸

Действительно, автограф «<Записок молодого человека>» (ПД 255) состоит из листов, относящихся, по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, к трем различным сор-

² Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 4. С. 393, 453. П. А. Ефремов имел в виду эпизод с описанием картинок в доме смотрителя, перенесенный из «<Записок молодого человека>» в текст повести «Станционный смотритель».

³ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 4. С. 339; в следующем издании П. О. Морозов опубликовал набросок в примечаниях к «Станционному смотрителю» как «вариант начала повести» (Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1904. Т. 5. С. 615–618).

⁴ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 5. С. 107–110.

⁵ Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка: (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. 1930. № 7. С. 219.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 4. С. 768; подгот. текста и коммент. Ю. Г. Оксмана.

⁷ Как правило, исследователи соотносили появление «<Записок...>» с временем создания «Станционного смотрителя» (окончен 14 сентября 1830 г.), поскольку один из эпизодов наброска был перенесен в текст повести (см. выше). Однако следует отметить, что Пушкин использовал не только близкие по времени наброски. Так, черновик лирического наброска «Когда порой воспоминанье...» (ПД 138, л. 1) той же болдинской осени содержит отсылки к незавершенному стихотворению «Кто знает край, где небо блещет...» (1827) или, например, замысел болдинской полемической заметки «Сам съешь» возник еще осенью 1825 г. в Михайловском (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому — XIII, 225).

⁸ Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 121–122.

там бумаги: № 52 (л. 1), № 244 (л. 2) и № 82 (л. 3–5).⁹ Остановимся подробнее на том, когда и где Пушкин их использовал.

На бумаге № 244 нам известны еще два автографа. Один из них — элегия «Погасло дневное светило...» (ПД 34), где первые четыре стиха написаны рукой Пушкина, остальной текст (ст. 5–40) — рукой Е. Н. Вульф с поправками А. Н. Вульф и П. А. Осиповой. Эта запись сделана в Тригорском в промежутке между 9 августа 1824 г. (дата приезда Пушкина в Михайловское)¹⁰ и мартом 1825 г. (временем составления тетради П. И. Капниста).¹¹ Второй — стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...» (ПД 92), которое традиционно связывают с именем гр. М. А. Мусиной-Пушкиной (урожд. Урусова; 1801–1853).¹² Вернувшись из ссылки в Москву (в сентябре 1826 г.), Пушкин до отъезда в Петербург (в мае 1827 г.) часто бывал в доме Урусовых и, по свидетельству П. А. Вяземского, был влюблен в их старшую дочь.¹³ Вслед за П. В. Анненковым, отнесшим стихотворение к 1827 г.,¹⁴ во всех последующих изданиях до большого академического оно также печаталось в разделе этого года. Н. В. Измайлов датировал «Кто знает край, где небо блещет...» предположительно февралем — мартом 1828 г. (III, 1157).¹⁵ Границы датировки были расширены М. А. Цявловским:

⁹ См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 101.

¹⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 431.

¹¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2015. Т. 2, кн. 2. С. 503–504; примеч. С. А. Фомичева.

¹² См. запись П. В. Анненкова среди материалов для биографии Пушкина: «Мусина-Пушкина, урожд. Урусова, потом Горчакова (посланника), жившая долго в Италии, красавица собою, которая, возвратившись сюда, капризничала и раз спросила клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал описанием Италии

Кто знает край.

Но клюква как противоположность была или забыта или брошена» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 341–342).

¹³ Подробнее см.: Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...» (Пушкин и гр. М. А. Мусина-Пушкина) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 369–372.

¹⁴ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 84; Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 439.

¹⁵ В статье М. А. Цявловского приведена следующая запись Н. В. Измайлова: «Датировано Анненковым 1827 годом без приведения оснований. Соображения П. О. Морозова, что оно не могло быть написано позднее ЛII строфы VII главы “Евгения Онегина” (т. е. не позднее осени 1828 г.), вполне убедительны» (Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...». С. 376). Имеются в виду четыре строки («С какою легкостью небес-

«...не ранее середины ноября 1827 г. и не позднее, вероятно, марта 1828 г.».¹⁶ Опираясь на заключительные строки стихотворения («Пиши Марию нам другую, / С другим младенцем на руках» — III, 98), исследователь предположил, что речь идет о втором сыне Мусиной-Пушкиной Александре, родившемся 10 июня 1827 г. По мнению Цявловского, встретиться с Мусиной-Пушкиной и ее младенцем Пушкин мог в период ее пребывания в Петербурге, куда она приехала, сопровождая ко двору свою сестру, княжну Софью Урусову, то есть с середины ноября 1827 г. до марта — апреля 1828 г.¹⁷ Однако эти рассуждения не исключают возможности, что, узнав о рождении сына Мусиной-Пушкиной, поэт написал стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...» вскоре после приезда в Михайловское.¹⁸ Темные чернила, тонкое перо и почерк автографа очень близки к «михайловским» автографам этого времени в тетрадах ПД 833 и ПД 836.¹⁹

Бумагу № 82 Пушкин в основном использовал во время ссылки в Михайловском в декабре 1825 — ноябре 1826 г. На ней написаны черновик «<Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>» (ПД 292), перебеленный текст перевода из «Orlando furioso» («Неистового Роланда») Л. Ариосто (ПД 78), фрагмент воспоминаний о Карамзине («Кстати замечательная черта...»; ПД 416), частично вторая беловая редакция «Графа Нулина» (ПД 893, л. 3/6) и записка «О народном воспитании» (ПД 1734, л. 1/18, 3/16, 4/15, 6/13).²⁰ На этой же бумаге в Михайловском, но уже год спустя,

ной ~ Во всех движениях полна!...»), которые в несколько измененном виде перенесены Пушкиным из черновика стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...» (III, 648) в строфу LII седьмой главы «Евгения Онегина», законченной 4 ноября 1828 г.

¹⁶ Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...». С. 378.

¹⁷ Подробнее см.: Там же. С. 376—377.

¹⁸ Пушкин прибыл в Михайловское в конце июля 1827 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 287).

¹⁹ См., например, черновики «<Арапа Петра Великого>» (ПД 836, л. 20, 20 об., 21—21 об., 22 об., 24—24 об., 25—26, 27 об., 28—28 об.; ПД 833, л. 83, 82 об.), шестой и седьмой глав «Евгения Онегина» (ПД 836, л. 23—23 об., 21 об.—22, 26), стихотворения «Сводня грустно за столом...» (ПД 836, л. 26—26 об.) и др. (Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.]. СПб.: Лондон, 1995. Т. 3; 1996. Т. 4).

²⁰ Эти автографы датированы Т. И. Краснобородько (см.: Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part 1. P. 66—73, 106).

в конце сентября — до 13 октября²¹ 1827 г., набросан черновик начала седьмой главы «<Арапа Петра Великого>» (ПД 251).²² Не исключено, что пушкинские выписки из «Календаря или месяцеслова на 1721 г.» (ПД 708)²³ и «Четых миней» (ПД 709),²⁴ которые условно датируются 1830-ми гг., также могли быть сделаны в Михайловском.

Таким образом, большинство вышеперечисленных автографов были написаны Пушкиным в Михайловском или Тригорском, что позволяет говорить о локальном использовании бумаги № 244 и № 82.

Начало «<Записок молодого человека>» находится на листе, вырванном из Лицейской тетради ПД 829 (бумага № 52),²⁵ ко-

²¹ Дата отъезда Пушкина в Петербург (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 307).

²² В большом академическом издании Д. П. Якубович указал только место и дату, когда был начат роман: «31 июля 1827 г. в с. Михайловском» (VIII, 1049). Позднее Г. А. Лапкина справедливо заметила, что все шесть глав были начерно написаны еще в августе в Михайловском (см.: *Лапкина Г. А.* К истории создания «Арапа Петра Великого» // *Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 296). Однако, по мнению исследовательницы, к наброску седьмой главы, сохранившемуся на отдельном листе ПД 251, Пушкин вернулся уже позднее, в Петербурге, после того как в марте 1828 г. прочел друзьям главы «<Арапа...>» (см.: Там же). Это предположение не кажется убедительным, если учесть, что бумага, на которой написан этот автограф, использовалась в основном в Михайловском.

²³ Описание этого автографа впервые опубликовано В. И. Срезневским, который дал ему широкую датировку: «копия 1820—1830 гг.» (*Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // *Пушкин и его современники*. СПб., 1906. Вып. 4. С. 32). Позднее Л. Б. Модзалевский датировал выписки из календаря предположительно 1836 г., связав их с подготовкой статьи для «Современника» — см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер*. М.; Л., 1935. С. 589; *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 252, 311.

²⁴ И. А. Шляпкин датировал выписки 1829—1830 гг. (см.: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 53), в описании рукописей Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского и во втором издании «Рукою Пушкина» они датированы 1830-ми гг. (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 253; *Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы*. 2-е изд., перераб. // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 552; примеч. С. А. Фомичева).

²⁵ На бумаге, вырванной из той же тетради, до нас дошли еще два пушкинских автографа — ПД 25 (стихотворения «Там у леска, за ближнею долиной...» (1817) и «Царское Село» (1819)) и ПД 880 (беловой автограф стихотворения «Орлову» (1819)).

торая, по-видимому, была у Пушкина в михайловской ссылке.²⁶ В следующий приезд в Михайловское (в конце июля — середине октября 1827 г.²⁷) поэт вряд ли взял ее с собой из Петербурга. Кроме того, разный формат листов и разные сорта бумаги, на которых велась работа над «<Записками молодого человека>», свидетельствуют о том, что Пушкину явно не хватало писчей бумаги.²⁸

Содержание «<Записок...>» также не противоречит тому, что набросок мог быть написан в Михайловском. Ю. Г. Оксман первый обратил внимание на зачеркнутую начальную фразу в черновике («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры [в Ч<ерниговский> полк], 6<-го> получил повеление отправиться в полк [в Киевскую губернию] в местечко В<асильков>, 9<-го> выехал из П<е-тер>Б<урга>»), указывающую на исторические обстоятельства, от которых мог отталкиваться Пушкин при замысле нового произведения.

Исследователь имел в виду «трагическую историю появления и гибели в рядах восставшего Черниговского полка девятнадцатилетнего Ипполита Муравьева-Апостола. Только что произведенный в прапорщики, он выехал зимою 1825 г. из Петербурга к месту своего назначения, в Тульчин, дорогой, рассчитывая на свидание с братом, свернул в Васильков, куда неожиданно попал в самый разгар восстания, с энтузиазмом стал в ряды революционных черниговцев, при столкновении с правительственными войсками был тяжело ранен и, не желая пережить разгрома мятежников, застрелился».²⁹ Восстание Черниговского полка, проходившее под руководством С. И. Муравьева-Апостола, началось 29 декабря 1825 г. и было подавлено 3 января 1826 г.

Информацию о всех этих событиях Пушкин получил, скорее всего, в Москве, куда он в срочном порядке прибыл с фельдъегерем

²⁶ По свидетельству И. П. Липранди, отец и брат поэта передали через него в Кишинев «огромный пакет с письмами, с какою-то тетрадью и включавший в себе пятьсот рублей» (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний: Заметки на статью «Пушкин в южной России» // Русский архив. 1866. № 10. Стб. 1484). К тому времени в Петербурге могла находиться единственная пушкинская тетрадь — ПД 829 (Лицейская), так как следующие шесть тетрадей (ПД 830—835) были начаты поэтом уже на юге.

²⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 287, 308.

²⁸ О чернильном и бумажном кризисе в период михайловской ссылки см.: Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 70.

²⁹ Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка: (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. 1930. № 7. С. 218.

8 сентября 1826 г.³⁰ для аудиенции у императора Николая I и где провел почти два месяца — до 2 ноября.³¹ В это время он познакомился с В. П. Зубковым, другом И. И. Пущина, побывавшим в заключении по делу декабристов, и часто бывал у него,³² встречался с П. Я. Чаадаевым, навещал князей Трубецких.³³ Несомненно, в дружеском кругу поэт узнал много подробностей о казни пятерых возглавивших восстание декабристов (13 июля 1826 г.), среди которых был и С. И. Муравьев-Апостол.

Вернувшись в Михайловское, Пушкин не переставал размышлять над декабрьскими событиями, составляя по распоряжению царя официальную записку «О народном воспитании».³⁴ Он вполне мог задумать в это время и повесть о молодом прапорщике, однако сразу же оставил работу над ней, понимая, что напечатать ее будет невозможно.

Таким образом, можно предположить, что «<Записки молодого человека>» написаны в Михайловском после возвращения Пушкина из Москвы, то есть между 8 и 23 ноября 1826 г.³⁵ Характер почерка и чернила других автографов этого периода также не противоречат данному предположению.³⁶

С. Б. Федотова

³⁰ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 169.

³¹ См.: Там же. С. 198.

³² Об этом см.: *Модзалевский Б. Л.* Василий Петрович Зубков и его записки // *Пушкин и его современники*. СПб., 1906. Вып. 4. С. 103—104.

³³ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 172.

³⁴ См. также его рисунки конца ноября 1826 г. в тетр. ПД 836, л. 37 (*Пушкин А. С.* Рабочие тетради. Т. 4), изображающие казнь декабристов: виселицы с пятью повешенными (К. Ф. Рылеевым, П. И. Пестелем, С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым, П. Г. Каховским), а также портреты С. П. Трубецкого, П. С. Пущина и др. и запись строки: «И я бы мог как [шутя <сечь>]» (см.: *Цявловская Т. Г.* 1) Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // *Литературное наследие декабристов*. Л., 1975. С. 202—206; 2) *Рисунки Пушкина*. 4-е изд., стереотип. М., 1986. С. 178—186).

³⁵ Утром этого дня Пушкин отправился в Москву (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 205).

³⁶ См., например, черновики записки «О народном воспитании» (ПД 836, л. 45 об.—43, 41 об.) и пятой главы «Евгения Онегина» (ПД 836, л. 41—37 об.).

ПОРТУГАЛЬСКИЙ АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836 открывается черновым автографом стихотворения, озаглавленного «С португальского» (заглавие вписано позднее остального текста, под которым стоит помета: «Gonzago»). Давно установлено, что пушкинский текст представляет собой вольный перевод стихотворения португальского поэта Томаша Антониу Гонзага (Gonzaga; 1744?–1810?).¹ (Точнее было бы назвать Гонзагу бразильским поэтом, поскольку его детство и зрелые годы прошли в Бразилии, которая в 1500–1822 гг. была колонией Португалии, однако мы будем следовать за Пушкиным.) Получив юридическое образование в португальском Коимбрском университете, он в 1768 г. вернулся в Бразилию, где занимал судейские должности. На родине Гонзага сблизился с кружком оппозиционно настроенных поэтов «минашской школы» и в 1789 г. был обвинен в антиправительственном заговоре. В 1792 г. он был приговорен к пожизненному изгнанию (по другой версии — к смертной казни), замененной ссылкой в Мозамбик (португальскую колонию в Африке), где и провел остаток жизни, постепенно погружаясь в состояние тяжелой психической болезни.²

В историю литературы Гонзага вошел как автор стихотворного сборника «Дирсеева Марилия» («*Marilia de Dirceu*»; ч. 1 — 1792; ч. 2 — 1799; ч. 3 опубл. 1811), посвященного его возлюбленной (Дирсеу — псевдоним Гонзага). Стихотворения написаны в характерном для испано- и португальской поэзии жанре «лиры» — пятистишиями из пятислоговых строк с рифмующимися третьим и пятым женскими стихами. В первой половине 1820-х гг. в Бразилии и Португалии вышло несколько изданий стихотворений Гонзага и появились переводы его поэзии на французский язык. Гипотеза о возможном знании Пушкиным португальского и, соответственно, о переводе стихотворения Гонзага с языка оригинала³ не подтверж-

¹ См.: Пушкин А. С. Соч. и письма. СПб., 1903. Т. 2. С. 389; примеч. П. О. Морозова.

² Подробнее о нем см.: Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 551–553; Андреев В. Н. Гонзага // Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 110–111. (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19); Тертерян И. Поэзия Томаса Антониу Гонзага и становление бразильской литературы // Формирование национальных литератур Латинской Америки. М., 1970. С. 36–68.

³ См.: Лернер Н. О. Пушкин и португальский поэт // Русский библиофил. 1916. Кн. 4. С. 75–76; гипотезу о возможном знакомстве Пушкина с португаль-

дается фактами.⁴ Источником знакомства Пушкина с творчеством Гонзаги должен был послужить французский прозаический перевод его стихотворений, выполненный Э. де Монглавом и П. Шала⁵ (это был первый перевод произведений Гонзаги на иностранный язык).⁶

Приведенные сведения, казалось бы, дают достаточно полное представление о материале, заинтересовавшем Пушкина. Открытым, однако, остается вопрос о причине его интереса. Задаваясь этим вопросом, М. П. Алексеев отметил, что стихотворение «полностью выпадает по своему тону и стилю» из лирического творчества Пушкина 1820-х гг.⁷ Пушкинский черновик предположительно датируется сентябрем 1825-го — октябрем 1827 г.⁸ Сентиментальная

ским оригиналом см.: Тынянова И. Ю. Звезда зари // Гонзага Т. А. Лиры; Чилийские письма / Пер. с порт. И. Тыняновой. М., 1964. С. 17–24.

⁴ См.: Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт. С. 550.

⁵ Marilie, chants élegiaques de Gonzaga / Traduit du portugais par E. de Monglave et P. Chalas. Paris, 1825 (далее: Marilie, с указанием страниц). См.: Пушкин А. С. Соч. СПб., 1916. Т. 4. С. 212; примеч. П. О. Морозова.

⁶ Сравнение с португальским оригиналом и французским переводом подтверждает уверенность в том, что именно последний служил источником пушкинского стихотворения. Показательно, что Пушкин не предпринял попытки воспроизвести характерную форму «лиры», а некоторые фрагменты его стихотворения значительно ближе к французской версии, чем к португальскому тексту. Ср., например, ст. 13–16 («Лишь ее завижу я, / Мнилось, легче вкруг меня / Воздух утренный струился; / Я вольнее становился») с французским переводом: «A reine je la voyais, qu'un air plus léger se répandait autour de moi, et mon coeur respirait plus librement <Стоило мне ее увидеть, воздух становился легче вокруг меня, и сердце дышало свободнее — фр.>» (Marilie. P. 124) и оригиналом: «Mal eu a via, Um ar mais leve, (Que doce effeito!) Já respirava Meu terno peito <Едва я ее видел, Легкое дуновение (Что за прекрасное чувство!) Начинало трепетать В моей груди — порт.>» (Gonzaga T. A. Marilia de Dirceo. Rio de Janeiro; Paris, 1910. Parte 2. P. 195). Лирический герой Гонзаги аккомпанирует себе на колесной лире («sanfoninha»); во французском переводе этот старинный струнный инструмент заменен гитарой — гитара фигурирует и в пушкинском стихотворении.

⁷ Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт. С. 554. Первый публикатор стихотворения П. В. Анненков принял его за «романс трубадура» и охарактеризовал как «ребяческую сентиментальность» и «детски-томные излияния» (Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 1. С. 348, 350).

⁸ Объявление о выходе в свет указанного парижского издания появилось 30 июля 1825 г. (см.: Bibliographie de la France. 1825. № 31. 30 juillet. P. 516 (№ 4305)), следовательно, до Пушкина книга могла дойти уже в начале сентября. Стихотворение «С португальского» записано на пробельном, по всей видимости, листе (л. 1) тетради ПД 836, первоначальный этап заполнения которой был связан с работой над поэмой «Цыганы». Под ее беловым автографом на л. 12 об.

буколика Гонзаги, действительно, не находит соответствия в художественных поисках Пушкина, относящихся к этому времени.⁹ Творческим контекстом здесь, правда, могут служить весьма мно-

поставлена помета: «1824 Михайло <вское> [8] окт <ября> 10». Последнее обращение к тетради относится к октябрю 1827 г. (см.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 146—147).

Начиная с собрания сочинений Пушкина, вышедшего под редакций С. А. Венгерова (СПб., 1908. Т. 2. С. 385; СПб., 1909. Т. 3. С. 575; примеч. П. О. Морозова); стихотворение датировали 1825 г. — по времени выхода в свет французского перевода. Р. В. Иезуитова пыталась предположительно сузить датировку, ограничив ее декабрем 1824-го — январем 1825 г. на основании биографических обстоятельств (выбор сюжета, соответствующего «моменту зарождения чувства поэта к крепостной избраннице»). Дополнительным аргументом служило указание на близость почерка, которым заполнен л. 1, к черновому автографу записанного на л. 15 об.—16 об. монолога Алеко над колыбелью сына (не вошедшего в основной текст «Цыган»); создание этого монолога Иезуитова также связывала с «крепостной любовью» Пушкина и датировала декабрем 1824 — январем 1825 г. (см.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836. С. 134—137). Предложенная исследовательницей датировка не соответствует времени возможного знакомства Пушкина с оригиналом стихотворения.

⁹ Впрочем, листая сборник Гонзаги, Пушкин мог встретить здесь множество поэтических мотивов, реализованных или только намечавшихся к реализации в его собственном творчестве. Так, строки лиры XI (ч. 1) напоминают юношеское стихотворение Пушкина «Гроб Анакреона» (1815) (ср.: «...en vain je veux célébrer les héros et la guerre; ma bouche ne répète que le nom de Marilie <...напрасно я хочу прославлять героев и войну; мои уста повторяют лишь имя Марилии. — фр.>» (Marilie. P. 29) — «Хочет петь он бога брани, / Но поет одну любовь» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 146)); близкая тема — в лире XXXI (ч. 1): «Le tendre Anacréon <...> aux bords de la tombe chantait les amours, et les amours le rendaient joyeux <Нежный Анакреон <...> на краю могилы воспевал амуров, и амуров дарили ему радость. — фр.>» (Marilie. P. 78); характерное обращение к домашним богам (ларам) встречается в лире XXIX (ч. 1); мотив клеветы, то и дело возникающий в михайловской лирике Пушкина и имеющий автобиографическое значение, в том же автобиографическом контексте звучит у Гонзаги (см., например, лиры II и III части второй: Ibid. P. 102, 104); напоминание юной красавице о грядущей старости, составившее сюжет пушкинского стихотворения «Я был свидетелем златой твоей весны...» (1825), неоднократно повторяется у Гонзаги (см. лиры XVII, XXII, XXVI, XXXIII части первой: Ibid. P. 46, 57—58, 68, 81); оковы любви, воспеты в стихотворении «О дева-роза, я в оковах...» (1824), Гонзага упоминает в лирах XV и XXXVI части первой (в обоих случаях они названы золотыми цепями, «chaînes dorées» — Ibid. P. 42, 92); в лире XXIX (ч. 1) появляется Сафо («Tu ne cours pas comme Sapho à la poursuite d'un ingrat qui méprise tes feux... <Ты не преследуешь, подобно Сафо, неблагодарного, презиравшего твой пыл... — фр.>» (Ibid. P. 73), именем которой названо стихотворение Пушкина 1825 г., в лире XXXVII (ч. 1) — Клеопатра, которая занимала воображение Пушкина в течение целого ряда лет, в лире XXIV — Лукреция, история которой травестирована в «Графе Нулине» (1825); к 1826 г.

гочисленные пробы переводов и стилизаций, служащих усвоению русской поэзией самых разных образов мировой культуры. Особенно активными эти поиски стали в период михайловской ссылки (достаточно вспомнить такие произведения 1824—1826 гг., как «Подражания Корану», «Начало I песни “Девственницы”», «В крови горит огонь желанья...», «Вертоград моей сестры...», «<Наброски к замыслу о Фаусте>», «<Из Вольтера>» («Короче дни, а ночи доле...»), «<Из Ариостова “Orlando furioso”>» («Пред рыцарем блеснит водами...»), «Пророк»). В этом контексте сам стилистический контраст поэзии Гонзаги с собственным творчеством Пушкина мог оказаться притягательным.

М. П. Алексеев предлагает, однако, иное объяснение пушкинского интереса к португальскому поэту. По его версии, «внимание Пушкина привлечено было не столько поэтическими качествами оригинала, сколько его биографической подкладкой <...>. Пушкина заинтересовала ситуация: осужденный, ссыльный поэт вспоминает о своей возлюбленной, с которой он насильно разлучен. <...> ...необычная судьба бразильского лирика могла и у русского опального поэта вызвать аналогии и с ним самим, времен одесской ссылки, и, в особенности, с судьбой его друзей, поэтов-декабристов. Неудавшееся восстание, в которое оказалась замешанной целая плеяда поэтов, африканская ссылка одного из них (не забудем, что Пушкин в одесский период вспоминал о “небе Африки своей”), обвиненного не столько в соучастии планам “заговора”, сколько в дружеской близости к участникам “конспиративного” кружка, — все это не могло не представить интереса для Пушкина в тот период, когда он напряженно думал об участии друзей-декабристов и о своих связях с ними. Лугас бразильского поэта невольно вызывали к себе внимание, и, задумав перевод одного из них, Пушкин мог сказать то же, что он сказал в элегии “Андрей Шенье” (1825):

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира».¹⁰

относится замысел «Скупого рыцаря» — презренный скупец, обнимающий свои сундуки, полные золота («le méprisable avare embrasse <...> ses coffres remplis d'or»), появляется у Гонзаги в лире XV (Ibid. P. 42), скупец и его сын-расточитель — в лире V (Ibid. P. 13). Все это — общие места европейской поэзии, их наличие у обоих поэтов не вызывает ни малейшего удивления. Они служат лишь свидетельством того, что в лирах Гонзаги Пушкин узнавал приметы того общего поэтического контекста, в который была вписана и его собственная поэзия.

¹⁰ Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт. С. 554—555.

Сведения о биографии Гонзаги Пушкин мог почерпнуть из предисловия к французскому сборнику 1825 г. Справедливо отметив, что пушкинское стихотворение не могло быть написано раньше этого года, Алексеев добавляет: «Исходя из <...> нашего предположения, что судьба Гонзаги напомнила Пушкину участь декабристов и вызвала его перевод, мы должны будем отнести его к еще более позднему времени — к 1826 или 1827 г.»¹¹ Предложенное исследователем сужение датировки не может быть принято, поскольку оно основывается на чисто гипотетическом соотнесении пушкинского перевода с декабристским контекстом. Значительно больший интерес представляет брошенное вскользь замечание о связи стихотворений «С португальского» и «Андрей Шенье», каждое из которых посвящено некоему «незнаемому» поэту. На наш взгляд, эта связь не только является гораздо более тесной, но и проясняет причины интереса Пушкина к творчеству Гонзаги: в биографии португальского поэта обнаруживается удивительная близость к биографии Андре Шенье, какой она обрисована в элегии Пушкина 1825 г. Но прежде чем говорить об этой близости, приведем полностью ту часть предисловия к французскому сборнику, где после краткого обзора истории португальской литературы дан биографический очерк, посвященный Гонзаге. Этот материал имеет собственную ценность как источник сведений Пушкина.

Né dans la province de Bahia, au Brésil, Gonzaga remplit les hautes fonctions de la magistrature à Villa-Rica, capitale de la province de Minas-Geraes, dans la même vice-royauté. Sa sagesse et son intégrité lui concilèrent tous les cœurs. Il avait demandé en mariage une jeune personne d'une des premières familles du pays, tendre objet de ses affections, que dans ses vers il a immortalisée sous le nom de *Marilie*. Sa société habituelle se composait d'un de ses collègues, le docteur Bandeira, à qui, dans ses chants, il donne le nom de *Clauceste*; du docteur Claude Manoel da Costa, avocat à Villa-Rica, excellent poète, et l'un des plus célèbres écrivains de l'époque, qu'il appelle *Alceste*; enfin, de son cher *Alcée*, le colonel Alvarenga, d'abord magistrat comme lui, mais qui, riche, marié, et peu laborieux, sollicita et obtint le commandement d'un corps de milice.

Alors le Brésil était courbé sous le joug des vice-rois et des gouverneurs généraux de provinces, envoyés de Lisbonne, dignes successeurs des premiers conquérans, farouches dictateurs, affamés de richesses. Les quatres amis s'etirenaient souvent des maux de la patrie et des remèdes à y apporter. Ils ignoraient, les imprudens, que sous le despo-

¹¹ Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт. С. 558.

tisme les murs ont des oreilles. Déjà, à plusieurs reprises, le vice-roi, comte de Resende, avait sommé le gouverneur-général de la province de Minas-Geraes, Louis de Cunha Menezes, depuis comte de Lumiares, de surveiller plus activement ses administrés, et de sévir, s'il le jugeait nécessaire aux intérêts de la métropole. Menezes connaissait les réunions de Gonzaga et de ses amis; mais, absorbé par les plaisirs, il ne songeait pas à les défendre, et lorsque ses espions lui rapportaient les propos qui s'y tenaient: Laissez-les dire, répondait-il, *ce sont des ivrognes*. C'est avec ce mépris insultant que les *nobles* maîtres du Brésil traitaient ceux qu'ils regardaient comme des serfs attachés à la glèbe, ces vertueux colons dont ils dévoraient la fortune et l'industrie.

Cependant Menezes était rappelé, et le vicomte de Barbacena envoyé à sa place. Le vice-roi le trouva plus disposé à lui obéir que son prédécesseur. A sa voix, des agens provocateurs, écume de la population du Portugal, se répandirent dans les provinces, formentèrent le mécontentement qui couvait encore, excitèrent les esprits à la vengeance, et firent retentir ce mot de liberté, toujours si magique pour le peuple auquel l'oppression n'a pas enlevé toute son énergie. La tactique des conspirations imaginaires n'est pas une nouveauté en politique. Plus d'une fois ce sanguinaire expédient a débarassé le pouvoir ou ses agens d'existences qui leur étaient à charge.

Gonzaga venait de recevoir de la cour de Lisbonne sa nomination à un emploi supérieur dans la ville de Bahia, sa patrie; il n'attendait que l'autorisation du vice-roi pour s'unir enfin à Marilie, et se mettre en route avec elle, lorsque tout à coup sa demeure et celles de ses amis sont cernées au milieu de la nuit.

Bandeira, prévenu du danger qui le menaçait, avait pris la fuite et s'était embarqué pour Lisbonne, où le crédit de ses parens réussit à le faire absoudre. Les autres ne furent pas aussi heureux.

Alvarenga, chargé de fers, abreuvé d'outrages, jugé par un tribunal vendu au vice-roi, fut déporté pour toute sa vie sur les côtes d'Afrique. L'infortuné mourut avant d'arriver à sa destination. Son épouse et ses enfans, privé de son appui, eurent encore la douleur de se voir dépouillés de leurs biens par cette terrible loi de confiscation que les cortès de 1822 avaient abolie, mais que le gouvernement de 1824 a remise en vigueur, au grand préjudice des descendans de cette innocente victime de la tyrannie, et à la honte de la civilisation européenne.

Le poète C. Manoel da Costa fut trouvé étranglé dans son cachot. Peu de personnes ont attribué sa mort à un suicide. De terribles bruits ont couru à ce sujet, et ils devraient livrer ses persécuteurs à l'exécration des siècles, si les accusations auxquelles ils sont en butte, pouvaient être prouvées.

Pour Gonzaga, il fut transféré à Rio-Janeiro, où, après avoir languï plusieurs années dans les prisons les plus infectes, il fut jugé et condamné à un exil de dix ans à Mosambique, sur les côtes d'Afrique. Au fond de son cachot, il ne cessa pas de chanter Marilie. Arrivé dans le lieu de son exil, il y subit courageusement sa peine et y mourut longtemps après. Marilie repoussa d'abord toutes les offres de mariage qui lui furent faites. Vaincue enfin par les prières et par les menaces de sa famille, elle devient l'épouse d'un officier de l'armée brésilienne.

Le chef-d'oeuvre de Gonzaga ne forme qu'un volume de deux cent vingt pages petit in-18. Il est intitulé *Marilie de Dircée*. Ce dernier nom est celui qu'à l'exemple de ses compatriotes, le poète prenait dans ses ouvrages. Ce volume est divisé en deux livres, composés chacun de trente-huit lyres ou élégies toutes différentes, si ce n'est par les sujets qu'elles traitent, du moins par la manière dont ils sont traités. Le premier livre a été écrit à Villa-Rica, le second dans la prison de Rio-Janeiro. Il y a dans le premier beaucoup de grâce, de simplesses, de naïveté, quelquefois même de l'élévation et de la philosophie. On voit que le poète s'est nourri de la lecture d'Anacréon, de Virgile, d'Horace, et plusieurs de ses lyres semblent avoir été dérobées au chantre de Tibur. La poésie en est abondante, harmonieuse, souvent imitative, d'un rythme toujours varié, exempte de mots prosaïques et de tournures vulgaires. On ne peut reprocher à ce livre qu'une trop grande ressemblance entre l'idée première de chacune de ses pièces, un peu de sécheresse d'imagination, un grand abus d'érudition scolastique, enfin un trop fréquent emploi de cette vieille mythologie si peu analogue à nos connaissances actuelles. Le second livre lui est évidemment supérieur. L'écho des souterrains a redit les chants qu'il renferme. La plupart ont été tracés avec une plume formée de la tige d'une orange, et avec une encre produite par la suie dont une lampe infecte noircissait les murs du cachot. Ils sont plus graves, plus mâles, plus variés, et sans être exempts de mauvais goût, ils émeuvent et agitent plus fortement que ceux du poète en liberté. Il y a dans le second livre de Gonzaga beaucoup de notre Béranger. L'Anacréon brésilien semble essayer, sous les verroux, cette lyre que, plus tard, l'Anacréon français devait faire résonner dans l'enclos de Sainte-Pélagie.

Les Portugais font un grand cas du chantre de Marilie. Son livre est le *vade-mecum* de ce peuple, l'un des plus poétiques de l'univers. Il n'existe pas une de ses lyres qui n'ait été plusieurs fois mise en musique, et que la guitare ne reproduise sans cesse jusque dans les plus sombres déserts du Brésil. Nous avons parcouru nous-mêmes les lieux témoins des amours de *Dircée*, et ce n'est pas sans une vive émotion que nous avons entendu les échos de Villa-Rica soupirer tristement le nom de *Marilie*.

On a imprimé il y a quelques années à Lisbonne un prétendu troisième livre de Gonzaga; il suffit d'y jeter un coup d'œil pour reconnaître la supercherie d'un maladroit imitateur.

Nous ne parlerons pas de notre traduction; le droit de la juger appartient tout entier au public. Fidèles au précepte d'Horace, nous ne nous sommes pas servilement astreints à rendre mot par mot, phrase par phrase. C'est le génie du poète le plus aimable du Portugal que nous avons essayé de faire passer dans notre langue, en regrettant que le peu de flexibilité de la prose française ne nous ait permis de donner à nos lecteurs qu'une bien faible idée de son harmonie imitative, de son rythme souple et varié, de son style tour à tour gracieux, profond et énergique.¹²

¹² Marilie. P. XVI—XXVI. Перевод: «Уроженец бразильской провинции Баия, Гонзага был судейским чиновником в Вилла-Рике, столице провинции Минас-Жирайс, в том же вице-королевстве. Его благоразумие и честность снискали ему всеобщее расположение. Он просил руки юной девушки, принадлежавшей к одной из лучших семей страны; предмет своей нежной любви он обессмертил в стихах под именем *Марилии*. Его обычное общество составляли его коллеги, доктор Бандейра, которому в своих песнях он дал имя *Глоцеста*, доктор Клод Мануэль да Кошта, адвокат в Вилла-Рика, прекрасный поэт и один из самых известных писателей своего времени, которого он назвал *Альцестом*, и, наконец, его дорогой *Альцей*, полковник Альваренга, который сначала был, как и он, судейским чиновником, но затем, будучи богатым, женатым и не слишком трудолюбивым, ходатайствовал о вступлении в должность командующего милицейским корпусом и получил ее.

В те времена Бразилия терпела унижение под гнетом вице-королей и присланных из Лиссабона генерал-губернаторов провинций — достойных наследников первых завоевателей, жестоких и алчных диктаторов. Четверо друзей часто беседовали о бедах родины и о том, как их излечить. Неблагоразумные, они не знали, что при деспотизме и у стен есть уши. Несколько раз вице-король, граф де Ресенде, приказывал генерал-губернатору провинции Минас-Жерайс Луису де Кунья Менезесу, позднее графу де Люмиаресу, внимательно следить за своими подданными и строго наказывать их, если он сочтет это нужным в интересах метрополии. Менезес знал о собраниях Гонзаги и его друзей, но, поглощенный удовольствиями, не думал их запрещать, а когда его шпионы доносили ему о разговорах, которые там велись, «Пусть говорят, — отвечал он, — это пьяницы». С таким оскорбительным презрением *благородные* хозяева Бразилии именovali тех, на кого смотрели как на рабов, прикрепленных к земле, то есть добродетельных переселенцев, чье богатство и мастерство они присваивали.

Тем временем Менезес был отозван, а на его место прислали виконта Барбасену. Вице-король нашел, что он более склонен к послушанию, чем его предшественник. По его приказу агенты-provokatory, подонки населения Португалии, рассеялись по провинциям, стали разжигать тлевшее недовольство, стали подстрекать умы к мести, и зазвучало это слово «свобода», всегда притягательное для народа, коего притеснения еще не окончательно лишили сил. Тактика выдуманных заговоров — не новость в политике. Не раз этот кровавый способ освобождал власть или ее агентов от тех, кто был для них обузой.

Как и пушкинский Шенье, Гонзага предстает здесь как пылкий поэт, ставший безвинно погубленной жертвой тирании. Рисунок его судьбы, толкнувшей его от счастливой, ничем не омраченной жизни к ужасу тюремного заключения и ссылки, представляет собой клас-

Гонзага только получил от Лиссабонского двора назначение на высокую должность в родном городе Баия; ему оставалось лишь дожидаться разрешения вице-короля, чтобы наконец соединиться с Марилией и отправиться с ней в дорогу, как вдруг, среди ночи, его дом и дома его друзей оказались окружены.

Бандейра, предупрежденный о грозившей ему опасности, сбежал и добрался до Лиссабона, где влияние его родителей помогло его оправданию. Остальные не были столь же счастливы.

Альваренга, закованный в кандалы, осыпанный оскорблениями, осужденный продавшимся вице-королю трибуналом, был депортирован к берегам Африки на пожизненный срок. Несчастный умер, не добравшись до места назначения. Его жена и дети, оставшись без поддержки, должны были пережить еще одно бедствие: они были лишены имущества по страшному закону о конфискации, который кортесы 1822 года отменили, но правительство 1824 года снова ввело в действие, по закону, обездолившему потомков невинной жертвы тирании к стыду европейской цивилизации.

Поэт Мануэль да Кошта был найден задушенным в своей тюремной камере. Очень немногие поверили в возможность самоубийства. Распространялись страшные слухи, и его гонители были бы прокляты в веках, если бы обвинения против них могли быть доказаны.

Что касается Гонзаги, он был перевезен в Рио-Жанейро, где после нескольких лет, проведенных в смрадных тюрьмах, был судим и приговорен к десятилетней ссылке в Мозамбик, на берега Африки. В тюремной камере он не переставал воспевать Марилию. Прибыв на место ссылки, он мужественно переносил свое наказание и умер там же много позже. Марилия сначала отвергала все предложения руки и сердца. Наконец, сломленная мольбами и угрозами семьи, она стала женой офицера бразильской армии.

Шедевр Гонзаги составляет всего лишь один том в двести двадцать страниц петитом in-18. Он называется «Марилия Дирсея». Последнее имя — то, которым по примеру своих соотечественников поэт называл себя в своих произведениях. Том содержит две книги, каждая из них включает тридцать семь лир, или элегий, если и схожих сюжетами, то несомненно разнящихся их трактовкой. Первая книга была написана в Вилла-Рика, вторая — в тюрьме Рио-Жанейро. В первой много прелести, простоты, наивности, а иногда возникает даже возвышенное и философское звучание. Видно, что поэт вдохновлен чтением Анакреона, Вергилия, Горация, многие из его лир кажутся заимствованными у певца Тибура. Поэзия полна этих мотивов, она гармонична, часто подражательна, ее ритм постоянно сменяется, она свободна от прозаических слов и тривиальных оборотов. Эту книгу можно упрекнуть лишь в том, что главные идеи песен слишком схожи между собой, в некоторой сухости воображения, в злоупотреблении схоластической эрудицией и, наконец, в слишком частом использовании старой мифологии, столь мало соответствующей нашим современным познаниям. Вторая книга несомненно превосходит первую. Эхо каземата усилило звучание песен, составляющих эту книгу. Большинство из них записано пером, сделанным из апельсиновой веточки, и чернилами из сажи от смрадной лампы, покрывавшей копотью стены темницы.

сическую перипетию, переход от счастья к несчастью. Тому же рисунку следует композиция сборника: две его части контрастны по содержанию и настроению. Лирический герой части первой свободен и счастлив своей любовью; лирический герой второй части заточен в темницу, испытывает физические и душевные муки. Движение центральной части пушкинской элегии — монолога Шенье — также целиком и полностью построено на перипетиях, герой последовательно переходит от счастья к несчастью: энтузиастическое переживание идеалов свободы — содрогание перед ужасами террора — воспоминания о радостях «горацианской» жизни — оплакивание утраты.¹³

Хорошо известная Пушкину посмертная биографическая легенда закрепила за Шенье репутацию «Авеля», невинной и чистой жертвы.¹⁴ В биографическом очерке Монглава и Шала Гонзага и его

Эти песни серьезнее, мужественнее, разнообразнее и, хотя не лишены некоторой безвкусицы, они волнуют и задевают сильнее, чем те, что поэт создал на свободе. Во второй книге Гонзага есть многое от нашего Беранже. Бразильский Анакреон как будто пробует, будучи в заточении, лиру, которую позже французский Анакреон заставит звучать в тюрьме Сент-Пелажи.

Португальцы очень ценят певца Марилии. Его книга — *vade-mecum* <путеводитель, карманный справочник. — лат. > этого народа, одна из самых поэтичных в мире. Нет такой лиры, которая не была бы неоднократно положена на музыку и не звучала бы в сопровождении гитары в самых отдаленных уголках Бразилии. Мы сами побывали в местах, ставших свидетелями любви *Дирсея*, и не могли не испытать живого волнения, услышав, как эхо Вилла-Рика печально повторяет имя *Марилии*.

Несколько лет назад в Лиссабоне напечатали так называемую третью книгу Гонзага; достаточно одного взгляда, чтобы увидеть обман неумелого подражателя.

Не станем говорить о нашем переводе; право судить о нем полностью принадлежит читателю. Следуя наставлениям Горация, мы не стали переводить буквально каждое слово, каждую фразу. Мы постарались передать на нашем языке дарование самого достойного любви поэта Португалии. К сожалению, недостаточная гибкость французской прозы позволила предложить читателю только слабое представление о его подражательной гармонии, о его гибком и разнообразном ритме, о его стиле, то грациозном, то глубоком, то выразительном».

¹³ Именно драматизацией монолог героя в «Андре Шенье» прежде всего отличается от ламентаций Тасса в элегии К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс», послужившей для Пушкина ближайшим образцом жанра.

¹⁴ «Одной из благороднейших» жертв Французской революции называет его Пушкин в черновом примечании к элегии (II, 953). Заключительная фраза биографического очерка А. де Латуша, предпосланного первому сборнику сочинений Шенье, гласила: «Il est si beau d'offrir à ses ennemis une victime sans tache, et de rendre au Dieu qui nous juge une vie encore pleine d'illusions! <Так прекрасно стать непорочной жертвой своих врагов и вернуть судящему нас Богу жизнь, еще полную иллюзий! — фр. >» (Œuvres complètes d'André de Chénier. Paris, 1819.

друзья представлены жертвами провокации, им вменяют в вину «выдуманный заговор». Лирический герой Гонзаги, Дирсей, постоянно подчеркивает, что он обвинен в преступлении, которого не совершал.¹⁵ В заключающей вторую часть лире XXXVIII Дирсей обращается к богине правосудия с речью самозащиты: «As-tu jamais vu la révolte excitée par un homme qui chante la joie au sein de la paix? et puis-je avoir eu l'idée de me jeter dans les hasards d'un horrible complot, moi qui ne cherchait toute ma vie qu'à faire régner la concorde...»¹⁶ Ср. в «Андрее Шенье»: «Что делать было мне, / Мне, верному любви, стихам и тишине, / На низком поприще с презренными бойцами!» (II, 401). Вопросанию Андрея Шенье: «Куда, куда завлек меня враждебный гений?» (II, 400) — корреспондирует вопрошание Дирсея: «...mais où m'entraîne l'active douleur?»¹⁷

Полного тождества здесь, разумеется, не возникает — прежде всего потому, что пушкинский Шенье (как и Шенье исторический) прошел через этап воодушевления революционной стихией. Это и обеспечивает контрастное соположение частей его монолога, «горацианский» фрагмент которого составляет резкую интонационную и содержательную противоположность стихам, посвященным свободе и затем террору. Настроения в стихах Гонзаги ровнее, контраст между двумя частями сборника определяется переходом поэта и его лирического alter ego от благоденствия к безнадежности. Андрей Шенье в элегии Пушкина становится фигурой героической, Дирсей остается страдальцем, который то ввергается в пучины отчаяния, то обретает мужество в сознании собственной невиновности.

Р. XXXIII). 26 сентября 1825 г. П. А. Плетнев сообщал Пушкину о впечатлении, произведенном его элегией на И. И. Козлова, который просил напомнить автору, «что брату Шенье, после, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: “Каин! где брат твой Авель?”» (XIII, 236; брата поэта, Мари-Жозефа Шенье, обвиняли в том, что он, будучи членом Конвента, не принял мер к спасению А. Шенье; упреки, раздававшиеся как со стороны роялистов (А. Ривароль, например, называл Мари-Жозефа «братом Авеля Шенье»), так и со стороны якобинцев, чаще всего имели политически тенденциозный характер — см.: *Шенье А. Сочинения* 1819. М., 1995. С. 474—475; примеч. Е. П. Гречаной (Литературные памятники)).

¹⁵ См., например, лиру II второй части (Marilie. P. 103) или лиру XXV, где говорится о тысячах невинных жертв («Je vois, Marilie, je vois mille innocentes victimes attachées à d'infâmes échafauds pour des crimes qu'elles n'ont pas commis <Я вижу, Марилия, я вижу тысячи невинных жертв, приговоренных к позорным эшафотам за преступления, которых они не совершали. — *фр.*>» (Ibid. P. 160).

¹⁶ Ibid. P. 191—192. Перевод: «Видала ли ты когда-нибудь мятежника, воспевающего мирные радости? Могла ли идея ввериться случайностям гнусного заговора прийти в голову мне, мне, всю жизнь стремившемуся к общему согласию...»

¹⁷ Ibid. P. 147 (лира XX). Перевод: «Но куда влечет меня мое страдание?»

Тем не менее Дирсей способен на гневную речь, прямо обращенную к палачу. Лира XXXI начинается словами: «Arrête, vil esclave du pouvoir, infâme calominateur! n'exprime pas le suc empoisonné des eiguës». ¹⁸ Таким же прямым обращением к палачу завершается у Пушкина монолог Шенье. Герой элегии предрекает час падения своего палача — Дирсей предрекает, что наступит время торжества справедливости. ¹⁹ В лире XXV появляется судья Торрес, вынесший несправедливый приговор Гонзаге, а в примечании переводчики сообщают, что Торрес неожиданно скончался всего через несколько месяцев после того, как его «верная служба» была особо отмечена королем. На фоне пророчества пушкинского Шенье, предсказавшего скорую смерть своих палачей, это известие прочитывается как параллельный сюжет. Сами примечания, дающие исторические и биографические пояснения к текстам лир, составляют параллель к пушкинским примечаниям к «Андрею Шенье». ²⁰

Важнейшей чертой сходства французского и португальского поэтов становится факт тюремного творчества. Эпиграф к элегии, взятый Пушкиным из Шенье, акцентирует этот факт: «Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois / S'éveillait...» ²¹ Монглав и Шала сопоставляют Гонзагу, «бразильского Анакреона», с «Анакреоном французским» — так они именуют Беранже, слагавшего стихи в тюрьме Сант-Пелажи. Это сопоставление неминуемо должно было вызывать у Пушкина ассоциации с Андре Шенье (которого, пожалуй, с большим основанием можно было бы назвать французским Анакреоном) и его поэзией, созданной в заточении. Гонзага не раз живописует обстоятельства, в которых создаются его тюремные лиры, обстановка, в которой они писались, подчеркнута и в очерке его биографии. «Лампады тихий свет» освещает темницу, где звучат последние стихи Шенье (II, 402) — при свете коптящей лампы сочиняет свои лиры заключенный в тюрьму Дирсей. ²² (Отметим еще

¹⁸ Ibid. P. 172. Перевод: «Остановись, подлый раб власть имущих, гнусный клеветник! перестань источать яд».

¹⁹ «Un temps viendra où la vérité se découvrira <Придет время, когда откроется правда. — фр.>» (Ibid. P. 140, лира XVII).

²⁰ У Пушкина примечания появляются как характерная составная часть исторической элегии (см.: Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 20).

²¹ Перевод: «Так, в печали и плену, моя лира все же / Пробуждалась...»

²² См. лиру I, открывающую вторую часть книги Гонзаги (Marilie. P. 99), и лиру XXIII (Ibid. P. 155). Следует, однако, отметить, что лампада Шенье бледнеет с наступлением утра казни; эта угасающая лампада — типовая деталь, восходящая к элегии Ш. Мильвуа «Умирающий поэт» и одноименной элегии

одну подробность, общую у Пушкина и Гонзаги в описании узилища поэта. Это со скрежетом отпираемая тюремная дверь — драматичная деталь, которую Пушкин повторит в «Полтаве». В «Андрее Шенье» эта деталь знаменует приход палачей, в XXV лире второй части «Марилии» — появление судьи, вынесшего приговор.²³)

В своей тюремной поэзии Гонзага обращается к воспоминаниям о возлюбленной, о дружеском круге — таким же воспоминаниям предается герой «Андрея Шенье». Он вспоминает Авеля и Фанни, а Пушкин в примечаниях поясняет, что речь идет об одном из друзей поэта, упомянутом в элегии I,²⁴ и одной из его возлюбленных, к которой он обращался в стихах.²⁵ Друзья — Глоцест (Glauceste), Альцей (Alcée) — названы поименно и в стихах Гонзаги, возлюбленная же у португальского поэта одна — это его Марилия, к которой неизменно обращены все его стихотворные тексты. Тюремная лирика Андре Шенье, отмеченная нотами горечи и неверия в человеческие связи, переосмыслена в пушкинской элегии: во включенном в нее монологе поэта дружба, любовь и творчество представлены как неколебимые ценности²⁶ — такими же они остаются и для Гонзаги. Тема дружества, союза достойных друг друга душ необы-

Ламартина (см.: Вацуро В. Э. Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 39—40).

²³ В «Андрее Шенье»: «Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет! / Звучат ключи, замки, запоры» (II, 402); в «Полтаве»: «Но ключ в заржавом / Замке гремит...» (песнь вторая, ст. 160—161, канун казни Кочубея; см.: Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 60). В лире XXV: «La clef retentit dans la porte solide» (Marilie. P. 159; перевод: «Ключ гремит в тяжелой двери»).

²⁴ Кроме элегии I (Œuvres complètes d'André de Chénier. P. 77—78) обращения к Авелю (Абель Луи Франсуа де Малартик де Фонда (1760—1804), друг юности Шенье, учившийся с ним в коллеже, — см.: Шенье А. Сочинения 1819. С. 503; примеч. Е. П. Гречаной) встречаются также в элегиях VIII («Pourquoi de mes loisirs accuser la langueur?...» — Œuvres complètes d'André de Chénier. P. 92—95) и XVI («O jours de mon printemps, jours couronnés de rose...» — Ibid. P. 112—115).

²⁵ Под именем Фанни в одах V—VIII Шенье («Aux premiers fruits de mon verger» («Précurseurs de l'automne, ô fruits nés d'une terre...»); «Non, de tous les amans les regards, les soupirs...»; «Fanny, l'heureux mortel qui près de toi respire...»; «A Fanny, malade» («Quelquefois un souffle rapide...»)) воспета Франсуаза Лекутё (см.: Шенье А. Сочинения 1819. С. 438—439; примеч. Е. П. Гречаной).

²⁶ См.: Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье». С. 23—27; Вацуро В. Э. Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры. С. 39—40.

чайно важна для него,²⁷ акцентирована она и в финале пушкинской элегии.

Все эти параллели никоим образом не могут свидетельствовать о том, что элегия «Андрей Шенье» создавалась под впечатлением от чтения сборника Гонзаги. Элегия имеет собственные, вполне определенные образцы. Сюжетно и композиционно (экспозиция — элегический монолог — развязка) она связана с элегической традицией, разрабатывающей тему «умирающий поэт» и ее вариации: «умирающий христианин», «бедный поэт». Французские образцы традиции представлены элегией Ш. Мильвуа «Умирающий поэт» («*Le Poète mourant*», 1812), одноименным стихотворением А. де Ламартина (1823), его же элегией «Умирающий христианин» («*Le Chrétien mourant*», 1819), а также «Бедным поэтом» («*Le Poète malheureux, ou Le Génie aux prises avec la fortune*», 1772) Н. Жильбера. В России эти стихотворения вызвали множество переводов и подражаний. Наиболее значительным русским произведением, принадлежащим данному жанрово-тематическому комплексу, стала упоминавшаяся уже историческая элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817).²⁸ Монолог пушкинского героя, насыщенный реминисценциями из Шенье и из собственной поэзии Пушкина,²⁹ совершенно не требовал обращения к дополнительным источникам, какие бы близкие мотивы они ни содержали. Само время создания «Андрея Шенье» (предположительно первая половина февраля — конец июня 1825 г.³⁰) с большой вероятностью предшествовало ра-

²⁷ См., например, обращение к Глоцесту в лире XVII: «Ah! combien sont durables les chaones d'une amitié comme la notre! Si cette union précieuse a résisté à l'épreuve de l'infortune, c'est que nos deux âmes étaient dignes l'une de l'autre <Ах! сколь прочны узы дружбы, подобной нашей! Этот драгоценный союз выдержал испытания злой судьбы, ибо наши души были достойны друг друга. — фр.>» (Marilie. P. 138).

²⁸ См.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 193–232.

²⁹ См.: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Л., 1926. С. 33–35; Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье». С. 23–27; Вацуро В. Э. Французская элегия XVIII–XIX веков и русская лирика пушкинской поры. С. 39–40; Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 171–189; Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 185–186; Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1983. С. 106–108; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 70–73, 16, 41.

³⁰ Стихотворение датируется по пометам в прижизненных публикациях элегии, положению чернового автографа в тетради ПД 835 и упоминаниям об элегии в июльских письмах Пушкина 1825 г. к П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу. Работа над автографом в тетради ПД 835 (л. 59–64), заполнявшейся в этой своей

боте над стихотворением «С португальского». Отмеченные параллели говорят в пользу иной версии: читая сборник Гонзаги, Пушкин узнавал в португальском поэте черты, сходствующие с образом поэта, воспетого в «Андрее Шенье». Эта родственность, это сходство, по всей видимости, и задержали внимание Пушкина на стихах, обращенных к Марилии.

Существенно, что лира XI, избранная Пушкиным для перевода, составляет исключение во 2-й части сборника — это единственное здесь стихотворение, в котором доминирует светлая тональность, снова возникают картины счастливой любви и лишь в последних строчках звучит вздох об утраченном счастье. Вписанная в контекст тюремной лирики Гонзаги, лира XI со всей определенностью корреспондирует той части монолога Шенье, в которой он воскрешает в памяти картины своего беспечного прошлого.

Стилистика пасторали, столь неожиданная в творчестве Пушкина середины 1820-х гг., могла привлечь его тем, что составляла контрастный фон мрачным подробностям как реальной биографии Гонзаги, так и стихам, написанным в заключении. Б. В. Томашевский обращал внимание на то, что в элегии, воспроизводящей основные образцы поэтического стиля Шенье,³¹ не использованными остались его идиллии, эклоги и отрывки в антологическом роде, хотя именно они более всего привлекали внимание Пушкина в 1820-е гг.³² Пасторальная тональность переведенной лиры XI словно компенсирует эту лауну, как бы далека ни была ее нарочито наивная стилистика от художественной манеры Шенье.

части в хронологической последовательности, началась не ранее первой половины февраля: на л. 58 об. — заметка о стихотворении «Демон», спровоцированная трактовкой этого стихотворения в «Сыне отечества» (1825. Ч. 99, № 3); журнал вышел в свет 1 февраля (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. 11. С. 33).

³¹ Монолог героя элегии содержит реминисценции из Шенье, причем три части монолога соотносимы с тремя периодами его творчества: ст. 21–64 — с периодом начального этапа революции (см. стихотворение «Игра в мяч» («Le Jeu de paume», опублик. в 1791), возможно — ямб «На восставших швейцарцев полка Шатовё, чествуемых в Париже по предложению Колло-д'Эрбуа» («Sur les Suisses, révoltés du régiment de Châteauneuf, fêtés à Paris sur un motion de Collot-d'Herbois») и публицистическую прозу Шенье, представленную в сборнике 1819 г.); ст. 70–102, 110–139 — с творчеством предреволюционного периода (ранние дружеские послания и элегии); ст. 140–170 — с произведениями последних лет (ямбы, ода Шарлотте Корде). Первая часть монолога героя элегии близка ритмически к неровному разностопному ямбу «Игры в мяч», вторая часть — к александрийскому стиху ранней манеры Шенье, четырехстопный ямб третьей части служит эквивалентом его ямбов.

³² См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. С. 324.

Таким образом, поэтическое содержание «Андрея Шенье» соотносится с переводом «С португальского» как полнокровно воплощенная тема с фрагментом ее вариации, опробованной на ином, но отчасти близком ей материале. По-видимому, вариация была интересна Пушкину как отклик на родственную его герою судьбу и в то же время — как неожиданный стиливой эксперимент, едва ли нуждавшийся в завершении и потому не получивший самостоятельного значения, подтвержденного публикацией текста.

М. Н. Виролайнен, Н. Л. Дмитриева

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АДРЕСАТЕ ЭПИГРАММЫ «ТВОИ ДОГАДКИ — СУЩИЙ ВЗДОР...»

Твои догадки — сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?
(III, 456)

Эпиграмма была обнаружена и опубликована М. А. Цявловским в 1937 г.¹ Исследователь предположил, что она направлена против неизвестного лица, ошибочно принявшего на свой счет строки о Ф. Толстом-Американце из второго пушкинского послания «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»): «Отвыкнул от вина и стал картежный вор».² Точку зрения Цявловского

¹ См.: Цявловский М. А. Неизвестная эпиграмма // Литературная газета. 1937. № 8. 10 февр. С. 4. По-видимому, с подачи самого Цявловского, ошибочно указавшего заглавие своей же статьи в комментарии к академическому собранию сочинений (см.: III, 1280), оно переходит из издания в издание в искаженном виде — как «Новая эпиграмма Пушкина».

² В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» ошибочно сообщается, что Цявловский датировал эпиграмму 1821 г. и относил ее к Ф. И. Толстому-Американцу (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: (1829—1832). С. 540). Оба этих факта не соответствуют действительности: адресат эпиграммы Цявловским не назван, а в качестве нижней границы датировки указана дата публикации послания «Чаадаеву» в журнале «Сын отечества» (Ч. 72, № 35. С. 82—84, выход в свет — 26 августа 1821 г.; в тексте статьи опечатка: «1825»).

в дальнейшем приняли Б. В. Томашевский³ и Т. Г. Цявловская.⁴ В 1995 г. эту, казалось бы, уже устоявшуюся гипотезу оспорил А. А. Асоян. По мнению исследователя, «предположение Цявловского о ком-то, якобы принявшем на свой счет стихи, метившие в Американца, и спровоцировавшем таким образом эпиграмму “Твои догадки сущий вздор...”, не убедительно. Пушкин сделал все, чтобы Толстой угадывался в послании Чаадаеву безошибочно».⁵ Подлинный адресат эпиграммы, как считает Асоян, устанавливается достаточно определенно. Это М. А. Бестужев-Рюмин, известный в Петербурге журналист, издатель альманахов «Майский листок», «Сириус», «Северная звезда» и газеты «Северный Меркурий».⁶ За Рюминым закрепилась слава картежника и пьяницы. В 1829 г. в «Северной звезде» без ведома автора и с искажениями были опубликованы шесть пушкинских стихотворений. Название же другого издания содержало имя Меркурия, бога промышленности, торговли и воровства. Совокупность этих фактов, по логике Асояна, могла привести к тому, что в сознании Пушкина вспыхнуло «еще одно прозвище игрока-журналиста — “картежный вор”».⁷ Строчки же о стихах, которых «не проникнул» адресат эпиграммы, связаны, по утверждению исследователя, с пушкинским «Собранием насекомых», опубликованным в апреле 1830 г. в альманахе «Подснежник» и вызвавшим бурную литературную полемику.⁸ Как мы помним, имена адресатов в этой эпиграмме были обозначены звездочками

³ См.: Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1950. Т. 3. С. 525.

⁴ См.: Цявловская Т. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 698.

⁵ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...» // Russian Studies. 1995. Vol. 1, № 3. С. 264. Ср. также переиздание этой статьи в книге автора: Асоян А. Пушкин ad Marginem. СПб., 2015. С. 47–56.

⁶ О Бестужеве-Рюмине см., например: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 38; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 261–262 (статья В. Э. Вацура); Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001. С. 420–423; примеч. Е. О. Ларионовой; см. также: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашник» // Пушкин: Исследования и материалы. М., 1956. Т. 1. С. 268–277; Абрамов Л. За строками «Северного Меркурия» // В мире книг. 1984. № 6. С. 54–55; Алешкевич А. А. М. А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991. С. 137–149.

⁷ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...». С. 265–266.

⁸ Материалы этой полемики см.: Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. С. 238–242, 463–467.

по числу слогов в их фамилиях. В девятом стихе напротив «черной мурашки» стоят две звездочки. Асоян без колебаний утверждает, что здесь зашифровано имя Рюмина. Однако «догадки», о которых говорится в эпиграмме «Твои догадки — сущий вздор...», связаны не с самим Рюминым, а с В. Н. Олиным, издателем «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности на 1830 год». Пушкин, по мысли Асояна, решил таким способом «дезаурировать неприятные Олину намеки Бестужева-Рюмина»⁹ (Рюмин ехидствовал, заявляя, что под «мелкой букашкой» в «Собрании насекомых» скрывается Олин). Следовательно, целью эпиграммы являлось некое «заступничество» за Олина, с которым Пушкин не хотел портить отношения. «Впрочем, — продолжает Асоян, — начальные строчки эпиграммы могут быть прочитаны и как ответ на инсинуации Рюмина, касающиеся Пушкина и его окружения».¹⁰

Аргументация Асояна кажется неубедительной. Прежде всего, представляется маловероятным, что строка «моих стихов ты не проникнул» связана со столь незначительным для Пушкина фактом, как пикировка Олина и Рюмина. Несколько логичнее, на наш взгляд, было бы предположить, что Рюмин мог увидеть себя в стихах «Собрания насекомых». Однако никаких оснований связывать «Твои догадки...» именно с этим пушкинским текстом у нас нет, тем более, что сам автор гипотезы также не представляет хоть сколько-нибудь весомых аргументов в пользу связи эпиграммы с «Собранием насекомых». Кроме того, нельзя с абсолютной гарантией утверждать, что в «Собрании насекомых» зашифрована фамилия именно Бестужева-Рюмина.¹¹ Вопрос об адресатах этой оригинальной эпиграммы не раз оказывался в центре внимания как современников Пушкина, так и исследователей творчества поэта. К единому мнению о том, кого же разумел Пушкин под «черной мурашкой» и «мелкой букашкой» (в первоначальной редакции «тощая пиявка» и «мелкая козявка») своей энтомологической коллекции, исследователи до сих пор не пришли. Основные претенденты на эти характеристики — Раич, Рюмин и Олин.

Скорее, имя Рюмина заставляет нас вспомнить другую пушкинскую эпигramму — «Седой Свистов! ты царствовал со славой...», — напечатанную в «Северных цветах» на 1830 год. Эпи-

⁹ Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...». С. 268.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. Э. Вацуро уверенно говорит о том, что Бестужева-Рюмина Пушкин вообще «печатно не задевал, так как тот не стоял этой чести» (Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 186).

грамма, адресованная Надеждину, была подписана псевдонимом «Арз.», то есть «Арзамасец». ¹² Бестужев-Рюмин, подписывавшийся «Ар. З.» (Аристарх Заветный), принял ее на свой счет и вскоре поместил в «Северном Меркурии» ответную эпиграмму. ¹³ Думается, что даже эта ситуация с большей вероятностью, нежели полемика вокруг «Собрания насекомых», могла спровоцировать эпиграмму «Твои догадки — сущий вздор...».

Однако наиболее убедительным аргументом при анализе эпиграммы и поиске возможных адресатов оказывается сам пушкинский текст, его структура и семантика. Одним из жанровых признаков эпиграммы является смысловая сгущенность. Для эпиграмм Пушкина это свойство особенно характерно. Как отметил Е. Г. Эткинд, «Пушкин насытил эпиграмматическое слово большой содержательностью, до предела спрессовав в нем его смысловые и стилистические свойства». ¹⁴ Если следовать гипотезе Асояна, то окажется, что эпиграмма «Твои догадки — сущий вздор...» лишена семантической цельности, она предстает соединением разнородных кусков и, таким образом, утрачивает смысловую емкость. Получается, что, говоря о своих стихах, которых «не проникнул» адресат, поэт имеет в виду не стихи о «картежном воре» из послания «Чаадаеву», а некое иное произведение. При этом смысл текста оказывается совершенно затемнен. Едва ли Пушкин мог написать столь невнятное произведение, поскольку для его эпиграмм характерна «предельная отточенность поэтической формы». ¹⁵ Даже если допустить правоту Асояна и предположить, что под «моими стихами» подразумевается не послание «Чаадаеву», перед исследователем неизбежно встанет ряд острых вопросов, например: почему адресат эпиграммы, кто бы он ни был, заставил Пушкина вспомнить нарисованный им в 1821 г. сатирический портрет Толстого-Американца? Какими эстетическими и внеэстетическими задачами мотивировано сопоставление адресата «Твоих догадок...» именно с героем «Послания»?

¹² Впервые на принадлежность Пушкину этой эпиграммы указал Н. О. Лернер (см.: Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1916. Вып. 16. С. 30–37).

¹³ См.: Там же. С. 33–35.

¹⁴ Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 38. Ср. также мнение самого А. Асояна: «...пушкинский лаконизм не всегда измеришь количеством строк, много убедительнее свидетельствует о нем суггестивность стиха; она остро ощущается при сравнении Пушкина с другими поэтами» (Асоян А. А. Сатирические эпиграммы Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 127).

¹⁵ Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист. С. 27.

Рассуждения автора гипотезы, увы, не дают на них исчерпывающего ответа.

Несомненно, «мои стихи» — это маркер автоаллюзии, заключенной в последнем двустишии:¹⁶ «Я знаю, ты картежный вор, / Но от вина ужель отвыкнул?» Последняя строка (а не двустишие, как считает Асоян) заключает в себе пуант, строящийся на полемическом обыгрывании мотивов послания «Чаадаеву». Именно при таком прочтении эпиграмма обретает лаконичность и смысловую завершенность. Приходится признать, что гипотеза Цявловского о незнакомце, увидевшем себя в стихах о Ф. Толстом, оказывается гораздо более правдоподобной и обоснованной. Вопрос же о том, кто был истинным адресатом пушкинского выпада, остается на данный момент неразрешенным. Им вполне мог быть и тот же Бестужев-Рюмин, который, как известно, не отличался особой проницательностью и от вина никогда не «отвыкал». Но все это уже область тех произвольных догадок, о которых лучше всего сказал сам поэт.

Что касается датировки эпиграммы, то логичнее всего было бы предположить, что она была написана вскоре после августа 1821 г., когда вышло в свет послание «Чаадаеву». В последующих прижизненных изданиях Пушкина уничижительные строки о Ф. Толстом не попали в печатный текст, помилившийся с Американцем поэт счел нужным их исключить. С точностью же указать верхнюю границу датировки довольно трудно. М. А. Цявловский относил ее к 1829 году (см.: III, 1280), Т. Г. Цявловская — к 1827-му,¹⁷ однако эти предположения не подкреплены какими-либо аргументами.

Важным фактором при установлении датировки эпиграммы оказывается анализ единственной копии, представляющей текст стихотворения и известной в пушкиноведении как «копия Шевырева». Копия хранится в пушкинском фонде Рукописного отдела Пушкинского Дома.¹⁸ Это лист бумаги большого формата, на котором с одной стороны записан знаменитый «Пророк», а на обороте — две эпиграммы Пушкина, сплошь зачеркнутые, — «Как печатью безымянной...» («Как сатирой безымянной...» печатной редакции) и «Твои догадки — сущий вздор...», а также отрывки эпиграмм на графа Д. И. Хвостова, в частности, известная «арзамасская» надпись

¹⁶ Кстати, именно презумпция семантической цельности выступает для Цявловского единственным (и достаточным) аргументом в пользу авторства Пушкина: «“Моиими стихами” никто, кроме Пушкина, не мог назвать стихи о “картежном воре”, “отвыкнувшем” от вина» (Цявловский М. Неизвестная эпиграмма. С. 4).

¹⁷ Цявловская Т. Г. Примечания. С. 698.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 17.

к портрету Хвостова «Се Росска Флакка зрак...». То, что последнее четверостишие «Пророка» и хвостовский цикл записаны рукой Погодина, с самого начала не вызывало сомнений у исследователей. Атрибуция же остальных фрагментов была, по-видимому, более трудной. На обложке, в которой хранится копия, помечено: «Писано частью рукою М. П. Погодина». М. А. Цявловский, обнаруживший копию, говорит о «неизвестной руке», которой сделана часть записей.¹⁹ Версия о Шевыреве, позднее выдвинутая Цявловским, впервые появилась в академическом шестнадцатитомном собрании сочинений Пушкина (см.: III, 1130, 1280) и с тех пор никем не подвергалась сомнению. Тщательный почерковедческий анализ автографов С. П. Шевырева, хранящихся в рукописных отделах Пушкинского Дома и Российской национальной библиотеки, показал правомерность этой гипотезы.²⁰ Динамика изменения шевыревского почерка свидетельствует, что «Пророк», а также две пушкинские эпиграммы были, скорее всего, записаны где-то на рубеже 1820—1830-х гг.

Однако установление более точной даты появления копии вызывает затруднения. Эпиграмму «Как сатирой безымянной...» принято датировать августом — началом октября 1829 г. (см.: III, 1186), напечатана она была 12 октября того же года.²¹ Следовательно, запись эпиграммы «Твои догадки — суший вздор...», располагающаяся на листе ниже, не могла быть сделана Шевыревым до этого момента. Учитывая тот факт, что с начала марта 1829 г. до конца сентября 1832 г. он отсутствовал в России (проведя три года в Италии в качестве воспитателя сына княгини З. А. Волконской), фиксацию обоих текстов следует отнести ко времени после его возвращения, но вряд ли намного позднее 1832 г. (то, что Шевырев записывал пушкинские стихотворения в Италии, маловероятно). Таким образом, есть основания считать именно 1832—1833 гг. верхней границей датировки эпиграммы «Твои догадки — суший вздор...».

Что же касается списка «Пророка», то порядок записывания с рядом характерных вычеркиваний и вставок свидетельствует скорее в пользу предположения, что Шевырев воспроизводил пушкинский текст по памяти (а исправления Погодина придали ему аутентичный, полностью совпадающий с печатной редакцией вид).²² Согласно

¹⁹ Цявловский М. Неизвестная эпиграмма. С. 4.

²⁰ Приношу благодарность Д. О. Цыпкину, оказавшему мне неоценимую помощь в этой работе.

²¹ См.: Московский телеграф. 1829. Ч. 29, № 18. С. 194.

²² Ср. иное мнение М. А. Цявловского: «Копия, возможно, представляет собою точное воспроизведение несохранившегося автографа Пушкина, дающего первую беловую редакцию с переделками в отношении композиции» (III, 1130).

одной из гипотез, запись была оформлена «несомненно до публикации «Пророка»»²³ в феврале 1828 г.²⁴ Действительно, на первый взгляд представляется очевидным, что «вспоминать» «Пророка» при уже существующей публикации для Шевырева не было никакой надобности. Однако эта, казалось бы, абсолютно ясная и логичная версия нарушает текстологическую целостность самой шевыревской копии: получается, что записи на обороте (две эпиграммы) были сделаны лишь через пять (или более) лет после того, как был заполнен первый лист. Теоретически это допустимо, но выглядит спорно. Безусловно, комментаторам «Пророка» следует учесть эти важные обстоятельства.

Н. А. Карпов

²³ Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 42. Такую же позицию занимает, к примеру, и Д. П. Ивинский. Замечая, что «мы ничего не знаем о времени и обстоятельствах создания данного списка», он склонен датировать его «не ранее весны 1827 года» (Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»: К истории ранней редакции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 255, 256). Возможность создания копии в 1830-е годы даже не рассматривается.

²⁴ «Пророк» был опубликован в № 3 «Московского вестника» за 1828 г. (С. 269–270).

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ»

Что касается служанок, то они
все превращались в Николетт.

Гого, «Отверженные»

Проблемы пушкинского ономастикона разработаны уже столь подробно, что превратились нынче чуть ли не в специальную научную дисциплину.¹ В настоящей заметке речь пойдет об одном ономастическом противоречии, породившем примечательный спор в современном пушкиноведении. Проблема эта была впервые сформулирована М. Ф. Мурьяновым в 1969 г.: «...почему для оруже-

¹ Библиографический обзор работ, посвященных пушкинскому именнику, см. в кн.: Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя. Воронеж, 2009.

носа молодого барона Альбера Пушкин выбрал странное имя Иван, когда национальный колорит трагедии создают в первую очередь собственные имена — Альбер, Делорж, Клотильда, Ремон, Тибо».²

Сам Мурьянов продемонстрировал недюжинную эрудицию в поисках ответа на поставленный им вопрос. «Если обратиться к рыцарской культуре, — писал исследователь, — то здесь найдется <...> убедительный прообраз, персонаж романов Кретьена де Труа и Гартмана фон Ауэ — Ивен, или рыцарь Льва (*фр.* Yvain, ou le Chevalier au lion, *ит.* Ivano o il Cavaliere del Leone, *швед.* Ivan Lejonriddaren, *нем.* Iwein, der Löwenritter). Спорность избранной Пушкиным графической формы *Иван* не настолько велика, чтобы препятствовать отождествлению: не забудем, что исторической фонетики как науки в 1830 г. не существовало и в самой Франции интерес к средневековой литературе только успел пробудиться. Роман Кретьена де Труа еще не был полностью опубликован, и можно предположить, что данные, имевшиеся в распоряжении Пушкина, почерпнуты из какого-то хрестоматийного источника».³

Разыскания Мурьянова, произвольно отождествившего имя слуги (Иван) и рыцаря (Ивен), нашли своих прямых или косвенных продолжателей. Так, В. Э. Рецептер выдвинул предположение, согласно которому «необъяснимо русское имя слуги» в «Скупом рыцаре» может быть поставлено в связь с рыцарем Айвенго (Ivanhoe) из одноименного романа Вальтера Скотта.⁴

Еще более экзотическую версию представил в 1985 г. С. Л. Шолохов. Здесь кажется уместным дать пространную выдержку из статьи известного нынче тележурналиста: «Современная Пушкину драматургия, особенно направление в ней, связанное с именем Карамзина, испытывала противоположную (русификации. — В. С.) потребность: возвышенные и благородные герои назывались, как правило, Эраст или Лиодор. Так, в пьесе И. Н. Ильина “Лиза, или Торжество благодарности” (СПб., 1803) благородный юноша Лиодор оказывается сыном помещицы Добросердовой. Иван или Мартын столь же уместны в Бургундии XV в., как Эраст с Лиодором в России XIX в., — такая подспудная мысль могла привнести оттенок иронии (если не литературно-полемиической, то мистификатор-

² Мурьянов М. Ф. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971. С. 101.

³ Там же. С. 102–103.

⁴ Рецептер В. Э. «Я жду его»: (Скрытый сюжет «Скупого рыцаря») // Звезда. 2001. № 2. С. 176. См. также: Притяжение «Скупого рыцаря». СПб., 2001. С. 26.

ской) в выбор наименования. Это тем более вероятно, что в случае с Иваном Пушкин — опять-таки не без иронии — мог ориентироваться на читателей, т. е. на читавших книгу “Иван Слуга”, “украшавшую” книжную полку, наверное, не только Пушкина.⁵ Речь идет о сентиментально-наставительном опусе бывшего слуги, который стал затем управляющим. Он пожелал скрыть свою фамилию, если не считать его фамилией титул “Слуга”, который, быть может, благодаря этой книжечке так тесно был связан в сознании Пушкина с именем Иван, что ассоциация напрашивалась сама собой. Вполне возможно, впрочем, что автором брошюры “Иван Слуга” могло быть и духовное лицо: книжка дозволена к печати Цензурным комитетом при Санкт-Петербургской Академии. Но главное то, что автор ее обращался от имени Ивана-слуги ко всем российским слугам: “Книжку сию мною написанную посвящаю я всем слугам и надеюсь, что они наставления мои примут дружелюбно, как я их писал”.⁶ Образ идеального слуги, нарисованный автором, повествование о всевозможных искушениях, подстерегающих слугу в его повседневной жизни, вышли очень красноречиво. Поэтому возможно, что книжка “Иван Слуга” (а она явно рассчитана на популярность) вписывалась и в контекст читательского восприятия образа Ивана из “Скупого рыцаря”. В то же время несоответствие его “идеалу” слуги могло привнести дополнительный оттенок иронии в отношении Альбера — Ивана — Соломона.⁷

В рассуждениях С. Л. Шолохова многое неверно. Прежде всего, стоит заметить, что упомянутая брошюра «Иван Слуга» не стоит особняком, но входит в ряд трактатов, распространявшихся Российским библейским обществом в 1813—1826 гг.⁸ Значительная

⁵ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 44.

⁶ *Иван Слуга.* СПб., 1817. С. 19.

⁷ *Шолохов С. Л.* Об имени Иван в трагедии Пушкина «Скупой рыцарь»: (К вопросу о пушкинском историзме) // *Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX века.* Л., 1985. С. 119.

⁸ Подробнее о Российском библейском обществе см.: *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество. 1812—1826 // *Вестник Европы.* 1868. № 8. С. 639—712; № 9. С. 231—297; № 11. С. 222—285; № 12. С. 708—768. К сведениям А. Н. Пыпина мимоходом прибавим, что «усердным почитателем Библейского общества» и одним из первых переводчиков брошюр, издававшихся английским «Обществом трактатов», был, в частности, И. В. Лопухин. См., например: *Разговор двух матрозов после бури <...> / С франц. перевел [И. В. Лопухин] усердный почитатель Библейского общества, в селе Воскресенском, Ретяжи тож // Друг юношества.* 1814. Янв. С. 89—107. Именно в «Друге юношества» печатались переводы различных методистских брошюр, впоследствии распространявшихся в рамках Российского библейского общества отдельными изданиями.

часть этих трактатов была, как известно, переведена с английского княгиней Софьей Сергеевной Мещерской (1775—1848).⁹ Не исключение в этом отношении и брошюра под названием «Иван Слуга». Документальное подтверждение сказанному — письмо С. С. Мещерской английской писательнице Ханне Мор (Hannah More; 1745—1833), перу которой принадлежит множество религиозных трактатов для общепнародного чтения, первоначально издававшихся в 1795—1797 гг.¹⁰ Письмо это не имеет полной датировки, сохранилось только указание на день — 22 октября. В своем послании Мещерская уведомляет английскую писательницу о том, что она уже перевела на русский по меньшей мере три ее трактата: «Shepherd of Salisbury Plain», «Wealthy Farmers» и «Charles the Footman».¹¹ Все

⁹ Кн. С. С. Мещерская владела многими иностранными языками, в том числе и английским. См., в частности, свидетельство Джона Патерсона: «В пятницу пополудни мы отправились на другой конец города, расположенный в девяти милях езды, и пили чай с княгиней Мещерской и ее сестрой, княгиней Голицыной. Обе говорили по-английски, и потому беседа наша оказалась самой приятной и оживленной» (цит. по: The Book for Every Land: Reminiscences of Labour and Adventure in the Work of Bible Circulation in the North of Europe and in Russia. By the late John Paterson, D. D. <...>. London, 1858. P. 172). Список брошюр Библейского общества, разосланных по епархиям князем А. Н. Голицыным, приводится в кн.: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. С. 95—96. В примечании к списку, состоящему из 37 книг, Чистович сообщил, что «большая часть этих брошюр переведена с английского языка. В издании их принимала самое живое участие Софья Сергеевна Мещерская». По данным А. Н. Пыпина, «княгиня Мещерская издала 93 книги и брошюры, в числе более 400 000 экземпляров; все вместе эти издания составляли до 18 томов» (см.: Пыпин А. Н. Российское библейское общество. 1812—1826 // Вестник Европы. 1868. № 9. С. 254). Будущим исследователям еще предстоит определить, какие именно трактаты принадлежат непосредственно С. С. Мещерской, а какие — другим переводчикам.

¹⁰ Список трактатов, автором которых считается Ханна Мор, см. в кн.: Jones M. G. Hannah More. Cambridge, 1952. P. 272—273.

¹¹ «Сударыня, хотя я и не в силах выразить вполне свои чувства английским языком, и хотя я уже многократно бралась за перо, но все понапрасну, тем не менее не могу не писать к Вам и почитаю своим долгом засвидетельствовать Вам свою сердечнейшую благодарность. Пусть мое письмо написано чрезвычайно слабым и столь далеким от совершенства слогом, однако чувство стыда, испытываемое мною при этом, совершенно теряется в искреннем восторге, который охватывает меня при чтении любезно присланных Вами книг. Почитаю Вашу присылку, сударыня, за новое побуждение перевести еще некую часть из упомянутых сочинений. Я уже закончила перевод “Пастуха Сализбургской долины”, “Защиточных поселян” и “Служку Чарльза”, и все они были с большим удовольствием встречены читателями у меня на родине. К величайшему сожалению, моих способностей явно недостаточно, чтобы перевести такие Ваши труды, как “Деятельное благочестие”, “Христианскую этику” и проч., и проч. Увы, сударыня, я весьма худой и посредственной переводчик» (цит. по: Memoirs of the life and correspon-

упомянутые в письме сочинения поддаются однозначной идентификации. Первый трактат — это «Благочестие в хижине, или Пастух Сализбургской долины» (1815).¹² Второй — «Повествование о двух приятелях, или Следствие модного воспитания» (1816).¹³ И, наконец, третий трактат — это и есть «Иван Слуга» (1815).¹⁴

Следует отметить, что Иван Слуга из одноименной брошюры не имеет ничего общего с пушкинским Иваном из «Скупого рыцаря» ни в типологическом, ни в каком-либо ином отношении. Наличие «Ивана Слуги» в библиотеке Пушкина могло бы послужить сколько-нибудь серьезным аргументом в доказательной базе, если бы мы не имели дело с тривиальнейшим словосочетанием и персонажем русской литературы (ср., например, Ваньку-слугу в комедии И. А. Крылова «Пирог» или Ивана-слугу в комедии А. С. Грибоедова «Студент»). Более того, в переводном трактате «Иван Слуга» все реалии и имена действующих лиц полностью русифицированы, и никакого ономастического противоречия в нем не обнаруживается.

Итак, коротко рассмотрев предшествующие гипотезы, мы вынуждены их отвергнуть и вернуться к самому началу. Чтобы ответить на поставленный Мурьяновым вопрос, необходимо, на наш взгляд, проанализировать, как функционировали имена слуг в литературе допушкинской поры. Прежде всего, нас интересует вопрос, можно ли отыскать русские переводные или оригинальные сочинения, в которых иностранные имена действующих лиц соседствовали бы с русскими именами слуг. Даже самого беглого взгляда на русскую литературу XVIII в. достаточно, чтобы отыскать примеры, соответствующие заданным выше параметрам.

dence of Mrs. Hannah More. By William Roberts, Esq., author of «The Portraiture of a Christian Gentleman». New York, 1834. Vol. 2. P. 268).

¹² The Shepherd of Salisbury Plain / [By Hannah More]. [London], [1795]; имелись многочисленные переиздания. Рус. пер: Благочестие в хижине, или Пастух Сализбургской долины / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1819. Английский оригинал и его автор идентифицированы в кн.: Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2013. Т. 3: (М—О). С. 96 (№ 5169).

¹³ The Two Wealthy Farmers / [By Hannah More]. [London], [1795]; также многочисленные переиздания. Рус. пер.: Повествование о двух приятелях, или Следствие модного воспитания / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1816; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1821.

¹⁴ The History of Charles Jones, The Footman. Written by himself / [By Hannah More]. [London], [1796]; также многочисленные переиздания. Рус. пер.: Иван Слуга / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817. Издана также под заглавием «Иван Григорьев, или Щастливый слуга» (СПб., 1833; 1836; 1838). См. также: Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2007. Т. 2: (Е—Л). С. 89 (№ 2966).

Возьмем вначале чрезвычайно показательное «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1798). Иван Дмитриев, как известно, воспользовался французским переводом-посредником¹⁵ для передачи знаменитого «Послания» А. Поупа. Переложение Дмитриева открывается следующими стихами:

Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи,
И кто бы ни стучал, отказывай! Скажи,
Что очень болен я; скажи, что умираю...¹⁶

Иван слуга — единственный персонаж «Послания», чье имя было русифицировано переводчиком. В высшей степени примечательно и то, что Жак Делиль — автор французской версии «Послания», с которой работал И. Дмитриев, — демонстрирует то же ономастическое противоречие: он вводит слугу с французским именем Jean в эпистолу, все герои которой носят английские имена! Учитывая устойчивый интерес, проявленный Пушкиным к дмитриевскому «Посланию»,¹⁷ было бы чрезвычайно соблазнительно увидеть в по-

¹⁵ Возможный источник: Traduction de l'Épître de Pope au docteur Arbuthnot / Par le C. Delille // Almanach des Muses, pour l'an quatrième de la République Française. Paris, [1796]. P. 229–244. Впервые переложение Ж. Делиля было полностью напечатано в журнале «La Décade philosophique, littéraire et politique» (Paris, [1795]). Т. 6, № 44 (20 Messidor). P. 105–110; № 45 (30 Messidor). P. 165–169).

¹⁶ Сочинения Дмитриева. 3-е изд. М., 1810. Ч. 1. С. 81.

¹⁷ Наличие у Пушкина реминисценций из дмитриевского «Послания» отмечалось неоднократно. Так, еще В. В. Вересаев обратил внимание на связь между стихом из «Евгения Онегина» («И Дмитрев не был наш хулитель») и фразой из дмитриевского «Послания» («Свифт не был мой хулитель») (см.: Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937. Ч. 2. С. 60). Это же наблюдение впоследствии находим и в работах других исследователей: в набоковском комментарии к «Евгению Онегину», в заметках «О Пушкине» Анны Ахматовой и др. Ср.: Михайлова Н. И. Пушкин и И. И. Дмитриев // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 197. Следует, впрочем, отметить, что не только Пушкин, но и другие поэты его времени использовали те или иные стихи из дмитриевского «Послания» в своих сочинениях и личной переписке. Например, фразу «весь Парнас, весь сумасшедших дом» в том или ином виде можно найти в письмах: 1) К. Н. Батюшкова — Н. И. Гнедичу от 3 января 1810 г.; 2) Н. И. Гнедича — А. П. Полозову от 24 июня 1810 г.; 3) К. Н. Батюшкова — Д. В. Дашкову от 9 августа 1812 г.; и 4) П. А. Вяземского — А. И. Тургеневу от 20 января 1819 г. См., соответственно: 1) Из собрания автографов Императорской публичной библиотеки: Письма и записки к Н. И. Гнедичу. Письма князя П. А. Вяземского // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. Отд. «Приложения». С. 11; 2) Тиханов П. Николай Иванович Гнедич (1784–1884): Несколько данных для его биографии по неизданным источникам к столетней годовщине дня его рождения. СПб., 1884. С. 40. (Сб. ОРЯС. Т. 33, № 3);

следнем возможный источник пушкинского ономастического противоречия. Однако подобный вывод оказался бы ошибочным.

В русской литературе XVIII в. существуют многочисленные примеры бытования формулы «иностранные имена героев + русское имя слуги». Так, Алексей Алфимов, переводчик драмы Арно Беркена (Berquin; 1747–1791) «Карл II», сохранил иностранные имена всех действующих лиц, за исключением трех слуг лорда Виндгама: Роре, Thomas и Jacques превратились у Алфимова в Алексея, Фому и Якова.¹⁸ При этом, как легко заметить, и сам Беркен дал французское имя по меньшей мере одному из слуг английского лорда.

Иван Текутьев, переводя с французского комедию М.-А. Леграна (Legrand, 1673–1728) «Le galant coureur, ou L'ouvrage d'un moment» (1722),¹⁹ также впал в рассматриваемое нами ономастическое противоречие. Среди незначительных элементов русификации, отмеченных ранее исследователями, заслуживают внимания русские имена слуг: вместо «Champagne» и «Crique» в русском переводе стоят «Иван» и «Михайло». При этом имена основных персонажей комедии были сохранены переводчиком.²⁰

В числе прочих примеров можно упомянуть и первую комедию Д. И. Фонвизина — «Корион» (1764), переделанную в русскую с французского языка.²¹ Среди немногочисленных действующих лиц с классическими или псевдоклассическими именами особняком стоит слуга Корионов — Андрей. Действие же комедии перенесено в подмосковную деревню.

Подобные примеры можно без особого труда умножить.²² Само собой разумеется, что Фонвизин, Текутьев, Алфимов и Дмитриев

3) Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886. Т. 3. С. 199; 4) Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 190. Кроме того, высокой частотностью и вариативностью отличался и другой стих из «Послания»: «уставщики кавык, всех строчных препинаний».

¹⁸ Карл II. Драма в пяти действиях, взята из книги «Друг юношества», сочинения г. Беркина / С французского перевел Алексей Алфимов. М., 1788.

¹⁹ Щеголевойтой скороход, или Одноминутное дело. Комедия г. Легранда / Переведенная на российской язык Иваном Текутьевым. [М.], 1764.

²⁰ Демин А. О. Текутьев Иван // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Т. 3. С. 228.

²¹ По замечанию В. И. Лукина: «Из дел господина Грессета, где она под именем “Сиднея” всему ученому свету известна, переделана и переименована господином фон-Визиным» (цит. по: Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. СПб., 1868. С. 113).

²² См., например: Тесть и зять: Комедия в трех действиях. Вольный перевод [В. И. Лукина] с комедии г. Колье, называемой *Depuis et Deronnais*. СПб., 1768. Действующие лица: Менандр, отец Софии; София, любовница Изидорова; Изидор; Филат, дворецкий Менандров; Федор, комнатный его слуга.

никак не связаны друг с другом и не могут быть отнесены к некоей литературной общности, негласно условившейся применять особенные принципы «склонения на свои нравы», хотя бы потому, что никакой общности между ними, как известно, не существовало. Все перечисленные сочинители действовали «в духе времени», и это, пожалуй, единственное, что их объединяет.

«Склонение на свои нравы», сколь бы условным оно ни было, иной раз нарушало все условности и устремлялось в будущее, становясь невольным пророчеством. Так, анонимный переводчик комедии Г. Э. Лессинга «Клад»²³ сделал в своем переложении ряд замечательных субституций. По словам Р. Ю. Данилевского, «имена героев были либо совсем заменены русскими значащими именами (Леандр — Любим, Маскариль — Урвил, Рапс — Хват), либо переделаны для удобства русского произношения».²⁴ Одним из таких имен было, между прочим, и Staleno, для удобства русского произношения превратившееся в... Сталин.

Из сказанного выше закономерно вытекает вопрос: почему некоторые писатели XVIII в. в пределах одного произведения транслитерируют имена основных действующих лиц, а имена слуг — русифицируют? Что стоит за этим устойчивым стремлением? Какова была мотивация сочинителей? Эти вопросы, насколько известно, вообще не поднимались в литературе, хотя проблемам исторической эволюции передачи имен собственных и уделялось достаточно внимания.²⁵

Среди автопризнаний самих писателей XVIII в. пока не удастся найти верного объяснения в явном виде. Можно лишь отыскать высказывания, чрезвычайно близкие к нашим поискам, но все они не вполне достигают цели. К примеру, в предисловии к «Детскому собеседнику» А. Беркена переводчик писал: «Для удобного и при-

²³ Клад. Комедия в одном действии г. Лессинга / Переведена вольно с немецкого. СПб., 1779.

²⁴ Данилевский Р. Ю. Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 292.

²⁵ См.: Калакуцкая Л. П. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984. С. 6 («Меняются времена, меняются способы заимствования собственных имен: XVIII в. — период русификации заимствований: Машенька Лескова из Манон Леско; начало и середина XIX в. — период транслитерации: Дидерот, Фальконет, Боннет, Люи де Мопассан и под.; конец XIX в., начало XX в. и настоящее время — переход к транскрипции, а затем к практической транскрипции собственных имен: Бонне, Фальконе, Дидро (но Марат)»). См. также: Реформатский А. А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 317–327.

ятного чтения самых предметов переменял я чужестранные имена действующих лиц на русские».²⁶ Этот документ интересен тем, что в нем прямо и недвусмысленно зафиксирована мотивация переводчика XVIII в. Однако в указанной книге русификации подверглись все имена героев, и потому высказывание И. Ф. Янковича де Мириево к интересующему нас случаю неприменимо.

Та же мотивация присутствует и в анонимно изданном переводе комедии Дидро «Побочный сын»,²⁷ переводчиком которой был, вероятно, Б. Е. Ельчанинов.²⁸ Из «Предисловия переводчика» читатель узнает, что некоторые имена действующих лиц Ельчанинов вынужден был заменить на русские, поскольку они «весьма неприятны в выговоре нашем». Однако, как показал Л. Б. Светлов,²⁹ только два имени подверглись русификации: слуга Charles, который превратился в Карпа, и горничная девка Justine, преобразованная в Марью. Все остальные имена персонажей остались прежними — Дорваль, Клервиль, Констанс и пр. Замеченный парадокс Л. Б. Светлов объясняет следующим образом: «Разумеется, дело здесь не в неприятности русского произношения этих имен, а в господствовавших в то время сословных предубеждениях. Переводчик полагал, что горничная и лакей не могут носить столь “приличных” имен, как Юстина и Карл, и им подобает иметь простые имена Марья и Карп. Иное дело имена господ этих слуг. Укажем, кстати, что другие переводчики “Побочного сына”, очевидно, не придерживались таких взглядов на “странные” свойства русского произношения и не стали менять ничьих имен в пьесе».³⁰

Случай Ельчанинова чрезвычайно интересен, однако было бы заблуждением рассматривать его ономастические замены исключи-

²⁶ Детский собеседник, изданный г. Беркеном, а переведенный с французского Двора Ее Императорского Величества камерпажем Иваном Янковичем де Мириево. СПб., 1791. Ч. 1. Предисловие. С. [4] нумер.

²⁷ Побочный сын, или Искушении добродетели. Комедия в пяти действиях и простою речью писанная. Сочинение г. Дидерота / [Пер. с франц. Б. Е. Ельчанинов?]. [СПб., 1767].

²⁸ По сведениям составителей «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1961. Т. 1. С. 290–291. № 1861), переводчиком комедии был Е. С. Харламов. Однако, по мнению Г. П. Макогоненко, это заблуждение (см.: Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969. С. 181–185). См. также: Левин Ю. Д. Драматургия // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. С. 55–56.

²⁹ См.: Светлов Л. Б. Русские переводы произведений Дидро // Французский ежегодник. 1965. М., 1966. С. 220.

³⁰ Там же.

тельно с позиций «классового антагонизма» или «сословных предубеждений». С исторической точки зрения такой подход, конечно же, допустим.³¹ Слуги преимущественно были люди бесправные, простого рода, а то и вовсе «без рода, без племени». Это-то отношение к слугам как к «инвентарю», полунеодушевленным, подсобным предметам, чьи имена как бы просто «названия» и переводятся подобно названиям предметов, и могло бы послужить объяснением «ономастического противоречия», однако при этом мы бы сильно погрешили против истины. На наш взгляд, следует разграничивать функционирование имен слуг в литературе XVIII — начала XIX в. и в самой жизни. Не располагая в настоящее время прямыми документальными источниками, считаем тем не менее возможным предположить, что многие авторы оставляли иностранные имена благородных персонажей, но охотно русифицировали имена слуг, затем чтобы соблюсти неписаное правило, которое мы и попытаемся реконструировать: «Во всяком литературном сочинении, оригинальном или переводном, система имен действующих лиц должна подчиняться требованиям иерархии стилей: возвышенным стилем должно передавать имена благородных господ, имена же слуг надлежит сообщать подлым стилем. Нарушение этого правила приводит к неприятному смешению стилей». По всей видимости, такое восприятие имен персонажей держалось вплоть до пушкинских времен.

Примечательно, что ономастическое противоречие в «Скупом рыцаре» было зафиксировано исследователями только в конце XX в. Между тем современники Пушкина, насколько известно, никакого противоречия в русском имени слуги не замечали. Очевидно, что Пушкин, вопреки мнению современных исследователей, и в мыслях не держал поразить читателя «странной ономастикой» — напротив, он всего лишь следовал тем литературным условностям XVIII в., которые сегодня следовало бы назвать «стилистическим анахронизмом», причем анахронизмом настолько забытым, что в наше время он вполне может сойти и за новаторский прием.

Трудно сказать, осознавал ли сам Пушкин стилистическое противоречие в русском имени слуги у молодого Альбера. Вероятно,

³¹ Во Франции XVIII в. отношение к слугам как к «инвентарю» имело порой самое непосредственное отношение к именослову: «Мотивация господ в именаречении слуги может быть интерпретирована по-разному. <...> Использование прозвищ, вне всякого сомнения, служило к тому, что господа смотрели на слуг как на детей или же вовсе как на инвентарь» (*Maza S. C. Servants and Masters in 18th-Century France. Princeton, 1983. P. 177*).

нет. Во всяком случае, нелепости исторического анахронизма он точно не замечал.³² Последнее тем более справедливо, если вспомнить, с каким азартом автор «Скупого рыцаря» указывал на исторические несообразности в сочинениях Загоскина, Бестужева или Рылеева.

Виталий Симанков

³² Ср. слова самого Пушкина по другому поводу: «Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии заметить нелепости романтических анахронизмов?» (XI, 92).

ПУШКИН, БАРОН БРАМБЕУС И «ПОЛЯЧКА МЛАДАЯ»

Через три месяца после гибели Пушкина в «Библиотеке для чтения» (1837. № 5. Отд. I. С. 65–96) появился фельетон «Первое письмо трех тверских помещиков к Барону Брамбеусу». Посвящен он был начатой за несколько лет до того редактором журнала О. И. Сенковским борьбе с элементами церковно-книжного языка в языке литературы. Эта борьба скоро свелась к нападкам на местоимения *сей, оный, кои* и т. д., которые трактовались им как «канцеляризмы». Как и в других полемических случаях, Сенковский выступал под литературной маской Барона Брамбеуса.

До рассвета поднявшись, перо очинил
Нечестивый Брамбеус барон.
И чернил не щадил — *сих* и *оных* бранил —
До полудня без отдыха он...¹

За нападками Барона Брамбеуса на «*сих* и *оных*» стояла определенная языковая программа: Сенковский считал, что стилистическим фундаментом литературной речи должна стать светская «разговорность», равно чуждая и книжно-славянской традиции, и народному просторечию, но применяющаяся к языковым вкусам

¹ Бахтурин К. П. Барон Брамбеус // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 320.

образованного провинциального дворянства и городского чиновничества (именно этим сословным группам русского общества и адресовался редактируемый им журнал).

Маска Барона Брамбеуса, которой Сенковский «поручил» решение проблемы «*сих и оных*», предполагала создание «игровой» ситуации. В интересующем нас «Письме...» эта игра реализуется весьма причудливо. Три помещика из недалекой русской провинции (Николай Заезжаев, Петр Закусаев, Иван Мухоловкин) сообщают о себе: «...живем подле шоссе, ведущего из Петербурга в Москву, на самом *перепутии* идей, проезжающих туда и обратно по этой дороге».² Оказавшись, таким образом, в центре умственной жизни двух российских столиц, помещики желают познакомиться с лидером этой умственной жизни, Бароном Брамбеусом, в реальности которого сомневаются («не миф ли вы сами?» — 202), но которого величают вполне в русских традициях: «Милостивый государь, барон Степан Кириллович!» (200).

Они желают поговорить с Бароном о двух предметах, «только не знаем об чем — о русском ли языке или о гомеопатии?»³. Разговор «о гомеопатии», которая «переводит наш умный тверской народ и причиняет много существенного вреда нашим уездным лекарям» (200), — проблема вполне «брамбеусовская» — откладывается до другого раза: «первое место» занимают вопросы литературного языка.

В решение этих животрепещущих проблем включаются кроме трех помещиков образованные уездные интеллигенты: стационарный зритель «почтеннейший Ларивон Ильич» (который, «по обязанности зрителя», читает все приходящие на почту новейшие журналы и лучше всех разбирается в литературных «авторитетах») и «отец Паисий, наш почтенный приходский священник» (который читает перед рюмочкой настойки ученую лекцию, ратуя за то, что русской словесности нужно «отделиться от славянщины совершенно» — 225). Словом, на защиту русского языка от «*сих и оных*» встает «Тверская губерния, *то есть вся Россия*, с своим удивительным здравым смыслом и инстинктом красот своей природной речи» (210).

Образованные и здравомыслящие тверские помещики, представители «всей России», разнообразно аргументируют свою позицию и ссылаются на многочисленные авторитеты. Тут и «некоторый немец, по имени Иоганн, по прозванию Гёте», и «другой немец, по имени Лейбниц» (212), и «Скалигер и Генрих Стефан» (227), и Ло-

² Сенковский О. И. Собр. соч. СПб., 1859. Т. 8. С. 200; курсив наш. — В. К. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием страниц.

моносов (223). В финале рассуждений «отца Паисия» возникает недавно умерший Пушкин — в трех непривычных идейных и житейских контекстах.

1. Барон Брамбеус — впервые в русской критике — объявляет Пушкина «истинным реформатором» русского литературного языка, символом некоего «переворота»: «Переворот в языке был приготовлен заранее. Со времени Державина стал уже язык русской словесности более или менее робкими шагами приближаться к живому русскому языку и стряхивать с себя ложные украшения славянизма. Батюшков, Карамзин, Жуковский подвинули необходимое преобразование еще далее. Явился Пушкин, и могуществом своего гения вдруг перенес в поэзию подлинный русский язык со всею его жизнью. Что сделал Пушкин для поэзии, то ранее или позже должно было случиться с прозою, в которой, как не в своей части, он сохранял предрассудки своих учителей; и то, что нынче происходит в языке, есть только следствие и неизбежное дополнение пушкинской реформы в поэзии. Пушкин, одаренный чрезвычайно тонким вкусом, в точности следовал, относительно стихотворного языка, системе, которую теперь, неизвестно почему, называют по всему петербургскому тракту системой Брамбеуса» (232—233).

2. Тут же уточняется: этот «переворот», произведенный Пушкиным, не является «окончательным» — если представить развитие русского языка как живого организма: «Ломоносов, Фонвизин, Державин, Озеров, Пушкин — ведь это совершенно различные диалекты русского языка! Озеров и Пушкин были — кто бы это подумал — современники! Между тем подумай, что они писали на языках двух отдаленных народов; и едва Пушкин прошел четверть своего поприща, Озеров стал уже дик и нестерпим. А между тем настоящий русский язык, тот, которым говорят люди хорошего общества, не изменялся нисколько от Ломоносова до Марлинского! Батюшков, Карамзин устарели в несколько лет. Пушкин, сам Пушкин тоже скоро устареет, хоть ему суждено долее других быть свежим. Кто из пламенных любителей русской славы не пожалеет о такой ужасной судьбе наших талантов!» (224—225).

3. Наконец, от имени «отца Паисия» воспроизводится странный «мемуар» — тоже фактически первое из опубликованных воспоминаний о Пушкине и пушкинских «разговорах»: «Вы нигде не найдете у Пушкина в его стихах ни *коего*, ни *ибо*, ни *такового*, ни чего-либо подобного: по крайней мере, я не помню. Вы скажете, что у него иногда попадают *сей*, *младой*, *злато* и прочая; но я осмелюсь доложить вам об одном случае, которого я был свидетелем. Будучи в Петербурге, я посетил одного литератора и застал у него

Пушкина. Поэт читал ему свою балладу “Будрыс и его сыновья”. Хозяин чрезвычайно хвалил этот прекрасный перевод. “Я принимаю похвалу вашу, — сказал Пушкин, — за простой комплимент. Я не доволен этими стихами. Тут есть многие недостатки”. — Например? — “Например, Полячка *младая*”. — Так что ж? — “Это небрежность, надобно было сказать *молодая*, но я поленился переделать три стиха для одного слова”. Но хозяин утверждал, что это прекрасно. Пушкин никак с ним не соглашался и ушел, уверяя, что все подобные отступления от настоящего русского языка “лежат у него на совести”. Следственно, наш великий поэт — Господи, упокой душу его! — чувствовал, что они противны началам чистого вкуса, и сам признавал их погрешностями. И следственно, поэты его школы, которые позволяют себе такие же отступления, опираясь на авторитет Пушкина, подражают только его небрежностям» (233–234).

Первые два из приведенных упоминаний Пушкина касаются лингвистических установок Сенковского, охарактеризованных еще В. В. Виноградовым в капитальном исследовании «Язык Пушкина»: «О. И. Сенковский, стремясь к преобразованию литературного языка на основе речевого быта буржуазно-дворянского салона, применяясь к лингвистическим вкусам провинциального дворянства, разных слоев чиновничества, разночинной интеллигенции и промышленной буржуазии, в принципе примыкает к той традиции дворянского прозаического стиля, которая сближала язык литературы со стилями светского бытового повествования. Но Сенковский помещал почти в один ряд такие разнородные явления, как язык Пушкина, Погорельского и язык Загоскина и даже язык Марлинского. Эта свобода стилистического объединения, эта широта литературного признания, своеобразный языковой эклектизм указывают на то, что пушкинский прозаический язык в его разнообразных жанровых вариациях Сенковского не мог вполне удовлетворить как норма стилей литературной речи. Так и было. Пушкинский язык — вне круга “светской”, “салонной” повести — казался Сенковскому недостаточно разговорным, запутавшимся в плену традиционно-литературной книжности. <...> Сенковский понимал свою литературно-языковую задачу как творчество новой системы литературного языка на основе многообразия разговорных стилей “светского”, т. е. буржуазно-дворянского, общества, приобщенных к западноевропейской мысли, украшенных блеском салонного остроумия и наделенных звучностью и красноречием литературной фразеологии».³

³ Виноградов В. В. Язык Пушкина. 2-е изд. М., 2000. С. 372–373.

Третье — мемуарное — упоминание гораздо многосмысленнее и требует самого детального рассмотрения. Оно не прошло мимо исследователей Пушкина: уже С. Я. Гессен и Л. Б. Модзалевский поместили его в свое издание «Разговоры Пушкина»⁴ — там этот «разговор» был датирован концом 1833 — началом 1834 г. (поскольку баллада «Будрыс и его сыновья» была завершена 28 октября 1833 г., а опубликована во 2-й книжке «Библиотеки для чтения», вышедшей 1 марта 1834 г.). Н. А. Тархова, составитель «Летописи жизни и творчества Пушкина», локализовала его «январем — февралем 1834 г.» и представила следующим образом: «Пушкин читает на вечере у одного литератора (возможно, Греча) балладу “Будрыс и его сыновья”. Бывший на вечере тверской помещик вспоминал позже, как в разговоре с Сенковским, восхитившимся “прекрасным переводом”, Пушкин говорил, что недоволен строкой “полячка младая”, считая ее “небрежной”».⁵

Составитель «Летописи» конструирует явно неправдоподобную ситуацию. Пушкин читает в литературном кружке (на «четверге Н. И. Греча») еще не публиковавшуюся балладу и «в разговоре с Сенковским» (да еще в присутствии некоего «тверского помещика» — если точнее, то «отца Паисия», духовного лица, неизвестно зачем присутствующего на таком вечере) признает свой перевод «неудачным» и «небрежным»... Зачем же он тогда его публично читал? И чем именно «небрежно» выражение «*полячка младая*»?

Конечно же, «воспоминание», приведенное Бароном Брамбеусом в своем игровом «Письме трех тверских помещиков...», имеет под собой реальную основу — но его ни в коем случае нельзя представлять таким чисто «документальным» свидетельством, свободным от «игрового» начала.

Прежде всего, это «воспоминание» — свидетельство активного сотрудничества Пушкина с редактируемой Сенковским «Библиотекой для чтения». В первые два года существования популярнейшего в России журнала Пушкин помещал в нем *почти все* новые произведения. Здесь были напечатаны: «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1834. Т. 2, № 2), «Сказка о золотом петушке» (1835. Т. 9, № 4), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1835. Т. 10, № 5), баллады «Гусар» (1834. Т. 1, № 1), «Будрыс и его сыновья» и «Воевода» (1834. Т. 2, № 3), «Песни западных славян» (1835. Т. 8, № 2; Т. 9, № 3), стихотворения «Красавица» («Все в ней

⁴ Разговоры Пушкина / Сост. С. Я. Гессен и Л. Б. Модзалевский. М., 1929. С. 206–207.

⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 145.

гармония, все диво...») (1834. Т. 3, № 5), «Подражания древним» («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...» и «Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров...») (1834. Т. 5, № 8), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (1834. Т. 6, № 10), вступление к поэме «Медный всадник» под заглавием: «Петербург. Отрывок из поэмы» (1834. Т. 7, № 12), повести «Пиковая дама» (1834. Т. 2, № 3) и «Кирджали» (1834. Т. 7, № 12), два документа из примечаний к «Истории Пугачевского бунта» под заглавием: «Два любопытные документа о Пугачеве» (1834. Т. 7, № 11). В этот период Пушкин поместил в другом издании — враждебном «Библиотеке...» журнале «Московский наблюдатель» — лишь одно стихотворение: «Туча» (1835. Ч. 2, кн. 2).

При этом необходимо учесть, что Пушкин, вступая в отношения с редактором «Библиотеки...», не мог быть доволен его редакторскими приемами: Сенковский, обеспечивая стилистическое и идейное единство журнала, позволял себе вмешиваться в текст присылаемых материалов. Л. С. Сидяков, говоря о пушкинских сказках, первоначально напечатанных в «Библиотеке...» и затем вошедших в четвертую часть «Стихотворений Александра Пушкина», заметил, что их текст, помещенный в «Стихотворениях...», «разительно отличается от того, который был опубликован в журнале. Обнаруживаются в нем и некоторые недочеты, свидетельствующие о небрежности корректуры сборника, не досмотревшей ряда досадных опечаток. <...> Правда, Сенковский, как правило, избегал применять свои редакторские приемы к произведениям Пушкина; однако, не вмешиваясь в содержание пушкинских произведений и не производя в них обычных для него произвольных сокращений или композиционных перестановок, он все же не смог удержаться от довольно заметных вторжений в представленный Пушкиным текст его сказок».⁶

Это как будто касается и «вспомянутой» баллады «Будрыс и его сыновья».

В начале 1834 г., когда Пушкин передал балладу в «Библиотеку для чтения», отношения между ним и Сенковским были еще достаточно теплыми. Об этом можно судить хотя бы по сохранившемуся письму того времени редактора журнала к поэту (XV, 109—111). Сенковский благодарит его за повесть «Пиковая дама», особенно отмечая ее «вполне обработанный» язык: «Вот как нужно писать повести по-русски!» А поскольку «Пиковая дама» и переводы баллад А. Мицкевича «Будрыс...» и «Воевода» были напечатаны в од-

⁶ Сидяков Л. С. Прижизненный свод пушкинской поэзии // Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1997. С. 447. (Литературные памятники).

ном, мартовском, номере «Библиотеки...», то мы вправе предположить, что в тот же период могла состояться личная встреча автора и редактора, во время которой зашел и разговор об этих балладах. Такой разговор был тем более вероятен, что Сенковский был поляк («литвин») и давний знакомый (еще по Виленскому университету) Мицкевича.

Оба упомянутых пушкинских перевода баллад Мицкевича в беловых рукописях помечены одинаковой датой: «28 окт<ября> 1833. Болд<ино>» (III, 903, 912). Оба в беловых «болдинских» автографах имеют заглавия, отличные от тех, с которыми предстали в журнале: «Будрышь (из Мицкевича)» (III, 901) и «Czaty (Подражание Мицкевичу)» (III, 911). В журнальном тексте они, соответственно, озаглавлены: «Будрыс и его сыновья. Литовская баллада (из М—а)» (III, 903) и «Воевода. Польская баллада (из М—а)» (III, 912). Пушкинское «различение» двух текстов понятно: указание на то, что «Воевода» — не «перевод», а «подражание», подчеркивает допущенную в данном случае «вольность» переложения оригинала. Но почему Сенковский разделил две рядом стоящие баллады одного поэта на «польскую» и «литовскую»?

Подзаголовки, указывавшие на «национальную» принадлежность источников, запутывали читателя и не соответствовали истине (тем более что «Czaty» («Засада») в оригинале Мицкевича имело подзаголовок «Украинская баллада»). Это было, несомненно, вмешательство редактора «Библиотеки для чтения» — не случайно же Пушкин снял оба подзаголовка (и указание на переводной характер произведений), когда включил «Будрыса...» и «Воеводу» в четвертую часть «Стихотворений Александра Пушкина».

Обе баллады в польском источнике написаны четырнадцатисложным стихом, близким к анапесту. Но если для «Trzech Budrysów» Пушкин нашел адекватный польскому звучанию размер (трех- и четырехстопный анапест с женскими окончаниями рифм и внутренней рифмой в середине стиха), то балладу «Czaty» предпочел переложить четырехстопным хореем, размером не польского, а русского песенного фольклора. В середине 1840-х гг. А. А. Фет при переводе той же «Czaty» «размером подлинника» избрал тот же стихотворный размер, который Пушкин нашел для «Будрыса...».⁷

Для Пушкина в данном случае было важным продемонстрировать соотношенность представляемых текстов не столько с конкретным национальным фольклором, сколько с фольклорным мышле-

⁷ См.: Фет А. А. Собр. соч. СПб., 2002. Т. 1. С. 101–103. В этом переводе баллада названа «Дозор».

нием вообще. Оно, в принципе, одинаково у русских и у поляков. Чем отличается сравнение Мицкевича (при описании красоты «польской девицы») «lice bilsze od mleka» («лицо белее молока») от пушкинского эквивалента: «а бела, что сметана»? Тип фольклорного мышления одинаков в передаче русского и польского поэтов.

Пушкин не мог быть недоволен выражением «*полячка младая*», которое повторяется в «Будрысе...» несколько раз. «Я поленился переделать три стиха для одного слова» — так передает его фразу Барон Брамбеус. Но нужна ли была такая «переделка»?

В «болдинской» беловой рукописи «Будрыса...» сохранились варианты эпитета «младая» и в «полногласном» великорусском звучании: «Нет, полячка, отец, *молодая*»; «Нет, полячка, жена *молодая*» (III, 903). Пушкин зачеркнул первые пришедшие ему в голову полногласные варианты этого слова именно потому, что они не соответствовали фольклорной стилистике. «Полячка младая» появилась в тексте после серьезного размышления. Сыновья Будрыса на вопрос отца отвечают, что привезли такую «польскую девицу», которая может называться «*молодицей*» (именно так называется в «Сказке о мертвой царевне...» молодая жена, которая собирается «на девичник», — III, 543). А этому русскому слову соответствовали в польско-русском словаре М. С. Б. Линде (имевшемся в пушкинской библиотеке) выражения «*pani młoda*» или «*panna młoda*»⁸ — непременно с прилагательным! То выражение, которое кажется редактору «небрежностью», по существу становится плодом упорного поэтического творчества. Пушкин ярко «играет» с удачно найденной русской словесной конструкцией, фонетически созвучной с польским источником.

Иными словами, приведенное Бароном Брамбеусом «воспоминание» о Пушкине никоим образом не отражает действительного пушкинского «разговора». Оно лишний раз демонстрирует ущербную однозначность «лингвистических» размышлений самого Сенковского, для которого такие слова, «как *сей, кой, молодой, златой*» — не иное что, как «мертвые формы, слова, взятые без нужды из какого-нибудь старинного языка» (229). Он не способен даже представить себе контекста, в котором такие «мертвые формы» могут наполниться вполне «живым» внутренним смыслом и звучанием.

Но за этим «разговором» стоит нечто действительно произошедшее. Отголоски какой-то беседы Пушкина и Сенковского находим в известных воспоминаниях В. П. Бурнашева, характеризовав-

⁸ Linde M. S. B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1809. T. 2. S. 624, 625.

шего «четверги у Н. И. Греча». Мемуары Бурнашева тоже далеки от достоверности: разновременные события (а он, по собственному признанию, присутствовал едва ли не «на трехстах» греческих «четвергах») в них явно «смешаны» в единой описываемой картине. Но здесь как раз тот случай, когда одни «недостоверные» воспоминания могут корректировать «недостоверность» других.

У Бурнашева как будто представлен один греческий «четверг» зимы — весны 1834 г., картинно описаны посетители. Сенковский, «курящий что-то вроде наргилэ из довольно тонкого и длинного чубука розового дерева», одетый в «зелено-коричневый фрак с золотыми пуговицами, пестрый шалевый жилет и светло-гороховые брюки» и оживленно беседующий о чем-то с Ф. В. Булгариным «польски».⁹

Греч сообщает о скором приходе «знаменитого и драгоценного гостя Александра Сергеевича Пушкина». Булгарин собирается уехать — а «прославившийся уже своим печатным гаерством в эту пору Барон Брамбеус с злою усмешкою, но решительно сказал, что ему нечего *бегать* от Пушкина и что, напротив, он рад его видеть, потому что ему надо с ним перекинуть несколько слов насчет одного его стихотворения, которое Смирдину, во что бы то ни стало, хочется “сдур” приобрести для журнала».¹⁰ Приходит Пушкин; через какое-то время заговаривает с Сенковским по-французски — «и они удалились в один уголок за плюшевым трельяжем для интимного разговора».¹¹

За циничной фразой Сенковского, приведенной Бурнашевым, скрывалась весьма интересная ситуация. Пушкин после женитьбы испытывал значительные материальные затруднения и оказался вынужденным зарабатывать деньги своей «торговлей стишистой». Не вполне доверяя объявленному «направлению» «Библиотеки для чтения», он сотрудничал с журналом по коммерческим соображениям. Дело в том, что в «Библиотеке для чтения» впервые в России была введена фиксированная полистная оплата, причем наиболее популярным авторам платили значительно больше, чем всем остальным (по тысяче рублей только за право внесения их в список постоянных сотрудников!). При этом Пушкин предпочитал отдавать новые произведения не в редакцию журнала, а «напрямую» его издателю А. Ф. Смирдину, человеку доброму и щедрому, хотя и не

⁹ Б<урнашев> В. Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. 1871. № 4. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 26.

великому знатоку литературы. Смирдин передавал новые сочинения знаменитого поэта Сенковскому — и тот включал их в новые журнальные номера, поскольку они повышали тираж журнала...

В полемике вокруг «Библиотеки...» Пушкин участия не принимал, но в конце концов решил рискнуть и издавать собственный «ежеквартальник», который бы адресовался иному кругу читателей, чем «толстый» ежемесячник Смирдина—Сенковского. Известно рассуждение его в письме к П. В. Нащокину от середины января 1836 г.: «Денежные мои обстоятельства плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его “Библиотеки”. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно» (XVI, 73).

С другой стороны, у «бестии» Сенковского Пушкин тоже не мог не вызывать раздражения. Озабоченный стилистическим и идейным единством журнальных книжек, он ощущал, что иные пушкинские произведения, которые издатель «сдуру» приобретал у поэта, не соответствуют установленному в журнале «усредненному» уровню. С точки зрения редактора, Пушкин поневоле нарушал «правила» литературного языка, которые были приняты в «Библиотеке для чтения». То есть — нарушал «норму».

Если соотнести свидетельство Бурнашева со списком пушкинских стихов, опубликованных в «Библиотеке...», то, скорее всего, Сенковский собрался «перекинуть несколько слов» именно о переводах баллад Мицкевича. Во-первых, редактор в данном случае выступал «на правах поляка» (носителя языка источника). Во-вторых, он едва ли появился бы на «четверге» у Греча позднее начала 1834 г.: уже со второй половины этого года его отношения с Булгариным и Гречем были безнадежно испорчены.

Но «интимный разговор» автора и редактора по поводу «Будрыса...», как мы видели, никак не мог быть таким, каким сам Сенковский позднее — через несколько месяцев после гибели Пушкина — попытался представить в своем фельетоне!.. Барон Брамбеус (точнее, «отец Паисий») «вспомнил» эту беседу, что называется, «с точностью до наоборот». Пушкин должен был «отстаивать» — и, в конечном счете, отстоял — «полячку младую».

Поэтому-то в общих рассуждениях Барона Брамбеуса Пушкин хотя и выставлен «истинным реформатором» русского литературного языка — но таким «непоследовательным» реформатором...

В. А. Кошелев

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБРАЗЕ ИГРОКА В «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

Об одном из возможных прототипов Чекалинского

Вопрос о прототипах героев «Пиковой дамы» был поставлен давно, причем применительно к некоторым образам, казалось бы, и решен окончательно. Так, принято считать, что прототипом Чекалинского, встреча с которым за карточным столом стала катастрофой для Германна, является известный игрок Василий Семенович Огонь-Догановский (1776—1838), помещик Серпуховского уезда Московской губернии, дворянин Смоленской губернии.¹ Пушкин проиграл ему крупную сумму (24 800 рублей), переживал по поводу уплаты «долга чести», а потому, кажется, было вполне естественно для него вывести Огонь-Догановского в качестве персонажа своей повести и тем самым завершить эту историю не только финансово, но и психологически.

Вместе с тем Чекалинский, как и любой другой персонаж, несомненно, лицо собирательное. Об этом, в частности, пишет Г. Ф. Парчевский, по мнению которого в образе Чекалинского пушкинская фантазия соединила «карточную биографию» все того же В. С. Огонь-Догановского и внешность Ф. И. Толстого-Американца.² «Пиковая дама» буквально пронизана духом петербург-

¹ Вероятно, впервые об этом написал Ю. Г. Оксман, по мнению которого «в образе “славного Чекалинского” П<ушкин> дал почти портретную характеристику московского игрока В. С. Огонь-Догановского» (Оксман Ю. Г. «Пиковая дама» // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 279). При этом Оксман ссылается на письмо Пушкина к Огонь-Догановскому, хотя в письме не упоминается ни о замысле «Пиковой дамы», ни о намерении изобразить адресата в каком-либо произведении; не содержится там и словесный портрет Догановского (как не упоминается «Пиковая дама» в связи с Догановским и в других письмах Пушкина, где поэт вспоминает об этом игроке, — в переписке с женой и П. В. Нащокиным). Безоговорочно принимает эту версию как единственную и В. И. Доброхотов (см.: Доброхотов В. И. К истории замысла «Повести об игроке» // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 293).

² См.: Парчевский Г. Ф. Пушкин и карты: «Налево ляжет ли вает?»». СПб., 1996. С. 90—96. Вместе с тем вряд ли к моменту работы над «Пиковой дамой» Ф. И. Толстой интересовал Пушкина именно как карточный партнер. Сам Федор Иванович писал П. А. Вяземскому из своего поместья Глебово 7 июня 1830 г.: «Пушкин с страстью к картам и с нежностью к Гончаровой, — для меня погиб...» (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 95). На наш взгляд, очевидно, что для Толстого (бывшего посредником при сватовстве Пушкина к Н. Н. Гончаровой) совмещение страсти к карточной игре и респектабельности, необходимой для статуса семейного человека, в качестве которого он уже

ских легенд и преданий XVIII в.,³ и в образе Чекалинского также могли отразиться эти легенды.

Одним из легендарных игроков, сведения о котором вполне могли дойти до Пушкина, был Матвей Федорович Кашталинский (1726—1817) — церемониймейстер (1765—1774), а затем обер-церемониймейстер (1775—1797) при дворе Екатерины II, сенатор (1797—1798) при Павле I, действительный тайный советник (1797). По мнению П. И. Бартенева, «может быть, он некогда покровительствовал и Потемкину».⁴ Вот как пишет о нем С. Н. Глинка, помнивший Кашталинского после его отставки — когда сенатор приехал в свои смоленские имения: «Матвей Федорович Кашталинский был, как говорится, творцом судьбы своей. И он, как Потемкин, родился простым мелкопоместным шляхтичем. Двор, война и обширный замыслами ум усилили Потемкина; двор, карты и расторопность возвели Кашталинского на степень временной известности. <...> От одного ловкого выигрыша в макао при дворе Елизаветы и от ловкой утайки туза, мешавшего выигрышу, прослыла поговорка: “он туза проглотил”. Однажды Потемкин, не домогаясь выигрыша, проиграл победителю в макао сто тысяч; это просто подарок, и это намек на свое время».⁵

Характеризуя своего героя, Пушкин пишет: «Долговременная опытность заслужила ему <Чекалинскому> доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики» (VIII, 249). Открытость дома и наличие повара — необходимые качества не только игрока первой трети XIX в., но и вельможи минувшей эпохи. Л. Н. Энгельгардт вспоминал, что Г. А. Потемкин, бывший великим гастрономом, «обедать иногда ездил к Матвею Федоровичу Кашталинскому, у которого почитался самый лакомый стол и собирались знатнейшие карточные

воспринимает Пушкина, невозможно, — значит, провоцировать, подобно Чекалинскому, своего визави на игру Толстой просто не мог. Кроме того, факты участия Толстого и Пушкина в одной и той же карточной игре неизвестны. Наконец, и характер Толстого серьезно отличается от характера Чекалинского с его изначальным доминированием «мертвенной маски светской вежливости и показного радушия» (Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003. С. 809).

³ См. об этом, в частности: Лернер Н. О. История «Пиковой дамы» // Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 132—163; Дебрецени П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1996. С. 213—214.

⁴ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1868. С. 50; примеч. П. И. Бартенева.

⁵ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 15.

игроки».⁶ «Много вышло теперь сочинений в прозе и стихах о гастрономии, но едва ли где баловали вкус такие блюда, какие подносили у Кашталинского. В обеде были три перемены: две состояли из кушаний, а третья из закусок. У Кашталинского все было на серебре и золоте, но скука не перечила желудку. Он дарил вкусным обедом, и его дарили затейливой веселостью. <...> После лукулловского обеда в доме Кашталинского опускались на окна занавески, зажигались свечи, и начиналась резня в карты».⁷

Чекалинский у Пушкина — человек уже немолодой: «...лет шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сединою; полное и свежее лицо изображало добродушие; глаза блитали, оживленные всегдашнею улыбкою» (VIII, 250).⁸ Лицо Кашталинского, по воспоминаниям Глинки, также «цвело здоровьем, и он умел и имел средства поддерживать здоровье. Рано прибегнул он к парикку, чтобы каждое утро тереть голову льдом, в то же время освежался он прогулками и ваннами ароматными. <...> Оставя двор, Кашталинский перенес в смоленскую свою деревню жизнь столичную. Но он привез с собой и два волшебных талисмана богатых: привет и ласку».⁹

Причины приезда москвича Чекалинского в Петербург Пушкин не называет, однако очевидно, что одна из возможных — «измена Фортуны»: Чекалинский приезжает в Петербург, чтобы поправить дела. Схожая причина для приезда в столицу и у Кашталинского: «Повернулось и колесо судьбы нашего счастливица Лукулла; попал и он в просак карточный. Сотни тысяч уплыли, но он досадовал не на утрату денег, а на то, что опростоволосился. С этой досадой переехал Кашталинский в Петербург, где прежняя блестящая его звезда туманно закатилась в могилу».¹⁰

Легенды о «проглотившем туза» М. Ф. Кашталинском вполне могли дойти до Пушкина — тем более что сенатор-игрок умер в Пе-

⁶ *Энгельгардт А. Н.* Записки. С. 50.

⁷ *Глинка С. Н.* Записки. С. 15–16.

⁸ Г. Ф. Парчевский в качестве доказательства своей версии, согласно которой Пушкин использовал для портрета Чекалинского черты Ф. И. Толстого, приводит описание внешности Толстого, сделанное А. И. Герценом: «Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело, показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы» (*Парчевский Г. Ф.* Пушкин и карты. С. 92). В 1833 г., когда создавалась «Пиковая дама», Толстому был 51 год, между тем описание Герцена (как и описание Л. Н. Толстого, на которое также ссылается Парчевский, — Там же. С. 90) относится к значительно более позднему времени.

⁹ *Глинка С. Н.* Записки. С. 15–16.

¹⁰ Там же. С. 16.

тербурге в 1817 г. — как раз тогда, когда уже «взрослый» Пушкин, выпущенный из Лицея, входит в столичные молодежные кружки. Фамилия Кашталинского звучанием своим, по нашему мнению, более напоминает фамилию Чекалинского, нежели Огонь-Догановский; при этом, как и фамилия Кашталинский, фамилия Чекалинский имеет «польское» звучание¹¹ (Матвей Кашталинский происходил из смоленской — польско-белорусской — шляхты).

Мы не можем утверждать наверняка, что сенатор М. Ф. Кашталинский был единственным и главным прообразом Чекалинского. Но, на наш взгляд, некоторые эпизоды биографии сенатора-игрока, легенды о нем и, наконец, само звучание его фамилии вполне могли всплыть в памяти Пушкина во время работы над «Пиковой дамой».

Александр Федута

¹¹ См. об этом, в частности: Кончакова Е. В. Гендерные и национальные аспекты «Пиковой дамы» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. № 1. С. 66–68.

ИСТОЧНИК ПУШКИНСКОЙ ««ПОВЕСТИ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ»»

В библиографическом описании личной библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевский под № 1481 указывает книгу «*Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien à son Ami; Traduites de l'Anglais*» (Paris, 1801),¹ которая никогда не привлекала внимания исследователей, хотя, согласно пояснениям Модзалевского, она полностью разрезана и содержит явно пушкинские закладки, причем на одной из них имеется запись, сделанная его рукой. Несмотря на то что полностью разрезанных книг в библиотеке Пушкина не так много, а его пометы встречаются в них еще реже, никто не пытался объяснить, в чем заключался интерес Пушкина к этому произведению. Ни оригинальное название переведенного текста, ни его автор, ни переводчик ни разу не были указаны.

Книга представляет собой французскую переделку английского исторического эпистолярного романа Эллис Корнелии Найт

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 358.

(Knight; 1757–1837) «Марк Фламиний, или Обзорение военной, политической и общественной жизни римлян: В письмах патриция другу» («Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend», 1792). Французский перевод Анны Линдси (Lindsay; 1764–1820) вышел в Париже в 1801 г. На титуле значится, что это перевод с английского, однако не упомянуты ни имя переводчика, ни имя автора. Во французском издании два тома сжаты в один; в предисловии переводчика сказано: «Je me suis cependant permis d'y retrancher des longueurs, et d'y faire quelques changements qui m'ont paru nécessaires, pour rendre les caractères plus conformes à la vérité historique <Я, однако, позволила себе сократить некоторые длинноты, а также внести небольшие изменения, которые сочла необходимыми для того, чтобы персонажи точнее соответствовали исторической правде. — фр.>» (II).²

Сюжет романа — история прекрасного молодого римлянина, который остается благородным человеком во времена всеобщего морального упадка, наиболее ярко представленного образами императора Тиберия и его наперсника Луция Эллия Сеяна. Главный герой, Марк, и его дядя, изгнанник Валерий, олицетворяют истинный благотворный порядок, которому угрожают личные амбиции и искусная ложь римских правителей, а также утрата прав и привилегий, которые могли бы препятствовать злоупотреблениям власти.³ В первой части (томе первом английского издания) рассказано о пленении Марка в Германии и его отношениях с «благородными дикарями» из племени Херуски. Захвативший его в плен Кариовальдас, которого Марк характеризует как «почтенного» воина и правителя, относится к нему по-отечески; храбрый и благородный сын Кариовальдаса Сигизмар становится его побратимом. Основной источник описания обычаев и нравов германского племени — труд Тацита «Об обычаях германцев» («De Moribus Germanorum»). Вторая часть (том второй английского издания) повествует о триумфаль-

² Здесь и далее ссылки на французский перевод приводятся в тексте, с указанием в скобках страниц, по изданию, имевшемуся в библиотеке Пушкина (оно доступно на Google Books).

³ Сопоставление сюжетных подробностей романа с событиями Французской революции и ее последствиями см.: Price F. 1) Making History: Social Unrest, Work and the Post-French Revolution Historical Novel // Historical Writing in Britain: Visions of History 1688–1830 / Eds. B. Dew and F. Price. Hampshire, 2014. P. 145–161; 2) The Uses of History: The Historical Novel in the Post-French Revolution Debate and Ellis Cornelia Knight's «Marcus Flaminius» (1792) // Reading Historical Fiction: The Revenant and Remembered Past / Eds. K. Mitchell and N. Parsons. Hampshire, 2013. P. 187–203.

ном возвращении Марка в Рим, который, по его словам, сильно изменился к худшему («...l'aspect de Rome a bien changé depuis l'avènement de Tibère à l'Empire <...облик Рима сильно изменился, с тех пор как Тиберий пришел к власти в Империи. — *фр.*>» — 211), о его успешных поисках Валерия и романе с дочерью последнего. Стремясь «вдохнуть жизнь в историю» («bring history to life»), как пишет Найт в своем предисловии, она смешивает вымысел со сведениями, почерпнутыми в трудах античных историков, прежде всего Тацита, на которого постоянно ссылается в примечаниях.⁴ Вот как она сама описывает свой роман:

The reigns of Augustus and Tiberius are generally allowed to include the most interesting period for the politician, the moralist, the man of learning, and the artist. The following letters may give some idea of the state of Rome, and its inhabitants, during the last years of the former emperor, and the first years of his successor: the empire was then at the summit of power; though, undoubtedly, superior virtue was to be found in the pristine ages of the republic, and greater magnificence under the succeeding emperors.⁵

<Правление Августа, а затем Тиберия представляет собой наиболее интересный период для политика, моралиста, ученого и художника. Помещенные здесь письма дают некоторое представление о состоянии Рима и его обитателей в последние годы правления первого из этих императоров и в начальные годы второго: империя была тогда в самом расцвете сил, хотя, несомненно, уступала в добродетелях неиспорченным нравам республиканского времени, а в роскоши — правлению последующих императоров. — *англ.*>

Элис Корнелия Найт, английская художница и писательница, чьи литературные сочинения пользовались некоторым успехом, получила классическое образование. Дочь британского адмирала и придворная дама королевы Шарлотты (позже — фрейлина прин-

⁴ В предисловии автора и рецензиях современников содержатся полезные сведения о замысле и характере романа. См., например: *The Monthly Review, or Literary Journal, Enlarged*. 1792. Vol. 9 (Sep.—Dec.). P. 164—169; *The Analytical Review or History of Literature Domestic and Foreign*. 1793. Vol. 15 (Jan.—May). P. 381—387. В обеих напечатанных здесь рецензиях обильно цитируется роман и в качестве особо интересной детали отмечается вымышленная встреча повествователя с историком Титом Ливием.

⁵ *Knight E. C. Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend*. Vol. 1—2. London, 1808. Vol. 1. P. VII—VIII.

цессы Шарлотты Августы), с 1805 по 1814 г. она встречалась со многими знаменитостями, в том числе с Франсуа Рене де Шатобрианом; в его романе «Мученики» («*Les Martyrs*», 1809) обнаруживается влияние «Марка Фламиния». ⁶ В предисловии Найт сообщает, что ее эпистолярный роман создан под впечатлением путешествия в Италию. Позднее она жила там в качестве наставницы юного Массимо Тапарелли, упомянувшего ее в своих мемуарах. Другие работы Найт: «Динарбас» («*Dinarbas*», 1790) — продолжение романа Сэмюэла Джонсона «История Расселаса, принца Абиссинского» («*Rasselas, the prince of Abyssinia*», 1759), «Описание Лациума, или Римская Кампания» («*A Description of Latium, or La Campagna di Roma*», 1805) с ее собственными гравюрами; «Переводы с немецкого в прозе и стихах» («*Translations from the German in Prose and Verse*», 1812) и роман «Сэр Ги де Лузиньян» («*Sir Guy de Lusignan, a Romance*», 1833). Ее автобиография осталась незавершенной, после ее смерти она была отредактирована, дополнена материалами из ее дневника и издана в 1861 г.

Анна Линдси, урожденная О'Дуайер, была возлюбленной Бенжамена Констана, автора «Адольфа», чьи произведения также имелись в библиотеке Пушкина. В ее известном лондонском салоне собирались аристократы, бежавшие от Террора. Считается, что она явилась прототипом Эленоры в «Адольфе». ⁷

* * *

Если обратить внимание на закладки, оставленные Пушкиным, особенно ту, что положена между страницами 250 и 251, обнаружится любопытная связь с незавершенной «<Повестью из римской жизни>» («Цезарь путешествовал...», 1833–1835).

В письме 54, которое начинается на странице 250 французского издания (письмо 55 в английском оригинале) содержится описание заброшенной виллы. Ряд деталей указывает на то, что именно оно послужило источником для пушкинского описания виллы в «<Повести из римской жизни>». Обе виллы находятся в Кам-

⁶ См.: *Andlauer B. Chateaubriand et «Les Martyrs»: Naissance d'une épopée.* Paris, 1952. P. 29–38. Андло показывает, что Шатобриан был знаком и с английским оригиналом, и с французским переводом романа Линдси; он входил в кружок Огюста Ламуаньона, который до Бенжамена Констана был возлюбленным Линдси.

⁷ См. главу «Перебои сердца (1800–1806)» («*The Intermittences of the Heart (1800–1806)*») в кн.: *Wood D. Benjamin Constant: A Biography.* London; New York, 1993. P. 174–195.

панье,⁸ сходным образом расположены комнаты и предметы интерьера, близки позиции рассказчиков — все это подтверждает связь между двумя текстами.

У Пушкина Петроний прибывает в Кумы и отправляет раба на поиски дома, где он и его спутники могли бы остановиться. Затем идет следующее описание виллы:

Слуга возвратился — и повел нас в дом, уже им выбранный. — Он находился в предместьи города. — Им управлял старый отпущенник в отсутствии хозяина, уже давно покинувшего Италию. Несколько рабов под его надзором заботились о чистоте комнат и садов. В широких сенях нашли мы кумиры девяти Муз, у дверей стояли два кентавра.

П.<етроний> остановился у мраморного порога и прочел начертанное на нем приветствие: *Здравствуй!* Печальная улыбка изобразилась на лице его. — Старый управитель повел его в Вивлиофику, где осмотрели мы несколько свитков и вошли потом в спальню хозяина. Она убрана была просто. — В ней находились только 2 семейные статуи. — Одна изображала матрону, сидящую в креслах, другая девочку, играющую [мячом]. На столике подле постели стояла маленькая лампада. — Здесь Петроний остался (на) отдых и нас отпустил, пригласив вечером к нему собраться.

(VIII, 387—388)

Во французском издании романа Найт этому описанию соответствует рассказ о заброшенной вилле дяди Марка, Флавия Валерия, расположенной в Байи, другом городе Кампаньи, откуда видны Кумы, как выясняется далее из текста (256). Этому рассказу предшествует письмо, где обрисована обстановка, в которой живут обитатели Кампаньи, и их склонности, причем особо подчеркнута любовь местных к удовольствиям: они «рождены для покорности и развлечений» («né pour la servitude et la dissipation» — 249). Марк

⁸ Кампанья — район на юго-западе Италии, в него входят Кумы (Сумае, бывшая греческая колония), Неаполь, Помпеи, Сорренто и другие города в бухте Неаполитанского залива. Нерон часто бывал в Кампанье; согласно Тациту, именно здесь им были убиты Петроний в 66 г. н. э. и Агриппина в 59 г. н. э. «Анналы» Тацита — основной исторический источник Пушкина при описании самоубийства Петрония (16.18—19); второй параграф начинается следующими словами: «Император находился в Кампанье. Петроний также прибыл в Кумы, где и был арестован». Кампанья вошла в литературу в эпоху Нерона: Сенекой была написана серия писем из Кампаньи; поэма «О гражданской войне» и утраченные «Письма из Кампаньи» Лукана включают обширные описания местности; здесь происходят многие из сохранившихся эпизодов «Сатирика».

посещает виллу в поисках Валерия, который, как он полагает, был вынужден бежать из-за разногласий с императором Тиберием или, точнее, — его наперсником Сеяном. Несколько лет Марк не получал о Валерии никаких известий. В романе старик описан как добродетельный и преданный сенатор, верный Риму и его древним традициям, в отличие от расчетливого и лицемерного тирана Тиберия и его советника Сеяна.

Как и в пушкинской повести, за виллой присматривает «старый и верный вольноотпущенник» («un vieil et fidèle affranchi» — 251), ему помогают несколько рабов, которые под его началом содержат в порядке сады («Quelques esclaves sous ses ordres entretiennent les jardins» — 251). Так же как Петроний и его спутники, Марк сначала входит в вестибюль, где замечает статуи муз: «Там были статуи муз, наших лучших поэтов и ораторов» («Les statues des muses, celles de nos meilleurs poètes et orateurs, y sont placées» — 252–253). Затем повествователь перемещается в библиотеку («Библиотека показалась мне особенно заслуживающей внимания <La bibliothèque me parut particulièrement digne d'attention>» — 253) и в прилегающую к ней спальню хозяина («Соседняя комната принадлежит Валерию <L'appartement voisin est celui de Valérius>» — 253). В том же порядке осматривают виллу пушкинские герои. О хозяйской спальне у Пушкина сказано: «Она убрана была просто» (VIII, 388). Здесь можно предположить знакомство с английским оригиналом, хотя доказательств этому и не имеется. В оригинале простота спальни Валерия подчеркнута ее сравнением с комнатами для гостей: «Я не могу вдаваться в детальное описание комнат, предназначенных для его друзей, но они гораздо богаче, чем его собственная спальня или апартаменты Валерии. Ты же знаешь, что его сердце щедро и благорасположено ко всем» («I cannot enter into detail of the apartments destined for his friends; they are far more splendid than his own, or those of Valeria. You know his heart was liberal and beneficent to all»⁹). В сжатой французской версии этот пассаж отсутствует. Вероятнее всего, Пушкин просто соединил описание спальни хозяина с описанием апартаментов его дочери Валерии, которые и во французской версии названы «простыми и элегантными» («simples et élégants» — 254).

В комнате хозяина Марк обнаруживает две статуи: одна изображает дочь Валерия в детстве, другая — его самого в образе юноши с буллой, то есть украшением, которое носили на шее римские

⁹ Knight E. C. Marcus Flaminius... Vol. 2. P. 12.

Рис. 1

JOUEUSE D'OSSELETS

Рис. 2

дети.¹⁰ В хозяйской спальне у Пушкина также находятся две семейные статуи: римской матроны, сидящей в кресле, и играющей девочки.¹¹ Первая из них напоминает портрет матери Марка, на который герой смотрит в апартаментах Валерии «с нежнейшим чувством» («avec la plus tendre emotion» — 254). И в романе, и в пушкинской повести в хозяйской спальне стоит маленький столик. Герой романа видит «на маленьком столике возле кровати “Мысли” Сократа и “Георгики” Вергилия» («J’aperçu sur une petite table auprès du lit les

¹⁰ В обоих изданиях имеются сноски, объясняющие значение слова «булла» с цитатой из Эйнсворта (Ainsworth), автора англо-латинского словаря.

¹¹ Упомянув статую девочки, играющей мячом, Пушкин вычеркнул слово «мячом». По всей видимости, он сначала спутал слово *bulla* (булла) с французским *balle* (мяч) или английским *ball* (мяч), а потом понял свою ошибку и зачеркнул слово. Не исключено, что Пушкин имел в виду конкретную римскую статую — известное изваяние юной девушки, играющей в бабки (*astragaloï*), которое было найдено в 1732 г. на Целии, а ныне хранится в Пергамском музее в Берлине (см. Рис. 1). Хотя до сих пор не найдены доказательства знакомства Пушкина с этой скульптурой или ее копиями, он мог видеть гравюру с ее изображением в книге: *Musée de peinture et de sculpture, ou Recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs des collections publiques et particulières de l’Europe / Dessiné et gravé à l’eau forte par [E. A.] Réveil; avec des notices descriptives, critiques et historiques, par Jean Duchesne aîné. Paris, 1830. Vol. 8. № 552 — гравюра «Девочка, играющая в косточки» («Joueuse d’osselets»; см. Рис. 2). Ни одного из трех изданий компендиума Дюшена нет в библиотеке Пушкина, но, несомненно, они имелись в России. В частности, одно из них сохранилось в библиотеке П. В. Анненкова (ныне в Пушкинском Доме).*

Pensées de Socrate et les Géorgiques de Virgile» — 253), а Пушкин оставляет на столике лишь «маленькую лампаду».

И в повести, и в романе рассказчик, страдая, выходит в сад. Пушкинский рассказчик не может уснуть («Я не мог уснуть; печаль наполняла мою [душу]» — VIII, 388) и отправляется на прогулку: «Я сошел в сад и долго ходил по излучистым его тропинкам, осененным старыми деревьями. — Я сел на скамейку, под тень широкого тополя, — у которого стояла статуя молодого Сатира, прорезывающего тростник» (Там же). В романе Марк, «проведя ночь без сна...» («avoir passé une nuit sans repos...» — 252) и обойдя комнаты виллы, отправляется в сад в надежде избавиться от беспокоящих его мыслей. Здесь он также прогуливается по извилистым тропинкам со скамьями среди статуй под старыми деревьями. Сад Валерия описан подробно — эпизод занимает более четырех страниц, однако легко представить, что пушкинский рассказчик мог бы находиться в том же воображаемом пространстве. Приведем наиболее близкие фрагменты:

...mes forces succomboient sous l'excès de ma sensibilité, et je cours respirer au milieu des jardins. La maison est placée en face d'un petit bois de platanes et de chênes toujours verts <sic!>, à travers lequel coule une petite rivière. D'un côté est la plaine, et de l'autre une haute montagne. Au milieu du bois s'élève la statue d'Alcide, dans une attitude pensive; il semble méditer sur son choix important. Des promenades tortueuses sont bordées de fleurs variées à l'infini, qui répandent leurs doux parfums, et donnent à ce lieu un aspect enchanteur. Un sentier orné de sièges <sic!>, le long duquel des festons de vignes serpentent d'arbre en arbre, des berceaux de verdure, où sont placées diverses statues de Faunes et de Dryades, conduisent à un beau théâtre d'ordre corinthien...

<...>

J'entrai ensuite dans un bocage de cyprus élevés, qui, à leur air vénérable, paroissent depuis long-temps abriter ces montagnes (254, 258).¹²

<...избыток чувств поглощал мои силы, и я побежал в сад, чтобы вдохнуть воздуха. Дом расположен в небольшой роще платанов и вечнозеленых дубов, между которыми течет небольшая речка. На одном ее берегу равнина, на другом — высокая гора.

¹² Курсив мой. — С. Р. Отмечая множество параллелей между романом Найт и «Мучениками» Шатобриана, Андро обращает особое внимание на описание Неаполитанского залива, заимствованное из этого эпизода в саду (см.: Andrau B. Chateaubriand et «Les Martyrs»: Naissance d'une épopée. P. 37).

В роще возвышается статуя Алкида в задумчивой позе; он, кажется, размышляет о своем непростом выборе. Извилистые дороги обсажены бесконечным множеством самых разнообразных цветов, распространяющих нежный аромат и создающих чарующую атмосферу. Украшенная скамейками тропа, вдоль которой, змеясь, перекидываются с дерева на дерево виноградные гирлянды и стоят зеленые беседки со статуями фавнов и дриад, ведет к прекрасному театру с коринфскими колоннами...

<...>

Затем я вошел в рощу высоких благородных кипарисов, которые, кажется, в течение многих лет укрывают эти горы. — фр.>

Можно было бы думать, что «статуя молодого Сатира, прорезывающего тростник» появилась в тексте Пушкина вслед за упомянутыми в процитированном отрывке «статуями фавнов».¹³ Но пушкинский сатир больше напоминает другую статую в другом саду, описанном в письме 69: это статуя юного сатира, который играет на двойной флейте, привлекающая внимание Марка как известная своими «высокими достоинствами» («grand mérite» — 324). Высказанная гипотеза подтверждается тем, что именно сюда, между страницами 324 и 325, вложена вторая закладка в пушкинском издании.

Печаль обоих рассказчиков, как и причины их скорби, сходны между собой. Пушкинский рассказчик скорбит о своем друге и наставнике Петронии, осужденном Нероном; Марк — об изгнанном дяде. Надо заметить, что экспансивность пушкинского рассказчика в выражении преданности и восхищения Петронием ближе к Марку английского оригинала, который, как правило, более многословен в своем восхищении друзьями. Внесенные в переводе Линдси изменения, о которых она говорит в предисловии (см. выше), сильно повлияли на эту сторону характера Марка: он гораздо менее сентиментален, нежели его английский прототип.

Связь замысла «Повести» с эпистолярным романом позволяет прояснить еще один факт, связанный с планом пушкинского произведения. Безымянный греческий философ, который исчезает или непосредственно перед тем, как становится известно, что Петроний в опасности, или сразу после этого (в плане: «[ст<арый>] Греч<еский> фил<ософ> исчез» — VIII, 936), вероятно, возник в творческом сознании Пушкина под влиянием выведенного в романе Найт образа грека Филоклеса. Лотман предположил, что упо-

¹³ Фавны и сатиры — схожие создания; и те и другие обычно изображаются как полулюди-полузвери.

минание исчезнувшего греческого философа, скорее всего, появилось в пушкинском плане как параллель с предательством и бегством Иуды.¹⁴ Филоклес в романе думает лишь о собственных интересах, он хитрый лицемер, использующий свое красноречие и знания в недобросовестных целях. Хотя поначалу он кажется другом Марка, он предает и его, и его благородного дядю, а затем присутствует при вынесении Тиберием смертного приговора, тем самым напоминая Иуду.

Стефани Ричардс

¹⁴ *Лотман Ю. М.* Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // *Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий.* СПб., 1995. С. 288.

ЗЕМНЫЕ БОГИ

Мотивы «Антония и Клеопатры» в пушкинских фрагментах 1835 года

В изучении корпуса пушкинских текстов о Клеопатре поворотным событием явилась статья Б. В. Томашевского 1955 г.¹ Частные дополнения к этой статье содержатся в неоконченной монографии Томашевского «Пушкин» (в единственной написанной главе второй книги).²

В основе рассуждений Томашевского — пересмотр датировки и, в результате этого, переоценка следующего фрагмента как в плане его содержания, так и в плане принадлежности к определенному художественному замыслу:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам.

¹ *Томашевский Б. В.* Текст стихотворения Пушкина «Клеопатра» // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1955. № 200. Вып. 25. С. 216–227 (перепечатано: *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 248–267).

² См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 5–105.

И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
В роскошном сумрачном покое
Средь обольстительных чудес
Под сенью пурпурных завес
Блится ложе золотое.

(VIII, 276)

По давней издательской традиции, идущей от В. А. Жуковского, этот фрагмент преподносился как продолжение исторической элегии «Клеопатра» (в редакции 1828 г., формально не имеющей названия), вводимой в текст «Египетских ночей» в качестве второй импровизации итальянца, после слов «Импровизация началась», которыми рукопись повести обрывается. Это эдичионное решение, которое приглашало считать содержанием фрагмента изображение первой из трех ночей, проданных царицей, вплоть до появления статьи Томашевского оставалось общепризнанным,³ чему способствовала ошибочная датировка фрагмента 1830 годом. Томашевский установил причину этой ошибки и показал, исходя из характеристики бумаги с автографом, а также из повествовательных и стилистических особенностей фрагмента, что он относится к группе стихотворных и прозаических набросков 1835 г., в которых Пушкин вернулся к разработке той же темы. Так, резкое стилистическое различие между редакциями 1824 и 1828 гг., с одной стороны, и набросками 1835 г., включая рассматриваемый фрагмент, — с другой, проявляется, согласно Томашевскому, в том, что в тексты 1835 г. Пушкин обильно вводит детализированные описания роскошных чертогов Клеопатры. Источником, из которого Пушкин черпал археологические подробности для этих описаний, Томашевский считает «Антония» Плутарха — возможно, непосредственно (в частности, Пушкин мог воспользоваться русским изданием 1820 г.), но вероятней — опосредованно, через «Антония и Клеопатру», причем во французском переводе П. Летурнера. Вывод о передаточной роли трагедии Шекспира Томашевский основывает на том, что *ложе золотое* в финале отрывка «И вот уже сокрылся день...» обязано своим появлением допущенной Летурнером вольности по отношению к шекспировскому изображению Клеопатры, возлежащей в палатке не на золотом ложе, а под тканью из золота и парчи:

³ В частности, с ним солидаризировался С. М. Бонди в авторитетной текстологической работе: Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей» // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи. Проза. Письма. М., 1931. С. 203.

Пушкин, по-видимому, обращался не к Плутарху, а к Шекспиру, притом во французском переводе. Описывая плавание Клеопатры по Кидну, персонаж Шекспира Энобарб говорит:

she did lie
In her pavillon (cloth of gold, of tissue)
O'erpicturing that Venus...

(«Она возлежала в палатке под тканью из золота, из парчи, превосходя красотой эту Венеру...»).

Во французском переводе Летузнера в изд.: *Oeuvres complètes de Shakspear, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P. (Amédée Pichot), Paris, t. 3, 1827, p. 62: «Couchée dans son pavillon, sur un lit d'or et du plus riche tissue, elle effaçait cette Vénus fameuse...» («Возлежала в палатке на золотом ложе и на самых драгоценных тканях, она затмевала эту славную Венеру...»).*

Стих «Блестает ложе золотое» показывает на зависимость Пушкина от Шекспира в переводе Летузнера.⁴

Наряду с произвольным характером присоединения к редакции 1828 г. фрагмента 1835 г. на основании неверной датировки Томашевский выявил еще одну крупную текстологическую ошибку, допущенную публикаторами «Клеопатры». Переделывая стихотворение в 1828 г., Пушкин решил изменить местоположение второго из двух монологов царицы, но забыл сделать в рукописи пометку, куда именно он должен быть перемещен. Публикаторы заключили, что монолог надлежит передвинуть в самый конец текста автографа, и эта перестановка создала отчетливое впечатление риторической незавершенности стихотворения, которое в этой версии заканчивалось словами «Глава счастливыхцев отпадет» (следом печатался отрывок «И вот уже сокрылся день...»). Между тем, по убедительному предположению Томашевского, Пушкин собирался присоединить второй монолог царицы к первому ее монологу, превратив их в один.

⁴ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 61. Французское издание Шекспира, цитируемое Томашевским, имелось в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 337. № 1389; на титульных листах стоит 1821 г., на обложках — 1827), страницы третьего тома разрезаны. Для этого издания переводы были серьезно отредактированы, но отмеченное Томашевским отклонение от английского оригинала действительно принадлежит Летузнеру; ср. в первом издании: «Couchée dans sa tente, sur un lit d'or et du plus riche tissue...» (Shakespeare, traduit de l'anglais, par M[onsieur] Le Tourneur. Paris, 1779. Т. 4. Р. 59). См. также: Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1965. С. 165.

Это означает, что элегия в обеих редакциях заканчивается в одной и той же повествовательной точке — описанием того, как царица любит третьим, безымянным соискателем ее любви: «И молча долго им царица любовалась» (III, 687; ред. 1824); «И грустный взор остановила / Царица гордая на нем» (III, 131; ред. 1828); «И с умилением на нем / Царица взор остановила» (III, 692; ред. 1828, незачеркнутый вариант).

По убеждению Томашевского, так Пушкин с самого начала и задумывал окончить «Клеопатру»:

...психологический конфликт стихотворения состоит в том, что дерзостный, холодный вызов Клеопатры терпит некоторое поражение перед любовью юноши, который принял этот вызов совсем не из тех, тоже холодных, мотивов, которыми руководился воин, не стерпевший «презрения хладного» от женщины, и философ, изнеженный поклонник чувственных наслаждений. Клеопатра едва ли не побеждена любовью юноши. В этом заключительная психологическая ситуация элегии. И Пушкин, видимо, совершенно не собиравшись продолжать элегию и описывать самую ночь Клеопатры, так как это продолжение не могло обогатить психологического содержания в характеристике Клеопатры.⁵

В 1835 г. «сюжетные границы замысла и включенное в него действие» остались прежними.⁶ Исходя из этого Томашевский определяет время пира в редакциях 1824 и 1828 гг. как аналогичное времени пира в набросках 1835 г., где оно точно обозначено как ночное. Это позволяет ему полностью переосмыслить содержание фрагмента «И вот уже сокрылся день...»:

Произвольное присоединение этих стихов к тексту 1828 года не только превратило законченное стихотворение в оборванный отрывок, но и извратило смысл самих стихов. Помещение их после клятвы Клеопатры и жребия, выпавшего трем ее любовникам, придает им особый смысл:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий...

Наступает ночь, в которую совершится клятва Клеопатры. <...> Отсюда: «сумрачный покой» — спальня, а «ложе золотое» — это то ложе, на котором Клеопатра исполнит свою клятву.

⁵ Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 252.

⁶ Там же. С. 258.

Стих «Сладострастные прохлады» поддерживает именно такое понимание стихов. Но в таком случае действительно весь замысел Пушкина получает иное освещение: Пушкин хотел описать ночи Клеопатры, хотел продолжить свое стихотворение, а тогда не так уж неправ был В. Брюсов, «закончивший» стихи Пушкина подробным описанием исполнения клятвы Клеопатры и судьбы трех ее любовников.

Между тем подобное толкование не имеет за собой никаких оснований. Теперь мы знаем, что стихи относятся к замыслу 1835 года. А там время пира указано точно <«Темная, знойная ночь объемлет африканское небо» (VIII, 422). — Е. С.>. Следовательно, описание распыл не могло сочетаться с начальными стихами:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.

Сопоставление этих стихов с прозаической записью показывает, что единственное место, с которым связаны эти стихи, — это начальная часть описания пира. В данных стихах описывается пиршественный зал и пиршественное ложе. <...> Пурпурные завесы, конечно, не постельный балдахин, а драпировка пиршественного зала.⁷

Гипотеза Томашевского вызывает следующие принципиальные возражения.

1. Мы видели, что все детали красочного описания с легкостью поддаются двойной сигнификации. Это обязывает интерпретатора к повышенной критичности при выборе одной из двух возможных декодировок. Если исключить со стороны Пушкина непоследовательность в хронологии событий, то, казалось бы, время действия отрывка и вправду может только предшествовать времени пира. Но если допустить, что Пушкин на каком-то этапе вознамерился довести до конца рассказ о трех ночах, то все описание может относиться не к первой из них, а ко второй или (что вероятнее) третьей, и тогда вполне уместно сообщение о приходе ночи — времени, когда царица себе не принадлежит и не может пировать. Столь же уместны в этом контексте слова «И вот», с которых начинается отрывок, ведь они подразумевают существование некоего предшествующего текста с хотя бы минимальной повествовательной составляющей. Между тем в рамках толкования, предложенного Томашевским, ни корпус набросков 1835 г., ни сама коллизия не дают никакой оче-

⁷ Там же. С. 261–262.

видной подсказки для реконструкции такого экспозиционного нарратива.

2. Если Пушкин считал свой замысел завершенным, на чем настаивает Томашевский, то почему он не пытался опубликовать элегию не только в первой, но и во второй редакции? Это проще объяснить сомнениями насчет повествовательной завершенности текста, чем неудовлетворенностью им даже в переработанном виде. Как бы то ни было, вполне очевидно, что в плане коллизии рассказ прерван в момент завязки. Даже если это входило в замысел Пушкина, такое решение могло быть принято только в контексте сознательно взвешенной и отвергнутой возможности доведения рассказа до логического финала. Естественно предположить, что Пушкин, не желая продолжать рассказ, тем не менее не считал его законченным целым. По этой причине в 1835 г. он попробовал встроить его в современное повествование и подвести мотивировку под его незавершенность, как бы предоставив самой современности тем или иным образом «дописать» недописанную поэму:

— Дело в том, что Клеопатра торговала своею красотою, и что многие купили ее ночи ценою своей жизни...

— Какой ужас! сазали дамы, что же вы тут нашли удивительного?

— Как что? Кажется мне, Клеопатра была не пошлая кокетка и ценила себя не дешево. Я предлагал ** сделать из этого поэму, он было и начал, да бросил.

— И хорошо сделал.

— Что же из этого хотел он извлечь? Какая тут главная идея — не помните ли?

— Он начинает описанием пиршества [в] садах царицы Египетской.

(VIII, 421—422; ПД 1036, л. 3)

Но коль скоро Пушкин в 1835 г. не имел готового решения относительно того, в какой точке надлежит прервать исторический рассказ в составе рассказа о современности, мы не можем заведомо исключить с его стороны черновую попытку изобразить атмосферу царской опочивальни. Такая возможность заслуживает специального рассмотрения.

3. Категорическое различие между элегией 1824—1828 гг. и набросками 1835 г., на котором настаивает Томашевский, не охватывает всех существенных признаков данного корпуса текстов. По некоторым таким признакам элегия резко контрастирует с прозаическими фрагментами 1835 г., тогда как в стихотворных фрагментах 1835 г.

эти признаки не выражены. Прозаические фрагменты рисуют пирующих возлежащими на ложах («Клеопатра угощает своих друзей; стол обставлен костяными ложами» — VIII, 422); целая армия рабов, прислуживающих гостям царицы, словно бы оттеняет их расслабленные горизонтальные позы; понятно, что и царица должна возлежать, причем на самом роскошном (условно говоря — золотом) ложе. В «Клеопатре» дело обстоит наоборот — вопреки всем понятиям об античном пире, царица изображена восседающей на престоле, а ее гости — в виде толпы, стоящей рядами: «Она рекла. Толпа в молчанье» (III, 686; ред. 1824), «Вдруг — из рядов один выходит, / Вослед за ним и два других» (III, 686; ред. 1824); «Вдруг из толпы один выходит, / Вослед за ним и два других» (III, 131; ред. 1828); подчеркивается устремленность гостей к царице (впоследствии контрастно сменяющаяся робостью): «Все <...> / Шумя, текли к ее престолу» (III, 685; ред. 1824); «Сердца неслись к ее престолу» (III, 130; ред. 1828). В элегии нет и намека на то, что гости, потрясенные вызовом Клеопатры, поднялись со своих мест; получается, что они с самого начала пировали стоя! Что же касается стихотворных отрывков 1835 г., то в них не содержится никакой информации о позах пирующих, ввиду чего усиливаются сомнения в том, что *ложе золотое* — это пиршественное ложе.

4. Томашевский, по сути дела, сводит предполагаемое значение трагедии Шекспира для пушкинского замысла 1835 г. к передаточной роли — источника сведений, восходящих к Плутарху, притом что Пушкин вполне мог быть знаком с самим сочинением Плутарха, а значит, в фактологическом отношении не нуждался в Шекспире. Но даже эту свою гипотезу о транзитивной функции шекспировского текста во французском переводе Томашевский вынужден поставить под сомнение, поскольку золотое ложе Клеопатры упоминается в другом контексте (и, нельзя не отметить, весьма знаменательном) и у Плутарха: «Впрочем, замечу, что о золотом ложе Клеопатры пишет Плутарх, говоря о ее смерти».⁸ Однако мы знаем, что страницы тома с «Антонием и Клеопатрой» в библиотеке Пушкина были разрезаны (см. выше). Более того, влияние «Антония и Клеопатры» заметно в «Борисе Годунове»⁹ (начало работы над которым приходится на декабрь 1824 г.). Таким образом, сочи-

⁸ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 61. — См.: «...когда <...> взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Изд. подг. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 3. С. 275).

⁹ См.: Перлина Н. «Борис Годунов» и «Антоний и Клеопатра»: «Бывают странные сближения» // Русская литература. 2005. № 2. С. 109–125.

няя «Клеопатру» в 1824 г. (эта редакция была окончена около 1 ноября — III, 1170), Пушкин мог еще не читать шекспировской трагедии; в 1828 г. ее текст был уже известен Пушкину, но мог и не оказать влияния на переработку элегии, мало затронувшую план содержания; однако в 1835 г. обращение к «Антонию и Клеопатре» более чем вероятно. Спрашивается: мог ли Пушкин столь утилитарно подойти к прославленной трагедии, абстрагируясь от ее поэтических тем и лишь заимствуя из нее вторичные сведения? Вопрос представляется риторическим.

С моей точки зрения, все эти сомнительные пункты могут быть существенно прояснены благодаря анализу словосочетания *Земные боги / земные боги* (Пушкин пишет его то с прописной буквы, то со строчной), которое появляется и во фрагменте «И вот уже сокрылся день...» («И сладострастные прохлады / Земным готовятся богам» — III, 692), и в другом стихотворном фрагменте 1835 г. — «Зачем печаль ее гнетет?...» («Покорны ей земные боги» — VIII, 984).

* * *

По мнению Томашевского (не подкрепляемого никакими аргументами), в стихе «Покорны ей земные боги» под *земными богами* подразумеваются римские полководцы, которые в разное время были любовниками Клеопатры: «...иносказательно делается намек на исторические события: “земные боги” — это Юлий Цезарь, Марк Антоний, Помпей».¹⁰ Вопрос о правильности этого толкования может иметь решающее значение для проверки гипотезы Томашевского о содержании фрагмента «И вот уже сокрылся день...» и его месте на фабульной оси. С одной стороны, коль скоро во фрагменте «Зачем печаль ее гнетет?...» *земные боги* упомянуты на экспозиционном отрезке текста, до начала какого-либо действия, логично было бы заключить, что употребление того же выражения во фрагменте «И вот уже сокрылся день...» также свидетельствует о принадлежности фрагмента к вступительной фазе повествования (ср. сходство ближайших контекстов: «Средь обольстительных чудес <...> Блистает ложе золотое»; «Полны чудес ее чертоги»). Но

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 62. Очевидно, подразумевается не Гней Помпей Великий (чьим клеветом объявлен первый из трех смельчаков в первой редакции «Клеопатры»), а его сын Гней Помпей Младший, прибывший в Александрию в 49 г. до н. э. за военной помощью. На его любовную связь с Клеопатрой во время этого визита глухо намекает Плутарх (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. Т. 3. С. 240).

с другой стороны, поскольку толкование Томашевского подразумевает, что разновременные любовники царицы включены Пушкиным в единый ахронный план, оно не применимо к *земным богам* из фрагмента «И вот уже сокрылся день...», ведь они-то однозначно помещены на общем для них временном и событийном отрезке: «И сладострастные прохлады / Земным готовятся богам». Возможно ли, чтобы в этих двух фрагментах одна и та же формула заключала в себе совершенно разный смысл? И если это действительно так, то почему ее использование имело для Пушкина столь важное значение, что он ввел ее в оба текста (причем сохранил во всех редакциях одного из них¹¹)?

В русской словесности в допушкинский и пушкинский период формула *земные боги* (*Боги*) / *земной бог* (*Бог*) использовалась почти исключительно в двух объемах значения:¹² в узком значении ‘монарх(и)’¹³ и расширенном значении ‘сильные мира сего (опционально включая монархов)’.¹⁴ Нередко авторы лукаво стирали грань между этими двумя объемами значения, что открывало возможность косвенно задеть монарха.¹⁵ В контексте антитезы ‘Клеопатра vs. *земные боги*’ в отрывке «Зачем печаль ее гнетет?..» эта формула может относиться только к могущественным иноземцам — либо государям, либо тем, кто может сравниться с ними по своему положению, каковы, несомненно, и римские мужи, перечисленные Тома-

¹¹ См.: VIII, 422, 983, 984, 993. В первом и последнем из этих четырех случаев прилагательное *земные* набрано со строчной буквы, в двух других — с прописной.

¹² Дальнейшие обобщения, касающиеся норм употребления данной формулы, опираются на мою статью «К истории формулы “земной бог”» (готовится к печати), где помимо прочего уточнены и развиты тематически релевантные положения работы: [Живов В. М.], Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России [1987] // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и перераб. М., 1996. С. 205–337.

¹³ Традиция употребления формулы в этом объеме значения прослеживается в Вульгате (Иудифь 5: 28–29). Русские примеры встречаются в сочинениях Ломоносова, Державина, Капниста, Карамзина и др., в том числе и у Пушкина («Воспоминания в Царском Селе», «К вельможе»).

¹⁴ В этом объеме значения формула часто принимает обличительный оттенок и тесно связана с традицией переложений псалма 81 (82 еврейского и западно-христианского канона). См., например, «Властителем и судиям» (1780) Державина. Употребление формулы в связи с псалмом 81 восходит, по-видимому, к «Апостольским постановлениям» (кн. II, гл. 26), где, однако, *земным богом* именуется не монарх, а епископ.

¹⁵ Примеры находим у Державина, Жуковского, Вяземского и др., в том числе у Пушкина («К Н. Я. П<люсковой>», 1819).

шевским. Поскольку Пушкин ни на кого из них прямо не указал, думается, хронологические интервалы между состояниями покорности Клеопатре в биографиях разных «земных богов» не имеют большого значения в данном контексте: настоящее грамматическое время этих стихов встраивает покорность *земных богов* в ряд прочих статичных или периодически повторяющихся обстоятельств, развивающих положение о том, что Клеопатра *спокойно властвует* («...Толпой рабов охранена / Спокойно властвует она. / Покорны ей земные боги...»¹⁶). Иными словами, эти стихи можно понимать в том смысле, что благодаря чарам Клеопатры ей покоряются и те, на кого ее монаршая власть не простирается и кто не уступает ей по своему могуществу. Вместе с тем, в силу биографических фактов, слова о покорности *земных богов* прочно привязаны к своей ахронной модальности (попросту говоря, на уровне фабулы Клеопатра не может взаимодействовать одновременно и с Юлием Цезарем, и с Антонием), а значит, *земные боги* отрывка «И вот уже сокрылся день...», которым *готовятся прохлады*, непременно должны иметь иную референцию.

Вообще говоря, фразу «Покорны ей земные боги», которая, судя по всему, полностью удовлетворяла Пушкина, трудно признать удачной с точки зрения смысловой прагматики: она достигала бы цели, если бы Клеопатра не обладала титулом царицы и легальной политической властью. Она же, напротив, сама принадлежит к *земным богам*, и притом в самом узком значении крылатого слова, тогда как ее любовники-полководцы — только в расширенном. Противопоставление законной царицы Египта амбициозным римским политикам как *земным богам* извращает самую суть этой формулы. Даже если бы о Клеопатре сообщалось, что ей покорны *другие* земные боги, то и это сообщение было бы не вполне корректным. Но как бы то ни было, *земные боги* отрывка «Зачем печаль ее гнетет?..» четко отделены от Клеопатры по признаку своей покорности ей.

Совершенно иначе обстоит дело с *земными богами* фрагмента «И вот уже сокрылся день...»: насколько позволяют судить рамки этого текста без начала и конца, кто бы в нем ни подразумевался под *земными богами*, Клеопатра включена в это множество. Вопрос в том, кто в него входит помимо нее? Если на минуту представить себе, что данный фрагмент относится, скажем, к истории Клеопатры и Антония, то определение *земные боги* могло бы быть

¹⁶ Мотив спокойного правления отчетливо заявлен и в черновом варианте «Судьбою властвует» (VIII, 982, 984), в отличие от «Сердцами властвует» (VIII, 982) и гипотетического «Всесильно <?> властвует» (VIII, 993).

употреблено по отношению к этой властительной паре, то есть могло бы объединять Клеопатру и одного из тех *земных богов*, о покорности которых ей говорится во втором фрагменте. Но в контексте истории проданных ночей это определение никоим образом не может распространяться одновременно и на царицу, и на одного из трех смельчаков: независимо от того, шла ли бы речь об иностранце, будь то римлянин Аквила (он же Аргилай, Флавий) или грек Критон, или же о египтянине, каковым мог бы оказаться третий смельчак, ни один из них по своему положению не мог быть назван *земным богом*.

Правда, в элегии 1824—1828 гг. Клеопатра говорила о своем согласии на роль *простой наемницы*, о готовности *восстановить равенство* меж собой и своими поклонниками, в отрывке 1835 г. — о готовности *забыть неравенство* меж собой и ими,¹⁷ в черновиках 1828 г. — о своей *любви послушной*, которая *превзойдет все ожидания* (III, 689).¹⁸ Но все эти высказывания свидетельствуют о намерении на время забыть о своем царском достоинстве, а не разделить его с претендентом. Даже если отвлечься от самоуничижительных формулировок, которыми оперирует Клеопатра, ее объединение с очередным незнатным *счастливецем* под общим определением *земные боги* представляется недопустимым как фразеологически (будучи сугубо экспериментальным, оно не может быть неартикулированным и риторически не обоснованным), так и в силу повествуемой коллизии, в рамках которой эти двое, по контрасту с их физической близостью, психологически поляризованы относительно друг друга. Еще существенней, что символический катобасис Клеопатры совершается не в качестве искупительной жертвы, а в обмен на вполне реальный катобасис трех любовников. Снисходя до простых смертных, Клеопатра требует от них взамен подтвердить свою смертность — и тем самым подтвердить ее, «*земной богини*», исключительную божественность.

Итак, версия о том, что фрагмент «И вот уже сокрылся день...», несмотря на его датировку 1835 годом, все же повествует об одной из проданных ночей, должна быть отброшена. Но тогда кто эти *земные боги*? Ответ подсказывается третьим объемом значения формулы: «*сильные мира сего, стоящие ниже монарха*». Мне известен только один бесспорный пример ее употребления в этом объеме значения. Он содержится в памфлете аббата Куайе «Торгующее дворянство» (1756) в переводе Фонвизина (1766), который точно

¹⁷ См. отрывок «И пир утих и будто дремлет...» (VIII, 984).

¹⁸ Ср. еще: «Всей чашею любви послушно упою...» (III, 684; ред. 1824).

следует оригинальному тексту. О «знатны[х] господа[х] и главны[х] откупщик[ах]» говорится: «Сии люди, коих по государе называем мы земными богами, поступают не так, как бы общее благополучие требовало».¹⁹ Пример этот, конечно, маргинален и притом относится к допушкинской эпохе, но и он позволяет предположить, что для Пушкина и его современников этот редкий объем значения формулы все-таки входил в парадигму ее значений. В таком случае фраза «сладострастные прохлады / Земным готовятся богам» может означать одно из двух: таковые готовятся 1) либо Клеопатрой своим гостям, которым характеристика *земные боги* не имманентна, а присвоена как раз в силу того невиданно пышного приема, который царица им оказывает; 2) либо Клеопатре вместе с ее гостями, на которых характеристика *земные боги* распространяется благодаря их метонимической близости к царице. Пользуясь выражением Фонвизина, можно сказать, что при любом из этих двух вариантов понимания гости Клеопатры именуются земными богами *по государыне*.²⁰ (Ср. в послании «К вельможе» (1830), где адресат косвенно приравнивается к монархам (в духе той самой лесты, о которой идет речь) как вкусивший от их интеллектуального яства — общения с Вольтером: «С тобой веселости он расточал избыток, / Ты леть его вкусил, земных богов напиток».)

Существенно, что среди гостей нет никого, кто мог бы быть назван земным богом сам по себе: дерзкий вызов Клеопатры был бы неуместен в адрес кого-либо равного ей или хотя бы сравнимого с ней по статусу или могуществу.

Поистине царская пышность оказанного гостям приема удостоверяется одним из прозаических планов 1835 г.: «Светлы и шумны чертоги Птолемея: Клеопатра угощает своих друзей; стол обставлен костяными ложами; три ста юношей служат гостям, три ста дев разносят им амфоры, полные греческих вин; три ста черных Эвнухов надзирают над ними безмолвно» (VIII, 422). Из другого

¹⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 139. Ср. в оригинале: «Ces hommes qu'après les Rois nous appellons les Dieux de la terre, ne la traitent pas comme elle doit l'être pour le bien public» (Coyer G.-F. La Noblesse Commerçante. Londres; Paris, 1756. P. 66–67).

²⁰ Кажется, похожим образом понимал эти слова Достоевский: «А вот и древний мир, вот “Египетские ночи”, вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, <...> ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 146).

фрагмента становится ясен смысл выражения *сладострастные прохлады*, представляющего собой комбинацию звуковых, обонятельных и тактильных впечатлений: «Гости на ложах из слоновой кости — Гремит сладострастная музыка — Сирийский фимиам [курится] в кадилъницах — Широкие опахала навевают прохладу —» (VIII, 992). Эта параллель служит лишним доказательством принадлежности фрагмента «И вот уже сокрылся день...» к вводной части повествования.

Итак, можно считать установленным, что в двух стихотворных фрагментах 1835 г. одной и той же формуле придан совершенно разный смысл: в одном случае *земные боги* — это иноземцы, разновременные любовники Клеопатры, равные ей по своему положению и вместе с тем противопоставленные ей на основе покорности ее чарам («Зачем печаль ее гнетет?...»), в другом — это, возможно, сама Клеопатра и определенно — ее гости на конкретном пиру, как иноземцы, так и египтяне, ни один из которых заведомо не равен ей по своему статусу («И вот уже сокрылся день...»). Это несовпадение смыслов ставит перед нами вопрос о том, что же могло побудить Пушкина использовать в двух набросках к одному и тому же замыслу одну и ту же традиционную формулу в двух совершенно разных значениях.

Я постараюсь показать, что упоминание о *земных богах* в обоих фрагментах и мотив покорности *земных богов* Клеопатре в одном из них входят составной частью в авторское задание, которое парадоксальным образом не имеет никакого отношения к самой формуле, но зато непосредственно связано с важнейшей поэтической темой «Антония и Клеопатры». Поскольку эта тема вполне независима от греческого жизнеописания, ее отражение в пушкинском замысле приобретает значение доказательства того, что в 1835 г. Пушкин непосредственно обращался к тексту трагедии.

* * *

Сквозная тема (если угодно — лейтмотив) «Антония и Клеопатры» — это четыре первоэлемента (стихии), которые, согласно античной космологии, расположены в виде концентрических сфер вокруг центра мира в порядке убывания тяжести: Земля — Вода — Воздух — Огонь.²¹

²¹ Аристотель в «Метафизике» подробно разбирает теории своих предшественников и на их основе строит собственную (добавляя к четырем стихиям эфир — начало движения).

Готовясь к последней битве с Октавием Цезарем, Антоний обменивается репликами с одним из своих людей:

Ant. Their preparation is to-day by sea; / We please them not by land. *Scar[us]*. For both, my lord! *Ant.* I would, they'd fight i'the fire, or in the air; / We'd fight there too. (646)²²

Разбитый Октавием на море и на суше, Антоний совершает самоубийство, но прежде объявляет себя стужившимся воздухом в обличе Антония:

Ant. Eros, thou yet behold'st me? *Eros.* Ay, noble lord! *Ant.* Sometime, we see a cloud that's dragonish; / A vapour, sometime, like a bear, or lion, / A tower'd citadel, a pendant rock, / A forked mountain, or blue promontory / With trees upon't, that nod unto the world, / And mock our eyes with air. Thou hast seen these signs; / They are black vesper's pageants. *Eros.* Ay, my lord! *Ant.* That, which is now a horse, even with a thought, / The rack dislimns; and makes it indistinct, / As water is in water. *Eros.* It does[,] my lord! *Ant.* My good knave, Eros, now thy captain is / Even such a body: here I am Antony; / Yet cannot hold this visible shape, my knave! (646–647)²³

²² Здесь и далее оригинальный текст «Антония и Клеопатры» с указанием страниц цит. по: The dramatic works of Shakspeare printed from the text of Samuel Johnson, George Steevens and Isaac Reed. Complete in one volume. Leipsic, 1824. P. 625–652. Это издание имелось в библиотеке Пушкина, страницы разрезаны (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 338. № 1390). Французский перевод: «A n t o i n e. Leurs dispositions annoncent un combat sur mer; nous ne leur plaisons guère par terre. S c a r u s. On combattra sur mer et sur terre, seigneur. A n t o i n e. Je voudrais qu'ils pussent nous attaquer aussi dans l'air, dans le feu, nous les y combattrions aussi» (158). Как и в книге Томашевского «Пушкин», здесь и далее перевод Летуэрнера цит. по: Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. R[ichot]. Paris, 1821. Т. 3. P. 19–201 (с указанием страниц).

²³ Фр. перевод: «A n t o i n e <...>. Éros, tu me vois encore! É r o s. Oui, mon noble maître. A n t o i n e. Tu as vu quelquefois une vapeur qui nous représente un ours, ou un lion, une citadelle avec des tours, un rocher suspendu, un mont à double cime, ou un promontoire bleuâtre couronné de forêts qui se balancent sur nos têtes; tu as vu de ces images aériennes qui abusent nos yeux et qui sont les spectacles que nous offre le crépuscule. É r o s. Oui, seigneur. A n t o i n e. Ce qui nous paraît un coursier est effacé en moins d'une pensée par la séparation des nuages, et se confond avec eux comme l'eau dans l'eau. É r o s. Oui, seigneur. A n t o i n e. Hé bien, bon serviteur, cher Éros, ton général n'est plus qu'une de ces formes imaginaires. Tu crois voir encore Antoine, mais je ne puis garder plus long-temps ce corps visible, mon serviteur» (162–163).

В поминальных словах по своему возлюбленному Клеопатра уподобляет его дельфину, который стремится покинуть пределы со-природной стихии, выпрыгивая из воды:

...his delights / Were dolphin-like; they show'd his back above /
The element they liv'd in. (650)²⁴

Последовав примеру Антония, чувствуя приближение смерти, Клеопатра восклицает:

Husband, I come! <...> I am fire, and air; my other elements /
I give to baser life. (652)²⁵

Отрешение от своей телесной оболочки, состоящей из земли и воды, Клеопатра воспринимает как выход из-под власти Октавия, одержавшего победу на суше и на море, и переход в высший мир огня и воздуха, где они с Антонием будут недостижимы для своего врага. Тем самым более легкие стихии оказываются приблизительно в такой же оппозиции к более тяжелым, как душа к телу. Вот предсмертные слова Клеопатры:

As sweet as balm, as soft as air, as gentle, — / O Antony!... (652)²⁶

Шекспировская тема стихий как пространства борьбы между волей к власти и волей к свободе имела все шансы привлечь внимание автора «Медного всадника». Ранее Пушкин был склонен сводить четверичную модель к двоичной, когда писал о двух подконтрольных людской власти стихиях как обо *всех стихиях*:

В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.
(III, 21)

²⁴ Фр. перевод: «Ses plaisirs étaient comme le dauphin, dont le dos se montre toujours audessus de l'élément dans lequel il vit» (185).

²⁵ Фр. перевод: «Mon époux, je te suis! <...> Je suis d'air et de feu, et je rends à la terre grossière mes autres éléments» (196).

²⁶ Фр. перевод: «O toi, suave comme un baume, doux comme l'air, tendre... O Antoine!...» (197).

В другом давнем стихотворении говорилось во множественном числе о стихиях, отличных от земли, хотя подразумевалась лишь одна из них — вода:

Ищу стихий других, земли жилец усталый...
(«Завидую тебе, питомец моря смелый...», 1823)²⁷

В набросках 1835 г. Пушкин опять-таки варьирует мотив покорности Клеопатре только этих двух усмиренных стихий (в трагедии Шекспира перешедших из-под ее власти под власть Октавия):

Все земли, волны всех морей
Как дань несут наряды ей...
(VIII, 422)

Все земли, волны всех морей
Смиренно дань приносят ей.
(VIII, 984)

Весь мир дарит наряды ей —
Земной Сапфир, жемчуг морей.
(VIII, 993)

Земные недра, глубь морей
Весь мир дарит наряды ей.
(VIII, 993)

Но в прозаическом фрагменте говорится о смиренной неподвижности уже всех четырех стихий²⁸ (из которых, впрочем, Пушкин не упоминает стихию земли, чья неподвижность и, соответственно, покорность Клеопатре сами собой разумеются): «Порфирная колоннада, открытая с юга и севера, ожидает дуновения Эвра; но воздух недвижим — огненные языки светильников горят недвижно; дым курильниц возносится прямо недвижною струею; море, как зеркало, лежит недвижно у розовых ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые Сфинксы в нем отразили свои золоченые когти и гранитные хвосты... только звуки кифары <и> флей <ты> потрясают огни, воздух и море» (VIII, 422).

Наконец, во фрагменте «И вот уже сокрылся день...» четверичная модель представлена во всей полноте:

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2, кн. 2. С. 136.

²⁸ Эта неподвижность, между прочим, наводит на мысль о скульптурных аллегориях четырех стихий работы Ф. Ф. Шедрина и С. С. Пименова, украшающих башню Адмиралтейства.

Фонтаны бьют, горят лампы
Куруется легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
(III, 692)

Каждое из упомянутых тут обстоятельств может быть соотнесено с одной из четырех стихий: водой (*фонтаны бьют*), огнем (*горят лампы*), воздухом с примесью и без примеси огня (*курится... фимиам; прохлады... готовятся*), землей (*Земным... богам*). Но сами стихии здесь не тематизируются: читателю предоставлено распознать их по метонимиям. Покорность этих метонимических субститутов не акцентируется (применительно к первым трем) либо вообще не обозначается, как в случае с *Земными богами*, о покорности Клеопатре которых (кем бы они ни были) другой стихотворный фрагмент сообщает прямо. Вместе с тем и эта покорность стихий, и их стихийность как таковая обозначены за счет того, что субституты трех из четырех стихий сами выступают субъектами угодных царице действий, одно из которых адресовано инертному субституту оставшейся стихии (*Земным богам*).²⁹

Можно предположить, что написание слова *Земные* с прописной буквы во фрагменте «Зачем печаль ее гнетет?...» (в двух вариантах из четырех) сигнализирует о дополнительной — неформульной — семантике этого определения, то есть намекает на стихию земли. Во фрагменте «И вот уже сокрылся день...» положение этого слова в начале стиха оставляет возможность допустить, что и в этом случае оно должно писаться с прописной буквы само по себе.

Что побудило Пушкина избрать именно формулу *земные боги* в качестве метонимического обозначения стихии земли? Не имея определенного ответа, могу лишь предположить, что причины тому и сами лежат в метонимической плоскости: формула могла быть мобилизована ввиду ее семантической и структурной близости к определенным текстуальным элементам элегии 1824—1828 гг. и траге-

²⁹ Изображая Клеопатру повелительницей стихий (без поддержки армии и флота), Пушкин придает ей черты восточной чародейки (чему созвучны сообщения о чудесах в обоих фрагментах: «Средь обольстительных чудес»; «Полны чудес ее чертоги»). Уместно напомнить, что в сентябре 1834 г. была написана, а в апреле 1835-го — напечатана «Сказка о золотом петушке», в которой тоже выведена восточная царица-чародейка, которой тоже покорны «земные боги» — царь и его сыновья, — трое мужей, сложившие голову из-за ее чар. Даже интерьер шатра шамаханской царицы имеет некоторое сходство с палаткой Клеопатры у Шекспира: царица укладывает захмелевшего Дадона на *парчевую кровать*.

дии Шекспира. В элегии Пушкина Клеопатра, произнося клятву, обращается к *богам ада (Аида)*, которых также именует *подземными царями* (симметрично тому, как земных царей величают земными богами):

О боги грозные, внемлите ж, боги ада,
Подземных ужасов печальные цари!³⁰
(III, 686; ред. 1824)

И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида...³¹
(III, 132; ред. 1828)

Шекспировский Менас, обращаясь к Сексту Помпею, предлагает ему убить политических соперников и стать *земным Юпитером* (то есть, очевидно, императором-триумфатором в облике Юпитера Капитолийского):

Thou art, if thou dar'st be, the earthly Jove...
(636)

Не выходя за рамки формульного употребления словосочетания *земные боги*, Пушкин присвоил ему дополнительный, внеформульный семиозис. С точки зрения литературной и языковой конъюнктуры, принципиальная возможность подобного приема подтверждается тем, что несколько позднее Жуковский счел возможным использовать это словосочетание (правда, с перестановкой слов) без какой-либо связи с формулой и именно в связи со стихией земли:

О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную младость!³²

Остается высказать несколько соображений относительно характера преломления шекспировской темы стихий в замысле 1835 г. Давая оценку этому замыслу в сравнении с предшествующей разработкой той же коллизии, Томашевский писал:

³⁰ Ср. вариант «подземные цари» (III, 689).

³¹ В других случаях Пушкин именует «подземным царем» сатану (IV, 132), а «подземными богами» — цензуру (с целью маскировки от нее же самой) (XIII, 153).

³² Жуковский В. А. Наль и Дамаянты (1837–1841) // Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 5. С. 116.

В первой редакции история Клеопатры рассказана как психологический парадокс, не связанный ни с местом, ни с временем действия. Здесь эта же история изложена в тесном единстве с исторической характеристикой эпохи. Клеопатра — не просто исключительный характер, не просто своеобразное воплощение крайнего сладострастия во всей его порочности; здесь Клеопатра — царица Египта периода его политического упадка, когда вся эта роскошь говорит не о могуществе государства, а о близкой гибели. Тема пресыщения выдвигается на первый план как психологическая характеристика описываемой эпохи.³³

Такова, по мысли Томашевского, художественная мотивировка описаний придворной роскоши, привнесенных Пушкиным в наброски 1835 г. на основе текстов Плутарха и Шекспира. Эта точка зрения хорошо согласуется с тем, что оба пушкинских источника показывают роскошный закат Клеопатры, сопровождаемый беззаботными увеселениями и пирами, и катастрофический финал ее правления.³⁴ В этом контексте у Шекспира последовательно проведена издавна близкая Пушкину тема власти тирана (Октавия) над низшими стихиями — земли и воды — и эскапического перехода непокорившихся героев в высшие стихии — воздуха и огня. Коль скоро замысел 1835 г. приурочивал рассказ о торговле ночами к непосредственно предшествующему периоду правления Клеопатры —

³³ Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 259–260.

³⁴ Причем, как мне уже приходилось отмечать (см.: Сошкин Е. Нас четверо: (К описанию поэтической космологии Анны Ахматовой) // *Philologica*. 2013/2014. [Вып.] 10. С. 77), в изображении Плутарха Антоний и Клеопатра намного ближе, чем герои трагедии Шекспира, к стоическому идеалу встречи смерти, который привлек Пушкина в поведении Петрония и, вероятно, подсказал ему решение образа Председателя (о связи «Пира во время чумы» с «<Повестью из римской жизни>» см.: Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 291): после поражения при Акции любовники вернулись в Египет, где Антоний поначалу вел жизнь отшельника, подражая Тимону Афинскому, которого тоже предали друзья, но потом, «принятый Клеопатрою в царском дворце, принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами. <...> Вместе с Клеопатрой они распустили прежний “Союз неподражаемых” и составили новый, ничуть не уступавший первому в роскоши и расточительности, и назвали его “Союзом смертников”. В него записывались друзья, решившиеся умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередой радостных празднеств, которые они задавали по очереди» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 3. С. 268–269). Думается, есть все основания приписать рассказу Плутарха самостоятельное значение для замысла Пушкина, не тождественное рецепции драмы Шекспира.

кануну ее заката и падения,³⁵ то логично, что в пушкинских набросках, в противовес лейтмотиву «Антония и Клеопатры», всеми способами подчеркнута покорность Клеопатре — до поры до времени — всех стихий.

Напоследок стоит упомянуть о том, что параллелизм мотивов стихий у Пушкина и Шекспира явился объектом скрытой поэтической рефлексии в стихотворении Анны Ахматовой 1940 года «Клеопатра», которому во второй публикации (в составе сборника того же года «Из шести книг») поэтесса предпослала два эпиграфа — шекспировский и пушкинский: «I am air and fire» (с ненамеренной перестановкой существительных) и «Александрийские чертоги / Покрыла сладостная тень». Ахматовский текст содержит бестиальные метонимии воздуха (*орел*), воды (*шея лебяжья*) и земли (*змейка*), а также отсылку к поэтической формуле «На всех стихиях человек / Тиран, предатель или узник» (через последовательность коллизий: «на коленях пред Августом слезы лила», «предали слуги», «завтра детей закуют»). И этим, и особым значением, присущим, с одной стороны, стихиям, а с другой — Клеопатре в мифопоэтике Ахматовой, подтверждается, что пушкинский эпиграф был выбран именно по принципу смежности с тем четверостишием, в котором перечислены метонимии четырех стихий.³⁶ Отсюда, конечно, еще не следует, что Ахматова видела в этой перекличке с Шекспиром нечто большее, чем просто знаменательное совпадение. Вероятно, нет, если судить по ее позднейшим записям (1959), где она пишет, что в истории Клеопатры «ни любовная связь с Цезарем, ни бурный предсмертный роман с Антонием, ни героическое самоубийство (“I am air and fire” <...> у Шекспира) — все это не привлекало внимания Пушкина».³⁷ Но ахматовское «безошибочное эстетическое чувство», которое, по мнению Ю. М. Лотмана, проявилось в решении другой, тематически близкой проблемы пушкинovedения,³⁸ в какой-то мере является залогом правильности моей гипотезы.

Евгений Сошкин

³⁵ Ср. финал поэмы Брюсова: тотчас после смерти последнего из трех смельчаков в Александрию вступает Антоний.

³⁶ См. подробный анализ ахматовской «Клеопатры» в свете эпиграфов к ней: Сошкин Е. Нас четверо.

³⁷ Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. Л., 1977. С. 196.

³⁸ См.: Лотман Ю. М. Пушкин. С. 287.

«ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ БЕД СТРАЖДУЩИХ»

(о некоторых иконах пушкинского рода)

В экспозиции мемориального Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, представлены два иконописных образа, история которых связана с семьей близких родственников Пушкина. Обе иконы Богородичного ряда, и обе в 1953 г. поступили во Всероссийский музей А. С. Пушкина из музейного собрания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, куда были переданы потомками старшей сестры поэта О. С. Павлищевой в начале XX в.

Икона «Богоматерь Печерская с коленопреклоненными преподобными Антонием и Феодосием Печерскими» — традиционный образ почитаемых святых, начальников русского монашества. По характеру письма икону можно отнести ко второй половине XIX в., хотя на ее обратной стороне имеется надпись, выполненная тушью: «А. С. Пушкину». Определить автора надписи и обстоятельства ее появления пока не удалось.¹

Богоматерь изображена фронтально, сидящей на троне в короне Царицы Небесной (иконографический тип Панахранта (Всемиловитая)). Ее руки возложены на коленопреклоненных святых подвижников Антония и Феодосия, один из которых — основоположник монашества на Руси, другой — игумен Киево-Печерского монастыря в XI в., учредитель иноческого общежития в русских монастырях. Преподобный Антоний написан в полном схимническом облачении, святой Феодосий — без клобука, с непокрытой головой, в мантии и епитрахили. Левой рукой он поддерживает Младенца Иисуса, а в правой держит четки, как и святой Антоний. Сидящий на коленях Богоматери Младенец благословляет святых, приподняв обе руки. По сторонам трона стоят склоненные ангелы; в руках у них зеркала с монограммами: «ИИС» («Иисус») и «ХРС» («Христос»); сверху монограмма Богоматери: «МР ОУ» («Матерь Божия»).

Образ близок к иконографическому типу Печерской (Свенской) Богородицы (празднуется 3 мая), но отличается от нее коленопреклоненным положением святых (на оригинале Свенской Богома-

¹ Автор выражает признательность и благодарность старшему научному сотруднику Государственного музея истории религии С. В. Подлесному за ценные советы и важную информацию по бытованию икон в традиционной русской культуре.

тери они представлены в полный рост). Композиция, получившая широкое распространение в русской иконописи XVIII—XIX вв. и обычно именуемая «Богоматерь Печерская» (или «Киево-Печерская»), повторяется на иконе, известной под именем «Богоматерь Ярославская Печерская» (прославилась исцелением в 1823 г.), и в настенной росписи над входом в Успенский собор Псково-Печерского монастыря. Единственная фасадная стена этого храма была перестроена в стиле киевского барокко в 1750-х гг. Новой барочной стилистике соответствует настенная роспись с изображением одного из символов Псково-Печерской обители — Киево-Печерской Богородицы со святыми Антонием и Феодосием (в настоящее время — стилизация под роспись XVIII в.).

Род Пушкиных был тесно связан с Псковским краем не только тем, что здесь находилось имение прадеда поэта — А. П. Ганнибала, но и могилами предков (хотя и не прямых родственников) в Псково-Печерской обители. По подсчетам современного исследователя, ни один другой дворянский род не имел здесь столько захоронений, сколько Пушкины: только за период с 1558 по 1599 г. примерно каждый десятый поступающий в Псково-Печерскую усыпальницу был представителем этого рода.² Их имена были внесены в синодики, которые в XIX в. раздавались при поминовении для немого чтения не только монахам, но и всем прихожанам-мужчинам. Так каждому из печерских паломников становилось известно, что в монастырских синодиках записаны на вечное поминовение роды «Пушкина-окольниковча»³ и других Пушкиных». ⁴

Обитель была основана выходцами из Киево-Печерского монастыря в XVI в. и следовала строгому общежительному уставу киево-печерских старцев Антония и Феодосия, во имя которых был освящен один из приделов Успенской церкви монастыря. Легенды «о киевских чудотворцах», записанные в Киево-Печерском патерике, были известны Пушкину, который назвал этот памятник древнерусской культуры «прелестью простоты и вымысла» (XIV, 162).

Перед иконой Печерской Богородицы молились об исцелении от душевных и телесных недугов, о прозрении слепых и исцелении глазных болезней, а владелица иконы О. С. Павлищева как раз

² Мурьянов М. Ф. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 93.

³ В окольниковиче из числа Пушкиных были пожалованы: Никита Михайлович (1619), Григорий Гаврилович (1644), Борис Иванович (1646), Степан Гаврилович (1648), Матвей Степанович (1674), Яков Степанович (1686), Иван Федорович Шиш (1682).

⁴ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893. С. 147.

страдала болезнью глаз, настолько тяжелой, что к концу жизни практически ослепла. Кто-то из Павлищевых или Пушкиных мог привезти ей икону в память о посещении Псково-Печерской обители.

Согласно существующей в музее устной легенде, роду Пушкиных принадлежал и другой образ Богоматери, также поступивший в музей от потомков О. С. Павлищевой (в настоящее время икону можно видеть в бывшей спальне Н. Н. Пушкиной).

Образ близок иконографии Богородицы «Избавление от бед страждущих» (другие названия — «Избавление от бед», «От бед страждущих», а также «Обет страждущих»). Фигура Богоматери (иконографический тип «Одигитрия») в царском одеянии, с короной на голове, представлена фронтально; на ее левой руке, как на престоле, восседает Младенец Христос, другой рукой Богоматерь указывает на Сына, направляя на Него внимание молящихся. Правая ножка Младенца согнута в колене и не видна, а левая почти касается правой руки Богоматери; голова Младенца склонена в сторону Матери, которую он двуперстно благословляет; в его левой руке — свернутый свиток, лежащий на коленях. Надпись на окладе — традиционная, часто используемая в канонах пред иконами Богородицы: «Спаси от бед (шбеть) рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству».

Иконы данного типа получили широкое распространение во всем христианском мире, и их часто приписывают кисти апостола Луки. Один из чтимых списков, созданный в конце XVIII в., находится на земле, связанной с предками жены А. С. Пушкина, — в людиновском Казанском соборе в Калужской области. Другой — в Никольском приделе Богоявленского кафедрального собора в Елохове (Москва). Елоховский список датируется XVI в. и относится к числу старинных святынь первого, не дошедшего до нас каменного храма, возведенного в 1731 г. Именно в этом храме (в его трапезной) в 1799 г. был крещен А. С. Пушкин. Не исключено, что у матери поэта мог храниться образ, связанный с этим важным событием в жизни семьи.

Если в семье Павлищевых икона хранилась как принадлежавшая роду Пушкиных, то можно предположить, что она могла перейти к старшей сестре поэта в связи с ее замужеством. Известно, что 27 января 1828 г. она решила дать согласие на брак, не испросив благословения родителей. Узнав о тайно совершившемся браке, родители-Пушкины были чрезвычайно огорчены, затем смирились и согласились благословить молодых, но не лично, а через старшего сына и его приятельницу Анну Керн. Последняя вспоминала, как

мать поэта вручила им икону и хлеб, рассказала о порядке обряда, и они с Пушкиным отправились встречать новобрачных.⁵

В православной традиции Богородичные иконы — не только молебный образ, но и домашняя святыня, передаваемая от одного поколения к другому. Семьи Пушкиных, Павлищевых, Гончаровых не были в данном случае исключением. Судя по описям имущества, которое находилось в 1832—1836 гг. в имении Гончаровых Полотняный Завод,⁶ у родных Н. Н. Пушкиной, урожденной Гончаровой, имелось более десятка популярных изводов Богородицы (Корсунская, Смоленская, Тихвинская, Троиеручица, Толгская, Казанская, Ахтырская, Благовещение, Калужская, «Утоли моя печали», «Исцеление болезней», «Взыскание погибших», «Умягчение злых сердец», «Положение ризы Богородицы» и др.) наряду с образами Спасителя и святых, в том числе небесных покровителей членов семьи.

В 1834 г., находясь в Полотняном Заводе, жена поэта по обычаю, привитому ей с детства, молилась стоя на коленях⁷ (очевидно, в «кивотной» или «образной» комнате, наличие которой в Большом доме Гончаровых обозначено в назанной выше описи). Об этих молитвах известно из письма Пушкина, в котором он вначале пожурил жену за то, что она долго не отвечала на его письма и ездила в Калугу смотреть игру провинциальных актеров, но затем добавил: «Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас» (XV, 184—185).

В родительском доме Пушкина соблюдались все православные обряды, однако сведениями о том, какие иконы имелись в его собственной семье, мы не располагаем. Знаем лишь об иконе «Вознесение Христово», на обратной стороне которой рукой Наталии Николаевны Пушкиной написано, что мать поэта перед смертью благословила этим образом свою «внуку» Марию Пушкину. Речь шла о старшей дочери поэта; ее младшая сестра Наталья появилась на свет только через два месяца после кончины Надежды Осипов-

⁵ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 398—399.

⁶ РГАДА, ф. 1265 (Гончаровы), оп. 2, № 452, л. 5—7; Там же, оп. 1, № 2574, л. 11—12.

⁷ Пушкину была хорошо известна эта привычка жены, и, когда она была беременна в очередной раз, он просил ее «быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве)» (XV, 193).

ны. Образ, полученный из рук бабушки, должен был оставаться в семье и тогда, когда Пушкины переехали в дом на набережной Мойки. В настоящее время он находится в ГМЗ «Михайловское».

Н. Н. Пушкина была глубоко и искренне верующим человеком. Позднее, будучи женой П. П. Ланского, она признавалась мужу: «Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве... Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и в ней меня упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».⁸

В молитве искала Н. Н. Пушкина утешение и поддержку в конце января 1837 г., когда шли последние часы жизни ее мужа. О том, что она «в нервическом страдании лежит в молитве перед образами», рассказывал в одном из писем А. И. Тургенев.⁹ Какие именно образа находились тогда в доме Пушкиных, доподлинно неизвестно. Но с большой долей вероятности можно думать, что один из них (или два) можно увидеть на рисунках, запечатлевших Пушкина лежащим в гробу.

Обычай класть небольшую икону на грудь умершему перед его погребением издавна известен в православии, хотя строгого регламента на этот счет не существует. Чаще всего в гроб помещали образ Спасителя или Богородицы, реже — иконки со святыми, в первую очередь с небесным покровителем покойного, или с праздниками, приходящимися на день кончины, отпевания или погребения усопшего.

Образ на груди покойного Пушкина можно видеть на рисунках художников, которые побывали в доме на Мойке в дни прощания с поэтом. Одними из первых рисовали покойного поэт и переводчик А. Н. Струговщиков¹⁰ и портретный живописец, ученик Карла Брюллова и А. Венецианова, А. Н. Мокрицкий.¹¹

⁸ Цит. по: Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1978. С. 80.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 207 (письмо к неизвестному от 29 января 1837 г.).

¹⁰ Рисунок хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹¹ В настоящее время рисунок А. Н. Мокрицкого представлен в мемориальном Музее-квартире А. С. Пушкина.

А. Н. Струговщиков не принадлежал к кругу художников-профессионалов, но рисовал, как многие в то время, неплохо и тщательно выписал лицо поэта, его волосы, бакенбарды, большой галстук, ворот сюртука, а также подушку, из-под раскрытой наволочки которой виден клетчатый наперник. Эта же домашняя подушка, а не та, которую обычно кладут в гроб (с оборками), изображена на рисунке А. Н. Мокрицкого. То есть оба рисунка были сделаны в те первые часы после кончины Пушкина, когда тело еще не было положено во гроб и покоилось на столе посреди передней.¹² «Спустя $\frac{3}{4}$ часа, — вспоминал В. А. Жуковский, — тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью».¹³ Дополнительно дверь была опечатана начальником штаба корпуса жандармов генералом Л. В. Дубельтом. Обе эти печати видны на рисунке А. Н. Мокрицкого, но не показаны у А. Н. Струговщикова, у которого не находим и образ на груди поэта. На его рисунке это место сильно заштриховано, что не дает возможности с уверенностью сказать, остался ли образ только намечен и не прорисован, или же художник и не пытался его изобразить.

Итак, из двух рисунков, выполненных в первый день после кончины Пушкина, образ показан лишь на одном — у А. Н. Мокрицкого: художник отчетливо обозначил контуры изображенного погрудно Спасителя (или святого) с нимбом вокруг головы. Это могла быть та икона, перед которой в ночь с 27 на 28 января поэт исповедался и приобщился Св. Тайн.

Та же икона со схематическими очертаниями фигуры Спасителя (или святого) присутствует на поздней, 1880 г., гравюре Л. А. Серякова. При ее публикации в журнале «Русская старина» было указано, что портрет выполнен «с рисунка художника Мокрицкого, ученика Брюллова, исполненного с натуры, перерисовал на дерево художник К. О. Брож. Гравировал академик Л. А. Серяков».¹⁴ Изображение на гравюре отличается от рисунка Мокрицкого. Кто

¹² На обороте рисунка А. Н. Мокрицкого имеется поздняя надпись с ошибочной датировкой: «Снят с натуры академиком Аполлоном Николаевичем Мокрицким вечером 30 января 1837 года и подарен им Петру Андреевичу Каратыгину». В действительности вечером 30 января художник мог видеть тело поэта только в гробу, а не на столе, как это показано на рисунке. На то, что надпись была сделана, много лет спустя после смерти Пушкина, указывает упомянутое в ней звание академика, которое А. Н. Мокрицкий получил только в 1849 году.

¹³ Жуковский В. А. Письмо к С. Л. Пушкину. [15 февраля 1837 г.] // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 435.

¹⁴ Русская старина. 1880. № 8. С. 531; 532–533 (вклейка).

мог внести эти изменения? Ни художник-иллюстратор Карл Осипович Брож (1836—1901), ни замечательный русский гравер Л. А. Серяков (1824—1881) не могли присутствовать у гроба Пушкина: один из них в январе 1837 г. не достиг даже годовалого возраста, другому хотя и было 13 лет, но он жил вдали от Петербурга.

Похоже, что изготовители гравюры воспользовались не только рисунком А. Н. Мокрицкого, но и литографией Ф. А. Бруни, на которой нет опечатанной двери, показанной у А. Н. Мокрицкого, но (в отличие от изображения А. Н. Мокрицкого) покойный лежит не на столе, а в гробу. В 1837 г. эта литография продавалась «во всех эстампных магазинах по 5 рублей».¹⁵ Рисунок, с которого Ф. А. Бруни изготовил свою литографию, датирован 30 января 1837 г. Тем же днем датирован рисунок В. А. Жуковского, на котором тщательно прорисованы лицо покойного, передняя часть гроба, оборки на гробовой подушке, но икона только обозначена: по какой-то причине автор рисунка не стал прорисовывать контуры изображения, поместив на грудь поэта лишь чистую прямоугольную дощечку.

Именно 30 января, как сообщал В. А. Жуковский, «друзья положили Пушкина своими руками в гроб».¹⁶ Вскоре в дом стали приходить сотни людей, желающих проститься с поэтом. Среди них — художник Ф. А. Бруни и его ученик — рисовальщик, будущий известный офортисст А. А. Козлов. Последний вспоминал, что приехал посмотреть, как будет работать его учитель Ф. А. Бруни, но тот «почему-то не нашел удобным в ту же минуту заняться этим рисунком» и уехал.¹⁷ Восемнадцатилетний А. А. Козлов остался и выполнил эскиз в своем ученическом альбоме итальянским карандашом и мелом, а дома завершил эту работу. Позднее рисунок был взят за основу при написании картины «Пушкин в гробу», выполненной А. А. Козловым по заказу князя П. А. Вяземского.¹⁸ На картине, как и на рисунке, икона на груди поэта отсутствует. Можно предположить, что в спешке художник ее просто не зафиксировал, сосредоточившись на самом Пушкине (дорисовал же он впоследствии шандал со свечой в изголовье, которого нет на эскизе). Не исклю-

¹⁵ Кукольник Н. В. Письмо в Париж // Художественная газета. 1837. № 9—10. С. 162; Пушкин в прижизненной критике. 1834—1837. СПб., 2008. С. 232.

¹⁶ Жуковский В. А. Письмо к С. Л. Пушкину. [15 февраля 1837 г.]. С. 435.

¹⁷ Аснаш С. М., Яхонтов А. Н. Описание Пушкинского музея императорского Александровского Лицея. СПб., 1899. С. 23.

¹⁸ В настоящее время представлена в передней Музея-квартиры А. С. Пушкина.

чено, что в тот момент, когда А. А. Козлов оказался в доме, тело поэта только что переложили в гроб, но образ по какой-то причине еще не был возложен ему на грудь.

Во второй половине того же дня учитель А. А. Козлова профессор Академии художеств Ф. А. Бруни вновь появился в доме на Мойке и сделал рисунок, с которого позже изготовили названную выше литографию. В 1837 г. литография была опубликована без подписи автора и заслужила высокую оценку Н. В. Кукольника: «...остается сказать о двух произведениях, не входящих собственно в разряд портретов обыкновенных. Первое принадлежит известному нашему художнику Ф. А. Бруни. Пушкин изображен во гробе, под саваном, икона на груди, голова на подушках, смерть уже обозначила на лице разрушительную силу свою, на устах застыло страдание. — Превосходный рисунок и отличная чистота отделки дают произведению почетное место в числе наших литографий. Ф. А. Бруни рисовал с натуры на другой день смерти Пушкина и сам же переводил рисунок свой на камень».¹⁹

Итак, возвратившись в дом поэта, профессор Ф. А. Бруни не спеша взялся за работу. В крохотной передней он выбрал для себя удобное место, откуда мог рисовать Пушкина, глядя поверх голов многочисленных посетителей: «В гробовой комнате, — вспоминал один из свидетелей происходящего В. Н. Давыдов, — при входе налево, в углу, стояли один на другом два простых сундука, на верхнем стул, в котором перед мольбертом сидел академик Бруни, снимавший портрет с лежавшего в гробу, головой к окнам во двор, Пушкина».²⁰

Как на рисунке, так и на литографии Ф. А. Бруни зритель снова обнаруживает икону. Однако на этот раз опытный глаз художника рассмотрел очертания не одного, а трех (!) святых, стоящих фронтально в один ряд в полный рост. Над ними плат с благословляющим Спасителем.

Можно было подумать, что с самого начала на иконе было именно три персонажа, что А. Н. Мокрицкий их попросту не разглядел. Но его рисунок выполнен настолько тщательно, что подобная ошибка представляется маловероятной. По всей видимости, после переложения тела поэта во гроб одну икону заменили на другую. По поводу этого нового образа, заменившего первоначальный, можно высказать несколько предположений.

¹⁹ Кукольник Н. В. Письмо в Париж. С. 162; Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. С. 232.

²⁰ Давыдов В. Н. Квартира А. С. Пушкина в конце января 1837 г. // Русская старина. 1887. № 4. С. 162.

Существует два типа икон с изображением трех святых, стоящих фронтально в ряд. Первый представляет одноименных святых либо святых, память которых празднуется в один день; они могут быть подвижниками одного монастыря, одной местности либо совершителями схожего подвига. Широко распространенные образы таких святых имеют устойчивую совместную иконографию. Второй тип — иконы с уникальным набором святых, как правило, писанные по индивидуальной просьбе. Память о таких святых важна для конкретного заказчика. Обычно это образ соименного святого, изображенного рядом со святыми, память которых приходится на день рождения заказчика и на иной важный день его жизни (женитьба, спасение от гибели, любое другое событие, приравненное чуду), либо рядом с соименными святыми отца, матери, мужа, жены и т. п.

Если предположить, что 30 января на грудь покойного Пушкина был возложен образ его небесного покровителя и защитника, изображенного рядом с двумя другими святыми, то следует иметь в виду, что образ преподобного Александра Куштского, память которого отмечается 9 июня (по ст. ст.) и который был небесным покровителем поэта, не изображается в составе устойчивой группы святых (кроме случаев специального заказа на таковое изображение). То же касается самого известного соименного поэту святого, почитаемого на Руси, — благоверного князя Александра Невского. Традиционно обоих святых изображают на иконах единолично. Исключение могли составлять упомянутые выше групповые изображения с неповторимой иконографией, которые изготавливались по желанию заказчика. Такая икона, писанная под заказ, должна была быть личным молитвенным образом, но о существовании такового в семье Пушкиных не сохранилось никакой информации.

Помимо небесного патрона с молитвой об умершем уместно было обратиться к святому, чья память приходится на день его кончины. Православная церковь вспоминает 29 января (по ст. ст.) святителя Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, ученика Иоанна Богослова. Его изображения в составе группы из трех святых хорошо известны: обычно рядом с ним помещают святителей, чья память также отмечается во второй половине января: Афанасия и Кирилла Александрийских (18 января по ст. ст.). Иконка с изображением святого Игнатия, приобретенная в день смерти Пушкина в соседнем храме, вполне могла быть положена во гроб, но современники отметили, что образ был стертый, следовательно, взят из числа домашних икон. Барон Ф. А. Бюлер, который побывал в те дни в доме поэта, вспоминал: «На руках у покойного положен был

простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было вскорости разглядеть».²¹

Наличие в семье поэта образа со святыми Игнатием, Афанасием и Кириллом можно было бы объяснить памятью о дедушке Наталии Николаевны — покойном Афанасии Николаевиче Гончарове. Однако маловероятно, чтобы Пушкин особо чтит память дедушки, в свое время изрядно потрепавшего ему нервы, предоставив в приданое любимой внучке вместо денег и обещанных деревень ненужную в хозяйстве статую Екатерины II («медную бабушку»), которую поэт безуспешно пытался продать все последние годы жизни.

Традиционным и наиболее известным образом трех святых, изображенных в ряд, является образ Трех вселенских учителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Их память православная церковь празднует 30 января по старому стилю (на следующий день после кончины Пушкина).

Здесь следует вспомнить, что по умершему с момента его кончины до погребения совершается несколько церковных служб: панихиды, чтение Псалтыри, лития, отпевание. Первая панихида по Пушкину была отслужена в восемь часов вечера 29 января. Затем круглосуточно, днем и ночью, до самого отпевания, над телом усопшего полагается читать Псалтырь. Чтец Псалтыри — псаломщик или диакон — мог попросить у близких образ соответствующего церковного праздника, а поскольку согласно церковной традиции новый день наступает после шести часов вечера дня предыдущего, то вечером 29 января речь уже могла идти о Соборе Трех Святителей, празднуемом 30 января.

Кому-то из близких могло показаться символичным,²² что в последние часы пребывания тела поэта на земле рядом с ним оказался возложен образ трех создателей новой литературной традиции, трех мудрецов, труды которых на ниве христианского просвещения чтит весь православный мир. Духовный путь поэта, его провидческий дар во многом соотносимы с высотой и важностью духовно-пастырского служения, явленного этими святыми.

²¹ Бюлер Ф. А. Записка А. С. Пушкина к кавалерист-девице Н. А. Дуровой // Русский архив. 1872. № 1. Стб. 202.

²² Привлекли же внимание А. И. Тургенева слова из Псалтыри, услышанные им у гроба поэта вечером 31 января: «Зашел к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении Псалтыря: "Правду твою не скрыв в сердце твоём". Конечно, то, что Пушкин почитал правдою, то есть злобу свою и причины оной к антагонисту — он не скрыл, не утомился в сердце своем и погиб» (Тургенев А. И. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 200). Ср.: «Правду Твою не скрых в сердце моем...» (Пс 39: 11).

По свидетельству Ф. А. Бюлера, образ был стертым, следовательно, мог перейти в семью от старших Пушкиных, Гончаровых или от кого-то из друзей. Один из персонажей иконы — Григорий Богослов — был соименником нескольких предков Пушкина, а также его младшего сына. Немаловажен и тот факт, что каждый из Трех Святителей присутствовал в творческом сознании Пушкина.

В произведениях Пушкина и его эпистолярном наследии можно обнаружить немало аллюзий на литургические тексты Василия Великого и Иоанна Златоуста. Исследователи заметили связь с этими текстами стихотворения «Пророк».²³ Аллюзия на слова из Литургии Василия Великого: «Помяни, Господи, иже в пустынях и горах, и вертепах, и пропастях земных... Плавающим сплавай, путешествующим шествуй... На судище, и в рудах, и в заточениях, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужде и обстоянии сущих помяни, Боже» — выявлена в стихотворении, посвященном лицейской годовщине 19 октября 1827 года.²⁴ Строки, обращенные к друзьям-лицеистам, звучали как ходатайственная молитва:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!
(III, 80)

Икону мог принести Жуковский, который в день кончины Пушкина 29 января «в горестных воспоминаниях»²⁵ встретил очередной день своего рождения, а на 30 января приходился день его ангела — Василия Великого.

Имеющийся иконографический материал не позволяет прийти к однозначному выводу о том, какая именно икона находилась первоначально на груди покойного Пушкина, и на какой конкретный образ она была заменена на другой день. Однако сам факт такой

²³ Архангельский А. Н. «Огнь бо есть...»: Словесность и церковность: литературный сопромат // Новый мир. 1994. № 2. С. 237; Мальчукова Т. Г. Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции: (К интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) // Евангельский текст в русской литературе XIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 168–177.

²⁴ Юрьева И. Ю. «Библию, библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4. С. 125.

²⁵ Тургенев А. И. Письмо к А. И. Нефедьевой. 30 января 1837 г. // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 209.

замены, выявленный в ходе исследования, свидетельствует о проявлении особого участия близких в церемонии прощания. Если во гроб был положен старый, истертый образ, это означало, что хотели положить именно его, а не какую-то другую икону. Логично думать, что с приходом нового дня и началом первой панихиды по умершему икону с одним святым (или со Спасителем) заменили на другую — с тремя святыми.

«Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон» (VIII, 29). Эти строки из незавершенного исторического романа, напоминавшего о жизни предка поэта Абрама Ганнибала, могли бы послужить и для реконструкции картины домашней жизни самого Пушкина. Однако религиозная сторона этой жизни долгое время оставалась на периферии внимания исследователей, хотя была чрезвычайно важна для людей пушкинского времени и пушкинского круга.

Г. М. Седова

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «СКРИЖАЛИ ПУШКИНА» М. О. ГЕРШЕНЗОНА

Этот сюжет из истории пушкиноведения принадлежит к числу общеизвестных, но так велико нагромождение вокруг него подробностей, анекдотов и путаницы, так сильна (на момент фиксации сведений) инерция взаимных недовольств соперничающих филологических каст, столь тонка грань между злорадством и опаской, — что кажется нелишним изложить его еще раз, по возможности расчищая от апокрифических напластований.

Во второй половине ноября 1919 года вышла в свет книга М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина». Основу книги составили статьи, напечатанные в периодике за предыдущие двадцать лет; едва ли не единственный впервые появляющийся в печати текст был вынесен в качестве предисловия под названием «Скрижаль Пушкина»:

Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная. Ее никто не знает; ее нет, сколько мне известно, ни в одном собрании его сочинений; ее только раз,

в деловом порядке, неточно напечатал В. Е. Якушкин в составленном им описании рукописей Пушкина. — На отдельном листке плотной шершавой бумаги, с обеих сторон, от верха лицевой до самого конца оборотной страницы, написано его рукою следующее:

Руссо сказал: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. Это не значит: только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем. Оно не имеет ни имени, ни образа; оно посещает нас в лучшие минуты жития. Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье, нещастие дают нам сии высокие ощущения прекрасного — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть.... Но грусть не приводящая в уныние, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремление.... Это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его непостижимости.... прекрасно только то, чего нет. В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, — но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе от чего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения? Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимолетающий благовеститель лучшего.... оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не настоящим, а темным в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем.

*А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду. —*

Важность этого признания не умаляется тем, что семя его запало в душу Пушкина извне. Знающие конечно тотчас вспомнили стихотворение Жуковского «Лалла Рук». Действительно, Пушкин воспринял туманную мысль Жуковского, но углубил ее безмерно и выразил с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только глубокий личный опыт.

Приведенная страница — ключ к пониманию Пушкина. Так вот каким светом светит его поэзия! Он в опыте твердо узнал не-

бытие воплощенного мира и открытым взором созерцал проблески совершенной красоты сквозь земную явь; он не только видел иной мир, — он и создавал, что видит его. И не случайно эта страница открылась впервые мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире.¹

Мы не можем сейчас установить, когда Гершензон разыскал этот отрывок «на отдельном листе».² Изначально он находился среди бумаг, взятых жандармами на квартире Пушкина 7 февраля 1837 года; при хаотическом объединении отдельных листов в тетради он попал в «тетрадь 2387 А» и по жандармской нумерации фолирован как л. 52.³ Эти тетради, возвращенные наследникам, хранились у старшего сына поэта и были им, под влиянием уговоров, переданы в 1880 г. в Румянцевский музей, где через два года сделались доступны для исследователей.⁴ Впервые в качестве носителя самостоятельной единицы пушкинского текста этот листок описан В. Е. Якушкиным;⁵ тогда же А. Г. Филонов в газетной заметке⁶ указал на его ошибку — ибо текст этот представляет собой сделанную Пушкиным копию с примечания Жуковского; история эта с годами забылась.

Если бы эти бумаги хранились в Пушкинском Доме, куда они в итоге и попали, мы могли бы датировать роковую встречу с ними Гершензона с точностью до дня: его петербургские экспедиции, бла-

¹ Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., [1919]. С. [5]. Текст «Скрижали» приводится по экземпляру, хранящемуся в моем собрании (был приобретен у московского библиофила А. Л. Финкельштейна в конце 1990-х гг.). Ради библиографической щепетильности добавим, что существует весьма редкое, не учтенное в лучшей библиографии Гершензона (Берман Я. Э. М. О. Гершензон: Библиография. [Одесса], 1928) издание «Мудрости Пушкина», датированное 1917-м годом и представляющее собой оттиск (с отдельным титульным листом!) первой публикации заглавной статьи. Экземпляры этого издания хранятся в РГБ (шифр У 397 / 808) и РНБ (шифр 81 — 8 / 191).

² Пользуемся его описанием в книге: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 492.

³ Современный шифр: ПД 1602 (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 463).

⁴ Подробнее см.: Цявловский М. А. Посмертный обыск у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 295 — 296, 333.

⁵ Якушкин В. Е. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 12. С. 553–554.

⁶ Новое время. 1884. № 3174. 29 дек. Реплика Якушкина по этому поводу была напечатана на внутренней стороне обложки апрельского номера «Русской старины» за 1885 г.

годаря сохранившейся семейной переписке, известны в подробностях. Но увы: знакомство их произошло в Москве при психологических обстоятельствах, которые легко вообразить: мистик-Гершензон с его вечным пламенем неистовства (по слову Белого⁷) жил в ощущении диалога с изучаемым героем; для него случайный листок, на котором было написано то, что он ждал и хотел прочесть, — был репликой и наградой в этом разговоре.

Вероятно, о новонайденном тексте, скрывая подробности, он рассказал нескольким близким друзьям; впрочем, оба упоминания об этом факте восходят к мемуаристам, известным недостоверностью своих воспоминаний, — Ходасевичу («Однажды он мне сказал: “Я нашел настоящую скрижаль Пушкина — его философия искусства, его credo”». Будучи несколько скрытен в том, что касалось его текущей работы, он на расспросы мои ответил только, что это — всего лишь одна страница, которая давно напечатана, но на нее не умели обратить должного внимания и даже не включили ни в одно собрание сочинений Пушкина»⁸) — и Осоргину («...написанного никому не показал и не открыл, а только всем говорил: “Вот вы узнаете, когда выйдет книга! А до выхода и не просите, не расскажу!”»⁹).

Вероятно, книга вышла во второй половине ноября 1919 г.: Гершензон в письме к М. А. Цявловскому от 3 декабря 1919 г. среди прочего пишет: «Ежели бы Вы, едучи, привезли нам 2—3 фунта соленого или, в крайнем случае, русского масла или прислали бы с оказией, Вы бы меня бесконечно одолжили, а если еще чего-нибудь по Вашему усмотрению, вдвое. А я бы вручил Вам экземпляр “Мудрости Пушкина”, т. е. книги. Если можно, сделайте»,¹⁰ — и представляется, что речь идет об уже вышедшей книге.

По единодушному свидетельству мемуаристов, сразу по выходе книги Гершензон, человек общительный и обстоятельный, получив в типографии экземпляры, отправился их раздавать по московским знакомым ближнего круга. «Все друзья и скрытые враги получили авторские экземпляры с посвящением. И Сакулин получил, и Шпет получил. Автор пишет: “Дорогому такому-то”, а про себя думает: “На, выкуси”»;¹¹ «Однажды утром (кажется, это было

⁷ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 257.

⁸ Ходасевич В. Книжная палата: Из советских воспоминаний // Собр. соч. М., 1997. Т. 4. С. 236.

⁹ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. М., 1989. С. 25.

¹⁰ «...Цельный и настоящий...»: Из переписки и дневников М. О. Гершензона / Публ. Е. Литвин // Вопросы литературы. 2009. № 5/6. С. 407. «Русское масло» — топленое.

¹¹ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.

в начале 1920 года) Гершензон занес мне в подарок только что вышедшую свою книгу “Мудрость Пушкина”». ¹² Тогда же несколько экземпляров отправилось по почте к иногородним коллегам (известна судьба экземпляра, преподнесенного М. Цявловскому, о чем см. ниже).

Ошибка Гершензона очень быстро открылась.

Версия 1. «В тот день я был занят, книгу не раскрывал, а вечером пошел в гости к Георгию Чулкову, которого застал в радостном возбуждении.

— Ну что, “Скрижаль Пушкина” видели?

— Нет еще, — сказал я.

— В таком случае полюбуйтесь.

Чулков протянул мне книгу. Пока я читал, он смотрел на меня испытующе, а затем спросил:

— Что, похоже на Пушкина?

Я был в замешательстве. То, что я прочитал, по существу могло выражать эстетику Пушкина, во всяком случае, не противоречило ей. Но самое изложение до чрезвычайности мало было похоже на пушкинское. Я сказал Чулкову, что, по-моему, это — не Пушкин.

— Ну, ваше счастье, — сказал Чулков. — А то сели бы в калошу вместе с вашим Гершензоном. Сейчас я видел Сакулина. Он в ужасе. Заметка-то ведь не Пушкина, а Жуковского, — Пушкин только зачем-то списал ее для себя. Гершензон нашел ее в шляпкинском описании бумаг Пушкина и вообразил, что это сам Пушкин.

“Ужас” Сакулина был напускной и радостный, так же как ужас Чулкова. Оба они терпеть не могли Гершензона и теперь злорадствовали вместе с многими другими. Сакулин, впрочем, поступил честно: если не ошибаюсь, он сам отправился к Гершензону и все ему разъяснил». ¹³

Версия 2. «В этот вечер Павел Никитич <Сакулин> рассказал мне драматическую историю о том, как он в 1919 году, получив от М. О. Гершензона только что вышедшую из печати “Мудрость Пушкина”, стал читать ее ночью, лежа в постели, — увидел на первой же странице “Скрижаль Пушкина”, ужаснулся, — взял издание сочинений Жуковского — проверил — и тут же позвонил Гершензону». ¹⁴

¹² Ходасевич В. Книжная палата. С. 236.

¹³ Там же. С. 236—237.

¹⁴ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. и коммент. Н. А. Прозоровой // Пушкинист Н. В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 51.

Версия 3. «В книгоиздательстве московских писателей вышла книга Гершензона “Мудрость Пушкина”. Книга довольно любопытная. Не менее любопытен и трагический анекдот, с ней приключившийся. Вступление к ней называется “Скрижаль Пушкина”. В сей скрижали были напечатаны стихи Пушкина, найденные впервые Гершензоном, с гордостью заявившим, что ему впервые открылась в них правда о Пушкине. Но стихи... принадлежат Жуковскому <...>. Не понимаю, как мог Гершензон допустить такую грубейшую ошибку! Мне жаль его, ибо думаю, что “скрижаль”, которую изобличил профессор Сакулин, принесла ему немалую горечь».¹⁵

Из трех этих во многом согласных рассказов можно сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, кажется абсолютно бесспорным, что ошибку Гершензона первым заметил П. Н. Сакулин (в современных сильно деформированных легендах его функция порой приписывается Шпету¹⁶). Во-вторых — это произошло в первый вечер или первую ночь после выхода книги (это обстоятельство может быть серьезно оспорено косвенными свидетельствами, о чем см. ниже). В-третьих — сам Сакулин немедленно — лично или по телефону — объявил об этом автору. И — важное нотабене — уже в версии 3, хронологически наиболее приближенной к произошедшим событиям, видна первая, но существенная деформация: здесь говорится о приписанных Пушкину *стихах* Жуковского, тогда как именно стихи были Гершензоном опознаны и атрибутированы правильно.¹⁷

На следующий день после выяснения обстоятельств Гершензон отправился исправлять оплошность:

Версия 1. «Гершензон был почти в отчаянии от своей ошибки. Тотчас же он бросился на склад “Книгоиздательства писателей”, велел остановить рассылку книги по магазинам и заставил мальчика, служащего на складе, вырезать из всех экземпляров тот листок, который был занят “Скрижалю Пушкина”, то есть страницы пя-

¹⁵ Письмо Н. С. Ашукина к П. С. Сухотину от 25 февраля 1920 г. (Литвин Е. Ю. «Дышать трудно, дух мечется и томится...»: (Из переписки Н. С. Ашукина и П. С. Сухотина) // Долг и любовь: Сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. М., 2011. С. 280).

¹⁶ См., например: Ниточкин С. А. Пестрые рассказы о собирателях и книготорговцах // Библиофильство и личные собрания. М., 2011. С. 302.

¹⁷ Ср., кстати, позднюю обмолвку Андрея Белого: «В увлечениях жгучего темперамента он, изумительный аналитик начала прошедшего века, делал в своей специальности порою даже не ошибки, а просто чудовищности, смешивая стихи Боратынского с пушкинскими, сочиняя пушкинские несуществующие любви иль отрицая в Пушкине лучшую фазу его творчества...» (Белый А. Между двух революций. С. 257).

тую и шестую. В таком виде книга и поступила в продажу — без первой статьи, означенной, однако же, в оглавлении. Затем прибежал он ко мне с просьбою, чтобы прежде рассылки книги по библиотекам я приказал вырезать из нее тот же злосчастный листок. В сущности, я не имел на это права, но, видя отчаяние Гершензона, пообещал ему это сделать. К несчастью, придя в Палату, я узнал, что книга уже разослана. Таким образом, по музеям и библиотекам она пошла в полном виде».¹⁸

Версия 2. «Гершензон ринулся с ножницами во все книжные торговли Москвы, получившие свежее отпечатанные экземпляры его книги, и принялся вырезать — благо статья была короткой — первые две страницы книги».¹⁹

Версия 3. «Два мальчика в издательстве два дня вырезывали первый листок с “ключом”. Вырезки принимал, пересчитывал и забирал с собой автор. Сам обошел друзей и скрытых врагов, которым послал книгу: отбирал обратно, вырезывал. Успели вернуть с почты часть пакетов, адресованных книжным магазинам».²⁰

Версия 4. «И Гершензон, убедившись в своей ошибке, совершенно потрясенный, стал с утра звонить по книжным магазинам, чтобы остановить продажу, а затем вырезывал из всего тиража эти первые страницы со “Скрижалью Пушкина”».²¹

Версия 5. «“Скрижаль Пушкина” (стр. 5–6) М. О. Гершензоном была по отпечатании книги вырезана, так как оказалась отрывком из “Наля и Дамаянти” Жуковского. В продажу поступило некоторое количество экземпляров с оставшейся страницей, благодаря недобросовестности типографии».²²

Во всех этих фрагментах совпадает по сути только одно: автор инспирировал изъятие ошибочно включенного текста из готового тиража своей книги. Все остальное более или менее различается в деталях — например, наличие подручных мальчиков и их число

¹⁸ Ходасевич В. Ф. Книжная палата. С. 237.

¹⁹ Бахрах А. По памяти, по записям... Париж, 1980. С. 82. Эта же версия повторена в мемуарах Е. Герцык: «Он нетерпелив и никогда не в рабстве у документов. Потому и попадает порой впросак как литературовед-исследователь: вот вышла книга его этюдов о Пушкине и уже на другой день он рыскает по книжным лавкам и, волнуясь, вырезает из свежего тома маленькую статейку, которую критика изобличила в грубой фактической ошибке. А как много в этой книге пронзающего о мудрости Пушкина — первый он сказал, что Пушкин мудр, — в те годы догадки об этом еще не было» (Герцык Е. Лики и образы. М., 2007. С. 246).

²⁰ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.

²¹ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 51.

²² Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. М., 2004. С. 251.

(один или два) или то, развезены были экземпляры по магазинам или нет. Собственно, вариант с походом вооруженного ножницами автора по магазинам нужно, кажется, отнести как крайне маловероятный: на каких бы основаниях ему позволили препарировать книгу, принятую от издательства на комиссию? Отдельно следует отметить, как снова (в версии 5) подвергся трансформации текст Жуковского — теперь он стал отрывком из «Наль и Дамаянти».²³

С этим согласным хором свидетельств диссонирует факт существования экземпляра с инскриптом и датой: «Абраму Марковичу Эфросу на дружескую память. 17 декабря 1919 г. М. Гершензон»,²⁴ — и в этом экземпляре «Скрижаль» на месте — то есть, по всей вероятности, он был подарен автором еще до обнаружения злосчастной ошибки. Получается, что в действительности кампания по преподнесению экземпляров книги растянулась более чем на три недели, а сжатие всей истории в мемуарах обеспечено лишь требованием остросюжетности и ошибкой памяти мемуаристов. Во всех остальных известных мне экземплярах с инскриптом «Скрижаль» изъята.²⁵

Отдельно следует упомянуть, что исступление от собственной ошибки, приписанное молвой Гершензону, кажется несколько преувеличенным: об этом свидетельствует довольно спокойный тон письма, отправленного автором Цявловскому, которому был предназначен один из первых, не исправленных еще экземпляров:

«О себе могу сказать Вам немного. Здесь очень трудно — холодно и голодно, денег на еду не хватает, стеснился для тепла крайне, мой “кабинет” — в детской, заниматься трудно. Кончается печатанье моей книги о Тургеневе, и я ее Вам, конечно, пришлю, но под условием: вырежьте первый листок “Мудрости Пушкина” —

²³ Ср. еще более экзотическую ошибку памяти мемуариста: «Помню, М. О. Гершензону каким-то чудом удалось издать книгу своих статей о Пушкине: “Мудрость Пушкина”, и по очень неприятному недосмотру он снабдил предисловие к книге эпиграфом из Лермонтова, ошибочно приписанным Пушкину. Пришлось вырезать из книги предисловие, — но в лавке Шершеневича можно было “за бешеные деньги” купить книгу без купюр» (Аронсон Г. Я. Московские зимы // Новый журнал (Нью-Йорк). 1945. № 10. С. 269).

²⁴ Экземпляр хранится в собрании А. Л. Финкельштейна; описан им в кн.: Финкельштейн А. Л. Немного о старых книгах. М., 2003. С. 276.

²⁵ В моем собрании находится экземпляр с недатированной дарственной надписью В. Я. Гольду; не так давно был напечатан еще один датированный инскрипт, но он начертан несколькими годами позже: «Роману Романовичу фон Вальтеру дружески М. Гершензон Берлин, 22 Мая 1923 г.» (Поляков Ф. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // Vademesum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 301).

ту, где “Скрижаль Пушкина”, и пришлите мне в письме. Там у меня тяжелая ошибка, и я изъял эту страницу».²⁶

Письмо это отправлено 10 января 1920 г., то есть отнюдь не сразу после обнаружения ошибки, — и сам этот временной промежуток, кажется, должен свидетельствовать о том, что задача тотального уничтожения «скрижали» представлялась автору не первоочередной.

Тем более что с вырезанием этой странички из основной части тиража тоже все прошло не совсем гладко.

Версия 1. «Но за всем не доглядишь, а мальчишки — жулики. И книжка продавалась с вырезанной страницей — 37 рублей на тогдашние деньги, с невырезанной страницей — 370 рублей. Это — для любителей. До чего люди злы! И как страдал бедный Михаил Осипович! А из авторских дареных экземпляров не захотел отдать своего Густав Густавович Шпет, философ, злока, остроумный и милый человек; Гершензон он недолюбливал. Зачем же, Михаил Осипович, книгу портить? Пусть она у меня в девственном виде: это — “ключ к пониманию Пушкина”. Так и не отдал. Сам вслух читал и другим охотно показывал».²⁷

Версия 2. «Эти библиотечные экземпляры с сохраненным листком должны были бы стать библиографической редкостью, потому что вслед за тем Гершензон обратился ко всем знакомым, которым успел послать книгу, с просьбой вырезать и вернуть ему этот

²⁶ «...Цельный и настоящий...»: Из переписки и дневников М. О. Гершензона. С. 409—410. С обычным педантизмом Гершензон обратит подобную просьбу к будущим составителям его (до сих пор не воплощенного) собрания сочинений: «Часть VI: “Мудрость Пушкина” (вычеркнуть “Скрижаль Пушкина”, вырезанную, т. е. первые две страницы книги). Прибавить в конце основного текста, т. е. до Приложения, четыре новые статьи: “Чтение Пушкина”, “Явь и сон”, “Сны Пушкина” и “Тень Пушкина”» (*Гершензон М. Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 4. С. 526*). Столь же спокойный тон сохраняется в письмах к брату, когда речь заходит об этом предмете: «Кажется, годы прошли с тех пор, как мы последний раз подали весть друг другу. Теперь есть, кажется, верный случай: человек, едущий на юг, опустит это письмо в Харькове или еще ближе к вам. Рассказать о нас могут только в общих чертах, иначе надо исписать стопу бумаги. <...> За это время вышла моя книга “Мудрость Пушкина” и почти отпечатана другая — о Тургеневе»; «Месяца три назад вышла моя книга о Пушкине, которую посылаю тебе вместе с этим письмом; книга о Тургеневе тоже отпечатана, но еще не сброшюрована, 6-й том “Прописев” в таком же положении» (РГБ, ф. 746, карт. 21, ед. хр. 4, л. 1, 1 об., 4 об.; письма к А. О. Гершензону от 14 марта и 16 апреля 1920 г.); ср. также письмо к Л. Шестову от 31 июля 1920 г. — *Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925) / Публ. А. Д’Амелна и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. [Т.] 6. С. 245.*

²⁷ *Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.*

листок. На деле из этого все-таки ничего не вышло: Гершензон получил листки, но некто Ш., по роду занятий философ, по характеру весельчак и бурш, умудрился купить у мальчишки из книгоиздательства изрядное количество вырезанных листков и раздавал их направо и налево всем желающим. В результате образовалось очень большое количество экземпляров «Мудрости Пушкина» с вырезанным и обратно вклеенным листком».²⁸

Здесь воспоминания свидетелей практически совпадают — и подтверждаются библиофильской практикой: действительно, экземпляры с вырезанной и вклеенной «Скрижалью» время от времени попадают до сегодняшнего дня. Роль Шпета (которого Ходасевич не называет прямо) остается не вполне проясненной — действительно ли он раздавал крамольные листочки или просто не вернул преподнесенный экземпляр? Во всяком случае, на их отношениях с Гершензоном это не отразилось, чему свидетельством — экземпляр гершензоновской книжки с инскриптом 1922 г., хранящийся в частном собрании.²⁹

Тем временем подоспели первые отзывы на «Мудрость Пушкина» (всего их выявлено два десятка³⁰). С точки зрения увлекательности содержания главнейшим из них был, вероятно, тот, текст которого не сохранился, — доклад философа А. А. Мейера, прочитанный в Вольфиле в феврале 1922 г.³¹ В большинстве оставшихся

²⁸ Ходасевич В. Ф. Книжная палата. С. 237.

²⁹ Описание экземпляра: <http://therese-phil.livejournal.com/34414.html>; дата обращения 23.07.2015.

³⁰ Берман Я. Э. М. О. Гершензон: Библиография. С. 42–43; Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1918–1936. Л., 1973. Ч. 2. С. 12; Горюхи Б. Михаил Гершензон — пушкинист. С. 251; Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 1 / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 512–513. Отдельный интерес представляют эпистолярные отзывы, например: «Простите великодушно обращение к Вам незнакомого человека. Но, может быть, то, что говорили Вам обо мне Я. Э. Черняк и, кажется, Борис Николаевич Бугаев, дает мне право на это письмо. Цель его — очень скромная. Мне хотелось бы не только принести Вам глубочайшую благодарность за Вашу последнюю книгу — “Мудрость Пушкина”, и, из нее, в особенности — за статью о “Памятнике”» (РГБ, ф. 746, карт. 37, ед. хр. 27, л. 1; письмо П. Н. Медведева к М. О. Гершензону от 20 июля 1920 г., год устанавливается по содержанию).

³¹ Доклад состоялся 12 февраля 1922 г. (см.: Иванова Е. В. Вольная философская ассоциация: Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 48); афиша сохранилась в собрании М. С. Лесмана (воспроизведение: Белоус В. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919–1924. М., 2005. Кн. 2: Хроника. Портреты. С. 357). Ср. отзыв присутствовавшего на докладе Р. В. Иванова-Разумника:

коллизия со «скрижалью» не упоминалась вовсе — либо по удаленности от кругов разоблачителей, либо по деликатности. Единственным, но громким исключением стал отзыв П. Е. Щеголева, многолетнего зачатого друга Гершензона (история этих отношений могла бы быть по-своему увлекательна, но увела бы нас далеко; ограничимся констатацией, что традиционная взаимная ненависть пушкинистов соединялась здесь с московско-петербургской оппозицией и усугублялась веховским эхом). В обширной рецензии, воспроизводя, в частности, полный текст злополучной «скрижали», Щеголев писал:

«Для вещателя-мистика объективное наблюдение теряет свою нудящую силу, способности критического анализа подменяют игрой воображения, не лишенной известной доли занимательности, и только. Наконец, наступает момент, когда такой мистический исследователь, опрокидывающий действительность в мистические бездны, сталкивается с здравым смыслом и получает от него жестокий удар. Благо ему, если этот удар заставит его очнуться.

Так случилось и с Гершензоном. Его статья, появляющаяся впервые в печати в новой книге — «Скрижаль Пушкина», наносит этот жестокий и беспощадный удар автору за то, что в своей работе над Пушкиным он совершенно удался от Пушкина и занялся выяснением мистических глубин своего я в своих изучениях, якобы, Пушкина. «Скрижаль Пушкина» — тоже манифест, несущий новое откровение всем жалким исследователям и ничтожным читателям Пушкина. Как и подобает манифесту, он выразительно краток. Его нельзя цитировать, а надо привести целиком. Вот возвещенная новым Моисеем «Скрижаль Пушкина» <следует полный текст>.

Прочитав этот абзац статьи Гершензона, нельзя не подивиться искренности тона и наивной заносчивости. Недаром эта страница открылась ему, Гершензону, познавшему с юных лет одну правду: правду о лучшем мире. Просто неловко читать такую словесную дребедень. Но однако ж, куда как далеко его метнуло! В своем беге за сокрытым ключом к пониманию Пушкина Гершензон оторвался от действительного Пушкина, так зарвался, так занесся, что прямо-таки забыл Пушкина, запамätовал его творчество, его поэзию»³² — и т. д.

«На днях в Вольфиле был доклад А. А. Мейера «Мудрость Пушкина» (о Вашей книге); была «благожелательная», но довольно острая критика (впрочем, «острая» не подходит к мягкому Мейеру) на тему, что «благая весть» — не дошла до М. О. Гершензона» (РГБ, ф. 746, карт. 34, ед. хр. 2, л. 47; письмо Иванова-Разумника к Гершензону от 19 февраля 1922 г.).

³² Книга и революция. 1920. № 2. С. 58—59.

Неистовые филиппики Щеголева вызвали несколько негромких, но решительных возгласов недовольства. Так, Д. А. Лухтин, говоря, что «вряд ли удобно <...> разбирать статью, волею автора изъятую из обращения», припоминает кстати похожий эпизод: «Ведь только несколько лет назад другой авторитетный пушкиновед оказался жертвой мистификатора, поверив, что присланное ему в шутку произведение современного поэта принадлежит перу Пушкина».³³ Вероятно, здесь имеется в виду проделка С. Боброва, приславшего Н. Лернеру фальшивое окончание «Юдифи» (то есть стихотворения «Когда владыка ассирийский...»), которое было без тени сомнения опубликовано последним.³⁴ И характерно, что именно Лернер, чьи воспоминания на этот счет должны были быть еще весьма свежи, с удовольствием указывает Щеголеву на вторичность его разоблачений, присовокупляя: «Да, библиография небесполезна историкам».³⁵

К середине 1920-х гг. эхо скандала практически затихло, а «Мудрость Пушкина» с невырезанными страницами сделалась достоянием библиофилов: так, уже в каталоге «Международной книги» 1926 г. значился полный экземпляр с пометой «С редкими 2-мя страницами “Скрижаль Пушкина”, сохранившимися лишь в немногих экземплярах», — причем стоил он вполне впечатляющие

³³ Лухтин Д. А. Новинки «Пушкинианы» // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 5. Ср., кстати, в письме А. Б. Дермана к А. Г. Горнфельду: «...как лично-злорадно написал об этом Щеголев, — неприятно было читать» (цит. по: Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. С. 142).

³⁴ См.: Лернер Н. О. Новооткрытые стихи Пушкина: Окончание «Юдифи» // Наш век. 1918. 4 мая. Богатейшую библиографию псевдопушкинианы решительно оставляем за скобками.

³⁵ Лернер Н. Еще о «Скрижали Пушкина» // Книга и революция. 1922. № 1. С. 81. Кстати сказать, несколько лет спустя Тынянов припомнит Лернеру историю со «Скрижалю» в не опубликованной при жизни автора статье «Мнимый Пушкин». Скептически оценивая доказательную базу его заметки «Два эпиграфа к “Арапу Петра Великого”», Тынянов, в частности, говорит: «Это основание <обнаружение рукописи среди бумаг пушкинского архива>, как известно, не так давно было не совсем счастливо использовано М. О. Гершензоном, приписавшим Пушкину мудрость Жуковского только потому, что она была найдена в рукописях Пушкина» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 83). Впрочем, двумя годами позже Тынянов предпочел этот фрагмент вычеркнуть: «Разумеется, фразу о “мудрости Жуковского” надо выбросить. Тогда было время полемическое, теперь неуместно» (Письмо к Г. О. Винокуру от 18 ноября 1924 г.; цит. по: Тоддес Е. А. К текстологии и биографии Тынянова // Седьмые тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. Вып. 9. С. 348).

три рубля.³⁶ В воспоминаниях букиниста П. Н. Мартынова, в частности, говорится: «После выхода в свет его <Гершензона> книги “Мудрость Пушкина”, в которой была статья “Скрижаль Пушкина”, содержащая неточные сведения о приписываемом поэту произведении, Гершензон спешно приехал в Петроград, ходил по всем книжным магазинам и скупал свою книгу, чтобы вырвать из нее первую страницу. Очевидно, он это делал и в других городах, причем очень тщательно, потому что обычно встречаются экземпляры этой книги с вырезанными страницами. За всю мою длительную практику работы со старой книгой мне попался только один раз полный экземпляр “Мудрости Пушкина”».³⁷

Порою эта история припоминалась в довольно неожиданных контекстах: так, в редакционном предисловии к 1-му тому «Литературного наследства» среди тяжелых элоквенций и жестоких выпадов по адресу Пушкинского Дома («под видом работы над историко-литературными материалами развил прямую контрреволюционную, вредительскую деятельность» etc.), среди вопиющих примеров литературоведческих ошибок назван и наш: «Таково, например, совершенно реакционное, мистическое “творчество” покойного М. Гершензона, объявившего интуицию источником познания. Гершензон решил, что для того, чтобы понять и изучить писателя, надо только уметь прочесть его. Он пришел к заключению, что никто до него не умел читать, например, Пушкина, и что ключ к Пушкину дан ему, Гершензону, в процессе мистического восприятия. Это “интуитивное”, по существу сугубо идеалистическое, реакционное понимание творений поэта выражено у Гершензона очень ярко. В 1919 г. он выпустил книгу “Мудрость Пушкина”, в которой опубликовал “скрижаль Пушкина” — якобы неизданный автограф поэта. <Следует цитата.> Между тем эта “впервые открывшаяся” Гершензону “скрижаль” принадлежит Жуковскому и уже много десятков лет печатается во всех собраниях его сочинений».³⁸ К этому моменту сам Гершензон был уже шесть лет как в могиле — и вся тяжесть начальственных назиданий пришлось на плечи его здравствовавших на тот момент коллег и учеников.

³⁶ Международная книга. Каталог № 7: Мемуары и биографии. М., 1926. С. 33. (Экземпляр с вырезанной «скрижалю» в эти же годы стоил не больше 50 коп.)

³⁷ Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969. С. 74. Сведения о приезде Гершензона в Петроград с упомянутой целью, вероятно, представляют собой апокриф.

³⁸ От редакции // Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 5; без подписи.

Важно видеть, как механизмы коллективной памяти трансформируют происшедший в реальности случай: раздутая в предании гершензоновская ошибка была ведь, по сути, совсем не так значительна (понятно, что Пушкин, выписывая злополучный отрывок, в той или иной степени солидаризовался с высказанными в нем мыслями). Более того, точность, с которой Гершензоном была опознана центральная стихотворная цитата из Жуковского, ощутимо демпфировала ощущение эпичности провала. Но с течением времени история эта, обрастая подробностями и принимая все более выпуклые черты, сделалась удобным логическим плацдармом для внутрифилологической полемики и яркой деталью мемуаров — именно в этом качестве она зафиксирована в источниках.

А. Л. Соболев

«НЕСЧАСТНЫЕ НАРВСКИЕ БЕГЛЕЦЫ...»

Потомки Льва Сергеевича Пушкина в Эстонии

В конце 1919 г. в Эстонии оказалось примерно 60 тысяч российских беженцев, многие из них — жители Петрограда и Петроградской губернии. Среди них не слишком много громких имен — с армией Юденича в пределы Эстонии ушли в основном представители сельской интеллигенции (священнослужители, учителя, врачи, инженеры) и крестьяне западных уездов Петроградской губернии — от Красного Села до Гдова; дворян, носителей известных фамилий, было значительно меньше. В их числе были и Пушкины.

«Эстонские» Пушкины принадлежали к потомкам Льва Сергеевича, брата поэта. В 1872 г. в Большом Болдине родился его внук Александр Анатольевич Пушкин. В роспись рода Пушкиных, составленную Муравьевым и Модзалевским, он занесен под номером 382. «Из I класса Александровского Лицея поступил в 1893 в Николаевское кавалерийское училище; в 1894 г. вольноопределяющийся 35-го драгунского Белгородского п<олка>; в 1897 г. из Елисаветградского кавалерийского училища корнетом в 36 Ахтырский драгунский п<олк>; в 1912 ротмистр. Жена с 1909 NN». ¹ На этом сведения прерываются. Эстонские архивы помогают восполнить пробел.

¹ Цит. по: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись // Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 432.

Участник Первой мировой войны полковник А. А. Пушкин, неоднократно раненный, награжденный многими орденами, к апрелю 1918 г. занимал должность начальника 14-й кавалерийской дивизии. После расформирования русской армии он пробрался на юг России, вступил в Добровольческую армию генерала Деникина и в марте 1919 г. стал руководителем операции, которую Деникин вел против чеченцев. По иронии судьбы, за 80 лет до того здесь же воевал его дед Лев Пушкин, который, по собственному признанию, «получил только контузию, будучи вечно под пулями».² Полковник А. А. Пушкин погиб. В таллинском городском архиве хранится заменяющий свидетельство о смерти документ (на эстонском языке), составленный в 1935 г. полицейским управлением в Нарве на основании свидетельских показаний двух лиц, заслуживающих доверия. Один из них, Иван Бурхардт-Филиппов, бывший бас Мариинского театра, дал точную дату гибели: 20 марта 1919 г. «на Кавказе в ходе Гражданской войны».³

Супруга А. А. Пушкина Екатерина Ивановна, урожденная Чикина, родилась в 1886 г. в Петербурге. Она принадлежала к купеческому роду Чикиных, которые владели «медноплотильным» заводом на реке Оредеж близ села Рождествено. У четы Пушкиных были две дочери, Алла и Ирина, и сын Александр.

Правнук Льва Пушкина (в семье его звали Шурик) родился в Петербурге в 1912 г. В эстонских архивах сохранился документ, заменяющий свидетельство о рождении Александра Пушкина-младшего:

СПРАВКА

Центральн<ого> гор<одского> района

Стол Записей Актow Гражданского Состояния удостоверяет, в хранящейся при архиве метрической книге церкви офицерской кавалерийской школы (ул. Воинова 49) за 1912 год в статье под № 4 записан акт о рождении 10-е число марта месяца 1912 года (тысяча девятсот двенадцатого года) сына Александра у гражданина Пушкина Александра Анатольевича и жены его гражданки Екатерины Ивановны. Выдано на предмет предоставления как документ.⁴

Осенью 1919 г. Екатерина Пушкина бежала с дочерьми в обозе Северо-Западной армии в Эстонию. Она прибыла в Нарву в нояб-

² Хандрос Б. Н. Письма А. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу (1831–1843) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 344.

³ Таллинский городской архив (ТЛА), ф. 1483, оп. 1, д. 450.

⁴ Там же.

Lapsed kuni 14 a.:
 Endine elukoht Venemaal:
 Praegune elukoht:
 Vanadus:
 Juuksed:
 Silmad:
 Nägu:
 Nina:
 Iseäralised
 Märkused:
 Kinnitan oma allkirjaga käesoleva dokumendi
 allkirja.
 Käsiolev tunnistus on antud Vene pagulaste
 Genfis 3.-5. juulini 1922 a. kokkukutsutud konverentsi otsuse

ре 1919 г. В момент бегства сын Шурик был болен, поэтому его пришлось оставить на попечение родственников в деревне Даймище близ Рождествено. Предполагалось, что отступление не будет длительным и вскоре можно будет вернуться. А пришлось в разлуке жить года — их разделила граница. Однако 2 февраля 1920 г. Эстония и Совет народных комиссаров заключили мирный договор (так называемый Юрьевский, или Тартуский, мир), по которому Эстония стала независимым государством. Северо-Западная армия была расформирована. Гражданские беженцы и бывшие военнослужащие армии Юденича оказались эмигрантами-апатридами, не выезжая с территории бывшей Российской империи, многие — даже оставаясь в пределах бывшей Петроградской губернии. Государственный архив Эстонии хранит так называемый нансеновский паспорт Екатерины Пушкиной, который выдавался эмигрантам без гражданства. Ей разрешалось проживать на территории Эстонии вне городов Таллин и Печоры.⁵ Екатерина Пушкина осталась жить в Нарве — поближе к сыну — и вынуждена была устроиться на ра-

боту в женский интернат при русской эмигрантской гимназии воспитательницей. Дочери Екатерины Пушкиной Алла и Ирина учились в той же гимназии и жили в интернате вместе с матерью. Эмигрантская гимназия в известном смысле стала спасением для 33-летней вдовы, лишенной дома, родины, источников к существованию. По воспоминаниям одной из воспитанниц, Евгении Тальберг, «многие учителя, одинокие и с семьями, жили при приюте или при интернате, питались в школьной столовой».⁶ В 1920-х гг. можно было достаточно легко организовать переезд сына за границу, но у бедной воспитательницы не было для этого средств.

Здесь, помимо своего желания, «болдинские» Пушкины оказались вписаны в контекст политической борьбы вокруг пушкинского наследия и самого имени поэта, которая развернулась в 1920—1930-х гг. Достаточно вспомнить эволюцию отношения к Пушкину в СССР — от революционного развенчания «поэта оскудевшего барства» до чествования в 1937 г. Катализатором этой «культурной контрреволюции» была судьба семьи Пушкиных, потомков Льва Сергеевича, «несчастных нарвских беглецов».

Крупной вехой в формировании концепции культурно-политического противостояния исторической России и коминтерновского режима стала 125-я годовщина со дня рождения поэта. Русская эмиграция широко отметила это событие — концертами, публикациями, выступлениями. Так, например, 8 июня 1924 г. в редакции русской газеты «Последние известия» в Таллине прошло мероприятие, посвященное Пушкину, на котором выступил русский общественный деятель доктор Николай Андреевич Колпаков (1864—1930), председатель Общества русских врачей Эстонии. Колпаков рассказал, что в свое время в Гатчине, откуда он приехал, познакомился с Пушкиными — внуком поэта Григорием Александровичем и внуком Льва Сергеевича Александром Анатольевичем. Полковник Александр Анатольевич Пушкин погиб в стычке с большевиками близ Екатеринодара, а его сын Шурик, «этот последний потомок рода Пушкиных, даже не научился путем грамоте ввиду закрытия местной школы. Он служит в деревне подпаском, т. е. помощником деревенского пастуха <...> Вот она, трагическая судьба потомков гения, которому столь невыразимо многим обязана Россия. Александр Пушкин, правнук и тезка великого поэта, — неграмотный деревенский подпасок. Алла и Ирина, правнучки Пушкина, — нуж-

⁶ Тальберг Е. П. Воспоминания о детских и школьных годах в Нарве (1922—1939) // К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999. Т. 3. С. 257.

дающиеся нарвские беженки. Это ли — не символ падения и разорения высших ценностей нашей национальной культуры?»⁷

Эмигрантская общественность немедленно возвела полковника А. А. Пушкина на пьедестал и сделала символом пушкинской России, не подчинившейся большевизму. Пушкинский проект эмиграции обрел дополнительный импульс, получил своих мучеников. Одно дело — призывать бороться за Россию вообще, абстрактную Россию, другое — мобилизоваться во имя спасения конкретного человека, конкретного носителя фамилии Пушкин. Судьба подростка «счастливо» предоставляла возможность победить большевизм в отдельно взятом случае. Газеты эмигрантов наполнились призывами и обличениями. Это была одна из первых антисоветских кампаний по воссоединению родственников. Борьба за освобождение Шурика из «совдепии» приобрела международный размах. Для его вызволения эмигранты собирали деньги по подписке. На эти деньги был оформлен советский загранпаспорт и организована «доставка» Шурика в Эстонию. 20 мая 1926 г. он прибыл в Нарву и воссоединился с матерью и сестрами — после шестилетней разлуки. Его поместили в интернат для мальчиков при эмигрантской гимназии.

Но после воссоединения с сыном Екатерина Пушкина открытым письмом в газету «Старый нарвский листок» попросила эмигрантскую общественность не впутывать ее детей в политические распри.

М<илостивый> г<осударь> г. редактор! Не откажите поместить в Вашей газете о том, что я крайне удивлена и возмущена появившимися как в Вашей, так и других газетах заметками о моем сыне — внучатом племяннике А. С. Пушкина — Александре Александровиче Пушкине. Авторы этих заметок, в действительности совершенно не интересующиеся моим сыном, избрали его средством для каких-то других некрасивых своих целей и, не стесняясь, извращают факты, клеветуют и грубо бранятся. Если бы этим господам действительно было дорого великое имя Александра Сергеевича Пушкина, они никогда не позволили бы себе ничего подобного. Вот уж подлинно: «...избави нас, Господи, от “друзей”, а с врагами мы и сами справимся». Врагов же я не имею и очень прошу непрощеных «доброжелателей» оставить моего малолетнего сына и меня в покое! Прошу не отказать другие газеты перепеча-

⁷ Колпаков Н. А. Последние Пушкины // Последние известия. 1924. 14 июня.

тать это мое письмо. Примите уверение в совершенном уважении,
Екатерина Пушкина.⁸

Екатерина Пушкина имела возможность составить политический капитал, используя в своих целях родство с Пушкиным, стать, как говорят теперь, «медийной личностью», но она предпочла уйти в тень. История «болдинских» Пушкиных стала историей частных лиц. Неудивительно, что многие сейчас считают их просто однофамильцами.

* * *

В детстве Шурик был озорником и непоседой, учился плохо, обижал девочек — как и полагается Пушкиным. Его соученик Г. Богданов вспоминал: «Самым большим заводилой всяких проделок был Шурка Пушкин — самый, наверно, сильный парень во всем интернате и очень веселый и добрый — никогда не использовал свою силу против товарищей. Он был прямым потомком поэта А. С. Пушкина, и его сестра Алла, красивая девушка, имела в чертах лица что-то от африканских предков. Мать их была в интернате экономкой, заведовала и кухней».⁹ Другой его соученик пишет: «...в эмигрантской <гимназии> была женщина, Пушкина <...> у нее был сын Шурка... Шурка был очень любим товарищами, но учился плохо. Он был колоссальной силы, отличался добродушием».¹⁰

К середине 1930-х гг. надежд на возвращение в Россию и тем более на восстановление утраченной собственности не осталось. Дети Пушкиных выросли. Надо было искать работу и как-то обустроиваться, что было трудно сделать, не имея эстонского гражданства. Александр Пушкин к тому же являлся гражданином СССР. Натурализацию облегчило знакомство Екатерины Пушкиной с эстонским политическим деятелем Генрихом Ларетеем — бывшим кадровым офицером русской императорской армии, сделавшим в независимой Эстонии карьеру дипломата. В 1926—1928 гг. он был послом Эстонии в Москве, а в середине 1930-х гг. занимал ответственные посты в Министерстве иностранных дел Эстонии. По

⁸ Старый нарвский листок. 1926. № 63.

⁹ Г. Богданов — ученик Эмигрантской гимназии в Нарве в 1930-х гг., выпускник Нарвской русской городской гимназии 1940 г. Рукопись его воспоминаний находится в частном архиве в Таллине.

¹⁰ Воспоминания М. Макарова (в пересказе дочери, электронная копия в архиве автора статьи).

его протекции эстонское гражданство было предоставлено Екатерине Пушкиной, ее дочери Ирине и сыну Александру, в поддержку заявления которого Генрих Ларетей направил в Министерство внутренних дел, ведавшее вопросами вступления в эстонское гражданство, специальную записку: «...состоящий в гражданстве Советской России Александр Пушкин подал прошение о принятии его в гражданство Эстонии. Поддерживая прошение, имею честь обратиться к Вам с просьбой, чтобы упомянутого Александра Пушкина приняли в гражданство во внеочередном порядке за заслуги, которые семья Пушкиных оказала Эстонии в 1917 и 1918 годах. В те годы я работал в Петербурге сначала председателем Центрального комитета воинов-эстов, затем секретарем Эстонского комитета (нашей неофициальной миссии в России). Поскольку Эстонский коммунистический комиссариат не терпел оба учреждения, то у нас неоднократно производили обыски и наших работников преследовали. Поэтому приходилось предпринимать меры для укрытия документов и людей. В этих вопросах семья Пушкиных всегда великодушно шла нам навстречу. Так, у них были спрятаны некоторые документы Центрального комитета воинов-эстов, которые впоследствии были переданы в эстонские архивы, а также и я лично скрывался у них более двух недель от преследований со стороны Эстонского комиссариата...»¹¹

С 1936 г. Пушкины проживали в Таллине. Ирина работала на сапожной фабрике, а Шурик отслужил в эстонской армии (сохранился его портрет в парадной форме эстонского кавалерийского полка). Екатерина не работала, занималась домашним хозяйством. Судьба Аллы сложилась счастливее. В 1930-х гг. она жила в Нарве и удачно вышла замуж. Ее муж Арнольд Йыги был состоятельным человеком: ему принадлежали магазин на центральной площади Нарвы и дом (ул. Хельсинки, 8) — по сохранившимся фотографиям можно судить о его богатом убранстве. Алла подчеркивает в письмах, что мебель и картины, купленные у нарвских антикваров, вывезены из Гатчинского дворца.

К середине 1930-х гг. «болдинские» Пушкины проделали путь, характерный для большей части русской эмиграции, — от надежды на возвращение в Россию до врастания в общество той страны, куда им довелось эмигрировать. Но очень скоро судьба сделала очередной крутой поворот.

В июне 1940 г. в Эстонию были введены советские войска; произошел государственный переворот, в результате которого к власти

¹¹ Эстонский государственный архив (ERA), ф. 14, оп. 15, д. 1305, л. 5.

Ирина Пушкина
(1920-е гг.)

Шурик Пушкин
в эстонской военной форме (1937)

пришло просоветское правительство. В августе 1940 г. Эстония была принята в состав СССР. После нападения Германии на СССР Александр Александрович Пушкин, уже снова советский гражданин, был мобилизован в 7-й Таллинский истребительный батальон 1 июля 1941 г. В Эстонском государственном архиве хранится документ о его увольнении с завода «Красный Круль» «в связи с призывом».¹² Истребительные батальоны предназначались для борьбы с десантами противника в советском тылу и формировались из числа советских активистов, но в условиях стремительного продвижения немцев к Таллину летом 1941 г. истребительные батальоны часто оказывались на передовой. Они понесли большие потери в боях с «лесными братьями» и в ходе советской обороны Таллинской военно-морской базы. Пленных «истребителей» как идейных сторонников большевизма немцы обычно расстреливали на месте. В эту мясорубку попал и бесследно сгинул «последний потомок рода Пушкиных». На основании справки «по форме 2-БП» (список

¹² Эстонский государственный архив (ERA), ф. 1728, оп. 1, д. 18, л. 4.

Арнольд Йыги и Алла Пушкина в гостиной дома в Нарве
(1930-е гг.)

безвозвратных потерь), составленной Тартуским уездным военкоматом в сентябре 1949 г., он пропал без вести в августе 1941 г.¹³ Его реальная судьба осталась неизвестной даже близким родственникам — мать писала в 1948 г., что он погиб «от рук большевиков».¹⁴

¹³ ЦАМО, ф. 58, оп. 977522, д. 470, л. 2.

¹⁴ Письмо Е. И. Пушкиной в Американский пушкинский комитет. Оригинал хранится в Библиотеке Конгресса, г. Вашингтон, США (цит. по: Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. М., 1991. С. 247).

Ничего не знали о нем и его жена (скончалась в 1979 г.) и ее дочь от второго брака (проживает в Эстонии в городе Тарту).

Судьба последних потомков Льва Пушкина по женской линии сложилась следующим образом. В 1944 г. Екатерина Пушкина и ее дочери бежали в Германию. Они сполна испытали на себе все «преlestи» первой волны эмиграции и тем не менее решились эмигрировать снова. Повторялась история 1919 года: война, лишения, бегство в неизвестность...

Летом 1948 г. Екатерина Пушкина с дочерью Ириной жила в лагере для перемещенных лиц в Ашафенбурге (Бавария). Из лагеря она обратилась в Американский пушкинский комитет с просьбой оказать ей помощь в переезде в США. Вскоре Ирина Пушкина нашла работу по специальности на обувной фабрике в Канаде, недалеко от Торонто.¹⁵ Пришлось привыкать к новой стране, новому языку, новой культуре — и при этом работать не покладая рук. Ирина сумела скопить необходимую сумму, чтобы оплатить переезд матери. Они поселились вдвоем в городе Пиктон в канадской провинции Онтарио и прожили там более 40 лет. Екатерина Пушкина скончалась в 1991 г. в возрасте 104 лет. Ирина, всю жизнь так и проработавшая на обувной фабрике, не создала своей семьи, поскольку не могла оставить мать. Скончалась она в 2006 г.

Алла Пушкина вместе с мужем оказалась в эмиграции в Венесуэле. Арнольд Йыги — по профессии фармацевт — умел устраиваться в жизни. В течение 26 лет, до выхода на пенсию, он проработал начальником фармацевтической лаборатории. Свою виллу он назвал по имени жены — «Алла». Правнучка Льва Пушкина Алла Пушкина-Йыги скончалась в венесуэльском городе Валенсия в 2008 г. Она была последней в роду «болдинских» Пушкиных — потомков Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта.

Сергей Гаврилов

¹⁵ По лагерям беженцев в Германии проезжали в 1947–1950 гг. вербовщики из стран с высокой потребностью в дешевой рабочей силе (Канада, Австралия). Канада и Австралия до сих пор — крупнейшие центры прибалтийской послевоенной эмиграции. Поскольку Ирина Пушкина работала еще в Эстонии в 1930-х гг. на фирме Бата, ей удалось получить приглашение на фабрику Бата в Канаду. При этом ей пришлось убавить свой возраст на несколько лет. Документы из личного архива Ирины Пушкиной в Канаде, в том числе на трудоустройство, сейчас переданы в музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдино.

ПУШКИН В БАДЕН-БАДЕНЕ

Пушкин, разумеется, не был в Баден-Бадене, как и вообще не был за пределами Российской империи. Впрочем, памятники Пушкину стоят, как известно, и в тех местах, где он не бывал.

Баден-Баден активно увековечивает память о русских писателях, бывавших в нем: памятники И. С. Тургеневу и Ф. М. Достоевскому; мемориальные доски Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского; прекрасно сохранившаяся вилла И. С. Тургенева. Впрочем, учитывая ту роль, которую сыграл этот немецкий город в истории русской культуры, это и не удивительно.

Среди всех этих мемориальных знаков выделяется памятник принцессе Баденской Луизе (2008). Этот памятник расположен на Ратушной площади, но не в основной плоскости, а несколько выше. К нему надо подойти по лестнице около монументального памятника Отто фон Бисмарку. На верхней площадке, в маленьком сквере, спиной к Бисмарку и стоит принцесса Луиза — невысокая хрупкая женская фигурка в взвиренном порывом движения платье и с раскрытой книгой в руке. Рядом на решетке укреплен портрет Тургенева и надпись: «Zarin Jelisaveta Alexeevna (1779—1826). Prinzessin Luise Marie Auguste von Baden Gemahlin von Zar Alexander I. von Russland. Geschenk der “Bank Am Roten Tor AG” Moskau an die Stadt Baden-Baden Auf Initiative der Turgenyev Gesellschaft Deutschland. Baden-Baden, 27. Mai 2008».¹ Итак, перед нами Луиза Мария Августа

¹ Царица Елизавета Алексеевна (1779—1826). Принцесса Луиза Мария Августа Баденская, жена русского царя Александра I. Дар городу Баден-Баден Акционерного Коммерческого «Банка на Красных воротах», Москва. Установлен по инициативе Тургеневского общества Германии. Баден-Баден, 27 мая 2008 года (нем.).

Баденская (13.01.1779, Карлс-
руэ — 4.05.1826, Белёв), дочь
маркграфа Баден-Дурлахского
Карла Людвига Баденского
и Амалии, урожденной прин-
цессы Гессен-Дармштадтской.
Скульптура принадлежит на-
родному художнику России,
действительному члену Россий-
ской академии художеств, про-
фессору Российской академии
живописи, ваяния и зодчества
И. С. Глазунова С. А. Щерба-
кову и его сыну С. С. Щерба-
кову.

Выбор героини для рос-
сийского художника и россий-
ского банка необычен: «Что он

Гертруде, что ему Гертруда?» Но книга, которую героиня держит
в руках, проясняет этот выбор. На развороте мы находим следую-
щие шесть стихов:

Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.

Стихи эти подписаны: «А. Пушкин», что совершенно справед-
ливо, поскольку это цитата из послания Пушкина «К Н. Я. П<лю-
сковой>» (1819). Весьма показательно, что из этого стихотворения
выбраны только эти стихи и что авторы памятника отказались вос-
произвести последнее четверостишие, гораздо более знаменитое:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой;
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.²

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 37.

Немцам эти стихи ничего не говорят, для них Баден-Дурлахская принцесса занята сама по себе, а то, что она была еще и русской императрицей, — это забавно. Никакого Пушкина в надписи для немцев нет. Но для русского человека памятник принцессе Луизе оказывается, может быть даже в первую очередь, памятником Пушкину и входит в экскурсионные программы русских гидов по Баден-Бадену.³ Установлен памятник, как явствует из надписи, 27 мая — на следующий день после рождения «русского гения».

Все это напоминает известный анекдот советского времени о конкурсе памятников к юбилею Пушкина. Третье место, согласно этому анекдоту, занял памятник, изображавший задумавшего поэта с надписью: «Пушкин с думой о Ленине»; второе место — сидящий Ленин с книгой в руке: «Ленин с книгой Пушкина»; первое место — «Ленин с думой о Пушкине». Вряд ли, конечно, эти ассоциации были актуальны для создателей баден-баденской скульптуры. Но они актуальны для нашего общественного современного сознания.

М. В. Строганов

³ <http://www.my-colours-travel.com/baden-baden.html>.

IV. ХРОНИКА

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Санкт-Петербург (2008–2012)

Информация о деятельности Всероссийского музея А. С. Пушкина (ВМП) за 1997–2001 гг. была напечатана во Временнике Пушкинской комиссии РАН (СПб., 2003. Вып. 28. С. 299–310). О ходе дальнейшей работы ВМП за 1999–2006 гг. подробно сообщалось в коллективном труде «Бегут за днями дни...» (СПб., 2007), который содержит информацию о юбилейных мероприятиях музея по празднованию 200-летия А. С. Пушкина (1999), 300-летия Санкт-Петербурга (2003) и 125-летия Всероссийского музея А. С. Пушкина (2004) — старейшего пушкинского музея России. Настоящий обзор, не претендующий на исчерпывающую полноту, посвящен основным направлениям в деятельности музея за 2008–2012 гг., на которые пришлось несколько значительных юбилеев и событий культурно-исторического характера, существенных для становления и современного развития ВМП как крупнейшего пушкинского музейного комплекса.

В «Программе развития Всероссийского музея А. С. Пушкина на 2001–2011 годы», принятой на коллегии Министерства культуры РФ в ноябре 2000 г., в качестве приоритетных были названы следующие проекты, осуществление которых планировалось полностью завершить в течение намеченного срока:

1. Державинский (руководители проекта С. М. Некрасов и Т. Н. Мохова) — воссоздание городской усадьбы Г. Р. Державина с реконструкцией мемориального дома поэта и других сохранившихся на бывшей территории усадьбы исторических построек и зданий с последующей их музеефикацией.

2. Лицейский (руководители проекта С. М. Некрасов, Т. Н. Мохова, Л. Б. Михайлова) — подготовка к празднованию 200-летия со дня открытия Царскосельского Императорского Лицея и к проведению юбилейных торжеств 19 октября 2011 г.

Напомним главные вехи работы над Державинским проектом.

Распоряжением Правительства РФ от 21 февраля 1998 г. (№ 270-р) Всероссийскому музею А. С. Пушкина был передан памятник истории и культуры федерального значения — строение XVIII в. «Дом-усадьба Г. Р. Державина» с прилегающим земельным участком на наб. р. Фонтанки, 118, для размещения в нем Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени. Новый музей (зав. Н. П. Морозова) был торжественно открыт к 300-летию Санкт-Петербурга (в мае 2003 г.), тогда же начал работать необходимый ВМП Реставрационный корпус. Затем последовательно были введены в эксплуатацию следующие корпуса: Театральный (2005) с воссозданием в нем мемориального Домашнего театра Г. Р. Державина (отдел театрально-концертных программ, зав. Г. И. Вавилина); Западный, бывший Конюшенный (2006), в котором разместилась постоянно действующая выставка, посвященная истории Всероссийского музея А. С. Пушкина, и открытое хранение фондовой коллекции «В белом глянце фарфора». В этом корпусе развернулась культурно-просветительская и выставочная работа отдела музейно-творческих программ (зав. Е. Л. Шамарина). Восточный, бывший кухонный, корпус (2007) предназначался для выставочно-экспозиционной деятельности музея, восполнив нехватку помещений, соответствующих современным требованиям хранения и экспонирования музейных предметов (зав. отделом временных выставок и литературной экспозиции А. П. Артихович). В новых выставочных залах второго этажа в апреле 2008 г. была открыта в рамках проекта «Культура и власть» совместная с ИРЛИ РАН юбилейная выставка «Жить для веков в величии народном», посвященная 225-летию В. А. Жуковского и 190-летию его воспитанника императора Александра II (руководитель С. М. Некрасов, авторы концепции Р. В. Иезуитова, Л. Г. Агамалян, кураторы Е. В. Пролет, И. А. Щепеткова). В нижнем этаже здания в июле 2008 г. начала работать литературная державинская экспозиция «Владельцы русской лиры», представившая творчество Державина и лицеиста Пушкина в контексте развития двух историко-литературных эпох (второй половины XVIII — начала XIX в.). На верхнем этаже были оборудованы залы открытого хранения ценной коллекции живописи советского времени «Пушкин в памяти поколений».

В 2009–2011 гг. воссоздание Музея-усадьбы Г. Р. Державина вступило в завершающую стадию: с окончанием реставрационных работ по Оранжерее (2009) и Саду Державина (2011) Музей-усадьба Г. Р. Державина как уникальный памятник городской усадьбы культуры конца XVIII — начала XIX в. и один из важней-

ших очагов общественно-литературной жизни этих лет в ее полном и законченном виде вошел в музейный комплекс ВМП и занял заметное место в культурном пространстве современного Петербурга. В марте 2011 г. в Музее-усадьбе Г. Р. Державина состоялись юбилейные торжества, посвященные 200-летию Беседы любителей русского слова и ее роли в развитии отечественной культуры, была открыта выставка «Гравюры из собрания Г. Р. Державина» и прошла международная научная конференция с участием известных ученых Москвы, Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья, организованная Музеем Г. Р. Державина и русской словесности его времени совместно с Институтом лингвистических исследований (ИЛИ) РАН. Отделом театрально-концертных программ были разработаны две интерактивных экскурсии по Музею Г. Р. Державина и русской словесности его времени — «В гостях у хозяина дома» и «Державин и музыка», которые пользуются большой популярностью у посетителей музея.

Подготовка ВМП к празднованию 200-летия Лицея велась по основным направлениям юбилейного проекта, включающего капитальный ремонт здания, обустройство окружающей его территории, Лицейского сада и дальнейшую музеефикацию помещений и мемориальных комнат Лицея, при одновременном осуществлении целого комплекса научно-исследовательских, культурно-просветительских и издательских программ с вовлечением в этот процесс школьной, вузовской и педагогической аудитории. Представители администрации г. Пушкина и Санкт-Петербурга, в свою очередь, также оказывали помощь Музею-Лицею. К празднованию в 2010 г. 300-летия Царского Села ВМП подготовил и в мае этого года открыл постоянно действующую выставку «Живем мы памятью Лицея», основанную на ценных материалах по истории этого уникального учебного заведения, воспитавшего Пушкина, его товарищей и многих знаменитых государственных, общественных и культурных деятелей России XIX — начала XX в. В ходе подготовки и проведения юбилея было организовано несколько научных конференций и заседаний, посвященных значению Лицея и его выпускников в истории российского образования. 17–18 октября 2011 г. в Музее-Лицее (г. Пушкин) состоялась международная научная конференция «Императорский Царскосельский (Александровский) Лицей в истории России». В 2010 г. вышел из печати первый том двухтомной «Лицейской энциклопедии» (под общей ред. С. М. Некрасова) — «Императорский Царскосельский Лицей (1811–1843)», в 2013 г. второй — «Императорский Александровский Лицей (1844–1918)». Основы этого фундаментального труда, заложен-

ные историками Лицея (Я. К. Гротом, Д. Ф. Кобеко, Н. А. Гастфрейндом, А. А. Рубцом), продолженные в советские годы исследованиями пушкинистов (Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Б. С. Мейлаха), а также архивными разысканиями М. П. Руденской и других сотрудников Музея-Лицея, получили новое направление и развитие в работах С. М. Некрасова о лицеистах в эмиграции («Лицей после Лицея», 1997) и о литературном творчестве выпускников Лицея (монография «Лицейская лира», 2007). Автор концепции «Лицейской энциклопедии» С. М. Некрасов был активнейшим участником творческой работы по ее написанию. К этой работе были привлечены известные ученые (историки, музееведы, литературоведы), но прежде всего сотрудники Музея-Лицея и фактически весь творческий коллектив музея, прошедший весьма полезную школу работы с архивными источниками и исследовательской литературой. В итоге музей в целом оказался подготовленным для проведения юбилейных мероприятий 2011 г. К юбилейным торжествам была открыта на четвертом этаже здания мемориальная экспозиция «Квартира лицейского учителя рисования С. Г. Чирикова» и украшен бюстом М. М. Сперанского вестибюль музея. Ведущими специалистами Музея-Лицея Л. Б. Михайловой и С. В. Павловой был подготовлен основанный на мемуарных источниках двухтомник «Императорский Лицей в памяти его питомцев» (СПб., 2011), в котором впервые было столь широко представлено одно из лучших учебных заведений России более чем за сто лет своего существования. В издании были опубликованы неизвестные ранее записки и воспоминания выпускников Лицея, которые хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. К юбилею Лицея вышли из печати богато иллюстрированные книги-альбомы: «Душа в заветной лире» (С. М. Некрасов; 2010), «Отечество нам Царское Село» (Т. И. Галкина, Л. Б. Михайлова, С. В. Павлова; 2011) и другие подарочные издания. Сотрудниками царскосельских филиалов и отделов ВМП широко освещались в СМИ юбилейные мероприятия, в местной прессе г. Пушкина, в газетах и журналах Петербурга и Москвы печатались статьи и заметки о Лицее, его воспитанниках и наставниках. Отделом музейной педагогики (Л. П. Андреева, Е. Б. Добровольская, И. В. Лузинова) были проведены школьные конкурсы, разнообразные литературно-краеведческие игры, прочитаны лекции в массовых аудиториях г. Пушкина. Сотрудники этого отдела успешно выступили на научно-педагогических конференциях Москвы. В праздничной церемонии у памятника Пушкину в Лицейском саду 19 октября 2011 г. принял участие Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

За 2008—2012 гг. коллекции основного фонда Всероссийского музея А. С. Пушкина увеличились на 668 единиц. Из них 501 музейный предмет был приобретен за счет федерального бюджета, 167 единиц хранения музей получил в дар. Это по большей части ценные и уникальные вещи, будущие экспонаты экспозиций и выставок: акварельный портрет второго директора Лицея Е. А. Энгельгардта работы В. Лангера, парные портреты супругов Энгельгардт, две акварели Г. А. Боссе, изображающие кабинет Е. А. Энгельгардта в Петербурге, мраморный бюст Александра I начала XIX в., живописный портрет преподавателя Александровского лицея В. В. Никольского, фрагмент жилета доктора Н. Ф. Арендта, фотография Н. А. Пушкиной 1850-х гг., гарусное одеяло, вышитое Н. Н. Пушкиной, графический портрет В. А. Жуковского работы Т. Райта, наброски К. Сомова к акварельному портрету А. С. Пушкина и ценные материалы по истории Александровского лицея, переданные в дар потомками бывших лицейцев. Научно-вспомогательный фонд увеличился за указанные годы на 1039 единиц хранения, почти полностью переданных музеем в дар.

200-летие со дня рождения Н. В. Гоголя (2009) музей отметил несколькими выставками, концертами и премьерами. Экспозиционно-выставочным отделом (зав. И. А. Щепеткова) была подготовлена и открыта выставка «Есть память обо мне», состоялась премьера документального фильма «Как Пушкин с Гоголем породнились», созданного студией «КИНОР» при участии ВМП. В Музее-даче А. С. Пушкина (зав. Т. И. Галкина) была открыта выставка «Огромное здание чисто русской поэзии», посвященная сказкам Жуковского и Пушкина в восприятии Гоголя. В Центральном выставочном зале Санкт-Петербурга «Манеж» к юбилею писателя была создана выставка «Музей Гоголя». В этом юбилейном проекте принимало участие около 20 крупнейших музеев России, в том числе и ВМП, из собрания которого были представлены живописные портреты современников Пушкина и Гоголя, пейзажи, виды Москвы, Киева, Петербурга и др.

С 2012 г. начинается новый этап в развитии ВМП, связанный с переходом музеев федерального подчинения на новые формы бюджетного финансирования и с оптимизацией научно-исследовательской деятельности по реализации масштабных музейных проектов. Для ВМП, в состав которого входит мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина, где поэт прожил последние месяцы жизни и где скончался, таким проектом является Пушкинский, посвященный памяти великого поэта, к 175-летию со дня его трагической гибели (руководители Т. Н. Мохова и Г. М. Седова).

В июне 2011 — феврале 2012 г. Музей-квартира А. С. Пушкина был закрыт на плановый косметический ремонт. В этот период подлинные вещи Пушкина и реконструкция части кабинета поэта были представлены на временной выставке «Пушкин: Последние месяцы жизни», устроенной в выставочном зале Всероссийского музея А. С. Пушкина на втором этаже дома на Мойке, 12.

10 февраля 2012 г. обновленный Музей-квартира А. С. Пушкина был открыт после ремонта и частичной реэкспозиции. Экспозиционные работы велись под руководством Г. М. Седовой, защитившей в 2010 г. докторскую диссертацию на тему, непосредственно связанную с проблематикой экспозиции Музея-квартиры А. С. Пушкина, и выпустившей в 2012 г. книгу «Ему было за что умирать у Черной речки», в которой жизненный путь Пушкина представлен как сложный и многогранный процесс творческого становления и развития, неожиданно прерванного смертью.

Г. М. Седова — инициатор проведенной в 2008—2009 гг. экспертизы подлинности дивана из мемориального кабинета Пушкина.

Представленная Г. М. Седовой концепция реэкспозиции музея-квартиры поэта была утверждена на заседании Ученого совета ВМП 21 апреля 2011 г. Задача реэкспозиции — усиление мемориальной основы: замена оконного убранства помещений, внесение икон в столовую и спальню, изменение облика передней, представленной одновременно как бытовое пространство и как помещение, в котором в январе 1837 г. у гроба поэта побывал весь мыслящий Петербург. Наиболее существенные изменения затронули бывшую детскую. В 2012 г. впервые в истории музея она приобрела облик жилого помещения, в которое внесены игрушки и прочие детские вещи пушкинского времени. Здесь же представлен портрет работы В. Гау 1842 г. вдовы поэта Н. Н. Пушкиной в закрытом платье.

13 февраля 2012 г. состоялись III научные Беляевские чтения, посвященные 80-летию первой экспозиции в Музее-квартире А. С. Пушкина и 175-летию со дня гибели поэта. С докладами выступили специалисты из Санкт-Петербурга и Москвы, из Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

В 2012 г. отмечался еще один литературный юбилей — 200-летие со дня рождения и 150-летие со дня смерти И. И. Панаева, видного писателя и журналиста, редактора «Современника», сподвижника и друга Н. А. Некрасова. Для ВМП, филиалом которого является Музей-квартира Н. А. Некрасова, куда входит и Кабинет И. И. Панаева, это событие особой важности, ибо последнее десятилетие жизни Панаева прошло в ближайшем соседстве и теснейшем литературном сотрудничестве с Некрасовым. Предложенный

Музеем-квартирой Н. А. Некрасова юбилейный проект (руководители Е. Ю. Глебенко, О. А. Замаренова) включал в себя посещение могилы И. И. Панаева на Литераторских мостках Волкова кладбища с возложением венков и панихидой, приглашение к участию в юбилейных мероприятиях зарубежных родственников семейства Панаевых, проведение Панаевских литературных чтений и концерт русской и зарубежной музыки XVIII—XIX вв. Была также представлена выставка «Портреты и фотографии семьи Панаевых» из фондов Музея-квартиры Н. А. Некрасова. О выставочной работе этого филиала см. ниже.

Самым значительным проектом 2012 г., несомненно, стало отмечаемое на общегосударственном уровне празднование 200-летия Отечественной войны 1812 г. К этому юбилею в ВМП была разработана большая комплексная программа (руководители С. М. Некрасов, Р. В. Иезуитова), в осуществлении которой в той или иной степени приняли участие почти все филиалы и отделы музея. События лета — осени 1812 г., как известно, оказали очень большое влияние на Державина, на юного лицеиста Пушкина, его сокурсников по Лицею, на их сверстников, будущих декабристов, и на всю русскую культуру, в особенности на русскую словесность, на знаменитых поэтов Жуковского и Батюшкова, участвовавших в военных действиях против врагов Отечества и воспевших в своих патриотических стихах славные победы российских воинов и полководцев. Перед коллективом сотрудников музея была поставлена задача раскрыть на разнообразных музейных юбилейных мероприятиях непреходящую культурно-историческую ценность всенародного подвига России в ее борьбе с наполеоновским нашествием. В ноябре 2012 г. в Музее-усадьбе Г. Р. Державина одновременно прошли главные юбилейные мероприятия: международная научная конференция «Отечественная война 1812 года в культурно-историческом пространстве России XIX—XXI веков» и межмузейная масштабная выставка «Вы помните: текла за ратью рать». Теме 1812 года были посвящены школьные программы и творческие конкурсы Международного лицейского фестиваля «Царскосельская осень» и выставка детского рисунка «Гроза двенадцатого года». Работа ежемесячного семинара по повышению квалификации сотрудников ВМП «Научная пятница» была также связана с разными аспектами этой темы, представленной на юбилейных выставках ведущих музеев Петербурга, которые посетили сотрудники ВМП.

В 2012 г. методический и экскурсионно-массовый отделы музея провели научно-практическую конференцию, посвященную судь-

бам детей Пушкина «“...Уважены за имя, им переданное”. К 200-летию Н. Н. Пушкиной».

Краткую информацию о юбилейных и памятных датах литературного календаря и других мероприятиях научного и культурно-просветительского характера можно найти в Приложении с перечнем не упомянутых в отчете выставок, конференций и изданий ВМП.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В период 2008—2012 гг. Экспозиционно-выставочным отделом ВМП были реализованы следующие проекты по созданию юбилейных и проблемно-тематических выставок.

В 2008 г.: «Пушкиниана Н. П. Ульянова» из фондов ВМП (куратор — А. Г. Рабинянц); «“Граней в нем без числа”: Пушкиниана А. Н. Бенуа» из фондов ВМП (кураторы — И. А. Щепеткова, А. Г. Рабинянц); выставка «“Я вас любил...”: К 200-летию со дня рождения Анны Олениной (Андро)» (совместно с Гос. Эрмитажем).

В 2009 г.: выставка из фондов ВМП «“Преданья русского семейства”: К 210-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина» (кураторы — Т. Г. Александрова, Т. С. Мишина, И. А. Щепеткова); выставка работ Виктора Вильнера «Импровизации на темы Петербурга Гоголя» (куратор — А. Г. Рабинянц).

В 2010 г.: выставка «Тихий подвиг. Музей. Война. Блокада», посвященная работе ВМП во время Великой Отечественной войны (кураторы — Т. С. Мишина, А. Г. Рабинянц); выставка «Акварели Тонино Гуэрры», посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося гуманиста (кураторы — Т. С. Мишина, И. А. Щепеткова, А. Г. Рабинянц); выставка к 180-летию первой Болдинской осени «Знакомцы давние, плоды мечты моей...» (куратор — И. А. Щепеткова); выставка «Алексей Архипов. Золотой век в портретах. Скульптура» (кураторы — Т. С. Мишина, И. А. Щепеткова); выставка скульптуры и произведений медальерного искусства Георгия Постникова (кураторы — Т. С. Мишина, И. А. Щепеткова).

В 2011 г.: выставка «Сказки Пушкина» из фондов ВМП (куратор — А. Г. Рабинянц, при участии А. Г. Постниковой и Т. С. Мишиной); выставка «“Державин, бич вельмож...” (Поэт и государственный деятель в борьбе с коррупцией)» из фондов ВМП и РГИА (автор концепции — С. М. Некрасов, куратор — И. А. Щепеткова), организованная и проведенная в стенах Музея-усадьбы Г. Р. Державина и Национального музея Республики Татарстан (г. Казань); выставка работ художника Геннадия Салькова «Мой

дом везде, где есть небесный свод...» (Гос. лермонтовский музей-заповедник «Тарханы») (кураторы — Т. С. Мишина, И. А. Щепеткова); выставка «Живописная живопись» работ художников объединения «Бубновый валет» из фондов Гос. историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево» (куратор — А. Г. Постникова); выставка «Заповедник Довлатова» (кураторы — Т. С. Мишина, Е. В. Пролет, сотрудники журнала «Звезда»); выставка работ учащихся станкового, декоративного и дизайн-отделений Барнаульской детской школы искусств № 1 «“Здравствуй, племя младое, знакомое!”: К 45-летию школы и 200-летию Императорского Царскосельского Лицея».

В 2012 г.: выставка «“Знакомых столько лиц”»: К 175-летию выхода в свет последнего прижизненного издания “Евгения Онегина”» (автор концепции — Р. В. Иезуитова, куратор — А. Г. Рабинянц); межмузейная выставка «Казань Боратынских: Век золотой, век серебряный», организованная совместно с Национальным музеем Республики Татарстан (г. Казань) (куратор — А. Г. Рабинянц); выставка, посвященная жизни и творчеству А. С. Пушкина (копии), в Школе им. А. С. Пушкина в г. Ереване (Армения) в рамках «Дней российской культуры в Армении» (куратор — А. Г. Постникова); выставка «А. С. Пушкин в творчестве М. К. Аникушина» из фондов ВМП и частной коллекции (кураторы — А. Г. Постникова, Г. В. Флерова); выставка «“Богородица-царевна”». (Образ императрицы Екатерины II в творчестве Г. Р. Державина)» (кураторы — И. А. Щепеткова, И. В. Андреева); выставка «Рукотворная книга Николая Дронникова» (совместно с издательством «Вита Нова») (куратор — Т. С. Мишина).

Выставочную работу ведут и другие отделы ВМП.

В период 2008—2012 гг. Отделом литературной экспозиции и временных выставок в Музее-усадьбе Г. Р. Державина были организованы и открыты: выставка работ Н. К. Рериха «От России до Гималаев» (2008); выставка произведений заслуженного художника России В. Г. Сидоренко «Союз певцов, и чистый, и свободный» (представлены впервые выполненные в скульптуре и медальной пластике портреты Малиновского, Державина, Пушкина, Энгельгардта и других выдающихся деятелей России XIX в.; 2009); выставка «200-летие установления дипломатических отношений между Россией и США» совместно с Центром петербургских искусств «АВИТ» (2009); выставка «Деловой Петербург начала XX века» совместно с Архивным комитетом Санкт-Петербурга, Центральным гос. архивом кинофотофонодокументов, Фондом Форда, Центром петербургских искусств «АВИТ» (2009); вы-

ставка «Русский самовар XVIII—XX вв. из частного собрания А. А. Лобанова» (2010); межмузейная выставка «Профессия женского рода», открытая в рамках международного женского форума «Петербургская неделя “Женщина года”» (2010).

Отделом музейно-творческих программ за этот же период были открыты следующие выставки: «Работы художника Константина Ивановича Рудакова» из фондов ВМП (2011); выставка графических работ К. Е. Севастьянова «Под сенью дружных муз» из фондов ВМП к 200-летию Императорского Царскосельского Лицея (2011); выставка памяти А. А. Журавлева «Жизнь в янтарном свете» совместно с Центром петербургских искусств «АВИТ» (2011); серия выставок «Лоскутные забавы» с организацией мастер-классов по лоскутному шитью (2010—2012); выставка работ Александра Бенуа ди Стетто (2011 и 2012); выставка «Там чудеса...» из фондов ВМП к 170-летию премьеры оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (2012) и др.

Музей-квартира Н. А. Некрасова представил за отчетный период следующие выставки: живопись Екатерины Цанниковой и Марии Павловой «Цветные сны» (были представлены также персональные выставки М. Павловой «Городской пейзаж. Натюр-морт», «Окно в Петербург» и «О жизни в красках»); выставка «Прекрасное — мост между странами» (совместно с Центром петербургских искусств «АВИТ» и научно-исследовательским центром Рерихов); живопись и графика Николая Лузгина «Кавказ и Крым»; международная выставка детского рисунка «Дети — Некрасову»; выставка художников Алексеевых «Женщина — образ и символ» (живопись, графика, куклы); выставка живописи Валерия Илюшкина к 188-летию со дня рождения Н. А. Некрасова «И вот они опять, знакомые места...»; выставки студентов и преподавателей СПбГХПА им. А. Л. Штиглица «Осень. Город. Поэт», «“Всюду родимую Русь узнаю...”»: К 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова», «И вот они опять, знакомые места...»; выставка работ Евгении Кузнецовой «Для души...» (текстильная кукла, акварель, пастель); выставка живописи Инги Штань «Земля русская»; выставка живописи Ольги Нутельс «Предметности плюс»; выставка «Петербургский писатель» из фондов Музея-квартиры Н. А. Некрасова; выставка батика «Белое зеркало: Памяти Елены Одинцовой»; выставка живописи Николая Репина «Пока в России Пушкин длится...». Помимо вышеперечисленного в Музее-квартире Н. А. Некрасова периодически экспонируются небольшие выставки, приуроченные к юбилейным и памятным датам русских писателей второй половины XIX в.

Музей-дача А. С. Пушкина совместно с отделом музейной педагогики организует выставки детского рисунка по мотивам поэм и сказок Пушкина, а также выставки, посвященные отдельным произведениям А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя.

Отдел книжных фондов (зав. В. С. Козловская, хранитель М. В. Бокариус) регулярно устраивает выставки новых поступлений.

Проведение ежегодных конференций, семинаров и других мероприятий научного характера является обязательным для всех филиалов и отделов Всероссийского музея А. С. Пушкина.

В период с 2008 по 2012 г. силами сотрудников ВМП были организованы и проведены ежегодные традиционные научные конференции: «Державинские чтения» (Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени), Всероссийские Некрасовские конференции (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН совместно с Музеем-квартирой Н. А. Некрасова), «Беляевские чтения» (Музей-квартира А. С. Пушкина), конференции по проблемам петербурговедения (совместно с Институтом Петербурга), конференции, посвященная русской классической литературе, изобразительному искусству, музыке, театру, архитектуре и кино (совместно с Университетом Vassar College (США) при участии отдела культурных программ (зав. Н. И. Смирнова)). В музее были проведены юбилейные конференции, посвященные крупным историческим событиям и датам литературного календаря, а также общим вопросам истории русской культуры и литературы: международная научная конференция «Культура и власть: В. А. Жуковский в XXI веке»: К 225-летию В. А. Жуковского и 190-летию его воспитанника Александра II» (2008); конференция, посвященная 225-летию создания Российской Академии (совместно с ИЛИ РАН, 2008); научно-практическая конференция «“Лицейское пространство в русской культуре XIX–XX вв.”: К 200-летию Императорского Лицея» (2008, Музей-Лицей) и научно-практическая конференция «Лицей и лицеисты в культурно-историческом пространстве России XIX — начала XX века» (2010, Музей-Лицей); два научных заседания, посвященных вопросу о подлинности дивана из мемориального кабинета А. С. Пушкина в его последней квартире на наб. Мойки, 12 (2009, 2010); научное заседание «Лев Толстой и Пушкин», посвященное 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого (2010), научное заседание, посвященное 180-й годовщине свадьбы А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой (2011); литературные чтения в Музее-квартире Н. А. Некрасова «Мы обязаны В. Г. Белинскому своим спасением», посвященные 200-летию со дня рождения В. Г. Белинского (в рамках общегородской программы «Дни Бе-

линского в Санкт-Петербурге» совместно с ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУ, Объединенным гос. литературно-мемориальным музеем Пензенской обл., РГПУ им. А. И. Герцена, Центральной государственной публичной библиотекой им. В. В. Маяковского, журналом «Звезда» и др.; 2011); конференция молодых специалистов, посвященная вопросам истории журналистики, организованная сотрудниками Музея-квартиры Н. А. Некрасова совместно с кафедрой истории журналистики факультета журналистики СПбГУ (2011); научные заседания, организованные сотрудниками Музея-дачи А. С. Пушкина: «“Спор славян”: К 180-летию Польского восстания 1831 года» (2011), памяти Н. С. Лескова (2011), «“Русский Монтень”: К 220-летию со дня рождения П. А. Вяземского» (2012), к 180-летию первого прочтения А. С. Пушкину и В. А. Жуковскому Н. В. Гоголем «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (совместно с СПбГПУ им. А. И. Герцена, 2012); международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота, подготовленная сотрудниками Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени совместно с Институтом лингвистических исследований РАН (2012) и др.

Методическим отделом ВМП (зав. Л. Е. Смирнова) совместно с Музеем-заповедником А. С. Пушкина «Михайловское» и с участием других музеев-заповедников были проведены два семинара на тему «Проблемы и перспективы методической работы в литературном музее». Первое заседание прошло в Санкт-Петербурге, в Музее-усадьбе Г. Р. Державина (2009), второе — в Музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское» (2010).

ВМП принял участие и в других научных конференциях и семинарах, проводимых в Санкт-Петербурге, других городах России и за рубежом (в пушкинских музеях, музеях-заповедниках, академических институтах — Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институте лингвистических исследований РАН, на профильных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета, в Российской национальной библиотеке, Российском государственном историческом архиве и т. д.). Музей сотрудничал с научными учреждениями Татарстана, Эстонии, Финляндии, Франции и т. д.

В рассматриваемый период сотрудники музея приняли участие в следующих научных и научно-практических конференциях: международной научной конференции «Императорский Царскосельский Лицей в истории России XIX—XXI веков», организованной Северо-Западным институтом управления РАНХиГС к 200-летию со дня основания Императорского Царскосельского Лицея

и проведенной в резиденции Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в Таврическом дворце (2011); международной научно-методической конференции к 200-летию Императорского Лицея — «Царскосельский Лицей и Эстония: Пересечение судеб» — в г. Нарва, Эстония (2011); международной научной конференции к 200-летию Императорского Лицея — «Афинская школа и Царскосельский Лицей» — в г. Афины, Греция (2011); всероссийской научно-практической конференции «Доступность электронных ресурсов библиотек, музеев, архивов как актуальная проблема развития информационного общества» в Санкт-Петербурге (2011); Всероссийском съезде учителей русского языка и литературы в МГУ (2012); международном круглом столе «Актуальные проблемы мемориальных музеев. Традиции и новаторство в их развитии и деятельности» в г. Минске (2012); межмузейной научной конференции «Русская культура зарубежья и деятельность пушкинских музеев» в г. Вильнюсе, Литва (2012).

В период с 2008 по 2012 г. Всероссийским музеем А. С. Пушкина и при его участии подготовлены и выпущены в свет следующие издания: Всероссийский музей А. С. Пушкина: Путеводитель. СПб., 2004; 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 2008; Традиции Царскосельского (Александровского) Лицея и современные методы преподавания и воспитания учащихся: Сб. науч.-метод. статей. СПб., 2008; *Седова Г. М.* А. С. Пушкин и особняк на Мойке: Альбом. СПб., 2008; Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени: Книга-альбом / Авторы текста С. М. Некрасов, Т. Н. Мохова. СПб., 2008 (на рус. и англ. языках); *Некрасов С. М., Мохова Т. Н.* Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени: Путеводитель. СПб., 2008; *Михайлова Л. Б.* Мемориальный Музей-Лицей: Путеводитель. СПб., 2008; *Седова Г. М.* Мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина в доме на Мойке, 12: Путеводитель. СПб., 2008; *Седова Г. М.* К вопросу об истории гибели Пушкина. СПб., 2009; *Седова Г. М.* Диван из кабинета А. С. Пушкина: Мемориальный предмет или памятный знак?: К 175-летию со дня смерти А. С. Пушкина. СПб., 2009; *Петрова Н. Л.* Литературно-монографическая экспозиция «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество»: Путеводитель. СПб., 2009; *Розина И. В.* PR-деятельность в социокультурной сфере. М., 2009; Царскосельская художественная премия: История в фотографиях: Альбом. Царское Село, 2009; В. А. Жуковский и его современники: Альбом-каталог выставки «Жить для веков в величии народном» (2008) / Автор концепции и текста Р. В. Иезуитова; Сост.

Е. В. Пролет. СПб., 2010; Рисунки лицеистов: Факсимильное изд., подготовленное Л. Б. Михайловой к 200-летию Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея. СПб., 2011; Афинская школа и Царскосельский Лицей: Сб. статей по материалам научной конференции к 200-летию Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея (г. Афины, Греческая Республика) / Отв. ред. С. М. Некрасов. СПб., 2011; «Державин — бич вельмож»: Г. Р. Державин в борьбе с коррупцией: Буклет. СПб., 2011; Глебенко Е. Ю. «Литейный, 36»: Музей-квартира Н. А. Некрасова: К 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова: Путеводитель. СПб., 2011; Замаренова О. А. Мемориальный Музей-квартира Н. А. Некрасова: История и современность: К 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова: Буклет. СПб., 2011; «Богородица-царевна»: Образ Екатерины II в поэзии Г. Р. Державина: Альбом межмузейной выставки. СПб., 2012.

Продолжалась работа над серийными изданиями: Пушкинский музей. СПб., 2014—2015. Вып. 6—7; Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2008—2012. Вып. 4—7; Беляевские чтения. СПб., 2008—2012. Вып. 2—3.

В этот период сотрудниками музея были опубликованы также многочисленные статьи, интервью, публикации в журналах и газетах г. Пушкина, Петербурга, Москвы, в том числе в зарубежных изданиях, в сборниках научных статей культурно-исторической направленности; подготовлено множество публикаций для Интернета, учитывая и новый проект музея — создание виртуальных выставок.

В общей сложности количество всех публикаций сотрудников музея, учитывая различные публикации в сети Интернет и разного уровня СМИ, составило на 2012 г. чуть более 65 000 ед.

*Р. В. Иезуитова,
А. Ю. Грязнова*

**ПУШКИНСКИЙ ЛЕТНИЙ ИНСТИТУТ
ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ**
(Висконсинский университет, г. Мэдисон, США),
23 июня — 1 августа 2014 г.

В 2014 г. закончился третий год работы Пушкинского летнего института для старшеклассников в Висконсинском университете (Мэдисон, США). Летняя программа была создана летом 2012 г. Дэвидом Бетеа, профессором кафедры славянских языков и литературы, при содействии и поддержке ряда университетских факультетов: Института иностранных языков (Language Institute), Колледжа гуманитарных и естественных наук (College of Letters and Sciences), Центра России, Восточной Европы и Центральной Азии (CREECA) и докторской программы по изучению усвоения второго языка (Second Language Acquisition).

Пилотный проект лета 2012 г. был плодом сотрудничества славянской кафедры Висконсинского университета и школы Прицкер (Pritzker) из Чикаго; на программу приехало всего 12 старшеклассников, тщательно отобранных своими преподавателями из числа наиболее заинтересованных и целеустремленных учеников. После удачного завершения первого, пилотного, года программа стала расширяться: летом 2013 г. к школе Прицкер присоединилась также школа Нобль (Noble) из Чикаго, а в 2014 г. в проекте участвовали уже Прицкер, Нобль и школа Западного Анкориджа (штат Аляска), — всего на программу приехало 23 старшеклассника.

Учебный план летней программы построен на «трех китах»: изучении русского языка, знакомстве с творчеством А. С. Пушкина и обучении школьников принципам и правилам академического письма. В течение шестинедельной программы школьники интенсивно — 4 часа в день — изучают русский язык. Чтобы сделать обучение максимально персонализированным, школьников делят на две маленькие группы, с каждой из которых посменно работают два

преподавателя. В преподавании языка используются новейшие коммуникативные методики, направленные в первую очередь на обучение прагматическим навыкам повседневного общения. Немаловажную роль играют также вечерние занятия языком с репетиторами — лучшими студентами славянского факультета. Для усиления эффекта «погружения» в русскую культуру часто организуются внеклассные мероприятия: просмотр и обсуждение русских фильмов, совместное приготовление традиционных русских блюд — блинов и пельменей, разговоры о русских традициях, суевериях и других особенностях русской культуры и т. п. Главной целью обучения является повышение уровня владения языком (proficiency). С целью определения прогресса учащихся в этой области в начале и в конце программы школьников тестируют по системе ACTFL — Американского Совета по преподаванию иностранных языков. Три года практики показали, что в конце летней программы у всех школьников происходит подъем на следующий подуровень владения языком по системе ACTFL, а в некоторых случаях даже на два подуровня.

Послеобеденные часы посвящены изучению творчества Пушкина; каждая неделя начинается с вводной «лекции-разогрева», посвященной материалу недели — стихотворениям, отдельному рассказу или части большого произведения. В программу включены «Повести Белкина», «Каменный гость», «Арап Петра Великого» и «Пиковая дама» — все это школьники читают в переводе на английский язык. Изучение литературы тесно связано с обучением навыкам письма: ребята посещают практикум по правилам письма (стилистика, орфографии, пунктуации) и пишут работы об изучаемом произведении, которые затем детально обсуждают и корректируют с самим Дэвидом Бетеа или его ассистентами. В конце недели школьники должны представить окончательный вариант работы. Такая схема повторяется каждую неделю, что позволяет в течение шестинедельного курса кардинально улучшить навыки анализа литературы и академического письма. В ходе классных и индивидуальных дискуссий большое внимание уделяется развитию критического мышления и аналитических способностей старшеклассников.

Необходимо отметить уникальные особенности школ — участников проекта. Почти все студенты летнего института приезжают из школ Прицкер и Нобль, принадлежащих к целой системе чикагских чартерных школ под названием Нобль (Noble). Так как русский язык на летней программе преподается не «с нуля», то первым и главным критерием отбора школ, участвующих в проекте, стало преподавание русского языка в этих школах и возможность наладить с ними дальнейшее сотрудничество. Вторым критерием яви-

лось удобное географическое расположение Чикаго: город находится всего в трех часах езды от Мэдисона, что облегчает транспортировку школьников. Третьим определяющим фактором стало то, что чартерные школы в Америке, хотя и являются государственными, обладают значительной свободой в вопросах учебного плана, найма преподавателей, применения экспериментальных методик и т. д.

Четвертой причиной выбора именно этих школ стала расовая принадлежность учащихся. Большинство школьников в учебных заведениях системы Нобль — это дети из семей афроамериканцев и латиноамериканских иммигрантов. Чартерные школы системы Нобль специализируются на том, чтобы подготовить к поступлению в колледж детей из непривилегированных рабочих семей; большинство школьников (84%) в своих семьях станут первым поколением, получившим высшее образование. Судя по статистике, школы выполняют поставленную перед собой задачу с большим успехом: 90% выпускников школ Нобль учатся в 190 колледжах и университетах США, включая такие престижные университеты, как Гарвардский, Принстонский, Стэнфордский и Йельский.

Создатели Пушкинского летнего института для старшеклассников твердо верят, что для детей этого возраста очень важна возможность «персонализировать» содержание обучения, связать изучаемый материал с собственной жизненной ситуацией. Таким «якорем» для Бетеа и его коллег стали африканские корни Пушкина, а следовательно, его «инаковость», отличность от окружающих. Организаторы программы считают, что африканское происхождение Пушкина являлось неотъемлемой частью самоидентичности поэта и глубоко повлияло на его творчество. Разумеется, сложности, с которыми Пушкин сталкивался в своей жизни, очень далеки от проблем современных американских школьников небелой расы. Тем не менее для Дэвида Бетеа было кардинально важно показать ребятам, как пример русского поэта, жившего на противоположном конце света двумя веками ранее, может вдохновить их на поиск своего уникального жизненного пути и на преодоление собственных трудностей. Такой подход к жизни и творчеству русского поэта используется при обучении американских учащихся впервые, и, судя по отзывам учеников и преподавателей, найденная организаторами модель обучения воспринимается школьниками с энтузиазмом.

Мероприятия, организованные для школьников, не ограничиваются только областью русского языка и литературы. Так как в программе участвуют исключительно старшеклассники — а точнее, учащиеся, перешедшие в выпускной класс школы и готовящиеся к поступлению в университет, — то одной из важнейших задач

программы является показать школьникам жизнь студентов в кампусе, помочь им осуществить будущую интеграцию в университетское сообщество, дать возможность получить первый опыт студенческой жизни и рассказать о ресурсах практической и психологической поддержки, доступных будущим студентам. Для школьников организуются экскурсии по самому университету, а также по Мэдисону и окрестностям; они участвуют в совместных мероприятиях с другими летними программами для школьников и посещают практические занятия, на которых их учат, как подавать заявление и сдавать экзамены в университет, как выбирать факультет, как искать студенческие группы по интересам, как приспособиться к жизни в общежитии и т. п. Вся эта информация жизненно необходима школьникам, которые будут студентами колледжа в первом поколении в своих семьях.

Успешность программы и положительные отзывы ее участников привлекли не только дополнительных студентов, но и дополнительное финансирование. Надо отметить, что для семей школьников обучение в Пушкинском летнем институте бесплатное. Пилотный проект 2012 г. финансировался фондом Уильяма Вайласа (Vilas Trust) при Висконсинском университете и самой школой Прицкер. В настоящее время большая часть финансирования исходит из следующих источников: Висконсинского центра изучения Пушкина (Wisconsin Center for Pushkin Studies), фонда Уильяма Вайласа (Vilas Trust), колледжа гуманитарных и естественных наук (College of Letters and Science) Висконсинского университета, фонда Эндрю Меллона (Mellon Foundation). Кроме того, в 2014 г. Пушкинская летняя программа получила престижный грант от языковой программы STARTALK — государственной организации, занимающейся развитием коммуникативного преподавания языков, имеющих статус «критических», то есть необходимых для экономики США (в этот список входят также арабский, китайский, турецкий и ряд других более редких языков).

В настоящее время активно разрабатывается программа языковой онлайн-поддержки школьников — выпускников проекта. Одним из планов дальнейшего развития Пушкинского летнего института является создание второго летнего курса русского языка для более продвинутых учащихся. С помощью широкого сотрудничества со школами-участниками предполагается так построить программу преподавания, чтобы старшеклассники изучали язык в школе в течение трех последних классов и в дополнение к этому приезжали на Пушкинскую программу два года подряд на летних каникулах. Посещение такой серии занятий позволит будущим студентам сразу пойти в колледже на курсы русского языка более высокого

уровня и участвовать в программах обмена на более ранних курсах университета, а следовательно, значительно поможет им в овладении выбранной специальностью.

В идеале создателям проекта хотелось бы привлечь будущих студентов к изучению русского языка в Висконсинском университете и поступлению на флагманскую программу при славянском факультете университета.¹ Конечно, для старшеклассников открыты многие возможности, и такой путь выберут лишь единицы. Тем не менее создатели программы надеются, что интерес к изучению иностранных языков и культур (включая русский язык, но не ограничиваясь им) останется у ребят на многие годы и поможет им развить толерантность и открытость к другим мировым культурам и традициям.

Виктория Кононова

¹ Флагманская программа по русскому языку — это инновационная языковая программа для особо мотивированных и одаренных студентов, позволяющая им достичь профессионального уровня владения русским языком за счет интенсивной учебы как в Висконсинском университете, так и в различных университетах России. Программа финансируется из средств специального государственного гранта, и Висконсинский университет — один из всего лишь четырех университетов Америки, получивших грант на открытие и развитие флагманской программы по русскому языку.

V. IN MEMORIAM

В. С. БАЕВСКИЙ-ПУШКИНИСТ

Пушкинистика не была основной сферой интересов В. С. Баевского: среди его более чем восьмисот работ только 55 связаны с именем Пушкина. Вместе с тем труды этого исследователя представляют собой заметное явление в отечественном пушкиноведении.

В научной биографии Баевского было несколько периодов, характеризующихся повышенным интересом к Пушкину. Начал он заниматься Пушкиным довольно поздно: первые подступы к пушкинской эпохе начались в 1980 г., а первые работы появились в 1982 г. «Я никогда не думал писать о “Евгении Онегине”», — так признался Баевский в начале своей книги о Пушкине,¹ сообщая при этом, однако, что всю жизнь преподавал его: в школе и Смоленском пединституте. Прямым отголоском этих педагогических занятий является следующее суждение. Излагая мнение В. В. Набокова, что «деревня, где скучал Евгений», находилась «приблизительно на пересечении 32° восточной долготы и 56° северной широты»,² В. С. Баевский замечает: «По современному административному делению это юго-восток Великолукской области, недалеко от границы со Смоленской областью» (с. 109). «По современному административному делению», которое в момент выхода книги в свет было таким же, что и сейчас, это граница Западнодвинского и Жарковского районов Тверской области, а Великолукская область, образованная в 1944-м, в 1957 г. прекратила свое существование. Эта маленькая деталь проясняет, как складывалась книга

¹ Баевский В. С. Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина. М., 1990. С. 6. Далее цитаты даются по этому изданию в тексте с указанием страниц.

² Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 48—49.

Баевского. Ежегодные комментарии к роману обрастали все новыми подробностями, а реалии оставались в памяти из того времени, когда разрабатывались темы.

Книга родилась из преподавательской деятельности Баевского и отразила типичные для 1970—1980-е гг. подходы к литературному тексту: исследование поэтики пространства, времени, предметного мира (реальный комментарий) и тематической композиции. Только глава, посвященная «легкой поэзии», выбивается из этого ряда обязательных тем. И каждая глава сложилась из отдельных статей, опубликованных в различных изданиях.³ Может быть, именно поэтому в книге и нет той целостности, а получилось «со-

³ Глава «Мир романа»: *Баевский В. С.* Темы разобщенности, одиночества, забвения и памяти в «Евгении Онегине» // Пушкин: Проблемы поэтики. Тверь, 1992. С. 42—58.

Глава «Традиция „легкой поэзии“»: *Баевский В. С.* Традиция «легкой поэзии» в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 106—120. Русско-французским связям посвящены также работы: *Баевский В. С.* 1) О языковом сознании Пушкина // Вопросы творчества и биографии А. Пушкина. Одесса, 1992. С. 6—7; 2) Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина // *Acton. Bonn*, 1996. Bd. 3. S. 38—51; то же: *Филол. науки*. 1997. № 2. С. 13—23.

Глава «Слова и вещи»: *Баевский В. С.* 1) Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 104—113; 2) О театральном строфе «Евгения Онегина» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 139—150. Статья «Двойной лорнет» перепечатана: Октябрь. 1997. № 2. С. 172—173; см. также: *Баевский В. С.* 1) Байрон, Гильо, Двойной лорнет // Онегинская энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 75—80, 245—246, 332—333.

Глава «Тематическая композиция»: *Баевский В. С.* Тематическая композиция «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 33—44.

Глава «Образ пространства»: *Баевский В. С.* 1) Из наблюдений над художественным пространством «Евгения Онегина» // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1984. С. 31—33; 2) Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1985. № 3. С. 213—224; 3) Из наблюдений над художественным пространством «Евгения Онегина»: Предварительное сообщение // Художественное пространство и время. Даугавпилс, 1987. С. 51—62.

Глава «Образ времени»: *Баевский В. С.* 1) Структура художественного времени в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. № 3. С. 207—218; 2) Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 115—150.

Закключение: *Баевский В. С.* Пушкин и Пастернак // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1989. № 3. С. 231—243; перепечатано: 1) Русская литература XX века. 1. Смоленск, 1990. С. 63—65; 2) Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2. С. 222—243.

бранье пестрых глав», во многом весьма полезное, но не объединенное единой концепцией.

И действительно, книга отразила сильные и слабые стороны Баевского-преподавателя, который в 1965 г. защитил диссертацию на ученую степень кандидата педагогических наук «Вопросы методики воспитания литературного вкуса на уроках литературы в старших классах». Баевский обстоятельно описывает тематические повторы, организующие повествование в романе, пространственную и временную структуры, роль «легкой поэзии» в формировании точки зрения автора. Но автор видит перед собой сообщество скорее не литературоведов, а учеников; не открывает, а учит. Автор очень часто подробно излагает общие места, столь необходимые для учащихся, разные точки зрения и позиции. В силу этого научное повествование часто замедляется, не успев развернуться. Тем не менее, повышенное внимание со стороны учеников и студентов всегда сопутствовало Баевскому.⁴

Очень большое значение имели комментаторские работы Баевского, вошедшие в книгу: «Русская Терпсихора», «Двойной лорнет», «Там Озеров невольны дани», «Панталоны, фрак, жилет», «Я думал уж о форме плана», «Цензуре долг свой заплачу», «Туманная даль», «Стихов российских механизм», — и более поздние: «Летя в пыли на почтовых», «И русской Н как N французский», «Кинжал <Лувеля, тень Бертона>», «Свой пестрый мечет фараон».⁵ Но комментаторское чутье часто изменяло Баевскому, например, когда он пишет о матери Татьяны и Ольги Лариных: «Старушкой называет ее Онегин, старушкой постоянно называет ее автор, хотя матери столь юных дочерей вряд ли может быть намного больше сорока лет» (19). Однако именно так и называли в пушкинское и даже в более позднее время матерей, имеющих дочерей на выданье, так названа мать Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании». Баевский неоднократно вступал в полемику

⁴ Наверное, по этой же причине огромный успех имела его книга «История русской поэзии. 1730–1980. Компендиум. Учебное пособие» (М., 1994; 2-е изд., испр. и доп. Смоленск, 1994; 3-е изд., испр. и доп. М., 1996; 4-е изд., испр. и доп. М., 2004), в которой Пушкину, естественно, посвящена отдельная глава (2-е изд. с. 92–121). Правда, поздний Пушкин оказывается здесь безоговорочно государственным и глубоко религиозным человеком.

⁵ Баевский В. С. 1) Из заметок о тексте «Евгения Онегина» // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 172–174; 2) Кинжал <Лувеля, тень Бертона> // Историко-литературный сборник: К 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 112–115; 3) «А перед ним Воображенье Свой пестрый мечет фараон» // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 1993. № 5–6. С. 81–88.

с Ю. М. Лотманом как комментатором романа:⁶ «В начале главы восьмой Муза олицетворена в Татьяне, и Автор говорит: “На прелести ее степные С ревнивой робостью гляжу”. Онегин не верит своим глазам: “Как! из глуши степных селений...” <...> Ю. М. Лотман полагает, что “степные” здесь значит “сельские”. Однако это соображение ничем не подкреплено, а “Словарь языка Пушкина” не дает ни единого случая употребления слова “степной” в значении “сельский”» (109). Между тем Ю. М. Лотман был прав. Когда мать Татьяны решила взять свою засидевшуюся в девках дочь в Москву, Татьяна боится туда ехать:

О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.
(VI, 150)

Синонимия выражений «в глуши лесов» и «в глуши степей» прослеживается у Пушкина и ранее. В лицейском стихотворении «Людбывь одна — веселье жизни хладной...» (1816) Пушкин писал:

В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.⁷

Здесь долины и леса — это не отдельные типы ландшафта, это в одинаковой степени глухие места. То же — в поэме «Руслан и Людмила»:

Меж тем Руслан далеко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей...
(IV, 25)

На фоне авангардных суждений о времени и пространстве немало странным и чуждым кажется следующее утверждение: «Между тем в своем “историческом романе” (Белинский) Пушкин

⁶ Этот спор тем более примечателен, что после смерти Лотмана Баевский стал его соавтором по комментарию «Евгения Онегина» и автором статей о нем: Баевский В. С. 1) Ю. М. Лотман — комментатор «Евгения Онегина» // Пушкин А. С. Евгений Онегин / Комментарии Ю. М. Лотмана и В. С. Баевского. СПб., 2002. С. 627—681; 2) Ю. М. Лотман — исследователь Пушкина // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2002. № 6. С. 49—56.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 243.

действительно осмыслил судьбы декабризма, но иначе. Он показал, как гибнут и оказываются в тупике Ленский, Онегин, Татьяна, оторванные от народной почвы. “Страшно далеки они от народа” — сказано о лучших людях эпохи. Это тем более относится к “полурусскому” Ленскому, к Онегину, который рос на попечении сперва Madame, потом Monsieur l’Abbé, даже к Татьяне, которая “по-русски плохо знала, Журналов наших не читала, И выражалася с трудом На языке своем родном”. Так поэт художественно исследовал главную проблему русской жизни XIX в., от которой зависели и судьбы освободительного движения, — проблему разрыва дворянства с народом» (4).

Другой цикл работ Баевского о Пушкине связан с его докторской диссертацией «Типология стиха русской лирической поэзии» (1974), написанной в русле модного направления отечественного литературоведения 1970-х гг. Вместе с тем любопытно, что все исследования стиха и строфики Пушкина появились только после защиты диссертации. Со второй половины 1990-х гг., когда Баевский увлекся возможностями компьютерной обработки материала, он сосредоточил особое внимание на статистических и прогностических приемах анализа.⁸

Третий цикл работ о Пушкине и его эпохе посвящен пересмотру начального этапа русского байронизма Пушкина и его современни-

⁸ Баевский В. С. 1) Рифменно-строфическая система романа в стихах А. С. Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту. Таллин, 1987. С. 55–58; 2) Стих «Горя от ума» в сравнении со стихом «Евгения Онегина» // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 237–245; 3) Имя собственное в рифмах «Евгения Онегина» // Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин, 1989. С. 37–44; 4) Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 65–79; 5) Строфа и рифма в «Евгении Онегине» // Пушкинские чтения. Таллин, 1990. С. 44–57; 6) Грамматика поэзии: Падежи имен собственных в «Евгении Онегине» // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 154; 7) Структура онегинской строфы. К теории текста и гипертекста: (Компьютерный анализ) // Русская филология: Уч. зап. Смоленск, 1997. С. 115–120 (в соавторстве); ср.: Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы Международной конференции 23–27 июня 1998 г. М., 2001. С. 386–391; 8–9) Опыт моделирования онегинской строфы; Реализация компьютерной программы «БУКВА > ФОНЕМА»: «Вступление» к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма: Итоги изучения в XX веке. Смоленск, 2000. С. 27–33, 33–37 (обе статьи в соавторстве).

⁹ Баевский В. С. 1) «Прости, Отечество!» Грибоедова — «Из Байрона»? // Русская литература. 1980. № 2. С. 126–130; 2) Становление спенсеровой строфы в России // Актуальные проблемы сравнительного стиховедения. Фрунзе, 1980. С. 25–27.

ков. Открылся этот цикл статьями об истории спенсеровой строфы в России,⁹ а завершился работами, в которых Баевский стремился доказать, что уже к началу 1820-х гг. Пушкин настолько владел английским языком, что в элегии «Погасло дневное светило...» напрямую цитировал Байрона.¹⁰ Это мнение, однако, имеет дискуссионный характер, поскольку Пушкин мог, скорее всего, просто повторять поэтические штампы, широко распространенные в мировой поэзии со времен Горация.

Наконец, еще одной важной для Баевского темой была тема, которую он сам назвал «пушкинско-пастернаковская парадигма». Еще в Заключении книги 1990 г. Баевский писал: «Но есть в советской литературе поэт, которому он дал особенно много. Этот поэт — Пастернак. Он был связан с пушкинской традицией особенно прочно, сознательно ориентировался на его эстетику, осознавал пушкинское влияние на свое творчество» (157). Не вызывает сомнения тот факт, что влияние Пушкина на всю последующую русскую литературу было огромным, однако построение парадигматических отношений русской литературы по линии Пушкин—Пастернак представляет собой некоторое преувеличение, мотивируемое, впрочем, неизменным интересом Баевского к Пастернаку.¹¹

¹⁰ Баевский В. С. 1) Когда Пушкин познакомился с поэзией Байрона? // *Miscellanea philologica*. Пб., 1990. С. 7—11; 2) Когда Батюшков познакомился с поэзией Байрона? // *Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры*. Смоленск, 1992. С. 19—21; 3) Из предыстории пушкинской элегии «Погасло дневное светило...» // *Проблемы современного пушкиноведения*. Псков, 1994. С. 78—93; 4) Пушкин, русская литература его времени и байронизм: Из творческой истории романа в стихах // *Пушкин и русская культура*. СПб.; Новгород, 1996. С. 61—64; 5) Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1996. № 6. С. 4—14; 6) О присутствии Байрона в «Евгении Онегине» // *Studia metrica et poetica: Сборник статей памяти П. А. Руднева*. СПб., 1999. С. 214—223.

¹¹ Баевский В. С. 1) К исследованию пушкинско-пастернаковской культурной парадигмы: О мере близости частотных словарей русских поэтов XIX—XX веков // *Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма: Итоги изучения в XX веке*. Смоленск, 2000. С. 15—26 (в соавторстве); 2) Виртуальная Нина, или Как читать Пушкина // *Русская филология: Уч. зап. СПбУ. Кафедра истории и теории литературы*. Смоленск, 2001. С. 327—342.

¹² Баевский В. С. 1) Последняя дуэль Пушкина в свете вновь опубликованных документов // *Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского*. СПб., 2001. С. 266—273; 2) Новые документы о жизни и смерти Пушкина: Опыт анализа // *Вопросы литературы*. 2002. Март — апрель. С. 135—156; 3) Жизнь и смерть Пушкина в свете новых документов и исследований // *Современные методы анализа художественного произведения*. Смоленск, 2002. С. 206—219.

В последние годы Баевский писал также о смертельной дуэли Пушкина в связи с работами С. Витале и В. П. Старка;¹² ряд работ был посвящен общим вопросам творческого наследия Пушкина: периодизация творчества, место Пушкина в историко-литературном процессе, Пушкин и христианство.¹³ Случай Баевского репрезентативен для нашего литературоведения в целом — это, собственно, и не случай, а закономерность. Не он один «никогда не думал писать о “Евгении Онегине”»; многие шли тем же путем и всё же писали о Пушкине. В этом смысле опыт Баевского весьма поучителен.

М. В. Строганов

¹³ Баевский В. С. 1) Библейские темы, мотивы и образы в «Цыганах» Пушкина // Русская филология: Уч. зап. Смоленск, 1996. С. 6—14; 2) Пушкин — Гоголь — Достоевский: Карнавал, сократический диалог, мениппова сатира, симпозион, солилоквиум, диатриба // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждения: Международная научная конференция, 21—24 мая 1998 года. Новгород Великий — Старая Русса. 1998. С. 23—25; 3) Пушкин и школа раннего русского реализма // Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу: Труды семинара... Смоленск, 1998. С. 63—73; 4) Пушкин, пушкинская эпоха в художественном и историческом сознании Д. С. Самойлова // А. С. Пушкин: Филологические и культурологические проблемы изучения. Донецк, 1998. С. 112—114 (в соавторстве); 5) Доминанты художественной эволюции Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. № 2. С. 23—33.

ВСПОМИНАЯ ЛЬВА СТЕПАНОВА

Лев Александрович Степанов (1938—2014) родился в Краснодаре. В 1960 г. закончил историко-филологический факультет Краснодарского государственного педагогического института и был направлен в качестве воспитателя школы-интерната в совхоз им. Ленина Анапского р-на Краснодарского края. Вскоре у него стала успешно складываться комсомольско-партийная карьера: к 1970 г. он стал уже заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Краснодарского городского комитета КПСС. Однако он взвешенно и круто переменял судьбу, поступив в очную аспирантуру Кубанского государственного университета, где подготовил под руководством профессора В. А. Михельсона кандидатскую диссертацию «Проблемы комического в эстетике и творчестве Пушкина», успешно защищенную в Пушкинском Доме в 1974 г. Преподавательская деятельность в Кубанском государственном университете шла по обычным ступеням: ассистент, старший преподаватель, доцент, с 1981 г. — заведующий кафедрой русской литературы.

Постоянный участник всесоюзных и международных конференций, активный автор пушкиноведческих трудов, к концу 1980-х гг. Л. А. Степанов готов был завершить докторскую диссертацию о «Маленьких трагедиях» Пушкина и с этой целью в 1988 г. был направлен в докторантуру Пушкинского Дома.

Но тут произошли непредвиденные обстоятельства. В это время готовилось академическое Полное собрание сочинений Грибоедова, и я предложил докторанту подготовить комментарий к «Молодым супругам», считая, что это не отвлечет пушкиниста от основной его работы. Надо было, однако, предвидеть, насколько серьезно он привык заниматься исследованием. Лев Александрович попросил разрешения откомментировать заодно «Притворную неверность», а также сцены из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста».

В начале 1989 г. я получил от него письмо, начинающееся характерным для него признанием:

«Высылаю выполненную работу. Басня о водолазе меня преследовала все это время — и благодаря ей я к назначенному сроку (середина ноября) все же поспел, хотя хотелось сделать пораньше. Но, вернувшись домой, я окунулся в столь плотные и темные слои подводного мира, что пришлось тяжело: а отсылать полуфабрикат не считал возможным. Ты увидишь, что на сегодня это самый полный и обстоятельный комментарий...»

И дело было отнюдь не в комментариях и подготовке текстов. Грибоедов напрочь увлек его, и в 2002 г. Л. А. Степанов защитил в Новгороде Великом докторскую диссертацию по новой для него теме, запечатленной в великолепной монографии «Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова» (Краснодар, 2001).

С. А. Фомичев

РАБОТЫ Л. А. СТЕПАНОВА О ПУШКИНЕ

Составила Л. А. Тимофеева

Возвышенное и комическое в образе Владимира Ленского // От Пушкина до Блока: Сб. ст. / Краснодар. гос. пед. ин-т. — Краснодар, 1968. — С. 44—56.

Пушкинский юмор и образ Татьяны Лариной // Романтики и реалисты: Ст. о рус. и зарубеж. лит. XIX и XX вв. — Краснодар, 1970. — С. 46—53. — (Науч. тр. / Краснодар. гос. пед. ин-т; Вып. 121).

Грань таланта // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1972. — № 6. — С. 114—117.

Автор и читатель в романе «Евгений Онегин» // Пушкинские чтения на Верхневолжье / Калинин. гос. ун-т. — Калинин, 1974. — Сб. 2. — С. 43—59.

Заветы Пушкина-пародиста // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1974. — № 1. — С. 100—105.

Проблемы комического в эстетике и творчестве Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Л., 1974. — 19 с.

- Пушкин и жанр шутильной поэмы // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. — Краснодар, 1974. — [Кн. 1]. — С. 48—60. — (Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; Вып. 183).
- Пушкин о комедии // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. — Краснодар, 1974. — С. 61—77. — (Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; Вып. 183).
- Пушкин и теория комического в русской эстетике первой трети XIX века // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. — Краснодар, 1977. — Кн. 2. — С. 19—41. — (Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; Вып. 230).
- Пушкин, Гораций, Ювенал // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1978. — Т. 8. — С. 70—89.
- Эпиграмма и басня в эстетическом кругозоре Пушкина // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. — Краснодар, 1979. — Кн. 3. — С. 16—33. — (Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; Вып. 273).
- Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество: Межвуз. сб. / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 1981. — [Кн. 4]. — С. 34—47.
- Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1982. — Т. 10. — С. 168—175.
- «Отличительная черта в наших нравах...»: К поэтике комического в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. [1985] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. — С. 115—128.
- Неизмеримый мир великого поэта / Без подп. // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1987. — № 1. — С. 3—4.
- Пушкин и А. Корнилович: (Из литературных источников «Капитанской дочки») // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия. — Л.: Наука, 1987. — Вып. 21. — С. 147—158.
- По страницам «Капитанской дочки» // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1987. — № 1. — С. 19—29.

- Структура комических «микросюжетов» в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. [1986] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1987. — С. 178—191.
- Об одном фрагменте текста романа «Евгений Онегин»: (Из комментариев к роману) // Болдинские чтения. [1987] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. — С. 174—183.
- И. В. Киреевский среди литераторов «пушкинского круга»: («Царь-цынская ночь») // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1989. — Т. 13. — С. 242—255.
- Опера Моцарта «Дон Жуан» и трагедия Пушкина «Каменный гость» // Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. — Калинин, 1989. — С. 60—73.
- Поэзия любви: О «Каменном госте» А. С. Пушкина. Ст. 1 // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1989. — № 7. — С. 87—96.
- Поэзия любви: О «Каменном госте» А. С. Пушкина. Ст. 2 // Кубань: Лит.-худож. альм. — Краснодар, 1990. — № 1. — С. 79—82.
- Пушкинский замысел пьесы о папессе Иоанне // Методология и методика историко-литературного исследования: Тез. докл. (3-я науч. конф. Рига, 1—3 ноября 1990 г.) / Латв. ун-т. — Рига, 1990. — С. 77—79.
- Драматический набросок Пушкина «Насилу выехать решились из Москвы...» в историко-литературном контексте // Русская драматургия и литературный процесс / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Самар. Гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. — СПб.; Самара, 1991. — С. 97—120.
- К истории создания «Капитанской дочки»: (Пушкин и книга «Ложный Петр III») // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1991. — Т. 14. — С. 220—234.
- Три послания к Великопольскому: (К характеристике творческого процесса) // Болдинские чтения. [1989]: К семидесятилетию

проф. Г. В. Краснова / Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино»; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. — С. 141–169.

«Каменный гость»: От комедии к трагедии // Пушкин: Проблемы поэтики: Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1992. — С. 98–109.

«Скупой рыцарь» А. С. Пушкина. Ст. 1-я: Трансформация традиций в творческом процессе // Филология—Philologica / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 1993. — № 1. — С. 29–36.

«Скупой рыцарь» А. С. Пушкина. Ст. 2-я: «Человек из подполья» в Подвале и в Башне // Филология—Philologica / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 1993. — № 2. — С. 30–40.

Русский подвижник в Праге А. Л. Бем и его мысли о Пушкине / В соавт. с Л. П. Гореловой // Филология—Philologica / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 1999. — № 15. — С. 62–66.

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина: Пушкин и Кубань // Календарь памятных дат и знаменательных событий Краснодарского края. — Краснодар: Администрация Краснодарского края, 1999.

К читателям // Квитко Л. М. Одно божественное чувство...: Беседы у книжной полки. — Краснодар: Сев. Кавказ, 1999. — С. 8–9.

«Пир во время чумы»: Формула текста и формула интертекста // «Он видит Новгород великой...»: Материалы VII Междунар. пушкинской конф. «Пушкин и мировая культура». Вел. Новгород, 31 марта — 4 июня 2004 г. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — СПб., 2004. — С. 307–325.

Пушкинский поэтический код в повести А. Рекемчука «Пир в Одессе после холеры» // Литература в диалоге культур-2: Материалы Междунар. науч. конф. / Ростов. гос. ун-т. — Ростов н/Д., 2004. — С. 17–22.

Мотив судьбы в поэмах А. С. Пушкина: (Концептуальный эскиз) // Пушкин и мировая культура: Материалы 8-й Междунар. конф. Арзамас; Б. Болдино, 27 мая — 1 июня 2007 г. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Арзамас. гос. пед. ин-т

им. А. П. Гайдара; Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино». — Арзамас, 2008. — С. 79—88.

«<Комедия об игроке>»: Комментарий // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — СПб.: Наука, 2011. — Т. 7: Драматические произведения. — С. 968—976.

«Насилу выехать решились из Москвы...»: Комментарий // Там же. — С. 979—983.

«<Папесса Иоанна>»: Комментарий // Там же. — С. 1022—1031.

ПАМЯТИ ВАДИМА ПЕТРОВИЧА СТАРКА

6 марта 2014 г., незадолго до своего 70-летия, ушел из жизни известный филолог, исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина, доктор филологических наук Вадим Петрович Старк.

Список печатных работ В. П. Старка включает в себя свыше двухсот наименований. Это его собственные авторские книги, книги подготовленных им историко-литературных, преимущественно источниковедческих, материалов из области пушкиноведения, биографические, генеалогические, краеведческие очерки и статьи, исследования по истории русского портретного искусства, также тем или иным образом пересекающиеся с биографикой русской литературы, просветительские и журнальные эссе.

При всем том назвать научную биографию В. П. Старка благополучной несколько затруднительно. Над изучением Пушкина он начал трудиться еще в 1970-е гг., будучи студентом Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Однако довольно долго, до 1988 г., ему не удавалось попасть на вузовскую или академическую стезю и привести свои творческие занятия в соответствие со служебным статусом. В ранние годы своей научной биографии он работал на скромной должности экскурсовода по Петербургу (Ленинграду) и его пушкинским местам, хотя именно это поприще дало В. П. Старку исключительное знание города, а равно и петербургских сторон биографии и творчества Пушкина. Это особое знание сыграло свою роль в позднейших пушкиноведческих работах исследователя, в частности в серии его статей и заметок о петербургских адресах Пушкина и его семейного окружения, позволило внести ряд значимых уточнений в топографию пушкинских произведений.

В 1988 г. В. П. Старк становится научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук.

К этому времени он был автором ряда содержательных исследовательских статей, посвященных пушкиноведческой проблематике и, среди прочего, творческим историям и историко-литературным контекстам отдельно взятых стихотворений Пушкина («Отцы пустынники и жены непорочны...», «Завидую тебе, питомец моря смелый...», «Полководец» и др.). В этот же период складывается еще одно, и достаточно необычное, направление научных занятий В. П. Старка: он начинает заниматься портретной атрибутикой, проблемами «идентификации персонажа и модели», как они были сформулированы в его искусствоведческой кандидатской диссертации, защищенной, опять-таки с некоторым биографическим опозданием, в 1996 г., когда ее автору было уже за пятьдесят. В этом опоздании оказывались, впрочем, заключены и свои преимущества: предварявшая защиту диссертации книга «Портреты и лица» (1995) была отмечена неоспоримыми признаками творческой зрелости и высокой научной квалификации. Автору этой книги удалось установить имена нескольких десятков лиц, которые играли значительную роль в русском обществе XVIII — первой половины XIX в. и облик которых оставался неведомым, поскольку их живописные изображения «запечатывались» этикетками с надписью «портрет неизвестного». Портретные атрибуции В. П. Старка охватывали широкий круг персонажей, однако эта линия его научных интересов ни в малейшей мере не уводила его от пушкинистики. Пушкинская эпоха, люди пушкинской эпохи и пушкинского окружения стояли, безусловно, в центре искусствоведческих разысканий ученого.

В 2000 г. В. П. Старк защитил докторскую диссертацию, которая называлась «А. С. Пушкин и творчество В. В. Набокова». В этом заглавии соединились две главные темы, которые так или иначе притягивали к себе его внимание на протяжении всей жизни, обозначились две ключевые фигуры, осенявшие его творческие замыслы и свершения.

О Набокове как герое исследовательского мира В. П. Старка следует говорить особо и в особом экскурсе. Сейчас невозможно не упомянуть хотя бы о том, что он был энтузиастом мемориального движения, благодаря которому имя писателя после эпохи замалчиваний возвращалось в отечественную культуру, инициатором и первым директором Дома-музея Набокова в Петербурге. Немалые труды были приложены В. П. Старком к подготовке репринтного издания раннего набоковского сборника «Стихи» (1997), к выпуску периодического «Набоковского вестника». Самым же значительным и крупным из набоковских проектов В. П. Старка явился изданный под его редакцией, с его вступительной статьей

и примечаниями «Комментарий к роману А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» (1998) — легендарная книга, на протяжении трех с половиной десятилетий недоступная русскому читателю и ставшая наконец, благодаря усилиям ученого, реальностью нашей культуры. Нельзя упустить из виду, что это происходило еще и параллельно с многочисленными публикациями В. П. Старка, посвященными частным вопросам набоковского исследования, комментариям к Комментарию. С точки зрения научной биографии пушкиниста здесь было чрезвычайно существенным то обстоятельство, что отход от главного предмета творческих помышлений и трудов — Пушкина — к изучению другого писателя, в данном случае Набокова, оборачивался новым углублением в пушкинское наследие и неизбежным возвращением к первоисточку творческих исканий и «началу всех начал».

Эта уже не только характерная черта, но и закономерность, обнаружившая себя в подходах ученого к изучению русских писателей разных веков, закономерность, в соответствии с которой каждый из них создавал своего рода призму для преломления взглядов на Пушкина, с очевидностью сказала и в небольшой, но потребовавшей весьма специальных познаний книге В. П. Старка «А. С. Пушкин. Родословные перекрестки с русскими писателями от А. Кантемира до В. В. Набокова» (2000). В этой работе нашло отражение тяготение автора к такой слабоосвещенной области истории, как родословие. В. П. Старк был одним из немногих филологов, кто уверенно чувствовал себя в генеалогических лабиринтах, примыкающих к истории литературы. Необходимо отметить и еще одно из его генеалогических исследований (в соавторстве с В. Б. Свечниковым) — также тесно связанную с пушкинской биографией позднюю работу «Данзасы», выпущенную отдельным изданием в 2011 г. Прибавим, что и на себя и свое место в жизни он склонен был порой смотреть под углом зрения «родословных перекрестков», тем более что его «прозвание», как известно, «в родных преданьях прозвучало».

Достаточно известно, что судьба филолога скрывает в себе одну особенность, которая не всегда очевидна со стороны. Эта особенность состоит в том, что плоды профессиональной работы в этой сфере многие специалисты пожинают не через десять лет после прохождения «курса наук», и даже не через двадцать, а гораздо позднее, в последний период жизни. Те книги В. П. Старка, о которых мы уже упомянули, выходили в свет по преимуществу в поздние его годы. В последнее же десятилетие своего служения пушкиноведению он издал наиболее фундаментальные и наиболее ценные свои труды — и как автор, и как составитель, и как редактор.

Чутье и знание исторического первоисточника позволили исследователю выпустить в свет как новые и небывалые по своей полноте собрания и антологии пушкинского документария, так и целые комплексы неизвестных ранее материалов к биографии Пушкина. К числу этих последних принадлежит публикация писем Дантеса, впервые осуществленная В. П. Старком на русском языке совместно с итальянским филологом-русистом Сереной Витале. Письма эти с обстоятельным историко-биографическим сопровождением составили книгу «Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина» (2000).

В. П. Старк стоял у истоков двухтомного свода документальных материалов пушкинской биографии (каждый том — тысяча страниц) и руководил подготовкой первого тома этого большого труда (Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии. СПб., 2007. [Т. 1]: 1799—1829).

В 2000-е гг., будучи уже признанной фигурой пушкиноведения, исследователь обратился к новой, не вызывавшей у пушкинистов «монографического» интереса, отчасти «сопутствующей», как казалось, теме — биографии и генеалогии Натальи Николаевны Гончаровой. Результаты этой работы оказались, однако, чрезвычайно плодотворными по своему содержанию (были установлены десятки неизвестных ранее фактов, связанных с семейной историей и родством Пушкина) и более чем внушительными по объему. Два больших тома под общим заглавием «Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина», получившие характерную для трудов В. П. Старка форму сочетания собрания документов с повествованием, увенчали в 2006 г. его познавательные опыты в этой области. Не забудем и о составленных с необыкновенным тщанием генеалогических приложениях к каждому из упомянутых томов. Первый том издания завершают «Поколенные росписи Гончаровых, Загряжских и родства А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой по линии Пушкиных». В конце второго тома читатель находит «Поколенную роспись породнения Пушкиных с династией Романовых и роспись рода Дантесов».

На основе собранных материалов — документов, мемуаров, дневников, переписки современников, родословных таблиц — выросла и книга В. П. Старка «Наталья Гончарова», вышедшая двумя изданиями, в 2009 и 2010 гг., в рамках просветительской книжной серии «Жизнь замечательных людей». Рецензенты и читатели единодушно отмечали в этой книге широту и новизну явленного автором историко-биографического кругозора, а равно и особую объективность созданного здесь образа главной героини. Справедли-

вость требует отметить и то, что в этой книге проявились не только качества замечательного исследователя, биографа, пушкиниста, но и достоинства талантливого литератора, филолога «с пером».

Творческая биография В. П. Старка завершилась за несколько месяцев до его безвременной кончины, как нам кажется, символически — изданием классического памятника пушкинской поэзии, сопровождавшимся целостной серией новооткрытых и впервые публикуемых иллюстраций выдающейся художественной ценности, серией историко-искусствоведческих статей и таким литературоведческим трудом, который выдвигал его автора на особое место в современной науке о Пушкине. Мы имеем в виду предпринятое в 2013 г. петербургским издательством «Вита Нова» издание пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» с 94 силуэтными иллюстрациями Василия Гельмерсена (до последнего времени в печати из этих силуэтов был известен один), пояснительными статьями и фундаментальным комментарием В. П. Старка. Если «ампирные» силуэты В. В. Гельмерсена ставили их создателя в один ряд с такими художниками, как К. А. Сомов и М. В. Добужинский, то комментарий В. П. Старка, представлявший собой самостоятельную книгу и по объему, и по композиционным формам, и по своим содержательным качествам, под номером пятым вставал в тот ряд комментариев к «Евгению Онегину», который ранее был создан трудами четырех очень разных, но заслуживших исключительные научные репутации пушкинистов: Н. Л. Бродского, В. В. Набокова, Ю. М. Лотмана и А. В. Тархова.

Коль скоро комментарий В. П. Старка «стоит на плечах» предшественников, автор довольно часто на них ссылается, не столько, впрочем, для того, чтобы заимствовать объективные, как казалось, не имеющие альтернативы сведения, сколько для демонстрации появлявшихся в его представлениях различий и оттенков.

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар...

В. В. Набоков утверждал, что боливар — «это была шелковая шляпа, колоколообразная, с широкими, загнутыми кверху полями»,¹ а бульвар «состоял из нескольких рядов анемичных лип и тянулся по середине Невского проспекта».² Ю. М. Лотман трактовал

¹ Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. Н. М. Жутовской / Науч. ред. и автор вступ. статьи В. П. Старк. СПб., 1998. С. 127.

² Там же.

боливар несколько иначе, имея в виду его описание в контексте политических противостояний первых десятилетий XIX в., данное в романе В. Гюго «Отверженные»: «Шляпы с узкими полями составляли принадлежность роялистов и назывались “морильо”, либералы облюбовали шляпы с широкими полями, носившие название “боливаров”». ³ Бульвар же в понимании этого комментатора совпал с набоковской точкой зрения: «Невский проспект в Петербурге до весны 1820 г. был засажен посередине аллеей лип и в бытовой речи именовался бульваром». ⁴

В. П. Старк описывает *боливар* по следам Набокова, добавляя, однако, что «неизменным цветом» этой шляпы был «черный». ⁵ Что же касается места прогулок Онегина, то им оказывается в новом комментарии отнюдь «не бульвар в начале Невского проспекта <...> а бульвар, с трех сторон огибавший Адмиралтейство» (ныне только с двух)...». ⁶

Частностей подобного рода в комментарии В. П. Старка немало. Но есть и кардинально пересмотренные решения довольно крупных и давних проблем. Таков здесь, к примеру, пересмотр «внутренней хронологии романа», вносящий значительные изменения в картину онегинского хронотопа. Комментатор относит рождение Онегина к 1799 г., делая его, таким образом, сверстником автора, рождение Ленского — к 1806 г., рождение Татьяны — к 1807 г. Ряд центральных сюжетных событий романа (святочные праздники и гадания в доме Лариных, сон и именины Татьяны, дуэль Онегина и Ленского, летние посещения Татьяной дома Онегина) исследователь связывает с 1825 г. Конец же романа, согласно его расчетам, подробно аргументированным, нужно датировать мартом 1829 г. Действие романа, по В. П. Старку, оказывается тесно соотнесено с хронологией его создания и в конечном счете с биографией Пушкина.

Обозревая пушкиноведческие труды ученого, мы не упомянули еще об одном его даровании — редакторском. В качестве редактора он подготовил и выпустил в свет «полку книг» (говоря языком Татьяны Лариной), в том числе три выпуска «Временника Пушкинской комиссии». Нельзя, наконец, обойти вниманием и тот факт,

³ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя: Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 562.

⁴ Там же.

⁵ Старк В. П. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. СПб., 2013. С. 362.

⁶ Там же.

что с 2008 г. под редакцией В. П. Старка издавался ежеквартальный искусствоведческий журнал «Художественный вестник».

Вклад В. П. Старка в филологическую науку, и прежде всего в науку о Пушкине, очень значителен, и, судя по всему, более значителен, чем это казалось при его жизни.

Ю. М. Прозоров

ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ В. П. СТАРКА

Составила Л. А. Тимофеева

МОНОГРАФИИ

Портреты и лица: XVIII — середина XIX века: [Атрибуция портретов, в частн., современников и предков Пушкина]. — СПб.: Искусство—СПб., 1995. — 271 с.; 36 л. ил.

А. С. Пушкин и творчество В. В. Набокова: Дис. в форме науч. докл. на соиск. учен. ст. д-ра филол. наук: (10.01.01) / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). — СПб., 2000. — 41 с. — Библиогр.: с. 38—41.

А. С. Пушкин: Родословные перекрестки с русскими писателями от А. Кантемира до В. Набокова / Всерос. музей А. С. Пушкина. — СПб.: БЛИЦ, 2000. — 127 с.: табл., ил. — Указ. имен: с. 116—126.

Черная речка. До и после: К истории дуэли Пушкина: Письма Дантеса / С. Витале, В. П. Старк. — СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 2000. — 255 с.: ил.; 8 л. ил.

Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина: [В 2 т.]. — СПб.: Вита Нова, 2006.

Т. 1: 447 с.: ил.; 32 л. ил. — В Прилож.: Поколен. росписи Гончаровых, Загряжских и родства А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой по линии Пушкиных.

Т. 2: 495 с.: ил.; 32 л. ил. — В Прилож.: Поколен. роспись породнения Пушкиных с династией Романовых и роспись рода Дантесов. Указ. имен: с. 437—493.

Наталья Гончарова. — М.: Мол. гвардия, 2009. — 535 с.; 16 л. ил. — (Жизнь замеч. людей; Вып. 1386 (1186)).

То же, 2-е изд. М., 2010. Вып. 1420 (1220).

То же, 3-е изд. М., 2015. Вып. 1724 (1524).

Данзасы: Посв. 200-летию Царскосельского лицея / В. Б. Свечников, В. П. Старк. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 79 с.; 6 л. ил.

СОСТАВЛЕНИЕ И РЕДАКТИРОВАНИЕ

Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой: 1828—1835 / Пер., подгот. текста, предисл. и коммент. Л. Л. Слонимской; Ред. Е. Щербатова; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Пушкинский фонд, 1993. — 293 с.: ил. — (Мир Пушкина. Фамильные бумаги Пушкиных—Ганнибалов; Т. 1).

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. / Науч. ред. и авт. вступ. ст. В. П. Старк; Ред. пер. Н. М. Жутовская; Ред. Прил. II В. Д. Рак; Пер. с англ.: Е. М. Видре, Г. М. Дашевского, Н. М. Жутовской, М. М. Ланиной, Н. Д. Муриной, Д. Р. Сухих; Пер. с фр. Н. Л. Дмитриевой, В. О. Пантина; Пер. с нем. Н. К. Телетовой; Пер. с итал. С. В. Сливинской; Авт. примеч. В. П. Старк, Н. К. Телетова, В. Д. Рак; Библиогр. подгот. Г. Е. Потаповой. — СПб.: Искусство—СПб.; Набоковский фонд, 1998. — 925 с.: портр. — Вспом. указ.: с. 898—925. — С. 819—897: Факс. изд.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. СПб., 1837.

А. С. Пушкин и В. В. Набоков: Сб. докл. междунар. конф. 15—18 апр. 1999 г. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Набоковский фонд; Отв. ред. и сост. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1999. — 383 с. — Указ. имен: с. 373—379.

Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Сост. и науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Искусство—СПб.; Набоковский фонд, 2000. — 239 с.: ил. — (Петербургские сезоны).

Повесть о явлении чудотворных икон Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова, на Синичей горе, иже ныне зовома Святая гора: Святогорская повесть / Публ. и ст. Н. К. Телетовой; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 2000. — 40 с.: ил.

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия. — Вып. 28 / Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2002. — 368 с.: ил.; 8 л. ил. — Вспом. указ.: с. 331—366.

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия. Вып. 29 / Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2004. — 296 с.; 4 л. ил. — Вспом. указ.: с. 361—394.

Кошценко И. В. Эпиграфы в творчестве Пушкина: Спр. табл. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 2004. — 32 с. Библиогр.: с. 25—31.

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия. — Вып. 30: К столетию Пушкинского Дома / Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2005. — 375 с.; 4 л. ил. — Вспом. указ.: с. 347—372.

Антонов Г. Н. Пушкин и флот / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 2006. — 271 с.: ил. — Указ. имен: с. 258—262.

Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Алетей, 2007. — 287 с.; 16 л. ил. — Имен. указ.: с. 274—286.

Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. — [Т. 1]: 1799—1829 / Изд. подгот. в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Рук. проекта В. П. Старк; Вступ. ст., сост. В. П. Старка; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, В. П. Старка, Л. А. Тимофеевой; Примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старка. — СПб.: Искусство—СПб., 2007. — 942 с. — Указ. имен: с. 921—938.

Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. — [Т. 2]: 1830—1837 / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Отв. ред. С. В. Березкина; Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, А. С. Лобановой, В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. — 1027 с.; 8 л. ил. — Вспом. указ.: с. 985—1025.

Антонов Г. Н. Морские рисунки в графике Пушкина / Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Сад искусств, 2010. — 118 с.: ил. — Имен. указ.: с. 117—118.

Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах: 94 силуэта В. Гельмерсена / Коммент. В. Старка. — СПб.: Вита Нова, 2013. — 684 с.: ил. — (Фамильная б-ка. Парад. зал). — Указ. имен: с. 650—683.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите “Невский Альманах”»)» // Временник Пушкинской комиссии. 1978 / АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Ред. М. П. Алексеев. — Л.: Наука, 1981. — С. 116—125.

Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Ред. Я. Л. Левкович. — Л.: Наука, 1982. — Т. 10. — С. 193—203.

Стихотворение Пушкина «Завидую тебе, питомец моря смелый...» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия. — Л.: Наука, 1986. — Вып. 20. — С. 5—23.

Под взглядом Пушкина и Соколова: [Атрибуция портретов Н. М. Сипягина и П. В. Сабанеева] // Художник. — 1987. — № 9. — С. 44—48: ил.

К истории создания стихотворения «Полководец» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия. — Л.: Наука, 1988. — Вып. 22. — С. 149—158.

Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин: Исслед. и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. Я. Л. Левкович. — Л.: Наука, 1991. — Т. 14. — С. 51—64.

Две сестры: [Портреты Надежды Львовны и Натальи Львовны Соллогуб работы П. Ф. Соколова] // Художник. — 1990. — № 6. — С. 60—62: портр.

Петербург в письмах родных А. С. Пушкина // Петербургские чтения: (К юбилею города): Тез. докл. конф., май 1992 г. / Междунар. благотвор. фонд спасения С.-Петербурга; СПб. ассоц. исследователей города; СПб. гос. ин-т архитектуры; СПб. орг. Союза архитекторов России. — СПб., 1992. — С. 97—100.

Новое о Пушкине по дневнику Ф. М. Лодыгина // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Отд. лит. и яз. Пушкинская комиссия. — СПб.: Наука, 1993. — Вып. 25. — С. 10—23.

[Вступительная статья к публ.]: *Набоков В. В.* Пушкин и Ганнибал: Версия комментатора / Публ. В. П. Старка; Пер. с англ. Г. М. Дашевского; Примеч. Н. К. Телетовой // Легенды и мифы о Пушкине / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Под ред. М. Н. Виролайнен. — СПб.: Академ. проект, 1994. — С. 5—9. (Текст ст. В. В. Набокова: с. 10—52).

То же, 2-е изд., испр. СПб., 1995. С. 5—9.

То же, 3-е изд., стереотип. СПб., 1999. С. 5—9. (Пушкинская б-ка).

Пушкин и семейные предания его рода // Легенды и мифы о Пушкине / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Под ред. М. Н. Виролайнен. — СПб.: Академ. проект, 1994. — С. 65—83.

То же, 2-е изд., испр. СПб., 1995. С. 66—85.

То же, 3-е изд., стереотип. СПб., 1999. С. 66—85. (Пушкинская б-ка).

Наследник всех своих родных: [Предки Пушкина] // Вышгород. Таллинн. — 1995. — № 1—2. — С. 64—81.

Новые пушкинские адреса в Петербурге // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Отд. лит. и яз. Пушкинская комиссия. — СПб.: Наука, 1995. — Вып. 26. — С. 168—185.

Письма Жоржа Дантеса барону Геккерену 1835—1836 годов: [Предисл. к публ. С. Витале и подгот. писем к печати] // Звезда. — 1995. — № 9. — С. 167—171.

«Дворяне все родня друг другу...» // Рос. провинция. — 1995. — № 4. — С. 116—123.

[Вступительная заметка к публ.]: *Набоков В. В.* Комментарий к XXXIII строфе первой главы [«Евгения Онегина»] // Звезда. — 1996. — № 11. — С. 74—76.

Лицей в комментариях В. В. Набокова к «Евгению Онегину» // «Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы»: Тез. докл. науч. конф. 15—16 окт. 1996 г. / Всероссийский музей А. С. Пушкина; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.; Царское Село, 1996. — С. 41—43.

«Оленинский цикл» Пушкина в набоковских отражениях // Пушкин и русская культура: Докл. на междунар. конф. в Новгороде (26–29 мая 1996) / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — СПб.; Новгород, 1996. — С. 50–52.

Петербургские адреса родителей Пушкина // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопед. 6-ки «Санкт-Петербург-2003» / Ассоциация исследователей СПб. — СПб.: Блиц, 1996. — С. 353–357, адресный указ.: с. 357.

Державин в комментариях В. В. Набокова к «Евгению Онегину» // Державинские чтения: Сб. науч. докл. / Всерос. музей А. С. Пушкина. Музей Г. Р. Державина и рус. словесности его времени; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1997. — Вып. 1. — С. 134–151.

Искаженное зеркало бытия: «Bend Sinister» и «Домик в Коломне» // Вестник РАН. — 1997. — Т. 67. — № 2. — С. 157–162; ил.

Письма Жоржа Дантеса к Екатерине Гончаровой 1836–1837 гг.: Вступ. ст. к публ. С. Витале // Звезда. — 1997. — № 8. — С. 106–109.

Пушкин в творчестве В. В. Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: В 2 т. / Отв. ред. Д. К. Бурлака; Сост. Б. В. Аверин, М. Э. Маликова, А. А. Долинин. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1997. — Т. 1. — С. 772–782. — (Рус. путь).

То же, 2-е изд., стереотип. СПб., 1999. С. 772–782.

Хронология и топография «Повестей Белкина» // Четвертая Международная Пушкинская конференция [авг. 1997. СПб. — Н. Новгород: Материалы. — СПб., 1997]. — С. 228–234.

Данзасы // Набоковский вестник / СПб. музей В. В. Набокова; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1998. — Вып. 2: Набоков в родственном окружении. — С. 48–59 (С. 56–59: Предисловие Данзасов / В. П. Старк, Н. К. Телетова).

Владимир Набоков — комментатор «Евгения Онегина» // Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. / Науч. ред. и авт. вступ. ст. В. П. Старк;

Ред. пер. Н. М. Жутовская; Ред. Прил. II В. Д. Рак; Пер. с англ.: Е. М. Видре, Г. М. Дашевского, Н. М. Жутовской, М. М. Ланиной, Н. Д. Муриной, Д. Р. Сухих; Пер. с фр. Н. А. Дмитриевой, В. О. Пантина; Пер. с нем. Н. К. Телетовой; Пер. с итал. С. В. Сливинской; Авт. примеч. В. П. Старк, Н. К. Телетова, В. Д. Рак; Библиогр. подгот. Г. Е. Потаповой. — СПб.: Искусство—СПб.; Набоковский фонд, 1998. — С. 7—25.

Проблемы собственной генеалогии в творчестве русских писателей от Пушкина до Набокова // Изв. рус. генеалог. об-ва. — 1998. — Вып. 9. — С. 97—98.

А. С. Пушкин и Мусины-Пушкины // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А. И. Мусина-Пушкина: [Сб. докл. Междунар. науч. конф. «А. И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения наследия рода», 25—27 июля 1994 г., Рыбинск]. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. — С. 215—230: схема.

Пушкинский фон рассказа Набокова «Посещение музея» // Набоковский вестник / Санкт-Петерб. музей В. В. Набокова. — СПб.: Дорн, 1998. — Вып. 1: Петербургские чтения / Науч. ред. В. П. Старк. — С. 66—71.

Время расчислено по календарю: Хронология и топография «Повестей Белкина» // Вышгород. — 1999. — № 1—2. — С. 109—120.

Дни рождения в жизни Пушкина // Звезда. — 1999. — № 6. — С. 126—134.

Записка Пушкина к барону Геккерну: [Атрибуция и датировка письма Пушкина к неизвестному, 1835—1836] // Пушкинский музей: Альм. / Всерос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 1999. — Вып. 1. — С. 212—217.

Иконография потомков Абрама Ганнибала // Alexandre S. Pouchkine et le monde noir: Моя Африка. Mon Afrique. My Africa / Sous la direction de D. Gnamankou. — Paris, 1999. — P. 129—145; 20 л. ил. — (Num. spécial de «Présence Africaine»). — То же, на фр. яз.: P. 113—128 / Пер. В. Гнамманку.

Истоки сновидения: Пушкин и Набоков: Генеалогические перекрестки // Вышгород. — 1999. — № 3. — С. 23—36.

- Набоков и Пушкин: Генеалогические перекрестки в литературном отражении // *Cahiers de l'émigration russe*. — Paris: Institut d'études slaves, 1999. — № 5: Vladimir Nabokov-Sirine: Les années européennes / Centre d'études slaves. — P. 177–189.
- По следам реального романа: «Оленинский» цикл в набоковских отражениях // *Вышгород*. — 1999. — № 1–2. — С. 199–204.
- Портрет Ганнибала из дома Набоковых // *Набоковский вестник* / Санкт-Петерб. музей В. В. Набокова; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1999. — Вып. 3: Родовые гнезда: К 100-летию со дня рождения В. В. Набокова. — С. 107–114.
- Пушкинские мотивы в набоковских контекстах // А. С. Пушкин и В. В. Набоков: Сб. докл. Междунар. конф. 15–18 апр. 1999 / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Набоковский фонд; Отв. ред. и сост. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1999. — С. 109–116.
- Пушкинские отражения в сборнике В. Сирина (В. В. Набокова) «Горный путь» // *Пушкинский музей: Альм.* / Всерос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 1999. — Вып. 1. — С. 251–257.
- Реалии родовых гнезд в текстах Набокова // *Набоковский вестник* / Санкт-Петерб. музей В. В. Набокова; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 1999. — Вып. 3: Родовые гнезда: К 100-летию со дня рождения В. В. Набокова. — С. 25–36.
- Тезоименитство А. С. Пушкина: [2 июня, Св. Александр Константинопольский] // *Пушкин и его современники: Сб. науч. тр.* / РАН. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия. — СПб.: Академ. проект, 1999. — Вып. 1 (40) / Ред. Д. М. Климова. — С. 234–249.
- Данзасы // *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России* / Сост. и науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Искусство—СПб.; Набоковский фонд, 2000. — С. 85–94. — (Петербургские сезоны).
- О родственных фамилиях в окружении А. С. Пушкина / Н. К. Телетова, В. П. Старк // *Пушкинский музей: Альм.* / Всерос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 2000. — Вып. 2. — С. 169–177; ил. между с. 288–289.

- Портрет А. В. Энгельгардта с сыном Егором [в Пензенской картинной галерее] // Пушкинский музей: Альм. / Всерос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 2000. — Вып. 2. — С. 144—153; ил. между с. 288—289.
- Рецензия А. С. Пушкина на «Словарь о святых» // Рус. лит. — 2000. — № 4. — С. 104—111.
- Львов и Пушкин: Несколько сближений // Гений вкуса: Материалы науч. конф., посв. Н. А. Львову / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 2001. — [Вып. 1]. — С. 331—339.
- По набоковским местам Псковской земли [связанным с Пушкиным] // Набоковский вестник / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Набоковский фонд; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 2001. — Вып. 6: В. В. Набоков и Серебряный век. — С. 252—254.
- Пушкин, Гумилев, Набоков: «Прежние» песни // Набоковский вестник / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Набоковский фонд; Науч. ред. В. П. Старк. — СПб.: Дорн, 2001. — Вып. 6: В. В. Набоков и Серебряный век. — С. 43—55.
- Пушкин в представлении Пушкина // Михайловская пушкиниана: Сб. науч. ст. по материалам конф. «У каждого времени свой Пушкин» [21—22 авг. 2000, Пушкинские Горы] / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». — М.: Вербум-М, 2001. — Вып. 14. — С. 111—123.
- Стихотворение А. С. Пушкина «Волненьем жизни утомленный...» // Приютинский сборник: Исследования и материалы / Лит.-худож. музей-усадьба «Приютино»; Науч. ред. и сост. Л. Г. Агамалян. — СПб., 2001. — [Вып.] 2. — С. 56—65.
- Автореминисценции [из «Кавказского пленника»] в «оленинском» цикле Пушкина // Приютинский сборник: Исследования и материалы / Лит.-худож. музей-усадьба «Приютино»; Науч. ред. и сост. Л. Г. Агамалян. — СПб., 2002. — [Вып.] 3. — С. 101—114.
- «Верующее письмо» Пушкина к И. Е. Великопольскому: [«<Из письма к Великопольскому>»] // Пушкинский музей: Альм. / Всерос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 2002. — Вып. 3. — С. 191—196.

«Александр Пушкин живет у Калинкина моста в доме графа Апраксина»: [1816, 1817] // Пушкинский музей: Альм. / Всероссий. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Дорн, 2002. — Вып. 3. — С. 89—97: ил., фото между с. 96—97.

К истории дуэли А. С. Пушкина по дневнику гр. В. Н. и Н. П. Паниных: [1836] / Пер. фр. текстов М. И. Писаревой // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2002. — Вып. 28. — С. 18—41, факс.

Обращение Пушкина к «Летописцу рускому» Н. А. Львова // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства: Сб. ст. / РАН. СПбНЦ; ИРЛИ (Пушкинский Дом). — СПб., 2002. — С. 38—51.

Почему «рыцарь бедный» путешествует в Женеву? // Звезда. — 2002. — № 6. — С. 159—163.

Поэма Пушкина «Граф Нулин» и шекспировская «Лукреция» // Символизм и русская литература XIX века (памяти А. С. Пушкина и А. Блока): 06.02 — 10.02.2001; Пушкин и Шекспир: 24.09 — 30.09.2001: Материалы [конф. в Пушкинских Горах] / Отв. ред. В. М. Маркович. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. — С. 245—261. — (Междунар. науч. конф.).

А. С. Пушкин в работе над историей Украины // Рус. лит. — 2002. — № 4. — С. 129—137.

Генерал Р. в «Капитанской дочке» и его прототип: [И. А. Рейнсдорп] // Pro memoria: Памяти акад. Георгия Михайловича Фридлендера (1915—1995) / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. А. В. Архипова, Н. Ф. Буданова. — СПб.: Наука, 2003. — С. 69—81.

Корсаковы в творчестве Пушкина — реальность и вымысел // Рус. лит. — 2003. — № 1. — С. 97—110.

Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы: Сб. науч. тр. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. Р. В. Иезуитова. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 16—17. — С. 188—197.

Памятная открытка в честь открытия в Санкт-Петербурге 3 июля 2003 г. мемориальной доски [с текстом: «В этом доме жил

Александр Сергеевич Пушкин с 1816-го по 1818-й год»] на доме по адресу: канал Грибоедова, 174 / Авт. идеи и текста В. П. Старк. — СПб., 2003.

Россини в творческом сознании Пушкина // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред.-сост. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2003. — С. 82—103: факс.

Мартин Лютер в творческом сознании Пушкина // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2004. — Вып. 29. — С. 53—68: факс.

Об открытии мемориальной доски на доме графа И. А. Апраксина в Петербурге, где жил Пушкин с 1816 по 1818 г. // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2004. — Вып. 29. — С. 359—360.

Ответ С. А. Фомичеву [на ст. «О возобновленном “Временнике Пушкинской комиссии”», опубли. на с. 240—241] // Рус. лит. — 2004. — № 1. — С. 242—243.

Псковский текст у Пушкина: (Исторический аспект) // Беллетристическая пушкиниана XIX—XXI веков: Современная наука — вузу и школе / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; Отв. ред. Н. Л. Вершинина. — Псков, 2004. — С. 60—75.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина в творческих отражениях Пушкина // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд.-ние. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. П. Старк. — СПб.: Наука, 2005. — Вып. 30. — С. 225—248.

По следам «Станционного смотрителя» // Михайловская пушкиниана: Сб. ст. науч. сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». — Пушкинские Горы; М., 2005. — Вып. 36. — С. 223—236.

В. Я. Римский-Корсаков — прототип героя романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» // Память о великом земляке / СПб. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова; Гос. Дом-музей Н. А. Римского-Корсакова. — Тихвин, 2005. — Вып. 2: «Римский-Корсаков и Пушкин»: Материалы науч.-практ. конф. Октябрь 1999. — С. 165—171.

Библиотека А. С. Пушкина и ее читатель // Позиционирование библиотек им. А. С. Пушкина в современном социокультурном пространстве: Межрегион. круглый стол библиотек им. А. С. Пушкина: Выступления участников 16–18 июня 2006 г. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина. — Н. Новгород, 2006. — С. 4–12.

Мотивы поэтического побега и гонения в творчестве Пушкина // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское; Псков, 2006. — Вып. 42: Материалы IX Февр. чтений памяти С. С. Гейченко «Лит. топография ист. мест» (февр. 2006) и Михайловских Пушкинских чтений «1826 год» (авг. 2006). — С. 124–132.

Гербы в рисунках А. С. Пушкина // Худож. вестник. СПб. — 2007. — № 2. — С. 31–34: ил.

Дорогами Пушкина — станция Выра // Оредеж: Лит.-краевед. альм. — СПб.; Гатчина: Инкери, 2007. — Вып. 4. — С. 11–17.

Пушкин и род Плещеевых // Пушкинский музей: Альм. / Всероссий. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Р. В. Иезуитова; Отв. ред. С. М. Некрасов. — СПб.: Пб. Пушкинское об-во, 2007. — Вып. 4–5. — С. 167–176.

Пушкинский Париж // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»; Предисл. Е. Ступиной. — Михайловское; Псков, 2007. — Вып. 45: Материалы X Февр. научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко «Странности юбилеев в России» (февр. 2007), V «Онегинских чтений в Тригорском» памяти А. П. Чудакова (июль 2007) и Михайловских Пушкинских чтений, посв. 183-й годовщине северной ссылки А. С. Пушкина и 180-летию романа «Арап Петра Великого» (авг. 2007). — С. 324–333.

Арина Родионовна и петербургская земля // Михайловская пушкиниана / Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское; Псков, 2008. — Вып. 47: Материалы XI Февр. научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рожд.) «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы» и Михайловских Пушкинских чтений к 184-й годовщине приезда А. С. Пушкина в северную ссылку и 250-летию со дня рожд. Арины Родио-

новны Яковлевой «Наперсница волшебной старины». — С. 69–76.

Иллюстрации Н. С. Гончаровой к «Сказке о царе Салтане» // Худож. вестник. — 2008. — № 2. — С. 45–53: ил.

«Вот и товарищ тебе, дискобол!»: [«На статую играющего в бабки» и «На статую играющего в свайку»] // Худож. вестник. — 2009. — № 3. — С. 56–62: ил.

[Выступление] // Михайловская пушкиниана / Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник); Ин-т динамического консерватизма. — Михайловское; Псков, 2009. — Вып. 49: Материалы конф. «А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции» [М., май 2009]. — С. 51–53.

Дворянство в контексте социально-политических идей А. С. Пушкина // Михайловская пушкиниана / Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник); Ин-т динамического консерватизма. — Михайловское; Псков, 2009. — Вып. 49: Материалы конф. «А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции» [М., май 2009]. — С. 116–129.

О некоторых акцентах поэмы Пушкина «Полтава» // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское; Псков, 2010. — Вып. 50: Материалы XII Февр. научно-музейн. чтений памяти С. С. Гейченко «Там будет бал, там детский праздник» и Михайловских Пушкинских чтений к 185-й годовщине приезда А. С. Пушкина в северную ссылку «Я сладко усыплен моим воображеньем...». — С. 84–94.

Пушкинские реминисценции в цикле А. А. Блока «Вольные мысли» // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское, 2011. — Вып. 52: Материалы Михайловских пушкинских чтений «...Веселое имя: Пушкин» (19–21 авг. 2010). — С. 78–87.

«Снег выпал только в январе...»: Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Звезда. — 2011. — № 6. — С. 186–195.

Коррективы внутренней хронологии «Евгения Онегина» в связи с деревенскими главами романа // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское, 2012. — Вып. 53: Материалы XIV Февр. научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко «Музей в истории. К столетию первого музея в селъце Михайловском» (17–19 февр. 2011). — С. 136–149.

«Не торговал мой дед блинами...» // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское, 2012. — Вып. 54: Материалы Михайловских Пушкинских чтений «...Одна великолепная цитата» (авг. 2011). — С. 58–68.

Новые прочтения в десятой главе «Евгения Онегина» // Звезда. — 2012. — № 9. — С. 185–191.

Н. Н. Пушкина: [Фрагм. из кн.: *Старк В. П.* Наталья Гончарова. М., 2009] // Пушкинский альманах / Новосибирск. регион. Пушкинское об-во; Под общ. ред. В. Е. Крыжановского. — Новосибирск: Манускрипт, 2012. — Вып. 13. — С. 5–11.

Бородинская годовщина — семейный праздник в доме Пушкина // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское: Пушкинский заповедник, 2013. — Вып. 58: Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практ. конф. «Золотой век франц. книги в России» (4–8 апр. 2012) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 авг. 2012). — С. 241–258.

Иллюстрации В. В. Гельмерсена к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: К 75-летию смерти художника // Михайловская пушкиниана / Гос. мемор. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). — Михайловское: Пушкинский заповедник, 2013. — Вып. 58: Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практ. конф. «Золотой век франц. книги в России» (4–8 апр. 2012) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 авг. 2012). — С. 363–367.

Иллюстрации к «Евгению Онегину» // Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах: 94 силуэта В. Гельмерсена / Ком-

мент. В. Старка. — СПб.: Вита Нова, 2013. — С. 586—629. — (Фамильная б-ка. Парад. зал).

Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах: 94 силуэта В. Гельмерсена / Коммент. В. Старка. — СПб.: Вита Нова, 2013. — С. 311—580. — (Фамильная б-ка. Парад. зал).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Москва).

SUMMARY

Е. О. Ларионова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

Санкт-Петербург

elari@mail.ru

**Письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому
от 26 октября 1825 г.**

В статье публикуется по автографу письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г., включающее список стихотворения Пушкина «Люблю ваш сумрак неизвестный...» и представляющее несомненный литературный интерес. Это письмо уже трижды появлялось в печати, но ни разу не было напечатано полностью и без ошибок и неточностей, наконец устраненных в нынешней публикации.

Ключевые слова: Л. С. Пушкин, С. А. Соболевский, письмо, «Люблю ваш сумрак неизвестный...», публикация.

The article presents the publication of L. S. Pushkin's letter to S. A. Sobolevsky written on the 26th of October 1825. It also includes a copy of the poem 'I love your unknown gloom...' ('Liubliu vash sumrak neizvestnyi...') which is of interest for literary studies. The letter has been published three times previously, but every time was incomplete and contained mistakes and inaccuracies.

Keywords: L. S. Pushkin, S. A. Sobolevsky, letter, 'I love your the unknown gloom...' ('Liubliu vash sumrak neizvestnyi...'), republication.

Список литературы и источников

1. Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.
2. Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. А. Муравьевой. СПб., 2005. (Мир Пушкина; Т. 4).
3. Родословие князей Цициановых // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9, № 213. 27 янв.
4. Русский архив. 1878. № 11.
5. Русский архив. 1906. № 5.
6. Русское богатство. 1904. № 3.
7. Цявловский М. А. Судьба тетради Всеволожского с 1825 г. // Летописи Гос. лит. музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин.
8. Ermerin R. I. Annuaire de la Noblesse de la Russie... SPb., 1892.

А. Л. Осповат

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва / Калифорнийский университет, Лос-Анджелес
(Калифорния, США)
alex.ospovat@gmail.com

**ВОКРУГ ДА ОКОЛО ОЖИВШЕЙ СТАТУИ.
Из комментария к «Медному всаднику», 3**

Статья представляет наиболее полный свод всех версий (в том числе до сих пор неизвестных в печати) петербургского предания о том, как летом 1812 г. Александр I узнает о сновидении, в котором фигурирует оживший памятник Петра I; рассмотрены также обстоятельства и контекст возникновения этой городской легенды. Анализ источников позволяет утверждать, что это предание, долгое время считавшееся одним из источников «Медного всадника», сложилось только в середине XIX века и, таким образом, связано с рецепцией пушкинской поэмы, а не с ее генезисом.

Ключевые слова: Александр I, Петр I, городская легенда, ожившая статуя, «Медный всадник», комментарий.

According to a legend, in the summer of 1812 when Napoleon's invading army was threatening St. Petersburg, a prophetic dream was reported to Alexander I: the equestrian statue of Peter the Great came to life and vowed to protect the Russian capital. This article surveys all known versions of this legend, some of them unpublished, and examines the context where they emerged. So-called Prince Golitsyn's dream, often considered among the sources of Pushkin's narrative poem 'The Bronze Horseman', is shown to be a product of its extraordinary influence, an urban legend which testifies to the capacity of a literary text to generate its own «sources» in public imagination.

Keywords: Alexander I, Peter the Great, urban legend, animated statue, «The Bronze Horseman», commentary.

Список литературы и источников

1. Бетеа Д. «Медный всадник»: Петербургский текст и мифопоэтическое мышление Пушкина // Существует ли петербургский текст? СПб., 2005.
2. Война 1812 года и русское общество: («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С. Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования. М., 2001.
3. Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
4. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8; 1896. Т. 12.
5. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
6. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893. Т. 2.
7. Дневник А. В. Храповицкого с 18 декабря 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
8. Ермолов А. Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891.

9. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVIII—XIX вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984.
10. Зайончковский А. М. Восточная война, 1853—1856. [2-е изд.] СПб., 2002. Т. 2, ч. 2.
11. Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. № 1.
12. Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публ. и коммент. М. А. Цявловского // Летописи Гос. лит. музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин.
13. Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. IV. Из истории «Медного всадника» // Русская старина. 1908. № 1.
14. Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Вильгоровского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.
15. Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М., 1984.
16. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года... СПб., 1839. Ч. 1.
17. Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник» // Новое литературное обозрение. 2014. № 126.
18. Норов А. С. Воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 3.
19. Осоват А. Л. Вокруг «Медного всадника». 1. Легенда о «сне майора Батурина»: Источниковедческая заметка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3.
20. Осоват А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987.
21. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3.
22. Письма Митрополита Московского Филарета родным: от 1800-го до 1866-го года. М., 1882.
23. Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4—5.
24. Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960.
25. Русский архив. 1869. № 3; 1873. № 1; 1877. № 4, 8; 1909. № 6.
26. Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000.
27. Славянская заря в 1812 г.: (Из бумаг А. Н. Попова) / Сообщение П. Н. Цурикова // Русская старина. 1893. № 1.
28. Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988.
29. Столпянский П. Н. Старый Петербург: У медного Петра. Л., 1924.
30. Столпянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг., 1918.
31. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
32. Топоров В. Н. О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): Фальконетовский памятник Петру I // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1.
33. Тургенев о революционном Париже 1848 г.: Из дневниковых записей П. А. Васильчикова 1853—1854 гг. // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76.

34. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания — Дневник / Пер. Е. В. Гёрье; Вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. [М.], 1928.
35. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989.
36. *Шереметевский В.* Голицын, князь Александр Николаевич // Русский биографический словарь. М., 1997. [Т.] Гоголь — Гюне. [Из неопубликованных материалов к Русскому биографическому словарю].
37. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802—1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002.
38. *Шильдер Н. К.* Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901.
39. *Kahn A.* Pushkin's «The Bronze Horseman». London, 1998.
40. *Lednicki W.* Pushkin's *Bronze Horseman*: The Story of a Masterpiece. Berkeley; Los Angeles, 1955.
41. *Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de Russie: 1812. Paris, 2012.
42. *Mémoires de la baronne d'Oberkirch* / Publiés par le comte de Montbrison, son petit-fils. Paris, 1853. Т. 1.
43. *Memoires of the Baroness d'Oberkirch, Countess de Montbrison* / Written by Herself and Edited by Her Grandson, the Count de Montbrison. London, 1852. Vol. 1—3.
44. *Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet* / Ed. by B. Seebohm. Philadelphia, 1860. Vol. 1.
45. *Meyer P.* How *The Bronze Horseman* Was Made // Two Hundred Years of Pushkin. Amsterdam; New York, 2003. Vol. 2: Alexander Pushkin: Myth and Monument.
46. *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. Paris, 2012. Т. 12: La Campagne de Russie, 1812.
47. *Palmer A.* Napoleon in Russia. London, 1976.
48. *Schenker A.* The Bronze Horseman: Falconet's Monument to Peter the Great. New Haven; London, 2003.

А. А. Костин

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
a.al.kostin@gmail.com*

СТИХИ Б. М. ФЕДОРОВА НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

В статье публикуется один из первых поэтических откликов на смерть Пушкина — стихотворение Б. М. Федорова, известное ранее только по упоминанию в переписке Н. И. Тургенева. Приводятся сведения о корректурном экземпляре неопубликованного сборника стихотворений Федорова 1840 г. из собрания Пушкинского Дома (библиотека А. И. и Н. И. Тургеневых) и делаются предположения об источниках сведений и оценок дуэли и смерти Пушкина, появляющихся в стихотворении.

Ключевые слова: Б. М. Федоров, А. С. Пушкин, Н. И. Тургенев, А. И. Тургенев, дуэль, поэтический некролог.

Boris Fedorov's poem on Pushkin's death — one of the earliest of that kind and hitherto known only from a mention in Nikolai Turgenev's correspondence — was found in a proof copy of an unpublished collection of Fedorov's poetry (1840), held in the Pushkin House library. We publish the text of the poem with some notes on the history of the book as well as the sources for the information and notions concerning Pushkin's duel and death, as presented in the poem.

Keywords: B. M. Fedorov, A. S. Pushkin, N. I. Turgenev, A. I. Turgenev, duel, poetry obituary.

Список литературы и источников

1. Баранов В. С. Отклик А. И. Полежаева на стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
2. Вацуро В. Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979.
3. Грот Я. К. Библиографии литературы, относящейся к Державину // Державин Г. Р. Соч. СПб., 1883. Т. 9.
4. Коншина Е. Н. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову // Московский пушкинист. М., 1927. Вып. 1.
5. Кочнева Е. В. К истории создания скульптурного портрета А. С. Шишкова из собрания Российской Академии // Русская литература. 2012. № 2.
6. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1834. № 90—92.
7. Молитва и жизнь. 1840. Ч. 2, 3.
8. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982.
9. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998.
10. Саитов В. Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806—1826) // Русская старина. 1899. № 1.
11. А. И. Тургенев в его письмах // Русская старина. 1881. № 6.
12. А. И. Тургенев о кончине Пушкина // Русский архив. 1903. № 1.
13. Федоров Б. М. Опыты в поэзии. СПб., 1818.
14. Федоров Б. М. Гостинец для детской елки: Книжка в стихах для малюток. СПб., 1846.
15. Федоров Б. М. В память императора Николая I: Собрание стихотворений Бориса Федорова. СПб., 1857.
16. Федоров Б. М. Стихотворения для детей, от младшего до старшего возраста, расположенные в двадцати двух отделах. 2-е изд. СПб., 1858. Ч. 1—2.
17. Федоров Б. М. Приветствия детской любви, или Собрание стихов, говоренных детьми для поздравления родителей и родных. СПб., 1858.
18. Федоров Б. М. Легенды о Петре Великом и стихи на двухвековой юбилей с его рождения. СПб., 1872.
19. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989.
20. Юрьевский отшельник. 1840. Ч. 1.

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВИНОКУРА-ПУШКИНИСТА

Впервые печатаются хранящиеся в РГАЛИ три заметки Г. О. Винокура (1945), связанные с его работой над комментариями к поэме «Бахчисарайский фонтан» и смежными текстами Пушкина. В первой заметке — «Храм Дианы» — доказывается, что послание к Чаадаеву («К чему холодные сомненья...») написано не в 1820 году, как утверждал сам автор, а в 1824-м, после знакомства с книгой И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Вторая заметка — «Брега Тавриды» — представляет собой опыт лингвистического и стилистического комментария к выражению, неоднократно встречающемуся в пушкинской поэзии. Третья заметка — «Няня Василиса» — поясняет «темное место» в письме Пушкина Вяземскому от 14–15 августа 1825 г. Показано, что иронический упрек Вяземскому отсылает к комедии И. А. Крылова «Урок дочкам» (1807), в которой няня Василиса препятствует попыткам двух молодых барышень говорить между собой по-французски.

Ключевые слова: Г. О. Винокур, «Храм Дианы», «Брега Тавриды», «Няня Василиса», «К чему холодные сомненья...», И. М. Муравьев-Апостол, «Путешествие по Тавриде в 1820 году», А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. А. Крылов, «Урок дочкам».

Three essays by Grigory Vinokur, written in 1945, and preserved in the Russian State Archive of Literature and Art are published here for the first time. Vinokur's essays relate to his work on commentaries to the narrative poem 'The Fountain of Bakhchisarai' and some other texts of Pushkin's as well. The first essay («The Temple of Diana») proves that Pushkin's verse epistle to Petr Chaadaev ('Wherefore such doubts so cold?..') was created not in 1820, as the poet claimed, but in 1824, after his acquaintance with the book by I. M. Muraviev-Apostol 'Journey through Taurida', in 1820 (1823). The second essay ('The Shores of Salgir') delves into the linguistic as well as aesthetic background of a reiterating expression of Pushkin's. Vinokur's essay evidences that Pushkin's idiom implies not a precise topographic meaning, but a metonymical definition of Crimea as a whole. Pushkin relied here on Russian and European tradition of poetic ascription. The third essay ('Nursemaid Vasilisa') provides a literary and linguistic commentary to an abstruse passage in Pushkin's letter to P. A. Viazemsky (August 14–15, 1825): «And over you there is no Shishkov nor Sergey Glinka nor nursemaid Vasilisa, to shout at you, 'Be so good as to scold in rhymes, be so good as to complain in verses.'» The scholar reveals here a reference to Ivan Krylov's comedy 'A Lesson for Daughters' (1807) where the nanny Vasilisa impedes the attempts of two young girls to speak French.

Keywords: G. O. Vinokur, «The Temple of Diana», «The shores of Salgir», «Nursemaid Vasilisa», «Wherefore such doubts so cold?», I. M. Muraviev-Apostol, «Journey through Taurida, in 1820», A. S. Pushkin, P. A. Viazemsky, I. A. Krylov, «A Lesson for Daughters».

Список литературы и источников

1. Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944—1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998.
2. Бонди С. М. Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2.
3. Винокур Г. Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1929.
4. Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3.
5. Винокур Г. О. «Бахчисарайский фонтан» // Литературное обозрение. 1937. № 1.
6. Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Бахчисарайский фонтан: Сб. ст. Л., 1937.
7. Винокур Г. Монолог Алеко // Литературный критик. 1937. № 1.
8. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
9. Винокур Г. О. Филологические исследования. М., 1990.
10. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.
11. Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. М., 1999.
12. Винокур Г. О. Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999.
13. Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В. Д. Левин. М., 1969.
14. Дружинин П. А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1.
15. Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. «К чему холодные сомнения?..»: К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Георгиевском монастыре на мысе Фиолент // Крымский архив. 1999. № 5.
16. Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев. СПб., 2002.
17. Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.
18. Люсьи А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000.
19. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. Н. М. Жутовской. СПб., 1998.
20. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
21. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. Ч. 1.
22. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: 1813—1824.
23. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии: (1824—1837).
24. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986.
25. Eugene Onegin, A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov: In 4 vol. N. Y., 1964. Vol. 2.

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА
в 1840—1880-е годы в Испании**

Обзорная статья посвящена особенностям восприятия жизни и творчества Пушкина в Испании в 1840—1880-е гг., в тот период, когда появляются первые переводы его произведений на испанский язык, а вокруг его фигуры начинают складываться биографические мифы. Особое внимание уделено систематизации факторов, повлиявших на формирование образа Пушкина как поэта романтической школы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, русская литература, романтизм, рецепция, испанская литература, Испания.

The article considers the reception of Pushkin's oeuvre and life in Spain from the 1840s through the 1880s. This was the period when the first translations of Pushkin works appeared, and also when biographical myths began to take shape around his personality. All these factors have influenced the development of Pushkin's reception as a poet of the Romantic school.

Keywords: A. S. Pushkin, Russian literature, romanticism, reception, Spanish literature, Spain.

Список литературы и источников

1. Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.
2. Багно В. Е. Россия и Испания: Общая граница. СПб., 2006.
3. Валера Х. Письма из России. СПб., 2001.
4. Голубцова А. В. Пушкинский миф и национальная идентичность в Италии XIX века // Русская литература в зеркалах мировой культуры: Рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; Отв. ред. А. Б. Куделин. М., 2015.
5. Кардона Суансес А. Плененные светом: Русская живопись первой половины XIX века // El romanticismo ruso de la época de Pushkin. Madrid, 2011.
6. Надъярных М. Ф. Культ русской литературы в Латинской Америке // Русская литература в зеркалах мировой культуры: Рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; Отв. ред. А. Б. Куделин. М., 2015.
7. Тертерян И. А. Испанский романтизм: Общая характеристика // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6.
8. Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013.
9. Castelar E. El romanticismo ruso // La ilustración española y Americana (Madrid). Año XVIII. 1874. № 13. 8 de abril.

10. *Castelar E.* Murmuraciones europeas // La ilustración artística: periódico semanal de literatura, artes y ciencias. 1891. Tomo X. Año X. № 489. 11 de mayo.
11. El Museo Universal. Madrid, 1863.
12. La Revista Hispanoamericana. Madrid, 1848.
13. La Revista de Santiago. Chile, 1850.
14. *Monforte R.* Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // Traducción y cultura. Berlin; Bern; Bruxelles, 2010.
15. *Pardo Bazán E.* La revolución y la novella en Rusia: (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid, 1887.
16. *Schanzer G. O.* Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en America // Actas del Tercer congreso de hispanistas. México, 1970.

О. А. Якименко

*Санкт-Петербургский государственный университет
oxana.yakimenko@gmail.com*

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ПУШКИНА В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XXI ВВ.

В статье рассматриваются основные этапы знакомства венгерской культуры с творчеством А. С. Пушкина: от первых упоминаний имени поэта и переводов его произведений на венгерский язык до вхождения пушкинских текстов в венгерский литературный канон и формирования жанра стихотворного романа под влиянием «Евгения Онегина».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», перевод, венгерский язык, жанр стихотворного романа.

The article explores the ways Pushkin has been and is being perceived in Hungarian culture: from the first mentions of his name and the growing number of translations to the poet's texts becoming part of Hungarian literary canon and 'Evgeny Onegin' promoting the formation of a new genre of verse novel in Hungarian literature.

Keywords: A. S. Pushkin, «Evgeny Onegin», translation, Hungarian language, genre of verse novel.

Список литературы и источников

1. *Никольский С. В.* Введение: [Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6.
2. *Стыкалин А. С.* Отношение к панславизму в Венгрии XIX — первой половины XX в. и восприятие творчества Пушкина // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000.
3. *Ady E.* Puskin // Debrecen. 1899. 17 júl.
4. *Ady E.* Tatjana irt // Debrecen. 1899. 30 aug.

5. *Angyalosi G.* Kaszálni Páli réteken. Térey János: Paulus // Holmi. 2002. № 9.
6. *Babits M.* Az európai irodalom története. Budapest, 1936.
7. *Babits M.* Puskin [Beszéd] // Kortárs. 1973. 11 nov.
8. *Csopey L.* Orosz beszédek. Hrták Puskin S., Gogoly M., Krylov I. és Dosztojevszkij F. Budapest, 1882.
9. Hasznos Mulatságok. 1825. № 10. 2 félév.
10. *Illyés G.* Puskin // Nyugat. 1937. № 3.
11. *Kazinczy G.* Pillantás az orosz literatúrára 1837-ben // Tudománytár. 1838. Köt. 2.
12. *Krúdy G.* A Vörös postakocsi. Budapest, 2005 [1913].
13. *László I.* A magyar verses regény. Budapest, 1990.
14. *Margocsy I.* Térey János: Paulus // 2000 (Budapest). 2002. № 1.
15. *Máthé-Haupt G.* Puskin hatása a magyar társadalmi gondolkodás és irodalom fejlődésére a XIX. század második felében // Irodalomtörténet. 1949. № 1. P. 59–76.
16. Négy orosz költő. Budapest, 1900.
17. Nemzeti Társalkodó. 1839. Köt. 2. № 4.
18. Orosz irodalom // Budapesti Hírlap. 1855. Április. 13–14.
19. Orosz írók magyar szemmel. Budapest, 1983–1986. Köt. 1–3.
20. Orosz költők: (Műfordítások). Budapest, 1892.
21. Oroszok Magyarországon // Pesti Napl. 1912. № 60. 10 márc.
22. *Péter M.* Az Anyegin legújabb magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Válogatott tanulmányok. Tinta kiadó, 2005.
23. *Péter M.* «Pár tarka fejezet csupán...»: Puskin «Jevgenyij Anyegin»-je a magyar fordítások tükrében. Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999.
24. *Péter M.* A Puskin Rézlovasnak új magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Válogatott tanulmányok. Tinta kiadó, 2005.
25. *Puskin A.* A pikk dáma // Divatcsarnaok. 1855. № 24–27.
26. *Puskin A.* A hóförgeteg // Nővilág. 1857. № 42.
27. Puskin. A könyvtáros és a költő // A Hét. Budapest, 1899.
28. *Puskin A.* Anyegin. Budapest, 1920.
29. *Szabó E.* Képek az orosz irodalomból. II // Nyugat. 1922. № 15–16.
30. *Szerb A.* A világirodalom története. III. Révai. Budapest, 1941.
31. *Szőke K.* Puskin: A postamester – Anyegin-strófákban elbeszélve // Kortárs. 2011. № 6.
32. *Toldi F.* A moszkai literatúra jelen állapota // Tudománytár. 1834. Köt. 4.
33. Tudományos Gyűjtemény. 1828. Köt. 10.
34. *Váradi-Sternberg János.* Jókai és Pugacsov // Irodalomtörténeti Közlemények. 1975. LXXIX. évf. № 3.
35. *Zöldhelyi Z.* Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században // Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I. Szerk Kroó Katalin. Budapest, 2006.

А. Г. Готовцева

Москва

brunhilda@ya.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «К Н. Я. П<люсковой>»:
К ПРОБЛЕМЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Статья посвящена истории прижизненного бытования стихотворения Пушкина «К Н. Я. П<люсковой>» (в первой публикации — «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны»). В некоторых списках в ст. 5 слово «природа», наличествующее в автографах и первой публикации, было заменено словом «свобода», что повлияло, по мнению исследовательницы, на позднейшую (сложившуюся после декабрьских событий 1825 г.) интерпретацию всего текста как свобододолюбивого. Вопреки реальной истории текста некоторые советские исследователи даже пытались доказывать, что «свобода» была заменена на «природу» по требованию цензуры, хотя в действительности пушкинское послание при его создании не имело тех «вольнолюбивых» коннотаций, которые впоследствии были ему приписаны.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «К Н. Я. Плюсковой», «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны», «вольнолюбивые» коннотации, автограф, первая публикация.

The article is devoted to the problem of the fifth row in Pushkin's poem 'To N. Y. P<lyuskovoy>' (in its first publication called 'Answering a call to write a poem in honor of Her Imperial Majesty Empress Elizabeth Alekseevna'). In some printings the word «nature» in Pushkin's manuscripts and in the first publications were replaced with the word «freedom», which at first did not seem to affect the overall meaning of the text. However, after the events of December 1825 the poem began to be perceived as a manifestation of free thinking. Later, especially in the Soviet epoch, researchers started to relegate the message 'To Plyuskovoy' to freedom-loving, even revolutionary lyrics and to discourse in which «freedom» was replaced with «nature» (which does not correspond to the real chronology of textual changes) on the censorship request. In reality Pushkin's message had no political connotations at the time of its creation. Only later readers' semantic distortions manifested these connotations.

Keywords: A. S. Pushkin, «To N. Y. Plyuskovoy», «Answering a call to write a poem in honor of Her Imperial Majesty Empress Elizabeth Alekseevna», political connotations, manuscript, first publication.

Список литературы и источников

1. Березкина С. В. Дело об «Андрее Шенье» Пушкина и его судебно-правовые аспекты // Русская литература. 2010. №1.
2. Готовцева А. Г. Как «природа» обернулась «свободой»: К истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» // Вестник РГГУ. 2011. № 6 (68)/11.

3. Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906. С. 263—300.
4. Кунцын А. П. Право естественное. СПб., 1818. Ч. 1.
5. Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
6. Майков Л. Н. Материалы для академического издания сочинений Пушкина. СПб., 1902.
7. Пушкин А. С. Художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке: [В 3 т.] / Под общ. ред. В. С. Непомящего; сост. В. А. Кожевникова; примеч. В. А. Кожевникова и В. С. Непомящего; Отв. ред. И. З. Сурат. М., 2000. Т. 1: 1809—1819.
8. Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии, 1799—1829. СПб., 2007.
9. Рак В. Д. О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003.
10. Розанов И. Н. Пушкин — певец свободы // А. С. Пушкин, 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951.
11. Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина // Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16—18.
12. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: 1813—1824.
13. Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: К постановке вопроса. Wien, 1992. С. 48—49. (Wiener Slavistischer Almanach; Sdbd. 29).
14. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986.
15. Цявловский М. А. Эпигоны декабристов // Голос минувшего. 1917. № 7—8.
16. Шебунин А. Н. Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1.
17. Щеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.: (Из архивных разысканий) // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11.

А. С. Лобанова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

Санкт-Петербург

alobanova2006@rambler.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «ВАКХИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

В заметке проанализирован литературный контекст «Вакхической песни» (1825). С одной стороны, прослеживается ее связь с жанрами так называемой вакхической поэзии, появившейся в русской лирике в конце XVIII в. и обретшей особую популярность к началу 1820-х гг., а с другой — показано соотношение «Вакхической песни» с традициями античного дифирамба в его русской поэтической интерпретации.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Вакхическая песня», «вакхическая поэзия», античный дифирамб, поэтическая интерпретация.

The article examines the literary context of Pushkin's 'Bacchic Song' ('Vakkhicheskaja pesnia'). Relying on the journal publications of the first quarter of the 19th century, the author traces its relationship with the genre of so-called Bacchic poetry that appeared in Russian literature at the end of the 18th century and reached its peak by the 1820s. By its genre nature, 'Bacchic Song' is also associated with the tradition of the ancient dithyramb popular in Russian poetry in the 1810s–1820s. The article discusses the similarities and differences between Pushkin's poem and the poetic works of the aforementioned genres.

Keywords: A. S. Pushkin, 'Bacchic Song', «Bacchic poetry», ancient dithyramb, poetic interpretation.

Список литературы и источников

1. Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. М.; Л., 1949.
2. Бартелеми Ж.-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертого века до Рождества Христова. СПб., 1809. Т. 6.
3. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2.
4. Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986.
5. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
6. Из словаря древней и новой поэзии, составленного Н. Остолоповым // Вестник Европы. 1815. Ч. 84, № 21.
7. Калло Е. М., Турбин В. М. Эхо «Вакхической песни» // Болдинские чтения. Горький, 1981.
8. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. (Литературные памятники).
9. Лагарп И. Ф. Ликей, или Крут словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 2.
10. Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
11. Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. II. Кольцо Зеленой Лампы // Русская старина. 1909. № 4.
12. Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. 1.
13. Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне» // Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М., 1999.
14. Попов А. Н. «Там Вакх торжественно смеется...»: О коммуникативно-игровой природе студенческих вакхических песен XIX века // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 11.
15. Рассовская Л. П. Особенности создания черт национального характера в лирике А. С. Пушкина // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1978. Вып. 3.
16. Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Т. 2.
17. Скибин С. М., Прокофьева Н. Н., Коровин В. И. История русской литературы XIX века. М., 2005. Ч. 1.

18. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1815. Ч. 2.
19. *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837).
20. *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер, Б. М. Толочинской. 3-е изд. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).

С. А. Фомичев

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
barbarafoficheva@mail.ru*

О ХРОНОЛОГИИ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Внутренняя хронология «Евгения Онегина» была представлена в комментариях Н. Л. Бродского, который вслед за Р. В. Ивановым-Разумником опирался на пушкинские примечания к первой главе и относил время действия романа к 1820 — весне 1825 г. Эта хронология с некоторыми оговорками была принята Ю. М. Лотманом и В. В. Набоковым. Однако ряд современных авторов, заметив некоторые противоречивые детали и анахронизмы в последних главах произведения, предложили датировать фабульное время концом 1820-х гг. Но отрывки из не включенной в окончательный текст романа главы «Странствие» (события 1824 — весны 1825 г.), которые были помещены в изданиях 1833 и 1837 гг., недвусмысленно подтверждают изначальную хронологию, что оказывается принципиально важным в интерпретации образа главного героя как трагического в финале произведения, действие которого разворачивается в преддекабристскую эпоху.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», хронология, Р. В. Иванов-Разумник, Н. Л. Бродский, Ю. М. Лотман, В. В. Набоков, герой онегинского типа, преддекабристская эпоха, интерпретация.

The internal chronology of the novel in verse 'Evgeny Onegin' was presented in the commentaries by N. L. Brodsky who followed R. V. Ivanov-Razumnik and based on Pushkin's notes to the first Chapter and attributed the time of the novel actions to 1820 — spring 1825. This chronology with some remarks was adopted by Yu. Lotman and Vladimir Nabokov. However, a number of contemporary authors, who noted some controversial details and anachronisms in the last chapters of the work, proposed to date the story-time by the end of the 1820s. And some fragments from the Chapter 'Journey' which wasn't included in the final variant of the text of the novel (the events of 1824 — spring 1825) but had been published in the editions in 1833 and 1837 clearly confirmed the primary chronology. It is fundamentally important in the interpretation of the image of the protagonist as a tragic person in the final of the work where the events take place in the pre-Decembrist epoch.

Keywords: A. S. Pushkin, 'Evgeny Onegin', chronology, R. V. Ivanov-Razumnik, N. L. Brodsky, Yu. M. Lotman, V. V. Nabokov, hero of the Onegin type, the pre-Decembrist epoch, interpretation.

Список литературы и источников

1. Баевский В. С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
2. Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. 5-е изд. М., 1964.
3. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
4. Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974.
5. Иванов-Разумник Р. В. Соч. Пг., 1916. Т. 5.
6. Кожевников В. А. «Вся жизнь, вся душа, вся любовь...». М., 1993.
7. Кошелев В. А. «“Онегина” воздушная громада...». 2-е изд. Большое Болдино; Арзамас, 2009.
8. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
9. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.
10. Старк В. Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб., 2013.
11. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. [М.], 1960. Т. 1.
12. У Толстого, 1904–1910: «Яснополяские записки» Д. П. Маковского // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 1.

Андрей Добрицын

Лозаннский университет (Швейцария)

Andrei.Dobritsyn@unil.ch

ЛИБЕРТИНСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ И ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

В работе показано, что многие образы, сравнения, метафоры, мотивы, используемые Пушкиным при описании онегинского поведения (особенно в первой главе романа), почерпнуты из французской либертинской литературы, причем сам главный герой являет порой черты либертина. К пушкинским строкам приводятся многочисленные французские параллели, часть которых восходят к Овидию. Речь идет не только о прямых источниках пушкинского текста, но и об изобильно рассыпанных в «Онегине» и являвшихся общим достоянием элементах французского поэтического языка, в который был погружен тогдашний образованный читатель.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», либертин, французская литература, Овидий.

This paper demonstrates that many images, similes, metaphors, and motifs used by Pushkin to describe Onegin's behavior (especially in the first chapter of the «novel in verse») were borrowed from French libertine literature. Moreover, the protagonist of the novel himself has features of a libertine. Numerous French parallels with Pushkin's passages (many of which go back to Ovid) have been revealed in the present work. These parallels include both the direct literary sources of Pushkin's text and elements of

French literary language, which abound in 'Eugene Onegin'. Such poetic idioms were a common property for Pushkin and the educated readership of his time.

Keywords: A. S. Pushkin, 'Evgeny Onegin', libertine, French literature, Ovid.

Список литературы и источников

1. Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Верн, 2008.
2. Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.
3. Зализняк А. А. Об эффекте ближней семантической эволюции // Philologica. 2012. Т. 9, № 21—23.
4. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
5. Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования. М., 2012.
6. Резанов В. И. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1923. Вып. 36.
7. Томашевский Б. В. Маленькая ножка // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39.
8. Шапир М. И. Пушкин и Овидий: дополнение к комментарию: («Евгений Онегин», 7, LII, 1—2) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, № 3.
9. Шапир М. И. Пушкин и Овидий: Новые материалы: (Из комментариев к «Евгению Онегину») // Elementa. 2000. Vol. 4, № 4.
10. Branthôme P. Discours sur la beauté de la belle jambe et de la vertu qu'elle a // Œuvres complètes de Pierre de Bourdeilles, abbé et seigneur de Branthôme. Paris, 1891. Т. 11.
11. Dornier C. Le discours de maîtrise du libertin: Etude sur l'oeuvre de Crébillon fils. Paris, 1994.
12. Goldzink J. A la recherche du libertinage. Paris, 2005.
13. Hours B. Libertinage // Dictionnaire de l'Ancien Régime: Royaume de France, XVIe—XVIIIe siècle, sous la direction de Lucien Bély. Paris, 1996.
14. Loubure S. L'Art d'aimer au siècle des Lumières. Oxford, 2007.
15. Louvet de Couvray J. B. Les Amours de Chevalier de Faublas, précédé de: Le dernier des libertins par Michel Crouze. Paris, 1966.
16. Nabokov V. Eugene Onegin, A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, Translated from the Russian, with a Commentary. London, 1964. Vol. 2.
17. Sturm E. Crébillon fils et le libertinage au dix-huitième siècle. Paris, 1970.

Е. В. Душечкина

Санкт-Петербургский государственный университет
dushechkina@yandex.ru

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

В статье выдвигается гипотеза, что строка «Но мы, ребята без печали...» в «Отрывках из путешествия Онегина», нарушая нормы русского языка, строится

по французской грамматической модели, а потому является галлицизмом, в основе которого лежит выражение «les enfants sans souci». Так называлась группа парижских уличных актеров XV в., ведущих разгульную жизнь. Пушкин мог знать о ней еще с лицейских лет по многим источникам (Лагарп, Домерон, Маро, Реньяр и др.). По предположению автора статьи, описание беспечной жизни в Одессе вместе с «новоизбранными друзьями» предоставило Пушкину повод сравнить ее с жизнью «les enfants sans souci».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Отрывки из путешествия Онегина», «Номы, ребята без печали...», галлицизм, «les enfants sans souci», Лагарп, Домерон, Маро, Реньяр.

The article puts forward the hypothesis that the line «We, lads without sorrows...» in ‘Excerpts from Onegin’s journey’ violated the norm of the Russian language and was built according to the grammatical model of French. Its Gallicism is based on the expression «les enfants sans souci», which was the name of a 15th century group of Paris street performers. Pushkin could have known about it from his Lyceum years (Laharpe, Domayron, Marot, Regnard, Villon etc.). Therefore, in the description of his careless life in Odessa among «newly elected friends» Pushkin provided a reason to compare it with the life of «les enfants sans souci».

Keywords: A. S. Pushkin, ‘Excerpts from Onegin’s journey’, «We guys without sorrows», Gallicism, «les enfants sans souci», Laharpe, Domayron, Marot, Regnard.

Список литературы и источников

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
3. Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957.
4. Гончаренко Н. А. «В науках отметить себя может»: И. С. Барков // Знаменитые универсаны: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. 3.
5. Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М., 2008.
6. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010.
7. История западноевропейского театра / Под ред. С. С. Мокульского. М., 1959. Т. 1.
8. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 434. (Литературные памятники).
9. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980.
10. Место французской культуры в жизни и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19.

11. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
12. Онегинская энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 2004. Т. 1—2.
13. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии / Ред. М. В. Строганов 2-е изд., испр., доп. Тверь, 2003.
14. Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. Л., 1926.
15. Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32.
16. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
17. Тынянов Ю. Н. Соч.: В 3 т. М.; Л., 1959. Т. 3.
18. Ходяков М. В., Ходяков О. А. Знаменитые универсанты: Питомцы Санкт-Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета. СПб., 2002.
19. Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. Псков, 1970.
20. Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.
21. Preisig F. Clément Marot et les métamorphoses de l'auteur à l'aube de la Renaissance. Genève; Droz, 2004.

Е. В. Кардаш

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
ekar4@yandex.ru*

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «АКВИЛОН»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья представляет собой подробный анализ стихотворения А. С. Пушкина «Аквилон» в историко-литературном контексте. Ставя под сомнение традиционные автобиографические трактовки произведения, автор исследует жанровую природу текста, выявляет его предполагаемые литературные источники и предлагает принципиально новую его интерпретацию.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Аквилон», историко-литературный контекст, автобиографические трактовки, литературные источники.

The article represents an elaborated analysis of Pushkin's 'Aquilon' (1824) in its historical and literary context. Casting doubt on the traditional autobiographical readings of the poem, the author investigates its genre nature, reveals its probable literary sources and offers a radically new interpretation.

Keywords: A. S. Pushkin, 'Aquilon', historical and literary context, autobiographic interpretation, literary sources.

Список литературы и источников

1. *Алексеев М. П.* Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972.
2. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.
3. Басни Эзопа / Пер., ст. и примеч. М. Л. Гаспарова. М., 1968.
4. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина: (1826—1830). М., 1967.
5. *Бодрова А. С.* Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 1.
6. *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818—1822 годов.
7. *Бухаркин П. Е.* Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.
8. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». 2-е изд. СПб., 2002.
9. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
10. *Винокур Г. О.* Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
11. *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. (Wiener Slawistischer Almanach; SBd. 27).
12. *Гаспаров М. Л.* Античная литературная басня. М., 1971.
13. *Герасимова Т. П.* Басня Лафонтена «Дуб и трость» в переводах русских поэтов XVIII века // Материалы XXII научной конференции. Волгоград, 1968.
14. *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Г. Базанова. Л., 1957. (Библиотека поэта. Большая сер.).
15. *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1864. Т. 1.
16. *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая сер.).
17. *Есипов В. М.* «Зачем ты, грозный аквилон...» // Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М., 2006.
18. *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: (XVIII — начало XIX века).
19. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1.
20. *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма.
21. *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...»: (О судьбе одного бодлинского автографа) // Пушкинский музей. СПб., 1999. Вып. 1.
22. *Ильичев А.* «Зачем крутится ветер в овраге...»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1991. Вып. 24.
23. *Кардаш Е. В.* «Аквилон» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1: А—Д.

24. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.
25. Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1955. Т. 4.
26. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8.
27. Майков В. И. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966. (Библиотека поэта. Большая сер.).
28. Модзалевский Б. А. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
29. Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая сер.).
30. Осоват К. «Властителям и судиям»: Державин и придворное политическое благочестие // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012.
31. Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987.
32. Поэты-радищевцы / Вступ. ст., биограф. справки, сост. и подгот. текста П. А. Орлова; Примеч. П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина. Л., 1979. (Библиотека поэта. Большая сер.).
33. Пятин Р. Д. А. С. Пушкин и И. А. Крылов: (Анализ басни Крылова «Дуб и трость» и стихотворения Пушкина «Аквилон») // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX—XX веках: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1999.
34. Рак В. Д. Юнг // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19).
35. Русская басня XVIII—XIX веков / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Степанова и Н. А. Степанова. Л., 1977. (Библиотека поэта. Большая сер.).
36. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1, 2, 3, 11, 15.
37. Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. М., 2000. Т. 1.
38. Толстой А. К. Надписи на стихотворениях А. С. Пушкина // Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 1.
39. Томашевский Б. В. Пушкин и Лафонтен // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3.
40. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837).
41. Фомичев С. А. «Так басней правду заменя...»: (О стихотворении Пушкина «Аквилон») // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003.
42. Ходасевич В. Ф. О Пушкине // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Oakland, 2014. Т. 3.
43. Эткин Е. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988.
44. Юрьева И. Ю. «Библию, Библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4.
45. Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство: Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М., 1998.

46. Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964. (Библиотека поэта. Большая сер.).
47. Campbell J. The Metamorphoses of Innocence in Racine's *Esther* // French Seventeenth-Century Literature: Influences and Transformations: Essays in Honour of Christopher J. Gossip. Bern, 2009.
48. Fichter A. Ode and Elegy: Idea and Form in Tennyson's Early Poetry // English Literary History. 1973. Vol. 40, № 3.
49. Foster E. S. Trees and Plants in Homer // The Classical Review. 1936. Vol. 50, № 3.
50. Foster E. S. Trees and Plants in the Greek Tragic Writers // Greece & Rome. 1952. Vol. 21, № 62.
51. Gourard P. La gloire et la glorification de l'univers chez saint Jean de la Croix. Paris, 1998.
52. Roston M. Prophet and Poet: The Bible and the Growth of Romanticism. London, 1965.
53. The poetical works of Edward Young: In 4 vol. London, 1806. Vol. 2.

А. С. Бодрова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва / Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
allinnbod@gmail.com*

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К МИХАЙЛОВСКИМ СТИХАМ ПУШКИНА

Серия заметок дополняет историко-литературный комментарий к ряду текстов Пушкина периода ссылки в Михайловское: «Буря», «Приятелям», «[Словесность русская больна...]». Для центрального образа «Бури» предлагается вероятный иконографический источник (живописные изображения Сафо на Левкадской скале и, в частности, картина А. Гро); высказывается предположение об адресации эпиграммы «Приятелям» цензорам, устойчиво именовавшимся «подлецами» в ряде сатирических текстов начала 1820-х гг., а также показана вероятная связь основного образа эпиграммы «[Словесность русская больна...]» с публикациями «Вестника Европы» марта — апреля 1825 г. и периодичностью появления его номеров весной этого года.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, комментарий, Михайловское, «Буря», «Приятелям», «[Словесность русская больна...]», Сафо, А. Гро, «Вестник Европы», эпиграмма.

The article contains a series of commentary notes on some of Pushkin's poems composed during his exile to Mikhailovskoe ('The Tempest' ['Bur'a'], 'To My Fellows' ['Priyatelyam'], 'Our Russian literature is ill...' ['Slovesnost' russkaya bol'na...']). The author suggests an iconographic source for the central image of «The Tempest» (the pictorial representations of Sappho on the rock of Leucas); then puts forth a hypothesis that the epigram 'To My Fellows' could have been addressed to the censors who were often called «villains» («podletsy») in satirical verses in the 1820s, and, moreover,

shows the probable connection between some publications in «The Herald of Europe» («Vestnik Evropy») of the early spring of 1825 and the central metaphor of the indecent epigram ‘Our Russian literature is ill...’.

Keywords: A. S. Pushkin, commentary, Mikhailovskoe, ‘The Tempest’ [‘Bur’a’], ‘To My Fellows’ [‘Priyatel’yam’], ‘Our Russian literature is ill...’ [‘Slovesnost’ russkaya bol’na...’], Sappho, A. Gros, «The Herald of Europe» («Vestnik Evropy»), epigram.

Список литературы и источников

1. Березкина С. В. Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // Русская литература. 2001. № 3.
2. Березкина С. В. «...И сторожит Индеек и Гусей»: (Об адресате эпиграммы Пушкина «Приятелям») // Русская литература. 1996. № 3.
3. Билинкис О. Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив Курилка!» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
4. Боратынский Е. А. Полное собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3, ч. 1.
5. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
6. Глинка Ф. Н. Опыты аллегорий или иносказательных описаний в стихах и прозе. СПб., 1826.
7. Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. М., 1986.
8. Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII – начала XIX века. Верн, 2008.
9. Дондуа К. Пушкин в грузинской литературе // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926.
10. Казарин В. П. К истории написания Пушкиным стихотворения «Буря» // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. Вып. 1.
11. Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethe. Stanford, 2008. Т. 1.
12. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2.
13. Мазур Н. Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала...»: О стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2.
14. Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44).
15. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
16. Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Буря»: Проблема комментария // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42).
17. Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.
18. Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2.
19. Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900.

О ДАТИРОВКЕ «<ЗАПИСОК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА>»

Автор уточняет датировку незавершенного прозаического наброска «<Записки молодого человека>». В пушкиноведении традиционно считалось, что он написан в 1829–1830 гг., незадолго до «Повестей Белкина». Однако исследование автографа и сортов использованной Пушкиным бумаги (№№ 52, 244 и 82 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского) позволяет предположить, что набросок был написан в ноябре 1826 г. в Михайловском.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, незавершенный набросок, «<Записки молодого человека>», «Повести Белкина», Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, датировка.

The author specifies the date when Pushkin wrote the unfinished prose sketch 'A Young Man's Notebook' («Записки молодого человека»). Pushkin scholars have traditionally considered that it was written in 1829–1830, shortly before 'The Tales of Belkin' («Повести Белкина»). However the examination of the autograph's paper application (No. 52, No. 244 and No. 82 according to the classification of L. B. Modzalevsky and B. V. Tomashevsky) permits us to assume that it was written at Mikhailovskoye in November of 1826.

Keywords: A. S. Pushkin, unfinished sketch, 'A Young Man's Notebook', 'The Belkin Tales', L. B. Modzalevsky, B. V. Tomashevsky, date.

Список литературы и источников

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1.
2. Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Be-thea. Stanford, 2008. Part I.
3. Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2.
4. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1, 2.
5. Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний: Заметки на статью «Пушкин в южной России» // Русский архив. 1866. № 10.
6. Модзалевский Б. Л. Василий Петрович Зубков и его записки // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4.
7. Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937.
8. Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.
9. Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка: (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. 1930. № 7.
10. Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т.] [Факсим. изд.]. СПб.; Лондон, 1995. Т. 3; 1996. Т. 4.

11. Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.).
12. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.
13. Срезневский В. И. Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4.
14. Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
15. Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд., стереотип. М., 1986.
16. Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...»: (Пушкин и гр. М. А. Мусина-Пушкина) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.
17. Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.
18. Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

М. Н. Виролайнен

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
virolainen@mail.ru*

Н. Л. Дмитриева

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
ninalvovna@mail.ru*

ПОРТУГАЛЬСКИЙ АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Статья посвящена пушкинскому стихотворению «С португальского» (1825—1827) — вольному переводу из Т. А. Гонзага, сентиментальная буколика которого по тону и стилю резко выпадает из лирического творчества Пушкина этих лет. Однако близость биографии португальского поэта, представленной в предисловии французских переводчиков к сборнику «*Marilie, chants élégiaques de Gonzaga*» (Paris, 1825), к биографии Андре Шенье, какой она обрисована в элегии Пушкина 1825 г., могла задержать внимание Пушкина на стихах, обращенных к Марии. Поэтическое содержание «Андрея Шенье» соотносится с переводом «С португальского», как полнокровно воплощенная тема с фрагментом ее вариации, опробованной на ином, но отчасти близком ей материале

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «С португальского», Т. А. Гонзага, «*Marilie*», Андре Шенье, перевод, сентиментальная буколика, элегия.

The article is dedicated to Pushkin's poem 'From Portuguese' ('S portugalskogo') (1825—1827) — a free translation from T. A. Gonzaga, whose sentimental bucolic style harshly diverges in tone and style from Pushkin's lyric works of these years. But the

kinship of the Portuguese poet's biography to the biography of André Chénier depicted in Pushkin's elegy (1825), represented in the French translators' preface to the collection «Marilie, chants élégiaques de Gonzaga» (Paris, 1825), could attract Pushkin's attention to the poems to Marilie. The poetic content of 'Andre Chenier' correlates with the translation 'From Portuguese' as a fully embodied topic to its fragment variation, tried out on different, but closely related material.

Keywords: A. S. Pushkin, 'From Portuguese', T. A. Gonzaga, «Marilie », André Chénier, translation, sentimental bucolic, elegy.

Список литературы и источников

1. Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
2. Андреев В. Н. Гонзага // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 110—111. (Пушкин: Исследования и материалы; Т. 18—19).
3. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 1.
4. Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1983.
5. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
6. Вацуро В. Э. Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989.
7. Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Л., 1926.
8. Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.
9. Кернер Н. О. Пушкин и португальский поэт // Русский библиофил. 1916. Кн. 4.
10. Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962.
11. Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974.
12. Тертерян И. Поэзия Томаса Антонио Гонзаги и становление бразильской литературы // Формирование национальных литератур Латинской Америки. М., 1970.
13. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
14. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837).
15. Тынянова И. Ю. Звезда зари // Гонзага Т. А. Лиры; Чилийские письма / Пер. с порт. И. Тыняновой. М., 1964.
16. Фомищев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
17. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.
18. Шенье А. Сочинения 1819. М., 1995. (Литературные памятники).
19. Gonzaga T. A. Marilia de Dirceo. Rio de Janeiro; Paris, 1910.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АДРЕСАТЕ ЭПИГРАММЫ
«ТВОИ ДОГАДКИ — СУЩИЙ ВЗДОР...»

В статье исследуется вопрос о датировке и возможном адресате пушкинской эпиграммы «Твои догадки — сущий вздор...». Оспаривая аргументацию А. Асо-яна, адресовавшего эпиграмматический выпад Пушкина М. А. Бестужеву-Рю-мину, автор признает более убедительной оригинальную гипотезу М. А. Цявлов-ского о незнакомце, увидевшем себя в стихах о Ф. Толстом из послания 1821 г. «Чаадаеву» («отвыкнул от вина и стал картежный вор»). Если нижняя граница датировки эпиграммы устанавливается достаточно легко (1821 г.), то верхняя мож-жет быть возведена ко времени возвращения автора единственной копии текста С. П. Шевырева из Италии в Россию (1832—1833 г.).

Ключевые слова: «Твои догадки — сущий вздор...», эпиграмма, адресат, дати-ровка, М. А. Бестужев-Рюмин, Ф. Толстой.

The following article explores the possible addressee and date of Pushkin's epigram 'Your guesses — plain nonsense' ('Tvoi dogadki — suschiy vzdor...'). The author of the article questions Asoyan's arguments supporting a theory that the epigram was address- ed to M. A. Bestuzhev-Ryumin. Meanwhile the author finds the hypothesis originally suggested by Zjavlovsky more convincing. In this hypothesis the identity of the addres- see remains unknown. In his message to Chaadayev from 1821, Puskin briefly mentions F. Tolstoy («otvikhnut ot vina I stal kartezhniy vor»). The addressee, however, misinter- prets Pushkin, thinking that the lines are written about him. To clarify the situation, Pushkin writes the epigram. The other question explored in the article is that of when the epigram was written. While the earliest date is easy to establish (1821), the latest can go as far as 1832—1833, when Sheviriyev brought the only surviving copy from Italy back to Russia.

Keywords: 'Tvoi dogadki — suschiy vzdor...', epigram, addressee, date, M. A. Bestuzhev-Ryumin, F. Tolstoy.

Список литературы и источников

1. Абрамов Л. За строками «Северного Меркурия» // В мире книг. 1984. № 6.
2. Алешкевич А. А. М. А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991.
3. Асоян А. А. Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...» // Russian Studies. 1995. Vol. 1, № 3.
4. Асоян А. Пушкин ad Marginem. СПб., 2015.
5. Асоян А. А. Сатирические эпиграммы Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1982.
6. Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2.

7. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.
8. Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»: К истории ранней редакции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. М., 2013.
9. Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашик» // Пушкин: Исследования и материалы. М., 1956. Т. 1.
10. Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1916. Вып. 16.
11. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: (1829—1832).
12. Московский вестник. 1828. № 3.
13. Московский телеграф. 1829. Ч. 29, № 18.
14. Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. СПб., 2001.
15. Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.
16. Сын Отечества. 1821. Ч. 72, № 35.
17. Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1950. Т. 3.
18. Цявловский М. А. Неизвестная эпиграмма // Литературная газета. 1937. № 8. 10 февр.
19. Цявловская Т. Г. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2.
20. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
21. Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист // Пушкинский сборник. Псков, 1973.

Виталий Симанков

Брауновский университет, Провиденс (Рой-Айланд, США)
italy.simankov@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ»

В заметке рассматривается вопрос о том, почему слуга молодого барона носит русское имя Иван. В поисках ответа на этот вопрос автором привлекаются данные из русской литературы XVIII века, а также предпринимается попытка реконструировать неписаное правило, касающееся функционирования имен слуг в русской словесности допушкинской поры.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Скупой рыцарь», ономастическое противоречие, имена слуг, стилистический анахронизм, литература допушкинской поры.

The article strives to demonstrate that the so called onomastic controversy in The Covetous Knight is a mere stylistic anachronism rather than a novelty. The attempt is being made to reconstruct the unwritten law regulating the use of the servants' names in pre-Pushkin literature.

Keywords: A. S. Pushkin, «The Covetous Knight», onomastic controversy, servants' names, stylistic anachronism, the pre-Pushkin literature.

Список литературы и источников

1. Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886. Т. 3.
2. Благочестие в хижине, или Пастух Сализбургской долины / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1819.
3. Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937. Ч. 2.
4. Данилевский Р. Ю. Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.
5. Демин А. О. Текутьев Иван // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Т. 3.
6. Детский собеседник, изданный г. Беркеном, а переведенный с французского Двора Ее Императорского Величества камерпажем Иваном Янковичем де Мириево. СПб., 1791. Ч. 1.
7. Иван Григорьев, или Щастливый слуга. СПб., 1833; 1836; 1838.
8. Иван Слуга / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817.
9. Из собрания автографов Императорской публичной библиотеки: Письма и записки к Н. И. Гнедичу. Письма князя П. А. Вяземского // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. Отд. «Приложения».
10. Калакуцкая Л. П. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984.
11. Карл II: Драма в пяти действиях, взята из книги «Друг юношества», сочинения г. Беркина / С французского перевел Алексей Алфимов. М., 1788.
12. Клад: Комедия в одном действии г. Лессинга / Переведена вольно с немецкого. СПб., 1779.
13. Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя. Воронеж, 2009.
14. Левин Ю. Д. Драматургия // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2.
15. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969.
16. Михайлова Н. И. Пушкин и И. И. Дмитриев // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40).
17. Мурьянов М. Ф. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971.
18. Побочный сын, или Искушении добродетели: Комедия в пяти действиях и простою речью писанная. Сочинение г. Дидерота / [Пер. с франц. Б. Е. Ельчанинов?]. [СПб., 1767].
19. Повествование о двух приятелях, или Следствие модного воспитания / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1816; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1821.
20. Притяжение «Скупого рыцаря». СПб., 2001.
21. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11.

22. *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество, 1812—1826 // Вестник Европы. 1868. № 8—12.
23. Разговор двух матрозов после бури <...> / С франц. перевел [И. В. Лопухин] усердный почитатель Библейского общества, в селе Воскресенском, Ретяжи тож // Друг юношества. 1814. Янв.
24. *Реформатский А. А.* Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
25. *Рецептер В. Э.* «Я жду его»: (Скрытый сюжет «Скупого рыцаря») // Звезда. 2001. № 2.
26. *Светлов Л. Б.* Русские переводы произведений Дидро // Французский ежегодник. 1965. М., 1966.
27. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1961. Т. 1.
28. Сводный каталог русской книги, 1801—1825. М., 2007. Т. 2: (Е—Л).
29. Сводный каталог русской книги, 1801—1825. М., 2013. Т. 3: (М—О).
30. Сочинения Дмитриева. 3-е изд. М., 1810. Ч. 1.
31. Тесть и зять: Комедия в трех действиях / Вольный перевод [В. И. Лукина] с комедии г. Колье, называемой *Depuis et Deronnais*. СПб., 1768.
32. *Тиханов П.* Николай Иванович Гнедич (1784—1884): Несколько данных для его биографии по неизданным источникам к столетней годовщине дня его рождения. СПб., 1884. (Сб. ОРЯС; Т. 33, № 3).
33. *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899.
34. *Шолохов С. Л.* Об имени Иван в трагедии Пушкина «Скупой рыцарь»: (К вопросу о пушкинском историзме) // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX века. Л., 1985.
35. *Щеголевой* скорород, или Одноминутное дело: Комедия г. Легранда / Переведенная на российской язык Иваном Текутьевым. [М.], 1764.
36. *Jones M. G.* *Hannah More*. Cambridge, 1952.
37. *Maza S. C.* *Servants and Masters in 18th-Century France*. Princeton, 1983.
38. *Memoirs of the life and correspondence of Mrs. Hannah More*. By William Roberts, Esq., author of «The Portraiture of a Christian Gentleman». New York, 1834. Vol. 2.
39. *The Book for Every Land: Reminiscences of Labour and Adventure in the Work of Bible Circulation in the North of Europe and in Russia*. By the late John Pater-son, D. D. <...>. London, 1858.
40. *The History of Charles Jones, The Footman*. Written by himself / [By Hannah More]. [London], [1796].
41. *The Shepherd of Salisbury Plain* / [By Hannah More]. [London], [1795].
42. *The Two Wealthy Farmers* / [By Hannah More]. [London], [1795].
43. *Traduction de l'Épître de Pope au docteur Arbuthnot / Par le C. Delille* // *La Décade philosophique, littéraire et politique*. Paris, [1795]. Т. 6, № 44 (20 Messidor); № 45 (30 Messidor).
44. *Traduction de l'Épître de Pope au docteur Arbuthnot / Par le C. Delille* // *Almanach des Muses, pour l'an quatrième de la République Française*. Paris, [1796].

В. А. Кошелев

*Новгородский государственный университет
anatoly.koshelev@novsu.ru*

ПУШКИН, БАРОН БРАМБЕУС И «ПОЛЯЧКА МЛАДАЯ»

В статье рассматривается одно из первых «мемуарных» указаний на беседу с Пушкиным, развернутое в фельетоне О. И. Сенковского «Письмо трех тверских помещиков к Барону Брамбеусу» (1837). Доказывается, что фельетонист придумал приведенный «разговор» с Пушкиным с целью представить недавно скончавшегося поэта активным сторонником его собственной языковой концепции.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, О. И. Сенковский, «Письмо трех тверских помещиков к Барону Брамбеусу», фельетон, языковая концепция.

The article dwells upon one of the earliest «memoir» references to the conversation with Pushkin that was depicted in ‘Three gentlemen from Tver’s letter to Baron Brambeus’, a satirical article by O. I. Senkovsky (1837). It is proved that the author simply made up that conversation to show that Pushkin, who died shortly before advocated the concept of author’s language.

Keywords: A. S. Pushkin, O. I. Senkovsky, «Three gentlemen from Tver’s letter to Baron Brambeus», satirical article, language concept.

Список литературы и источников

1. Бахтурин К. П. Барон Брамбеус // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1.
2. Бурнашев В. Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. 1871. № 4.
3. Виноградов В. В. Язык Пушкина. 2-е изд. М., 2000.
4. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4.
5. Разговоры Пушкина / Сост. С. Я. Гессен и Л. Б. Модзалевский. М., 1929.
6. Сенковский О. И. Собр. соч. СПб., 1859. Т. 8.
7. Сидяков Л. С. Прижизненный свод пушкинской поэзии // Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1997. (Литературные памятники).
8. Фет А. А. Собр. соч. СПб., 2002. Т. 1.
9. Linde M. S. B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1809. Т. 2.

Александр Федута

*Минск (Беларусь)
feodor64@rambler.ru*

**ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБРАЗЕ ИГРОКА В «ПИКОВОЙ ДАМЕ».
ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПРОТОТИПОВ ЧЕКАЛИНСКОГО**

В статье рассматривается возможный прототип игрока Чекалинского в повести «Пиковая дама». По мнению автора, им мог быть сенатор Матвей Кашталинский, известный по воспоминаниям Сергея Глинки и Льва Энгельгардта. Кашта-

линский был покровителем молодого Потемкина, держал в Москве открытый дом и прославился любовью к азартным играм. Сенатор умер в 1817 году, но легенды о нем могли дойти до Пушкина.

Ключевые слова: «Пиковая дама», Чекалинский, прототип Матвей Кашталинский, Сергей Глинка, Лев Энгельгардт.

The article discusses a possible prototype of the card player Chekalinsky in the novel by Alexander Pushkin 'The Queen of Spades'. According to the author, they could be a Senator Matthew Kashtalinski, also known by the memoirs of Sergei Glinka and Lev Engelhardt. Kashtalinski was the patron of the young Potemkin, maintained an open house in Moscow, and was renowned for his love of gambling. The Senator died in 1817, but the legends about him could have been known to Pushkin.

Keywords: 'The Queen of Spades', Chekalinsky, prototype, Matthew Kashtalinski, Sergei Glinka, Lev Engelhardt.

Список литературы и источников

1. Глинка С. Н. Записки. М., 2004.
2. Дебрецени П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1996.
3. Доброхотов В. И. К истории замысла «Повести об игроке» // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5.
4. Кончакова Е. В. Гендерные и национальные аспекты «Пиковой дамы» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. № 1.
5. Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
6. Оксман Ю. Г. «Пиковая дама» // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931.
7. Парчевский Г. Ф. Пушкин и карты: «Налево ляжет ли вает?» . СПб., 1996.
8. Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929.
9. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003.
10. Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1868.

Стефани Ричардс

Рим (Италия) / Мадисон (Висконсин, США)

styopa78@gmail.com

Источник пушкинской «<Повести из римской жизни>»

Автор статьи вводит в научный оборот неизвестный источник пушкинского незаконченного наброска «<Повесть из римской жизни>» — французскую переделку эпистолярного романа Корнелии Найт под названием «Частная, политическая и военная жизнь римлян в эпоху Августа и Тиберия...» («Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien à son Ami; Traduites de l'Anglais»). Это издание сохранилось в биб-

лиотеке Пушкина, однако до сих пор не привлекало внимания исследователей. Указав на близкие переключки в описании заброшенной виллы в романе и пушкинском наброске и пометы Пушкина в его экземпляре книги, исследовательница предлагает свое объяснение интереса поэта к этому сочинению и подробно обсуждает характер обнаруженных интертекстуальных переключек.

Ключевые слова: «<Повесть из римской жизни>», библиотека Пушкина, Корнелия Найт, «Частная, политическая и военная жизнь римлян в эпоху Августа и Тиберия...», интертекстуальные связи.

The author introduces a previously unknown source for Alexander Pushkin's unfinished work, 'Povest' iz rimskoi zhizni' ('A Tale from Roman Life'). The French adaptation of an epistolary novel by Cornelia Knight, «Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien a son Ami; Traduites de l'Anglais», appears in Pushkin's library and is completely cut, but prior to this has received no attention by scholars. Based on several distinct similarities in the description of an abandoned villa in both the tale and the novel, and on the presence of bookmarks in Pushkin's personal copy of the book, the author provides an explanation of Pushkin's interest in the novel and outlines the intertextual connections in detail.

Keywords: 'Povest' iz rimskoi zhizni' ('A Tale from Roman Life'), Pushkin's library, Cornelia Knight, «Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien a son Ami; Traduites de l'Anglais», intertextual connections.

Список литературы и источников

1. Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
2. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
3. Andlauer B. Chateaubriand et «Les Martyrs»: Naissance d'une épopée. Paris, 1952.
4. Ellis Cornelia Knight. Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend, London, 1792.
5. Ellis Cornelia Knight. Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend. London, 1808.
6. Price F. Making History: Social Unrest, Work and the Post-French Revolution Historical Novel // Historical Writing in Britain: Visions of History 1688—1830 / Eds. B. Dew and F. Price. Hampshire, 2014.
7. Price F. The Uses of History: The Historical Novel in the Post-French Revolution Debate and Ellis Cornelia Knight's «Marcus Flaminius» (1792) // Reading Historical Fiction: The Revenant and Remembered Past / Eds. K. Mitchell and N. Parsons. Hampshire, 2013.

8. The Analytical Review or History of Literature Domestic and Foreign. 1793. Vol. 15 (Jan.—May).
9. The Monthly Review, or Literary Journal, Enlarged. 1792. Vol. 9 (Sep.—Dec.).
10. Wood D. Benjamin Constant: A Biography. London; New York, 1993.

Евгений Сошкин

Иерусалимский университет (Израиль)

e_soshkin@yahoo.com

**ЗЕМНЫЕ БОГИ. МОТИВЫ «АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ»
В ПУШКИНСКИХ ФРАГМЕНТАХ 1835 ГОДА**

В статье доказывается, что в двух стихотворных набросках 1835 года, относящихся к замыслу о Клеопатре, Пушкин использует одну и ту же формулу «земные боги» в двух разных значениях. На основе реконструкции норм применения формулы в литературе пушкинской поры делается вывод о том, что в обоих случаях Пушкин пренебрег этими нормами. Оставаясь в пределах инварианта стандартных значений формулы, он присвоил ей дополнительный семиозис в порядке изощренного интертекстуального приема.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Клеопатра, стихотворные наброски, устойчивая формула «земные боги», дополнительный семиозис.

The article presents the argument that the phraseological unit «earthly gods» used by Pushkin in 1835 in his two poetic drafts about Cleopatra had two different meanings. Soshkin reconstructs the conventions of the application of this formula in Pushkin's time and concludes that in both cases Pushkin neglected those conventions. Staying within the invariant of the standard meaning of this formula, Pushkin assigned additional semiosis to it with the purpose of implementing a sophisticated intertextual device.

Keywords: A. S. Pushkin, Cleopatra, poetic sketches, phraseological formula «earthly gods», additional semiosis.

Список литературы и источников

1. Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. Л., 1977.
2. Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей» // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи. Проза. Письма. М., 1931.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26.
4. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России [1987] // Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд., испр. и перераб. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
5. Жуковский В. А. Наль и Дамаянти (1837–1841) // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 5.
6. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
7. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.

8. Перлина Н. «Борис Годунов» и «Антоний и Клеопатра»: «Бывают странные сближения» // Русская литература. 2005. № 2.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Изд. подг. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 3.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2, кн. 2.
11. Сошкин Е. Нас четверо: (К описанию поэтической космологии Анны Ахматовой) // Philologica. 2013/2014. [Вып.] 10.
12. Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.
13. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837).
14. Томашевский Б. В. Текст стихотворения Пушкина «Клеопатра» // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1955. № 200. Вып. 25.
15. Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2.
16. Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1965.
17. Coyer G.-F. La Noblesse Commercante. Londres; Paris, 1756.
18. Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P[ichot]. Paris, 1821. Т. 3.
19. Shekespeare, traduit de l'anglois, par M[onsieur] Le Tourneur. Paris, 1779. Т. 4.
20. The dramatic works of Shakspeare printed from the text of Samuel Johnson, George Steevens and Isaac Reed. Complete in one volume. Leipsic, 1824.

Г. М. Седова

*Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург
moika12@mail.ru*

«ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ БЕД СТРАЖДУЩИХ» (О НЕКОТОРЫХ ИКОНАХ ПУШКИНСКОГО РОДА)

Статья посвящена малоизученной проблеме присутствия икон в семейной жизни Пушкина. Особое внимание уделено определению типов двух икон Богоматери, представленных в Мемориальном музее-квартире поэта на Мойке, 12. Прослежено возможное использование одной из них (образ Богоматери «Спасение от бед») в церемонии благословения сестры поэта О. С. Павлищевой (1828 г.). Показано, что другая экспонируемая икона могла происходить из Псково-Печерского монастыря, на территории которого находилась семейная усыпальница представителей рода Пушкиных. Впервые сопоставлены изображения покойного поэта, выполненные 29 и 30 января 1837 г. художниками А. Н. Мокрицким, Ф. А. Бруни, А. А. Козловым. Выявлена не замеченная исследователями разница между образом, который лежал на груди Пушкина в первый день после его кончины, и иконой, положенной в гроб на другой день. Высказано предположение, что образ Спасителя был заменен на образ Трех Святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), соборный праздник которых пришелся на следующий день после кончины поэта. К замене образа мог иметь отношение В. А. Жуковский, именины которого отмечались 30 января, а день рождения совпал с днем кончины Пушкина.

Ключевые слова: икона, образ Богоматери «Спасение от бед», Псково-Печерский монастырь, образ Спасителя, образ Трех Святителей, О. С. Павлищева, А. Н. Мокрицкий, Ф. А. Бруни, А. А. Козлов, В. А. Жуковский.

The article addresses the need for further exploration and interpretation of the presence of icons in the family life of Pushkin. Particular attention is paid to the description of two icons of Virgin Mary exhibited at the Pushkin Memorial Apartment Museum at 12, Moika River Embankment in St. Petersburg. The author traces the possible use of one of them (Our Lady «Rescue from Troubles») in the blessing ceremony of Olga Pavlishchev, the poet's sister, in 1828. It is known that Pushkin participated in that ceremony. Another icon displayed in the Museum could have come from the Pskovo-Pechersky (Pskov-Caves) Monastery, on which territory the family tomb of the Pushkins was located. This is the first time images of the late poet made on the 29th and 30th of January, 1837, by the artists A. Mokritsky, F. Bruni and A. Kozlov were compared with each other, revealing the difference, previously unnoticed by researchers, between the icon lying on Pushkin's chest on the first day after his death and the icon put in the coffin on the next day. It is suggested that the image of the Savior had been replaced with the image of Three Hierarchs (Basil the Great, Gregory the Theologian and John Chrysostom), whose holiday was marked on the next day after Pushkin's death. The change of icon could have been initiated by Vasily Zhukovsky, whose name day was also celebrated on the 30th of January and whose birthday coincided with the day of the poet's death.

Keywords: icon, Our Lady «Rescue from Troubles», Pskovo-Pechersky (Pskov-Caves) Monastery, the image of the Savior, the image of Three Hierarchs, O. A. Pavlishcheva, A. N. Mokritsky, F. A. Bruni, A. A. Kozlov V. A. Zhukovsky.

Список литературы и источников

1. *Архангельский А. Н.* «Огнь бо есть...»: Словесность и церковность: литературный сопромат // *Новый мир.* 1994. № 2.
2. *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. СПб., 1899.
3. *Бюлер Ф. А.* Записка А. С. Пушкина к кавалерист-девице Н. А. Дуровой // *Русский архив.* 1872. Кн. 1.
4. *Давыдов В. Н.* Квартира А. С. Пушкина в конце января 1837 г. // *Русская старина.* 1887. № 4.
5. *Мальчукова Т. Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковно-славянской традиции: (К интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) // *Евангельский текст в русской литературе XIII–XX веков.* Петрозаводск, 1998. Вып. 2.
6. *Мурынов М. Ф.* Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // *Временник Пушкинской комиссии.* 1974. Л., 1977.
7. *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1978.

8. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893.
9. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998.
10. Юрьева И. Ю. «Библию, библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4.
11. Пушкин в прижизненной критике, 1834–1837. СПб., 2008.

А. Л. Соболев

Москва

trirodov@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «СКРИЖАЛИ ПУШКИНА» М. О. ГЕРШЕНЗОНА

В статье реконструируется история книги М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919), приводятся новые сведения о ее подготовке, печатании и связанном с ней скандальном происшествии, надолго запомнившемся его участникам и свидетелям.

Ключевые слова: М. О. Гершензон, «Мудрость Пушкина», «Скрижаль Пушкина», стихотворная цитата, филологическая полемика.

The article gives a historical reconstruction of the book «Pushkin's wisdom» («Mudrost' Pushkina») by M. O. Gershenson. This reconstruction includes new information about the process of making the book, history of publishing and a scandal concerning it, which was remembered for a long time after.

Keywords: M. O. Gershenson, «Pushkin's wisdom», «Pushkin's scroll», poetic quotation, philological controversy.

Список литературы и источников

1. Аронсон Г. Я. Московские зимы // Новый журнал (Нью-Йорк). 1945. № 10.
2. Бахрах А. По памяти, по записям... Париж, 1980.
3. Белоус В. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация), 1919–1924. М., 2005. Кн. 2: Хроника. Портреты.
4. Бельй А. Между двух революций. М., 1990.
5. Берман Я. Э. М. О. Гершензон: Библиография. [Одесса], 1928.
6. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1918–1936. Л., 1973. Ч. 2.
7. Герцык Е. Лики и образы. М., 2007.
8. Гершензон М. Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 4.
9. Гершензон М. Мечта и мысль Тургенева (описание инскрипта) // URL: <http://therese-phil.livejournal.com/34414.html>
10. Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., [1919].
11. Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920 – 1925) / Публ. А. Д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. [Т.] 6.
12. Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. М., 2004.
13. Иванова Е. В. Вольная философская ассоциация: труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996.

14. *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме: 1918—1928 гг. / Публ. и коммент. Н. А. Прозоровой // Пушкинист Н. В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008.
15. Книга и революция. 1920. № 2.
16. *Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. Л., 1969.
17. Международная книга. Каталог № 7: Мемуары и биографии. М., 1926.
18. *Лернер Н.* Еще о «Скрижали Пушкина» // Книга и революция. 1922. № 1.
19. *Лернер Н. О.* Новооткрытые стихи Пушкина: Окончание «Юдифи» // Наш век. 1918. 4 мая.
20. *Литвин Е. Ю.* «Дышать трудно, дух мечется и томится...»: (Из переписки Н. С. Ашукина и П. С. Сухотина) // Долг и любовь: Сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. М., 2011.
21. Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1, ч. 1 / Отв. ред. А. Ю. Галушкин.
22. *Лутохин Д. А.* Новинки «Пушкинианы» // Вестник литературы. 1920. № 10.
23. *Ниточкин С. А.* Пестрые рассказы о собирателях и книготорговцах // Библиофильство и личные собрания. М., 2011.
24. Новое время. 1884. № 3174. 29 дек.
25. *Осоргин М. А.* Заметки старого книгоеда. М., 1989.
26. *Поляков Ф.* Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // Vade-tesum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010.
27. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. Изд. 2-е, перераб. М., 1997.
28. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
29. *Тоддес Е. А.* К текстологии и биографии Тынянова // Седьмые тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996. Вып. 9.
30. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
31. *Финкельштейн А. Л.* Немного о старых книгах. М., 2003.
32. *Ходасевич В. Ф.* Книжная палата: Из советских воспоминаний // Собр. соч. М., 1997. Т. 4.
33. «...Цельный и настоящий...»: Из переписки и дневников М. О. Гершензона / Публ. Е. Литвин // Вопросы литературы. 2009. № 5/6.
34. *Цявловский М. А.* Посмертный обыск у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.
35. *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 12.

Сергей Гаврилов

Таллин, Эстония

lvovitch@hotmail.com

**«НЕСЧАСТНЫЕ НАРВСКИЕ БЕГЛЕЦЫ...».
ПОТОМКИ ЛЬВА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА В ЭСТОНИИ**

Статья посвящена судьбе потомков Льва Сергеевича Пушкина в XX веке. На основании документов из эстонских архивов и воспоминаний современников

восстанавливаются биографии внука Л. С. Пушкина полковника Александра Анатольевича Пушкина, его жены и детей. Фактический материал, приведенный в статье, восполняет «белые пятна» не только в родословной росписи рода Пушкиных, составленной Модзалевским и Муравьевым и опубликованной в 1932 г., но и в росписи Н. Ф. Иконникова 1960 г. Кроме этого, показано политическое значение международной кампании по вызволению правнука Пушкина из «Советии» в 1924–1926 гг.

Ключевые слова: Л. С. Пушкин, А. А. Пушкин, потомки, родословная, Б. Л. Модзалевский, М. В. Муравьев, Н. Ф. Иконников.

The article traces the fate of the descendants of Lev Sergejevitch Pushkin in the XX century. The biographies of Colonel Alexander A. Pushkin, the grandson of Lev Pushkin, and his wife and children are restored based on the documents from the Estonian archives and using the memories of the contemporaries. The factual material contained in the article fills the «blank spots» not only in the genealogical list of the Pushkin family composed by Modzalevsky and Muravyov and published in 1932, but also in the list composed by N. Ikonnikov in 1960. In addition, the article points to the political importance of the international campaign for rescuing the great-grandson of Pushkin from the «Land of Soviets» in 1924–1926.

Keywords: L. S. Pushkin, A. A. Pushkin, descendants, genealogical list, B. L. Modzalevsky and M. V. Muravyov, N. F. Ikonnikov.

Список литературы и источников

1. Колпаков Н. А. Последние Пушкины // Последние известия. 1924. 14 июня.
2. Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись // Род и предки Пушкина. М., 1995.
3. Старый нарвский листок. 1926. № 63.
4. Тальберг Е. П. Воспоминания о детских и школьных годах в Нарве: (1922–1939) // К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999. Т. 3.
5. Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. М., 1991.
6. Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу (1831–1843) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10.

М. В. Строганов

*Московский государственный университет дизайна и технологии
mistro@rambler.ru*

ПУШКИН В БАДЕН-БАДЕНЕ

В заметке рассказывается о находящемся в Баден-Бадене памятнике императрице Елизавете Алексеевне, на котором процитирован фрагмент из пушкинского стихотворения «К Н. Я. П<люсковой>».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «К Н. Я. П<люсковой>», Баден-Баден, императрица Елизавета Алексеевна, памятник.

The article describes a monument to Empress Elizabeth (Elizaveta) Alekseevna in Baden-Baden which is decorated with a quotation from Pushkin's poem 'To N. Y. Plyuskovoy'.

Keywords: A. S. Pushkin, 'To N. Y. Plyuskovoy', Baden-Baden, Empress Elizabeth (Elizaveta) Alekseevna, monument.

Список литературы и источников

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллаева А. С. 112
Абрамов Л. 238
Абрамова И. Ю. 90–91
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (Auguste, Augustus), римский император 59, 266, 268, 288–290, 293–294
Авель см. Малартик де Фонда А. Л. Ф. де
Аверин Б. В. 375
Аверинцев С. С. 104
Агамалян Л. Г. 333, 378
Агриппина 270
Ади (Adu) Э. 71–72
Азадовский К. М. 44
Азадовский М. К. 44
Айнсворт см. Эйнсворт Р.
Акимов С. С. 107, 109, 111, 113, 115
Акунин Б. 99
Александр I, российский император 12–14, 16–18, 20–26, 118, 182, 185, 198–199, 210
Александр II, российский император 333, 342
Александр Константинопольский 377
Александр Куштский 303
Александр Ярославич Невский, князь 14, 303
Александрова М. А. 92–93
Александрова Т. Г. 339
Алексеев М. П. 198, 222–224, 226, 227
Алексеева Н. Ю. 184
Алексеевы, художники 341
Алешкевич А. А. 238
Аллой В. Е. 314
Алоэ (Aloe) Ст. 93, 105
Алфимов А. Н. 249
Альваренга (Alvarenga) Пейшоту И.-Ж. ди (Альцей; Alcée) 226–227, 229–230
Альми И. Л. 83, 90, 95, 100
Альдей см. Альваренга Пейшоту И.-Ж. ди
Альцест см. Мануэль да Кошта К.
Амалия, принцесса Баденская, урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская 330
Амелин М. Н. 89
Аминаева И. А. 88
Анакреон (Anacréon) 224, 228, 230–231
Андло (Andlau) В. 269, 273
Андосова Т. С. 86
Андреев В. Н. 222
Андреева И. В. 340
Андреева Л. П. 335
Андрейко Е. В. 42
Андрианова М. Д. 106
Андрялоши (Angualosi) Г. 79

- Анисимова Д. Ю. 71–72
 Анненков П. В. 34, 125, 177, 215, 217, 223, 272
 Антоний Марк 275–276, 281–282, 284–285, 287–289, 293–294
 Антоний Печерский 295–296
 Антонов Г. Н. 372
 Апраксин И. А. 379–380
 Априли Л. 76, 78
 Арань (Агапу) Я. 64, 67, 69, 72, 75
 Арапов П. Н. 53
 Арбетнот (Arbuthnot) Дж. 248
 Арендт Н. Ф. 336
 Аржевитинов И. С. 33
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Ариосто Л. 218
 Аристотель 59, 287
 Арно А.-В. 190
 Аронсон Г. Я. 313
 Арсенин Д. Д. 115
 Артихович А. П. 333
 Архангельский А. Н. 305
 Архаров И. 12
 Архипов А. А. 339
 Архипова А. В. 379
 Арчил, царь Имеретин 9
 Асоян А. А. 238–241
 Аснаш С. М. 301
 Афанасий Александрийский 303–304
 Ахматова А. А. 101, 248, 293–294
 Ашукин Н. С. 311
- Бабич (Babits) М.** 74–75
 Багно В. Е. 57, 60
 Багратиони Т. 212
 Баевский В. С. 3, 141, 351–357
 Базанов В. Г. 139, 197
 Байрон (Вугон) Дж. Г. 38–39, 65, 69, 74, 155, 189, 352, 355–356
 Бака И. 78
 Балакин А. Ю. 113
 Балашов А. Д. 13, 15
 Балашова И. А. 99, 103
- Бандейра (Bandeira), доктор 226–227, 229–230, 234–235
 Баранов В. С. 29
 Баранов Э. Ф. 12
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 95, 113, 121, 134, 200, 207, 212, 311
 Барбасена (Barbasena), Л. А. Фурта-до де Кастро до Рио Де Мендонса де, виконт 227, 229
 Барков И. С. 176
 Барон Брамбеус см. Сенковский О. И.
 Бартеlemi (Barthélemy) Ж.-Ж. 135–136
 Бартенев П. И. 5–6, 9–10, 15, 25–27, 264
 Бат см. Батя Т.
 Батюшков К. Н. 121, 129–130, 132, 138, 231, 235, 248–249, 255, 338, 356
 Батя Т. 328
 Бах А. фон 68
 Бахрах А. В. 312
 Бахрушин С. В. 21
 Бахтин М. М. 177
 Бахтин Н. Н. 70
 Бахтурин К. П. 253
 Бейль П. 150
 Белецкий А. И. 41
 Белинский В. Г. 66, 342–343, 354
 Белкин Д. И. 81–82, 84, 86, 91
 Белоногова В. Ю. 86, 89–90, 92, 95, 98, 111, 114, 116
 Белоус В. Г. 315
 Белый Андрей (наст. имя и фам. Бугаев Б. Н.) 113, 115, 309, 311, 315
 Беляев М. Д. 337, 342, 345
 Бем А. Л. 362
 Бенитцкий А. П. 178
 Бенуа А. Н. 107, 339
 Бенуа ди Стетто А. 341
 Беранже (Béranger) П.-Ж. де 228, 231
 Березкина С. В. 127, 210, 211, 243, 372

- Беркен (Berquin) А. 249–251
 Берман Я. Э. 308, 315
 Бертон Ж.-Б. 353
 Бертъе-Делагард А. Л. 44, 51
 Берхамоглу А. 111–112
 Берци К. 68–69, 72, 76–77
 Бессонова А. С. 91–92, 103
 Бестужев-Марлинский А. А. 86, 200, 253, 255–256
 Бестужев-Рюмин М. А. 86, 238–241
 Бестужев-Рюмин М. П. 221
 Бетеа (Bethea) Д.-М. 11, 40–41, 44, 215, 218, 346–348
 Билинкус О. А. 213
 Бисмарк О. фон 329
 Битов А. Г. 106
 Благой Д. Д. 43–44, 178, 180, 182
 Блок А. А. 99, 171, 235, 359, 379, 382
 Блудов Д. Н. 143
 Бобров С. П. 317
 Бобров С. С. 37, 40, 50–51
 Богатырева Е. Д. 104
 Богданов Г. 324
 Богданович И. Ф. 65, 85, 100, 108
 Боденштедт (Bodenstedt) Ф. 57, 68
 Бодрова А. С. 202, 215
 Бодуэн-де-Куртене И. А. 93
 Божич-Шейич Р. 104, 106
 Бокариус М. В. 342
 Бонди С. М. 39, 235, 276
 Бонне (Bonnet) Ш. 250
 Боратынский Е. А. см. Баратынский Е. А.
 Боратынские 340
 Борис Годунов, русский царь 36–37, 56, 69, 79, 85, 89, 95–96, 116, 125, 138, 281
 Борисова К. В. 116
 Борисова Н. А. 80–81, 91–92
 Бородин Н. Я. 107
 Боссэ Г. А. 336
 Боткин С. П. 106
 Брамфилд У.-К. 102, 105
 Брантом (Branthôme) П. де Бурдейль де 164
 Бриттен Б. 109
 Бродский И. А. 86
 Бродский Н. Л. 141, 171, 368
 Брож К. О. 300–301
 Бройтман С. Н. 88
 Бруни Ф. А. 301–302
 Брюллов К. П. 299–300
 Брюсов В. Я. 52, 279, 293
 Буало-Депрео (Boileau-Despréaux) Н. 175–176, 178, 180
 Бугаев Б. Н. см. Белый Андрей
 Буданова Н. Ф. 379
 Будри Д. И. 61
 Букалов А. М. 81
 Букреева Е. М. 115
 Булгаков А. Я. 33
 Булгаков К. Я. 24–25
 Булгарин Ф. В. 88, 261–262
 Бурачок С. А. 30
 Бурнашев В. П. 260–262
 Бурнашева Н. И. 92
 Бурхард-Филиппов И. Ф. 320
 Бутков П. Г. 31
 Бутурлин Д. П. 34
 Буур (Bouhours) Д. 156
 Бухаркин П. Е. 205
 Бухмейер К. К. 130, 187
 Быкова А. Л. 108
 Бюлер Ф. А., барон 303–305
 Бялокозович Б. 83, 93, 104
 Ваглер Х. 97
 Вавилина Г. И. 333
 Вайда Я. 67
 Вайлас (Vilas) У. 349
 Валад (Valade) Л. (Валад-Габель П.-В.-Л.) 168
 Валера-и-Алькала-Гальяно (Valera у Alcalá-Galiano) Х. 57
 Вальтер Р. фон (Р. Р.) 313
 Ван Лие 116

- Варади-Штернберг Я. 67
 Варлам (Варламов) К. К. 177
 Василий Великий 304–305
 Васильев Н. Л. 90–91, 94–96, 101, 103, 105, 108, 110, 112, 114, 116
 Васильева И. В. 372
 Васильчиков А. В. 12
 Васильчиков И. В. 12
 Васильчиков П. А. 12–13, 16, 18, 21
 Васильчикова А. И. 21, 26
 Вацуро В. Э. 29, 32, 138, 181, 199, 205, 212, 234–235, 238–239
 Велижев М. Б. 21
 Великопольский И. Е. 82, 361, 378
 Венгеров С. А. 27, 52, 119, 191, 224
 Венецианов А. Г. 299
 Венштейн Ш. 112
 Вергилий Марон, Публий 59, 114, 228, 230, 272
 Вересаев В. В. 248
 Верещагин Е. 86
 Вершинина Н. Л. 83–85, 87–89, 92, 94–98, 100, 102, 105, 107–116, 380
 Веселовский А. Н. 41
 Видре Е. М. 371, 376
 Виельгорские 12
 Виельгорский И. М. 18–19
 Виельгорский М. Ю. 12–13, 18–19, 21–25, 27
 Вийон (Villon) Ф. 175–176, 178
 Викторович В. А. 88, 92, 102
 Виллем II, король Нидерландов 187
 Вилсон Дж. 84
 Вильк Е. А. 89
 Вильмен А.-Ф. 176
 Вильнер В. С. 339
 Виноградов А. А. 97
 Виноградов В. В. 180–181, 191, 202, 206–207, 256
 Винокур Г. О. 3, 36–47, 54, 187, 317
 Виролайнен М. Н. 237, 374–375
 Витале С. 356, 367, 370, 374–375
 Витгенштейн П. Х. (Л.-А.-П.) 12, 20, 28
 Владиславлев В. А. 30
 Власов А. М. 94
 Вогюэ Э.-М. де 60–61
 Воейков А. Ф. 30
 Волконская З. А. 242
 Волконская М. Н. см. Раевская М. Н.
 Волконский А. Н. 242
 Волконский Н. С. 80
 Волховская А. Г. 55
 Вольперт Л. И. 202
 Вольтер (Voltaire) 145, 188, 192, 286
 Воронцов М. С. 177
 Воронцов-Вельяминов Г. М. 100
 Воскресенский М. И. 112
 Всеволожский Н. В. 6
 Вуатюр (Voiture) В. 156
 Вульф Ал. Н. 186
 Вульф Ан. Н. 217
 Вульф Е. Н. 217
 Вымазал Ф. 99
 Высоцкий В. С. 88, 97
 Вышеславцев М. М. 194
 Вэреш Ш. 77
 Вяземские 25, 86, 112, 249
 Вяземский П. А. 7–8, 10, 15–16, 18, 25, 35, 46–48, 53–54, 121, 124, 143, 209–211, 216–217, 235, 248, 263, 283, 301, 343
 Габсбурги 64
 Гаврилов С. Л. 328
 Гайворонская Л. В. 100, 108
 Галгоцци А. 77–78
 Галич А. И. 91
 Галли де Бибыена (Galli de Bibiena) Ж. 147
 Галкина Т. И. 335–336
 Галушкин А. Ю. 315
 Ганнибал А. П. 61, 70, 81–82, 218–219, 296, 306, 317, 347, 374, 376–377, 380–381

- Ганнибалы 371
 Гапеенкова М. Ю. 86
 Гарсиласо де ла Вега 59
 Гартман фон Ауэ 244
 Гаспаров Б. М. 182, 187, 195
 Гаспаров М. Л. 181, 199
 Гастфрейнд Н. А. 335
 Гати И. 78—79
 Гау В. И. 337
 Гей Н. К. 91, 96, 99, 103, 108, 110
 Гейченко С. С. 381—383
 Геккерт де Беверваард Л.-Я.-Т. 374, 376
 Гельмерсен В. В. 368, 379, 383—384
 Геништа И. И. 107
 Гераков Г. В. 52
 Герасимова Т. П. 179
 Герен П.-Н. 207
 Герцен А. И. 67, 265, 343, 364
 Герцык Е. К. 312
 Гершензон А. О. 314
 Гершензон М. О. 306—319
 Герштейн Э. Г. 294
 Герье Е. В. 21
 Гессен С. Я. 257
 Гете (Goethe) И.-В. 39, 66, 84, 111, 115, 150, 160, 215, 254
 Гиар де Сервинье (Guiard de Servigné) Ж.-Б.-М. 167
 Гибшман И. Е. 100
 Гизо (Guizot) Ф. 277, 288
 Гиллельсон М. И. 143
 Гиляров-Платонов Н. П. 86
 Гинзбург Л. Я. 139—140
 Глазунов И. С. 330
 Глебенко Е. Ю. 338, 345
 Глинка М. И. 298
 Глинка С. Н. 53—54, 264—265
 Глинка Ф. Н. 118, 197, 207
 Глоцест см. Бандейра
 Глумко О. 95—96, 105, 107, 109, 111, 113—115
 Глухов В. И. 84, 86
 Гнамманку (Gnammankou) В. 376
 Гнамманку (Gnammankou) Д. 376
 Гневковская Е. В. 91
 Гнедич Н. И. 248
 Гоголь Н. В. 16, 19, 29, 70, 72, 90, 92, 95, 99, 103, 111, 114, 329, 336, 339, 342, 343, 357
 Гозенпуд А. А. 179, 380
 Голдсмит О. 122
 Голицын А. Н. 11—13, 16—27, 33, 210, 246
 Голицын С. Г. 103
 Голицына А. С. 246
 Голицына Е. И. 123
 Голицына Н. Г. 94
 Голицына Н. П. 94
 Голицына П. Н. 94, 96
 Голицыны 84
 Голубцова А. В. 60
 Гольд В. Я. 313
 Гомер 181
 Гонзага (Gonzaga) Т.-А. 222—236
 Гончаренко Н. А. 176
 Гончаров А. Н. 304
 Гончаров И. А. 72
 Гончарова А. Н. 299
 Гончарова Е. Н. 299, 375
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончарова Н. С. 382
 Гончаровы 298, 305, 367, 370
 Гораций Флакк, Квинт 130, 200, 220, 229—232, 356, 360
 Горелова Л. П. 362
 Горнфельд А. Г. 317
 Горовиц Б. 312, 315, 317
 Горчаков А. М. 124—125, 217
 Горчакова М. А. см. Мусина-Пушкина М. А.
 Горький М. 69
 Готовцева А. Г. 118, 129
 Граф А. 97
 Грекур Ж.-Б.-Ж. Виллар де (Willart de Grécourt) 146—148

- Греллет (Grellet) С. (Грелле дю Мобийе Э. де; Grellet du Mabillier) 17
- Грессе (Gresset) Ж.-Б.-Л. 249
- Грехнев В. А. 80–87, 89, 92
- Грехнева Г. М. 89–90
- Грехнева Л. В. 90
- Греч Н. И. 30, 257, 261–262
- Гречаная Е. П. 232, 234
- Грибоедов А. С. 92, 138, 247, 355, 358–359
- Григорий Богослов 304–305
- Григорьева А. Д. 46
- Григорьева Е. Н. 2
- Гро Ж.-А. 207–208
- Гроссман Л. П. 235
- Гросф, Помпей (Grosphus) 200
- Грот Я. К. 30, 183, 185, 335, 343
- Грязнова А. Ю. 345
- Гуж де Сессьер (Gouge de Cessières) Ф.-Э. 152, 162
- Гуменная Г. Л. 81, 84–85, 88, 90, 92, 96, 98, 100, 102–103, 105–107, 109, 111, 113, 115
- Гуревич Н. Б. 95
- Гуэрра Т. 339
- Гюго (Hugo) В.-М. 190, 243, 369
- Давыдов В. Н. 302
- Д'Аламбер Ж. Лерон (D'Alembert J. Le Rond) 159–160
- Даль В. И. 34
- Д'Амелиа А. 314
- Данзасы 366, 371, 375, 377
- Данилевский Р. Ю. 250
- Дантес де Геккерн Ж.-Ш. 367, 370, 374–375
- Дантесы 367, 370
- Д'Аржанс (d'Argens), Ж.-Б. де Буаэ 158
- Дашевский Г. М. 371, 374, 376
- Дашков Д. В. 248
- Дебрецени П. 264
- Де Гранж (Des Granges) Ж. 164–165
- Делиль (Delille) Ж. 58, 248
- Дельвиг А. А. 9–10, 15, 32, 41–43, 47–49, 105, 131–133, 139, 212–213, 298
- Дементьев М. А. 299
- Демин А. О. 246
- Деникин А. И. 320
- Денисенко С. В. 115
- Денисов Э. В. 102
- Депре де Буасси (Desprez de Boissy) Ш. 175
- Державин Г. Р. 14, 30, 35, 65, 183–185, 196–197, 203, 255, 283, 332–334, 338–340, 342–345, 375
- Дерман А. Б. 317
- Джонсон (Johnson) С. 269, 288
- Дзузева Н. В. 101
- Дидро (Diderot) Д. 250–251
- Диляра-Бикеч, жена крымского хана Керим-Гирея 48
- Димитров Л. 93, 96–97, 103, 108, 116
- Дмитриев И. И. 14, 178–179, 248–249
- Дмитриев М. А. 213–214
- Дмитриева Н. Л. 237, 371, 376
- Добренко Е. 101
- Добрицын А. А. 164, 170, 214
- Добровольская Е. Б. 335
- Добродомов И. Г. 172
- Доброхотов В. И. 263
- Добужинский М. В. 368
- Довгий О. Л. 83
- Довлатов С. Д. 340
- Догнал Й. 115
- Долгов Г. А. 89
- Долгова С. Р. 104
- Долгушина М. Г. 98, 102, 105, 107
- Долинин А. А. 375
- Долотова Л. М. 13
- Дондуа К. Д. 212
- Доно де Визе (Donneau de Visé) Ж. 214
- Достоевский Ф. М. 61, 86, 96, 98, 104, 108, 119, 286, 329, 353, 357

Драгомирецкая Н. В. 81
Дрождек И. 106
Дронников Н. Е. 340
Дружинин П. А. 41
Дубельт Л. В. 300
Дубровин Н. Ф. 15
Дубровский А. В. 372
Дурова Н. А. 304
Душечкина Е. В. 178
Дюлаи П. 68–69

Евгения Римская 104
Евсенева Ж. Е. 81
Егоров Б. Ф. 86
Егорова Е. Н. 107
Екатерина II Великая, российская императрица 14, 20, 117, 184, 265, 304, 340, 345
Елизавета Алексеевна, российская императрица 117–118, 121, 124, 127–128, 329–331
Елизавета Петровна, российская императрица 12, 183, 191, 197, 264
Ельчанинов Б. Е. 249, 251
Епишкин Н. И. 172
Еремин А. А. 116
Ермакова Н. А. 87, 100
Ермолов А. С. 14
Ершов П. П. 110
Есаулов И. А. 110
Есенин С. А. 101, 108
Есипов В. М. 179–180, 186, 198
Ефремов П. А. 119, 125, 215–216

Жан-Поль (Рихтер И.-П.-Ф.) 84
Жантиль-Бернар (Бернар П.-Ж.) 152
Жерар Ф.-П.-С. 207, 209
Живов В. М. 19, 182, 184, 283
Жид А. 106
Жильбер Н. 235
Жилякова Е. М. 93
Жирмунский В. М. 356

Жирунов П. Г. 99, 101
Жуковский В. А. 33–35, 38–39, 65, 98, 107, 121, 124, 129–131, 197, 201, 203, 255, 276, 283, 292, 300–301, 305, 307–308, 310–313, 317–319, 329, 333, 336, 338, 342–344
Жулин Ю. А. 90–91, 93–94, 96, 98, 100, 102, 105, 107, 109, 111, 113, 115
Журавлев А. А. 341
Жутовская Н. М. 45, 368, 371, 376
Жюльен (Jullien) Ж.-О. (псевд. Desboulmiers) 161–162

Забабурова Н. В. 97
Заборов П. Р. 31, 145, 188
Загидулина М. В. 95
Загоскин М. Н. 253, 256
Загряжские 367, 370
Зайончковский А. М. 21
Зализняк А. А. 167
Замаренова О. А. 338, 345
Западов А. В. 184
Зарецкий Н. В. 115
Заславская О. Б. 100
Захарченя Б. П. 109
Зёльдхей (Zöldhelyi) Ж. 65, 67–69
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Зилахи И. 69
Зилахи К. 69
Золотухин Г. И. 80–87, 89, 91
Зотова Н. В. 86–87
Зубков В. П. 221

Иваницкий А. И. 102–103
Иванов В. В. 136
Иванов-Разумник Р. В. 141, 315–316
Иванова Е. В. 315
Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский 303–304
Иезуитова Р. В. 179–180, 182, 186, 202, 224, 333, 338, 340, 344–345, 376–379, 381

- Измайлов А. Е. 82, 133
 Измайлов Н. В. 217, 310, 312
 Ийеш Д. (Illyés G.) 74–75
 Ильин И. Н. 244
 Ильин Н. В. 109
 Ильичев А. В. 202
 Илюшкин В. В. 341
 Иоанн Богослов 303
 Иоанн Златоуст 304–305
 Искюль С. Н. 13, 15
- Йокай** М. 67
Йыги А. 325, 327–328
- Кадзухико** Х. 97
 Казакова Л. А. 93
 Казарин В. П. 42, 206
 Казинци (Kazinczy) Г. 66
 Какинума М. 113
 Калакуцкая Л. П. 250
 Калинина Л. С. 109
 Калло Е. М. 129, 131, 134, 136
 Кант И. 122
 Кантемир А. Д. 366, 370
 Капица В. Ф. 116
 Капнист В. В. 65, 283
 Капнист П. И. 124–125, 217
 Карамзин А. Н. 18, 34
 Карамзин Н. М. 33, 88, 90, 117, 129–131, 143, 218, 244, 255, 283, 380
 Карамзина Е. А. 33–34
 Карамзина Е. Н. 143
 Карамзина С. Н. 18, 143
 Карамзины 18, 33–34
 Каратыгин П. А. 300
 Кардаш Е. В. 178, 199, 205
 Кардона Суансес А. 56
 Карл II, король Англии 249
 Карл V, король Испании 59
 Карл XII, король Швеции 197
 Карл-Людвиг, маркграф Баден-Дурлахский, принц Баденский 330
- Карнаухова В. А. 102
 Карпов А. А. 122
 Карпов Н. А. 243
 Кастелар-и-Риполь (Castelar y Ripoll) Е. 58–62
 Кастосов И. В. 89
 Катенин П. А. 88, 194–195
 Катулл, Гай Валерий 138
 Каховский П. Г. 221
 Каченовский М. Т. 213–215
 Кашталинский М. Ф. 264–266
 Каштру Ж. Л. ди, граф де Ресенде (Resende) 227, 229
 Квитко Л. М. 362
 Керим-Гирей, крымский хан 48
 Керн А. П. 91, 108, 298
 Кибилов Т. Ю. 103
 Киреевский И. В. 361
 Кирилл Александрийский 303–304
 Киселева Л. Ф. 93
 Китанина Т. А. 211–212
 Клейн И. 186, 191, 202
 Клеопатра VII, царица Египта 98, 138, 224, 275–294
 Климова Д. М. 377
 Клопотовский В. В. 113
 Ключев Н. А. 113, 116
 Княжнин Б. Я. 127
 Княжнин Я. Б. 90, 178
 Кобеко Д. Ф. 335
 Ковалев Г. Ф. 243
 Кожевников В. А. 119, 141
 Козлов А. А. 301–302
 Козлов И. И. 232
 Козловская В. С. 342
 Колле Ш. 249
 Колло д'Эрбуа (Collot-d'Herboix) Ж.-М. 236
 Колмыков В. А. 102
 Колпаков Н. А. 322–323
 Комбол М. 104
 Комовский В. Д. 29
 Конде, род 188
 Кондратьев Б. С. 114

- Конев А. А. 100
 Кононова В. 350
 Кононова Н. В. 111, 113
 Коноплев В. Г. 127
 Констан де Ребек (Constant de Rebecque) Б. 269
 Кончакова Е. В. 266
 Коншина Е. Н. 33
 Корде (Corday) А.-М.-Ш. 236
 Корепова К. Е. 90
 Кормош И. 77
 Корнель (Corneille) П. 214
 Корнель (Corneille) Т. 214
 Корнилович А. О. 360
 Коровашко А. В. 115
 Коровин В. И. 137
 Костин А. А. 3, 29
 Кочнева Е. В. 31
 Кочубей В. Л. 234
 Кочубинский А. А. 54
 Кошанский Н. Ф. 136
 Кошелев А. В. 90–91, 103, 106
 Кошелев В. А. 43, 88, 106, 108, 110, 113, 115, 141, 262
 Кошкинко И. В. 372
 Крамер К. Ф. 136
 Краснобородько Т. И. 214, 218, 220. 372
 Краснов Г. В. 80–87, 89–91, 93–94, 96, 98, 100–102, 104, 361
 Красовский А. И. 212
 Кребийон (Crébillon) К.-П. Ж. де (Кребийон-сын; Crébillon le fils) 145, 149–151, 157–160
 Кретъен де Труа 244
 Кривцов Н. И. 111
 Круди (Crúdy) Д. 72–74
 Крузе (Crouze) М. 157
 Крыжановский В. Е. 383
 Крылов А. А. 133
 Крылов И. А. 46–47, 53–54, 70, 178–180, 247
 Крыстева Д. 107
 Крюков А. П. 91
 Кряжевских М. Ю. 102
 Куайе (Coeyer) Г.-Ф., аббат 285–286
 Куделин А. Б. 60
 Кудряшов И. В. 106, 108, 113, 116
 Кузнецов И. С. 82
 Кузнецова Е. А. 341
 Кузьмин Н. В. 113
 Кукольник Н. В. 301–302
 Кукушкина Е. Д. 14
 Кулагин А. В. 82–86, 88–89, 91, 93, 95, 97
 Кулакова Л. И. 181
 Кулыгина А. Г. 101, 104, 106
 Кунарев А. А. 110, 113
 Кунницын А. П. 122–123
 Куприянова Н. И. 91–92
 Курбский А. М. 30, 93
 Кутузов А. М. 16
 Кутузов М. И. 106
 Кушнер А. С. 86
 Кюхельбекер В. К. 93, 131–132, 134, 174, 214–215, 218–220
 Лабутин Д. Ю. 89
 Лавров А. В. 11
 Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. 135, 173–175, 192
 Ла Димери Н. Брикер де (La Dixmerie N. Bricaire de) 162
 Ламартин (Lamartine) А.-М.-Л. де 233–235
 Ла Мотт А. Удар де (La Motte A. Houdar de) 153–154
 Ламуаньон (La Moignon) Р.-К.-О. де 269
 Лангер В. П. 336
 Ланина М. М. 371, 376
 Ланской П. П. 299
 Лапкина Г. А. 219
 Ларетей Г. 324–325
 Ларионова Е. О. 3, 5, 137, 238
 Латор Л. 68

- Ла Турай Ж.-Х. Ларше де, граф 188
 Латуш (Latouche) А. де 231
 Лафонтен (La Fontaine) Ж. де 75, 175, 178—181
 Лахно С. Н. 82
 Лебедева О. Б. 98, 100
 Лебеденко Н. П. 99
 Левин В. Д. 46
 Левин Ю. Д. 251
 Левина Ю. И. 94, 96, 98, 100, 104
 Левинтон Г. А. 164
 Левкович Я. Л. 43, 238, 373
 Легран (Legrand) М.-А. 249
 Ледницкий (Lednicki) В. 27
 Лейбниц (Leibniz) Г. В. 254
 Лекутё Ф. («Фанни») 234
 Леметр де Саси (Le Maistre de Sasi) Л.-И. 187
 Ленин В. И. 331, 355
 Ленкевич Ф. И. 181
 Ленэ (Lainez) А. 146—148
 Леонтьев К. Н. 97
 Лепилова Кв. 93, 99, 104
 Лермонтов М. Ю. 29, 33, 57, 70, 93, 100, 171, 200—201, 313, 340
 Лернер Н. О. 27, 138—139, 191, 222, 240, 264, 317
 Лесков Н. С. 97, 101, 343
 Лесман М. С. 315
 Лессинг Г. Э. 250
 Летурнёр (Letourneur, Le Tourneur) П. 188, 276—277, 288
 Лили И. 98, 101
 Линде (Linde) М.-С.-Б. 260
 Линдси (Lindsay; урожд. О'Дуайер, O'Dwyer) А. 269, 274
 Линецкая Э. Л. 176
 Линь Ш.-Ж. Ламораль де (Ligne Ch.-J. Lamoral de), принц 163
 Липранди И. П. 220
 Листов В. С. 81, 83—86, 92, 98, 102, 106, 108, 110, 112, 114, 116
 Литвин Е. Ю. 309, 311
 Лихоткин Г. А. 181
 Лобанов А. А. 341
 Лобанова А. С. 139
 Лодыгин Ф. М. 374
 Ломоносов М. В. 30, 65, 183, 191, 197, 205, 254—255, 283
 Лопухин И. В. 245
 Лотман Ю. М. 11, 117, 141—143, 171, 173, 264, 274—275, 293—294, 352—354, 368—369
 Лувель (Louvel) Л.-П. 353
 Лужановский А. В. 81
 Лузгин Н. С. 341
 Лузинова И. П. 335
 Луи, заимодавец Цицианова 7
 Лукан, Марк Анней 270
 Лукин В. И. 249
 Лукреция, жена Тарквиния Коллатина 224
 Лукулл, Луций Лициний 265
 Лунц С. А. 80
 Лутохин Д. А. 317
 Львов Н. А. 278—279
 Львова П. Н. 14
 Людовик XIV, король Франции 59
 Люсьи А. П. 40
 Лютер М. 380
 Лямина Е. Э. 18—19
 Магомедова Д. М. 88
 Мазур Н. Н. 207—209, 215
 Майков А. Н. 97
 Майков В. И. 92, 183—184, 202
 Майков Л. Н. 48, 124—125, 191
 Майкова А. А. 219
 Маймин Е. А. 92
 Макаров М. 324
 Маковецкий Д. П. 143
 Макогоненко Г. П. 92, 179, 251
 Малартик де Фонда А. Л. Ф. де 234
 Маликова М. Э. 375
 Малиновский В. Ф. 340
 Малкина В. Я. 86, 90—91
 Мальчукова Т. Г. 305

- Манн Ю. В. 19
 Манолакев Х. 94, 115
 Мануэль да Кошта (Manoel da Costa) К. (Альцест; Alceste) 226—227, 229—230
 Марат (Marat) Ж.-П. 61, 250
 Маргочи И. 79
 Марилия см. Сейшаш-Брандаун М.-Д.-Ж. де
 Мария-Антуанетта, королева Франции и Наварры 161
 Мария Федоровна, российская императрица 201
 Маркиш С. П. 281
 Маркович В. М. 379
 Маро (Marot) К. 174
 Мартынов П. Н. 318
 Массон де Сент-Аман (Masson de Saint-Amand) А.-Н. 153
 Матенова Ю. У. 106
 Маурер Л.-В. 105
 Маяковский В. В. 343
 Медведев П. Н. 315
 Меднис Н. Е. 98, 101—103
 Межаков П. А. 132
 Мейер А. А. 115—116
 Мейлах Б. С. 235, 335
 Мелендес-Вальдес (Meléndez-Valdés) Х. 58
 Меллон (Mellon) Э. 349
 Менезес де Кунья де Люмиарес (Menezes de Cunha de Lumiares) Л., граф 227, 229
 Менипп Гадарский 357
 Меншиков А. С. 33
 Мережковский Д. С. 99
 Меренберг С. Н. 59—60
 Мерзляков А. Ф. 134—136
 Мериме П. 95, 104, 109
 Мёсей Г. 75—76
 Мецдерская Е. Н. 34
 Мецдерская С. С. 246—247
 Мильвуа (Millevoeye) Ш.-Ю. 180, 233, 235
 Мильдон В. И. 95, 97, 101, 105, 111
 Мильчина В. А. 2
 Милоков А. П. 21—23
 Минин К. (Сухорук К. М.) 81
 Михайлов Д. 96
 Михайлова Л. Б. 332, 335, 344
 Михайлова М. В. 311
 Михайлова Н. И. 82, 84—85, 87—88, 92, 103, 105, 172, 248
 Михайловский-Данилевский А. И. 14
 Михельсон В. А. 358
 Мицкевич А. 52, 107, 258—259, 262
 Мишина Т. С. 339—340
 Модзалевский Б. Л. 9, 53, 174, 187—189, 196, 216—217, 245, 257, 266, 277, 319
 Модзалевский Л. Б. 177, 217, 219, 221, 288
 Мозохина Н. А. 104
 Мокрицкий А. Н. 299—302
 Мокульский С. С. 173
 Молчанов П. С. 14—16, 25, 27
 Мольер (Molière) Ж.-Б. 59, 149, 175
 Монглав (Monglave) Э. де 223, 231, 233
 Монтень (Montaigne) М. 343
 Мопассан А.-Р.-А.-Г. де 250
 Мор (More) Х. 246—247
 Мордвинов А. Н. 31
 Мордвинов Н. С. 31
 Моро де Бразе Ж.-Н. 91
 Морозов П. О. 216—217, 222—224
 Морозова Н. П. 333
 Москвина Е. О. 204, 205
 Москвина М. О. 204, 205
 Москвичева Г. В. 80—87, 89—91, 93
 Мостовская Н. Н. 86
 Мохова Т. Н. 332, 336, 344
 Моцарт (Mozart) И. Х. В. А. 56, 83, 86, 92, 97, 99, 361
 Муравьев М. В. 319
 Муравьев М. Н. 181
 Муравьев-Апостол И. И. 220

- Муравьев-Апостол И. М. 41–43, 45, 48–50
- Муравьев-Апостол С. И. 220–221
- Муравьева И. А. 6, 9–10
- Мурадян И. В. 110
- Мурина Н. Д. 371, 376
- Мурьянов М. Ф. 136, 243–244, 247, 296
- Мусий В. Б. 108, 112
- Мусин-Пушкин Александр И. 218
- Мусин-Пушкин Алексей И. 376
- Мусин-Пушкин В. П. 14
- Мусина-Пушкина (урожд. Урсова) М. А. 217–218
- Мусины-Пушкины 376
- Муханов В. А. 20–21
- Нерон, римский император 270, 274
- Нерсиа (Nerciat) А. де 158, 167–168
- Нестор, летописец 31
- Нефедьева А. И. 305
- Нечаев С. Д. 131, 133
- Никишов Ю. М. 95, 97, 101, 103, 106, 108, 110, 116
- Николаева Е. Г. 100
- Николай I, российский император 18, 30, 59, 221, 300
- Никольский В. В. 336
- Никольский С. В. 64
- Ниточкин С. А. 311
- Новиков Н. И. 85
- Норов А. С. 16, 130
- Нутельс О. (Никандрова О. Б.) 341
- Набоков В. В. 44–45, 91, 93, 141, 152, 166, 171, 351, 365–366, 368–371, 374–378
- Надеждин Н. И. 240
- Надъярных М. Ф. 60
- Назарьян Р. Г. 106
- Найт (Knight) Э.-К. 266–270, 272–274
- Наполеон Бонапарт, французский император 12–14, 16–17, 20, 22, 27, 182, 186, 190, 198, 338
- Насибулин Э. Х. 105, 107, 109
- Наумова Ю. 86
- Нащокин П. В. 27, 262–263
- Невский А. Я. 83
- Недзельский Б. Л. 44, 51
- Неклюдова М. С. 174
- Некрасов Н. А. 337–338, 241–343, 345
- Некрасов С. М. 332–335, 338–339, 344–345, 374, 376–379, 381
- Нелединский-Мелецкий Ю. А. 178
- Немировский И. В. 11
- Непомнящий В. С. 119
- Нерико-Детуш (Néricault-Destouches) Ф. 151
- Оберкирх (Oberkirch) Г.-Л. 19–20
- Ободовская И. М. 299
- Оболенская А. Ю. 121
- Овидий Назон, Публий 139, 152–153, 162, 168–169
- Огарев Н. П. 100
- Огонь-Догановский В. С. 263, 266
- Одинцова Е. А. 341
- Озеров В. А. 255, 353
- Оксман Ю. Г. 44, 216, 220, 263
- Октавиан см. Август
- Октавий см. Август
- Оленина (в замуж. Андро) А. А. 339, 357, 377–378
- Олин В. Н. 239
- Ольденбургский П. Г. (К.-Ф.-П.), принц 29
- Онегин (Отто) А. Ф. 103
- Оранский, принц см. Виллем II, король Нидерландов
- Орлов А. Ф. 121
- Орлов М. Ф. 210–211
- Орлов П. А. 181
- Осипова П. А. 217
- Осоргин М. А. 309, 312, 314
- Осповат А. Л. 3, 11, 23

- Осповат К. А. 203
 Отон (Autonne) Ц.-Л. 171–172, 177
 Охотин Н. Г. 164, 182, 315
- Павел I, российский император 19–20, 103, 264
 Павич М. 108, 113
 Павлищева О. С., урожд. Пушкина 7–10, 295, 297–298, 371
 Павлищевы 297–298
 Павлова М. С. 341
 Павлова С. В. 335
 Палицын Авраамий (А. И.) 30
 Паллас (Pallas) П. С. 49
 Панаев И. И. 337–338
 Панаевы 338
 Панин В. Н. 379
 Панин Н. П. 379
 Пантин В. О. 371, 376
 Панфилов А. Ю. 80
 Панченко А. М. 109
 Пардо Басан (Pardo Bazán) Э. 60–62
 Паренаго М. К. 188
 Парни (Parny) Э.-Д. Ф. де 166–167
 Парчевский Г. Ф. 263, 265
 Пастернак Б. Л. 352, 356
 Патерсон (Paterson) Дж. 246
 Пеньковский А. Б. 152
 Перевалова Е. В. 104
 Перепёлкин М. А. 103
 Перзекке А. Б. 112
 Перлина Н. М. 281
 Перфильева Л. А. 84, 86, 88, 103
 Песков А. М. 243
 Пестель П. И. 84, 221
 Петер (Péter) М. 64, 69, 75–78
 Петёфи (Petäfi) Ш. 68, 70
 Петр I Великий, российский император 3, 11–16, 18–28, 61, 82, 89, 111, 190, 379
 Петр III, российский император 361
 Петрарка Ф. 52, 76
 Петрова Г. В. 105
 Петрова Н. Л. 344
- Петроний Арбитр, Гай 270–271, 274, 293
 Пехал Э. 96, 99, 101
 Печерская Т. И. 98
 Пильщиков И. А. 172
 Пименов С. С. 290
 Пиндемонте (Pindemonte) И. 84
 Писарев Д. И. 143
 Писарева М. И. 379
 Питер-Бас см. Петр I Великий
 Пишо (Pichot) А. 155, 189, 277, 288
 Плетнев П. А. 6, 65, 90, 125, 213, 232, 235
 Плешкова О. И. 113
 Плещеевы 381
 Плутарх из Херонеи 276–277, 281–282, 293
 Плюскова Н. Я. 117, 119–121, 124–125
 Погодин М. П. 242
 Погорельский А. (Перовский А. А.) 256
 Подлесный С. В. 295
 Полевой Н. А. 85, 209
 Полежаев А. И. 29
 Поливанов Л. И. 119
 Полозов А. П. 248
 Полонский В. В. 60
 Поляков Ф. Б. 313
 Помпей Магн Пий, Секст 292
 Помпей Великий, Гней 282
 Помпей Младший, Гней 282
 Понслен (Poncelin) Ж.-Ш. 153
 Понта М. 115
 Понятовский К. О. 177
 Попадюк С. С. 84
 Попов А. Н. 14
 Попов А. Н. 130–131
 Попова И. Л. 94
 Попова Н. И. 81
 Попович Т. 112–113, 115
 Поспишил И. 96–97, 99
 Постников Г. П. 339
 Постникова А. Г. 339–340

- Потапова Г. Е. 371, 376
 Потемина Е. И. 86
 Потемкин-Таврический Г. А. 184, 264
 Потоцкий Я. 109
 Поуп (Pore) А. 248
 Почекутова Ю. А. 101, 103, 105
 Пригов Д. А. 112, 116
 Прозоров Ю. М. 370
 Прозорова Н. А. 310
 Прокофьева Н. Н. 137
 Пролет Е. В. 333, 340, 344
 Проскурин О. А. 3, 36, 44–45, 209
 Прохорова И. Е. 94
 Прощин Е. Е. 94, 109, 112, 115–116
 Птолемей I Сотер, царь Египта 286
 Пугачев Е. И. 67, 108, 258, 361, 379
 Пумпянский Л. В. 19
 Путин В. В. 335
 Пушкин Ал. Ал. (1833–1914) 308
 Пушкин Ал. Ал. (1912–1941; Шу-
 рик) 320–326
 Пушкин Ал. Ан. 319–320, 322
 Пушкин Б. И. 296
 Пушкин В. Л. 7, 9–10, 98, 105, 210
 Пушкин Г. А. 322
 Пушкин Гр. Г. 296
 Пушкин Гр. Гр. 100
 Пушкин И. Ф. (Шиш) 296
 Пушкин Л. С. 3, 5–10, 43, 48, 50,
 125, 138, 199, 213, 220, 319–320,
 322, 328
 Пушкин М. С. 296
 Пушкин Н. М. 296
 Пушкин С. Г. 296
 Пушкин С. Л. 7, 10, 220, 297, 300–
 301, 371, 375
 Пушкин Я. С. 296
 Пушкина (в замуж. Ёйги) А. А. 320,
 322–325, 327–328
 Пушкина А. Л. 7, 9–10, 212
 Пушкина (урожд. Чикина) Е. И.
 320–325, 327–328
 Пушкина И. А. 320, 322–323, 325–
 326, 328
 Пушкина М. А. 298
 Пушкина Н. А. 298, 336
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н.
 60, 263, 297–299, 304, 336–337,
 339, 342, 367, 370, 383
 Пушкина Н. О. 297–299, 371, 375
 Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
 Пушкины 61, 295–299, 305, 319,
 322–326, 328, 367, 370–371,
 373–374, 379, 383
 Пуштин И. И. 15, 221
 Пуштин П. С. 221
 Пыпин А. Н. 245–246
 Пятина Р. Д. 179–180
 Пяткин С. Н. 85, 99, 101, 108, 110–
 111, 113, 116
 Рабинянц А. Г. 339–340
 Рабле (Rabelais) Ф. 176–177
 Радищев А. Н. 80, 181
 Раднаи А. 79
 Радод Д. 77
 Радченко М. 104
 Раевская (в замуж. Волконская) М. Н.
 206
 Раевский В. Ф. 139
 Раевский Н. Н. (младший) 143
 Разумовский (Розум) К. Г. 12
 Раич С. Е. 239
 Райт (Wright) Т. 336
 Рак В. Д. 118–119, 188, 371, 376
 Раковская Н. М. 111
 Расин (Racine) Ж. 180, 191–195
 Рассовская Л. П. 137
 Ревидки Д. 69
 Резанов В. И. 145
 Рейнсдорп И. А. 379
 Рейсер С. А. 98, 100
 Рекемчук А. Е. 362
 Реньяр (Regnard) Ж.-Ф. 174–175
 Репин Н. Н. 341
 Рерих Н. К. 340
 Ресенде см. Каштру Ж. Л. ди

- Ретиф де Ла Бретон (Restif de La Bretonne) Н.-Э. 164
- Реформатский А. А. 250
- Рецептер В. Э. 244
- Ривароль А. 232
- Римский-Корсаков В. Я. 380
- Римский-Корсаков Н. А. 97, 380
- Ричардс С. 275
- Ричардсон С. 97
- Роберт (Robert), монах 196
- Рогачевский А. Б. 80–82
- Рогинская О. О. 91
- Родиславский В. И. 149
- Розанов В. В. 111
- Розанов И. Н. 129
- Розе, заимодавец Туманского 9
- Розина И. В. 344
- Романов М. М. 59
- Романова А. Н. 106, 109, 113
- Романовы 59, 367, 370
- Россини Дж. 380
- Ростова Н. В. 115–116
- Ростопчин Ф. В. 15
- Рубец А. А. 335
- Рудаков К. И. 341
- Рудакова С. В. 110, 112–113
- Руденская М. П. 335
- Рудзевич И. 94, 106, 108
- Руднев П. А. 356
- Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 195–196
- Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 122
- Рылеев К. Ф. 70, 210, 221, 253
- Рындовский Ф. М. 133
- Саади 143–144
- Сабанеев П. В. 373
- Сабо (Szaby) Л. 77
- Сабо (Szaby) Э. 70
- Савинков С. В. 85, 99, 103
- Савоськина Т. А. 99, 105, 110, 114
- Савченко Т. Т. 83
- Сад Д.-А.-Ф. де, маркиз 158
- Садовской Б. А. 110–111, 113, 116
- Сазонова Э. Н. 94–95, 100, 104–105, 108, 110, 114, 116
- Саитов В. И. 33, 124
- Сакулин П. Н. 309–311
- Салтыков Н. И. 14
- Сальков Г. В. 339
- Самовер Н. В. 18–19
- Самойлов Д. С. 109, 341, 357
- Самсонов Д. П. 130, 133
- Сандомирская В. Б. 233–235
- Сарычев Я. В. 116
- Саськова Т. В. 97
- Сафо 207–209, 224
- Сафронова Н. В. 100
- Светлов Л. Б. 251
- Светлова М. К. 9
- Свечников В. Б. 366, 371
- Свирина Н. В. 107
- Свифт Дж. 248
- Сгриччи Т. 101
- Севастьянов К. Е. 341
- Седова Г. М. 306, 336–337, 344
- Сейдэш-Брандаун М.-Д.-Ж. де (Марилия; Marilie) 222–224, 226–236
- Селиверстова М. Б. 100
- Семевский В. И. 24
- Сен-Сир Л. де Гувин де 12
- Сенека, Луций Анней 270
- Сенковский О.-Ю. И. (псевд. Барон Брамбеус) 253–262
- Серб (Szerb) А. 76
- Сербинович К. С. 30, 33
- Серков А. И. 18
- Серяков Л. А. 300–301
- Сет В. 84
- Сечени И. 68
- Сеян, Луций Эллиий 267, 271
- Сидоренко В. Г. 340
- Сидяков Л. С. 83, 258
- Сильвестров В. В. 102
- Симанков В. И. 253
- Синцов Е. В. 99, 101, 103, 111–112, 114
- Синцова С. В. 111, 114

- Сипягин Н. М. 373
 Скалигер Ж.-Ж. 254
 Скибин С. М. 137
 Скотт В. 64, 93, 244
 Сливинская С. В. 371, 376
 Слина Э. В. 80
 Слонимская Л. Л. 371
 Смирдин А. Ф. 261–262
 Смирнов А. А. 80, 83–84
 Смирнова А. О., урожд. Россет 103
 Смирнова Л. Е. 343
 Смирнова Н. И. 342
 Смирнова О. Н. 106
 Соболев А. Л. 319
 Соболевский С. А. 3, 5–10, 26–27
 Соколов О. В. 85, 87–89, 93, 102, 105, 107
 Соколов П. Ф. 373
 Соколянский М. Г. 88
 Сократ 272, 357
 Соллогуб В. А. 19
 Соллогуб Над. Л. 373
 Соллогуб Нат. Л. 373
 Соллогуб С. М. 19
 Сомов К. А. 336, 368
 Сомов О. М. 132
 Сорникова М. Я. 88
 Соснина Е. Л. 109
 Софокл 75
 Сошкин Е. 293–294
 Спасский И. Т. 33–34
 Спенсер Э. 355
 Сперанский М. М. 335
 Срезневский В. И. 219
 Сталь (Staël) А.-Ж.-Л. де 208–209, 253
 Старк В. П. 3, 141, 356, 364–384
 Старобинский Ж. 151
 Стахурка М. 94, 99
 Стебенева (Гайворонская) Л. В. 112, 115
 Степанов В. П. 179
 Степанов Л. А. 3, 82, 358–363
 Степанов Н. Л. 179
 Стефан Г. фон 254
 Столянский П. Н. 28
 Страбон 49
 Строганов М. В. 45, 82, 172, 206, 331, 357
 Стронгин Г. Р. 94
 Струговщиков А. Н. 299–300
 Струйский Д. Ю. (псевд. Трилунный) 103, 112
 Ступина Е. В. 381
 Стыкалин А. С. 63
 Суворов-Рымникский А. В. 187
 Сугино Ю. 96, 105, 114
 Сумароков А. П. 65, 178
 Сумароков П. И. 51
 Сурат И. Э. 119
 Сурков Е. А. 80–81
 Суслова Е. В. 115
 Сухих Д. Р. 371, 376
 Сухонин С. С. 127
 Сухотин П. С. 311
 Сю Э. 64
 Таланова А. Н. 102, 105, 110
 Тальберг Е. П. 322
 Тамарченко Н. Д. 88, 91, 94–96, 98, 100, 102, 105, 107
 Тапарелли д'Адзельо М. 269
 Тарковский А. А. 103, 111
 Тархов А. В. 368
 Тархова Н. А. 257
 Тассо Т. 180, 231, 235
 Тацит, Гай Публий Корнелий 267, 270
 Текутьев И. 249
 Телетова Н. К. 371–372, 374–377
 Теплова Н. Е. 90, 92–93, 95–96, 99–100, 104, 108–109, 112, 115
 Терен (Terentius) Я. 78–79
 Терешкина Д. Б. 112
 Тертерян И. А. 56, 222
 Тиберий (Tibère, Tiberius), римский император 266–268, 271, 275
 Тименчик Р. Д. 23

- Тимковский И. О. 212
 Тимон Афинский 293
 Тимофеев Л. М. 80
 Тимофеева Л. А. 359, 370, 372
 Тиртей 65
 Тиханов П. Н. 248
 Тоддес Е. А. 317
 Толди (Toldi) Ф. 64—66
 Толочинский Б. М. 130
 Толстой А. К. 70, 94—95, 100, 198
 Толстой Л. Н. 70, 87, 92, 97, 103, 143, 265, 342
 Толстой Ф. И. (Американец) 209—210, 237—238, 240—241, 263—265
 Томашевский Б. В. 15, 38—39, 42, 46, 124—125, 129, 135, 164, 173, 175—176, 178—180, 209—210, 216—217, 219, 235—236, 238, 275—284, 288, 292—293, 335
 Топоров В. Н. 11, 122
 Торрес, судья 233—234
 Третьяковский В. К. 65
 Трилунный см. Струйский Д. Ю.
 Трифонова Н. А. 107
 Трубецкие 221
 Трубецкой С. П. 221
 Труханенко А. В. 96—97, 108, 114
 Туманский В. И. 52, 133, 177
 Туманский Ф. А. 5—6, 9
 Турбин В. Н. 92, 129, 131, 134, 136
 Тургенев А. И. 25, 30—34, 248, 299, 304—305
 Тургенев И. С. 13, 67, 72, 86, 93, 95, 99—100, 313—314, 329
 Тургенев Н. И. 31
 Тынянов Ю. Н. 113, 175, 214, 317
 Тынянова И. Ю. 223
 Тюркан О. 104
 Тютчева А. Ф. 21
 Удино Н.-Ш. 12, 22, 28
 Улофссон Ч.-М. 99, 104, 111, 114
 Улыбина О. Б. 89
 Улыбышев А. Д. 98, 116
 Ульянов Н. П. 339
 Уртминцева М. Г. 87, 89, 94—95, 97—98, 100—102, 104—105, 107, 109, 111, 113, 115—116
 Урусова М. А. см. Мусина-Пушкина М. А.
 Урусова С. А. 218
 Урусовы 217
 Урхази Д. 68
 Успенский Б. А. 19, 283
 Успенский Г. И. 108
 Ушаков И. С. 107, 109
 Фальконе (Falconet) Э.-М. 11, 14, 19, 21—22, 24, 250
 Фанни см. Лекутё Ф.
 Фаустов А. А. 98, 101—102, 108
 Федоров А. В. 149—150
 Федоров Б. М. 3, 29—35
 Федотов О. И. 107, 112
 Федотова С. Б. 221
 Федута А. И. 266
 Фенелон (де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон) Ф. 180
 Феодорит Кольский 29
 Феодосий Печерский 295—296
 Фет А. А. 259
 Филарет, архимандрит Московский 18, 98
 Филипп II, царь Македонии 59
 Филонов А. Г. 308
 Финкельштейн А. Л. 308, 313
 Фихтер Э. 201
 Флерова Г. В. 340
 Флейшман Л. С. 313
 Флоров А. А. 208
 Фок М. Я. фон 13
 Фокин С. Л. 60—61
 Фокина С. А. 111
 Фомичев С. А. 40, 80—87, 89—91, 93—94, 117—119, 121, 128, 144,

- 179–182, 190, 200, 202, 217, 219,
236, 259, 380
- Фонвизин Д. Н. 249, 251, 255, 285–
286
- Форгач Л. 67
- Фортунатов А. Н. 115
- Фортунатов Н. М. 80–91, 93–94,
96–103, 105–107, 109–115
- Фортунатова В. А. 91–94, 97, 99,
102, 104, 106, 108, 110, 112, 114
- Фрайзе М. 103, 113–115
- Фридлендер Г. М. 379
- Фридкин В. М. 327
- Фридрих II Великий, король Пруссии
13
- Фризман Л. Г. 82, 93, 98, 100, 104,
106, 109, 113, 353
- Фунтик (псевдоним) 111
- Фюретьер (Furetière) А. 156
- Хализев В. Е. 82, 89
- Хандрос Б. Н. 320
- Харламов Е. С. 251
- Хвостов Д. И. 31, 178–179, 241–242
- Херасков М. М. 65
- Хитрова Д. М. 214, 218, 220
- Ходасевич В. Ф. 182, 234, 309–312,
314–315
- Ходяков М. В. 176
- Ходяков О. А. 176
- Холуева Т. Г. 102
- Хорев М. М. 94
- Храповицкий А. В. 14
- Худошина Э. И. 105
- Хуциев М. М. 115
- Хьюз Р. 182
- Цветаева М. И. 111
- Цезарь, Гай Юлий 282, 284, 294
- Цейтлин Р. М. 37
- Цицианов Д. И. 7, 9
- Цицианов Ф. И. 7, 9
- Цициановы 7, 9
- Цици-Швили, Надар, князь 9
- Цоффка В. В. 94, 98, 101, 104, 106–
107, 110, 114
- Цуриков П. Н. 14
- Цыпкин Д. О. 242
- Цявловская (Зенгер) Т. Г. 210, 219,
221, 238, 241
- Цявловский М. А. 6, 27, 119, 126–
127, 216–219, 237–238, 241–242,
308–310, 313, 335
- Чаадаев П. Я. 40–42, 47–50, 206,
221, 237–238
- Чайковский П. И. 85, 105, 139
- Черейский Л. А. 11, 29, 238
- Чернов А. В. 81
- Черняев Н. И. 206
- Черняк Я. Э. 315
- Чеснова Л. А. 102
- Чехов А. П. 69, 80, 96, 101, 103, 105,
108
- Чечик Л. А. 105
- Чижины, купцы 320
- Чириков С. Г. 335
- Чистова И. С. 119, 121, 124
- Чистович И. А. 246
- Чопей (Csorey) Л. 69
- Чудаков А. П. 381
- Чудакова М. О. 203
- Чулков Г. И. 310
- Чумаков Ю. Н. 177–178
- Чуянов С. П. 89, 96
- Чюмина О. Н. 70
- Шавшин В. Г. 42
- Шала (Chalas) П. 223, 231, 233
- Шамарина Е. Л. 333
- Шапир М. И. 37, 169
- Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая,
королева Англии 268

- Шарлотта-Августа, принцесса Уэльс-
ская 268
- Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де
196, 269, 273
- Шатовьё (Châteauvieux) де Люллин,
полковник 236
- Шафранская Э. Ф. 114
- Шварц Д. М. 177
- Шебунин А. Н. 118
- Шевырев С. П. 214, 241–243
- Шекспир (Shakespeare) У. 61, 84, 116,
194, 275–277, 281–282, 287–
291, 293–294, 379
- Шелемова А. О. 108
- Шенье (Chénier) А. 82, 111, 125, 127,
222, 225–226, 230–237
- Шенье (Chénier) М.-Ж. 232
- Шёпфлин А. 72
- Шереметевский В. П. 16
- Шершеневич В. Г. 313
- Шестов Л. И. 314
- Шилов Д. Н. 18
- Шильдер Н. К. 20
- Ширак Ж.-Р. 108
- Шиш И. Ф. см. Пушкин И. Ф.
- Шишков А. С. 31, 53–54, 210
- Шляпкин И. А. 219
- Шмид В. 88
- Шодерло де Лакло (Choderlos de La-
clos) П.-А.-Ф. 158
- Шолохов С. Л. 244–245
- Шоу (Show) Дж. Т. 46
- Шпет Г. Г. 309, 311
- Шрага Е. А. 102
- Штань И. В. 341
- Штиглиц А. Л. 341
- Шустов М. П. 99, 102, 106–107,
110–111
- Шухаев В. И. 116
- Щанникова Е. С. 341
- Щеголев П. Е. 127, 316–317
- Щедрин Ф. Ф. 290
- Щепеткова И. А. 333, 336, 339–340
- Щербаков С. А. 330
- Щербаков С. С. 330
- Щербатова Е. Г. 371
- Эзоп 181
- Эйдельман Н. Я. 216
- Эйнсворт (Ainsworth) Р. 272
- Энгельгардт А. В. 378
- Энгельгардт Е. А. 138, 336, 340, 378
- Энгельгардт Л. Н. 264–265
- Энгельгардт М. Я. (Л.-М.) 336
- Эпштейн С. Н. 81
- Эсменар (Esménard) Ж.-А. 189
- Эткинд Е. Г. 191, 240
- Эфрос А. М. 109, 313
- Эшенбург И. И. 136
- Ювенал, Децим Юний 360
- Юденич Н. Н. 319, 321
- Юзефович М. В. 320
- Юзефович М. И. 142
- Юнг (Young) Э. 188
- Юрьева И. Ю. 187, 197, 305
- Юсупова З. И. 29
- Юхнова И. С. 93, 95, 101, 103, 106,
109–110, 113, 115
- Языков А. М. 29, 31
- Языков Н. М. 113, 116, 130–131,
186–187
- Якименко О. А. 63
- Якобсон Р. О. 355
- Яковлева А. Р. 61, 381–382
- Якубович Д. П. 219
- Якубович Л. А. 108
- Якушкин В. Е. 307–308
- Янкович де Мириево И. Ф. 250–251
- Янушкевич А. С. 98
- Ярослав I Мудрый, великий князь Ки-
евский 375
- Яхонтов А. Н. 112, 116, 301

- Alcée *см.* Альваренга Пейшоту И.-Ж. ди
Alceste *см.* Мануэль да Кошта К.
Alvarenga *см.* Альваренга Пейшоту И.-Ж. ди
Anacréon *см.* Анакреон
Auguste *см.* Август
Augustus *см.* Август
- Bandeira *см.* Бандейра
Barbacena *см.* Барбасена, Л. А. Фуртадо де Кастро до Рио Де Мендонса де
Bély L. 158
Béranger *см.* Беранже П.-Ж. де
Bethea D. M. *см.* Бетеа Д.-М.
Boudon J.-O. 14
Burette T. 169
- Cadell T. 267
Campan J.-L.-H. 161
Campbell J. 192
Campenou 200
Caresme 169
Carpentier L.-J.-M. 180
Charpuyzi 169
Charpentier J.-P. 169
Chastopalli A.-E. *см.* Пишо; Salle E. de
Chateaubriand F.-R. *см.* Шатобриан Ф.-Р. де
Châteauvieux *см.* Шатовьё де Люллин
Coquerel A. 192
- Davies W. 267
Desboulmiers *см.* Жюльен Ж.-О.
Desprès 200
Dew B. 267
Dornier C. 157
Dosztojevskij F. *см.* Достоевский Ф. М.
Duchesne A. 272
- Ermerin R. I. 9
- Fabre A.-L. 175
Foster E. S. 181
- Glauceste *см.* Бандейра
Goldzink J. 159
Gonzaga T.-A. *см.* Гонзага Т.-А.
Gossip C.-J. 192
Gourard P. 190
- Hèguin de Guerle 169
Hongnant C. R. 156—157
Hours B. 157—158
Houtteville, l'abbé 157
- Illyés G. *см.* Ийеш Д.
- Jaszowski St. 97
Johnson S. *см.* Джонсон С.
Jones M. G. 246
Jullien J.-A. *см.* Жюльен Ж.-О.
- Kahn A. 11
- Landon C. P. 208
La Suze H. de Coligny, comtesse 168
Lászlo I. 69
Lavater L. 156
Lenoir, vicomte 200
Loubure S. 151—152
Louvet de Couvray J.-B. 157
Ludwig C. 156
Lumières 151—152
- Mangear 169

- Marlie *с.м.* Сейцаш-Брандаун М.-Д.-Ж.
 де
 Mathe-Haupt G. 77
 Manoel da Costa C. *с.м.* Мануэль да
 Кошта К.
 Maza S. C. 252
 Menezes de Cunha de Lumiares L. *с.м.*
 Менезес де Кунья де Люмиарес Л.
 Meyer P. 19
 Mitchell K. 267
 Monforte R. 55–56
 Monperlier 167–168
 Montbrison L. de 20

 Nougaret P.-J.-B. 151–152

 Palmer A. 14
 Parsons N. 267
 Pelisson P. 168
 Pesonen P. 11
 Pichot A. *с.м.* Пишо А. С.
 Planche J. 180
 Pompadour J.-A. Poisson de, marquise
 161
 Preisig F. 174
 Price F. 267

 Racine J. *с.м.* Расин Ж.
 Reed I. 288
 Réveil 272
 Resende *с.м.* Каштру Ж. Л. ди
 Roston M. 204

 Saint-Beuve Ch.-A. 174
 Salle E. de 155
 Schenker A. 11
 Seebohm B. 17
 Shanzer G. O. 55
 Steevens G. 288
 Sturm E. 158
 Szöke K. 78

 Tennyson A. 201

 Vernadé 169

 Wilson E. 93
 Wood D. 269

 Zöldhelyi Z. *с.м.* Зельдхей Ж.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон...») 178–183, 185–187, 189–191, 193, 195, 197–205

Александр Радищев 114

Альманашник 238

Анджело 81, 84

Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир...») 82, 125–127, 222, 225–226, 230–237

Анчар («В пустыне чахлой и скупой...») 83, 104

<Арап Петра Великого> 70, 82, 218–219, 306, 317, 347, 380–381

«Ах, тетушка, ах, Анна Львовна!...» 7, 9–10, 212

Барышня-крестьянка 84, 96, 100

Бахчисарайский фонтан 29, 36–41, 43, 47–48, 50–51, 65, 94–95, 103, 110, 362

Бова («[Народ ки <пит>], гремят народны клики...») 102

«Бог веселый винограда...» 138

Борис Годунов 36–37, 56, 69, 79, 85, 89, 95–96, 103, 116, 125, 138, 281

«Брови царь нахмурия...» 110

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 93

Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он, три литвина...») 253, 256–259, 262

Буря («Ты видел деву на скале...») 206–209

«Был и я среди донцов...» 109

«Была пора: наш праздник молодой...» 113, 182, 338

«В крови горит огонь желанья...» 225

Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?...») 129, 131–132, 134–139

«Вертоград моей сестры...» 225

«Вновь я посетил...» 340

Воевода («Поздно ночью из похода...») 109, 257–259, 262

<Возражение критикам «Полтавы»> 82
<Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»> 218
«Волненьем жизни утомленный...» 378
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей...») 123
Воображаемый разговор с Александром I 182
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») 305
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») 283
Выстрел 67, 82, 86, 95–96, 106, 140

Гавриилиада 107, 145, 292
Герой («Да, слава в прихотях вольна...») 83, 106
«Голос истинной критики...» 102
Городок («Прости мне, милый друг...») 174
«Гости съезжались на дачу...» 52
Граф Нулин 70, 93, 112, 218, 224, 379
Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи...») 224
Гробовщик 78, 99, 112
Гусар («Скребницей чистил он коня...») 257

«Дар напрасный, дар случайный...» 116
Два любопытные документа о Пугачеве см. История Пугачевского бунта
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») 335, 341
19 октября. 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...») 154, 305
Демон («В те дни, когда мне были новы...») 95, 99, 236
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 123
Домик в Коломне 81–82, 88, 101, 110, 112, 140, 375
Друзьям («Вчера был день разлуки шумной...») 152
«Дубравы, где в тиши свободы...» 120
Дубровский 86, 115

Евгений Онегин 27, 29, 32, 36, 44–45, 51, 57, 62, 64, 66–70, 72–79, 81–88,
91–96, 98–106, 108, 110–116, 139–150, 152, 157–159, 161–167, 169–174,
176–177, 210, 214, 216–218, 221, 248, 263, 264, 275, 338–340, 351–357,
359, 361, 362, 366, 368–369, 371, 373–375, 381–384
Египетские ночи 66, 97, 98, 101, 138, 224, 275, 276, 360
Езерский 202–203

Жених («Три дня купеческая дочь...») 102
Жив, жив, Курилка! («Как! жив ещё Курилка журналист?») 213
«Жил на свете рыцарь бедный...» 379

- «Завидую тебе, питомец моря смелый...» 365, 373
 Записки бригадира Моро-де-Бразе 91
 Записки молодого человека 215—216, 219—221
 «Зачем печаль ее гнетет?...» с.м. «Мы проводили вечер на даче...»
 «Земля и море» («Когда по синеве морей...») 84
 «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...») 104
- «И вот уже сокрылся день...» 98, 224, 275—279, 282—287, 290—291, 294
 <Из автобиографических записок> 87, 218
 Из Ариостова «Orlando Furioso» («Пред рыцарем блещит водами...») 218, 225
 <Из Вольтера> («Короче дни, а ночи доле...») 225
 Из Ксенофана Колофонского («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...») 258
 Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права...») 84
 <Из письма к Великопольскому> («С тобой мне вновь считаться довелось...») 82, 361, 378
 История Петра 379
 История Пугачева с.м. История Пугачевского бунта
 История Пугачевского бунта 108, 258, 379
 История села Горюхина 108, 109, 113
- К** *** («Я помню чудное мгновенье...») 91, 108, 113
 К Б <атиюшк>ову («Философ резвый и пиит...») 138
 К вельможе («От северных оков освобождая мир...») 283, 286
 К Вяземскому («Так море, древний душегубец...») 289, 294
 К ней («Эльвина, милый друг! Приди, подай мне руку...») 119, 120
 К Н. Я. П <люсковой> («На лире скромной, благородной...») 117—122, 124—125, 127—129, 283, 330
 К Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа...») 120—121
 Кавказский пленник 39, 65, 114, 213
 «Как печатью безымянной...» («Как сатирой безымянной...») 241—242
 Каменный гость 83, 89, 94, 111, 114, 148—149, 347, 361—362
 Капитанская дочка 56, 66—67, 70, 76, 82, 88, 91, 94—95, 97, 100—101, 104, 106, 108, 110, 114—115, 360—361, 379
 Кипренскому («Любимец моды легкокрылой...») 62
 Кирджали 258
 Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?...») 182, 343
 Клеопатра («Чертог сиял. Гремели хором...») 98, 138, 224, 275—278, 281—282, 292, 360
 Кн. Г <олицын>ой. Посылая ей оду «Вольность» («Простой воспитанник природы...») 123
 «Когда владыка ассирийский...» 317

«Когда порой воспоминанье...» 114, 216
Козак («Раз, полунощной порою...») 88
<Комедия об игроке> 363
Красавица («Все в ней гармония, все диво...») 257–258
«Кто видел край, где роскошью природы...» 38–39, 45, 50
«Кто знает край, где небо блещет...» 216–218

«Люблю ваш сумрак неизвестный...» 8, 10
«Любовь одна — веселье жизни холодной...» 354

Маленькие трагедии 80–81, 93, 104, 108, 116, 258
Мальчику. (Из Катутла) («Пьяной горечью Фалерна...») 138
Медный всадник 11, 13, 15–16, 19, 21–28, 66, 77, 78, 82, 85, 87, 91–92, 96,
99, 105, 112–115, 258, 289, 355
Метель 55, 57, 68–69, 85, 110, 114, 140
«Мне изюм...» 112
«Мой друг, уже три дня...» 340
Монах («Хочу воспеть, как дух нечистый ада...») 92, 176
Моцарт и Сальери 56, 83, 86, 91, 92, 97–99
Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом...») 91, 383
«Мы проводили вечер на даче...» 98, 224, 279–287, 290–292

Н. Н. («Примите “Невский Альманах”...») 373
На Великопольского («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...») 82, 361
На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой
о колено...») 382
На статую играющего в свайку («Юноша, полный красоты, напряженья, усилия
чуждый...») 382
<Наброски к замыслу о Фаусте> 225
«Наперсница волшебной старины...» 382
Наполеон («Чудесный жребий совершился...») 182
Наполеон на Эльбе («Вечерняя заря в пучине догорала...») 182
«Насилу выехать решились из Москвы...» 361, 363
Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить...») 225
«Не пой, красавица, при мне...» 107

<О втором томе «Истории русского народа» Полевого> 85
«О дева-роза, я в оковах...» 224
«О муза пламенной сатиры...» 210–213
О народном воспитании 218, 221

О Сальери 101
Опровержение на критики 140
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 216
Орлову («О ты, который сочетал...») 121, 219
Осень («Октябрь уж наступил...») 93, 339, 382
Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Александровны см. К Н. Я. П<люсковой>
Отрывок из письма к Д<ельвигу> 41–43, 47–50, 98
Отрывок из сказки «Царь Никита» («Царь Никита жил когда-то...») 164
«Отцы пустынноики и жены непорочны...» 365, 373

Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
<Папесса Иоанна> 361, 363
Песни западных славян 97, 257
Песнь о вещем Олеге («Как ныне сбирается вещий Олег...») 87
Пиковая дама 66, 68, 78, 87–88, 95, 98–108, 111–115, 258, 263–266, 347
Пир во время чумы 79, 81, 84, 106, 110, 112, 293, 362
Повести Белкина 81, 94–96, 99, 103, 105, 110, 112, 114–116, 216, 347, 375–376
<Повесть из римской жизни> («Цезарь путешествовал...») 266, 269–273, 293
<Повесть об игроке> 263
«Погасло дневное светило...» (1820) 107, 217, 356
Подражания древним 258
Подражания Корану 225
Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...») 83, 90, 95, 365, 373
Полтава 82, 190, 197, 234, 319, 322, 382
«Пора, мой друг, пора! [Покою] сердце просит...» 332
Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру...») 82, 361
Послание к к<н>. Горчакову («Питомец мод, большого света друг...») 121
Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...») 339, 345
Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...») 106
«Пред испанкой благородной...» 82
Предчувствие («Снова тучи надо мною...») 357, 377–378
Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром...») 187
Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова...») 209–213
Пророк («Духовной жаждою томим...») 92, 225, 241–243, 305, 373
Птичка («В чужбине строго наблюдаю...») 103
Путешествие в Арзрум 114
Путешествие из Москвы в Петербург 98

Разговор книгопродавца с поэтом 70
<Роман в письмах> 87

Русалка 56, 90, 113

Руслан и Людмила 65, 80, 97, 100, 102, 341, 354

С португальского. Gonzago («Там звезда зари взошла...») 222–223, 226, 233–237

«Сам съешь. Сим выражением...» с.м. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

Сафо («Счастливый юноша, ты всем меня пленил...») 224

«Свободы сеятель пустынный...» 373

«Сводня грустно за столом...» 218

«Седой Свистов! ты царствовал со славой...» 239–240

«Сии вымыслы не чужды поэзии...» с.м. <Возражение критикам «Полтавы»>

Сильвио с.м. Выстрел

Сказка о золотом петушке 94, 100, 106, 116, 257, 291

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 107, 114, 257, 260

Сказка о рыбаке и рыбке 92, 102, 106, 257

Сказка о царе Никите с.м. Отрывок из сказки «Царь Никита»

Сказка о царе Салтане 382

Сказки 99, 107, 110, 339

Скупой рыцарь 56, 101, 225, 243–245, 247, 252–253, 362

«Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров...» 258

«[Словесность русская больна...]» 213–215

Слово о Ломоносове с.м. Путешествие из Москвы в Петербург

Собрание насекомых («Мое собрание насекомых...») 238–240

Стансы («В надежде славы и добра...») 92

Станционный смотритель 78, 80–81, 94, 101, 107, 110, 216, 380

Старик. (Из Марота) («Уж я не тот философ страстный...») 174

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы («Мне не спится, нет огня...») 104

Сцена из Фауста 150, 160

Сцены из рыцарских времен 84, 115, 379

«Так море, древний душегубец...» с.м. К Вяземскому

«Там у леска, за ближнею долиной...» 219

«Твои догадки — сущий вздор...» 237–242

«Темная, знойная ночь объемлет африканское небо...» с.м. «Мы проводили вечер на даче...»

«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» 212

Торжество Вахха («Откуда чудный шум, неистовые клики?...») 120, 137–138

Туча («Последняя туча рассеянной бури!...») 191, 258

Фавн и пастушка. Картины («С пятнадцатой весною...») 138

Фиал Анакреона («Когда на поклоненье...») 138

Царское Село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений...») 219
Цыганы 36—40, 70, 74, 76, 186, 223—224, 357

Ч<аадае>ву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 237—238, 240—241

Ч<аадае>ву («К чему холодные сомненья?...») 40—42, 47—50, 206

«Часто думал я...» 81

Черная шаль. Молдавская песня («Гляжу, как безумный, на черную шаль...») 213

«Что в имени тебе моем?...» 336

Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 258

Эпитафия младенцу («В сияньи, в радостном покое...») 80

Эпитафия на Николая Волконского см. Эпитафия младенцу

«Я был свидетелем златой твоей весны...» 224

«Я вас любил; любовь еще, быть может...» 102, 339

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 45, 84, 86, 335

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. О. Ларионова. Письмо А. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г.	5
А. Л. Осповат. Вокруг да около ожившей статуи. Из комментария к «Медному всаднику», 3	11
А. А. Костин. Стихи Б. М. Федорова на смерть Пушкина	29
Олег Проскурин (США). Из наследия Винокура-пушкиниста	36
Г. О. Винокур. Из комментариев к Пушкину	47

II. ОБЗОРЫ

А. Г. Волховская. Особенности восприятия личности и творчества Пушкина в 1840—1880-е годы в Испании	55
О. А. Якименко. К вопросу о рецепции Пушкина в венгерской литературе XIX—XXI вв.	63
Содержание сборников «Болдинские чтения» (1990—2015). Составил С. А. Луцк	80

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. Г. Готовцева. Стихотворение А. С. Пушкина «К Н. Я. П<люсковой>». К проблеме читательского восприятия	117
А. С. Лобанова. Поэтический контекст «Вакхической песни» ..	129
С. А. Фомичев. О хронологии романа «Евгений Онегин»	139
Андрей Добрицын (Швейцария). Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине»	145
Е. В. Душечкина. Из комментария к «Отрывкам из путешествия Онегина»	170
Е. В. Кардаш. Стихотворение Пушкина «Аквилон». К вопросу об историко-литературном контексте	178
А. С. Бодрова. Из комментариев к михайловским стихам Пушкина	206
1. «Буря» («Ты видел деву на скале...»)	206
2. «Прятелям» («Враги мои, покамест я ни слова...»)	209
3. «[Словесность русская больна...]»	213
С. Б. Федотова. О датировке «<Записок молодого человека>»	215
М. Н. Виролайнен, Н. Л. Дмитриева. Португальский Андрей Шенье	222

Н. А. Карпов. К вопросу о датировке и адресате эпиграммы «Твои догадки — сущий вздор...»	237
Виталий Симанков (США). К вопросу об ономастическом противоречии в «Скупом рыцаре»	243
В. А. Кошелев. Пушкин, Барон Брамбеус и «полячка младая»	253
Александр Федута (Беларусь). Еще раз об образе игрока в «Пиковой даме». Об одном из возможных прототипов Чека- линского	263
Стефани Ричардс (США). Источник пушкинской «<Пове- сти из римской жизни>». Перевод с английского П. В. Бояр- киной под редакцией А. А. Долинина	266
Евгений Сошкин (Израиль). Земные боги. Мотивы «Анто- ния и Клеопатры» в пушкинских фрагментах 1835 года	275
Г. М. Седова. «Избавление от бед страждущих» (о некоторых иконах пушкинского рода)	295
А. Л. Соболев. Еще раз к вопросу о «Скрижали Пушкина» М. О. Гершензона	306
Сергей Гаврилов (Эстония). «Несчастные нарвские бегле- цы...». Потомки Льва Сергеевича Пушкина в Эстонии	319
М. В. Строганов. Пушкин в Баден-Бадене	329

IV. ХРОНИКА

Р. В. Иезуитова, А. Ю. Грязнова. Всероссийский музей А. С. Пушкина. Санкт-Петербург (2008—2012)	332
Виктория Кононова (США). Пушкинский летний институт для старшеклассников (Висконсинский университет, г. Мэди- сон, США), 23 июня — 1 августа 2014 г.	346

V. IN MEMORIAM

М. В. Строганов. В. С. Баевский-пушкинист	351
С. А. Фомичев. Вспоминая Льва Степанова	358
Работы Л. А. Степанова о Пушкине. Составила Л. А. Тимо- феева	359
Ю. М. Прозоров. Памяти Вадима Петровича Старка	364
Пушкиноведческие работы В. П. Старка. Составила Л. А. Ти- мофеева	370
Условные сокращения	385
Summary	386
Указатель имен	425
Указатель произведений А. С. Пушкина	446

Согласно Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 14 лет»

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 32

Сборник научных трудов

*Утверждено к печати Пушкинской комиссией
при Историко-филологическом отделении
Российской Академии наук*

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*

Корректор *А. С. Лобанова*

Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Сдано в набор 15.10.2015. Подписано к печати 11.09.2016.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Академическая.

Усл. печ. л. 28,5. Тираж 300 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Росток»

E-mail: rostokbooks@yandex.ru

По вопросам оптовых закупок

обращаться по тел.: (812) 937—98—70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12